Министерство образования Республики Беларусь
УО «Полесский государственный университет»

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК 6

сборник научных статей

под редакцией
канд. ист. наук, доц. Р. Гагуа

Пинск
2022

УДК 94(4)+902+008
ББК 6/8
Г 72

Редакционная коллегия:
Валерий Дунай, кандидат биологических наук, доцент
Ирина Чикалова, доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Мигун, кандидат исторических наук, доцент
Вячеслав Лозицкий, кандидат педагогических наук, доцент
Руслан Гагуа, кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты
кандидат психологических наук, доцент Е.Б. Микелевич
кандидат экономических наук, доцент И. М. Зборина

Г 72 Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей, УО ”Полесский государственный университет“, Пинск 25 февраля 2022 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2022. – Вып. 6. – 362 с

ISBN 978–985–516–719–9

В шестом выпуске сборника представлены статьи по материалам прошедшей в Пинске 25–26 февраля 2022 года конференции «Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе».

Сборник может представлять интерес для всех интересующихся историей и культурой европейских государств.

УДК 94(4)+902+008
ББК 6/8

ISBN 978–985–516–719–9

©Полесский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Валерия Богатырева
Поэзия Фридриха Ницше в контексте культуры рубежа XIX–XX веков…… 10
Сяргей Мяньчэня
Часопіс «Саха» і яго роля ў папулярызацыі сельскагаспадарчых ведаў ў Беларусі (1912–1915)…….. 13
Ірына Шматкова
Беларускія паэтэсы – выпускніцы БДУ…….. 16
Вольга Жылевіч
Філасофска-алегарычны раман К. Чорнага: праблема свету и чалавека…….. 21

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ли Чан
Этнонациональные фестивали как восточноевропейское пространство межкультурной коммуникации: теоретико-методологический аспект…….. 25
Наталья Савченко
Персоналистские партии в Италии……... 29
Ольга Сидоревич
Карнавальная культура Средневековья…… 34
Павел Хренов
«Die kulturelle Eroberung Europas»: история становления германского ориентализма в европейской культуре Нового времени (XVII-XVIII вв.)……. 36
Егор Лебедевский
«Белорусская карта поляка». Возможности будущего Беларуси……. 39
Аляксей Крывалап
Алгарытмізацыя сацыяльных камунікацый як выклік прыватнасці…… 41
Владимир Миськевич
Социально-политические и историко-культурные предпосылки формирования европейских наций……. 44
Андрей Саликов
Стратегические приоритеты и содержательные направления реализации социокультурного потенциала молодежи Республики Беларусь и Российской Федерации…….. 48
Виктор Юдин
Учащаяся молодежь среди тереграмм-каналов, блогеров и социальных сетей….. 51
Александр Смолик
Теоретико-методологические подходы к определению сущности и содержания фольклорного театра восточнославянских этносов…… 53
Цзя Ляльна
Pablic-private patership как эффективный механизм развития социокультурной сферы Европы: опыт применения в Китае…….. 57

Хуан Ичэн
Туристическая индустрия европейских стран и Китая:
сравнительно-аналитический аспект…… 61
Лу Ся
Скоморошество как феномен традиционной культуры Восточной Европы…….. 64
Руслан Гагуа
Проблема темпоральности в исповедальном слове Аврелия Августина…… 68

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ И ПРЕПОДАВАНИЮ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Анна Горанина
Отношение к советскому прошлому среди молодёжи…….. 72
Александр Корзюк
Европа – США: подходы к восприятию и самовосприятию в исторических исследованиях и преподавании истории (середина XX – начало XXI в…… 76
Вячеслав Лозицкий
Педагогические условия формирования и развития информационной компетентности студентов учреждения высшего образования…… 82
Анна Манкевич
Методологические подходы к исследованию китайского языка в странах Европы: текущее состояние и новые достижения…… 85
Ирина Гориш
Реализация системного подхода в процессе преподавания дисциплины «Философия бизнеса»…… 88
Svetlana Miziakina
The structure of the tutorial "philosophy and methodology of science" from the system approach perspective…… 91
Артем Приборович
Цифровая репрезентация информации о Великой Отечественной войне: от частного к общему……. 94
Светлана Гагуа ; Руслан Гагуа
Воспитание гражданственности и патриотизма у детей дошкольного возраста…… 97
Александр Литвинский
Интерпретация термина «славяне» в контексте исследования их происхождения (конец XX – начало XXI века)…….. 100
Сергей Панов
Современные факторы развития школьного исторического образования в Республике Беларусь…….. 104
Иван Посохин
Политическая лингвистика и анализ медиадискурса в актуальных публикациях словацких русистов……. 107
Наталья Аксенчик
Функционирование информационно-образовательной среды учреждения высшего образования при преподавании гуманитарных дисциплин……. 110
Ирина Толкач
Жизненные ценности студентов технического профиля…….. 112

Марина Шульга
Структура перфекционизма студентов с разными учебными стратегиями…… 115
Ольга Зинович
Информационная культура современного педагога как фактор повышения качества обучения…….. 118

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Павел Жабинский
Кремневый инвентарь памятников Краснасельский-11 и Краснасельский-12…… 122
Олег Лицкевич
Первые договоры Великого княжества Литовского с Ливонией (1253–1323 ГГ.)…… 124
Юрий Лущай
Датировка грамот № 91 и 112 по пожалованию и размежеванию земель в Новгороде……. 128
Андрэй Самусік
Усталяванне Езуіцкага ордэну ў Польшчы і ВКЛ (да пачатку 1570-Х ГГ.)…… 130
Людміла Мікалаева
Адлюстраванне праблемы польска-літоўскай уніі ў творчасці Іаахіма Лелявеля…….. 134
Никита Каспер
Результаты антропологического исследование костных останков из раскопок 2011 года на территории Борисо-Глебской церкви (Гродно)……. 137
Міхаіл Лашанкоў ; Уладзімір Лябедзька ; Алена Касюк ; Паліна Курловіч ; Вікторыя Тарасевіч
Батанічныя дамешкі ў кераміцы пражскай культуры з паселішча Востраў на поўдні Беларусі…… 141
Даниил Пясецкий
Проблема титула «supremus dux lithianiae» в истории Великого княжества Литовского до 1413 г…… 147
Никита Радченко
Роль первых Олельковичей в истории ВКЛ…… 151
Аляксандр Гаршкоў ; Алена Касюк
Вынікі археалагічных даследаванняў у ваколіцах г.п. Лагішын Пінскага раёна Брэсцкай вобласці ў 2020 годзе……. 154
Юрий Бородин
Узаемасувязі беларускай і скандынаўскай культуры ў IX-XI стст…….. 159

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Владислав Арцукевич
Отношения Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с Германским миром в оценке М.К. Любавского: обзор тематики…… 163

Кирилл Довматович
Правотворчество сейма Великого княжества Литовского: от Сигизмунда Старого к Сигизмунду Августу…… 167
Екатерина Ирха
П.Н. Жукович: основные этапы научной деятельности…… 170
Віталь Кірыленка
Soft power імперыі: да пытання пра спецыфіку расійскай аграрнай палітыкі на беларускіх землях апошняй чвэрці XVIII – пачатку XIX ст……. 174
Геннадий Васюк ; Екатерина Ирха
Подготовка кадров католического и униатского духовенства в Виленском университете в первой трети XIX в. в трудах П. Н. Жуковича……. 176
Михаил Губко
Тадеуш Рейтан. белорусский Дон Кихот……. 181
Рафаэл Траскевич
3-я кавалерийская дивизия Думерка в сражении на правом берегу Березины в Войне 1812 года…….. 185

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН. ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Игорь Змитрович, Александр Хованский
Народно-освободительная армия Югославии на завершающем этапе Второй мировой войны (ноябрь 1944 – май 1945 г.)…… 189
Кірыл Ананька
Беларускія гімназіі ў Заходняй Беларусі: сучасная айчынная гістарыяграфія праблемы……. 192
Андрей Бодак ; Елена Бурик
Первые послевоенные выборы в верховный совет БССР 9 февраля 1947 г. Ход и организация. На примере Малоритского района Брестской области…….. 196
Людмила Гавриловец
Основные направления сотрудничества Польши и ФРГ в первые годы после объединения Германии…….. 199
Аляксандр Горны
Легальныя формы дзейнасці ў беларускім нацыянальным руху ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)……. 202
Олег Казак, Артем Середа
Западнополесское этнокультурное движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) в оценках его критиков и оппонентов……. 206
Ирина Ковяко
Изучение германского вопроса 1945–1990 гг. в англо-американской историографии: геополитический подход…… 210
Андрей Кручковский, Тадеуш Кручковский
«Вспульнота польска» и ее взаимодеятельность с польскими национально-культурными общественными объединениями в Беларуси в 90-е годы XX века как элемент проявления «мягкой силы»……. 214
Віталій Крывуць
Нацыянальнае пытанне ў ідэалогіі і практыцы саюза сельскай моладзі – Саюза маладой вёскі…… 217

Вячеслав Лозицкий, Марина Шелест
Репатриация остарбайтеров Пинщины после окончания Второй мировой войны……. 221
Дмитрий Мигун
Источниковедческая база белорусско-германских связей межвоенного периода…… 224
Вольга Тумін
Кадравае забеспячэнне ўрачамі і сярэднім медперсаналам у медыцынскіх установах у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд……. 227
Aleksander Chawanski
Republika Serbska, Rosja i Serbia w czasie kryzysu w Bośni i Hercegowinie w latach 1992–1995…… 230
Белла Ночвина
Современная энергетическая стратегия ФРГ и вызовы безопасности стран ЦВЕ……. 234
Міхаіл Цуба ; Ганна Цуба
Дзейнасць беларускіх жанчын у гады Першай сусветнай вайны…… 237
Елена Дьякова
Первый год войны в жизни И.И. Якубовского…… 243
Сяргей Ісакаў
Жыццё Пінска падчас Польска-савецкай вайны ў 1919–1921 гг…….. 247
Вячеслав Иванов
Борьба разведгруппы «Саша». Взаимодействие северо-кавказского фронта с партизанами и подпольщиками нижнегорского и белогорского районов Крыма в 1943–1944 гг…… 250
Илья Тельпук ; Евгений Розенблат
Формирование внешних границ города Лунинца в 20-е годы XX века……. 255
Майя Мартен
Проблема Северной Ирландии в подготовке и реализации «брексита»…….. 258
Андрей Буневич
Подвиги бойцов Красной армии в боях за освобождение Лунинецкого района…….. 264
Михаил Довгялло
Сербско-итальянские отношения и адриатический вопрос в начале Первой мировой войны и на Парижской мирной конференции…… 267
Ганна Касяноўская
Сістэма медыцынскага абслугоўвання насельніцтва мястэчак Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гг…….. 271
Алексей Ковтун
Экономическое развитие Гродно на довоенном этапе советизации Западной Белоруссии (сентябрь 1939 июнь 1941 гг.)……..... 276
Александра Крупко ; Полина Маталыцкая
Центральная и Восточная Европа накануне и в годы Первой и Второй мировых войн. Послевоенная судьба европейских государств…… 282
Татьяна Буевич
Основные источники формирования предложения на белорусском рынке потребительских товаров в период проведения «новой экономической политики» (1921 – 1928 гг.)…… 286
Анатолий Сальков 291

Проблема Западной Фракии в международных отношениях на Балканах и болгаро-греческих противоречиях (март – июнь 1941 г.)…….
Юлия Бахир
Опыт шефской работы общества Красного Креста БССР с уязвимыми категориями населения……. 295
Оксана Харченко
Религиозная политика советской власти на территории западных областей Беларуси (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): историографический анализ проблемы……. 298
Олег Лашицкий
Подпольная и партизанская деятельность бывших узников минского гетто в воспоминаниях и свидетельствах…….. 303
Елена Обухова
Репрезентация истории великого княжества литовского в нумизматике стран восточной европы в 1991–2021 гг…….. 312
Анна Джумалиева
Значение и перспективы реализации минских соглашений……. 317
Екатерина Шедько
Отношения Республики Беларусь с Республикой Украиной по линии еврорегионов……. 323

ЭТНОГРАФИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Вадзім Жылко
Гісторыя і сучасны стан краязнаўства ў Лунінецкім раёне…… 327
Елена Игнатюк
Вклад Александра Ильина в исследование Белорусского и Украинского Полесья……. 330
Ірына Хамутова
Лакальныя асаблівасці заходнепалескай каляднай абраднасці на прыкладзе давыдгарадоцкага абрадавага комплексу «конікі»……. 336
Ірына Бачыла
На ніве айчыннай этналогіі: уклад прафесара Навагродскага Т.А. у вывучэнне традыцый харчавання беларусаў…….. 341
Дарья Лавшук
Учреждение Первого городского общественного банка в Гомеле и его вклад в развитие инфраструктуры города в конце XIX начале XX века…….. 344
Виктор Мисиюк
Олександр Ільїн як дослідник вузловних моментів регіональної історії…….. 346
Наталья Улейчик
Русский этнос в контексте белорусско-польско-литовского пограничья…… 351
Фёдар Рацык
Вулічныя мянушкі мястэчка Моталь як элемент нематырыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны…… 354
Ирина Еленская
История г. Бреста в документах: издание серии сборников материалов госархива Брестской области…….. 358

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 82-14:008

ПОЭЗИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Валерия Богатырева
Белорусский Государственный Университет, Минск, Беларусь
vernikovskayava@yandex.ru

В статье рассматривается поэтическое наследие Фридриха Ницше в контексте культуры рубежа XIX–XX веков. Лирическая поэзия быстро и ярко реагирует на изменения в культурном сознании эпохи. При помощи литературоведческого и культурологического анализа показано, как основные мировоззренческие концепты fin de siècle нашли свое отражение в поэзии Ницше. Она представляется и как парафраз к его философии, и как самостоятельная творческий элемент, уловивший «дух времени».

Ключевые слова: поэзия, Ницше, рубеж веков, fin de siècle, «переходная эпоха», «Дионисийские Дифирамбы»

FRIEDRICH NIETZSCHE'S POETRY IN THE CONTEXT OF THE CULTURE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Valeryia A. Bahatyrova
Belarusian State University, Minsk, Belarus

This article examines the poetic legacy of Friedrich Nietzsche in the context of the culture of the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Lyric poetry reacts quickly and vividly to the changes in the cultural consciousness of the era. With the help of literary and culturological analysis it is shown how the main worldview concepts of the fin de siècle are reflected in the Nietzsche's poetry. It is presented both as a paraphrase to his philosophy and as an independent creative element that captured the «spirit of the time».

Keywords: poetry, Nietzsche, turn of the centuries, «fin de siecle», «transitional period», «Dionysian-Dithyrambs»

Поэзия Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844–1900) – важная и оригинальная часть его творческого наследия. Кроме того, это одна из ключевых составляющих понимания его как философа, филолога и писателя. Для комплексного исследования феномена творчества Ницше необходимо, по мнению Ж. Гарнье, «стараться стать "хорошими филологами" ницшеанства» [2, с. 21], то есть применять для понимания текстов Ницше ту модель познания, которую использовал он сам.

Контекст эпохи fin de siècle, современником и олицетворением которой был сам Ф. Ницше, задает определенный вектор исследования его лирики. Эпоха конца XIX – начала XX вв. отличалась особыми чертами, присущими «переходным эпохам» в целом, но также и имела ряд специфических характеристик, свойственных только этому культурно-историческому отрезку. Под «переходной эпохой», с точки зрения российского исследователя Н. А. Хренова, понимается: смена картин мира, изменение в восприятии пространства-времени, активизация в переходных ситуациях мифа и архетипа, культ творчества, открытие логики «вечного возвращения», эсхатологическое переживание истории, активизация личности маргинального типа, кризис коллективной идентичности, автономизация искусства и обособление его видов [5]. Таким образом, «переходная эпоха» – момент слома старых культурных парадигм, переосмысления основных темпоральных структур (т.е. иное отношение к прошлому, настоящему и будущему) и момент переоценки вариантов отношений человека, Бога и творчества. В свою очередь, к особенностям эпохи рубежа XIX–XX следует отнести: особое трагическое мироощущение, предчувствие ужаса надвигающихся общечеловеческих катастроф XX века и, как следствие, утраты смыслов, осознание суетности и бренности бытия, хрупкости человеческой жизни, поворот к крайнему индивидуализму, уход от реальности в область чистого творчества. Фридрих Ницше, его жизнь и творчество стали, своего рода эмблемой fin de siècle. Таким образом, «переходный» характер эпохи рубежа веков будет служить интегратором и общим знаменателем для осмысления поэзии Ницше.

Поэтическое наследие Ницше представлено следующими текстами: «Дионисийские Дифирамбы», «Песни Заратустры», «Смех, месть и хитрость, пролог в немецких виршах» (вступление к «Веселой науке»), «Песни принца Фогельфрай» (послесловие «Веселой науки»), а также стихотворениями разных лет. Лирика Ницше не рождалась вне его философии, она является неотъемлемой частью его интеллектуального труда. А. Г. Аствацатуров пишет: «Поэзия – зеркало философии Ницше, в котором он видит себя не как Нарцисс, а чувствует себя единым с состоянием рождения мысли. В стихах он творит древнейший синтез мысли и

поэзии. Нельзя забывать, что фундаментальные идеи философии Ницше, такие, как вечный конфликт становления и бытия, борьба света и тьмы, вечное возвращение того же самого, имеют мифопоэтический характер, следовательно, поэзия в этой философии всегда на своем месте» [1, с. 56]. Философия и поэзия у Ницше неразделимы, философские тексты, скорее, ближе по своим интенциям к творчеству французских символистов и немецких экспрессионистов, нежели к философии как таковой. Его по праву именовали «поэтом-философом» (нем. «Dichterphilosoph»). Немецкие исследователи К. Грэц (K. Grätz) и С. Кауфман (S. Kaufmann) указывают, что этот термин закрепился за Ницше еще при жизни и стал константой в последующей рецепции его творчества [7]. К этому кругу поэтов-философов причислен и Ф. Гёльдерлин, – важный поэтический, философский и эстетический ориентир, как для Ницше, так и для всего немецкоязычного пространства эпохи fin de siècle. Поэзия и искусство для Ницше – это та мощная созидающая сила, которая в состоянии вывести западноевропейскую цивилизацию из культурного кризиса.

На рубеже XIX–XX вв. особенно остро стоял вопрос переосмысления творческой парадигмы, поиск новых художественных смыслов и форм для их выражения. Место и роль поэта и поэтического творчества также подвергалась переоценке. Ницше по-своему осмысляет роль поэта и поэзии в «Веселой науке». Например, в афоризме 84 он пишет, что поэзия издревле обладала «суеверной полезностью», то есть была так называемым «магическим арканом» для богов, принуждающим их содействовать человеку в его просьбах [4, с. 338]. Мысль, облеченная в метрическую форму, ощущается более истинной. Однако здесь кроется философский парадокс: «для истины опаснее, когда поэт ее одобряет, чем когда он ей противоречит! Ибо, как говорит Гомер: “Много лгут поэты”!» [5, с. 340]. Этот тезис хорошо иллюстрирует одно из самых известных стихотворений Ницше из сборника «Дионисийские дифирамбы»: «Глупец! Пиита!» («Nur Narr! Nur Dichter!»): «Взыскующий истины – ты? – Насмешники! / Всего лишь пиита! / Зверь, хитрый, хищный, крадущийся, / на ложь обреченный. / на заведомую неизбывную ложь, / добычи алчущий, / личину носящий, / с личиной сроднившийся, / добычею ставший, / не это ли значит – / взыскующий истины? / Глупец! Пиита! / Пестро глаголящий, / в шутовском обличье пестро глаголящий, / по лукавым виадукам словес восходящий, / по лживым радугам / меж поддельными небесами / крадущийся и шныряющий – / глупец! Пиита!» (пер. В. Топорова) [4, с. 62–63].

Здесь большие лавинообразные предложения, свободный ритм и усложненный синтаксис точно повторяют гёльдерлиновскую манеру стихосложения. Его сложный, герметичный поэтический язык Ницше воспринимал как основную черту истинной философской поэзии. Как и Гёльдерлин, Ницше в своих строфах заглядывает в бездну собственной души. Ф. Г. Юнгер, сравнивая двух поэтов отмечал, что Гёльдерлин первый вступает на стезю дионисийского начала: «Выбирая между титаническим и дионисийским становлением, Гёльдерлин решает в пользу Диониса» [6, с. 86]. Ницше видит и ощущает здесь особое духовное родство с поэтом, ведь строки «Глупец! Пиита!» могут быть проинтерпретированы и как обращение к Дионису. Оригинальность стихотворения заключается в особой черте присущей и поэзии, и философии Ницше: переосмыслять устойчивые понятия. Здесь он создает своего рода антигимн, перемежая высокий стиль с ироническими, а подчас даже насмешливыми высказываниями. Это видно уже из названия «Глупец! Пиита!». Русский перевод несколько снизил горькую иронию оригинала «Nur Narr! Nur Dichter!» («Только глупец! Только поэт!»). Здесь виден скептицизм, критика и ирония по отношению к своему творчеству, а также по отношению к «поэту» в самом широком смысле слова, к тому, кто считается «взыскующим истины», а на самом деле «меж поддельными небесами / крадущийся и шныряющий».

Особое предназначение поэта, важность поэтического слова для человека и для культуры осмысляется Ницше на примере Шекспира. В его фигуре поэт видит воплощение «поэтического», того, что было позабыто его наследниками: «Он умер, похоронен и забыт. / Во мху, среди седых камней, могила, / Которую никто не посетит <…> В крови и смуте стих последний стих, / Донесшийся из века золотого, / Когда британцы чтили не святых, / А тех, чье чудодейственное слово / В священный трепет повергало их <…> Туман висит меж царством тьмы и света, / А сквозь него проходит путь лучей. Удел и назначение поэта / Не мрак пронзить стрелой своих речей, / А мглу, туман, унылые тенета, / В которых увязает книгочей, – / И Только луч, венчая землю с твердью, сверкает над забвением и смертью! <…> Лишь лучшие – а их ничтожно мало, – / Лишь вечность на поэта уповала!» (пер. Н. Голя) [4, с. 126–127].

Здесь предназначение поэта осмыслено в высоком, сакральном смысле. Поэт – этот тот, чье чудодейственное слово ввергает в священный трепет. Здесь артикулируется та же мысль, что и в «Веселой науке»: поэзия – нечто магическое, нечто, способное к очищению души. Семантизация ритма и его суггестивность роднит поэзию с её первоначальной формой - заговорами и заклинаниями. Поэзия в таком случае может пониматься как первооснова коммуникации человека с трансцендентным. Кроме того, сравнивая поэзию с прозой, Ницше утверждает, что последняя может быть создана только «перед лицом поэзии» [4, с. 345]. Американский исследователь Дж. М. Холл (J. M. Hall) определяет в таком случае ницшевскую трактовку поэзии как первооснову письма вообще («arche of writing»). Он пишет: «Подобно тому, как в профессиональном танцевальном сообществе часто утверждается, что балет является основополагающим танцем, Ницше утверждает, что поэзия является основополагающим лингвистическим

искусством, первоосновой письма (arche of writing). Другими словами, что-либо иное, кроме поэзии, может быть написано только путем, так сказать, обращения поэзии против нее самой, отнятия поэтического у поэзии» [8, с. 103].

Фигура поэта в таком случае может быть отождествлена с фигурой пророка, однако Ницше иронизирует над этим в духе «Веселой науки». В стихотворении «Призвание поэта» из «Песен принца Фогельфрай» видна несерьезность, игра, ирония. Здесь читается сомнение в фигуре поэта, в легитимности утверждения себя как творца поэтических текстов: «Молодецкая потеха –/ За стишком строчить стишок, / Но презрительного смеха / От себя ч скрыть не смог: / Ты, выходит, стихотворец? / Прокляни свою судьбу / “Сударь мой, вы стихотворец”, – / Молвил дятел на дубу» (пер. В. Топорова) [4, с. 526]. Таким образом, Ницше показывает фигуру поэта с двух ракурсов, с одной стороны как пророка или мага, владеющего сакральным инструментом воздействия на души и умы слушателей, а с другой стороны низвергает его до лжеца. В афоризме 222 он пишет: «поэт видит в лгуне своего молочного брата, у которого он отнял молоко» [4, с. 404]. Примечательно, что у Ницше эти две сущности не вступают в противоречие, а являются, по сути, выражением одной и той же творческой силы, которая на рубеже веков приобретает всеобъемлющий и всепроникающий характер.

Другие мотивы fin de siècle также нашли свое отражение в лирике Ницше. Показательно стихотворение «Солнце садится» («Die Sonne sinkt», цикл «Дионисийские дифирамбы»):

«День моей жизни! / Солнце садится. / Ровная гладь реки / зазолотилась уже. / Веет теплом от скалы: / не проспало ли / счастье весь день своим сладким сном? / В зеленом вечернем свете / счастье еще разыграет бурая бездна» (пер. В. Топорова) [4, с. 74]. Как и в стихотворении «Глупец! Пиита!», тут отчетливо видно влияние Гёльдерлина. Начальные строфы Ницше звучат как эхо знаменитого стихотворения «Половина жизни» Гёльдерлина. Однако здесь интересна и цветовая палитра стихотворения. Соединение цвета и звука, живописи и поэзии, так называемый «синтез искусств» (Gesamtkunstwerk) – одна из генеральных идей эпохи fin de siècle. Подобные поэтический эксперимент был заложен еще А. Рембо (стихотворение «Гласные»), однако такая «цветопись» нашла свое воплощение в лирике немецкого и австрийского экспрессионизма. Предвосхитив здесь экспрессионистов, Ницше использует яркие цветовые образы: «золотая гладь реки», «зеленый вечерний свет», «бурая бездна». Тем не менее, при всей цветовой насыщенности, стихотворение пронизано ощущением печали, уныния и «заката». Риторический вопрос в середине текста создает ощущение некой меланхолии, невыговоренной скорби.

Меланхолические настроения – еще одна отличительная черта поэзии эпохи fin de siècle. На рубеже XIX–XX вв. это уже не прекрасное чувство легкой печали, а неотъемлемая участь человека, постоянно наблюдающего несовершенства этого мира. Такое мироощущение нашло свое отражение в стихотворении «Гимн меланхолии»: «Как варвар перед идолом-божком, / Так я пред Меланхолией склонялся / Не раз, не два, и был ее рабом, / И вспоминал, и каялся, и клялся, / И радовался: вот летает гриф, / И радовался: гром трубит тревогу, / А ты, богиня, тайну тайн открыв, / Меня судила праведно и строго. // Гриф – твой урок, чтоб я полет постиг. / Гром – твой урок, чтоб я постиг пространство. / Мне объяснил безмолвный мой язык / Мою ничтожность и непостоянство» (пер. Н. Голя) [4, с. 123]. В последней строфе заключается важный для всего периода fin de siècle лейтмотив «ничтожности и непостоянства» человеческого существования.

Небольшое по объему поэтическое наследие Ницше поражает разнообразием поэтических образов, а также четко ограниченным, на первый взгляд даже узким кругом переживаний, фундаментальных поэтических состояний. Поэзия Ницше насквозь пронизана философией. Он, следуя романтической традиции, включал свои поэтические произведения в философские труды. Отличительная черта лирики Ницше – соединение образности с философичностью, наличие глубинного подтекста. Немецкий поэт–экспрессионист Готфрид Бенн писал: «Практически все, о чем спорили мои современники, до сути чего пытались добраться – кто-то мог бы сказать, выстрадали, или вытерпели – все это уже было выражено и высказано Ницше, который сумел найти самые точные слова; все остальное – интерпретации» [Цит. по: 3, с. 551].

Таким образом, основные мировоззренческие установки эпохи fin de siècle (настроение упадка и уныния, восприятие мира в его парадоксальности, трагизм и утонченный лиризм, мистическое понимание истоков человеческого творчества и, вместе с тем осознания бренности и хрупкости самого человека) нашли свое отражение в поэзии Фридриха Ницше. Его философско-поэтическое наследие во много стало основой для последующих эстетических исканий поэтов XX века.

1. Аствацатуров, А. Г. Три великие книги Фридриха Ницше // Стихотворения; философская проза / Ф. Ницше. – СПб. : Художественная литература, 1993. С. 22–60.
2. Гарнье, Ж. Ницше: перевод с французского / Жан Гранье. – Москва : АСТ, Астрель, 2005. – 158 с.
3. Кауфман, В. Ницше: философ, психолог, антихристианин / Вальтер Кауфман. – Санкт-Петербург : Вдадимир Даль, 2016. – 654 с.
4. Ницше, Ф. Стихотворения; Философская проза / сост., вступ. ст. М. Кореневой. – СПб. : Худож. лит., 1993. – 672 с.

5. Хренов Н. А. Социальная психология искусства: переходная эпоха / Н.А.Хренов. – Москва : Альфа-М, 2005. – 622 с.
6. Юнгер Ф. Г. Ницше / Фридрих Георг Юнгер. – М. : Праксис, 2001. – 252 с.
7. Grätz, K. Nietzsche als Dichter: Lyrik – Poetologie – Rezeption / Katharina Grätz, Sebastian Kaufmann. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. – 488 S.
8. Hall, Joshua M. Slanted Truths: The Gay Science as Nietzsche's Ars Poetica [Electronic resource] // Evental Aesthetics. – 2016. – Vol. 5, № 1. – P. 98–117. Mode of access: https://philarchive.org/archive/HALSTT-2. – Date of access: 08.02.2022.

УДК 94(476)«1912/1915»

ЧАСОПІС «САХА» І ЯГО РОЛЯ Ў ПАПУЛЯРЫЗАЦЫІ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ВЕДАЎ Ў БЕЛАРУСІ (1912–1915)

Сяргей Мяньчэня
Беларуская сельскагаспадарчая бібліятэка імя І. С. Лупіновіча
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
men_sv@tut.by

Часопіс «Саха» з'яўляўся першым беларускамоўным сельскагаспадарчым выданнем і дзейным правадніком ідэі беларускага нацыянальнага Адраджэння. Рэдакцыя накіравала сваю дзейнасць на паляпшэнне матэрыяльнага становішча сельскага насельніцтва Беларусі праз папулярызацыю сельскагаспадарчай навукі, развіццё новых форм гаспадарчай дзейнасці, прапаганды выкарыстання новых сістэм севазвароту, тэхнікі, угнаенняў.

Ключавыя словы: часопіс «Саха», сельская гаспадарка, сістэма гаспадарання

THE "SAKHA" MAGAZINE AND IT'S ROLE FOR POPULARIZATION OF AGRICULTURAL KNOWLEDGE IN BELARUS (1912–1915)

Sergey Menchenya
Belarusian Agricultural Library of the National Academy of Sciences of Belarus

Magazine "Sakha" was the first Belarusian-language agricultural periodical addition and an active conductor of the idea of the Belarusian national revival. The editorial board aimed to improve the financial situation of the rural population of Belarus through the promotion of agricultural science, development of new forms of economic activity, promotion of new crop rotation systems, machinery and fertilizers.

Keywords: Magazine "Sakha", agriculture, management system

У красавіку 1912 г. сельскагаспадарчы аддзел «Нашай Нівы» быў ператвораны ў самастойную рэдакцыю часопіса «Саха», які стаў першым беларускім перыядычным выданнем, што спецыялізавалася на папулярызацыі сельскагаспадарчых ведаў. Рэдактарам «Сахі» стаў Аляксандр Мікітавіч Уласаў (1874–1941), адзін з пачынальнікаў беларускага нацыянальнага руху, арганізатар Беларускай сацыялістычнай грамады і рэдактар-выдавец «Нашай Нівы».

Рэдакцыя ставіла сваёй мэтай пашырэнне вопыта выкарыстання новых тэхналогій землеапрацоўкі, угнаенняў, новых сельскагаспадарчых культур у сувязі са зменамі, якія адбываліся ў спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі. Да супрацоўніцтва запрашалі ўсіх жадаючых, заклікаючы каб «усё, што праверана лепшымі гаспадарамі і можа быць без рызыкі заведзена ў нашай гаспадарцы, няхай кожны шырыць на старонках "Сахі"» [1, с. 2]. Сярод цяжкасцей, з якімі гатова была сустрэцца рэдакцыя, бачыліся недавер сялян да сельскагаспадарчых і зберагальных таварыстваў, прыхільнасць да старых метадаў вядзення гаспадаркі і ўспрыманне агранамічнай навукі, як «пацеху паноў і вучняў» [1, с. 3]. Часопіс выдаваўся да 1915 г., потым два нумары выйшлі у красавіку – маі 1920 г., а рэгулярны выпуск быў наладжаны ў 1927–1931 гг. У разглядаемы перыяд выйшла 27 нумароў, але не ўсе яны патрапілі да чытачоў. № 24 і 25 былі арыштаваны да рашэння суда, а № 26 канфіскаваны. № 28, які анансаваўся, як перададзены ў друк, не выйшаў [2, с. 14].

Першапачаткова «Саха» выдавалася ў Вільні (№ 1–17), а са снежня 1913 г. – у Мінску. Па ўспамінах пляменніцы А. Уласава В. Ніжанкоўскай рэдакцыя ў Мінску спачатку размяшчалася на вул. Шырокай (у часопісе пазначана Аляксандраўская, 25 – сучасная М. Багдановіча), а затым у доме Кацялкоўскага, па

адрасу Захар'еўская, 24 (дом знаходзіўся ў раёне Плошчы Незалежнасці насупраць Дома Урада, да нашых дзён не захаваўся, у 1960-я гг. быў знесены) [3, с. 14]. Рашэнне аб пераносе рэдакцыі ў Мінск, А. Уласаву далося цяжка – гублялася магчымасць паўнавартасна рэдагаваць «Нашу Ніву», ды і Мінск не меў таго беларускага асяродка, які склаўся ў Вільні.

У самім часопісе прычына пераезда тлумачылася тым, што Мінск з'яўляецца «геометрычным» цэнтрам Беларусі і цэнтрам вялікай сельскагаспадарчай губерні, тут функцыянуе балотная станцыя, школа паляпшэння сенакосаў і дабывання корму, земскі сельскагаспадарчы музей, плануецца адкрыццё «вышэйшага сельскагаспадарчага інстытута» [4, с. 16]. Выказвалася надзея, што Мінск хутка ператворыцца ў цэнтр сельскагаспадарчай навукі Беларусі, што будзе спрыяць якаснаму росту «Сахі», якая будзе спрыяць пераўтварэнню Мінска у беларускі культурны цэнтр.

Дадзеныя надзеі спраўдзіліся. «Саха» стала першым беларускамоўным выданнем у горадзе і арганізацыйным цэнтрам беларускай культуры. Пры рэдакцыі быў створаны моладзевы часопіс «Лучынка», распачаў працу тэатральны гурток. Значную дапамогу ў выданні «Сахі», у тым ліку фінансавую, А. Уласаву аказваў яго швагер, казённы губернскі аграном А. Снітка.

Значная частка артыкулаў «Сахі» падпісана ініцыяламі, ці псеўданімамі. Сярод аўтараў № 5 фігуруюць – Э. Б., Х., М. Б., Юлько з Моладава, Локас, Тутэйшы аграном, Гаспадар [5]. Вызначыць, кім з'яўляліся гэтыя людзі, дастаткова складана. Сам А. Уласаў свае тэксты падпісваў ініцыяламі А. У. («Хутары ў Вілейскім павеце», «Аб гатунках фруктоў», № 6). У рэдакцыі «Сахі» працаваў таксама Вацлаў Ластоўскі. З прычыны таго, што яго псеўданімы вядомы, можна адзначыць яго аўтарства тэкстаў «Вільня, 1 лістапада 1912 г.» (В. Л.); «Цікавае аб спосабе гаспадаркі на Беларусі 300 гадоў таму назад», аб інфармацыі А. Гваньіні аб сельскагаспадарчых культурах, падрыхтоўцы лядаў і спосабе пасадкі азімага жыта (В–т, № 9); «Віленскай выстаўка хатняга рэмесла» (Ю. В., № 16). Пад псеўданімам Наз. Бываеўскі дасылаў з Масквы тэксты Язэп Дыла, які ў свой час быў выключаны з Юр'еўскага ветэрынарнага інстытута («Кармленне кароў пры даеньні», «Згусцелы мёд», «Абарона пчол ад мышаў», № 6). Верагодным аўтарам тэкста «Проба гнаеньня канюшыны каінітам» (А. С., № 3) з'яўляецца вышэй адзначаны А. Снітка, які жыў у Радашковічах. Сярод тых, хто падпісваўся сапраўднымі прозвішчамі, былі практыкуючыя дзеячы сельскагаспадарчай навукі, некаторыя з якіх займалі дзяржаўныя ці грамадскія пасады. Гэта навуковы кансультант рэдакцыі, вучоны аграном Э. Сакалоўскі, урадавы аграном Віленскай губерні Кацельнікаў, інструктар малочнай гаспадаркі Слуцкага павета Л. Папроцкі, студэнт-ветэрынар Варшаўскага інстытута К. Сініцкі, доктар ветэрынарыі С. Гольдэнер. На смерць апошняга ў № 27 быў змешчаны некралог, адзіны ў нумарах разглядаемага перыяду [2, с. 2].

Верагодна, што сярод аўтараў «Сахі» былі і жанчыны. Так, сярод псеўданімаў фігуруюць Алёна («Прыгатаўленьне ям пад дрэўцы», № 5; «Работы ў садзе вясной», № 11), Сак–ая («Што рабіць з ягадамі вясной» № 2), Г. Іваноўская («Колька», № 7).

На старонках «Сахі» разглядаліся разнастайныя аспекты сялянскага жыцця і аграрнай навукі, ад магчымасцяў сельскагаспадарчай кааперацыі да пабудовы шпакоўняў. Асвятляліся пытанні птушка- і жывёлагадоўлі, севазвароту, будаўніцтва, садаводства. Калі ў рэдакцыі ўзнікалі пытанні, ці ўдакладненні, яны назначаліся знізу, а чытачам прапаноўвалася дасылаць свае меркаванні.

У раздзеле раслінаводства папулярызаваліся бабовыя культуры – гарох, лубін. Сустракаецца інфармацыя аб асаблівасцях вырошчвання кукурузы, якая завецца конскім зубам. Аўтар Аграном паведамляе пра тое, што конскі зуб у Беларусі ніколі не вызравае, таму ідзе на корм каровам ў сечку, ці на сілас. Сярод галоўных якасцей расліны пазначаюцца яе высокая эфектыўнасць у барацьбе з пустазеллем, смакавыя якасці і магчымасць стаяць у полі да снега. Галоўны мінус – адсутнасць магчымасці ўласнай загатоўкі сямян і іх высокі кошт – 10 руб. на дзесяціну [6, с. 8–9]. Аўтар А.В. падае падрабязную інструкцыю пасадкі і дагляду кукурузы. Садзілі насенне радкамі ў баразёнкі, закрываецца бараной, ці граблямі. Як і бульбу, кукурузу абганялі тры разы па меры роста [7, с. 10]. Сярод больш экзатычных відаў – каўказскі жывакост. Яго рэкамендавалася вырошчваць на вільготных глебах у цяні для корму свінням. Гэтую расліну пачалі вырошчваць у гаспадарках Мінскага і Слуцкага паветаў. Рэдакцыя паведамляла, што ў адной з гаспадарак Лідскага павета жывакост вырошчаюць ужо больш 20 гадоў, сама яна мае вазон з раслінай і паспрабуе знайсці насенне для сваіх чытачоў, аднак прапаноўвала не рызыкаваць і адводзіць пад пасеў «цікавай і – хто ведае – можа вельмі карыснай расліны» невялікія зямельныя надзелы [7, с. 11–13].

Асвятлялася дзейнасць сельскагаспадарчай станцыі ў м. Беняконі Віленскай губерні, якой кіраваў цёзка В. Ластоўскага – Вацлаў Стэфанавіч Ластоўскі. На ёй праводзіліся даследаванні па выкарыстанню штучных угнаенняў, вопыты па вызначэнню найбольш ураджайных для Беларусі гатункаў раслін. Сярод практычных парад для гаспадароў ад супрацоўнікаў станцыі можна вылучыць рэкамендацыі па вырошчванню бульбы: прыводзіўся пералік гатункаў («Від», «Гаўронек», «Сілезія»), вызначаўся негатыўны ўплыў на ураджайнасць пашыранай практыкі скошвання бульбоўніка [5, с. 14]. Не заставалася без увагі рэдакцыі і Мінская балотная станцыя. Супрацоўнікі станцыі паведамлялі аб сваіх дасягненнях, «Саха» рэкламавала курсы па балотнай гаспадарцы, давала рэцэнзію на часопіс «Болотоведение» [6, с. 15–17].

Пасля пераезду «Сахі» у Мінск рэдакцыя пэўны час працавала непадалёк ад лабараторыі і музея станцыі (Аляксандраўская, 25 і Аляксандраўская, 36 адпаведна).

Важнае месца на старонках «Сахі» займалі матэрыялы аб сельскагаспадарчых выставах у Вільні, Мінску, Капылі, Нягневічах (Наваградскі павет). Прыводзілася падрабязная інфармацыя аб удзельніках і пераможцах. За свае матэрыялы «Саха» атрымала срэбраныя медалі на выставах насення ў Вільні (14–18 лютага 1913 г.) і ў Мінску ў 1914 г. Мінскую выставу рэдакцыя «Сахі» дапамагала афармляць плакатамі на розную тэматыку. Частка экспанатаў – калекцыя гатункаў ячменя, аўса і бульбы – былі перададзены ў гаспадарчы музей часопіса [8, с. 3; 7, с. 9]. Нажаль, больш падрабязнай інфармацыі аб тым, што сабой прадстаўляў гэты музей, не прыводзіцца.

Акрамя ўдзелу ў выставах сельскагаспадарчых таварыстваў, «Саха» сама займалася арганізацыяй падобных мерапрыемстваў. Месцам правядзення былі абраны Радашковічы. Першая выстава павінна была прайсці 27 верасня 1912 г. на плацу каля пажарнага дэпо, яе планавалася прысвяціць буйной рагатай жывёле. Да ўдзелу дапускаліся толькі сяляне і дробныя гаспадары. Грашовыя ўзнагароды – ад 5 да 25 руб. – планавалася прысуджаць па трох намінацыях: знешні выгляд, малочнасць, арганізацыя дагляду і харчавання. Пры гэтым пераможца павінны быў атрымаць толькі палову сумы, а астатнія грошы праз год на той жа выставе [9, с. 17–18]. Аднак паведамлення аб правядзенні гэтай выставы ў «Сахе» няма. Нічога не паведамляе аб ёй і В. Ніжанкоўская. Верагодна, што выстава 1912 г. не адбылася, яе атрымалася правесці толькі 15 жніўня 1913 г. Як пазначалася ў артыкуле, прысвечанаму гэтай падзее, гэта была «выстаўка скаціны і тканіны». Сродкі на узнагароды пераможцаў ахвяравалі Віленскае сельскагаспадарчае таварыства (100 руб) і А. Снітка (25 руб). Арганізацыя самой выставы грошай не патрабавала – жанчыны збіраліся са сваімі вырабамі каля жаночага вучылішча, кароў і валоў прывязвалі да плоту непадалёк [10, с. 14]. Для выставы мастаком Сукоўскім былі створаны адмысловыя плакаты. Моладзь, з ліку сваякоў А. Уласава і мінскага асяродку «Сахі», была ў народных строях. Пасля выставы вечарам адбыўся паказ п’есы Янкі Купалы «Паўлінка» [3, с. 14].

З 1 лістапада 1913 г. на базе рэдакцыі «Сахі» ў Вільні планавалася арганізаваць вячэрнія курсы па садаводству і пчалярству. Вылучалася 6 напрамкаў лекцый: садаводства і агародніцтва, пчалярства, выраб віна з фруктаў і ягад, глебазнаўства, «навука аб раслінах», «халадзільныя спосабы і іх значэнне». Слухачам, у выпадку здачы экзамена гарантаваліся сертыфікаты Віленскай практычнай школы садаводства. Кіраўніком курсаў быў стваральнік і кіраўнік дадзенай школы І. Паўловіч. У якасці лектараў пазначаліся як мясцовыя спецыялісты, так і пецярбургскія. Але ці адбыліся дадзеныя курсы ў сувязі з пераездам рэдакцыі ў Мінск гэта пытанне, бо справаздачы аб іх на старонках «Сахі» няма [11, с. 16].

У часопіса была наладжана добрая адваротная сувязь з чытачамі праз рубрыкі «Адказ рэдакцыі» ці «Паштовая скрынка». Так, у № 17 быў апублікаваны адказ на ліст падпісчыка Ліхт–овіча з Белага Берага Мінскай губерні. У ім даваліся парады па падбору літаратуры па пчалярству, месцах, дзе яе можна замовіць і кошты, адрас бліжэйшага гадавальніка фруктовых дрэў, таксама тлумачыліся спецыфічныя тэрміны з папярэдніх нумароў [11, с. 15]. У дачыненні да чытачоў у такіх адказах таксама дзейнічалі правілы канспіралогіі. Яны фігуруюць пад нумарамі, ініцыяламі, ці назвай рэгіёна. У адказе «падпісчыку з Гродзеншчыны» раскрывалася таямніца народнага падання аб тым, што ноччу чорт ездзіць на конях, пасля чаго яны на раніцу стомленыя, а часам і ўзмыленыя. Віноўнікам гэтага былі ласкі, жывёлы карысныя ў барацьбе з мышамі, але часам данімаючыя коней. Каб пазбавіцца ад гэтай праблемы рэкамендавалася намазаць коней часнаком [12, с. 16]. Сваім гадавым падпісчыкам рэдакцыя «Сахі» дасылала насенне збожжа. Пры наведванні рэдакцыі ў Мінску можна было атрымаць зрэзы фруктовых дрэваў: яблынь гатункаў Антонаўка, Рэнета Летняя, Папяроўка, груш – восеньская Вінёўка і ранневосеньская Бураковая [13, с. 16]. Тут жа можна было азнаёміцца з вуллямі новай канструкцыі і пры жаданні замовіць іх. У 1915 г. для новых падпісчыкаў за асобную плату дасылаліся кнігі «Каўказкі жывакост», «Пчэлярства», «Зімовае кармленне кароў», «Гадоўля трусоў». Апошняя была даслана ўсім падпісчыкам замест № 26. Акрамя таго ў рэдакцыі падпісчыкі маглі атрымаць бясплатную юрыдычную кансультацыю [2, с. 14].

Адным з напрамкаў папулярызацыі сельскагаспадарчай навукі быў агляд спецыяльзаванай літаратуры. Некаторыя выданні дасылаліся ў рэдакцыю для рэцэнзіі і рэкламы. Сярод перыядычных выданняў, што рэкамендавала «Саха» сваім чытачам, былі «Болотоведение» (Мінск), «Сельский хозяин», «Хутор» (Петраград), «Хлебороб» (Харкаў) і іншыя [2]. Частку сродкаў часопіс атрымліваў ад размяшчэння рэкламы, якая таксама пераважна была на сельскагаспадарчую тэматыку. Тут друкавалі прыватныя аб’явы аб продажы насення і жывёл, шукалі працу ці месца практыкі ў гаспадарках. Некаторым суіскальнікам рэкамендацыі гатова была даць рэдакцыя. Рэкламаваліся і новыя сельскагаспадарчыя прылады, а таксама тэхніка: малатарні, жняялкі, конныя граблі, плугі, спрынжыноўкі, косы. Іх можна было набыць як праз прыватныя фірмы (Зыгмунд Нагродзкі, Вільня; таварыства «Серп», Мінск), так і праз адзяленні сельскагаспадарчых таварыстваў у Вільні, Мінску, Пінску і Оршы.

Такім чынам, часопіс «Саха» з’яўляўся не толькі першым беларускамоўным сельскагаспадарчым выданнем, але, як і «Наша Ніва», дзейным правадніком ідэі беларускага нацыянальнага Адраджэння.

Рэдакцыя накіравала сваю дзейнасць на паляпшэнне матэрыяльнага становішча сельскага насельніцтва Беларусі праз папулярызацыю сельскагаспадарчай навукі, развіццё новых форм гаспадарчай дзейнасці, якія раней лічыліся дапаможнымі – садаводства, пчалярства, вырошчванне кармавых культур. Прапагандавалася выкарыстанне новых сістэм севазвароту, тэхнікі, угнаенняў. Акрамя таго, «Саха» з'яўляецца выдатнай крыніцай па вывучэнню сістэмы гаспадарання на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX стагоддзя.

1. Саха. – 1912. – № 1.
2. Саха. – 1915. – № 27.
3. Ніжанкоўская, В. Пра дзядзьку // ЛіМ. – 1991. – 5 крас. – С. 14–15.
4. Саха. – 1913. – № 18.
5. Саха. – 1912. – № 5.
6. Саха. – 1912. – № 3.
7. Саха. – 1914. – № 22.
8. Саха. – 1913. – № 11.
9. Саха. – 1912. – № 6.
10. Саха. – 1913. – № 16
11. Саха. – 1913. – № 17
12. Саха. – 1912. – № 7.
13. Саха. – 1914. – № 20.

УДК 821.161.3.09

БЕЛАРУСКІЯ ПАЭТЭСЫ – ВЫПУСКНІЦЫ БДУ

Ірына Шматкова
дацэнт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
i.shmatkova@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца творчыя набыткі беларускіх паэтэс – выпускніц Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, аналізуецца адметнасць іх лірычнай спадчыны, вызначаецца роля іх творчасці і прафесійнай дзейнасці ў гісторыі беларускай літаратуры і культуры.

Ключавыя словы: беларускія паэтэсы, філалагічны факультэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, творчасць, гісторыя беларускай літаратуры.

BELARUSIAN POETS ARE GRADUATES BSU

Iryna I. Shmatkova
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article examines the creative achievements of Belarusian poetesses - graduates of the Belarusian State University, analyzes the originality of their lyrical heritage, determines the role of their creativity and professional activity in the history of Belarusian literature and culture.

Keywords: Belarusian poetesses, philological faculty, Belarusian State University, creativity, history of Belarusian literature.

У 1921 г. быў адчыніў свае дзверы Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, што стала знакавай падзеяй у развіцці ўсіх галін навукі, адукацыі, культуры краіны, у тым ліку і гендарнай. Адкрыццё навучальнай установы вышэйшага ўзроўню на тэрыторыі Беларусі прыспела даўно. Канешне, з 1840 г. на магілёўшчыне працаваў Горы-Горыцкі земляробчы інстытут, але гэта была профільная сельскагаспадарчая навучальная ўстанова (у якой, дарэчы, у свой час працавалі М. Гарэцкі і П. Мядзёлка). Многім таленавітым беларусам прыходзілася вучыцца ў бліжэйшых Віленскім (засн. ў 1579 г.), Маскоўскім (засн. у 1755 г.), Пецярбургскім (засн. 1724 г.), Варшаўскім (засн. у 1816 г.), Кіеўскім (засн. у 1834 г.), Львоўскім (засн. у 1661 г.) і інш. універсітэтах. Прычым паступіць у гэтыя навучальныя ўстановы было няпроста, нават мужчыне, успомнім таго ж М. Гарэцкага, які прайшоў конкурс 400 чалавек на 25 месцаў пры паступленні ў Горы-Горыцкае каморніцкае вучылішча (структурнае адгалінаванне раней узгаданага інстытута) [5, с. 20].

Так, выдатная беларуская асветніца пачатку XX ст. Алаіза Пашкевіч (Цётка) сваю прагу ведаў спаталяла на вышэйшых адукацыйных курсах П. Лесгафта ў Пецярбургу (1902–1904 гг.) і на гісторыка-філалагічным факультэце Львоўскага ўніверсітэта (1907–1911 гг.). Менавіта Цётка лічыцца адной з барацьбітак за правы жанчын і іх адукацыю, яна брала ўдзел у жаночым з'ездзе ў маі 1905 г. у Маскве як дэлегатка ад беларускіх жанчын, займалася пашырэннем асветы і культуры сярод моладзі, у тым ліку і дзяўчат (успомнім яе публіцыстычны зварот "Да дзяўчатак"). Паказальныя радкі з яе ліста "Пецярбургскім студэнтам-беларусам" (1914): *"Дарагія браткі! Беларусы-студэнты! Вам пашчаслівілася: вы ўжо аж у ўніверсітэце вучыцеся. Але вашы браты, дзе каторыя мо родныя вам, асталіся ў вёсцы, там яны працуюць ад світання да змяркання, а ім жа таксама хочацца, як і вам, шмат чаго ведаць, пазнаць…*" [11, с. 216].

Дзейнасць А. Пашкевіч (Цёткі) натхніла да асветніцкай і літаратурнай дзейнасці жанчын, тым больш што палітычныя ўмовы гэтаму таксама спрыялі – з 1918 г. пры мясцовых парткамах былі створаны жанкамісіі, з 1919 г. – жанаддзелы ва ўсіх саюзных і аўтаномных рэспубліках, 5 сакавіка 1924 г. у Мінску адбыўся І Усебеларускі з'езд работніц і сялянак, з лістапада 1924 г. пачаў выходзіць часопіс "Беларуская работніца і сялянка", у 1926 г. выдадзены зборнік "8 сакавіка", у якім быў надрукаваны красамоўны верш К. Драбышэўскай – сялянкі з в. Сапожкава Магілёўскай акругі: *"Цяпер сабе сама я пані: // Хаджу ў чытальню, ў клюб хаджу. // Ламацца нада мной ня стане // Ніхто, – я грамаце вучусь"* [Цыт. па "Бліскавіцы: анталогія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду", с. 14].

Зразумела, з адкрыццём "свайго" ўніверсітэту найбольш прагрэсіўныя і актыўныя дзяўчаты імкнуліся атрымаць адукацыю там, асабліва на педагагічным факультэце (адкрыты ў 1922 г.). Так, на этнолага-лінгвістычным аддзяленні педфака БДУ (1922) вучылася **Хмарка (Наталля Панамарова)** (1897 – ?), аўтарка кнігі "Апавяданне старога вожыка" (1928), пісала вершы і прозу для дзяцей і дарослых, друкавалася ў часопісах "Зоркі", "Вольны сцяг", "Полымя", альманаху "Адраджэнне" [1, с. 55–56]; **Наталля Вішнеўская** (1907–1989) – паэтэса, член літаратурнага аб'яднання "Маладняк", аўтарка сумеснага з З. Бандарынай і Я. Пфляўбаўм зборніка "Вершы", жонка беларускіх паэтаў А. Дудара, А. Звонака, Я. Бобрыка, вучылася ў БДУ з 1929 г. [1, с. 104–105]; **Яўгенія Пфляўбаўм** (1908–1996) – паэтэса, аўтарка зборнікаў "Мелодыя" (1930), "Сувой жыцця" (1989), "На захадзе сонца" (1992), жонка М. Лужаніна, вучылася на літаратурна-лінгвістычным аддзяленні педагагічнага факультэта БДУ у 1926–1930 гг.; **Ганна Арахоўская (Базыленка)** (1908–1980) – паэтэса, пісьменніца, аўтарка калектыўнага зборніка маладнякоўцаў "Пачатак", закончыла літаратурна-лінгвістычнае аддзяленне педфака БДУ у 1931 г., дзе працавала ў 1944–1970 гг. спачатку старшым выкладчыкам, пасля дацэнтам кафедры рускай мовы, у 1949–1955 гг. намеснікам дэкана філалагічнага факультэта БДУ [1, с. 132]; **Ядвіга Бяганская** (1908–1992) – паэтэса, пісьменніца, аўтарка шматлікіх кніг для дзяцей: "Далёка на поўначы" (1954), "Жэнеў галубок" (1958), "Сустрэча з морам" (1962), "Зосіна зорачка" (1965, 1980) і мн. інш., перакладчыца, закончыла літаратурна-лінгвістычнае аддзяленне педфака БДУ у 1930 г. [1, с. 136–137]. На жаль, многія са згаданых аўтарак, якія прыйшлі ў літаратуру ў 1930-я гг., не змаглі паўнавартасна рэалізаваць свой талент з-за цяжкасцей 1930-х гг. і Вялікай Айчыннай вайны.

У 1935 г. рыхтавалася да паступлення ў БДУ **Ніна Тарас** (1916–2006) – беларуская паэтэса, сябра СП СССР з 1940 г., аўтарка зборнікаў вершаў "На ўсход ідучы…" (1940), "Суніцы" (1946), "Вершы" (1952), "Кветка шчасця" (выбр., 1958), "Пад белым яварам" (выбр., 1966), "У тапаліную замець" (1976), "Праметэю прыйду пакланіцца" (1981) і інш., – але зрабіць змагла гэта толькі пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 35 – 36].

З чэрвеня 1941 г. БДУ спыніў сваю працу і ўзнавіў яе ў маі 1943 г. у эвакуацыі пад Масквой, а з лета 1944 г., пасля вызвалення Беларусі, – у Мінску [10]. Паэтэсы з пакалення "дзяцей вайны" прыйшлі ў літаратуру ў так называемы "перыяд дэмакратычнага абнаўлення грамадства" [7]. Літаратура папоўнілася вялікай колькасцю жаночых імёнаў, прычым для многіх з іх "паэтычнай кузняй" стаў менавіта філалагічны факультэт БДУ, які быў адкрыты яшчэ ў 1939 г.

Вера Вярба (Гертруда Пятроўна Сакалова) (1942–2012) вучылася на філфаку БДУ у 1958–1964 гг., да гадоў вучобы адносяцца знакавыя ў яе паэтычным лёсе даты – першая публікацыя верша (1958), надрукаваны яе першы зборнік паэзіі "Вочы вясны" (1962), у 1964 г. яна была прынята ў Саюз пісьменнікаў БССР. Адзін з яе вершаў з першай кнігі паэтэсы "Ручнікі" быў пакладзены на музыку, песня ўвайшла ў рэпертуар знакамітых "Песняроў" і зрабіла маладую аўтарку папулярнай на ўсю краіну. Адзін за другім выходзілі яе зборнікі: "Белыя пісьмы" (1967), "Высакосны год" (1969), "Сіняя бухта" (1975), "Альфа" (1978), "Мая маленькая планета" (1982), "Яраслаўна" (1986), "Апошні верасень" (1995). У сваёй творчасці паэтэса ўзвышала новую для літаратуры таго часу з'яву – жаноцкасць, якая яскрава выражалася як у асобе самой аўтаркі, так і ў яе лірыцы: увага да знешняга выгляду жанчыны, перажыванне ўзросту: *"Як гэта цяжка быць дарослай, // Як гэта цяжка быць жанчынай <…> А потым старасць, потым восень, // Хаваеш першыя маршчыны"* [3, с. 41–42], шчасце мацярынства: *"Як найшчаслівейшая жанчына, // Дзіця падносіш да грудзей. // На твары свецяцца маршчыны, // І вочы сталі маладзей"* [4, с. 37], цяжкасці ў стасунках з

калегамі-мужчынамі: *“Сябры, што выбралі пасады // І замянілі службай чын, // З якой тугою і пагардай // Яны дзівіліся з жанчын”* [2, с. 6] і многае інш.

Яшчэ адна выпускніца філалагічнага факультэта БДУ (1967) – **Вольга Іпатава** (нар. у 1945 г.) – паэтэса, пісьменніца, публіцыст, перакладчыца, аўтарка зборнікаў вершаў “Раніца” (1969), “Ліпеньскія навальніцы” (1973), “Парасткі” (1976), “Крыло” (1976), зборнікі аповесцей і апавяданняў на гістарычную тэматыку (у 2002 г. выйшла яе трылогія “Альгердава дзіда”) і інш.; свае філалагічныя навыкі В. Іпатава рэалізоўвае і як рэдактар (працавала літкансультантам газет “Літаратура і мастацтва”, “Чырвоная змена”, рэдактарам Беларускага тэлебачання, намеснікам галоўнага рэдактара часопіса “Спадчына”, галоўным рэдактарам газеты “Культура” (1991–1995 гг.).

У 1969 г. філалагічны факультэт БДУ закончыла **Валянціна Коўтун** (1946–2011), якая пасля атрыманыя веды актыўна прымяняла на ніве філалогіі: працавала літкансультантам “Сельскай газеты” (1970–1976 гг.), рэдактарам аддзела крытыкі і літаратуразнаўства часопіса “Полымя”, з 1982 г. – загадчыкам рэдакцыі літаратуры для моладзі выдавецтва “Юнацтва”, з 1990 г. – старшым рэдатарам аддзела прозы часопіса “Полымя”; кандыдат філалагічных навук, член СП СССР з 1976 г., у друку пачала выступаць з 1966 г., аўтарка зборнікаў паэзіі “Каляровыя вёслы” (1971), “На ўзлёце дня” (1977), “Метраном” (1985), “Лісты да цябе” (1988), зборніка апавяданняў “Калінавая гронка залатая” (1988), шэрагу твораў для дзяцей. Адметнасцю празаічнай творчасці В. Коўтун стала раскрыццё асоб жанчын, якія адыгралі значную ролю ў гісторыі Беларусі: Алаізе Пашкевіч (Цётцы) прысвечаны паэмы “На зломе маланкі” (1979), “Суд Алаізы” (1985), раман-дылогія “Крыж міласэрнасці” (1988–1996 гг.); Еўфрасінні Полацкай прысвечаны раман з жыцця “Пакліканыя” (2002).

У 1970-я гг. філалагічны факультэт выдаў “білеты ў прафесійнае жыццё” цэлай плеядзе беларускіх паэтэс, выпускніцамі БДУ сталі: у 1971 г. – Яўгенія Янішчыц, у 1973 г. – Галіна Каржанеўская, у 1974 г. – Людміла Забалоцкая, у 1975 г. – Любоў Тарасюк, у 1977 г. – Галіна Твараовіч, у 1978 г. – Антаніна Хатэнка, у 1979 г. – Людка Сільнова і Хрысціна Лялько і інш.

Адна з самых яскравых зорачак у гэтым паэтычным сузор’і – **Яўгенія Янішчыц** (1948–1988). Яе імя нават дало назву гэтаму пакаленню, як успамінае Г. Каржанеўская ў сваёй аўтабіяграфіі: “З узростам я ўсё болей цаню сваё пакаленне – “пакаленне Жэні Янішчыц”, як яго называюць. Мае калегі і таварышы праявілі сябе вельмі рознабакова, сцвердзіліся як асобы, творцы, грамадскія дзеячы” [13, с. 133]. Я. Янішчыц была адной з самых таленавітых студэнтак філалагічнага факультэта, “любіміца выкладчыкаў”, падчас вучобы ў 1970 г. стала дыпламантам беларускага фестывалю творчай моладзі, у гэтым жа годзе выйшаў першы паэтычны зборнік “Снежныя грамніцы”, пазней – “Дзень вечаровы” (1974), “Ясельда” (1978), “На беразе пляча” (1980), “Пара любові і жалю” (1983), “Каліна зімы” (1987), зборнік выбранага “У шуме жытняга святла” (1988), на жаль, ужо пасмяротна ў 2000 г. пабачыла свет кніга “Выбранае” (укладальнікамі сталі яе паплечніцы па “паэтычнаму цэху”, “філфакаўкі” В. Коўтун і А. Канапелька). Паэтычны свет Я. Янішчыц – прыклад гранічнага лірызму, шчырасці, драматызму; каханне для яе самая высокая мерка, арганічнае выяўленне сутнасці жанчыны, што пацвярджаецца самымі запамінальнымі радкамі з яе верша, стаўшага праграмным у беларускай літаратуры: *“Пачынаецца ўсё з любві, а інакш і жыць немагчыма”* (“Ты пакліч мяне, пазаві…”) [16, с. 17].

Да гэтага, названага ёй, пакалення адносіць сябе **Галіна Каржанеўская** (нар. у 1950 г.). Пасля заканчэння ўніверсітэта, выкладала беларускую мову і літаратуру ў сярэдняй школе ў Плешчаніцах Лагойскага раёна, у 1980–1982 гг. – рэдактар літаратурна-драматычнай рэдакцыі Беларускага тэлебачання, з 1984 г. – карэспандэнт, а пасля і загадчык аддзела крытыкі штотыднёвіка “Літаратура і мастацтва”, аўтарка кніг паэзіі “На мове шчасця” (1973), “Мой след” (1976), “Званы гадоў” (1980), “Жыла-была…” (1983), “Вечны водгук” (1988), “Невымоўнае” (1991), “Асенні мёд” (1999), “Вершаняты” (2005). Паэзія Г. Каржанеўскай спалучыла ў сабе адначасова і лірызм, і эмацыянальную стрыманасць, і драматызм. З публіцыстычнай заглыбленасцю яна адна з першых, хто раскрыў у паэзіі праблемы грамадства, якія агаліў “час перабудовы”, і рабіла гэта шчыра і прамалінейна: *“Хоць шапаткі чуваць, // Што неяк не прынята // Вам сутнасць адкрываць, – // Я быць сабою рада”* [9, с. 217]. Г. Каржанеўская таксама піша п’есы і вершы для дзяцей, выступае як крытык, перакладчыца, з’яўлялася членам СП СССР з 1976 г.

Яшчэ адна паэтэса – **Людміла Забалоцкая** (1949–2021). Скончыўшы філалагічны факультэт БДУ, працавала навуковым рэдактарам у выдавецтвах “Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі” і “Адукацыя і выхаванне”, сябра СП СССР з 1990 г., выдала зборнікі вершаў “Сакавік” (1974), “Радаводны васілёк” (1981), “Святло палыну” (1989), “Струны памяці” (1991), “У суладдзі стагоддзяў і дзён” (2004). Яе творы вылучаюцца адметным лірызмам, вобразным моўным каларытам (красамоўныя нават назвы вершаў “Ільдзінкай сіняй, плыткай, крохкай…”, “Асмужліва-журлівы сцішны ветах…”, “Грыбасей у жніўні тупатаў…” і многія інш.

З філфакам БДУ непарыўна звязаны лёс **Любові Тарасюк** (1953–2006). Скончыўшы БДУ з чырвоным дыпломам, яна з 1978 г. па 2005 г. выкладала на кафедры гісторыі беларускай літаратуры, уваходзіла ў Раду Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны, праўленне Саюза пісьменнікаў і

рэдакцыйную калегію літаратунага часопіса “Маладосць”, узначальвала суполку філалагічнага факультэта Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў (1991–2005), кандыдат філалагічных навук, аўтар манаграфій “Вернасць вытокам: фальклорныя традыцыі ў сучаснай беларускай паэзіі” (1985) і “Мастацкія кірункі і плыні ў беларускай паэзіі XIX – пач. XX стст.” (1999), зборнікаў вершаў “Смага ракі” (1983) і “Апалогія красы” (2003). Усё, што рабіла Л. Тарасюк на ніве філалогіі, – рабіла вельмі сумленна, праніклівa, “цягавіта”, літаратар Анатоль Шушко неяк параўнаў: “Калі Яўгенія Янішчыц – ластаўка Палесся, то Люба Тарасюк – разумніца Палесся” [6], яна была вучаніцай В. Быкава і Н. Гілевіча, “яе праца па фармаванні нацыянальнай адукацыі і культуры – гэта працяг справы Алаізы Пашкевіч”, – так ахарактарызавалі калегі яе дзейнасць [6].

Яшчэ адна паэтэса і даследчыца літаратуры, выпускніца філалагічнага факультэта БДУ – **Галіна Тварановіч** (1955 г. н.)., кандыдат філалагічных навук (1985), доктар філалагічных навук (1999), аўтар паэтычных зборнікаў “Ускраек тысячагоддзя” (1996), “Верасы Дараганава” (2000), “Чацвёртая стража” (2004). Яе паэтычная творчасць прасякнута хрысціянскімі матывамі, роздумам над сэнсам чалавечага існавання, яго зямнога жыцця і Вечнасці. З 1999 г. Г. Тварановіч выкладае ва Ўнівесітэце ў Беластоку (Польшча).

Антаніна Хатэнка (нар. у 1956 г.) – пасля заканчэння філалагічнага факультэта БДУ працавала настаўніцай ў Задор’еўскай сярэдняй школе, пасля ў кнігарні “Палітычная кніга” (1979–1981 гг.), рэдактарам выдавецтва “Народная асвета” (1982 – 1985 гг.), у Белтэлерадыёкампаніі, Беларускім фондзе культуры, Літаратурным музеі Янкі Купалы, спецыялістам па этнаграфіі ААТСП “Іўкон”. Аўтар кніг “Здзічэлае рэха вясны”, “Зніч крыжовых дарог” (1992), “Чалавек на далоні Сусвету”, “Тры грацыі” (2002) і інш., сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў, культуролаг, этнограф.

Людка Сільнова (нар. у 1957 г.) – з 1986 г. працуе ў Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь, паэтэса, аўтар зборнікаў вершаў “Ластаўка ляціць” (1993), “Рысасловы” (1994), “Зачараваная краіна” (2007), “Горад Мілаград” (2016), фантастычных коміксаў “Агністыя дзьмухаўцы” (1997), кнігі вершаў з прысвячэннем “Зеленавокія воі і іх прыгажуні” (2001), кнігі літаратуразнаўчых твораў “Крышталёвы сад” (2007). Творы Л. Сільновай (вершы-малюнкі, “самаробныя” кнігі ў стылі “хэнд-мэйд-бук” або “арт-бук” і інш.) – прыклад адлюстравання новых, авангардных, мадэрнісцкіх кірункаў у беларускай літаратуры.

Хрысціна Лялько (нар. у 1956 г.) – беларуская пісьменніца і паэтэса, перакладчыца, аўтар кніг прозы “Дарога пад гару” (1985), “Світанак над бярозамі” (1989), кніг паэзіі “”На далонях любові” (2006), “Адвячорак” (2014). Працавала ў Літаратурным музеі Янкі Купалы, штотыднёвіку “Літаратура і мастацтва”, часопісе “Беларусь”, галоўным рэдактарам каталіцкіх часопісш “Наша вера”, “Ave Maria” (выдавецтва “Про Хрысто”), пра якія сама ўзгадвае так: “Дзякуючы гэтым выданням многія класікі беларускай літаратуры былі раскрыты для чытача і як у некаторым сэнсе хрысціянскія пісьменнікі” [15].

Многім выпускніцам-філалагіням дапамагала адточваць іх паэтычны талент факультэцкае літаратурнае аб’яднанне “Узлёт”, якое існавала ў 1964 – 1989 гг. (узначальваў Алег Лойка). У свой час старастай гэтага аб’яднання была выдатная беларуская паэтэса, перакладчыца **Ала Канапелька** (1960–2015) – выпускніца БДУ 1983 г., аўтарка паэтычных зорнікаў “Цвет алешыны” (1985), “Летазлічэнне” (1999), перакладала на беларускую мову творы ўкраінскіх, курдскіх, малдаўскіх, балгарскіх паэтаў, сябра Саюза пісьменнікаў СССР з 1985 г., працавала загадчыкам сектара Дома літаратара СП БССР, загадчыкам аддзела Беларускага фонду культуры, у часопісе “Полымя”, “Крыніца” і інш. Вельмі шчымліва гучаць радкі яе “Развітальнага верша”: *“У прыродзе ўсё рада: // мы навек, назаўжды! // То спрадвечная праўда // для травы і вады. // Ясна свецяць суквецці, // Прашумеў дождж і сціх… // Я прашу: // хоць на міг – // НЕ! // Ні слоўца аб смерці”* [8, с. 21].

У 1994 г. дыплом філолага пасля заканчэння БДУ атрымала **Людміла Рублеўская** (нар. у 1965 г.) – беларуская паэтэса, пісьменніца, літаратурны крытык, драматург, перакладчык, журналіст. Працавала ў часопісе “Першацвет”, газеце “Наша слова”, штотыднёвіку “Літаратура і мастацтва”, у 2003 – 2020 гг. аглядальніцай аддзела культуры газеты “СБ. Беларусь сегодня”, з верасня 2020 г. – у газеце “Звязда”. Л. Рублеўская мае багаты літаратурны плён: яна аўтарка зборнікаў паэзіі “Крокі на старых лесвіцах” (1990), “Адукацыя” (1990), “Замак месячнага сяйва” (1992), “Застаюся” (1996), “Балаган” (2000), “Рыцарскія хронікі” (2001), “Над замкавай вежай” (2003), “Шыпшына для Пані” (2007), “Вяртанне інфанты” (2015), кніг прозы “Старасвецкія міфы горада Б” (2002), “Сэрца мармуровага анёла” (2003, 2012), “Пярсцёнак апошняга імператара” (2005), “Ночы на Плябанскіх Млынах” (2013), “Сутарэнні Ромула” (2010), “Дагератып” (2017), “Пантофля Мнемазіны” (2018), серыі раманаў “Авантуры Пранціша Вырвіча” (2012 – 2020), шэрагу кніг для дзяцей, публіцыстычных артыкулаў, эсэ, перакладаў.

У сваю чаргу Л. Рублеўская разам з мужам В. Шніпам у 2002 г. стварылі літаратурную суполку “Літаратурны квартал” (пазней пераіменавана ў “Літаратурнае прадмесце”), якая аб’яднала вакол сябе новае пакаленне творцаў, у тым ліку выпускніц філфака БДУ. Сярод іх **Таццяна Барысюк** (нар. у 1971 г.), выпускніца БДУ 1995 г., аўтарка зборніка вершаў “Аўтапартрэт” (2002), шэрагу празаічных твораў, перакладаў; **Аксана Спрынчан** (нар. у 1973 г.), закончыла філфак БДУ у 1995 г., працавала рэдактарам у

выдавецтве “Беларуская энцыклапедыя”, з 2006 г. – рэдактар выдавецтва “Мастацкая літаратура”, аўтарка кніг паэзіі “Вершы ад А.” (2004), “ЖываЯ” (2008), “Кава з украінскім мёдам” (2017), SMS-п’ескі з антрактам-размовай праз тэлефон у сааўтарстве з Алесем Анціпенкам “Дарога і Шлях” (2006), беларускай энцыклапедыі пачуццяў “Хата для Моўчы” (2007), жаночага рамана “Беларускі дурань” (2011), твораў для дзяцей; **Наталля Капа (Казапалянская)** (нар. у 1984 г.) – аўтарка паэтычных зборнікаў “Панна каханка” (1998), “Бэзавыя дрэвы” (2002); **Наста Кудасава** (нар. у 1984 г.), выпускніца філфака 2006 г., скончыла магістратуру БДУ ў 2007 г., аўтарка зборнікаў паэзіі “Лісце маіх рук” (2006), “Рыбы” (2013), “Маё немаўля” (2016), “Вясна. Вуснам цесна” (2021); **Віка Трэнас** (нар. у 1984 г.), закончыла філфак БДУ ў 2007 г., беларуская паэтэса, крытык, публіцыст, перакладчык, працавала рэдактарам аддзела паэзіі часопіса “Маладосць”, аўтарка зборнікаў вершаў “Цуд канфіскаванага дзяцінства” (2005), “Экзістэнцыйны пейзаж” (2008).

Плённа працуе на ніве сучаснай жаночай паэзіі выпускніца філалагічнага факультэта БДУ 2004 г. **Марыя Мартысевіч** (нар. у 1982 г.) – беларуская паэтэса, пісьменніца, журналістка і перакладчыца, аўтарка кніг “Цмокі лятуць на нераст: эсэ ў вершах і прозе” (2008) і “Амбасада: вершы свае і чужыя” (2011). Працягнула добрую традыцыю працы на карысць “альма-матар” беларуская паэтэса, літаратуразнаўца **Вера Бурлак (Жыбуль, Джэці)** (нар. у 1977 г.). Закончыўшы філфак БДУ ў 2001 г., пасля асспірантуру БДУ ў 2004 г., атрымала вучоную ступень кандыдата філалагічных навук, працуе дацэнтам кафедры рускай літаратуры, даследуе дзіцячую літаратуру “сярэбранага веку”. Аўтарка кніг паэзіі “За здаровы лад жыцця” (2003), “Забі ў сабе Сакрата!” (2008, сумесна з В. Жыбулем), кнігі прозы “Творы соннага жанру” (2011), аўдыёкнігі Phantom of the Literature (2006), кнігі эксерыментальных вершаў, замалёвак і п’ес “Дзеці і здані” (2012) і інш.

Наш пералік літаратарак-выпускніц БДУ можна яшчэ доўга працягваць, бо па-за ўвагай дадзенага артыкула засталіся выдатныя творцы, выпускніцы іншых факультэтаў БДУ, напрыклад, факультэта журналістыкі (Нэлі Тулупава, Таццяна Сапач, Алена Брава і інш.), гістарычнага факультэта (Валянціна Аксак і інш.), хімічнага факультэта (Галіна Булыка і інш.) і іншых факультэтаў Белдзяржуніверсітэта. Што тычыцца філалагічнага факультэта, то тут пералік, канешне ж, не поўны, тым больш, што падрастае ўжо новае пакаленне творцаў, якое гуртуецца на базе літаратурнага аб’яднання “Альтанка” і якім з 2008 г. па 2021 г. кіравала **Ірына Багдановіч** – беларуская паэтэса і літаратуразнаўца, якая хоць сама і не заканчвала філалагічнага факультэта БДУ, але працавала ў ім з 1996 г. па 2021 г. дацэнтам кафедры гісторыі беларускай літаратуры і шчодра дзялілася сваімі паэтычнымі навыкамі са студэнтамі. І. Багдановіч – аўтарка зборнікаў вершаў “Чаравікі маленства” (1985), “Фрэскі” (1989), “Вялікдзень” (1993), “Сармацкі альбом” (2004), “Прыватныя рымляне” (2006), “Душа лістападу” (2012), “Залатая горка” (2016). Яе паэзія – “паэтычны роздум пра сутнасць чалавечага жыцця і ролі ў ім творчасці, аб тых духоўных арыенцірах, якія задаюць нябёсны вектар зямному існаванню, аб незгасальных патрыятычных ідэалах, што асвячаюць сувязь чалавека з роднай зямлёй і яе гісторыяй” [14, с. 505]. Пагэтаму мы ўпэўнены, што будучае ў філалагічнага факультэта БДУ багатае і таленавітае.

1. Бліскавіцы: анталогія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду / уклад., камент. А. Данільчык, В. Жыбуля. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 448 с.
2. Вярба, В. Альфа: рукапіс паэмы / В. Вярба // БДАМЛМ. – Фонд 55. – Воп. 1. – Справа 317. – Арк. 1 – 7.
3. Вярба, В. Апошні верасень. Выбранае: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 270 с.
4. Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 430 с.
5. Гарэцкі, Р. Браты Гарэцкія / Р. Гарэцкі. – Мінск: Медысонт, 2008. – 344 с.
6. “Гілевіч і Быкаў выхавалі палесскую разумніцу” / Рацыя: беларускае радыё // [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: https://www.racyja.com/kultura/192411/ – Дата доступу: 07.02.2022.
7. Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. / уклад. Гніламёдаў У.В., Лаўшук С.С. У 4 тамах. Том 3. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 952 с.
8. Канапелька, А. Летазлічэнне: вершы / А. Канапелька. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 127 с.
9. Каржанеўская, Г. Невымоўнае: вершы / Г. Каржанеўская. – Мінск: Маст. літ., 1991. – 287 с.
10. Кароткая гісторыя БДУ // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: афіцыйны сайт // [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: https://time.bsu.by/ru/bsu-hist.html – Дата доступу: 07.02.2022.
11. Цётка. Выбраныя творы / Цётка. Мінск: МГА “Беларускі кнігазбор”, 2001. – 333 с.
12. Шматкова, І.І. Беларуская жаночая паэзія другой паловы XX стагоддзя / І.І. Шматкова. – Мінск: РІВШ, 2017. – 144 с. // [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/187738/1/Bel_zhan_poesia_20.pdf – Дата доступу: 07.07.2021.
13. Шматкова, І.І. Наталіцца роднасці святлом…: Агульнае і адметнае ў творчасці Е. Лось, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай / І.І. Шматкова. – Мінск: Ковчег, 2011. – 148 с. [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32836393 – Дата доступу: 07.02.2022.
14. 14.Шматкова, І.І. Экзістэнцыйныя пошукі паэзіі Ірыны Багдановіч / І.І. Шматкова // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сб. науч. статей по материалам II Междунар. научно-практ. конф., УО ”Полесский государственный университет“, г. Пинск, март 2021 г. / [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45426330 – Дата доступу: 07.02.2022.

15. «Я з тых, хто рукамі і зубамі трымаецца за родную зямлю» // Лідская газета // [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: http://lidanews.by/news/culture/6216news.html – Дата доступу: 07.02.2022.
16. Янішчыц, Я. У шуме жытняга святла: вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 1988. – 414 с.

УДК 821.161.3.09-3

ФІЛАСОФСКА-АЛЕГАРЫЧНЫ РАМАН К. ЧОРНАГА: ПРАБЛЕМА СВЕТУ И ЧАЛАВЕКА

Вольга Жылевіч
Палескі дзяржаўны ўніверсітэт, Пінск, Беларусь
jilevitch@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца прынцыпы адлюстравання чалавека і света на вайне ў філасофска-алегарычным рамане. Матэрыялам для аналізу з'явіўся твор беларускага пісьменніка К. Чорнага "Млечны шлях", як вельмі яскравы ўзор рэпрэзентацыі ваеннай праблематыкі скрозь прызму філасофскай думкі.

Ключавыя словы: мадыфікацыя, алегорыя, мадэляванне, быццё, светаўспрыманне, філасофскі раман, міфалагізм.

K. CHORNY'S PHILOSOPHICAL AND ALLEGARY NOVEL: THE PROBLEM OF THE WORLD AND PERSON

Olga F. Jilevich
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The article deals with the principles of portraying a person in a war in a philosophical and allegorical novel. The material for the analysis was the work of the Belarusian writer K. Chorny "The Galaxy Way", as a very vivid example of the representation of military issues through the prism of philosophical thought.

Keywords: modification, allegory, modeling, being, worldview, philosophical novel, mythologism.

Філасофска-алегарычны раман – сінтэтычная жанравая мадыфікацыя, у якой мастацкае, вобразна-іншасказальнае асэнсаванне рэчаіснасці спалучаецца з навукова-лагічным яго мадэляваннем. На працягу ўсяго XX стагоддзя гэтыя розныя формы спасціжэння свету наблізіліся ў некаторых філасофскіх кірунках.

Да гэтага перыяду філасофія не даследавала асобу буйным планам, а займалася, галоўным чынам, пошукамі агульных заканамернасцяў быцця. Таму паміж філасофіяй і мастацкай літаратурай існаваў значны разрыў. Аднак калі многія заходнееўрапейскія філосафы зрабілі ключавым аб'ектам свайго аналізу быццё чалавека, то бок менавіта тое, што заўсёды было прэрагатывай пісьменнікаў, разрыў значна скараціўся. Гэта садзейнічала больш шырокаму і натуральнаму ўзаемапранікненню філасофіі і літаратуры.

На думку М. М. Зіндэ, "філасофія можа ўваходзіць у твор рознымі спосабамі" [1, с. 5]. З аднаго боку, яна непасрэдна аказваецца на старонках белетрыстыкі ў аўтарскіх адступленнях, у спрэчках або разважаннях персанажаў, але не закранае апавяданне на сюжэтным узроўні. Ствараючы інтэлектуальна насычаную атмасферу, падвышаючы ўдзельную вагу аналітычнага пачатку, філасофія ў гэтым выпадку ўсё ж такі не вызначае манеру паводзін герояў, застаецца вонкавай па стаўленні да мастацкага зместу твора, а часта яшчэ і значна аслабляе яго апавядальную канву.

З іншага боку, аўтары ажыццяўлялі сінтэз філасофскага і мастацка-іншасказальнага на ўзроўні структуры твора. Філасофскі тэзіс вызначаў спосаб мыслення герояў, іх учынкі і паводзіны. Такім чынам, у аснове сучаснага філасофска-алегарычнага рамана знаходзіцца мастацка-філасофская думка, аформленая з дапамогай алегорыі, і сфарміраваная па вобразна-паняційных прынцыпах адлюстравання мыслення сваёй эпохі. Алегорыя ў дадзеным выпадку ўяўляе сабою не адзінкавы троп, а ўяўляе сабою апавяданне, якое арганізуе ўвесь твор цалкам, элементы якога ўтрымоўваюць сімвалічныя значэнні, якія ляжаць у аснове яго другога значэння.

Як адзначае К. Вандэндорп, "у філасофска-алегарычным творы зліваюцца разам лагічнае паняцце, канкрэтны вобраз і маральная схема" (Тут і далей пераклад наш – В. Ф. Жылевіч) [2, с.16]. У той ці ступені ў алегорыі канкрэтнае аблічча з'яў спрашчаецца або дэфармуецца для пэўнасці выказвання аўтарскай думкі. Таму ў такім творы сціраецца жыццёвая разнастайнасць эпічнага рамана і ствараецца больш-менш штучны мастацкі свет.

У XX стагоддзі для вырашэння сваіх мастацка-эстэтычных ідэй да філасофска-алегарычнага рамана звярталіся і працягваюць звяртацца такія аўтары як Дж. Голсуорсі, А. Жыд, Т. Ман, Л. Піранделла, Г. Уэлс, Т. Фантане, А. Франс, Ж. -П. Сартр, А. Камю, А. дэ Сэнт-Экзюперы, М. Гарэцкі, Веркор, А. Мердак, Г. Гарсія Маркес, К.Чорны, В. Быкаў, Ул. Караткевіч, П. Зюскінд, Ж.-М. Г. Леклезіё, М. Турнье, С. Жэрмэн. “Мастацкая філасофія кожнага з аўтараў – гэта спроба аб’яднаць у творах філасофскую, навуковую і мастацкую карціны свету, зыходзячы з яе ўніверсальнасці, або набліжаючыся да яе” [3, с. 64]. Нягледзячы на відавочную распаўсюджанасць філасофска-алегарычнага рамана, многія яго спецыфічныя асаблівасці да гэтага часу не распрацаваны на належным узроўні.

Мэта дадзенага артыкула – прааналізаваць прынцыпы адлюстравання чалавека на вайне ў філасофска-алегарычным рамане беларускага пісьменніка К. Чорнага “Млечны шлях” (1944), як вельмі яскравы ўзор рэпрэзентацыі ваеннай праблематыкі скрозь прызму філасофскай думкі.

Ваенныя падзеі XX стагоддзя – рэвалюцыі, Першая і Другая сусветная вайна, “халодная вайна”, вайна ў Косава, Чачні, Іраку, “аранжавыя рэвалюцыі” – пакінулі жахлівы след у гісторыі чалавецтва. Вайна супярэчыць чалавечай натуры, але ў той жа самы час чалавек прадстаўлены ў межах духоўнай і фізічнай улады. Філасофскі раман, як гібкі і мнагамерны літаратурны жанр, дае магчымасць адлюстраваць шматаспектнасць чалавечага існавання ва ўмовах ваеннай рэчаіснасці ў кантэксце філасофскіх думак і светапогляду пісьменнікаў.

У філасофіі прыроду вайны, у прыватнасці дылемы “мір-вайна”, “дабро-зло”, “насілле-ненасілле” даследавалі ў розныя перыяды – ад Арыстоцеля і да П. Сарокіна. Як вядома, існуе некалькі канцэпцый філосафаў на прыроду вайны і міру:

1. Л. Талстой, М. Гандзі, М.-Л. Кінг, А. Фарчун, А. Гусейнаў і іншыя прытрымліваюцца думкі, што вайна – гэта абсалютнае зло, ад яе неабходна цалкам адмовіцца. Ідучы за хрысціянскім вучэннем аб ненасіллі, Л. Талсты актыўна выказваўся за “абсалютны мір”. Амерыканскі даследчык А. Фарчун лічыць, што нават у сітуацыях, якія пагражаюць жыццю чалавека, ён не павінен скарыстоўваць жорсткасць у адказ [4, с. 185].

Канцэпцыю Л. Талстога працягваюць М. Гандзі і М.-Л. Кінг, якія распрацоўваюць пацыфізм – рух за мір ва ўсім свеце ў яго разнастайных варыянтах. Яны прапаноўвалі альтэрнатыву вайне ў ненасільнай форме супраціўлення ворагу, сэнс якога заключаецца не ў пакорнасці, а ў здольнасці бакоў знайсці кампраміс і мабілізаваць сілы духа кожнага чалавека. Такі падыход уключае цэлы комплекс мер – дыпламатычных перагавораў, мірных выступленняў, выкарыстанне аратарскіх прыёмаў, спецыяльнай методыкі ненасільных дзеянняў.

2. Вайна можа быць справядлівай. Яна дапускаецца, хаця з’яўляецца сумнай неабходнасцю. Таму патрэбна памятаць пра ваенную дабрачыннасць, выхоўваць тых, хто павінен абараняць Айчыну. Так лічаць І. Ільін, С. Булгакаў.

У процілегласць Л. Талстому, І. Ільін крытыкуе вучэнне рускага мысляра за абсалютнае адмаўленне насілля і вайны. Ён робіць акцэнт на мужнасці і гераізму, як ключавых каштоўнасцях у праваслаўнай, свецкай і воінскай этыкі. Вучоны лічыць, што неабходна паважаць свайго ворага, але ён не выступае супраць вайны. На яго думку, вайна – цяжкая неабходнасць, але ён таксама адмоўна адносіцца і да пацыфізму [5, с. 163].

3. Вайна можа мець месца толькі ў крайнім выпадку, хаця можа быць і справядлівай. У вырашэнні спрэчных палітычных пытанняў неабходна аддаваць перавагу дыпламатычным метадам, выхаванню высокай маральнасці, а таксама ўмацаванню сілы веры і духа. Прыхільнікамі гэтай канцэпцыі выступаюць У. Салаўёў, Г. Нібур, А. Кавалёў, Ф. Мейерс. Яны лічаць, што не трэба ні ў якім выпадку адмаўляць сэнс ненасілля падчас урэгулявання палітычных адносінаў. Да вайны можна прыбягаць толькі ў самых выключных выпадках, піша ён.

На думку А. Кавалёва, гармонія ў грамадстве – гэта калі суіснуюць насілле і ненасілле, дабро і зло [6, с. 260]. Ён лічыць, што дабро і зло рэгулююцца самой прыродай, насілле і зло патрэбны ў разумных межах.

Такім чынам, пералічаныя канцэпцыі заснаваны на асэнсаванні вопыта XX стагоддзя. З аднаго боку, даследчыкі цалкам адмаўляюць вайну, выказваюць неабходнасць данесці да грамадства рознымі сродкамі ідэі ненасільнага супраціўлення і дыпламатычнага вырашэння міжнародных канфліктаў. З іншага боку, некаторыя сучасныя вучоныя вопыт ненасілля ўспрымаюць або як утопію, або як дактрыну.

Абодва пісьменніка былі непасрэднымі сведкамі ваенных дзеянняў. К. Чорны – Другой Сусветнай вайны, Ж.-М. Г. Леклезіё праходзіў ваенную службу ў Тайландзе падчас канфліктаў у яе паўднёвай частцы.

К. Чорны – актыўны публіцыст, ён выказваў свае сацыяльна-грамадскія погляды ў артыкулах, нарысах, эсэ. Захавалася мноства зваротаў, памфлетаў і палітычных фел’етонаў К. Чорнага, у якіх пісьменнік заклікаў суайчыннікаў на барацьбу з захопнікамі. Пісьменнік прызнаваўся, што да вайны ён прытрымліваўся пацыфісцкіх поглядаў, але калі паўстала пагроза фашызму, зразумеў, што трэба ваяваць, трэба даць адпор фашысцкай арміі і самой ідэалогіі фашызму. Ён верыў у сілу грамадскай думкі, верыў і ў

тое, што чалавечае слова можа паўплываць на палітыку ўрада. Празаік лічыў, што перад тварам найстрашнейшай зброі людзі не могуць не ўсвядоміць, што нападлюбой краіны не дасць іншага выніку, акрамя ўсеагульнага знішчэння.

Беларускі аўтар перадаваў драматычныя ваенныя падзеі ў сваіх творах: у апавяданнях саракавых гадоў (“Маленькая жанчына”, “Прасторны дом”, “Вялікае сэрца”), у раманах розных часавых перыядаў (“Вялікі дзень”, 1941-1944, “Млечны шлях”, 1944).

У філасофска-алегарычным творы “Млечны шлях” К. Чорнага адлюстроўваецца Другая сусветная вайна (1939-1945).

Аповед твора – неразгалінаваны, сюжэт уяўляе сабой універсальны пачатак сканцэнтраваный сітуацыі. У “Млечным шляху” няма маштабных вайсковых дзеянняў, уся напруга тэкста – у псіхалагічных маналогах, партрэтах і паводзінах герояў, атмасферы жывёльнага страху і тонкай мяжы паміж шчырасцю і здрадай.

Раман “Млечны шлях” – гэта гісторыя суіснавання двух сусветаў, праз якія аўтар на розных узроўнях засяроджвае ўвагу на адной і той жа праблеме. У рамане К. Чорнага першы сусвет складае светабачанне чатырох герояў-незнаёмых: немца, беларуса, паляка, чэха, якія выпадкова сыходзяцца ў адным пункце зямнога шару. Аб’яднаныя жаданнем выжыць, роўныя перад тварам дзіцяці, яны спавядаюцца, агаляючы раны душы. Другі сусвет – гэта вобраз Ганусі Сямагі, якая з’яўляецца сімвалічным увасабленнем гора і пакут, чысціні, няспыннасці жыцця.

У творы ключавую сэнсавую нагрузку нясе матыў блукання, які адцяняе філасофска-абагулены паказ рэчаіснасці. Гаворка ідзе пра блуканне людзей. У “Млечным шляху” у пачатку твора аўтар паказвае чатырох герояў – незнаёмых адзін аднаму, ён не называе іх імёнаў, не тлумачыць іх нацыянальную прыналежнасць, сацыяльнае становішча і тым самым свядома прымушае чытача разабрацца ў прычынах іх падазронасці. “Гэты другі меў такі выгляд, што не ўгадаць было б, колькі яму год. Можа ён быў стары, а можа зусім малады. <…> Але ўвага і насцярожанасць вельмі востра былі напісаны на яго твары. Цяжка было зразумець, ці гэта на быка, ці на чалавека ён нарыхтаваўся кінуцца.” [7, с. 7] – піша аўтар.

Пісьменнік не называе месца, адкуль пачынаецца шлях герояў: “Рыжы бык адбіўся ад вялікай чарады, якую нямецкія салдаты гналі кудысьці на станцыю… Тут льга было прайсці вялікую прастору і не напаткаць чалавека і яго аселішча.” [7, с. 8].

Сэнс блукання ў К. Чорнага заключаны ў мэце руху. У творы мае месца трагічны фінал. У К. Чорнага хада герояў прыводзіць да спаленай хаты і павешанай фашыстамі маці Уладзіміра Ярмаліцкага. Аўтар піша: “Ні Новак, ні Мікалай Сямага з Ганусяй не абазваліся і словам. Яны стаялі як анямелыя.” [7, с. 119] Забойства Ярмаліцкім нямецкага салдата і разгубленасць герояў сведчаць аб тым, што вайна асуджвае людзей на бясконцае блуканне і немагчымасць здабыць шлях да радзімы, якую захапілі фашысты.

Ідэйна-філасофскі сэнс твора зашыфраваны таксама і ў сістэме сімвалаў і алегорый. Мастацкая ўмоўнасць дапамагае ў творы засяродзіцца на глабальных пытаннях сутнасці жыцця і прызначэння чалавека ў ваенных умовах. У К. Чорнага вобраз-алегорыя *Млечнага Шляху* як імкненнем чалавека да светлай будучыні, дапамагае аўтару выкрыць самую сутнасць фашысцкай ідэалогіі. Вобразы-сімвалы адзінокай хаты як “Ноевага каўчэгу”, вайны як сусветнага патопу ўвасабляюць аўтарскую філасофскую ідэю.

Такім чынам, прытчава-алегарычнае светаўспрыманне ў апавяданні – гэта маркер філасафічнасці тэксту. Апеліруючы да ўзнаўлення алегарычнай карціны свету, аўтар прытчавай формы ўніверсалізуе філасофскую праблематыку, падкрэслівае яе тэмпаральнасць і татальнасць у дыяхронным і сінхронным зрэзах.

Філасофскія пошукі беларускага пісьменніка характарызуюцца сувяззю з праблемамі часу і задачамі развіцця літаратуры. У філасофска-алегарычным рамане “Млечны шлях” К. Чорнага падымаюцца праблемы быцця і чалавечай асобы, гістарычныя падзеі асэнсоўваюцца скрозь прызму месца чалавека ў іх. Умоўна-алегарычны змест рамана дазваляе наблізіцца да спасціжэння ўнутранай ідэі.

1. Зинде, М. М. Творчество Уильяма Голдинга: (К проблеме философского аллегорического романа) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.05 / М. М. Зинде. – Москва, 1979. – 15 с.
2. Vandendorpe, Ch. Allégorie et interprétation / Ch. Vandendorpe // Poétique. – № 117, février 1999. – P. 75-94.
3. Жылевіч, В. Ф. Французскі раман-прытча другой паловы XX стагоддзя: ад «вечных» пытанняў да сучасных праблем грамадства / В. Жылевіч // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2009. – № 2. – С. 64–69. – DOI: https://elibrary.ru/item.asp?id=22999302
4. Fortune, A. Violence as Self-Sacrifice : Creative Pacifism in a Violent World / A. Fortune // Journal of Speculative Philosophy. – 2004. Vol. 18, № 3. – P. 184-192.
5. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою / И. Ильин // Бердяев Н.А. Кошмар злого добра. – М. : Наука, 2005. – 576 с.
6. Ковалев, А. М. Способ духовного производства в структуре общества / А. М. Ковалев. – М. : Наука, 2001. – 387 с.
7. Чорны, К. Зборнік твораў у 8 т. Т. 8 / К. Чорны. – М. : Маст. Літ., 1975. – Т. 8. – 616 с.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 7.091.4:394.2(476) (510)

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ФЕСТИВАЛИ КАК ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ли Чан
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь
lc15938053533@gmail.com

Автором публикации сделана попытка применить подходы известных советских исследователей Ю. В. Бромлея и Д. С. Лихачева к изучению этнокультурных фестивалей Беларуси. В статье содержится довольно полная информация о Республиканском фестивале национальных культур, проводимом в Гродно. Отмечается, что в Китае традиционные фестивали этнических меньшинств представляют собой пространство межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Беларусь, Китай, коммуникация, культура, нация, нематериальной культурное наследие, фестиваль, этнос

ETHNO-NATIONAL FESTIVALS AS AN EASTERN EUROPEAN SPACE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Li Chang
Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

The author of the publication made an attempt to apply the approaches of well-known Soviet researchers Yu. V. Bromley and D. S. Likhachev to the study of ethnocultural festivals in Belarus. The article contains fairly complete information about the Republican Festival of National Cultures held in Grodno. It is noted that in China, traditional festivals of ethnic minorities are a space for intercultural communication.

Keywords: Belarus, China, communication, culture, nation, intangible cultural heritage, festival, ethnos

В гуманитарном дискурсе понятие «культура» осмысливается неоднозначно. Этнографы под культурой понимают специфический для каждого этноса комплекс обычаев, обрядов, верований, особенностей трудовой деятельности, быта народа. В границах антропологического подхода к определению сущности культуры сложилась концепция единого плана строения культуры или универсальная модель культуры с набором элементов, общих для всех известных культур – возрастное деление, ритуалы, разделение труда, этика, народные праздники, фольклор, игры и т.д. [1, с. 8, 36]. Российский ученый Ю. В. Бромлей в работе «Очерки теории этноса» особо выделяет этнические функции культуры [2, с. 88-143]. Бромлей высказывается о синтезе этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств культуры. Последние теснейшим образом сопряжены с коммуникативной функцией культуры, обеспечивающей характерные для этноса информационные связи в сфере культуры – передачу этнокультурной информации или «кода» этнических свойств, носителем которых выступает повседневная культура, прежде всего ее традиционные формы. Обмен сведениями этнокультурного характера осуществляется, прежде всего, посредством речи (устной или письменной). Наиболее действенными в процессе коммуникации являются непосредственные, личностные контакты людей, несмотря на развитие в XX–XXI вв. средств массовой информации.

Белорусскими культурологами установлено, целостность культуры этнической общности определяется множеством различных типов связей. Например, имеют место взаимосвязи между такими комплексами культуры, как фонетический строй языка и мелос народной музыки. Речевая интонация сыграла важную роль в становлении многих качеств белорусской народной песни, взятой в качестве поэтико-музыкального феномена. В речевом интонировании музыкальная интонация находила опору и образец. Существуя вместе со словом, она впитывала богатые оттенки языка, перерабатывая их применительно к своей художественной специфике. Тесная связь между этими обеими формами интонирования присуща белорусской песне, выработавшей круг образности при постоянном взаимодействии слова и напева. Ритмика песни закрепила наиболее показательные явления народной поэтики, а через нее – особенности белорусского языка.

Этнокультурная информация усваивается человеком в большинстве случаев непроизвольно. Традиции и преемственность имеют основополагающее значение в воспроизводстве этноса во времени.

Вместе с тем, для функционирования этноса важна также информация, обеспечивающая его стабильность в пространстве. «В известном смысле, – полагает Бромлей, – этносы представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты – обмен такой информацией» [2, с. 111]. Этносом, безусловно, востребована культура с ее коммуникативной функцией временного и пространственного планов.

Следует отличать этническую культуру от культуры этноса (нации) [2, с. 123-124], «белорусскую культуру» от «культуры Беларуси» [3, с. 40]. Понятия «культура этноса (нации)», «культура Беларуси» – более широкие, включают в себя не только этнические, национально-специфические, но и межэтнические, интернациональные компоненты культуры. По мнению белорусского искусствоведа О. В. Дадиомовой, словосочетанием «культура Беларуси» акцентируется внимание на региональном аспекте, весьма существенном в истории белорусского народа и нации. Консолидирующим фактором формирования белорусского общества стала общность исторических судеб многих поколений людей, составляющих это общество. Длительное их совместное проживание в примерно одинаковых климатических условиях, на одной территории вело к появлению определенного культурного единообразия. На наш взгляд, правомерна исследовательская позиция Дадиомовой, которая настаивает на том, что к музыкальной культуре Беларуси принадлежат авторские произведения, даже только содержащие элементы белорусского «происхождения» [3, с. 22].

В культуре можно выделить два генетически различных слоя: исторически более ранний («нижний») слой, состоящий из унаследованных от прошлого компонентов культуры и исторически поздний («верхний») слой, включающий актуальные культурные явления. Культура представляет собой органическое единство преемственности и обновления ее компонентов, причем инновации могут как заимствоваться, так и возникать в среде без влияния извне. Временные, неустойчивые компоненты культуры выполняют определенные этнические функции, придавая этнической общности в каждый период времени неповторимый колорит. Однако не этот слой культуры несет основную этническую нагрузку. Ее берут на себя наиболее устойчивые компоненты культуры, составляющие как бы ее каркас [2, с. 129].

Отношение к прошлому осмысливалось российским академиком Д. С. Лихачевым. В соответствии с его идеями, каждый человек – носитель прошлого, национального характера. «Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности. Отрывая себя от национальных, семейных и личных корней, он обрекает себя на преждевременное увядание» [4, с. 451]. Необходимо культивировать в себе лучшие национальные черты своего народа, развивать чутье языка, изучать родное искусство. История всего мира должна быть введена в круг духовности человека.

Явления культуры, как считает Бромлей, двойственны. Наряду со своим явным выражением они обладают смыслами, определяемыми их скрытыми значениями. Такие значения постигаются разумом, эстетическим чувством, нравственной интуицией, но не открываются в предмете с первого взгляда. В них – ключ к пониманию культуры. В любом организованном человеческом сообществе реакция людей на внешние стимулы не прямая, но опосредованная культурой, ее значениями. Не зная значений культурных явлений, невозможно уяснить их сути [2, с. 124-125].

К изучению обозначенных нами проблем этнографии, культурной антропологии целесообразно привлекать имеющиеся в научной литературе материалы об этнонациональных фестивалях Беларуси. Такого рода мероприятия призваны демонстрировать культурные традиции, самобытность различных этнических групп. Они способствуют формированию пространства межкультурной коммуникации, взаимно обогащают представления народов друг о друге.

В Беларуси на постоянной основе организуются Международные фестивали, в том числе и фольклорные. Их участниками «являются представители Республики Беларусь и не менее пяти зарубежных стран» [5, с. 3]. Известен Международный фестиваль театрального искусства «Славянские театральные встречи» в г. Гомель. Фестиваль объединяет артистов Брянской, Черниговской и Гомельской областей. Он ориентирован на создание межкультурного пространства, укрепляет профессиональные контакты между представителями театральных сообществ ближнего и дальнего зарубежья. В Гомеле также проходит Международный фестиваль хореографического искусства «Сожский хоровод».

В Витебской области ежегодно проводится Международный фестиваль песни и музыки Поднепровья России, Беларуси и Украины «Днепровские голоса в Дубровно». К участию в фестивальных показах в разные годы привлекались фольклорные коллективы из стран Балтии, Словакии, Молдовы, Украины, России, Беларуси [6, с. 5]. Популяризации народной музыки посвящены программы Международного фестиваля «Звіняць цымбалы і гармонік» в г. Поставы.

Сохранению этнокультурного разнообразия способствуют Международные фестивали, сформировавшиеся в сельской местности: фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся» в дер. Лясковичи Петриковского района Гомельской области, фестиваль фольклора «Мотальскія прысмакі» в дер. Мотоль Ивановского района Брестской области. На наш взгляд, в Беларуси децентрализация фестивальной жизни осуществляется под влиянием постмодернизма. Именно в русле этой культурной парадигмы

стираются границы между центром и периферией, сокращается разрыв между творцом культурного продукта и его потребителями.

Один раз в два года проходит Республиканский фестиваль национальных культур в г. Гродно – центре белорусско-польско-литовского пограничья [7]. Фестиваль собирает на своих площадках представителей всех 140 этносов, проживающих на территории современной Беларуси. Так, в 1996 г. в ходе фестивальных мероприятий свою традиционную культуру – песни, танцы, декоративно-прикладное искусство, национальные кухни – смогли продемонстрировать украинцы, русские, поляки, евреи, татары, армяне, молдаване, литовцы, азербайджанцы, корейцы, немцы. В 1998 г. в рамках фестиваля прошли III фестиваль песни украинцев Беларуси, торжества в честь 600-летия поселения татар на Беларуси, Республиканский конкурс рождественских коллективов поляков Беларуси, азербайджанский праздник Навруз-Байрам, молдавский Мартинор, русская Масленица.

Статус Всебелорусского фестиваль национальных культур приобрел в 2000 г. В этом году его посетили руководители дипломатических миссий Польши, Молдовы, Литвы, Израиля, Эстонии, Турции, представители посольств России и Украины. К фестивальному движению в 2002 г. подключились национальные объединения узбеков, туркмен, марийцев, чувашей, дагестанцев, афганцев. Фестиваль 2004 г. был приурочен ко Всемирному дню культурного разнообразия во имя диалога и развития, учрежденному Генеральной Ассамблеей ООН. Событием фестиваля названа работа 17 национальных подворий.

В 2006 г. новыми членами фестиваля стали международное общественное объединение «Белорусско-палестинская община», объединение казахов «Аль-Мекен», любительское объединение «Хоровод», созданное в Ганцевичском районе и объединившее представителей 8 национальностей. Был подписан Договор о сотрудничестве между «Домом народов России», Общероссийской общественной организацией «Ассамблея народов России» Российской Федерации и Республиканским центром национальных культур Министерства культуры Республики Беларусь. «Договор предусматривал обмен делегациями сотрудников, творческими коллективами, выставками народного творчества, участие представителей сторон в фестивалях, научных конференциях, семинарах, «круглых столах», осуществление совместных культурных, научно-исследовательских и просветительских программ в сфере культур народов России и Беларуси» [7, с. 220].

На фестивале национальных культур в 2008 г. были представлены 53 общественных объединения 27 национальностей: болгарские, кабардино-балкарские, арабские и др. национальные коллективы. В приветственном адресе, направленном гостям и участникам фестиваля Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, подчеркивалось, фестиваль является примером государственной политики, в основу которой заложены традиции взаимопомощи и добрососедства. В 2016 г. фестиваль прошел под лозунгом «Белорусы – объединяющая нация». К фестивалю присоединились иранцы, сирийцы, ланкийцы, американцы и нигерийцы.

В современном мире фестивали чрезвычайно востребованы в качестве формы и способа межнационального общения студенческой молодежи. Об этом свидетельствуют примеры, взятые из жизни двух белорусских ВУЗов. Работа Республиканского фестиваля творчества иностранных студентов учреждений высшего образования «F.-ART.by» направлена на формирование устойчивых культурных связей в молодежной среде. В рамках фестиваля кафедрой языковой подготовки белорусских и иностранных граждан Гродненского государственного университета им. Я. Купалы был проведен фестиваль национальных культур «Радуга толерантности» под девизом: «Мы разные – в этом наше богатство, мы вместе – в этом наша сила!». Одной из задач фестиваля определено воспитание чувства уважения к обычаям, традициям и культуре разных народов. Представители 14 стран мира из Беларуси, Туркменистана, Китая, Нигерии, Конго, Шри-Ланки, Ганы, Пакистана, Германии, Ирака, Турции, Эквадора, Камеруна, Непала продемонстрировали посетителям фестиваля особенности культуры своих стран, одновременно сами познакомились со спецификой и национальным своеобразием культуры белорусского народа [8].

В рамках фестиваля «Арт-мажор» в 2017 г. на базе кафедры народно-инструментального творчества БГУКИ был создан концертный проект «Музыкальный шелковый путь». Целью проекта стало укрепление взаимодействия между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь. В концерте принимали участие китайские музыканты, исполнившие произведения на народных инструментах «ди, цзинху, гучжэне и других, как самостоятельно, так и в составе коллективов университета» [9, с. 187-188]. Из белорусских и китайских студентов кафедры народно-инструментального творчества БГУКИ, владеющих техникой игры на разнообразных белорусских и китайских народных инструментах, сформирован ансамбль «Zabava-international». В его репертуаре – концертные обработки китайского музыкального фольклорного материала.

Д. С. Лихачев в свое время писал: «Национальные черты народа существуют не в себе и для себя, а для других» [4, с. 435]. Они проступают только при взгляде извне и в сравнении, поэтому обязательно должны быть восприняты другими народами. В Китае, например, существуют традиционные фестивали этнических меньшинств, такие как «Фестиваль брызг воды» у народа дай, «Фестиваль конского молока» у монгольского народа, «Фестиваль лодок-драконов» у народа мяо. Все перечисленные и другие фестивали

тоже ежегодно привлекают огромное количество туристов. В провинции Ганьсу проводится множество фестивалей этнических меньшинств, являющихся проектами нематериального культурного наследия. Один из них – «Благоприятный фестиваль Тянган» в округе Чжоуцюй, префектура Ганнан. Это своеобразное жертвоприношение в надежде на хороший урожай. «Фестиваль воды Бажай» и «Фестиваль стрел» очень загадочны, поэтому туристы также жаждут принять в них участие. Кроме того, свадебные церемонии в некоторых местах весьма своеобразны. «Фестиваль Тяньшуй Тайхао Фуси», «Вера Пинлянь Сиванму», «Фестиваль Цинян Чжоуцзу», свадебные обычаи Тяньчжу Тус, тибетские свадебные обычаи Хуаруй и т.д. позволяют всем желающим окунуться в праздничный калейдоскоп народной культуры, что способствует знанию и сохранению обычаев и традиций культурного наследия различных этносов Китая.

В современной экологии существует проблема сохранения биоразнообразия в природе. Уменьшение биологического разнообразия флоры и фауны ведет к потере устойчивости природных экосистем. Наоборот, повышение видового разнообразия увеличивает потенциал живых организмов биосферы. Сохранение многообразия этнокультурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение биоразнообразия окружающего мира. Природа обладает способностью к самовосстановлению, она сама помогает человеку выравнивать нарушенное динамическое равновесие. Исчезновение же памятников культуры, утрата многовековых традиций народного быта и творчества невосполнимы. Лихачевым введено в научный оборот понятие «экология культуры». ««Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды, полагает он, крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью» [4, с. 492]. «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [4, с. 483]. Сохранение нематериального культурного наследия, традиционной культуры народов мира является целью большинства широко известных этнокультурных фестивалей.

1. Культуралогія: тэорыя культуры: вучэб. дапам. / А. І. Смолік, Л. К. Кухто. – Мн. : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2008. – 281 с.
2. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 412 с.
3. Дадзіёмава, В. У. Музычная культура Беларусі XVIII стагоддзя: гісторыка-тэарэтычнае даследаванне / В. У. Дадзіёмава. – Мн. : Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, 2002. – 384 с.
4. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Избранные работы: В 3-х т. – Т. 2. Великое наследие; Смех в Древней Руси; Заметки о русском. – Л. : Художественная литература, 1987. – С. 418–496.
5. Положение о порядке организации и проведения на территории Республики Беларусь фестивалей, конкурсов, форумов, праздников и пленэров, финансируемых из республиканского и (или) местных бюджетов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 апр. 2015 г. № 263 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/upload/docs/op/C21500263_1428354000.pdf. – Дата доступа : 20. 09. 2021.
6. Андреев, Д. В. Фестивали Витебской области и их роль в развитии современного событийного туризма / Д. В. Андреев // Сб. 71-й науч. конф. студ. и асп. БГУ (Минск, 18-21 мая 2014 г.): в 3 ч. Ч. 2. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 3–6.
7. Улейчик, Н. Л. Фестивали национальных культур как отражение этнокультурного разнообразия в Республике Беларусь / Н. Л. Улейчик // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. по мат. III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12-13 апр. 2018 г. / редкол. Э. А. Усовская [и др.]. – Минск : Колорград, 2018. – С. 216–224.
8. Мохань, Е. Н. Фестиваль национальных культур как один из способов формирования толерантного отношения в коллективах учреждений образования / Е. Н. Мохань // Эффективные исследования современности: сб. науч. работ 44-й Междунар. науч. конф. Евразийского Научного Объединения (Москва, окт. 2018 г.). – М. : ЕНО, 2018. – С. 202–204.
9. Дожина, Н. И. Совместные международные музыкально-образовательные проекты и творческие коллективы как современные формы развития музыкальной культуры (на примере Беларуси и Китая) / Н. И. Дожина // Культура Беларуси: реалии современности: VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году малой родины в Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут (пред.) [и др.]. – Минск : БГУКИ, 2019. – С. 186–192.

УДК 94 (450) + 32 (450)

ПЕРСОНАЛИСТСКИЕ ПАРТИИ В ИТАЛИИ

Наталья Савченко
Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова, Могилев, Беларусь
savchenko@msu.by

Статья посвящена возникновению персоналистских партий в истории Итальянской республики. Отмечается, что до начала 1990-х гг. подобные партии не были характерны для итальянской истории и политики. Они представляют собой довольно новое явление. Инициатива создания подобных партий в Италии принадлежит медиа-магнату С. Берлускони, предвестником же стала Лига Севера У. Босси. Впоследствии все итальянские партии, так или иначе, последовали его примеру, став персоналистскими и индивидуализированными.

Ключевые слова: Италия, политические партии, персоналистская партия, У. Босси, Лига Севера, С. Берлускони, «Вперед, Италия!», А. Ди Пьетро, «Италия ценностей», Движение пяти звезд

PERSONALIST PARTIES IN ITALY

Natalia M. Savchenko
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus

The article deals with the emergence of personalist parties in the history of the Italian Republic. It is stated that until the early 1990s such parties were not characteristic of Italian history and politics. They are a fairly new phenomenon. The initiative to create such parties in Italy belongs to media tycoon S. Berlusconi, U. Bossi's Northern League was an early harbinger. Subsequently, all Italian parties, one way or another, followed his example, becoming personalist and individualized.

Keywords: Italy, political parties, personalist party, U. Bossi, the Northern League, S. Berlusconi, Forza Italia, A. Di Pietro, Italy of Values, Five Stars Movement

Падение Берлинской стены, крупное антикоррупционное расследование в 1992 г. и избирательный референдум в апреле 1993 г. спровоцировали крах итальянской партийной системы и привели к исчезновению партий, которые управляли Италией с декабря 1946 г.

На протяжении длительного времени (1861–1919 гг.) в Королевстве Италии существовали две основные, всеобъемлющие, партийные организации: «Правая (Историческая правая)» и «Левая (Историческая левая)». Их лидеры были продуктом правящих клик своих партий, и они редко пытались переоценить свою роль или преувеличить свои личные качества. Позже возникновение либеральной и социалистической партий сопровождалось появлением более заметных политических лидеров, Ф. Турати и Дж. Джолитти, хотя они не были склонны доминировать над своими партиями. Таким же был и основатель Народной партии сицилийский священник дон Л. Стурцо.

Крах итальянской демократии был вызван, среди прочего, политическим движением, лидер которого Б. Муссолини стремился подчеркнуть многие из своих личных качеств. Тем не менее, фашизм следует понимать как потенциальное революционное движение, а не как персоналистскую партию. Вместе с тем, Национальная фашистская партия (НФП) являлась политическим инструментом для Б. Муссолини, а сам Б. Муссолини поощрял культ личности. НФП сохранила некоторые структурные черты организованной политической партии, но к июлю 1943 г. она просто распустилась и исчезла.

Напротив, все основные дофашистские партии Италии вскоре вернулись. Необходимо отметить, что все итальянские партии и, вообще говоря, большинство элит были озабочены тем, чтобы не допустить повторного появления сильной политической фигуры, такой как Б. Муссолини. Эта озабоченность, получившая название «комплекс тирана», трансформировалась в итальянской конституции в учреждение главы правительства (председателя Совета министров), наделенного относительно слабыми институциональными полномочиями по отношению к другим министрам, Парламенту и секретарям партий. Все партийные лидеры Первой Итальянской Республики (1946–1994), хотя их личные качества и политические претензии были совершенно разными, были продуктами своих партий. Более того, эти партийные организации существовали ранее и действовали, по крайней мере, в некоторой степени, независимо от отдельных лидеров.

В период между 1946 и 1992 годами Италия была ярким примером как партийного управления, так и партийности. В стране господствовала партократия, представлявшая собой искажение партийного правления, при котором все партии вступают в сговор, делясь доступными государственными ресурсами –

«добычей» – и присваивая их себе. В таких системах партии также организуют, проникают, контролируют и направляют гражданское общество, делая жизнь трудной, а порой и невозможной. Партократия в Италии означала, что партии препятствовали независимому функционированию правительства и представительных институтов на всех уровнях: коммунах, провинциях, регионах и национальном парламенте.

Мощь партий в этот период не исключала возможности появления сильных, даже доминирующих партийных лидеров. В период Первой Итальянской Республики большинство партийных лидеров демонстрировали необычайное долголетие у руля своих партий [8, p. 551]. У Итальянской коммунистической партии (ИКП) сменилось всего пять секретарей: П. Тольятти (1943–1964); Л. Лонго (1964–1972); Э. Берлингуэр (1972–1984); А. Натта (1984–1988); и А. Оккетто (1988–1994). У социалистов были две доминирующие фигуры: П. Ненни, истинный лидер в период с 1946 по начало 1970-х гг., но не всегда официально секретарь партии; и Б. Кракси, секретарь с 1976 по 1992 гг. У каждой из трех второстепенных светских партий была своя доминирующая личность: Дж. Малагоди из Итальянской либеральной партии (ИЛП); У. Ла Мальфа от Итальянской республиканской партии (ИРП); и Дж. Сарагат от Итальянской социал-демократической партии (ИСДП). Дж. Альмиранте был давним лидером неофашистского движения «Итальянское социальное движение».

Более сложной была ситуация с христианскими демократами, партией, состоящей из конкурирующих олигархических фракций. Христианско-демократическая партия (ХДП) никогда не была персоналистской партией и фактически идеологически выступала против персонализации политики. Тем не менее, все внутренние фракции ХДП были в значительной степени «персонализированы»: то есть их основатель и лидер всегда был крупным, заметным и влиятельным политическим игроком. И эти фракции, даже небольшие, могли поднять своих лидеров на вершины власти. Лидер фракции Дж. Андреотти, например, никогда не был секретарем ХДП, но семь раз становился премьер-министром. Тем не менее, со времен А. Де Гаспери (премьер-министр с декабря 1945 г. по март 1953 г.) роль секретаря ХДП часто была ступенькой к должности премьер-министра. Так было с А. Фанфани в 1950-е гг., А. Моро в 1960-е гг. и Ч. Де Мита в 1980-е гг. Более того, большинство высших руководителей ХДП начинали свою политическую карьеру в связанных с партиями ассоциациях, а затем баллотировались на внутренние партийные должности, прежде чем стремились занять место в законодательном органе или положение в правительстве. В общем, существование лидеров, представляющих разные социальные основы и конкурирующие, но никогда полностью не расходящиеся, точки зрения, означало, что христианские демократы никогда не будут полагаться только на одно номинальное лицо. Большинство партийных лидеров ХДП выступали посредниками между соперничающими фракциями, а премьер-министры ХДП являлись посредниками между партнерами по коалиции в многопартийных правительствах, а не всемогущими лидерами. И далеко не один лидер, который перешел эти границы и превысил свою личную власть, был свергнут своими партийными товарищами олигархами [8, p. 551].

Эта эпоха была расцветом партийного правления в Италии. Но партократия, усугубляемая отсутствием смены власти (особенно в 1980-е гг.), привела к закостенелости руководства всех правящих партий. Практически не прилагалось никаких усилий, чтобы оживить структуры партий, чтобы они могли реагировать на значительные социальные изменения, обращаться к избирателям, рожденным и выросшим в период относительного достатка, и отражать эти новые требования и предпочтения. Постоянство старых лидеров на вершине власти также очень затрудняло появление и продвижение новых лидеров.

Закат Итальянской Республики начался в середине 1980-х гг. Между 1992 и 1994 годами вся итальянская партийная система рухнула. Несколько факторов были определены как детонаторы политического кризиса: операция «Чистые руки», которая выявила коррупцию на высоком уровне во всех основных партиях; последовательные раунды избирательных реформ, принятых на референдуме; интеграция Европейского Союза; успех Лиги Севера [11, p. 34–37].

Падение Берлинской стены в ноябре 1989 г. сильно повлияло на ИКП и вынудило ее сменить название и логотип. Однако партия не предприняла значительного обновления своего руководства и лишь слегка изменила бюрократическую структуру. В результате ИКП претерпела раскол. Как следствие, призыв к выборам, традиционно используемый христианскими демократами для сплочения избирателей, то есть ХДП как оплот против коммунизма, потерял свою привлекательность и доверие. По всей Италии, но особенно в северных регионах, многие избиратели, которые больше не могли выбирать коммунистическую партию (или больше не искали защиты антикоммунистической партии), отказались от своей лево-правой партийной ориентации, вместо этого приняв региональную идентичность. А поскольку партия, явно апеллирующая к интересам северян, уже существовала – Лига Севера, возглавляемая популистом У. Босси, – политическое предложение соответствовало электоральному спросу, что значительно увеличило политическое благополучие Лиги. В некотором смысле Лига Севера У. Босси была ранним предвестником надвигающейся волны персоналистских партий.

Что же из себя представляет персоналистская партия? Подобные партии определяются наличием доминирующего лидера и партийной «организации», которая по замыслу слабо институционализирована. В

случае с Лигой Севера ее слоган многое говорит о роли ее лидера: «Лига – это Босси, а Босси – это Лига». У. Босси упорно трудился, чтобы повысить электоральную привлекательность Лиги. К счастью для него, он встретил лишь слабое сопротивление со стороны уже приходящих в упадок партийных организаций. Его успех создал внутригрупповую динамику взаимодействия между лидером и другими политиками, которая была обусловлена в основном лояльностью к этому лидеру, а не, например, организационными правилами, идеологическим сходством или программными обязательствами [8, p. 552]. Примечательно, что эти персоналистские тенденции и сильная личная преданность сторонников Лиги продолжались 20 долгих лет. Успех У. Босси также доказал другим потенциальным политическим акторам, что у новых политических движений было достаточно места для конкуренции; пространство стало доступным в результате упадка традиционных партийных идентичностей и организаций.

Примерно в то же время исчезновение центристских партий создало электоральную возможность для коалиции партий, возглавляемой бывшими коммунистами. Это рассматривалось как угроза для многих социально-экономических игроков Италии и средних слоев населения. Таким образом, медиамагнат С. Берлускони решил взять дело в свои руки: он выделил значительные средства из своих собственных ресурсов для запуска нового политического движения. Он также применил очень хитрую стратегию коалиции. Во-первых, он создал свою собственную партию «Вперед, Италия!». Затем он организовал две разных коалиции: одна, называвшаяся Полюс свободы, на Севере, к которому присоединилась Лига Севера; другая, Полюс хорошего правления, в остальной части Италии, к которому присоединилась «Вперед, Италия!» с недавно созданным Национальным альянсом, преемником неофашистского движения ИСД. Как видный и широко известный общественный деятель, С. Берлускони играл незаменимую роль «стержня» в этих коалициях. Он также был лицом партии: кандидатом на пост премьер-министра, должность, которую он занимал трижды: в 1994, 2001 и 2008 гг.

В целом «Вперед, Италия!» была шоу одного актера [10, p. 116]. С. Берлускони, «политический предприниматель», всегда заметно тратил свои личные деньги на щедрые избирательные кампании. А атрибут, которым он хвастался и щеголял больше всего, можно описать одним словом: успех. С. Берлускони в самом начале своей политической карьеры заявил, что добился успеха во всех сферах своей деятельности, поэтому он не видел причин, по которым он не может добиться успеха и в политике. И действительно, с созданной им персоналистской политической партией он добился значительных успехов на выборах, но гораздо меньше в управлении. С. Берлускони также существенно повлиял на структуру электоральной и политической конкуренции, но его реформа Конституции была отвергнута избирателями в 2006 г. Доминируя в качестве лидера партии, он не смог расширить политически, если не конституционно, полномочия премьер-министра [9, p. 51].

Чтобы понять траекторию персоналистской партии С. Берлускони, необходимо сначала охарактеризовать климат того периода, когда он решил «выйти на поле» (спортивная метафора, которую использовал этот владелец футбольного клуба, ставший политиком, чтобы привлечь внимание масс). Двухлетний период в итальянской политике 1992–1994 гг. характеризовался чувством «коллективной тревоги» – решающий фактор для появления харизматичного лидерства. Судебные органы предъявили обвинения большей части правящей политической элиты. Все партии, правившие в последние годы, потеряли свое лидерство и начали распадаться. Внезапно миллионы итальянских избирателей оказались лишены возможности голосовать за партии, которые они давно поддерживали. И, как отмечалось выше, бывшие коммунисты – в союзе с несколькими более мелкими радикальными партиями – оказались на пороге решающей победы на выборах. По крайней мере, для половины итальянского общества приближался конец света. Окруженный аурой успеха, обожающими сотрудниками и сторонниками, полностью уверенный в своей способности творить чудеса, С. Берлускони засыпал миллионы телезрителей-избирателей посланием о том, что он действительно может их «спасти» [10, p. 215].

Харизматичный С. Берлускони сыграл на этом образе спасителя. Создав партию с нуля, менее чем за три месяца он совершил «чудо», не допустив бывших коммунистов к власти. Его краткий управленческий опыт в 1994 г. был менее чем чудесным, но его возвращение в 2001 г. можно интерпретировать как еще одно чудо. Он был переизбран на этот пост в 2008 г., возглавив головную организацию «Народ свободы», которая объединила «Вперед, Италия!» и консервативный Национальный альянс во главе с Дж. Фини [12, p. 184]. Но тогда у С. Берлускони не оказалось чудес, и одна харизма не смогла удержать «Народ свободы» от раскола в 2010 г. – отчасти из-за глубоких разногласий с Дж. Фини по поводу роли лидера по отношению к партиям в коалиции.

В 1994 г. С. Берлускони действительно оказался «спасителем» Италии, которую он любил. В 2005 г. он предпринял попытку коренного пересмотра Конституции Италии, изменив 56 из 138 статей. Однако его конституционные реформы потерпели поражение на всенародном референдуме в июне 2006 г. И хотя С. Берлускони нерешительно начал передавать руководство «Народом свободы» преемнику А. Альфано в последние месяцы своего пребывания у власти в 2011 г., он никогда не давал ему много автономии в управлении партией, даже несмотря на то, что он назначил А. Альфано на должность секретаря.

Электоральный и политический упадок, если не кончина, персоналистской партии С. Берлускони также был связан с его довольно плохой работой все три срока в качестве премьер-министра. В первый раз его правительство продержалось всего семь месяцев (май 1994 г. – декабрь 1994 г.) – меньше, чем средний срок пребывания в должности (13 месяцев) для итальянских правительств. Второй опыт длился с июня 2001 г. по апрель 2005 г. Напротив, это было самое долгое итальянское правительство за послевоенную эпоху, продлившееся 46 месяцев. После кризиса и перестановок в кабинете министров его последующее правительство просуществовало еще 13 месяцев до мая 2006 г. Его следующий и последний период правления длился с мая 2008 г. по ноябрь 2011 г., что стало вторым по продолжительности периодом правления в истории (42 месяца). Он сам положил этому конец, подав заявление об отставке в разгар серьезного экономического кризиса.

Даже если бы они захотели, харизматичные лидеры не могут передать свое лидерство избранным преемникам, если им сначала не удастся институционализировать свои партийные организации. И в этом случае к 2011–2012 г. было уже слишком поздно для того, чтобы то, что осталось от харизмы С. Берлускони, было перенесено на другого лидера или на безликую партийную организацию. Его возрождение «Вперед, Италия!» в ноябре 2013 г. было попыткой воссоздать ту же нереконструированную персоналистскую партию, которую он создал в 1990-х гг. И С. Берлускони снова попытался разыграть тему своего личного успеха: «Это моя страна ... где я добился успеха как студент, как предприниматель, как политик, как человек спорта и как государственный деятель» [7, p. 221]. Тем не менее, возрождение «Вперед, Италия!» как полностью персоналистской партии в 2013 г. стоило С. Берлускони одной трети его парламентской фракции в Палате депутатов и в Сенате, поскольку многие бывшие политические союзники (включая А. Альфано) больше не хотели или не нуждались в подчинении своих собственных политических амбиций его одностороннему стилю руководства. И в том же году затяжная борьба С. Берлускони с итальянской судебной системой, наконец, привела к вынесению окончательного приговора. Как следствие, Сенат проголосовал за то, чтобы лишить его места в этом органе.

И все же в закате С. Берлускони и его персоналистской партии есть парадокс. В некотором смысле, все многочисленные критики политики и стратегии С. Берлускони были вынуждены смириться с нововведениями, которые он привнес в итальянскую политическую жизнь. Впоследствии появилось несколько персоналистских партий, представляющих разные ниши итальянского электората. Большинство из них заручились поддержкой избирателей, которым не нравился С. Берлускони, его политический стиль и его персоналистская партия. Тем не менее, даже если они критиковали С. Берлускони, все эти новые персоналистские партии имитировали некоторые черты берлусконизма, явления, которое заслуживает всестороннего анализа.

В итальянском пейзаже после 1994 г. открылось широкое пространство для новых персоналистских партий [3, p. 41]. Ни у одного из них не было такого же качества или количества ресурсов, как у С. Берлускони, но все они могли воспользоваться отсутствием консолидации существующих партийных организаций и, прежде всего, недовольством электората [1, p. 87]. Действительно, избиратели, похоже, искали альтернативы и были готовы поддержать новых участников. Эти новые претенденты заслуживают внимания, потому что они могут, путем краткого изучения сходств и различий, пролить свет на «персонализм» как на современный феномен.

Первый из этих случаев в каком-то смысле наименее персонализирован. Союз центра (СЦ) – единственная отколовшаяся группа христианских демократов, пережившая скандалы и дезертирство в начале 1990-х гг. Его выживание следует приписать его лидеру П. Казини. Он не харизматичен, но его способность создать союз с бывшими христианскими демократами и некоторыми консервативными католическими ассоциациями, а также его непоколебимая и жесткая позиция по биоэтическим вопросам (однополые браки и вспомогательное оплодотворение) сделали П. Казини доминирующим лидером в слабо структурированной организации. Заметность П. Казини, а следовательно, и его доминирование в СЦ заметно возросли после его избрания на пост спикера Палаты депутатов (2001–2006). Однако сам П. Казини преуменьшал эту доминирующую роль [8, p. 556].

Другой пример ограниченной, но, тем не менее, реальной персонализации партии – это Н. Вендола и его политическая организация «Левые Экология Свобода» (ЛЭС). Дважды глава региона Апулия, Н. Вендола дважды побеждал кандидатов, выдвинутых крупнейшими левыми партиями на региональных праймериз. «Открытый» гей и стойкий защитник прав меньшинств, Н. Вендола обладает несомненными риторическими способностями. Без него ЛЭС, безусловно, не существовала бы.

«Италия ценностей» с момента своего зарождения в марте 1998 г. до бесславного конца на парламентских выборах в феврале 2013 г. никогда не была партией. Для А. Ди Пьетро это был персонализированный механизм, настолько, что в его полное название даже входили слова «Список Ди Пьетро» [6, p. 85]. В качестве прокурора А. Ди Пьетро приобрел огромную известность как наиболее ярый член группы миланских магистратов, участвовавших в операции «Чистые руки». Его допрос в зале суда партийных секретарей христианских демократов А. Форлани и социалистов Б. Кракси стал известен

благодаря репортажам по телевидению в прайм-тайм, которые смотрели миллионы. А. Ди Пьетро, единственный представитель команды «Чистых рук», который занялся политикой, занимал пост министра общественных работ в левоцентристском правительстве в 1996 г., но ушел в отставку всего через шесть месяцев после того, как сам попал под следствие. Затем он был избран сенатором от Демократической партии левых сил с 1997 по 2001 гг. Все это время его доминирование в «Италии ценностей» никогда не вызывало сомнений. Это была группа политически амбициозных людей, баллотирующихся и занимающих посты. Войдя в политику, построив свой «бренд» борьбы с коррупцией в политике, его политическое состояние внезапно пошло на убыль, когда оказалось, что у нескольких должностных лиц «Италии ценностей» тоже были «грязные руки», а самого А. Ди Пьетро критиковали за кумовство и присвоение государственного финансирования, которое получила его партия.

А. Ди Пьетро распустил «Италию ценностей», но попытался выжить политически, присоединившись к еще одной персоналистской партии: «Гражданская революция». Этот избирательный список, основанный в конце 2012 г. и возглавляемый другим бывшим прокурором, сицилийцем А. Ингройа, едва ли можно считать партией, даже персоналистской. «Гражданская революция» была разрозненным картелем множества небольших отколовшихся левых групп. С точки зрения выборов это был полный провал, поскольку она не преодолела 4-процентный порог для получения места в парламенте. Тем не менее, это было еще одним проявлением персонализации политики [4, p. 128]. Но для А. Ингройа этого было слишком мало, потому что ему не хватало профессионального престижа и личного авторитета А. Ди Пьетро, и слишком поздно, потому что поле персоналистских партий к тому времени действительно стало переполненным.

Но это не остановило других политических игроков. После непродолжительного и не особо успешного пребывания на посту премьер-министра в 2011–2012 гг. М. Монти удивил всех политических комментаторов, а также Президента Республики, который назначил этого «независимого технократа», когда С. Берлускони ушел в отставку, объявив о создании своего собственного избирательного списка. Следуя последним тенденциям в итальянской политике, новая группа должна была обозначать нечто иное, нежели политическую партию – в данном случае расплывчатое понятие «гражданский выбор». Но полное название более широкой коалиции выдавало персоналистские тенденции партии, подчеркивая имя ее основателя и лидера: «с Монти для Италии». С самого начала попытка М. Монти создать свою зарождающуюся персоналистскую партию натолкнулась на несколько серьезных препятствий. Хотя он, конечно, был очень заметной фигурой, находясь на посту премьер-министра, его собственный стиль был очень далек от яркого, в отличие от большинства лидеров персоналистских партий в Италии. Он был профессором экономики, бывшим комиссаром Еврокомиссии (1995–2005), пожизненным сенатором. Эта технократическая фигура не могла достоверно превратиться в яркого лидера, доминирующего над своей партией. И в любом случае не было партии, которая могла бы доминировать: за исключением нескольких областей Италии, «Гражданский выбор» вообще не имел организации. Политически неопытный и наивный М. Монти ошибочно полагал, что он может победить на переполненном поле персоналистских партий, основываясь только на своей личности. Всего через несколько месяцев после достаточно разочаровывающих результатов выборов (10 %) в феврале 2013 г. предполагаемая персоналистская партия М. Монти уже распалась [8, p. 558].

Без сомнения, у «Движения пяти звезд» был доминирующий лидер. Б. Грилло создал движение, и он в значительной степени причастен к его выдающемуся успеху на выборах. Б. Грилло не так харизматичен, как другие итальянские лидеры, но он опытный шоумен. Б. Грилло умело культивировал популистскую привлекательность [5, p. 159]. Его язык разговорный, резкий, а иногда и нелепый, для него характерно частое употребление ругательств. Его риторика направлена категорически против истеблишмента и против партии. Он изображает политику в терминах «мы» и «они». Среди выявленных им «врагов» – Европейский Союз, банкиры, СМИ и весь политический класс (включая, иногда, Президента Республики) [2, p. 681]. К ноябрю 2015 г. Б. Грилло стал восприниматься скорее, как символ партии, а не ее лидер.

До декабря 2013 г. – января 2014 г. существовало одно заметное исключение из персонализации политических партий Италии: Демократическая партия (ДП), формально основанная в 2007 г. В некотором роде социал-демократический преемник обоих бывших коммунистов и левое крыло бывших христианских демократов, придерживавшееся идеологий этих предшественников, ДП была непреклонна в своей критике персонализации политики. В то время как некоторые фракции пытались продвигать более сильный режим руководства или более видного кандидата, который мог бы служить лицом партии, на протяжении избирательной кампании 2012–2013 гг. секретарь П. Берсани, который был избран в 2009 г., продолжал сознательно подчеркивать, что его партия была коллективным образованием.

Драматические изменения произошли после того, как П. Берсани не смог победить на выборах в феврале 2013 г. и несколько недель спустя избрать кандидата от своей партии на пост Президента Республики. За отставкой П. Берсани последовали выборы нового секретаря. Его соперник в 2012 г., молодой и динамичный мэр Флоренции М. Ренци, победил, набрав на удивление 68 % голосов (из почти

трех миллионов избирателей) [8, p. 561]. М. Ренци немедленно приступил к реформированию ДП и, что примечательно, сумел сместить действующего премьер-министра Э. Летта и заменить его без какого-либо значительного сопротивления в рядах его партии. М. Ренци теперь практически полностью контролировал партийную организацию и аппарат, средства коммуникации и процесс принятия решений и отбора кандидатов на выборные должности. С преобразованием ДП, теперь не осталось итальянской партии, которая могла бы обоснованно утверждать, что она не является персоналистской. В марте 2018 г. М. Ренци объявил о своей отставке с должности национального секретаря ДП. После выхода из ДП в сентябре 2019 г. М. Ренци объявил о создании нового политического проекта «Живая Италия». В настоящее время, по данным социологических опросов она занимает 4-е место по популярности среди итальянских партий.

Как видно, все итальянские партии реагируют на логику требований, исходящих от крайне фрагментированного и неудовлетворенного общества. Есть большие группы избирателей, которые голосуют за персоналистские партии и могут быть привлечены другими персоналистскими партиями в будущем.

Таким образом, изначально персоналистские партии не были характерны для итальянской истории и политики. Они представляют собой довольно новое, весьма разнообразное и весьма проблематичное явление. После краха традиционной партийной системы Италии С. Берлускони основал и возглавил свою собственную персоналистскую партию. Обеспечивая социальное, экономическое и политическое представительство широкому кругу слоев среднего класса, С. Берлускони доминировал в итальянской политике почти 20 лет. Так или иначе, все итальянские партии последовали его примеру, став персоналистскими и индивидуализированными. Следовательно, в Италии феномен «персоналистской партии» будет и дальше заслуживать большого внимания со стороны политиков, комментаторов и ученых.

1. Bardi, L. I partiti italiani. Iscritti, dirigenti, eletti / L. Bardi, P. Ignazi, O. Massari. – Milano : Università Bocconi Editore, 2007. – 330 p.
2. Bordignon, F. The 5 star people and the unconventional parliament / F.Bordignon, L. Ceccarini / Studia Politica: Romanian Political Science Review. – 2013. – Vol. 13, № 4. – P. 675–692.
3. Calise, M. Il partito personale / M.Calise. – Roma and Bari : Laterza, 2000. – 207 p.
4. Calise, M. La Terza Repubblica. Partiti contro Presidenti / M.Calise. – Roma and Bari : Laterza, 2009. – 187 p.
5. Il partito di Grillo / P. Corbetta [et al.], a cura di P. Corbetta, E. Gualmini. – Bologna : Il Mulino, 2013. – 242 p.
6. Karvonen, L. The Personalization of Politics: A Study of Parliamentary Democracies / L. Karvonen. – Colchester : ECPR Press, 2010. – 124 p.
7. McDonnell, D. Silvio Berlusconi's Personal Parties: From Forza Italia to the Popolo Della Libertà // Political Quarterly. – 2013. – Vol. 61, № 1. – P. 217–233.
8. Pasquino, G. Italy: The Triumph of Personalist Parties / G. Pasquino // Politics & Policy. – 2014. – Vol. 42, № 4. – P. 548–566.
9. Pasquino, G. The Five Faces of Silvio Berlusconi: The Knight of Anti□Politics / G. Pasquino // Modern Italy. – 2007. – Vol. 12, № 1. – P. 39–54.
10. Poli, E. Forza Italia. Strutture, leadership e radicamento territoriale / E. Poli. – Bologna : Il Mulino, 2001. – 304 p.
11. The end of post-war politics in Italy : the landmark 1992 elections / G. Pasquino [et al.] ; ed. by G. Pasquino, P. McCarthy. – Boulder : Westview press, 1993. – 187 p.
12. The Italian General Election of 2008. Berlusconi Strikes Back / J. L. Newell [et al.] ; ed. by J. L. Newell. – Houndmills : Palgrave-Macmillan, 2009. – 266 p.

УДК 821.124'04-312.6.06

КАРНАВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ольга Сидоревич

Филиал БГЭУ «Минский экономический колледж», Минск, Беларусь

katit2301@mail.ru

В статье исследуется воздействие народной культуры мировосприятия человека того времени через призму народных празднеств, в частности карнавала.

Ключевые слова: Средние века, карнавал, европейская цивилизация, народная культура, мировосприятие

CARNIVAL CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Olga P. Sidorevich

BSEU' filial "Minsk economic college", Minsk, Belarus

The article examines the impact of the folk culture of the Middle Ages on the formation of a person's worldview during the time through the prism of folk festivals, in particular – carnival.

Keywords: Middle Ages, carnival, European civilization, folk culture, worldview

Культурный стержень любой исторической эпохи, как известно, базируется на осмыслении человека о своем положении в мире, своих приоритетах, и смысложизненных ценностях. Средние века — это время поисков таких новых конструктов, опирающихся, прежде всего, на христианские положения о мире и человеке, В своем кратком исследовании народных средневековых культурных приоритетов мы хотели выделить несколько видов базисных культурных установок, ставших своеобразным культурным каркасом современности.

Культура Средневековья формировалась на основе амбивалентности двух культурных традиций: христианской (доминирующей) – и народной, в основе которой лежали языческие представления о природе в целом и месте человека в мире. Иногда оппозиция этих двух базисных культурных составляющих носила непримиримый характер, но, чаще всего, христианская религия адаптировала народную языческую культуру к своим вероучительным догматам [2, с.132].

Отдавая приоритет вере, вместе с тем средневековая культура никогда не отрицала земные, телесные потребности человека, поэтому высокое духовное напряжение сменялось и периодами разгульных праздников. Наиболее ярко это выражалось в карнавалах. Этимология слова «карнавал», по утверждению большинства историков, уходит своими корнями в латинский язык – carno (мясо), и vale (прощай), означающего – «прощаюсь с мясом». М.Бахтин дал следующее определение карнавала: «Карнавал — это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха» [1, с.13].

Крайне редко в научной литературе, исследующей феномен средневекового карнавала встречается напоминание о том, что на следующий день после завершения празднества наступал строгий пасхальный пост.

Карнавал являлся всесословным праздником, в котором участвовали все жители города, нем не было разделения на участников и наблюдателей и просто равнодушных [1, с.12].

На протяжении всего празднества, характерного только для карнавала, формировалась особая атмосфера: материального достатка, равенства, свободы (иногда на грани вседозволенности), как своеобразное представление средневекового человека о рае [1, с.12]. Карнавальный стиль речи, основанный на языке городских ремесленных цехов, использующий площадный сленг, а зачастую и ненормативную лексику, создавали особый язык карнавала и его символов [1, с.166]. Безусловно, карнавал являлся доминирующим из всех видов народной культуры Средневековья. Вместе с тем, было еще несколько пластов неофициальной культуры «молчащего большинства» [3]. Тематически к карнавальной культуре примыкает шванк, небольшой юмористический рассказ в стихах, либо в прозе, созданный средневековыми бюргерами [4]. Характерная черта шванков, как правило, это анонимность.

Еще одна особенность народной средневековой культуры — противопоставление официозной литературе: житиям христианских святых и рыцарскому роману. Это, прежде всего, фарсы – краткие постановки, в которых отображалась жизнь жителей средневекового города. [4]. Фарс стал одним из основных жанров средневекового театра. Фарсы представляли собой остросоциальные постановки, с определенным набором сословных типажей. Сюжетами для фарсов становились истории сатирического, юмористического, а зачастую и фривольного содержания.

Общеизвестно, что средневековая европейская культура – это христианская культура. Поэтому широкое распространение получили пьесы нравоучительного характера (моралите), в основе сюжета которых лежали христианские добродетели наказание за грехи нерадивых верующих [4].

Одним из популярнейших жанров французской городской средневековой литературы были фаблио (от французского - фабльо - побасенка) [4]. Фаблио — это короткие забавные истории в стихах, комические бытовые рассказы. Анонимными авторами этого жанра городской литературы были горожане, ваганты и странствующие певцы, и музыканты. Главным действующим лицом фаблио зачастую являлся представитель низших сословий. Отсюда площадные слова, простонародные обороты речи, стремительное развитие сюжета. Фаблио не только носили развлекательный характер, но и выполняли важную воспитательную функцию: осуждали пороки, стяжательство и практически неограниченную власть высших сословий. Зачастую канвой сюжета была любовная история, в которой, в противовес рыцарскому роману, действующими лицами являлись не прекрасная дама и благородный рыцарь, а простые горожане и горожанки. Фаблио отразили жизнелюбие горожан, их веру в торжество справедливости.

Таким образом, необходимо отметить, что средневековая народная культура, во многом не похожая на последующие европейские культурные приоритеты, определила не только культурный мейнстрим, но в

своих глубинных основаниях послужила благодатной почвой современной контркультуры и андеграунда. Она своеобразный готический собор среди современной железобетонной архитектуры, пусть во многом и архаична, но по - прежнему прекрасна.

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. / Б. М.М. Бахтин – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Гене, Б. История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
3. Гофф, Ле Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2002. – 328 с.
4. Гофф, Ле Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс, 2001. – 440 с.

УДК [94:008] (430) «17/18»

«DIE KULTURELLE EROBERUNG EUROPAS»: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVII-XVIII вв.)

Павел Хренов
Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
Минск, Беларусь
hrepas@mail.ru

Две такие далекие друг от друга цивилизации – китайская и немецкая – государства, которых расположены на разных концах Евразии, имеют богатую историю, их граждане разговаривают на совершенно непохожих языках, но, однако, совершенно точно имеют одну очень важную схожесть: представителям обеих культур свойственна утонченность и практичность. Именно наличие этих факторов как ключ к пониманию мировосприятия позволил европейским умам на пике эпохи Просвещения вступить в диалог с китайской цивилизацией и культурой, в результате чего в Германии приобрели популярность экзотические восточные мотивы, проявившиеся в творчестве архитекторов и художников.

Ключевые слова: шинуазри, Европейская культура, рококо, фарфор, мода, архитектура, «Му-ланг»

«DIE KULTURELLE EROBERUNG EUROPAS»: A HISTORY OF THE FORMATION OF GERMAN ORIENTALISM IN MODERN EUROPEAN CULTURE (17TH - 18TH CENTURIES)

Pavel N. Khrenov
Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank., Minsk, Belarus

Two such distant civilizations - Chinese and German - whose states are located at different ends of Eurasia, have a rich history, their citizens speak completely different languages, but, however, they definitely have one very important similarity: the representatives of both cultures are characterized by refinement and practicality. It was the presence of these factors as a key to understanding the worldview that allowed European minds at the height of the Enlightenment to enter into a dialogue with Chinese civilization and culture, resulting in the popularity of exotic oriental motifs in Germany, which manifested themselves in the works of architects and artists.

Keywords: chinoiserie, European culture, rococo, porcelain, fashion, architecture, «Mu-lang»

Взаимоотношения Китая и Германии начали складываться в эпоху Средневековья [1, с. 65]. К XVII в. эти контакты активизировались благодаря миссионерской деятельности немецких монахов-иезуитов Иоганна Шрека (1576-1630 гг.) и Адама Шалля фон Белля (1592-1666 гг.). Выполняя свою непосредственную миссию, связанную с распространением христианства в Китае, они познакомили императорский двор с европейскими достижениями в сфере математики, астрономии, географии и других науках. А их проницательный ум, усердие, позволили им приблизиться к императорскому двору и занимать престижные посты в правительстве Поднебесной.

Параллельно с распространением европейских научных знаний они изучали историю, литературу, традиции, обычаи Востока с целью обогатить европейскую культуру. В переписке со своими

единомышленниками они позитивно изображали китайскую цивилизацию, чем сами того не ведая, стимулировали интерес среди воодушевленных европейских интеллектуалов.

Китайская философия и литература, нехарактерное садово-парковое искусство и архитектура, а также традиционная медицина были высоко оценены и стали широко известны в Европе. Для многих европейских ученых, китайская цивилизация стала образцовой.

Известным германским почитателем восточной мысли был Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716 гг.) – философ, математик и политик. Желая найти в Китае источник истинной нравственности и скрытые в китайской «Книге перемен» тайные знания, Г.В. Лейбниц на протяжении длительного времени изучал восточную культуру. В результате ученый пришел к выводу, что китайская философия дополняет его собственную: например, гексаграмма «инь» и «ян» в китайской философии, символизирующая два взаимодополняющих мировых начала (небеса и землю), часто и упрощенно интерпретировалась как аналог открытой Лейбницем двоичной системы исчисления в арифметике, заложившей основы современного языка программирования [2, с. 37].

Под влиянием китайской философии Г.В. Лейбниц пытался найти способ создания универсального языка, который он называл «*characteristica universalis*». Ученый был убежден в том, что подобный язык мог бы осуществить решающий прорыв в истории человечества, идея которого заключалась бы в динамике постоянного созидания не только новых слов, но и новых отношений между его носителями [3]. Также он небезосновательно считал, что европейцы могут многому научиться у конфуцианской этической традиции. Именно с Лейбница на территории Германии начинается ярко выраженное научное почитание китайской культуры.

Значительную роль в популяризации Востока сыграла опубликованная в конце XVII в. книга голландского путешественника Йохана Ньюхоффа «Путешествия» со 150 иллюстрациями китайских фарфоровых ваз [4, с. 239].

Знакомство Европы с научными знаниями и культурой Востока активизировало и торговую деятельность. Восторг и восхищение вызывали у европейцев привезенные миссионерами и голландскими торговцами фарфор, шелк, изделия из слоновой кости и нефрита и другие предметы роскоши.

Одними из первых почитателей китайских товаров в Европе стали монархи, которые постепенно «приобщались» к экзотической культуре, стремительно накапливая и коллекционируя редкие работы заморских мастеров в личных кунсткамерах.

Спрос на восточные предметы роскоши возрос настолько, что обогнал желаемое предложение. Мануфактурные производства Германии, начиная с конца XVII в., довольно быстро стали осваивать сине-белую керамику, точно копируя привезенные предметы.

Ранние изделия Мейсенского фарфорового производства в Саксонии, удачно имитировали формы китайских блюд, ваз и чайных сервизов. Не удивительно, что первым в Европе коллекционером китайского фарфора был именно саксонский курфюрст Фридрих Август I (1670-1733 гг.), ставший затем польским королём Августом II. Его увлеченность фарфором доходила до того, что свой полк из шестисот драгун он обменял на полторы сотни китайских ваз из коллекции прусского короля Фридриха I (1657-1713 гг.) [5].

Большой популярностью у европейцев пользовались китайские предметы интерьера, в том числе и «лаковая» мебель. Привезенные комоды, стулья, тумбы и шкафы, украшенные причудливой сложной узорной резьбой с различными формами и рисунками, покрытые лаком было весьма необычным явлением для европейцев. В годы правления маньчжурского императора Канси (1661-1723 гг.) лаковая мебель стала самым экспортируемым товаром Китая после фарфора.

Многочисленные германские курфюрсты проявляли неподдельный интерес к лаку, о чем свидетельствует их стремление к накопительству связанных с ним предметов, что выражалось в большом количестве комнат, обставленных в китайском стиле. Так, например, лаковые интерьеры были установлены в залах Берлина в 1685 и 1695 годах, Мюнхена в 1693 и в 1695 годах и Дрездена в 1701 году. Примечательна комната во дворце Нимфенбург (Мюнхен), где стены одной из комнат Центрального павильона были полностью покрыты китайскими панелями, с изображенными на них сценами из китайских романов.

В XVII-XVIII вв. использование мотивов и стилистических приемов средневекового искусства в западноевропейской культуре породило новое стилистическое направление – шинуазри.

Эволюции этого стиля в культуре и искусстве Германии также способствовало «соседство» с другими художественными стилями, доминировавшими в Европе в тот период. Параллельно с заинтересованностью далеким и загадочным Китаем, в первой половине XVIII века, как продолжение стиля барокко, в Европе появляется и распространяется рококо, в интерьерах которого большое внимание придавалось мифологии, эзотерике и жанровым сценкам. Именно благодаря ему зародился и достиг высшей точки своего расцвета стиль, который мы сегодня знаем, как шинуазри (термин произошел от французского слова, означающего «китайский стиль»).

Под влиянием рококо, шинуазри обретает тон несерьезности, легкости, изящности и даже карикатурности. Появляется «свободно-фантазирующее» шинуазри, которое не имеет практически ничего

общего с китайской действительностью, т.к. мастера начинают выполнять свои произведения в довольно свободной интерпретации, творчески постигая суть китайских образов.

Изобразительные приёмы шинуазри широко использовались при создании аксессуаров к одежде – зонтиков от солнца и вееров. Оба эти предмета пришли в модный обиход из Китая, «прижились» в Европе, стали незаменимы в аристократическом быте. Увлечение стилистикой шинуазри выразилось, прежде всего, в орнаменте тканей (в частности, шёлка). В узорах тканей присутствовали и сюжетные сцены, и растительные мотивы. Своей яркостью все они сильно отличаются от основных тенденций стиля рококо, цветовая гамма которого была перламутрово-пастельной.

Новый стиль нашел свое воплощение в женском костюме. Здесь и ткани с причудливыми экзотическими мотивами, и новшества в формообразовании самого силуэта. Так в 1730-1760-е гг. в моде был рукав «а-ля пагода». Отличительными особенностями такого рукава от обычного были ряды кружев от локтя к запястью [6]. Были введены в моду изящные туфли-шлёпанцы без задников мюли (фр. mules), имитирующие китайскую обувь, соломенные шляпки, соответствующих форм и фасонов.

Шинуазри с его незатейливостью и причудливостью активно проник и в европейскую архитектуру. Несмотря на то, что европейцы так и не получили полного представления о специфике азиатского строительства, количество зданий, выполненных в «китайском стиле», значительно увеличилось.

Основными источниками знаний о китайской архитектуре служили гравюры европейского производства, размещенные в книгах о путешествиях, а также выполненные иезуитами зарисовки, сделанные в самом Китае. С началом экспериментального строительства появляется особая иерархия среди типов архитектурного шинуазри. Как правило, самыми роскошными и изысканными были дворцы с восточными элементами, потом – «китайские» капризы (павильоны), за ними следуют «китайские» сады и «китайские» комнаты. Одной из таких ранних построек в стиле шинуазри был барочный дворцово-замковый комплекс Пильниц, два из трех замков которого были выполнены «в китайском стиле»: на восточный мотив были спроектированы их крыши и карнизы.

Увлечение в Европе китайской традицией чаепития привело к появлению в архитектуре дворцово-паркового зодчества новых сооружений в стиле шинуазри – «чайных домиков» или «китайских павильонов». Так, в 1755 – 1764 гг. по инициативе и эскизам прусского короля Фридриха II Великого (1712-1786 гг.) в потсдамском парке Сан-Суси был возведен Китайский чайный домик. План здания представляет собой трифолий (трилистник), на вершине которого была установлена фигура сидящего под зонтом китайского мандарина. Внутри домика представлена коллекция китайского и японского фарфора. Стены между комнатами были украшены яркими шелковыми настенными покрытиями, расписанными цветочными узорами, в то время желанным и ценным настенным текстилем, известным как «Пекин».

Через шесть лет после завершения строительства Китайского домика Фридрих II построил еще одно здание в стиле шинуазри - Дом Дракона. Сооружение выполняло функции винодельни, а внешне было стилизованно под пагоду. Пагода получила свое название от фигурок драконов на концах изогнутых крыш.

Апогеем архитектурного увлечения шинуазри в архитектуре Германии стала Китайская колония (деревня) в Вильгельмсхее близ Касселя. В 1780-х г. меценат Фридрих II Гессен-Кассельский (1720-1785 гг.) возвел для своего парка Вильгельмсталь несколько павильонов в китайском стиле. С этого времени начинается история увлечения Фридриха II Гессен-Кассельского Востоком. Его главной целью становится строительство целого поселения, имитировавшего китайские угодья. Функция этой деревни изначально заключалась в том, чтобы быть местом для величественных развлечений.

Для строительства грандиозного объекта была выбрана идеально подходящая местность: склон, скалы, вода и, самое главное, территория на границе с пашней [7]. Планирование было поручено придворному садовнику Даниэлю Августу Шварцкопфу. С 1781 по 1785 гг. в китайском стиле под руководством европейских архитекторов были возведены: пагода, апартаменты стражников, столовая, дом надзирателя, молочный завод и ветряная мельница [8, с. 103]. «Поселению» было дано название – «Китайская колония». А внешне это все выглядело как роскошная игрушка избалованного монарха, и название «колонии» тут – очень условно.

Со временем это поселение утратило свое первоначальное значение и превратилось в сельскохозяйственное предприятие – ферму «*Вайсенштайнер экономи*». На ферме производили молоко, масло и сыр для крестьянского стола.

После смерти Фридриха в 1785 г. имение перешло к его сыну – Вильгельму IX (1743-1821 гг.), который изменил ландшафт вокруг деревни: вместо искусственных речек «Стикс» и «Кианг» возле колонии был создан замковый пруд. Большая часть зданий была перестроена и реконструирована. С 1791 г. имение стало называться «Му-ланг», что в переводе с китайского языка означает место, где император обычно проводил охоту осенью. Слово являлось производным от маньчжурского «муран», которое в свою очередь означает рев оленя. Само название имения еще раз подтверждает интерес европейской аристократии к китайским традициям. К концу 1790-х гг. сельскохозяйственный комплекс был сдан в аренду, стиль

шинуазри, в котором он был построен постепенно исчезал из моды и как результат некогда востребованная деревня Му-ланг была заброшена.

В настоящее время из 21 здания сохранилось только 13, в том числе так называемая «пагода». В 2013 г. постройки были занесены во Всемирный список культурного и природного наследия ЮНЕСКО – как уникальные памятники архитектуры, выполненные в стиле шинуазри.

Таким образом, китайская культура во многом обогатила немецкую, «захватив» умы просветителей, ученых, философов, архитекторов. Китайские мотивы встречались везде: начиная от бытовых приборов и элементов одежды, заканчивая величественными архитектурными постройками и философскими идеями. Однако, в отличии от стран Западной Европы, увлечение «шинуазри» в Германии оставалось привилегией знати, в то время как, например, во Франции этот стиль стал общенациональным объектом влюбленности. Впоследствии, с новой волной интереса к шинуазри в XX веке, немцы уже в полном объеме смогли насладится прелестями восточной культуры на родине, хотя это, несомненно, требует отдельного исследования.

1. Цвык, А. В. История становления и развития китайско-германских отношений в XVIII - середине XX вв. / А. В. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2016. – №1. – С. 65-71.
2. Лейбниц, Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / Г. В. Лейбниц; [авт. предисл. В. М. Яковлев] // Российская Академия Наук, Институт Философии. – М., 2005. – 404 с.
3. Лейбниц, платонизм и диалог «восток-запад» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.globoscope.ru/content/articles/1448/. – Дата доступа: 19.01.2022
4. Голосова, Е. В. Шинуазри и англо-китайские парки в Европе / Е. В. Голосова // Вестник Тамбовского университета. – №11. – С. 238-242.
5. Почему европейская знать полюбила все китайское [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kulturologia.ru/blogs/030418/38448/. – Дата доступа: 16.01.2022
6. Российский государственный музыкальный телерадиоцентр [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://muzcentrum.ru/news/2011/10/9545. – Дата доступа: 26.01.2022
7. Das «Chinesische Dorf» Mou-lang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kassel-wilhelmshoehe.de/. – Дата доступа: 21.01.2022
8. Sun, Yanan. Architectural Chinoiserie In Germany: Micro- And Macro-Approaches To Historical Research : dis. … PhD : 21. 02. 01 / Yanan Sun. – NY., 2015. – 236 pp.

УДК 325.2

«БЕЛОРУССКАЯ КАРТА ПОЛЯКА». ВОЗМОЖНОСТИ БУДУЩЕГО БЕЛАРУСИ

Егор Лебедевский

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Брест, Беларусь

lebedevski.egor@gmai.com

В данной статье будет рассмотрено влияние такого документа как «карта поляка» на основные аспекты польской политики и какие возможности она может предоставить другим странам. В качестве образца будет взята Республика Беларусь, так как она единственная из стран постсоветского пространства обладает потенциалом на развитие подобного проекта.

Ключевые слова: «Карта поляка», Польша, Беларусь, миграция, Россия

"BELARUSIAN MAP OF THE POLE". OPPORTUNITIES FOR THE FUTURE OF BELARUS

Egor N. Lebedevsky

Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest, Belarus

This article will examine the impact of such a document as the "map of the Pole" on the main aspects of Polish politics and what opportunities it can provide to other countries. The Republic of Belarus will be taken as a model, since it is the only one of the post-Soviet countries that has the potential to develop such a project.

Keywords: "Map of the Pole", Poland, Belarus, migration, Russia

«Карта поляка» – это документ, дающий, де-факто права гражданина Польши на 10 лет с продлением или же получением гражданства в дальнейшем для всех кто считает себя частью польского

народа и владеет польским языком. Документ был ратифицирован польским сеймом 7 сентября 2007 г. и это открыло новый курс внешней политики Польши на постсоветском пространстве [2].

Уникальность документа заключается в эффективной фильтрации прибывающих в страну мигрантов, который отбирает не просто высококвалифицированных специалистов, а также тех, кто считает себя частью польской нации и культуры. Поэтому «карта поляка» является уникальным миграционным проектом, который сглаживает негативные последствия миграционных процессов на государство. Которые можно наблюдать на примере стран Западной Европы, которые принимают инородные элементы в своё общество, неся соответствующие последствия.

Но также эта концепция миграционной политики может быть взята как образец и другими странами. В частности, данная система имеет большую совместимость с Республикой Беларусь, так как, не смотря на слабый экономический рост, она имеет ряд критериев привлекательных для миграции. В 1990-е годы Республика Беларусь стала единственной страной в постсоветском пространстве которая имела положительное сальдо миграции со всеми другими станами СНГ, что было вызвано рядом объективных и субъективных причин: вернулись те, кто выехал из республики не так давно и еще не потерял с ней связи; мигрантов привлекало отсутствие межнациональных конфликтов и придание русскому языку статуса государственного [6, с. 134].

В последующие годы сальдо миграции также имело положительную тенденцию и, по данным статистики, возмещало разницу в 10% населения от более высокого показателя смертности над рождаемостью. Но в основном в Республику Беларусь прибывают мигранты предпенсионного возраста и низкоквалифицированная рабочая сила, что не даст необходимых положительных результатов для страны, за исключением как не большого демографического прироста [7, с. 34 – 35].

Основной причиной не большого качества и количества мигрантов в Беларусь является низкий рост экономики и разница уровня жизни в сравнении с соседями и к тому же, за высококвалифицированных белорусских специалистов ведётся конкурентная борьба между Россией и Польшей. Соответственно, при будущем экономическом росте и уровне жизни граждан в Беларуси по сравнению с её соседями, она сможет рассчитывать на большой миграционный поток русскоязычных мигрантов в страну. Но также следует учитывать, что количественный потенциал для отбора мигрантов в Польше значительно меньше, в сравнении с Беларусью. Это связано с тем, что у Республики Беларусь в распоряжении всё русскоязычное население постсоветского пространства, а не только узкие социальные группы населения, считающие себя частью определённого государства. Так как в отличие от Республики Польши, которая в силу своей национальной специфики проводит жесткую фильтрацию из относительно не большего количества потенциальных мигрантов.

Беларусь же сможет применить данную концепцию более рационально в отличии от своего западного соседа, так как большая часть белорусской политики ещё с 1990-х гг. строится на прагматизме, тем самым польский проект «карта поляка» будет не просто интегрирован под реалии белорусской политики, но и раскроет весь свой потенциал при реализации на огромное постсоветское, русскоязычное пространство. Также при реализации подобного проекта, в государстве можно решить проблемы не только внутренние, но внешние. Например, учитывая коренное национальное меньшинство белорусов и эмигрантов по «карте поляка», осевших в стране, при содействии правительства в Минске, могут в определенной степени лоббировать интересы Беларуси в Польше и в какой-то степени влиять на европейскую политику.

В заключение можно сказать, что реализация подобных проектов для той же Беларуси, которая обладает большим потенциалом и многими привлекательными качествами для миграции, требует серьёзных экономических возможностей и стабильности в государстве, с чего можно сделать вывод, что в ближайшем будущем рассмотрение таких идей на государственном уровне маловероятен.

1. Амбражевич, А. И. Беларусь в контексте международной трудовой миграции / А. И. Амбражевич // Социологический альманах. – 2012. - № 3. – С. 264 – 273.
2. Карта поляка – как получить 2020 году, что она даёт, документы, продление [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polsha.by/karta-polyaka/poluchenie-karty.html#i. – Дата доступа: 14.12.20.
3. Лученок, А. И. Влияние миграционных потоков на социально-экономические показатели Беларуси [Электронный ресурс] / А. И. Лученок. – Режим доступа: http://luchenok.blogspot.com/2011/09/normal-0-false-false-false-ru-x-none-x.html. – Дата доступа: 12.12.2020.
4. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы. Принята Указом Президента Республики Беларусь 11 августа 2011 г. № 357 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/min_progs/prog22. – Дата доступа: 09.12.2020
5. Смашникова, Т. Б. Взаимная трудовая миграция граждан России и Беларуси: проблемы правового регулирования / Т. Б. Смашникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 37 (291). Право. Вып. 34. – С. 50–53.
6. Шахотько, Л. П. Миграционные процессы и миграционная политика в Беларуси / Л. П. Шахотько // Общество и экономика. – 2011. – № 4–5. – С. 122–151.

7. Шевченко, С. Современные миграционные тенденции в Беларуси / С. Шевченко // Наука и инновации. – 2014. - № 132 том 2. – С. 34 – 37.

УДК 316.77:008

АЛГАРЫТМІЗАЦЫЯ САЦЫЯЛЬНЫХ КАМУНІКАЦЫЙ ЯК ВЫКЛІК ПРЫВАТНАСЦІ

Аляксей Крывалап
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Мінск, Беларусь
email2krivolap@gmail.com

Артыкул прысвечаны разгляду магчымасцей выкарыстання канцэпцыі алгарытмічнай ідэнтычнасці для разумення феномена прыватнасці ў межах культуралогіі. Алгарытмізацыя дзеянняў разглядаецца як выклік для наяўнага стану сучаснай культуры. Разглядаюцца канцэпцыі разумення алгарытмаў у сацыяльна-культурным жыцці, якія былі прапанаваны такімі даследчыкамі як Дж. Чэйні-Ліпольд, Я. Машовакіс, Т. Штрыфас і Э. Парызьер. Артыкул не спрабуе вырашыць усе пытанні звязаныя з праблемай прыватнасці, а хутчэй з'яўляецца разгорнутымі ўводзінамі ў разуменне праблемы алгарытмізацыя сферы культуры.

Ключавыя словы: алгарытм, ідэнтычнасць, прыватнасць, медыя, практыка

ALGORITHMIZATION OF SOCIAL COMMUNICATIONS AS A CHALLENGE FOR PRIVACY

Alexei D. Krivolap
Belarusian State University for Culture and Arts, Minsk, Belarus.

The article examines the possibilities of using the concept of algorithmic identity to understand the phenomenon of privacy within cultural studies. Algorithmization of actions is seen as a challenge to the current state of modern culture. The concepts of understanding algorithms in socio-cultural life were proposed by researchers such as J. Cheney-Lippold, Y. Moschovakis, T. Striphas, and E. Pariser. The article does not attempt to address all issues related to the issue of privacy, but rather is a comprehensive introduction to understanding the problem of algorithmization in the field of culture.

Keywords: algorithm, identity, privacy, media, practice

Традыцыйна вывучэнне алгарытмаў разглядалася як прадмет матэматыкі і інфарматыкі, алгарытмы разглядаюцца з утылітарнай пункту гледжання. Алгарытмы не толькі працуюць з інфармацыяй, але і вылічваюць верагоднасць будучых падзей, здольны ацэньваць рызыкі і прагназаваць надвор'е. Прынцыповай праблемай для алгарытмічнага падыходу будзе стан карыстальнікаў, калі іх індывідуальная ідэнтычнасць можа быць заменена або рэдукавана да алгарытмаў спажывання медыя. Што можа апісаць карыстальнікаў лепш, чым яны самі? Практыка. Тое, якім чынам яны робяць што-небудзь не на словах, а на самой справе. Алгарытмы спажывання медыя можна разглядаць як структуруючы прынцып сацыяльнай стратыфікацыі і арганізацыі.

Перавод сацыяльных праблем на мову алгарытмаў з'яўляецца дадатковым аргументам на карысць аб'ектыўнасці, адсутнасці ірацыянальных і эмацыянальных учынкаў. Галоўным адрозненнем паміж паводзінамі чалавека і алгарытмамі можа быць менавіта наяўнасць адхіленняў, усяго таго, што называецца чалавечым фактарам. Алгарытм у сваю чаргу працуе без пачуццяў і з высокай дакладнасцю. Але ці магчыма знайсці падзел кантролю і выканання, калі размова ідзе пра алгарытмічную культуру, а не пра дакладнасць прагнозу надвор'я?

Як адзначае Я. Машовакіс: «Сувязь паміж алгарытмам з яго рэалізацыяй і пытаннем аб «ідэнтычнасці» для алгарытмаў – гэта асноўныя канцэптуальныя праблемы, якія неабходна вырашыць падчас стварэння асновы тэорыі алгарытмаў і заснаваных на алгарытмах іншых тэорый, што і з'яўляецца найбольш перспектыўным напрамкам» [5, с. 933] . Даследаванне алгарытмаў паступова пранікае ў сацыяльна-гуманітарныя дысцыпліны, і культуралогія тут не з'яўляецца выключэннем. У адрозненне ад інфарматыкаў і матэматыкаў, даследчыкаў культуры цікавіць не прагматычны аспект алгарытмаў, а хутчэй сацыяльныя і культурныя наступствы выкарыстання алгарытмічных прылад для вырашэння сацыяльных праблем.

Т. Штрыфас падкрэслівае, што «сэнсавы кантэкст алгарытму ўключае ў сябе шэраг другасных значэнняў, якія з'яўляюцца ключавымі для асэнсавання алгарытмічнай культуры. Сярод іх найбольш важным з'яўляецца цесная сувязь з нулём» [1, с. 404] . Папярэдне вызначанага зместу ў алгарытме няма, ён

як пустая ёмістасць, у якой можа быць зашыфравана і змешчана абсалютна ўсё. «З аднаго боку, у нас ёсць алгарытмы – набор матэматычных працэдур, мэтай якіх з'яўляецца выяўленне пэўных ісцін або тэндэнцыі пра сусвет. З іншага боку, маем алгарызмы (algorisms) – сістэмы кадзіравання, якія ў роўнай ступені, калі не больш верагодна, прызначана для таго, каб схаваць нешта закадзіраваўшы» [1, с. 404–405] .

Алгарытмы спажывання інфармацыі могуць разглядацца як магчымасць ізаляцыі індывідаў ад іншых. Карыстальнікі застаюцца ў зоне камфорту і нават не здагадваюцца, што існуюць іншыя меркаванні на тую ці іншую праблему. Гэты працэс падрабязна апісаны ў кнізе Э. Парызьера «Бурбалка фільтраў: як новы персаналізаваны вэб змяняе тое, што мы чытаем і як мы думаем» [7] . Алгарытмы пошукавых сістэм і сацыяльных сетак разам вызначаюць тое, якія навіны і ў якой паслядоўнасці каму з карыстальнікаў будуць паказаны. Сэнс выкарыстання падобных алгарытмаў у тым, каб адбіраць і дэманстраваць менавіта тую інфармацыю, якая дазволіць карыстальніку яшчэ і яшчэ раз пераканацца ва ўласнай беспамылковасці. Карыстальнікі бачаць навіны і інтэрпрэтацыі падзей менавіта з таго пункту гледжання, які раней яны самі ўхвалілі лайкамі ці нейкімі іншымі дзеяннямі ў віртуальнай прасторы. У выніку карыстальнікі патрапляюць у ізаляваную прастору, дзе вельмі складана атрымаць нейкія альтэрнатыўныя меркаванні, а ўласны маналагічны голас гучыць больш гучна.

Пашырэнне выкарыстання алгарытмічнага падыходу да спажывання медыя вядзе да стварэння інфармацыйных фільтраў вакол кожнага карыстальніка (ці дакладней уліковага запісу ў віртуальнай прасторы), якія выконваюць значную ролю ў культурнай інтэграцыі асобы. Працэс інкультурацыі, будучы забяспечаным алгарытмамі спажывання медыя, спрыяе стварэнню адчування бесканфліктнасці і бяспекі ў віртуальнай прасторы.

Выкарыстанне тэрміну «алгарытмічная культура» дазваляе пашырыць магчымасці крытычнага аналізу сучаснага стану культуры і прагнастычных магчымасцей культуралогіі. Алгарытмічная ідэнтычнасць карыстальнікаў як вынік сістэматычнага спажывання медыя непарыўна звязана з алгарытмічнай культурай, якая ў сваю чаргу скіравана ў будучыню, грунтуючыся на рытмічнасці штодзённых практык. Для разумення логікі развіцця тэхналогій трэба перайсці ад тэхналагічнага да сацыяльнага дэтэрмінізму, калі даныя інтэрнэт-карыстальнікаў не належаць ім, а з'яўляюцца таварам. Практычным вынікам выкарыстання тэрміну алгарытмічная культура будзе магчымасць зрабіць яшчэ адзін крок ад элітарнага разумення культуры, да больш сучасных падыходаў скіраваных на даследаванні культуры штодзённасці.

Тэрмін «алгарытмічная ідэнтычнасць» быў прапанаваны Дж. Чэйні-Ліпольдам. На яго думку, «сеткавая інфраструктура інтэрнэту, якая валодае тэхналагічнымі магчымасцямі каб адсочваць рух карыстальнікаў на розных вэб-сайтах і серверах, прывяла да з'яўлення індустрыі вэб-аналітычных кампаній, якія актыўна збіраюць інфармацыю аб фізічных асобах і тонка настройваюць камп'ютарныя алгарытмы, каб здабываць сэнс з гэтых дадзеных. Прадуктам многіх з гэтых кампаній і з'яўляецца новая алгарытмічная ідэнтычнасць, якая фарміруецца з дапамогай матэматычных алгарытмаў для катэгарызацыі ананімных карыстальнікаў» [2, с. 165] . Усё гэта вядзе да таго, што працэс ідэнтыфікацыі паступова пераносіцца ў віртуальную прастору. Дж. Чэйні-Ліпольд піша пра лічбавую, а значыць, вымяральную і кантраляваную прастору. Калі такія істотныя параметры ідэнтычнасці, як пол, раса і класавая прыналежнасць, вызначаюцца алгарытмамі аўтаматычна, то віртуальныя ідэнтычнасці карыстальнікаў існуюць аўтаномна ад іх фізічных цел.

Алгарытмічны падыход да разумення працэсу ідэнтыфікацыі карыстальнікаў разглядае фарміраванне ідэнтычнасці зыходзячы з таго, што «алгарытмы дазваляюць перайсці да больш гнуткага і функцыянальнага вызначэння катэгорыі, якая ліквідуе неабходнасць гендарнай ідэнтычнасці ў цялесных і сацыяльных формах і вызначэннях» [2, с. 170] . Па-за рамкамі алгарытмічнай ідэнтычнасці карыстальнік павінен быць адназначна аднесены да той ці іншай катэгорыі спажыўцоў (гендарнай, расавай, рэлігійнай і г. д.), і гэты маркер застаецца з ім назаўжды, быццам бы гаворка ішла аб высвятленні сацыяльна-дэмаграфічнага партрэта аўдыторыі, то ў рэчышчы прапанаванага алгарытмічнага падыходу ідэнтычнасць карыстальніка не фіксуецца адзін раз і назаўсёды, а пастаянна перавызначаецца і ўдакладняецца, дапаўняецца і абрастае новымі дэталямі і адметнымі характарыстыкамі. Алгарытмы спажывання медыя «сёння» вызначаюць ідэнтычнасць карыстальніка «заўтра», што адкрывае магчымасці для прадказання паводзін і актыўнасці індывідаў.

Дынамічны аспект алгарытмічнай ідэнтычнасці захоўвае ў сабе нямала непрыемных пытанняў для карыстальнікаў, таму што яны не заўсёды могуць пераканаўча і рацыянальна растлумачыць усе ўласныя пошукавыя запыты ў Google, якія захоўваюцца ў гісторыі пошуку, або актыўны ўдзел у абмеркаванні тых ці іншых пытанняў на форумах, або лайкі пад пастамі з сумнеўнымі выявамі ў сацыяльных сетках. Падобная праблема стварэння вобразу ворага лагічнымі сродкамі канструявання алгарытмічнай ідэнтычнасці падрабязна апісана Д. Пакерам [6] , калі некаторыя неабдуманыя дзеянні анлайн могуць мець далёкадзейныя наступствы па-за межамі інтэрнэту.

Сітуацыя трансфармацыі ідэнтычнасці можа быць названа правам алгарытмаў. Дж. Чэйні-Ліпольд адзначае, што «ў адрозненне ад матэрыяльнасці, якая прысутнічае пры вызначэнні ідэнтычнасці па праву крыві (jus sanguinis) і па праву месца нараджэння (jus soli), матэрыяльнасць права алгарытмаў (jus algoritmi) – гэта плыня даных, якія праходзяць па кабелях пад акіянам і ў хмарных серверных фермах такіх кампаній, як Google» [3, с. 1729] . Але тым не менш фактычная адсутнасць матэрыяльнага носьбіту «права алгарытмаў» не памяншае рэальнасці наступстваў для карыстальнікаў. Алгарытмічная ідэнтычнасць можа разглядацца як тэхналогія вытворчасці сацыяльнай няроўнасці.

Выкарыстанне алгарытмічнай ідэнтычнасці дазволіць пашырыць магчымасці крытычнага аналізу сучаснага стану культуры і механізмаў працэсу сацыяльнага станаўлення, у выніку якога ствараецца культурная ідэнтычнасць. Алгарытмічная ідэнтычнасць карыстальнікаў не вырашае ўсіх наяўных праблем, звязаных з канструяваннем ідэнтычнасці, але дазваляе перайсці на больш высокі ўзровень дыскусіі аб узаемадзеянні карыстальнікаў анлайн і тэхналагічным складнікам камунікацыі. Для разумення логікі развіцця тэхналогій трэба перайсці ад тэхналагічнага дэтэрмінізму да сацыяльнага, калі дадзеныя аб інтэрнэт-карыстальніках не належаць ім, але дэталёва апісваюць сваіх стваральнікаў, што ставіць пад сумнеў магчымасць захавання ананімнасці ў віртуальнай прасторы і пагражае існаванню сферу прыватнасці далёка па-за межамі інтэрнэту.

Чалавецтва сутыкнулася з новым тыпам ідэнтычнасці, якую можна назваць як ідэнтычнасцю «шкляного чалавека», адначасова трывалай і крохкай, але далікатнай і празрыстай. Метафара «шкляного чалавека» паходзіць з медыцынскага дыскурсу, дзе яна азначае «недасканалы астэагенез» (Imperfectus osteogenesis) – гэта сур'ёзнае захворванне, калі косткі настолькі слабыя, што не ў стане забяспечыць неабходны ўзровень падтрымкі. Цела не з'яўляецца празрыстым, як звычайнае шкло, але шкілету не стае цвёрдасці і трываласці, каб забяспечыць патрэбны ўзровень бяспекі. Але шкло ў той жа самы час вельмі крохкі матэрыял, не здольны абараніць ад знешніх пагроз. Ідэнтычнасць «шкляного чалавека» [4] – гэта новая інтэрпрэтацыя старога крызісу ідэнтычнасці, калі маральны «шкілет» з'яўляецца гнуткім і дэфармуецца пад ціскам масавай культуры. А ў сённяшніх умовах гэты «маральны шкілет» можа папросту не вытрываць і зламацца. Зразумела, што ідэнтычнасць «шкляного чалавека» – гэта метафара, якая адсылае да жыцця без хрыбетніка ці шкілета ў выглядзе схаванага мінулага. Асоба не можа быць гнуткай у дачыненні да пытанняў мінулага як раней, паколькі ўсё, што здарылася, зафіксавана ў шкле ў нязменнай форме. Індывідуальная гісторыя можа быць «знешнім» шкілетам, на які індывід не мае аніякага ўплыву ці кантролю. Псіхалагічны механізм выдалення «дрэнных» і нязручных ўспамінаў больш не дзейнічае. Больш немагчыма забыць некаторыя факты жыцця. Blockchain тэхналогіі кантролю над памяццю і ўласным мінулым не дазваляюць гэта зрабіць. Чалавецтва страціла права забыцца.

«Шкляная ідэнтычнасць» чалавека азначае празрыстасць не для ўсіх, а для карпарацый, якія дзейнічаюць у віртуальнай прасторы і без іх пасрэдніцтва немагчыма патрапіць у віртуальную грамадскую прастору. Індывіды ў стане схаваць нешта ад іншых карыстальнікаў, але не ад ўладальнікаў таго ці іншага сэрвісу, для іх гэта ўсяго толькі чарговыя даныя, якія магчыма аналізаваць і перапрадаваць. «Шкляная ідэнтычнасць» азначае новы тып чалавека. «Шкляному чалавеку» не патрэбна прыватнасць, каб нешта схаваць. Нічога не хаваць, ніколі не можа быць сорамна – гэта новы спосаб камунікацыі і жыцця анлайн. Фактычна, гэтым магчыма патлумачыць, чаму людзі сёння не баяцца страціць кантроль над персанальнымі дадзенымі і прыватнай інфармацыяй у выглядзе BigData. Праблема ў тым, што інтэрнэт-карыстальнікі не проста назіраюць з берага за хвалямі інфармацыйных патокаў перад сабой, а яны не заўважылі, што самі апынуліся ў і гэтай плыні і згубілі магчымасць кантролю над тым, як разгортваюцца падзеі далей. Гэта не праблема пабудовы ідэнтычнасці на індывідуальным узроўні, гэта пра тое, як карпарацыі глядзяць на карыстальнікаў і як бачыць карпарацыю чалавек. Класічная праблема ідэнтычнасці: Я і Іншы трансфармавалася ў Я – Іншы – BigData. BigData не азначае адкрыты доступ да інфармацыі для ўсіх зацікаўленых. Я – Іншы – BigData – гэта спалучэнне стварае цалкам новую канфігурацыю этычнага стану і рэгулявання паводзін чалавека. Рэлігійныя нормы маралі сустракаюцца з чарговым выклікам. Чалавек змяняе свае паводзіны перад Богам, гэта і з'яўляецца маральным рэгулятарам. Але ніхто не ў стане паверыць у BigData. Мараль і сорам можа быць заменены жывёльным страхам перад BigData.

Хрысціянская культура грунтуецца на тым, што кожны чалавек мае што хаваць, чаго саромецца, заўсёды ёсць нешта, што з'яўляецца асабістай таямніцай. Новыя медыя і BigData ператвараюць людзей у «празрыстых істот» для позірку Іншага. Гэта вялікае пытанне, як змяняюцца нашы ўяўленні пра тое, што этычна, а што не ў такой сітуацыі? Ці магчыма будзе наогул казаць пра мараль новага чалавека са «шкляной ідэнтычнасцю», які не здольны мець уласныя сакрэты? І гэта толькі бачная частка айсбергу ўсіх маральна-этычных праблем. Калі людзі не ў стане расшыфраваць пэўную інфармацыю зараз, то яе магчыма захаваць і дэкадзіраваць ў будучыні, калі новыя больш магутныя тэхналогіі стануць даступны. У кантэксце ідэнтычнасці «шкляного чалавека» гэта можа гучаць як: хто будзе ведаць заўтра, што вы сказалі ці зрабілі ўчора?

З'яўленне ідэнтычнасці «шклянога чалавека» адкрывае новыя магчымасці для разумення штодзённай практыкі анлайн-камунікацыі. Чалавек, які не саромеецца і не мае нічога ў сваіх дзеяннях, што можна было б схаваць, аказваецца празрыстым і крохкім як шкло. Адной з магчымых прычын гэтай трансфармацыі можа быць адсутнасць магчымасці кантраляваць уласныя дадзеныя ці электронныя сляды нашай дзейнасці, якія больш не належаць нам, але з'яўляюцца высокаліквідным таварам. Гэта адкрывае магчымасці для прадказання паводзін і актыўнасці індывідаў. Прагнастычныя функцыі будуць у значнай ступені аўтаматызаваны і не будуць залежаць ад чалавечага фактару. Алгарытмічная ідэнтычнасць з сумесі тэхнічных і культурных праблем, падзеленых паміж рознымі сацыяльнымі інстытутамі, з'яўляецца перспектыўным аб'ектам для этнаграфічнага даследавання штодзённай культуры інфармацыйнага грамадства.

1. Striphas, T. Algorithmic culture / T. Striphas // European Journal of Cultural Studies. – 2015. – Vol. 18, № 4–5. – P. 395–412.
2. Cheney-Lippold, J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control / J. Cheney-Lippold // Theory, Culture & Society. – 2011. – Vol. 28, № 6. – P. 164–181.
3. Cheney-Lippold, J. Jus Algoritmi: How the National Security Agency Remade Citizenship / J. Cheney-Lippold // International Journal of Communication. – 2016. – № 10. – P. 1721–1742.
4. Krivolap, A. The Glass Man identity created by normative virtuality / A. Krivolap // Grasping the virtual: (geo)politics, economics, and privacy in a digital era. – Warsaw : College of Europe Natolin Campus, 2018. – P. 75–85.
5. Moschovakis, Y. N. What is an algorithm? / Y. N. Moschovakis // Mathematics unlimited – 2001 and beyond. – Berlin : Springer, 2001. – P. 919–936.
6. Packer, J. Homeland Subjectivity: The Algorithmic Identity of Security / J. Packer // Communication & Critical / Cultural Studies. 2007. – Vol. 4, № 2. – P. 211–215.
7. Pariser, E. The filter bubble: how the new personalized Web is changing what we read and how we think / E. Pariser. – New York : Penguin Books, 2012. – 304 p.

УДК 101+008

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ

Владимир Миськевич

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск, Беларусь

voldemar-vim@tut.by

В статье рассматриваются социально-политические и историко-культурные предпосылки нациостроительства в Европе. Дан анализ двух основных моделей данного процесса: политической и этнокультурной. Показана его неравномерность, исследованы особенности формирования наций в различный регионах Европы. Акцентированы значение и роль этнонациональных символов и мифов, гуманитарной интеллигенции в их конструировании и социальных институтов в их утверждении в массовом сознании.

Ключевые слова: этнос, нация, государство, язык, культура, этнонациональное самосознание

SOCIO-POLITICAL AND HISTORICAL-CULTURAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF EUROPEAN NATIONS

Uladzimir I. Miskevich

State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

The article examines the socio-political, historical and cultural prerequisites of nation-building in Europe. The analysis of two main models of this process is given: political and cultural. Its unevenness is shown, the peculiarities of the formation of nations in various regions of Europe are studied. The importance and role of ethno-national symbols and myths, humanitarian intelligentsia in their construction and social institutions in their approval in the mass consciousness are emphasized.

Keywords: ethnos, nation, state, language, culture, ethno-national identity

«Веком национализма» традиционно считается XIX столетие. Импульс к строительству современных наций-государств в Европе был дан Великой французской революцией. Ее идеологи наделили понятие «нация» принципиально новым содержанием и тем самым осуществили замену самого субъекта нации. Не менее интенсивно процесс нациообразования шел и в XX веке. В результате распада мировой колониальной системы и масштабной национально-государственной «перестройки» социалистического лагеря в мире появилось около сотни новых государств, в том числе 23 в Европе и экс-советской Евразии. Этнополитические процессы, которые наблюдаются в современном мире, дают все основания предполагать, что «топлива в националистическом реакторе хватит еще не на одно десятилетие нового столетия» [3, с. 33].

Термин нация (от nassi – рожден) в средневековой традиции употреблялся достаточно широко и означал родовую общность. Однако критерии отнесения индивидом себя к той или иной «нации» были достаточно произвольными. Так, ученые мужи Сорбонны XIII в. полагали, что итальянцы, испанцы и греки принадлежат к «галльской» нации, а немецкие, польские и скандинавские студенты, учившиеся в университетах Англии, входят в состав английской нации [1, с. 33]. Согласно документам Констанцкого церковного собора (1414– 1417), к «германской нации» наряду с немецкоязычными духовными иерархами относилось духовенство Англии, Венгрии, Польши, а в состав «итальянской нации» были включены представители Греции, Славонии и Кипра [1, с. 33].

Самым главным, однако, было то, что в эпоху средневековья право называть себя «нацией» принадлежало лишь высшим сословиям. Подавляющее же большинство населения, т.е. массы «простых подданных», подобным правом не обладали. Вот почему эпохальным событием европейской истории стало то, что в 1789 г. французское «третье сословие» (в лице своих идеологов) объявило себя нацией, а Французская академия дала принципиально новое определение, послужившее впоследствии основой для утверждения концепта гражданской политической нации. Согласно этому определению, нация – это совокупность всех жителей «одного и того же государства, одной и той же страны, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык» [1, с. 33-34].

Данной идее с течением времени было суждено превратиться в фундамент социокультурной связанности и групповой идентичности, стать реальной основой продуцирования многочисленных образов «мы» и «других» – этносов, культур, конфессий. Идея нации открыла перед модернизирующейся Европой перспективу социального творчества и инновационных социальных преобразований.

Важно, однако, подчеркнуть, что в первоначальный период лишь либерально настроенное меньшинство интеллектуалов оказалось в состоянии исповедовать новые ценности. А чтобы их стало разделять большинство, понадобилось более столетия. Укоренение в массовом сознании идеи «народа-нации» требовало системных изменений в менталитете, самосознании народов. И, прежде всего, формирования в общественном сознании народа коллективного образа и имени собственного («мы французы», «мы немцы», мы «чехи» и т.д.). О том, насколько это было непросто, свидетельствует, например, тот факт, что даже в середине X1X века во Франции с ее многовековой централизованной государственностью «всякий новопоселенец, прибывший из соседней округи, был чем-то вроде «иностранца», вызывая подозрение и враждебность» [11, с. 90]. В Италии (и Германии) после создания национальных государств национальная идея формулировалась вообще парадоксально: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев» [9, с. 335]. Применительно к Германии – «немцев». Еще более сложной была аналогичная задача для народов России, Австро-Венгрии, Османской империи, не имевших своих государств вплоть до конца Первой мировой войны. В XIX в. усилиями политиков, правоведов, ученых, деятелей культуры были созданы национальные «мифо-символические комплексы». Будучи специфическими для каждой страны, они вместе с тем содержали и общие типологические черты. Во-первых, нации изображались в них как существующие с незапамятных времен, а не как недавние политические оформления социокультурных различий. Во-вторых, они содержали в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагалось наличие внутренних и внешних врагов, не заинтересованных в таком «пробуждении» [7, с. 173].

Важнейшее место в созданных «мифо-символических комплексах» принадлежало «национальным традициям». Решающую роль в их конструировании сыграла националистическая «колонизации истории, исходящая из современности» [2, с. 206]. Заинтересованный подход к историческому материалу позволял, в зависимости от конкретных задач социального мифотворчества, либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было» [4, с. 173]. Еще одним компонентом таких комплексов являлся пантеон выдающихся деятелей национальной истории. Среди них: «грамматисты» – исторические персонажи, которые выпестовали язык, зафиксировали на нем отеческое предание; «отцы нации» – создатели государства; герои-победители; борцы за свободу; личности, внесшие значимый вклад в развитие общества и культуры. Важное воспитательное значение отводилось также знаменательным историческим датам и событиям, священным местам, государственным и культурным символам [8, с. 38-39].

Сконструированный национальный «мифо-символический комплекс» надлежало превратить в «факт» общественного сознания, используя систему образования, потенциал искусства, СМИ, церковь, науку, праздники и церемонии. Практической реализацией этой задачи были заняты интеллектуалы, а весь процесс в целом направлялся и контролировался властью. Итогом должно было стать формирование нового типа личности и специфического – национального – самосознания.

Необходимым условием успеха проекта «народ-нация» стали программы всеобщего обучении. Они преследовали двоякую цель – подготовку квалифицированных кадров для развернувшейся в странах Европы модернизации, и патриотическое воспитание молодежи. Достойное место отводилось формированию в массовом сознании образа Родины, появлению в менталитете народа чувства общенациональной солидарности. Особая определяющая роль в данном процессе отводилась государственному языку, т.е. нормированному литературному языку.

В доиндустриальный период с характерным для него преобладанием замкнутых мирков сельского неграмотного населения эти задачи были неосуществимы. Так, во Франции централизация в языковой политике началась еще в XVI ст. Однако и в середине XIX в. «для половины граждан страны французский оставался иностранным языком» [1, с. 166].

С большими проблемами сталкивалась и Германия в последовательном продвижении «в народ» через систему образования и средства массовой коммуникации литературного немецкого языка. Последний сыграл важнейшую унифицирующую роль в выработке общенемецкого сознания, однако его диалекты (берлинский, баварский, саксонский и др.) сохранились и по сей день. При этом отметим, что политика нациостроительства нередко принимала там жесткие формы, особенно когда речь шла об ассимиляции нетитульных этносов, т. е. национальных меньшинств. Например, в начале XX в. на польском языке (поляки – самое многочисленное из меньшинств Германии) было запрещено преподавание в народных школах, и даже богослужение в костелах. Это делалось на немецком.

Рассмотренные выше аспекты национального строительства были связаны с политикой целенаправленного формирования либеральных ценностей в менталитете формирующихся новых социально-политических общностей. Вместе с тем подчеркнем, что практическая реализация идеалов Французской революции осуществлялась в контексте фундаментальных социально-экономических преобразований, вызванных к жизни промышленным переворотом и научно-технической революцией. Город и индустрия кардинальным образом изменили характер хозяйствования, систему социальных отношений, механизмы формирования власти, систему законодательства, способы коммуникации, характер внутренней миграции. Обусловленные этими процессами социальная мобильность и социальная динамика, свобода личности и установка на инновации стали характерной особенностью появившейся новой – техногенной – цивилизации. Народ-нация законодательно был провозглашен главным источником власти в конституциях демократических стран Европы.

Современный исследователь У. Альтерматт процесс национального строительства в Европе подразделил на три временные зоны. К первой он отнес Англию, Францию, Швецию, Данию, Нидерланды, ко второй – Германию и Италию, а к третьей – Австро-Венгрию, Россию и Османскую империю.

Естественно, что в силу специфических для каждой страны «стартовых условий» рассматриваемые процессы протекали по-разному в различных временных зонах нациостроительства.

Так, в странах первой временной зоны заметно уменьшились не только субэтнические, но и межэтнические культурно-ментальные различия. Но в Великобритании при этом была реализована модель создания политической нации британцев, а не этнокультурной нации англичан. Ведь последняя предполагала бы «англизацию» шотландцев, ирландцев и валлийцев. Задача явно нереализуемая и сегодня. Одним из результатов этой модели явилось существенное потепление отношений между англичанами, с одной стороны, шотландцами и валлийцами – с другой. Во Франции действовала этнокультурная ассимиляционная модель, которая требовала включения в общность «французов» также иноэтничных эльзасцев, бретонцев и корсиканцев не только в политическом смысле, но и культурном.

А вот в странах второй временной зоны к началу XX в. остались весьма существенными даже субъэтнические дистанции. В Германии, например, установка на создание этнокультурной нации путем ассимиляции поляков, чехов, датчан, лотарингцев не только не увенчалась успехом, но и явилась одной из причин ослабления «второго рейха» в Первой мировой войне, его падения и потери Германией значительных территорий. Италии также не удалось осуществить интеграцию неитальянских этнических меньшинств, что и сегодня дает себя знать в противоречиях между Севером и Югом страны. В итоге вопросы о том, насколько сицилийцы являются итальянцами, а баварцы немцами, дискутируются и поныне.

Наибольшим драматизмом и остротой борьбы феномен рождения новых наций отличался в империях Восточной, Центральной и Южной Европы. Причина в том, что входившие в их состав этносы были недостаточно интегрированы и удерживались насильственно. Поэтому пришедшая к ним с берегов Сены идея «каждой нации – государство» пала на благодатную почву. Практически повсеместно развернулась интеллектуальная активность по систематизации и структурированию форм и образов

этнокультурной идентичности, выработке идеологии политического самоопределения. А вслед за ней – и борьба за политическую независимость. В итоге для слабо интегрированной Австро-Венгрии идея «каждой нации – государство» стала подлинным троянским конем, подготовившим падение монархии и распад империи [3, с. 41]. Рассмотрим подробнее некоторые моменты этого процесса.

В «лоскутной» Австро-Венгрии этот процесс начался с противодействия Венгрии политике Австрии на германизацию населения империи. В ответ на объявление Веной государственным языком немецкого (вместо латыни), Королевство Венгрия на своей территории объявило государственным мадьярский язык. Основными направлениями национализации народов полиэтнического королевства (по численности превосходившего население современной Венгрии в два раза) выступали образование на венгерском языке, открытие новых университетов, массовое распространение историко-патриотических знаний, мадьяризация имен, фамилий, географических названий, пропаганда национального фольклора, культурная ассимиляции этнических меньшинств. Важнейшим динамическим фактором этого процесса явился бурный рост городов, обусловивших беспрецедентную интенсификацию и интеграцию межэтнических коммуникаций в рамках ценностей венгерской культуры. Вместе с тем отметим, что попытка мадьяризации иноэтнических меньшинств – немцев, хорватов, румын и др., весьма далеко отстоявших от венгров в культурно-языковом отношении, особого успеха не имела. И подобно тому, как курс Австрии на германизацию дал мощный импульс венгерскому национальному строительству, так и мадьяризация, в свою очередь, дала толчок этнонациональному ренессансу в Венгрии немадьярских народов [3, с. 39].

Иным путем пошли чехи. Поскольку административный ресурс у чешских земель был значительно меньше, чем у венгров, они основную ставку сделали на народное образование, культуру, средства массовой коммуникации и потенциал урбанизации. В определенных отношениях чешский опыт может рассматриваться как весьма полезный и для нашей страны. Если в 1853 г. в Чехии не было ни одного чешского лицея, то в 1913-м там функционировали 63 гимназии и 45 технических учебных заведений. Чешских крестьян, переселявшихся в города, встречала налаженная система образования и СМИ на родном языке. Города, столетия служившие центрами немецкой культуры, поразительно быстро стали чешскими. Консул Германии в Праге писал в 1898 году: «В то время как еще 25 лет назад тип города был совершенно немецким, сегодня Прага, без сомнения, совершенно чешский город»[1, с. 166].

Но, по понятным причинам, нас в наибольшей степени интересует российский случай, т.е. в какой степени идеи «национализации» были восприняты и получили развитие в Российской империи.

Во второй половине XIX–нач. XX вв. в России начался процесс модернизации по западному образцу. Однако, несмотря на впечатляющую динамику индустриального роста, промышленность к 1913 году обеспечивала лишь 27 % ВВП, а доля городского населения составляла 15 % от общей численности населения. Почти три четверти жителей империи были неграмотными. По показателю элементарной грамотности (а народное образование служит абсолютно необходимым условием «национализации») Россия сильно уступала даже Австро-Венгрии, не говоря уже о других европейских странах. Так, в 1914 году в ней на 1 тыс. жителей приходилось 59 учащихся, тогда как в «лоскутной империи» – 143, в Великобритании – 152, в Германии – 175 [6, с. 284-305].

Общий дефицит модернизационного потенциала России самым непосредственным образом отражался на мировоззрении даже наиболее «перспективных» с точки зрения национального самоопределения этносов империи – поляков, эстонцев, латышей, литовцев, а также народов Закавказья и Средней Азии. Отсутствие у них собственной элиты, ориентированной на национальные интересы, своего городского среднего класса, низкий уровень урбанизированности обусловило запаздывание «пробуждения» сознания названных этнических меньшинств по сравнению с народами, к примеру, Австро-Венгрии. Однако ситуация коренным образом изменилась в связи с событиями двух русских революций и первой мировой войны. Патриотические настроенные национальные активисты латентный потенциал «национальных идей» сумели быстро превратить в мощный фактор общественного сознания. Тем самым, по удачному выражению М. Гроха, революции обеспечили переход национального движения из фазы патриотической агитации в фазу массового политического действия. [5, с. 125].

Данный процесс, однако, в западных и юго-западных губерниях России имел свои особенности. Они, во-первых, проистекали из сосредоточения в них пятимиллионного еврейского населения (в силу закона о «черте оседлости», т. е. проживания на указанной территории). Так, в начале XX века удельный вес евреев в Кишиневе составлял почти 46 %, в Минске – 43,3 %, в Вильно – 40 %, в Екатеринославе – 35,4 %, в Одессе – 30,8 %. Соответственно молдаван, белорусов, литовцев и украинцев в названных городах проживало 17,6; 8,2; 2,0; 15,8 и 9,4 %. [3, с. 43].В силу целенаправленной политики самодержавия на культурную ассимиляцию евреев, их интеграцию с господствующей (т.е. русской) культурой, они объективно были не только носителями, но и проводниками русского языка и культуры. Во-вторых, в крупнейших городах запада и юго-запада России доля самого русского населения составляла не меньше 20 %. В Вильно, например, вместе с евреями русские составляли 3/5 населения, а в Минске – ¾ [10, с. 11]. И

последнее по счету, но не по важности: административно-властный ресурс в этих регионах был направлен на обеспечение в первую очередь интересов самодержавия и титульной нации.

Переселявшиеся в эти города белорусские, украинские, литовские и молдавские крестьяне попадали там совсем не в то социокультурное окружение, которое могло бы обеспечить их национализацию по венгерской или чешской модели. Напротив, они постепенно превращались в «русских», хотя в силу культурно-языковых различий этот процесс протекал у различных этносов с разной скоростью. После отпадения от России Прибалтики и Бессарабии процессы русификации были там свернуты.

По-иному сложились исторические судьбы белорусского и украинского народов. Неудача местных национальных сил в деле создания независимых Белорусской и Украинской народных республик была обусловлена комплексом причин, и основная среди них – отсутствие в массовом сознании белорусов и украинцев образа России как «Другого». Однако обстоятельный анализ данной проблемы – это тема уже другой статьи.

1. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М. : РГГУ, 2000.
2. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма // Дж. Бройи Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
3. Буховец, О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) / О. Г. Буховец // Современная Европа. – 2008. – № 4.
4. Геллнер, Э. Пришествие национализма. // Э Гелнер. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
5. Грох, М. От национальных движений к полностью сформировавшимся нациям : процесс строительства наций в Европе // М. Грох. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
6. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX вв.) / Б.Н. Миронов // В 2 т. Т. 2. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.
7. Смит, Э. Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
8. Тульчинский, С. Л. Нация или охлос? // Философские науки. – 2011. № 5. – С. 38–39.
9. Хобсбаум, Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе // Э. Дж. Хобсбаум. Нации и национализм. – М. : Проксис, 2002.
10. Шибеко, З. В. Минск: Страницы жизни дореволюционного города / З. В. Шибеко, С. Ф. Шибеко. – Минск, 1990.
11. Weber, E. Peasant into Franchmen // The modernization of Rural France. 1870–1914 / E. Weber. – Stanford, 1976.

УДК 351.85

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андрей Саликов

Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы» Минск, Беларусь

andrei.salikau@gmail.com

Статья посвящена анализу стратегических приоритетов, содержательных направлений и актуальных форм реализации социокультурного потенциала молодежи Беларуси и России. Автор рассматривает культуротворчество молодежи в рамках Союзного государства Беларуси и России, а также в рамках Содружества Независимых государств.

Ключевые слова: молодежь, Союзное государство Беларуси и России, Содружество Независимых Государств, молодежное сотрудничество, социокультурный потенциал, культуротворчество

STRATEGIC PRIORITIES AND MAIN DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF THE SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Andrei E. Salikov

National institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article is devoted to the analysis of strategic priorities, content directions and forms of realization of the socio-cultural potential of the youth of Belarus and Russia. The author examines the cultural creativity of youth within the framework of the Union State of Belarus and Russia, as well as within the framework of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: youth, the Union State of Belarus and Russia, the Commonwealth of Independent States, youth cooperation, socio-cultural potential, cultural creativity

Республика Беларусь проводит многовекторную политику в молодежной сфере. С намерениями расширить международное взаимодействие в области культуры, образования, науки, молодежной политики и спорта Республика Беларусь подписала двусторонние соглашения о сотрудничестве с Республикой Армения, Республикой Азербайджан, Грузией, Республикой Сербия, Саудовской Аравией, Китайской Народной Республикой, Республикой Молдова, Пакистаном, Российской Федерацией, Турецкой Республикой и многими другими государствами.

Социокультурное содержание потенциала молодежи представляется многоаспектным явлением. Собственно культурный аспект связан с «формированием, прежде всего, духовно-нравственных основ молодого поколения и связан с приобщением молодых людей к культуре и культурным ценностям» [2, с. 241].

Международное молодежное сотрудничество осуществляется по многим направлениям. В данной статье сосредоточимся на реализации социокультурного потенциала молодежи Беларуси и России в рамках Союзного государства Беларуси и России (Союзного государства), а также в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Молодежное сотрудничество в рамках Союзного государства выстроено на основе международных договоров в сфере образования и молодежной политики и реализуется в рамках совместных мероприятий (молодежных проектов и программ, молодежных инициатив, форумов, фестивалей др.), носящих конструктивно-творческий характер. С методологической точки зрения актуализируется выявление перспективных возможностей двустороннего молодежного сотрудничества и более полной реализации социокультурного потенциала молодежи Беларуси и России. В частности, это находит свое выражение в разработке проекта Стратегии развития молодежной интеграции Союзного государства Беларуси и России до 2030 г., которая станет основополагающим документом по реализации молодёжной политики в Союзном государстве на среднесрочную перспективу, в том числе и в сфере социокультурного творчества.

Межкультурный диалог российской и белорусской молодежи в рамках союзного государства развертывается в достаточно широком спектре сфер культуротворчества и в разнообразных формах реализации. Следует отметить, что проведение совместно-организованных молодежных мероприятий молодежи Беларуси и России является одним из направлений формирования у молодежи духовно-нравственных ценностных установок на созидательную активность, развитие культурных связей в молодежной среде и межкультурный диалог. Выделяются следующие сферы культуротворчества: художественное творчество (Фестиваль художественного творчества студенческой молодёжи «Палитра творчества» и др.); народная (традиционная) культура (Форумы сельской молодежи и др.); научно-техническое творчество (Конкурс научно-технического творчества учащихся Союзного государства «Таланты XXI века» и др.); экологическая культура (Туристический слет учащихся Союзного государства, Слеты юных экологов Беларуси и России и др.); физическая культура и спорт (Велопробег Союзного государства «Молодежь России и Беларуси – дорога в будущее Союзного государства» и др.).

В качестве содержательных направлений и форм реализации социокультурного потенциала выделяются проектирование (совместные проекты) и международные форумы. В качестве успешных практик приведем ряд наиболее значимых. Так, ежегодно на территории Российской Федерации проводится фестиваль «Молодежь за Союзное государство», нацеленный на укрепление дружбы и межкультурного взаимопонимания молодежи, а также создание условий для реализации ее творческого потенциала.

В качестве успешных практик выделим Международный форум юных лидеров Союзного государства, который проводится для обсуждения широкого круга вопросов развития Союзного государства и содействует сотрудничеству, реализации двусторонних проектов в молодежной сфере. Молодежный образовательный форум «Балтийский Артек» нацелен на вовлечение молодёжи в инновационную деятельность, содействие участию молодёжи в волонтерском движении, поддержку молодежных инициатив, гражданское и патриотическое воспитание молодёжи, развитие международного молодёжного сотрудничества. А также Международный молодежный контактный форум (Тамбов, Российская Федерация). Список может быть продолжен.

Концептуально значимым представляется участие представителей регионов Российской Федерации в республиканских форумах Республики Беларусь, например, в Республиканском форуме сельской молодежи, форумах рабочей молодежи, Международном профсоюзном молодежном образовательном форуме «Темп» и др.

В рамках СНГ реализация социокультурного потенциала молодежи двух стран осуществляется на основании приоритетов в рамках стратегий Международного молодежного сотрудничества государств участников СНГ. В настоящее время реализована Стратегия международного молодежного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 г., а также утверждена Стратегия международного

молодежного сотрудничества государств – участников СНГ на 2021–2030 годы. В рамках Плана мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Стратегии проведены мероприятия, направленные на: обеспечение равного доступа к качественному образованию; вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность; профилактику среди молодежи СНГ этнического, религиозного и политического экстремизма, предотвращение распространения ксенофобии и нетерпимости среди молодежи; повышение уровня межэтнической толерантности и развитие межкультурного диалога, расширение взаимодействия молодых представителей этнических диаспор стран СНГ; поддержку социально уязвимой части молодежи, создание единого информационного пространства в области международного молодежного сотрудничества и поддержку создания сетевых сообществ; организацию профессиональных молодежных обменов и др. [1]. В рамках Плана действий проводится международный форум «Дружба без границ», международный фестиваль молодежных инициатив «Открытый проект – Молодежное сотрудничество», «Дни молодежи Содружества», «Молодежный патриотический форум». Белорусская делегация принимает участие в Ассамблее молодых парламентариев СНГ.

Происходит институционализация инфраструктуры молодежного сотрудничества через развитие консультативно-совещательных структур. Международным молодежным сотрудничеством в рамках СНГ руководит Совет по делам молодежи государств-участников СНГ. Совет уполномочен развивать сотрудничество между органами власти, занимающимися вопросами молодежи в СНГ. В инфраструктуру консультативно-совещательных структур на уровне СНГ входят Молодежная межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ, Базовая организация государств – участников СНГ по работе с молодежью на базе МИРЭА - Российский технологический университет и др.

В инфраструктуре работы с молодежью в качестве важного субъекта выделяется Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества СНГ, который реализует крупные молодежные межгосударственные проекты. В качестве примера приведем Международный молодежный форум «Строим будущее вместе!» как площадку для презентаций, обмена опытом в деле сохранения культурного и исторического наследия, налаживания партнерских связей разработке молодежных проектов. В рамках работы Форума состоялись дискуссии: «Культурное Наследие в современном мире», «Историческое наследие и культурные ценности на пространстве СНГ». Форум прошел в г. Душанбе 20 - 26 июня 2021 г. в рамках программы «Душанбе - культурная столица Содружества года».

Сошлемся на ряд крупных проектов, которые внесли существенный вклад в реализацию социокультурного потенциала молодежи Беларуси и России. С 2013 года по инициативе Совета по делам молодежи СНГ в сотрудничестве с Белорусским республиканским союзом молодежи реализуется проект «100 идей для СНГ». Проект направлен на активное участие молодежи государств-участников СНГ в разработке инновационных проектов. Знаковым событием на уровне СНГ является Форум молодёжных организаций государств-участников СНГ, Международный молодежный лагерь Be-La-Rus и др. Отдельно выделяется XIX Всемирном фестивале молодежи и студентов, который прошел 14-22 октября 2017 г. в г. Сочи.

Таким образом, реализация социокультурного потенциала молодежи Беларуси и России осуществляется по многовекторным траекториям. Концептуально значимым представляется формализация стратегических приоритетов молодежного сотрудничества (развитие нормативной правовой базы), а также институциализация инфраструктуры молодежного социокультурного творчества. Международное молодежное сотрудничество молодежи двух стран охватывает широкий спектр сфер культуротворчества и осуществляется в разнообразных формах. В целом, молодежное сотрудничество носит диалогическй характер, характеризуется расширением молодежного дискурса, наполняется конструктивным социокультурным содержанием, нацелено на укрепление и развитие культурных связей молодежи.

В качестве перспективных направлений реализации социокультурного потенциала молодежи двух стран видится организация совместных российско-белорусских исследований цифрового измерения молодежного культуротворчества. Проблемным полем может стать инновационная цифровая (виртуализированная) социокультурная активность молодых людей, представленная в новых культурных явлениях (тенденциях и феноменах), возникающих вследствие активного использования ИКТ. Также актуализируется организация совместных проектов по развитию сетевой инфраструктуры молодежных цифровых коммуникаций, в том числе активизация использования новых цифровых медиа и «месенжеров».

1. Решение о Плане мероприятий на 2018–2020 годы по реализации Стратегии международного молодежного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 года [электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал Содружества Независимых Государств. – Режим доступа.- https://e-cis.info/cooperation/2883/77086/ . – Дата доступа: 28.08.2021.
2. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования / А.А.Бакин и др.. - Санкт-Петербург : Общество "Знание" Санкт-Петербурга и Ленинградской области, СПбИВЭСЭП, 2004. – 732 с.

УДК 316.776

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ СРЕДИ ТЕРЕГРАММ-КАНАЛОВ, БЛОГЕРОВ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Виктор Юдин
«Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий», Республика Беларусь, Могилев
zylycmanzor1@rambler.ru

В основу статьи положены результаты социологического опроса учащейся молодежи. Выборочная совокупность составила 1634 респондентов. В статье речь идет о влиянии социальных сетей, блогеров и телеграмм-каналов на современную учащуюся молодежь

Ключевые слова: интернет, интернет- зависимость, компьютеризация, информационное общество, социальные сети, телеграмм-каналы, блогеры, учащаяся молодежь, студенты, школьники

YOUNG PEOPLE AMONG TELEGRAM CHANNELS, BLOGGERS AND SOCIAL NETWORKS

Victor V. Yudin
Belarusian State University of Food and Chemical Technologies, Republic Belarus, Mohyliov

The article is based on the results of a sociological survey of young people. The sample totaled 1,634 respondents. The article deals with the influence of social networks, bloggers and telegram channels on modern youth.

Keywords: I nternet, Internet addiction, computerization, information society, social networks, telegram channels, bloggers, students, schoolchildren, youth

В настоящее время в Беларуси осуществляется широкомасштабный переход к информационному обществу. Компьютеризация охватывает практически все сферы деятельности и отдыха населения, включая все возрастные группы. В 2011 году 43,3 % от общей численности населения республики возрастной группы от 6 до 72 лет являлись пользователями сети Интернет. В 2019 году этот показатель вырос почти в 2 раза и составил 82,8 % [1, с.165]. В целом «Беларусь занимает 32-е место по индексу развития ИКТ (рейтинг Международного союза электросвязи) и входит в группу стран с высоким уровнем развития информационно коммуникационной инфраструктуры. Указанный рейтинг является интегрирующим показателем, учитывающим доступ в интернет, качество высокоскоростного соединения с ним, услуги кабельного телевидения и мобильных сетей.

Наиболее активными пользователями интернета согласно статистике Белстата является молодежь. В 2020 году доля пользователей услугами сети интернет среди лиц в возрасте 14-30 лет составила 97,9%, при этом 96,6% пользователей данной возрастной категории подключались к интернету ежедневно [2].

В результате соцопроса, который был проведен в 2021 году, мы выяснили, что в телеграмм-каналах состоит 82% учащейся молодежи, но среди них насчитывается едва ли 40% тех, кто регулярно просматривает содержательный контент телеграмм-каналов.

Самыми популярными у регулярных пользователей телеграмм-каналов являются новостные каналы (25%). Молодые люди по указанным каналам узнают новости различного масштаба, от новостей родного города, страны до общемировых новостей.

В целом телеграмм-каналы позволяют своим пользователям общаться (84,3%), обмениваться ссылками на видео, фото и музыкальные материалы (44,5%), а также закачивать различные файлы (37,6%). Впрочем, т-каналы здесь функционируют как любая другая социальная сеть. К примеру, в самой популярной среди учащейся молодежи социальной сети Вконтакте (в ней зарегистрированы 96% опрошенных представителей молодежи), также общаются (83,4%), обмениваются ссылками (42,1%) и закачивают различные по своему содержанию файлы (35,5%).

Каждый двадцатый (5,7%) из пользователей телеграмм-каналов ищет информацию о фильмах. Кроме фильмов на телеграмм-каналах просматривают новости музыкального мира. Этим занимается каждый десятый (9,7%) из пользователей т-каналов. В телеграмм-пространстве можно отыскать нечто интересное и нужное не только для киноманов и меломанов, но и для простых тружеников ученических классов и студенческих аудиторий. Необходимую информацию для учебы и образования в телеграмм-каналах способны отыскать около 10% пользователей.

Как известно, в XIX веке властителями дум молодежи были такие люди как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Писарев, Некрасов. Герцен, но времена меняются, а с ними меняются и властители дум. Современный блогер стал властителем дум? Современный блогер главным образом поставляет развлечения как тот Литвин, как оказалось самый популярный из блогеров у учащейся молодежи. Его упомянули 10, 9% опрошенных респондентов из числа тех учащихся молодых людей, которые ответили на вопрос о блогерах.

По содержанию контента сообщество блогеров представлено различными направлениями. Уже упоминаемый Литвин, а также Влад Бумага (5,7%), Дима Масленников (4,8%), Morgenstern (4,6%) и Ивлеева (3,1%) – по содержанию контента поставляют своим подписчикам развлечения. Особняком в этой компании стоит Топлес (4,6%), который кроме развлекательных публикует видео на образовательные и общественно значимые темы.

Не прошли мимо учащейся молодежи блогеры, которые готовы поговорить на политические темы. Таких блогеров набралось всего два, А Навальный (5,7%) и Юрий Дуть (5.4%). Следует отметить, что все упомянутые блогеры происхождение свое имеют в Российской Федерации.

В целом 60% учащейся молодежи оставляет без внимания т-каналы и 70% игнорируют блогеров и 45% не просматривают никаких новостных сайтов в поисках информации.

В ходе исследований, мы не оставили без внимания и социальные сети. Нас интересовала частота посещения сетей, попытались изучить такую проблемы современной молодежи, как интернет-зависимость, и, в частности, зависимость молодежи от социальных сетей. Начнем с того, что 98,4% молодых людей зарегистрировано в социальных сетях, и 1,4% заявили о том, что они не состоят в интернет-сообществах. Современный молодой человек неразрывно связан с Интернетом, и социальные сети являются одной из нитей, которые привязывают молодого человека к компьютеру, гаджету и прочим «девайсам».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете социальные сети?», в %

Варианты ответов	Общее распределение	Юноши	Девушки
Несколько раз в день	93	91.0	94.9
1 раз в день	3,8	5	2,8
2-3 раза в неделю	1	1,4	0,7
1 раз в неделю	0,3	0,4	0,2
1-2 раза в месяц	0,1	–	0,1
Практически не посещаю	0,9	1,2	0,5

Мало быть зарегистрированным в соцсетях, надо еще время от времени там объявляться. Практически 97% молодых пользователей сети появляются в соцсетях каждый день. Посещение социальных сетей в интернете, как видно из таблицы 1, одинаково присуще и юношам, и девушкам.

В социальных сетях происходит интенсивное общение. В социальных сетях можно получить несколько минут внимания, если не сказать славы, разместив свои фотографии и вдобавок рассказать о своей наполненной приключениями и интересными событиями жизни, как поется в одной песне: «навру с три короба - пусть удивляются».

Должны сказать, что для 21% представителей учащейся молодежи в той или иной степени важно как сообщество отреагирует на выкладываемый в соцсети контент. Для девушек реакция соцсети на «фотки» и «видосики» гораздо важнее, чем для юношей. Практически для 27% девушек и 16% юношей в той или иной степени важна реакция сообщества соцсети на выкладываемый контент.

Возможность быть замеченным, которую предоставляет соцсеть еще одна нить, которой интернет «пришивает» к себе современную молодежь.

Наглядно картина занятий современной молодежи, которыми может, да и обеспечивает, соцсеть представлена в таблице 2 (при ответе на вопрос анкеты можно было выбрать до трех вариантов ответов).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Чем Вы обычно занимаетесь в социальных сетях?», в %

Варианты ответов	Общее распределение	Юноши	Девушки
Общение с друзьями	83,1	78,6	87,1
Обмен ссылками, фото, видео, музыка	39,6	35,0	44,0
Скачка файлов (музыка, видео, картинки)	36,9	35,0	39,1
Просмотр интересных профилей	28,8	16,4	38,9
Поиск новых лиц для общения по интересам	23,9	22,6	25,1
Публикация личных новостей, комментарии	20,8	15,0	25,9
Написание комментариев, оценка страниц	8,4	8,8	7,6

Социальные сети как юношами, так и девушками используется, прежде всего, как площадка для общения. При этом как девушки, так и юноши обмениваются информацией главным образом развлекательного характера.

Отметим, что девушкам гораздо более чем юношам интересен профиль пользователя соцсети. Юноши предпочитают смотреть не на профиль пользователя, а на общие интересы, столь необходимые для дальнейшего общения. Отметим также, что девушки проявляют большую, чем юноши открытость в соцсетях, публикацией на своих страницах личных новостей, комментариев и прочего.

Каким видим, социальные сети в виртуальной жизни современного молодого человека занимают значительное пространство. Остается выяснить, каким социальным сетям молодежь отдает предпочтение?

Самой популярной у нашей учащейся молодежи является ВКонтакте, в этой сети зарегистрированы 96,6 % опрошенных, 96 % из них юноши и 96,7 % – девушки.

Следующая из соцсетей по популярности – это Instagram, в ней прошли регистрацию 84,4 %. Эта сеть особой популярностью пользуется у девушек, которых в ней зарегистрировано 92,6 %, а юношей 74,8%. Это и понятно, где бы еще можно было выложить и посмотреть много красивых «фоток».

На третьем месте располагается Viber, им пользуются 82,3 % молодых людей (75,3 % юноши и 89 % девушки). Рядом с Viber, по количеству пользователей, находится Telegram, который упомянули 81,7 % опрошенных.

Telegram, как и Viber большей популярностью пользуется у девушек. Прошли регистрацию в Telegram 86, 8% опрошенных девушек и 76,8% юношей.

Остальные соцсети, в которых можно пройти регистрацию, не столь популярны у молодежи, TikTok (63,6 %), WhatsApp (32,7 %), Facebook (31,4 %), Одноклассники (23,9 %), Твиттер (18,5 %), LinkedIn (2,0 %).

Каким видим, телеграмм-каналы, блогеры, социальные сети стали ежедневными спутниками молодежи. Интернет становится новым другом, с этим виртуальным другом молодой человек чувствует себя так же комфортно, как и с реальными друзьями. Мы не можем отрицать положительных сторон в наличии социальных сетей. Однако, виртуальное общение в конечном итоге может вытеснить реальное. О таком возможном развитии ситуации говорить тот факт, что в свободное время 61,9% опрошенных молодых людей общаются с друзьями, а 62,2% опрошенных заявили, что свободное время проводят в Интернете. Остается задать вопрос, где эти молодые люди общаются на каких полянках? Ответ напрашивается сам собой.

1. Телюк Н.А. Оценка степени привязанности к интернету у студентов первого курса / Н.А. Телюк // Современные проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи : материалы III Международной научно-практической интернет-конференции, 8 – 9 октября 2020 г., Минск, Беларусь / БГУ, Фак. социокультурных коммуникаций, Каф. экологии человека ; [редкол.: И. В. Пантюк (отв. редактор) и др.]. – Минск : БГУ, 2020 г. – С 164 – 170
2. Статистика по молодежи // Marketing.by [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа:https://marketing.by/analitika/zhivut-v-gorode-rabotayut-v-it-zanimayutsya-volonterstvom-belstat-opublikoval-statistiku-po-molodezh. – Дата доступа: 9.02.2022.

УДК 792.97:398(=161)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕАТРА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЭТНОСОВ

Александр Смолик

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь

В статье представлены взгляды белорусских, российских и украинских исследователей народного театрального творчества восточнославянских этносов, в частности анализируются интерпретации таких понятий, как «фольклорный театр» и «народный театр». Высказывается предположение, что данные категории весьма близкие по своей сущности и содержанию и в некоторых контекстах могут выступать как тождественные.

Ключевые слова: батлейка, восточнославянские этносы, игрищи, обряд, скоморохи, творчество, театр, фольклор

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE ESSENCE AND CONTENT OF THE FOLKLORE THEATER OF THE EAST SLAVIC ETHNIC GROUPS

Aliaksandr I. Smolik
Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

The article presents the views of Belarusian, Russian and Ukrainian researchers of folk theatrical creativity of East Slavic ethnic groups, in particular, the interpretations of such concepts as "folklore theater" and "folk theater" are analyzed. It is suggested that these categories are very similar in their essence and content and in some contexts may act as identical.

Keywords: batleyka, East Slavic ethnic groups, merrymaking, ritual, buffoons, creativity, theater, folklore

Территория современной Восточно-Европейской равнины в VII – IX вв. была колонизована славянскими племенами. К XIII в. в процессе экономического и социально-политического развития славянских общин, пришедших на смену родовых союзов, постепенно складывались белорусская, русская и украинская народности, ядром которых, по мнению известного историка В. И. Пичета были дреговичи, подвинские и смоленские кривичи, древляне и поляне [1, с. 17]. Постепенное их обособление от общеславянской повседневной жизни обусловило образование самостоятельных языков, фольклора, традиций и выразительных средств художественного народного творчества.

Наиболее ярко отличительные особенности их народного творчества проявлялись в игоровых видах фольклора славянских этносов, к которым относятся обрядовые действа, народно-праздничные игрища, хороводные игры и т.п.

Возникновение обрядовых действ детерминировалось тем, по мнению известного российского этнолога Н. И. Толстого, что они являлись формой социально санкционированного поведения, формировавшегося исторически, в соответствии с установленным образцом, через традиционные символические действия, выражая связь человека с системой ценностей и социального поведения. Обряд всегда был связан, полагал он, с важными моментами жизнедеятельности белорусов, которые требовали особенного поведения. Традиционный обряд представлял собой своеобразный культурный текст. Его архитектоника состояла из разнообразных кодов: атрибутивного, вербального, изобразительного, музыкального, персонального, реального (предметного), темпорального и др. [2, с. 78]. Исследования показывают, что каждый из них находится в органической связи один с одним и повышал эффективность остальных.

Обряд как совокупность действий, движений, слов, нравственно-этических норм, магических символов, знаковых элементов должен был содействовать благосостоянию индивида и этнического сообщества. Данная система определенных форм поведения и верований требовала особого места их осуществления, выбора исполнителей и атрибутов, а также конкретного объекта, установленного времени и очерченного функционального значения. В народной традиции обряды являлись необходимым компонентом жизни белорусов, сопровождавших их во всех сферах жизнедеятельности, и воспринимались как действия, способные создать некое явление. Например, свадебный обряд, в представлении белорусов, способствовал образованию новой счастливой семьи, исполнение обрядовых действий Гукание весны обеспечивало пробуждение природы, разрывание подсолнуха прекращало дождь и т. д.

Изучение типологии белорусских обрядов позволило нам выявить две группы обрядов, наиболее распространенных на территории Беларуси. К первой группе относятся *календарные обряды*, которые в свою очередь подразделяются на хозяйственно-бытовые, магически-интимные и специализированные. Хозяйственно-бытовые обряды связаны с земледельческой и животноводческой деятельностью предков восточнославянских этносов и направлены на обеспечение их первичных жизненных потребностей. Они, как правило, приурочивались к основным сельскохозяйственным циклам сезонных работ и концентрировались в праздниках всех пор года. Магически-интимные обряды представляли собой совокупность ритуальных действий и текстов, связанных с брачно-половыми отношениями, и выявлялись в календарной обрядности. Специализированные обряды включали ритуальные действия и тексты, связанные с узкопрофессиональными, но не земледельческими занятиями, это обряды гончаров, кузнецов, мельников, пастухов, пчеловодов и др.

Вторую группу составляли *семейные обряды,* определяющие жизненные циклы, связанные с определенной сменой социального статуса человека в традиционном обществе: рождение, свадьба, погребение и поминовение.

Такие фольклористы, как А. М. Бабчонак, А. К. Байбурин в качестве особой группы выделяют аказианальные (случайные) обряды, которые исполняются в быту не постоянно, а при необходимости или возникновении особенных, порой кризисных ситуаций. Данная обрядность, на их взгляд, характеризуется

особенными приметами, повторами текстов и действий, ограничением пола и возраста ее участников, осуществлением действий по кругу, кресту, придание исключительных возможностей атрибутов и другими [3, 4].

В Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь вошел ряд обрядов всех групп. Например, обряд "Тянуть Коляду на дуба". По традиции – белорусских жители ряда деревень собираются и украшают обрядовую куклу – дожиночный или зажиночный сноп, который был принесен в дом перед первой колядной кутьей. Затем везут куклу к дубу, сбрасывают и сжигают старую куклу и затягивают на дерево новую. Все действо сопровождается обрядовыми песнями, танцами и хороводами вокруг дуба. По поверьям, этот обряд притягивает богатый урожай, удачу и счастье на весь будущий год. Это обрядовое действо обновлено и введено в социальную практику в 1990-х годах, а в 2011 г. занесено в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

К семейной обрядности относится традиция «Вождения Кусты». Куст символизирует род, а девушка, которую украшают веточками родового куста, как одна из ветвей родового дерева. Она собирается замуж и будет отломана от родового дерева. В процессе обряда представители рода и односельчане прощаются с ней перед переломным этапом в ее жизни, одаривают всем необходимым и желают счастья.

Исходя из того, что традиционные обряды играют исключительную роль в обеспечении духовной преемственности и интеграции белорусского народа, в «сохранении этнокультурной идентификации и национального самосознания, они отнесены к важнейшим артефактам нематериального культурного наследия человечества. В связи с этим белорусские обряды «Юрьевский хоровод» и «Цари» включены в Репрезентативный список ЮНЕСКО.

Российские фольклористы В. Гусев, О. Кайдалова, А. Некрылова полагают, что обрядовые действа со временем трансформировались в драматические произведения фольклорного театра. В. Гусев относит их к дотеатральным формам, как к одному из истокоов фольклорного театра [5, с. 16]. Несмотря на то, что понятие «фольклорный театр» пока не вошло в специальные зарубежные и белорусские справочные издания, данный термин фигурирует в современном гуманитарном дискурсе и сценической исполнительской практике.

В фольклорном наследии белорусов, русских и украинцев было широко представлено такая дотеатральная форма, как празднично-обрядовое игровое действо игрища. Белорусская фольклористка Л. М. Соловей, считает его развлечением молодежи брачного возраста с некоторыми обязательными элементами театрализации [6, с. 171]. Так, в игрищах должны были участвовать предварительно определенные юноши и девушки, которые распределялась по парам. Остальные участники являлись своеобразными зрителями, комментаторами, гарантами аутентичности. Традиционно игрищи проводились в определенные календарные праздники, прежде всего, на Рождество. Например, очень тщательно было разработано колядное обрядовое действо «Женитьба Терешки», имевшее свое собственные мелодии, тексты песен и танцев.

Белорусские фольклористы П. Бессонов, А. Дембовецкий, А. Репинский, И. Эрмич отмечали, что на игрищах ставились театрализованные композиции «Вождение козы», «Ящур» и др. с маскарадными показами. В названых театрализованых играх присутствовали песня, танец и диалог. Главным персонажем, безусловно, была «коза», роль которой исполнял невысокий парень, способный к танцам и импровизации. Его одевали в вывернутый кожух, на голову надевали маску. Роль «деда», который водил «козу», исполнял парень с развитым чувством юмора. Он изображал сцену дресирования «козы», подгонял ее палкой, чтобы она исполнила обрядовый танец: подпригивала, топала, колола «деда» рогами, ложилась на пол, прикидывалась умершей. Действо сопровождалось народной песней, исполняемой всеми участниками композиции. Песня прославляла положительные качетва «козы»: “Дзе каза ходзіць, там жыта родзіць, / Дзе каза хвастом, там жыта кустом, / Дзе “каза” нагой, там жыта капой, / Дзе “каза” рогам, там жыта стогам, / Дзе каза не бывае, там жыта палягае” [7, с. 599]. Участники маскарадного показа пытались оживить «козу», но безуспешно. Только после вкусных подношений от хозяев «коза», оживала. Певцы за это прославляли их. Исполняли песню с пожеланием хозяевам хорошего урожая.

Категорией дотеатральных форм ряд исследователей считают скоморошество. Так, российский искусствовед А. С. Фомицин полагает, что скоморохи были древнейшими представителями славянского народного эпоса, народной сцены; они же вместе с тем были и единственными представителями светской музыки [8]. Как уличные формы средневекового театра России расценивает скоморошество также Т. Н. Федоренко [9]. Социальную сущность театрализованных представлений скоморохов показал известный российский литературовед Д. С. Лихачев, который писал, что «скоморохи подражали дуракам, шутки шутили, будто не понимая, будто над собой смеясь, но учили народ любить волюшку, не принимать чужого важничания и спеси, не копить много добра, легко отрываться от своего, нажитого, легко жить, как и легко странствовать по родной земле, принимать у себя и кормить странников, но не принимать всяческой кривды. И совершали скоморохи подвиг - тот подвиг, который делал их почти что святыми, а часто и святыми» [10, с. 428].

Скоморошничество и игрищи исследователь театральной культуры украинского народа А. Г. Баканурский соотносит с одним из этапов эволюции украинского народного театра, при этом игрищи и обряды с развитой церемониальной функцией он рассматривает как первоначальную структуру, явившуюся исходной для возникновения фольклорного театра [11, с. 14].

Драматическое творчество скоморохов, батлейку, уличный театр считает фольклорным театром и белорусский искусствовед И. А. Алекснина [12, с. 1].

Более широко трактует понятие «фольклорный театр» российская исследовательница О. Койдалова, которая полагает, что он включает в себя не только народные зрелища, но и другие жанры фольклора, содержащие игровые и театрализованные элементы, обладающие действенным началом [13, с. 6].

Группа таких российских театроведов, как В. Гусев [5, с. 5], А. Некрылова, Н. Савушкина [13, с. 9] утверждают, что только драматические действа на основе фольклоризированного драматургического текста представляют собой собственно фольклорный театр.

В белорусском искусствоведческом дискурсе категория «фольклорный театр» практически не применялась. Такие театроведы как А. С. Емельянов [14.], Н. Колодинский [15], С. М. Мисько [16], В. И. Нефед [17], В. М. Сысов [14], А. С. Федосик [14] и др. в свих трудах объединяли все драматические виды фольклора – батлейку, интермедии школьного театра, народную драму, скоморошество – в понятие «народный театр».

Рубеж XX–XXI вв. отмечен поиском новых форм организации и функционирования театральных коллективов. В первой четверти XXI в. актуализируется процесс стилистического обновления исполнительского фольклоризма. На фоне продолжающейся академизации и адаптации в сценическом исполнительстве фольклорная традиция не только продолжает естественное существование, но ряд фольклорных коллективов пошли по пути творческого эксперимента и внесли в театрально-сценическую практику некоторые существенные элементы. Например, российский искусствовед В. Г. Пушкарев отмечает такие новые аспекты фольклорного театра, как театр-институт и театр-действо. Театр-институт, на его взгляд, представляет собой современное явление в театральном творчестве, отражающее интерес общества к его историческому прошлому реализующееся в институциональном взаимодействии фольклорного коллектива с другими организационными формами трансляции традиционных ценностей [18, с. 11]. В этом отношении деятельность фольклорно-этнографических коллективов и некоторых музеев. Особенностью их представлений, по мнению белорусского исследователя, является то, что они построены «на основе темы быта в прошлом, семейных обычаев, купальских, дожиночных обрядов, либо напоминают обрядовые действа. Сходство с обрядовыми практиками выражается в особенности драматургии таких действ, не обнаруживающей ярко выраженного драматического конфликта, «психологичности» действия» [19, с. 47].

Театр-действо является результатом исследований и реконструкций форм и жанров народного традиционного творчества. Художественными средствами его воплощения выступают народные игры, песни, танцы, костюм и т.п.

Белорусские исследователи в настоящее время стали активнее заниматься изучением фольклорного театра как вида народного творчества. Свидетельством тому являются монографии [19], научные публикации в сборниках конференций, в рецензируемых научных журналах [20], а также защищенные диссертационные исследования [12, 21].

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что категоря «фольклорный театр» в настоящее время продолжает оставаться проблемным полем культурологии, искусствоведения, фольклора этнологии. Предметом их исследований является драматическое фольклорное творчество, существовавшее как в традиционных, так и в новых театрализованных формах, отражающее социокультурные условия информационного общества.

1. Пичета, В. И. История белорусского народа / В. И. Пичета. – Минск : Изд. центр БГУ, 2003. – 184 с.: ил.
2. Толстой, Н. И. Очерки славянского язычества / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 2005. – 214 с. Толстой, Н. И. Очерки славянского язычества / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 2005. – 214 с.
3. Бабчонак, М. А. Семантыка і змест аказіянальных абрадаў і звычаяў / М. А. Бабчонак // Весці БДПУ. – 2006. – № 1. Серыя 2 – С. 119-121.
4. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин. – Рос. АН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
5. Гусев, В. Русский фольклорный театр XVIII – начала XX века / В. Е. Гусев. – Л. : ЛГИТМИК, 1980. – 94.
6. Салавей, Л. М. Ігрышча / Л. М. Салавей // Народная культура Беларусі: Энцыкл. давед. / Пад агул. рэд. В. С. Цітова; Маст. І. І. Бокі, У. М. Жук. – Мінск : БелЭн, 2002. – С. 171-172.
7. Ігрышча // Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. Т. 1: Акапэла – Куцця / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш.— Мн.: БелЭн, 2005.—768 с.: іл.
8. Фомицин, А. С. Скоморохи на Руси / А. С. Фомицин // Санкт-Петербург : Типография Э. Аргольда, 1889. – 191 с.
9. Федоренко, Т. Уличные формы средневекового театра России –скоморохи, искусники, потешники [Электронный ресурс]. https://proza.ru/2016/05/16/595 Дата обращения 30.12.2021.

10. Лихачев, Д. С. Великое наследие. Смех в древней Руси. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Избранные работы в 3 т. Т. 2. – Л. : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. – с. 516.
11. Баканурский, А. Г. Фольклорный театр на Украине (От истоков до народной драмы) : автореф. дис. …д-ра искусствоведения : 17.00.01 / А. Г. Баканурский ; Рос. ин-т искусствоведения. – М., 1992. – 44 с.
12. Алексніна, І. А. Тэатральная культура беларусаў заходняга Паазерья: спадчына і сучаснасць : аўтарэф. дыс. … кандыдата мастацтазнаўства : 17. 00. 01 / І. А. Алексніна ; Беларускі ун-т культуры. – Мінск, 2000 – 24 с.

13. Фольклорный театр народов СССР : Сб. ст. / АН СССР, ВНИИ искусствоведения. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
14. Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / А. С. Фядосік, А. С. Емельянаў, У. М. Сысоў і інш.; навук. рэд. К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Бел. навука, 2001. – 422 с.
15. Каладзінскі, М. Народныя вытокі тэатра / М. Каладзінскі // Гісторыя беларускага тэатра : у 3 т. / рэдкал.: У. І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – Т. 1 : Беларускі тэатр ад вытокаў да кастрычніка 1917 года / рэд.: Г. І. Барышаў, А. В. Сабалеўскі. – С. 19–128.
16. Мисько, С. М. Истоки белорусского народного театра : аўтареф. дис. … кандидата искусствоведения : 17. 00. 01 / С. М. Мисько ; Академия наук Украинской ССР; Отделение общественных наук. – Минск, 1962. – 19 с.
17. Няфёд, У. Беларускі тэатр : нарыс гісторыі / У. Няфёд. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1959. – 399 с.
18. Пушкарев, В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии : 24.00.01. / В. Г. Пушкарев –СПб., 2011. – 24 с.
19. Сучкоў, І. І. Фальклорны тэатр беларусаў : праблемы паэтыкі і эстэтыкі (на матэрыяле XVIII – XX ст.) / І. І. Сучкоў. – Мінск : БДУКМ, 2004. – 306 с.
20. Силаева, А. А. Фольклорный театр как вид народного творчества: к проблеме изучения терминологии / А. А. Силаева // Вести Института современных знаний. –2018. –№ 2 (75). – С. 47-51.
21. Гурченко, А. И. Исполнительский фольклоризм в Беларуси на рубеже XX–XXI вв.: основные тенденции и особенности развития / А. И. Гурченко: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусств. – Минск., 2013. – 25 с.

УДК 304.4:[338.516.4:330.322.16](4)(510)

PABLIC-PRIVATE PATERSHIP КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ ЕВРОПЫ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ В КИТАЕ

Цзя Ляльна
Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь

В статье рассматривается деятельность государств европейских стран по привлечению в социально-культурную сферу инвестиций. Отмечается, что государственно-частное партнерство в различных формах в настоящее время превратилось в эффективный инструмент устойчивого развития сферы культуры большинства европейских стран. Анализируется деятельность государства КНР по адаптации европейского опыта применительно к китайской специфике.

Ключевые слова: бизнес-структура, государственно-частное партнерство, Европа, Китай, культура, проект

PUBLIC-PRIVATE PATERSHIP AS AN EFFECTIVE MECHANISM FOR THE DEVELOPMENT OF EUROPEAN SOCIO-CULTURAL SPHERE: EXPERIENCE OF APPLICATION IN CHINA

Jia Lianna
Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

The article discusses the activities of the states of European countries to attract investments in the socio-cultural sphere. It is noted that public-private partnership in various forms has now become an effective tool for the sustainable development of the cultural sphere in most European countries. The activity of the state of the People's Republic of China in adapting the European experience in relation to Chinese specifics is analyzed.

Keywords: business structure, public-private partnership, Europe, China, culture, project

Взаимодействие государства и бизнеса с целью объединения ресурсов и достижения взаимной выгоды по широкому кругу задач в области создания инфраструктуры социально-культурной сферы, повышения качества и продвижения культурного продукта на рубеже XX–XXI вв. широко распространено в

разных странах как Западной, так и Восточной Европы. Зарождение Pablic-Private Partnership (государственно-частное партнерство – ГЧП), на взгляд ряда исследователей, начинается в период усиления роли государства в экономической жизни общества, с одной стороны, и проблем ее государственного финансирования, с другой [3, 5, 7]. Такая ситуация вынуждала властные структуры изобретать новые формы инвестирования инфраструктурных проектов. Изучение истории ГЧП свидетельствует, что правительства Испании, Италии, Франции и некоторых других европейских стран уже в XIV–XVIII вв. начали активно прибегать к услугам частных лиц, чтобы реализовать общественно значимые проекты. Так, первая концессия в Великобритании была предоставлена в 1654 г., во Франции – на 100 лет раньше (1554 г.) [1, с. 11-13]. Это был период так называемого неинституциализированного применения государственно-частного партнерства в основном в форме концессий.

В XX в. практика взаимодействия государства и бизнес-структур расширялась и углублялась, что требовало законодательного обеспечения прав частных лиц и обязательств государственных структур. Начало развитому нормативно-правовому полю положила директива Европейского союза (ЕС) 1992 г. [8]. В этом первом международном нормативно-правовом акте были сформулированы правила и процедуры предоставления контрактов частным бизнес-структурам в сфере общественных услуг. В последующие годы был принят еще ряд директивных документов европейским сообществом, согласно которым частному сектору предоставлялась возможность взаимодействия с государством в некоторых отраслях, составляющих государственную монополию: электроэнергетика, газ, железные дороги [9].

На Стокгольмской конференции в 1998 г. ЮНЕСКО предложила государствам-членам поставить культурную политику в центр стратегий развития, что нашло отражение в итоговой декларации конференции. Мировой банк в 1999 г. провозгласил, что будет выделять займы развивающимся странам в том случае, если в их программах будут учитываться культурные факторы.

Общее понимание государственно-частного партнерства как механизма сотрудничества государства и бизнес-структур в международном масштабе базируется на Декларации тысячелетия ООН, принятой в 2000 г. и подтвержденной на Монтергейском консенсусе международной конференции по финансированию развития 2002 г. В соответствии с этим правовым актом, цель ГЧП заключается в модернизации, строительстве, управлении, финансировании эксплуатации инфраструктурных объектов [2]. В 2004 г. первые юридические подходы государств-членов ЕС к государственно-частному партнерству были обобщены в Зеленой книге «Государственно-частное партнерство и законодательство сообщества по государственным контрактам и концессиям». В ней анализировались особенности законодательства, применяемые механизмы, модели, интерпретировалась терминология ГЧП. Понятие государственно-частное партнерство («Pablic-Private Partnership») трактовалось в данном документе как *инструмент привлечения бизнеса к выполнению государственных и муниципальных задач, связанных с предоставлением публичных услуг, развитием общественной инфраструктуры, государственных объектов социальной и культурной сфер* [10]. Основными действующими моделями ГЧП в европейских странах в начале XXI в., отмечалось в Зеленой книге, являлись контракты на управление и аренду, концессии, проекты с чистого листа и передача активов.

В 2005 г. ЮНЕСКО принимает «Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения», в которой отмечается, что «…культурная деятельность и культурные товары и услуги носят как экономический, так и культурный характер, поскольку они являются выражением форм самобытности, ценностей и смысла, и поэтому к ним нельзя относиться как к чему-то, имеющему только коммерческую ценность» [4].

Таким образом, нормативно-правовые документы, принятые и распространяемые мировым сообществом, регулирующие взаимодействие государства и частного бизнеса в сфере производства и трансляции объектов материальной и духовной культуры, стали прочной основой европейских стран для создания внутригосударственных законодательных актов, своеобразным ориентиром при формировании механизмов взаимодействия государств и частного сектора в сферы культуры.

Массовое принятие нормативно-правовых актов о государственно-частном партнерстве во многих странах Европы стимулировало интерес бизнеса к проектам ГЧП. Лидерами по количеству соглашений ГЧП, считает российская исследовательница М. Нагорная, в Европе являлись в конце XX в. Англия – 39%, Франция – 17%, Германия – 13%, Испания – 12%, доля других стран составляла 19% [5, с. 43]. В этих странах Европы уже на протяжение ряда лет использовались различные формы государственно-частного партнерства в соответствии с социально-культурными, экономическими и политическими реалиями, а инновационные подходы особенно активно применялись в последние десятилетия XX в. Практика взаимодействия государства и бизнеса, известная как Public-Private Partnership, зародилась в начале 1990-х гг. в Великобритании, где на смену традиционному взаимодействию государства и бизнеса пришла модель частной финансовой инициативы, при которой государство осуществляло заказ, но не оплачивало бизнесу исполнение тех или иных капиталоемких проектов. Правительство Великобритании в 1992 г. провозгласило новую форму взаимодействия государства и частного бизнеса – «Частная финансовая инициатива», суть которой заключалась в том, чтобы передать частному

сектору функции финансирования строительства, эксплуатации и управления государственных объектов социально-культурной сферы.

Созданный социально-культурный объект брался у государства в долгосрочную аренду при условии, что другая сторона продолжала обеспечивать его эксплуатацию. Инвестиции возвращались за счет арендных платежей. В большинстве случаев после окончания договорного срока аренды объект передавался государству или муниципалитету по низкой стоимости или бесплатно. Не имея финансовых ресурсов для обеспечения расширенного воспроизводства в ряде отраслей, государство передавало их в долгосрочную аренду (концессию) бизнесу, оставляя за собой право контроля за их деятельностью. Эффективность сотрудничества государства и бизнеса обеспечивалась не столько прямым сложением финансовых ресурсов на условиях софинансирования, сколько максимально полным использованием уникальных возможностей каждого из двух участников проекта и совокупным сокращением рисков. Государство, вступая в союз с бизнесом, как правило, получало не только снижение нагрузки на бюджет, но и более гибкую и действенную, чем традиционная бюрократия, систему управления проектом, а бизнес – определенный набор гарантий и преференций.

Изучение зарубежного опыта показало, что приоритетной отраслью является не только материальная культура, но социально-культурная сфера. Так, в западноевропейских странах по количеству проектов, реализуемых с привлечением инвестиций бизнес-сообществ, второе место занимают сферы здравоохранения и образования [5, с. 45]. Сфера культуры в западных странах рассматривается как один из важных секторов экономики – cultural (creative) industries (креативная экономика). Согласно данным Всемирного банка, ее доля составляет около 7% мирового ВВП. По данным ООН, годовой прирост креативной экономики составляет около 9% [6]. В Европе уже был реализован ряд проектов в социально-культурной сфере с активным участием бизнес-структур: реконструкция Эйфелевой башни, реставрация Колизея, фонтана Треви, Геркуланума, археологического резервата Помпеи. Имея это в виду, генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова отмечала, что только усилия, предпринимаемые в тесном сотрудничестве с местными органами власти, позволили сохранить эти уникальные объекты.

Исходя из практики западноевропейских стран, государство Китайской Народной Республики в первой четверти XXI в. стало интенсивно использовать механизмы государственно-частного партнерства для реализации различных социально-культурных проектов. Особенно таких транснациональных проектов, как «Один пояс, один путь», «Чайный путь», «Шелковый путь» и др.

Особое внимание в Китае к развитию государственно-частного партнерства объясняется осознанием возможности применения его для практической реализации задач модернизации сферы культуры. В настоящее время китайское общество осуществляет ориентацию на инновационное развитие, предполагающее системную модернизацию. Это в контексте рекомендаций ЮНЕСКО предполагает рассмотрение экономических характеристик не только с позиции их доминирования и самодостаточности. Разрабатывая новую стратегию культурной политики, государство и общественность КНР учитывают взаимосвязь культуры и политики, культуры и экономики, культуры и системы управления обществом. Культура рассматривается ими не как декорирующий фон социально-экономического развития, а как важнейший фактор ее эффективной социодинамики. Чтобы стимулировать углубление реформ культурной системы и внедрение механизмов инноваций в данной сфере, в Китае стали продвигать не только эффективные формы государственной собственности, но и активизировать привлечение частных инвестиций. Например, опираясь на государственно-частное партнерство в сфере традиционно-народной культуры, государству и общественности КНР удалось не просто сохранить, но и включить в социально-культурную практику историко-культурное наследие китайского народа. При этом артефакты традиционной народной культуры часто вовлекаются в сферу туристического бизнеса, киноиндустрии, индустрии моды и т.д. Последствиями такого вовлечения является прибыль предпринимателя и лучшее содержание объектов традиционной народной культуры. Объекты историко-культурного наследия лучше охраняются. Доходы, которые получает владелец от эксплуатации объекта традиционной культуры, например, в качестве частного музея, он тратит на реставрацию, на поддержание его в достойном состоянии. Как правило, частные объекты культурного наследия беспрепятственно открыты для посетителей.

Внимательно проанализировав опыт европейских стран по привлечению бизнеса в социально-культурную сферу, Коммунистическая партия Китая и государство постепенно приступили к привлечению в сферу культуры частного бизнеса. На первом этапе осуществлялся переход в сфере культуры от парадигмы «культурной революции» к обновлению идеологии, соответствующей новой стратегии политики реформ и открытости. Прежние подходы к обновлению содержания социалистической культуры уже не соответствовали реформам в экономической системе и новым требованиям развития китайского общества. В последующие года ЦК КПК и Госсовет КНР предприняли важные шаги в практической реализации реформы сферы культуры с опорой не только на государственное инвестирование, но и привлечение инвестиций национальных и иностранных бизнес-структур. Институциальное оформление развитой системы государственно-частного партнерства содействовало дальнейшему развитию социально-культурной сферы КНР. Это время отмечено комплексным продвижением китайских и иностранных бизнес-

структур в сферу культуры. Так, на VI-м пленарном заседании ЦК Компартии Китая была выдвинута задача ускорения развития культуры. С этой целью, отмечалось участниками пленума, необходимо неуклонно поддерживать и развивать государственные или контролируемые государством предприятия сферы культуры, а также поощрять и направлять здоровое развитие различных культурных предприятий, не принадлежащих к государственной собственности.

Быстрый рост негосударственной собственности в сфере культуры, а также частных инвестиций, возникновение различных негосударственных механизмов финансовой поддержки развития культуры с участием как государственных вложений, так и частных инвестиций в отрасль культуры, спорта и туризма содействовали возникновению крупных предприятий социально-культурной сферы. Так, только в 2015 г. по всей стране было зарегистрировано 104 000 новых компаний в сфере культуры, спорта и развлечений, что на 58,5% больше, чем в предыдущем году, что намного выше, чем темпы роста вновь зарегистрированных компаний по стране (21,6%) за тот же период [12, с. 94]. В то же время такие крупные интернет-компании, как Baidu, Alibaba и Tencent полностью вошли в социокультурную сферу посредством слияний и поглощений, инвестиций в акционерный капитал и делового сотрудничества. С 2012 по 2016 год добавленная стоимость культурных продуктов и услуг Китая из года в год росла с 1,8 трлн. юаней в 2012 году до 3,1 трлн. юаней в 2016 году, что составляет 4,14% ВВП [11].

Таким образом, использование западноевропейского опыта привлечения в сферу культуры общественного капитала оказало положительное и обширное влияние на развитие культурной сферы Китая, создав благоприятную среду и атмосферу для процветания социалистической культуры китайского общества. Модернизация всех отраслей общественной жизни китайского народа (СМИ, радио, кино, телевидения, туризма, моды и т.п.) способствовали превращению их из зарождающихся в процветающие отрасли, что свидетельствует об энергичной жизнеспособности государственно-частного партнерства в культурной отрасли. По мере углубления модернизации социокультурная сфера достигла значительного прогресса, благодаря инновационной культурной политике Коммунистической партии и государства КНР.

1. Белицкая, А. В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства: монография / А. В. Белицкая. – М. : Статут, 2012. – 191 с.
2. Декларация тысячелетия ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http:/www.un.org/ru/documents/decl_conv/declaration/summitdecl. Дата обращения: 24.02.2021.
3. Климов, П. Е. Новый взгляд на сущность государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] / П. Е. Климов // Управление экономическими системами. – 2011. – № 10.
4. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 г. – Париж : ЮНЕСКО, 2005. – 16 с.
5. Нагорная, М. С., Шевцова, В. В. Зарубежный опыт государственно-частного партнерства в сфере культуры / М. С. Нагорная, В. В. Шевцова // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2017. – № 4 (19). Т. 4. – С. 43–50.
6. Опыт применения ГЧП в зарубежных странах // [Электронный ресурс] / URL: http://www.psihdocs.ru/opit-primeneniya-gchp-v-zarubeejnich stranah.html. Дата обращения: 14.02.2021.
7. Царев, Д. Государственно-частное партнерство: правовой аспект / Д. Царев, А. Иванюк // Финансовая газета. – 2009. – № 17. – С. 12–13.
8. Council Directive 92/50/EEC of 18 June 1992.
9. Council Directive 93/36/EEC, 93/37/EEC, 93/38/EEC of 14 June 1993.
10. Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contractsand Concessions. Brussels. 30.04.2004.
11. 《2016年中国文化产业增加值首次突破3万亿元》，《光明日报》，2017 5月27日，第12版 = «Добавленная стоимость культурной индустрии Китая впервые в 2016 году превысила 3 триллиона юаней», Guangming Daily, 27 мая 2017 г. – № 12.
12. 中国文化体制改革40年》，广州，广东经济出版社，2017年版，300页 = Цай, Ву. Создание основы культурной уверенности – 40 лет реформы китайской культурной системы / Ву Цай. – Гуанчжоу: Гуандунский экономический издательский дом, 2017. – 300 с.

УДК 338.486/487-021.272(4)(610)

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Хуан Ичэн
Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь

В статье анализируется социодинамика индустрии туризма в странах Европы и Китайской Народной Республике. Отмечается, что все виды туризма в настоящее время становятся важной отраслью экономического развития общества. Рассматривается деятельность правительств и общественности европейских стран и КНР, направленная на продвижение выездного и внутреннего туризма.

Ключевые слова: Европа, инвестиции, индустрия, Китай, культура, туризм, экономика

TOURISM INDUSTRY OF EUROPEAN COUNTRIES AND CHINA: COMPARATIVE AND ANALYTICAL ASPECT

Huang Yichen
Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

The article analyses sociodynamics of tourism industry in European countries and the People's Republic of China. It is noted that all types of tourism are now becoming an important branch of economic development of society. The activity of governments and public of European countries and China aimed at promotion of outbound and domestic tourism is considered.

Keywords: Europe, investment, industry, China, culture, tourism, economy

Туризму в настоящее время в странах мира, в том числе и Европы, придается большое значение, так как он, затрагивая интересы все большего числа государств, вовлекая их в активный процесс туристского обмена, становится стратегически важной отраслью мирового хозяйства. Туризм оказывает огромное влияние на такие ключевые сегменты экономики, как транспорт, связь, торговля, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления и т.д., и, таким образом, выступает катализатором социально-экономического развития. Анализ эффективности туристской индустрии первой четверти XXI в. показывает, что доходы европейских государств только от *международного туризма* составляют довольно внушительную сумму. Так, в 2018 г. доходы Испании равнялись 73,8 млн. долл. США, Франции – 67,3, Великобритании – 51,9, Италии – 49,3, Германии – 43,0 [1].

В Европе международному туризму в последнее время уделяется много внимания, потому что у него больше возможностей для получения экспортных доходов. В то же время исследование индустрии туризма свидетельствует, что рынок внутреннего туризма в шесть раз превышает международный туризм. В 2018 г. он составил 1,4 млрд. прибытий. Внутренний туристический рынок таких стран, как Германия, Испания, Франция равнялся примерно свыше 160 миллионов внутренних туристических поездок в 2018 г. В Германии, например, на внутренний туризм немцами было истрачено в семь раз больше, чем потратили прибывшие туристы. Некоторые европейские страны приняли ряд, на наш взгляд, эффективных решений, направленных на продвижение путешествий по своим странам и восстановление доверия к туристической индустрии. Так, правительство Италии выделило финансовые средства на Bonus Vacanze для семей, что позволяет на льготных условиях проживать в отелях, кемпингах, дачных поселках, фермерских домах и гостиницах Италии. Праздничный бонус предлагает до 500 евро. Финская туристическая компания «100 причин для путешествия по Финляндии» в партнерстве с Министерством занятости и экономики разработали специальный проект с целью поддержки малых и средних туристических компаний, обслуживающих внутренний сектор путешествий и туризма. Финские туристы по этому проекту имели возможность путешествовать по стране по более низким ценам (300 евро) [2, с. 119]. В Польше и Словении введена система использования ваучеров, в соответствии с которой взрослые и дети получали ваучер на значительную сумму. Стоимость ваучера составляла в Словении 200 евро, а для детей до 18 лет – 50 евро. Средства на них представила Финансовая администрация Словении (FUR 8). В Польше семьям с детьми и семьям с детьми-инвалидами предоставлялся ваучер размером 500 злотых (около 130 долл. США) [3]. Таким образом, сфера туризма является одним из приоритетных направлений развития европейских стран, что подтверждается развитой законодательной базой в сфере туризма, реализацией стратегических и программных документов, оказанием государственной поддержки субъектам туристской индустрии, укреплением роли общественных туристских организаций. Однако несмотря на то, что в рассматриваемых странах Европы

созданы основы развития государственно-частного предпринимательства, туристическая отрасль развивается не так интенсивно, как, например, в Китае.

В процессе реализации политики реформ и открытости сфера туризма КНР стала одним из приоритетных направлений модернизации китайского общества, что подтверждается развитой законодательной базой в сфере туризма, реализацией стратегических и программных документов, оказанием государственной поддержки субъектам туристской индустрии, укреплением роли общественных туристских организаций. Так, в 2013 г. в КНР вступил в силу закон «О туризме», призванный способствовать ускоренному расширению туристической деятельности в Китае. О намерении китайского правительства расширять сферу туризма свидетельствует и высокая динамика государственных инвестиций в этот сектор. Так, если в 2014 г. в туристическую индустрию было ассигновано 650 млрд. юаней, то уже в 2015–2017 гг. китайским правительством было выделено 3 трлн. юаней (482, 4 млрд. долл. США) [5]. Капиталовложения в эту отрасль сопоставимы только с аналогичными показателями США, оставляя позади другие страны мира, входящие в семерку признанных лидеров по капиталовложениям в туризм.

Иностранных туристов привлекает богатая самобытная китайская культура. По природному и культурному многообразию КНР занимает второе место в Списке Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, уступая лишь Италии. В Списке значится свыше 50 объектов, 33 из которых включены в него по культурным критериям, 10 – по природным и 4 – по смешанным. 17 объектов китайского нематериального культурного наследия отнесены к шедеврам человеческого созидательного гения и еще 11 признаны явлениями исключительной природной красоты и эстетической значимости. Например, огромную познавательную ценность для туристов представляют Великая китайская стена, дворцовый комплекс Запретного города, гробница первого императора Цинь Шихуана, в которой находится его «Терракотовая армия», грандиозные по размерам пещерные буддистские комплексы, расположенные в местностях Дуньхуан, Лунмэнь и Юньган. Достопримечательностью Китая является город Лэшань, где находится высеченная в скале статуя Будды высотой 71 м. В целом, КНР располагает на сегодня 870 тысячами памятников истории и культуры [6].

Экономические реформы и политика открытости внешнему миру способствуют поступательному увеличению внутреннего валового продукта на душу населения, уровня доходов населения, росту внутреннего спроса на культурные продукты, в том числе и на туристические услуги. За короткое время Китай из страны, в которую въезд туристов почти отсутствовал (до 1978 г.), превратился в одного из мировых лидеров. Причем КНР лидирует во всех видах туризма: въездном, выездном и внутреннем. В 2018 г. Китай по въездному туризму поднялся на 4-е место, после Франции, Испании и США. Материковый Китай посетило 62.9 млн. иностранных туристов. Среди иностранных государств в качестве генераторов туристов в Китай выступали Корея, Россия, США, Япония, а также Республика Беларусь.

При высоких темпах въездного туризма с 2012 г. в Китае начал очень быстро развиваться выездной туризм. Китайские туристы в 2014 г. потратили на зарубежные поездки 165 млрд. долл., что составило 28,3% роста по сравнению с 2013 г. или на 36,4 млрд. долл. больше в абсолютных показателях. Туристские расходы Китая составляют свыше 13% мировых туристских расходов [6, с. 206]. Туристско-экскурсионные путешествия по своей стране дают туристам возможность познакомиться с достижениями мировой культуры, почувствовать себя носителями своей национальной культуры, традиций своего этноса, осознать необходимость сохранения, ревитализации и дальнейшего развития природных и культурных ценностей.

Анализ видов и форм туризма показывает, что в настоящее время в Китае набирает популярность культурно-познавательный туризм. Это путешествия, связанные со знакомством туристов с национальной культурой, обычаями, традициями в стране нахождения. Основной целью таких путешествий является удовлетворение любознательности, познавательных интересов туристов в области культурной жизни того или иного народа. Программа культурно-познавательного туризма, в отличие от других его видов, насыщена экскурсионно-познавательными и культурными мероприятиями. Ее основой является историко-культурный потенциал страны, который включает всю социально-культурную сферу. Выездной культурно-познавательный туризм позволяет его субъекту получить представление о всем многообразии культурно-исторического процесса, в который включены все народы, населяющие нашу планету. Туристско-экскурсионные путешествия по своей стране дают туристам возможность познакомиться с достижениями своего народа, почувствовать себя носителями национальных традиций, осознать необходимость сохранения, ревитализации и дальнейшего развития природных и культурных ценностей.

Детерминантой современного туризма в Китае стало сотрудничество государства и частных бизнес-структур (Public-Private Partnership). В 2010 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли Программу реформирования социокультурной сферы. В соответствии с ней, культура объявлялась одной из национальных стратегий экономического развития страны, опорой китайской экономики. Перед Министерством культуры была поставлена задача: ускорить создание единой системы рынка современной культуры со свободной конкуренцией и открытостью, подчеркивалась важность создания благоприятной политической и рыночной

атмосферы для участия негосударственных предприятий в развитии социокультурной сферы, в том числе и сферы туризма.

Реформа социально-культурной сферы способствовала ускоренному развитию въездного и выездного туризма, возникновению негосударственных туристских предприятий, различных форм собственности при доминировании государственной собственности.

Иностранным предпринимателям разрешалось создавать совместные предприятия в области туризма (с китайской стороной), а также участвовать в акционировании государственных предприятий туризма. Исследование структуры экономики Китая показывает, что ее частный сегмент экономики платит более 50% налогов, создает свыше 70% технических инноваций, обеспечивает работой 80% людей в городе и на селе, при этом свыше 90% от общего количества китайских предприятий – это именно частные предприятия [7, с. 33]. В 2020 г. правительство снизило налоговую нагрузку на частные предприятия на 2,5 трлн. юаней [8, с. 36].

Инвестиции в туристическую отрасль в 2015 г. достигли рекордной отметки в 145 млрд. долл. США. Вклад туризма в ВВП составил в 2018 г. 1,4 млрд долл., что составляет 11,04% от его общего ВВП. Таким образом, механизм государственно-частного партнерства с этого времени начинает играть активную роль в устойчивом развитии туристической сферы. Туризм становится стратегически важной отраслью национального хозяйства. Он оказывает огромное влияние на такие ключевые сегменты экономики, как транспорт, связь, торговля, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления и др., выступая катализатором социально-экономического развития. Так, в 2018 г. с участием частного бизнеса было реализовано 12 562 проекта, из них 6% составляли туристские проекты. Доля КНР в мировом туристском потоке составила 4,6%. Доходы Китая только от международного туризма в 2018 г. составили 40,4 млн. долл. [6].

В то же время следует иметь в виду, что несмотря на то, что туризм, с одной стороны, носит коммерческий характер, т. е. направлен на получение дохода, с другой стороны, он выполняет также воспитательную и формирующую ценности функции. Лишь с помощью синтеза этих подходов можно будет достигнуть гармонии в китайском обществе.

Таким образом, отрасль туризма в КНР постепенно становится частью национальной экономики. Ежегодный прирост доли туризма в ВВП Китая, увеличение активов туристских предприятий, многочисленные ежегодные мероприятия по привлечению зарубежных и китайских туристов, а также инвесторов в данный социокультурный сектор, все более пристальное внимание государства к проблемам въездного и выездного туризма создали предпосылки для успешного завершения периода становления и развития сферы туризма. Внутренний туризм за 20 лет превратился в одну из самых быстро развивающихся отраслей индустрии культуры и приносит государству колоссальные доходы: только в 2018 г. они составили 743 млрд. долл. В настоящее время Китай входит в состав трех крупнейших рынков внутреннего туризма в мире по объему туристических поездок (Индия, Китай, США). В 2018 г. КНР опередила все страны мира, ее внутренний туризм составил ошеломляющие 5,5 млрд. внутренних туристических поездок (США – 1,7 млрд.). Исследования показывают, что интенсификация внутреннего и выездного туризма в Китае нарастает. Так, уже в 2019 г. 144 млн. иностранцев совершили туристические поездки в Китай. Китайцы в этом же году совершили 6 млрд. туристических поездок внутри страны и 168 млн. за ее пределами. Доходы от туризма по итогам 2019 г. составили 6,6 трлн. юаней [9, с. 16].

К настоящему времени КНР в рейтинге 190 мировых экономик улучшила свои позиции, поднявшись с 46 места в 2018 г. до 31-го, впервые попав в первые четыре десятка мировых лидеров по деловому климату. На наш взгляд, в это внесла свой вклад и индустрия туризма.

1. International Tourism Highligehts [Electronic resource]: UNWTO. –Mode of access:https//www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421152. – Date of access: 03.01.2022.
2. Чувак, С. В. Внутренний туризм и преодоление последствий COVID -19: мировой опыт / С. В. Чувак // Материалы первой междунар. науч.-практ. конф. «Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты», г. Минск, 28 сент. 2021 г. – Минск : А. Н. Вараксин, 2021 – С. 114–121.
3. Understanding Domestic Tourism and Seizing its Opportunities //UNTWO Brifing Note – Tourism and COVID -19 [Electronic resource] / UNWTO. – September 2020. Issue 3. – Mode of access: https//www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421152. – Date of access: 03.01.2022.
4. Tourism Statistics //China National Tourism Administration [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: http://en. cnta.gov.cn/ Statistcs/ Tourism Statistcs/. – Date of access: 24.05.2022.
5. Энциклопедия китайского нематериального культурного наследия. В 3 т. Т.2. Наследники. – Пекин : Изд-во Всекитайской ассоциации работников литературы и искусств, 2015. – 698 с.
6. Федорцова, Т. А. Современное развитие въездного и выездного туризма Китая // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. VI. В 2 ч. Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 202–209.
7. Цзинь, Линьбо. Необходимо оказать помощь небольшим предприятиям / Линьбо Цзинь // Китай. – 2020. – № 6. – С. 33.
8. 8 Чун, Яту. Дополнительные два триллиона юаней / Яту Чун // Китай. – 2020. – № 6. – С. 36–37.

9. Китай входит в три крупнейшие рынки внутреннего туризма // Китай. – 2020. – № 1. – С. 16.

УДК 398.543(4-11)

СКОМОРОШЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Лу Ся
Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь

В статье рассматривается один из видов народного творчества этносов Восточной Европы, каким являлось скоморошество. Прослеживаются его генезис и особенности бытования скоморохов в Беларуси, России и на Украине. Отмечается, скоморошество представляло собой своеобразный народный уличный театр, популярный среди представителей всех социальных слоев стран Восточной Европы.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Украина, скоморохи, народное театральное творчество, этнос

CLOWN AS A PHENOMENON OF TRADITIONAL CULTURE OF EASTERN EUROPE

Lu Xia
Belarusian State University of Culture and Arts, *Minsk, Belarus*

The article deals with one of the types of folk art of the ethnic groups of Eastern Europe, which was clown. Its genesis and features of existence of clown in Belarus, Russia and Ukraine are traced. It is noted that clown was a kind of folk street theater, popular among representatives of all social strata of Eastern Europe.

Keywords: Belarus, Russia, Ukraine, clown, folk theatrical creativity, ethnos

Восточная Европа представляет собой полиэтническое культурное пространство, субъектами которого являются различные этнические сообщества. Самыми многочисленными и издревле проживающими в Беларуси, России и Украине были восточные славяне. Они характеризуются различиями в социальной структуре, географической среде, историческом процессе, характере производства и труда, образе жизни, религиозных верованиях, культурных традициях, обычаях и этнонациональных языках. Все это вместе взятое обусловило уникальность художественного творчества каждого этнического сообщества. Исследование их народного искусства свидетельствует, что на его сущность, содержание, формы, выразительные средства, виды и жанры оказывали влияние не только геополитические и социально-экономические факторы, но и мифопоэтическое миропонимание, социально-этические учения, религиозное мировоззрение. Религиозно-философские учения и мифология содействовали интенсивной трансляции их идей, а также попыткам практического внедрения в творчество белорусов, русских и украинцев. Анализ их традиционного народного творчества показывает, что уже на ранних этапах культурогенеза у славянских этносов формируется художественное мышление, способствующее становлению и развитию художественной культуры. Как известно, искусство в этот период имело синкретический характер, было вплетено в практическую деятельность человека, выполняло в основном утилитарные функции, существовало слитно со всеми видами производственной деятельности.

Ярким образцом народной паратеатральной культуры является *скоморошество*, которое было самым распространенным видом народного искусства. Период истории Восточной Европы с XI по XVII век можно назвать эпохой скоморохов. Скоморошество как феномен традиционной культуры существовало у всех славянских народов в средние века. Отдельные исследователи высказывали суждения о том, что скоморохи были преемниками греко-римских мимов-скиников и гистрионов, выступавших на сценах театров, улицах, площадях и в питейных домах [1, с. 355]. В античной литературе скоморохи упоминаются уже в V в. до н.э. В материалах отмечается, что зажиточные граждане Рима нередко приобретали рабов, способных развлекать их своим искусством [2, с. 531]. Мимы и гистрионы постепенно проникли в Западную Европу, где получили название шпильманов (Германия), жонглеров и буффонов (Франция). В Россию, по историческим источникам, они пришли с Запада, Византии и юга. Термин «шпильман» неоднократно встречается в текстах древнерусской литературы.

У восточнославянских этносов скоморошество генетически связано с язычеством. Так, византийский историк VII в. Феофилакт писал о любви северных славян к музыке, упоминая изобретенные ими кифары, т.е. гусли. О гуслях как непременной принадлежности скоморохов упоминается в старинных

русских песнях и былинах Владимирова цикла. Изображения скоморохов содержатся в археологических артефактах. Так, при раскопках на территории Беларуси памятников славянских поселений недалеко от Волковыска и Новогрудка найдена шахматная фигурка и уховертка с изображением барабанщика и музыканта [3, с. 118, 432]. Изображения скоморохов можно увидеть на немногих сохранившихся фресках древнерусских соборов XI века, в миниатюрах новгородских рукописей и на кожаных масках из раскопок Новгорода и Владимира.

Термин «скоморох» (от арабского mascara, scamara – шут, либо от греческого простонародного skommarchos – мастер смехотворства) в ранних литературных памятниках Беларуси известен со времен Средневековья. Уже в XII в. скоморохи упоминаются в проповедях белорусского просветителя Кириллы Туровского, в Оршанском евангелии (XIII в.), в Радзивилловской летописи (XV в.) [4] и сочинениях позднейших авторов. Например, Кирилла Туровский в одном из своих поучений говорил: «Горе будет всем тем, кто под игры и пляски опивался вином; горе будет жалейникам и горе тем, кто их слушал, ибо возвеличивают дьявола» [5, с. 627]. Сведения о скоморошестве содержатся также в ряде таких документов, как инвентарные и писцовые книги, статистические материалы, городские магистратские судебные записи и др. Так, в нормативно-правовом документе «Литовская метрика» (XVI в.) указываются профессии скоморохов, а также определяется размер налога за их творчество.

В древних рукописях русского народа также сохранилось множество свиетельств о скоморохах, одаренных сказочниках и актерах. В русских былинах они предстают в качестве народных музыкантов. Следовательно, можно утверждать, что скоморохи представляли собой странствующих актеров, певцов, исполнителей сценок, акробатов, острословов. Русский фольклорист В. Даль характеризует их как субъектов, промышляющих пляской с песнями, шутками и фокусами [6]. Российский исследователь И. Д. Беляев полагает, что искусство скоморохов обосновалось в русской народной культуре уже в XI веке [7]. С этой поры оно приняло самостоятельное развитие, учитывая местные условия и характер русского этноса. Скоморохи известны также в качестве персонажей русского фольклора, героев народных поговорок. Так, среди многочисленных русских поговорок встречается ряд, относящихся к скоморохам: «У всякого скомороха есть свои погудки», «Не учи плясать, я сам скоморох», «Скоморошья потеха, сатане в утеху», «Бог дал попа, черт – скомороха», «Скоморох попу не товарищ» и др. Скоморохи, по мнению русского искусствоведа Т. Федоренко, являются представителями народного эпоса, народного уличного театра. До появления в пределах России скоморохов никакое элементарное театральное искусство на Руси не было известно [8].

Скоморошество издревле существовало и на украинских землях. Об этом свидетельствуют фрески Софийского собора в Киеве (1037 г.). На одной из них изображены три пляшущих скомороха, один соло, двое других в паре, причем один из них либо пародирует женскую пляску, либо исполняет нечто подобное пляске «кинто» с платком в руке. На другой трое музыкантов – двое играют на рожках, а один – на гуслях. Тут же два акробата-эквилибриста: взрослый стоя поддерживает шест, по которому поднимается мальчик. Рядом музыкант со струнным инструментом. На фреске представлены травля медведя и охота на белку, бой человека с ряженым зверем, конные состязания. Из изображения видно, что представления скоморохов объединяли разные виды искусств – и драматические, и цирковые.

Таким образом, изучение различных источников, относящихся к Средневековью, позволяет полагать, что восточнославянские народные актеры выступали как музыканты, певцы, исполнители небольших сценок, иллюзионисты, дрессировщики зверей, акробаты, кукольники и т.д. Они были выходцами из народных низов, творчески переосмысливали богатство народной театрально-игровой культуры и подняли ее до высокого уровня.

Представления скоморохов в основном проходили на городских площадях, нередко просто на улицах, рынках, одним словом, в людском окружении. Их репертуар был самым разнообразным. В то же время как отмечают белорусские культурологи А. И. Смолик и М. М. Соколовская, особенностью их творчества являлось то, что скоморохи все же предпочтение отдавали произведениям сатирическим и пародийным, в игровой интерпретации которых удачно использовались средства гротеска и буффонады [9, с. 44]. Наряду с фольклорными произведениями, народные актеры создавали и собственные. Подобно Бояну они славили и величали героев времен минувших, равно и современных им князей, по примеру Бояна «свивая древнюю славу с новой» [10].

Песни и пляски скоморохов Беларуси, России и Украины роднятся и связываются также с обычаем ряжения, народного маскарада. Обрядное переодевание мужчин в женщин и наоборот известно с древности. Народ не отказывался от своих привычек, от любимых праздничных увеселений, заводилами которых являлись скоморохи. Например, царь Иван Грозный во время своих пиров любил маскироваться и плясать вместе со скоморохами. Народные уличные представления и гуляния не ограничивались зимней порой, но имели место и весною, приблизительно во время Троицких святок. В эти дни народная толпа активно вовлекалась в маскарадное представление, даваемое скоморохами, которое состояло в основном из маскарадной и костюмированной импровизации, переплетаемой песнями, плясками, кривляньями, шутками.

Исследование скоморошества показывает, что на территории Восточной Европы существовали две его разновидности. В городах и местечках были *оседлые* скоморохи, которые постоянно проживали там, нередко занимались ремеслом, земледелием и были тесно связаны с местной театрально-игровой традицией. В свободное время они принимали активное участие в календарных и семейно-обрядовых праздниках и, таким образом, содействовали развитию театрально-игрового жанра. Среди оседлых было немало тех, которые жили при усадьбах бояр, князей. Они являлись своего рода домашними потешниками. Летописи и художественная литература сохранили свидетельство о скоморохах-гусельниках, не захотевших из гордости петь величавую песню князю. Белорусский поэт Янка Купала в поэме «Курган» создал такой образ гусляра. За то, что гусляр на княжеском пиру спел песню об угнетении народа он был казнен: «Падхапілі, ўзялі гусляра-старыка, / Гуслі разам яго самагуды; / Па-над бераг круты, дзе шумела рака, / Павялі, паняслі на загубу» [11, с. 142].

Популярным у белорусов, русских и украинцев было *кочующее* скоморошество. Для своего промысла скоморохи собирались в так называемые дружины и бродили по свету организованными группами, которые нередко насчитывали от 60 до 100 человек. Бахари (рассказчики басен), гимнасты, кукольники, медвежатники и т.п. путешествовали от деревни к деревне, от местечка к местечку и устраивали театрально-шуточные представления. Примерно в середине XVII века бродячие скоморохи в России постепенно прекратили свою деятельность, а оседлые превратились в музыкантов западноевропейского типа. С этого времени творческая деятельность скоморохов заканчивается, хотя отдельные ее виды продолжали жить в народе вплоть до XX в.

Среди скоморохов русского этноса было значительное число народных потешников. Занимались они так называемым «бесовским» промыслом. Носили короткополую одежду и маски в то время, когда у славян это считалось грехом. Своим поведением скоморохи противостояли общепринятому укладу жизни. Они не были связаны с определенной театрально-игровой народной традицией. Без их участия практически не обходилась ни одна забава или свадьба. Их представления были синтетическими и состояли из игровых элементов, танца, пантомимы с остроумными диалогами, песнями-монологами и др. Русские скоморохи, отмечает известный фольклорист А. С. Фомицин, как бы ни было грубо и элементарно их искусство, но не нельзя упускать из виду, что оно представляло единственную соответствовавшую вкусам народа в течение многих веков форму развлечений и утехи, заменявшую ему вполне новейшую литературу, новейшие сценические зрелища. Скоморохи были древнейшими представителями славянского народного эпоса, народной сцены; они же вместе с тем были и единственными представителями светской музыки [12]. Игра на музыкальных инструментах, песни и пляски увязывались с обычаями народного маскарада.

В репертуаре белорусских, русских и украинских скоморохов рядом с бытовыми сценками присутствовали и такие, которые высмеивали представителей государственной власти и церкви, знахарей-шарлатанов, а также отрицательные черты характера людей. Все действо сопровождалось музыкой. Наиболее распространенными музыкальными инструментами скоморохов были бубен, гусли, дуда, жалейка, скрипка, цимбалы. Нередко использовались маски животных и птиц. Народные артисты выступали под маской козы, журавля, черта и др. Спутником отдельных скоморохов был медведь, который разыгрывал комические сценки, выполнял различные трюки и кланялся публике. Перед зрителями разыгрывались такие скоморошьи бытовые и сатирические сценки, как «Кобылка», «Коза», «Ульяна», сцены с медведем и др. В них высмеивались представители власти, церкви, корчмари. За это скоморохов преследовали церковь и светские власти. Народные артисты вынуждены были платить самый высокий налог, а церковь преследовала их как язычников. Следствием этого явилось постановление Стоглавого собора 1551 г., осуждающее скоморошество. Митрополит Иоанн, Преподобный Феодосий, митрополит Кирилл неоднократно порицали представления скоморохов на пиру, на свадьбах и игрищах, считая веселье «бесовским и богомерзким». Патриарх Иоаким указом 1684 г. запретил бывшие на Москве скоморошьи действа и игрища накануне Рождества Христова.

Несмотря на гонение уличного скоморошества со стороны светской власти и церковников за острый язык своих припевок, шуток, прибауток, скоморохи везде были любимы простыми народными массами. Им давали и кров, и прокорм, и одежду за то, что в их грубых и незатейливых представлениях городская и сельская беднота слышала свои мысли, беды и страдания, незатейливо расширяла свой кругозор и попросту забывала о своей вековой угнетенности, зависимости и усталости. Слившись с языческими представителями славянского фольклора, скоморохи национализировались и на продолжении многих веков стали отдушиной для славянских этносов и хранителями их устного народного творчества.

Изучение скоморошества в Беларуси свидетельствует, что по сравнению с Россией, где нередко скоморошьи представления категорически запрещались, условия для народных артистов были более благоприятные. Поэтому, на наш взгляд, этот жанр развивался в Беларуси более интенсивно и сохранился до первой четверти XX в. Последнее представление скоморохов с антирелигиозной направленностью «Пасхальное яйцо» зафиксировано в 1925 г. в д. Островно на Витебщине [13, с. 307].

В процессе изучения скоморошества в Восточной Европе нами выявлен факт существования специальных школ, в которых обучали мастерству народных актеров. Так, в белорусском городе Сморгонь продолжительное время функционировала, так называемая «Сморгонская академия», где дрессировали медведей и обучили их поводырей [14, с. 363]. Дрессировка осуществлялась в несколько приемов. Сначала их учили ходить на задних лапах. Для этого молодых медвежат сажали в клетку с металлическим дном, которое подогревали. Медвежата вынуждены были становиться на задние лапы и переминаться с ноги на ноги, под соответствующие ритмы барабана. Приучив ходить на задних лапах, медвежат учили кланяться и кувыркаться. Скоморохи с обученными медведями ходили по ярмаркам не только в Беларуси, но даже в Венгрии, Германии, России и имели солидные дивиденды.

Имеются сведения, что в конце XVI в. в России велся набор «веселых людей» для потехи государя. А в XVII в. русский царь Михаил Федорович создал Потешную палату, при которой состояла труппа скоморохов. В тот же период труппы скоморохов были и у князей Дмитрия Пожарского и Ивана Шуйского, боярина М. Шереметьева

Русский писатель В. Бахревский запечатлел одно из представлений у боярина М. Шереметьева русских скоморохов: «В горницу колдовскими шарами вкатились скоморохи. Первые – поменьше, а чем дальше – побольше: сначала скоморохи-детки, потом девки, потом мужики, а последний косматый – великан Топтыгин. Вкатились молча и пошла-понеслась по кругу, да молча все! А как Топтыгин в горницу ввалился, грянула бешенная свиристель, заплясали-заходили пол и потолок, окна передернулись, кубки на столах – вподскочку, тарелки – вприсядочку. Взялись скоморохи за руки, поплыли хороводом вокруг «Костромы» [15, с. 194].

Таким образом, действа скоморохов, при всей своей простоте и наивности воплощения, возбуждали живой интерес не только простых жителей городов и сел, но и представителей высших социальных слоев. Народное театральное искусство восточнославянских этносов было многожанровым, достигло определенного уровня профессионализма, развивалось и проявляло себя в русле славянского культурного процесса. Свою простоту в Восточной Европе представления сохранили вплоть до второй половины XVII века, когда театрализованные действия постепенно обновлялись и обогащались влиянием искусства западноевропейских стран.

1. Мим // Словарь античности. Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1989. – С. 355.
2. Скоморохи // Словарь античности. Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1989. – С. 531.
3. Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал: В. В. Гетаў і інш. – Мінск :БелЭн, 1993. – 702 с.: іл.
4. Летапісы беларускія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 4 – Кадэты – Ляшчэня / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: М. В. Біч і інш.; Прад. М. Ткачова; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 356–357.
5. Мысліцелі і асветнікі Беларусі, X–XIX стагоддзі : энцыкл. давед. / склад. Г. А. Масалыка ; гал. рэд. Б. І. Сачынка. – Мінск : БелЭн, 1995. – 671 с. : іл.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд., Т. 4. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 203 с.
7. Беляев, И. Д. О скоморохах / И. Д. Беляев // Временник ОИДР. – 1854. – Кн. 20. – Санкт-Петербург : Типография Э. Аргольда, 1889. – С. 69-92.
8. Федоренко, Т. Уличные формы средневекового театра России –скоморохи, искусники, потешники [Электронный ресурс]. https://proza.ru/2016/05/16/595 – Дата обращения: 30.12.2021.
9. Смолик, А. Соколовская М. Художественная культура Беларуси: между Востоком и Западом / А. Смолик, М. Соколовская – Mauritius : Lambert Acadmic Publishing, 2019 – 193 с.
10. Слова пра паход Ігаравы / Уклад., прадм. і камент. В. А. Чамярицкага; маст. А. Лось. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 159 с.
11. Купала, Я. Курган / Я. Купала // Паэмы – Мінск : “Маст. літ.”, 1978. – С. 133–143.
12. Фомицин, А. С. Скоморохи на Руси / А. С. Фомицин // Санкт-Петербург : Типография Э. Аргольда, 1889. – 191 с.
13. Скамарохі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усая / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал. Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2001. – С. 307.
14. «Смаргонская акадэмія» // Энцыклапедыя гісторы Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усая / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал. Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2001. – С. 363.
15. Бахревский, В. А. Свадьбы. Роман. Художник Ю. Иванов. – М. : «Молодая гвардия», 1977. – 528 с.

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ИСПОВЕДАЛЬНОМ СЛОВЕ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Руслан Гагуа
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
gagua@tut.by

В представленной статье рассмотрены постановка и попыта решения проблемы времени Аврелием Августином.

Ключевые слова: темпоральность, Аврелий Августин, Исповедь, средневековая философия

TNE PROBLEM OF TIME IN AURELIUS AUGUSTINE'S CONFESSIONS

Ruslan B. Gagua
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The present article discusses the formulation and attempts to solve the problem of time by Aurelius Augustine.

Keywords: temporality, Aurelius Augustine, Confession, mediaval philosophy

Каждая историческая эпоха рождает собственные знаковые фигуры, которые во многом определяют развитие ее духовно-материальных интенций. Современной европейская культура во многом продолжает оставаться конгломератом творческих процессов прошедших времён. Философская и научная мысль настоящего неразрывно связана с наследием великих мыслителей прошлого. Одним из гигантов интеллектуализма Средневековья, сохранившим своё влияние на культурное развитие всех последующих поколений, стал живший в IV–V веках нашей эры епископ Гиппона-Регия Аврелий Августин.

Творчество его – обширно и многогранно. Одной из самых значимых работ великого представителя христианской патристики стала «Исповедь». В своём монументальном труде, задолго до появления в мировой философии экзистенциального направления, он обратился к постижению и осмыслению таких неразрывно связанных между собой сущностных оснований человеческой личности как *время и бытие*.

В интеллектуальных исканиях он значительно опередил свою эпоху. Так, другой знаменитый представитель рода Аврелиев, к которому возможно относился и сам Августин, римский император и философ-стоик Марк совершенно по-другому подходил к проблемам индивидуального существования.

Мир внутренней жизни, генезис человеческой души и возрастание духа лишены у Марка Аврелия временного континуума. Его размышления над «проклятыми вопросами» не дают нам возможности проследить, как попытки и методы решить эти трудные задачи изменяются в зависимости от возраста человека. Это, скорее «записки на манжетах», пессимистичные по отношению к людской природе и человеческому будущему.

Аврелий Августин стал родоначальником автобиографического исповедального слова в христианском литературном пространстве западноевропейской цивилизации. Этот теологически нарративный жанр, продолжил античную философскую традиции исследования микрокосма – внутреннего мира человека и его культурной самоидентификации. Однако епископ гиппон-регийский в своих размышлениях впервые задался такими вопросами, которые в границах античного философского дискурса де-факто не рассматривались.

В не менее знаменитом, чем «Исповедь», творении «О Граде Божием» Августин одним из первых обратил внимание на угасание культурной парадигмы античности и замены её новой интеллектуальной установкой, в основе которой лежит концепция неразрывной связи между Единым Богом и человеческой личностью.

Августин написал свою «Исповедь» на рубеже IV-V столетий по просьбе святителя Павлина, епископа итальянского города Нола. Латинское название книги – «Confessiones» – буквально переводиться как «Признания» (слово употреблено во множественном числе). Однако было бы большим упрощением свести «Исповедь» Аврелия лишь к изложению основных вех своего жизненного пути. Само произведение значительно шире и глубже. Это рассуждения и размышления о смысле жизни человека, о душе, о феноменах окружающего мира, отражённое в философских категориях. *Поэтому* проблемы, которые Августин ставит в своем труде также важны и безграничны, как и сам человек.

Советский и российский культуролог Леонид Баткин, обратившись к творению Августина, и, находясь под неизгладимым впечатлением от него, заметил: «Мир исповеди – единственный, тотальный, ценностный мир, в котором индивид тогда смел сказать: «я». Чем откровенней (интимней) самоанализ, тем уверенней он навылет минует кающееся «я» – и докапывается до безличного в индивиде, до всечеловеческого как такового. Автобиографизм Августина – не цель, не довлеющий себе интерес, не смысл – но повод и подступ к смыслу. То, что надлежит преодолеть» [5, с.73].

Весь текст «Исповеди» преисполнен отсылкам к основным догматам христианского вероучения. Аврелий, как и положено глубоко верующему человеку, безоговорочно уверен, что внутренний диссонанс и разлад человек способен преодолеть исключительно с помощью Бога и посредством безграничной веры в его отеческую любовь к людям. Августин подчеркивает наличие особой, неразрывной, родственной связи между Богом и человеком, присутствующей на протяжении всей его жизни, начиная с бессознательного младенческого возраста.

Предпринятый мыслителем в первых девяти книгах «Исповеди» основательный психологический анализ субъективной мотивации человека – тема, неизвестная ни Античности, ни предшествующей патристике. Всю сложность проблемы Августин сумел выразить всего одной фразой: «Великая бездна сам человек... волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца» (IV 14, 22)

Ясное осознание невозможности человеческого бытия вне времени побудило епископа гиппон-регийского посвятить одиннадцатую книгу «Исповеди» осмыслению этого сложнейшего для понимания феномена. Проблема времени является одним из базисных философских вопросов, поиск ответа на который не даёт покоя мыслителям и интеллектуалам на протяжении столетий. В философской традиции Античности вся неординарность и неуловимость для объяснения темпоральности была метафорически представлена нагим лысым человеком, бегущим по лезвию меча.

Обратившись к проблеме темпоральности, Августин в «Исповеди» поставил и попытался решить такие вопросы как

- отношение времени к бытию, опередив таким образом Мартина Хайдеггера почти на полтора тысячелетия;
- о начале времени;
- о возможности понять сущность темпоральности;
- об адекватности измерения временного континуума.

В XIV главе одиннадцатой книги проблема сформулирована следующим образом:

Quid est enim tempus?	Чем же является время?
Quis hoc facile breviterque explicaverit?	Кто это легко и кратко объяснит?
Quis hoc ad verbum de illo proferendum vel cogitatione comprehenderit?	Кто это может словами выразить или уяснить в мыслях?
Quid autem familiarius et notius in loquendo conmemoramus quam tempus?	Что так же знакомо и обыденно в разговоре упоминаем, как время?

Мыслитель тонко подметил, что время есть суть и главная характеристика всех изменений, случаются с человеком, всеми вещами – материальными и духовными и миром в целом. Вне времени существует только Бог.

Основная сложность, поджидающая мыслителя в размышлениях о феномене темпоральности, таиться в самой природе времени. Время – не субстанционально, оно представляет собой чистую акциденцию бытия. Вне генезиса окружающей действительности вычленить время невозможно. Это прекрасно показал Августин в «Исповеди».

В поисках ответов на поставленные вопросы Аврелий приходит к очевидному и одновременно парадоксальному заключению: «Чем же является время? …Если никто не спрашивает меня, я знаю; если я хочу объяснить это спрашивающему, я не знаю».

Если бы не было неба и земли, не было бы и времени, подразумеваемого в вопросе: «Что Ты (Господь) делал тогда?»

В каком же промежутке измеряется время, пока оно идет? В будущем, откуда оно приходит? Того, чего еще нет, мы измерить не можем. В настоящем, через которое оно идет? То, в чем нет промежутка, мы измерить не можем. В прошлом, куда оно уходит? Того, чего уже нет, мы измерить не можем» (Исповедь, XI, 27).

Вместе с тем, говорит Августин, мы все-таки измеряем время, выделяя более или менее протяженные отрезки времени. Поэтому, пишет Аврелий, вполне возможно «…время есть ни что иное, как растяжение. Но чего? Не знаю. Может быть, самой души».

«В тебе, душа моя, измеряю я время», – делает вывод Августин» (Исповедь XI, 33- 36).

По мнению философа три времени существуют в нашей душе только: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание. Нет и быть не может отдельно будущего, настоящего и прошлого – они триедины, подобно Богу. «Выходит ясно: время есть некая протяженность, но не совсем ясно, протяженность чего. Может быть, души?» [1, с. 208].

Августин убедительно и последовательно развивает мысль о том, что длительность присуща не временному бытию материального мира, а душе человека. Временное бытие материального мира оказывается иллюзорным, неистинным, а истинным бытием обладает только Бог, который является источником и причиной всего сущего.

Мыслитель обосновывает свои положения, опираясь на непререкаемый авторитет божественного просветления, впоследствии ставший важным доводом правильности рассуждений: «я нашел, что над моей изменчивой мыслью есть неизменная, настоящая и вечная Истина» – (Исповедь кн. VII, 17). Августин в своем произведении так или иначе постоянно подчеркивает общечеловеческий аспект развития его души. Л. Баткин обосновано отметил: «Августин судит о себе не по горизонтали, то есть в сопоставлении себя (особенного) с другими (тоже особенными) людьми. Но по вертикали: в движении от себя как одного из малых сил – к Творцу» [5, с.65].

Феномен исповедального слова и его теоретические основания раскрывают суть философско-антропологического измерения современного мировоззрения. «Исповедь» Августина – это философствование с опорой на христианскую догматику и опыта метафизического видения человеком. Это слово реализовывается только через индивидуальное переживание человека и интуитивную открытость очевидности его исходных положений.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что «Исповедь» Аврелия Августина стала базисным основанием христианского мировидения, определяющего место человека в «мире дольнем» и стремление его души в «мир горний». Эти установки не потеряли своей актуальности до настоящего времени. Можно соглашаться, либо не соглашаться с утверждением о том, что читать «Исповедь» Августина – значит интересоваться не тем, каков Августин (это только помощь и средство), но тем, каковы мы сами [5, с.83].

Таким образом, необходимо отметить, что Августин в «Исповеди» исходит из особого понимания и взаимосвязи Бога, личности, и бесконечности, которые, на его взгляд, между собой нераздельно и вечно взаимосвязаны.

Вторая важная философская проблема, ответ на которую в «Исповеди» ищет Августин — это вопрошание: «Что такое время?». Исходя из осмысления и ответа на данный вопрос, можно классифицировать большинство цивилизационных и культурных архетипов (индуистская, буддистская, конфуцианская, христианская). Августин предельно честен перед собой и своими читателями, заканчивая свои, рассуждения о времени следующим умозаключением: «Я знаю, что такое время, когда не спрашивают об этом, а когда спрашивают, то чем больше думаю, тем более недоумеваю и теряюсь».

1. Августин (Блаженный). О бессмертии души Текст. / Августин (Блаженный). — М. : АСТ, 2004. 512 с.
2. Августин, Блаженный. Исповедь / Блаженный Августин. – М.: Канон, 2005. – 464с.
3. Августин (Блаженный). Об истинной религии Текст. : теол. трактат / Августин (Блаженный). Минск : Харвест, 1999. - 1600 с.
1. 4.Августин (Блаженный). О граде Божием Текст. / Августин (Блаженный). Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. - 1296 с. - (Клас. филос. мысль).
4. Баткин, Л. М. Европейский человек наедине с собой Текст. : очерки о культур.-ист. основаниях и пределах личного самосознания / Л. М. Баткин. М. : Изд-во РГГУ, 2000. - 1005 с.
5. Бычков, В. В. Апологеты. Блаженный Августин Текст. / В. В. Бычков ; Ин-т философии РАН. М. : Ладомир, 1995. - 594 с. -(Aesthetica Patrum. Эстетика Отцов Церкви ; Т. 1).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ И ПРЕПОДАВАНИЮ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

УДК 930.374.32

ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ ПРОШЛОМУ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ

Анна Горанина
БрГУ имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь
agoranina@bk.ru

В данной статье анализируются наметившиеся тенденции в понимании истории СССР среди молодёжи через анализ данных опроса. Затронуты темы основных периодов истории советского государства, мнение о популярных политических лидерах, передача воспоминай родителей и влияние на современность советской эпохи.

Ключевые слова: СССР, история, молодёжь, память

ATTITUDE TOWARDS THE SOVIET PAST AMONG YOUNG PEOPLE

Anna D. Goranina
Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus

This article analyzes the emerging trends in understanding the history of the USSR among young people through the analysis of survey data. The topics of the main periods of the history of the Soviet state, the opinion of popular political leaders, the transmission of remembering parents and the impact on the present of the Soviet era are touched upon.

Keywords: USSR, history, youth, memory

Советская эпоха сильно повлияла на ход современной истории в постсоветских странах. За семьдесят лет существования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) произошли значительные преобразования во всех сферах жизни общества и сознании людей. В 1991 году распался СССР, что ознаменовало наступление новой исторической эпохи. Родилось новое поколение, которое живёт теперь в других социально-экономических и культурных условиях. Сегодня проводятся научные исследования, направленные на переосмысление истории СССР, идет активное обсуждение фактов, которые ранее были неизвестны, происходит национализация истории. Для Беларуси такими примерами национализации и переосмысления истории могут являться учебники 1992/1993 г для 10–11 классов средних школ [1]. Среди молодёжи на восприятие истории влияет целый ряд объективных и субъективных факторов, которые в итоге составляют общее мнение.

Целью исследования является выявление общих тенденций восприятия истории СССР среди молодёжи посредством опроса. Актуальность данной темы определяется тем, что молодое поколение активно интересуется и изучает прошлое своей страны. Необходимо разобраться, какие конкретно выводы касательно истории СССР доминируют у «современного» поколения.

Для того, чтобы сделать выводы о проблеме, был проведён опрос. Анкетирование осуществлялось с учётом определённых критериев: проводился на территории Республики Беларусь, Брестской области, частично Гомельской и Минской; опрошено 33 респондента в возрасте от 18 до 27 лет; преобладает мужской пол; участвовали студенты высших учебных заведений и студенты средне-специальных учреждений образования гуманитарной и естественной направленности изучаемых наук.

Опрос проводился в форме заочного интервью по заданному вопроснику (анкете). Анкета имела блоки вопросов: вопросы об основных периодах советской истории (Великая Отечественная война, «хрущёвская оттепель», эпоха «застоя», и перестройка); руководители государства (первые секретари ЦК КПСС) – Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв; воспоминания родителей о советском периоде; вопросы о влиянии СССР на современность.

В первом блоке была получена информация о восприятии молодёжью Великой Отечественной войны, хрущёвской, брежневской политики, политики перестройки. В соответствии с рис.1 можно проследить, что большее количество опрошенных, по их заявлению, достаточно осведомлено о всех периодах СССР (50% хорошо осведомлены, 25% средне осведомлены, 10% мало осведомлены, 10% знают некоторые факты, 5% не осведомлены).

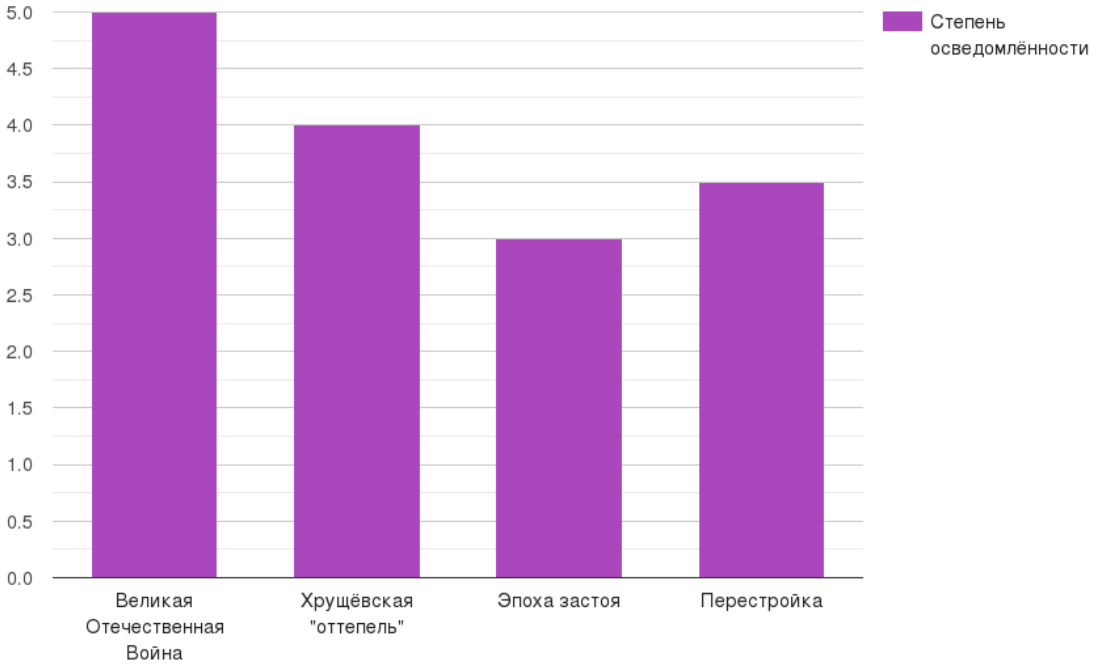


Рис.1. Степень осведомлённости молодёжи о событиях различных периодов в истории СССР

Информацию о периоде Великой Отечественной войны респонденты в основной массе получали на уроках истории и мероприятиях, направленных на сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Большое влияние на формирование мнения об истории войны оказали рассказы родных (у многих предки участвовали в войне), реже указывают как источник: книги, фильмы, СМИ. По данным опроса следует, что период с 1941-1945гг. представлен как «одна из страшнейших трагедий в истории как СССР, так и всего постсоветского пространства», об этом обязательно нужно сохранять память («Без прошлого нет будущего и мы должны ценить и праздник 9 мая, и день памяти 22 июня, чтобы такие события больше не повторялись» [3]).

Период «хрущёвской оттепели» в первую очередь ассоциируются у респондентов с полётом первого человека в космос и новым типом жилой застройки. В основном период вызывает противоречивые отношения. Из положительного отмечают подъём экономики после войны, развитие науки и техники, амнистия репрессированных, считают, что режим стал более «лояльным». Из негативных моментов выделяют очернение личности Сталина и считают, что это привело к началу нарушений в идеологии.

Как можно видеть из диаграммы, об эпохе «застоя» опрашиваемые осведомлены менее, чем о других периодах. По данным опроса, сложилось два варианта мнений: 1) эпоха застоя – эпоха стагнации во всём, геронтократии, утрата инициативы на мировой арене, скудное неудачное реформирование системы, которое в итоге дало начало развалу СССР; 2) несмотря на снижения темпа роста экономики, считают эпоху застоя – эпохой стабильности, «о которой часто ностальгируют родители».

С периодом перестройки связывают отмену цензуры, гласность, прекращение Холодной войны, демократизация, рыночные реформы, «перезагрузка» отношений с западными государствами, но не все респонденты относятся к этим тенденциям положительно. Значительная часть опрошенных говорит о перестройке как о факторе окончательной гибели СССР, так как был разрушен фундамент Советского союза (введение многопартийности, переход к смешанному типу экономики). Другая часть относится более положительно (30% отметило противоречивое отношение) к политике перестройки, однако также обвиняет реформы в гибели СССР (проводилось «не так, как надо», затрачены большие ресурсы на реформирование).

Во втором блоке рассматриваются первые секретари ЦК КПСС. На основе диаграммы (рис.2) сделан вывод, что у опрашиваемых сложены самые различные мнения о политических лидерах, многие пользуются скептической точкой зрения.

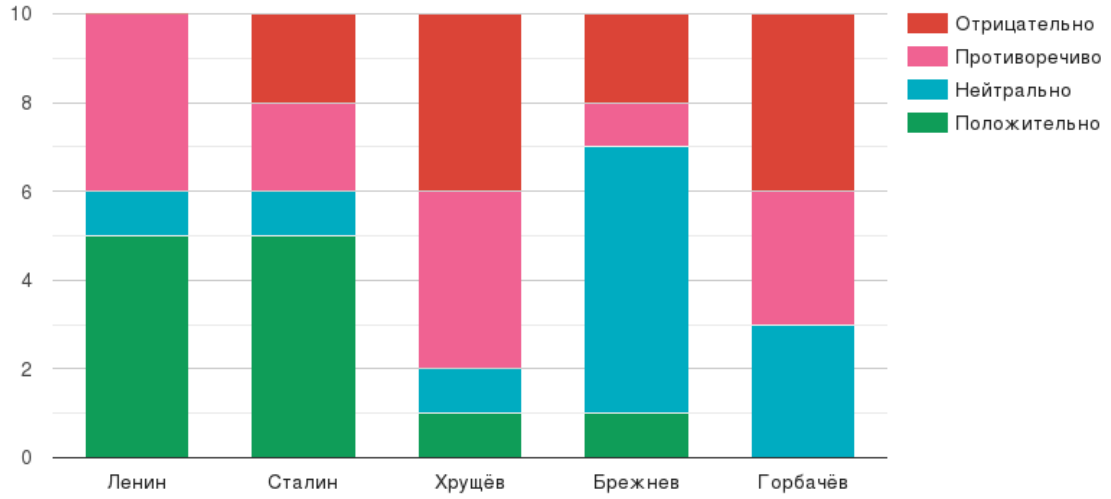


Рис. 2. Отношение молодёжи к политическим лидерам

Образ Ленина в сознании молодёжи сформировался в качестве самой яркой, но «сомнительной» личности. Некоторые утверждают, что он гений философской мысли, другие, что уже с ним были заложены ошибки и ему не хватило времени для реализации своей политики. Однако, в целом, радикально отрицательных представлений не выявлено (50% - положительно, 40% - противоречиво, 10% - нейтрально, 0% - отрицательно).

Сталин в первую очередь ассоциируется с репрессиями, из-за чего на него смотрят с отрицательной стороны (20% - отрицательно), но есть респонденты, которые оправдывают такую жестокую политику как стремление централизовать власть. Ценятся его достижения в войне и внешней политике. Не смотря на отрицательную составляющую, личность Сталина по сравнении с другими оценивается респондентами более благоприятно, чем иные (50% - положительно, 20% - противоречиво, 10% - нейтрально).

Хрущёв воспринимается как достаточно спорная личность, по сравнению с Лениным и Сталиным менее положительных отзывов (10% - положительно, 10% - нейтрально, 40% - противоречиво, 40% отрицательно). Отмечают, что при нём в СССР был прогресс (освоение целины, достижения НТР, восстановление экономики после войны и др.), но при этом отмечают сомнительность его реформ, не понимая смысла в очернении личности Сталина (воспринимают это как частичное разрушение устоявшейся идеологии).

О личности Брежнева во многом очень размытое понятие, наиболее частый ответ в отношении его политики – «нейтрально» (50% - положительно, 20% - противоречиво, 10% - нейтрально).

Горбачёва большинство воспринимают отрицательно, считают предателем советского государства, исключительно положительных отзывов о нём нет (40% - отрицательно, 30% - противоречиво, 30% - нейтрально). Есть противоречивые ответы, например, что Горбачёв «Человек, который окончил агонию уже умершего государства, ибо скопилось столько проблем, что будь он хоть трижды гением он не смог бы спасти СССР от падения» [6].

В третьем блоке на основании рассказов родителей, респонденты сделали выводы:

1. В экономическом плане высокая занятость населения, товары были доступнее в ценовом плане, однако не всегда имелись в наличии, подчёркивают высокую качественность продуктов. Зарплаты относительно хватало на всё необходимое и даже больше, но в отдельных случаях «в городе приходилось работать на двух, трёх работах»; «в колхозе работали с утра до вечера, так как нужно было выполнить норму» [4].
2. Образование оценивается большинством очень положительно, считается качественным. Тяжело поступить в высшие учебные заведения.
3. Понятие дружбы и любви более ответственное и основано на бескорыстии, в сравнении с современностью. Но некоторые говорят, что всё же эти проблемы (любви, дружбы) такие же, как и сейчас. Огромную роль играло общественное мнение.
4. Проведение праздников не изменилось. В свободное время дети играли во дворе, читали, посещали дискотеки. Были популярны "маёвки" - выходы на природу всей семьёй.
5. Одежда довольно однотипная, шили зачатую сами, однако хорошего качества, присутствовали зарубежные "диковинные" вещи (джинс).

6. Начинали появляться субкультуры, они выделялись внешностью, но не всегда это воспринималось положительно.
7. Детей воспитывали жёстче чем сейчас, чаще применяли физические наказания, воспитательную функцию во многом брали общественные организации.
8. Многие пишут, что власть воспринималась как что-то запретное, чему лучше не мешать. Люди верили в построение коммунизма, хотя зачастую это было на упрощённом и интуитивном уровне, как стремление к лучшему. Проводились классные часы, посвящённые пионерам-героям. Идеи коммунизма пропитывали всё общество, прививались в рамках семьи, в рамках школ и общественных организаций.

Четвёртый блок вопросов посвящён влиянию советской эпохи на современность. Самым большим вкладом считают оформление новых национальных государств, в том числе и Беларусь. Тем не менее Распад СССР привёл к резкому изменению геополитической картины мира. Значительно повлиял на социум и мировоззрение, до сих пор мы сталкиваемся с «несовременными» стереотипами наших родителей, которые берут свой корень из советской эпохи.

К положительным моментам опыта СССР относят: технологический прогресс, попытка построения новой экономической системы, хорошее образование, минимальное экономическое расслоение общества, высокий уровень занятости, бесплатные социальные услуги, развитие рабочего законодательства, более справедливое распределение доходов, свобода передвижения по территории СССР.

К отрицательным моментам опыта относят: коллективизм, насаждение атеизма, тоталитаризм, однопартийность, разрыв с традициями предыдущих столетий, репрессии, отсутствие частной собственности.

На вопрос «Хотели бы вы жить в СССР?» (рис.3) большинство ответили отрицательно (53,3 % - нет, 26,7% - да, 20% - возможно). Среди основных причин: тотальный контроль, насаждение идеологии, массовые репрессии. Респонденты, которые ответили положительно выделяли среди основных причин: симпатия к идее территориального союза государств, желание ощутить бытовую культуру.

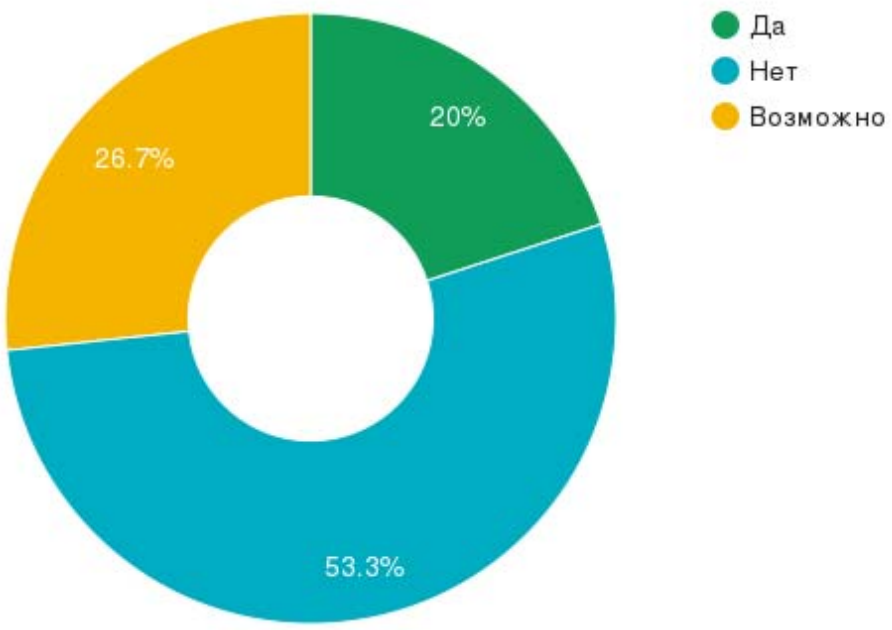


Рис. 3. «Хотели бы вы жить в эпоху СССР?»

Можно сделать выводы, что:

1. Молодёжь интересуется историей СССР (50% опроса хорошо осведомлены о периоде СССР). Среди основных источников информации – беседы с родителями, чтение различной литературы в том числе в сети интернет.
2. Период «застоя» отождествляется либо со стагнацией, либо со стабильностью.
3. Реформы перестройки воспринимаются почти однозначно как фактор гибели СССР.

4. Наиболее положительное представление о Ленине (0% - отрицательно), наименее – Горбачёве (0% - положительно).
5. Молодежь воспринимает эпоху СССР многосторонне. Среди них наблюдается «постсоветская ностальгия» и желание жить в тот промежуток времени. Но также присутствуют колеблющиеся в своих взглядах или не имеющие их, и, наконец, есть настроенные резко отрицательно.

1. Бич, М.О., Сидоров, В.Н., Фомин, В.М. История Беларуси. XX век. Учебное пособие для 10–11 кл. средних школ. / М.О.Бич, В.Н. Сидоров, В.М. Фомин — Минск, 1992.
2. Личный архив автора, интервью с Гавриленя В.В., 2 г.р., г. Барановичи, 05.10. 2021.
3. Личный архив автора, интервью с Жданович В.Э., 2001 г.р., г. Барановичи, 27.09.2021.
4. Личный архив автора, интервью с Игнатюк А.А., 2003 г.р., Кобринский р-н, д. Болота, 11.10.2021.
5. Личный архив автора, интервью с Краснюк А.О., 2001 г.р., г.Пинск, 13.10.2021.
6. Личный архив автора, интервью с Кучинский Ю.К., 2002 г.р., г. Брест, 11.10.2021.
7. Личный архив автора, интервью с Лукьянченко И. И., 1999 г.р., г. Брест, 26.09.2021.
8. Личный архив автора, интервью с Семченко А. К., 2002 г.р., г. Могилёв, 10.10.2021.
9. Личный архив автора, интервью с Сокол, 1998 г.р., г. Брест, 02.10.2021.
10. Личный архив автора, данные обобщающего опроса.

УДК 94(4)(72)+94(73)(072)

ЕВРОПА – США: ПОДХОДЫ К ВОСПРИЯТИЮ И САМОВОСПРИЯТИЮ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ (СЕРЕДИНА XX – НАЧАЛО XXI в.)

Александр Корзюк

научно-теоретический, научно-методический журнал «Беларускі гістарычны часопіс», Минск, Беларусь

alexanderkorzyuk@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые концептуальные подходы к восприятию и самовосприятию европейской и американской истории в исследованиях ученых двух регионов. Прослеживаются взаимосвязи и взаимодействие американской истории и европейской идентичности. Раскрываются некоторые особенности преподавания истории в средней и высшей школе США, которые связаны с особенностями трансформации научного исторического знания в образовательное, а также с особенностями восприятия европейской истории. Делается вывод об их обусловленности и взаимосвязи.

Ключевые слова: европейская история, американская история, США, европейская идентичность, историческое исследование, преподавание истории

EUROPE – USA: APPROACHES TO PERCEPTION AND SELF- PERCEPTION IN HISTORICAL RESEARCH AND HISTORY TEACHING (MIDDLE OF 20th – EARLY 21st CENTURY)

Alexander A. Korzyuk

scientific-theoretical, scientific-methodical journal «Belarusian Historical Journal», Minsk, Belarus

The article discusses some conceptual approaches to the perception and self-perception of European and American history in the research work of scientists of the two regions. The interrelationships and interaction of American history and European identity are traced. Some features of teaching history in secondary and high schools in the USA, which are associated with the peculiarities of the transformation of scientific historical knowledge into the educational one, as well as with the peculiarities of the perception of European history, are revealed. The conclusion about their conditionality and interrelation is made.

Keywords: European history, American history, USA, European identity, historical research, history teaching

Изучение и преподавание истории предоставляет исследователям и педагогам возможность не только раскрыть прошлое своей страны, но и через его призму получить возможность для восприятия

истории других стран и самовосприятия собственного исторического прошлого. Одним из результатов этого является формирование социальной, национальной, политической и культурной идентичности. В содержании данной статьи рассматривается, каким образом данный процесс осуществлялся в исследованиях европейских и американских ученых, а также его влияние на конструирование содержания исторического образования.

Изучению взаимосвязей и взаимодействия американской истории и европейской идентичности посвящена коллективная статья европейских исследователей [1]. В числе ее авторов – Марио дель Перо (Mario del Pero), профессор Института политических исследований в Париже; Тибор Франк (Tibor Frank) – профессор истории и директор Школы английских и американских исследований в Университете Ээтвёша Лоранда (Eötvös Loránd University) в Будапеште в 1994–2001, 2006–2014 гг., с 2013 г. – член Венгерской Академии наук; Мартин Климке (Martin Klimke) – адъюнкт-профессор и руководитель программы истории в Нью-Йоркском университете в Абу-Даби; Хелле Порсдам (Helle Porsdam) – профессор американистики Копенгагенского университета и Стивен Так (Stephen Tuck) – директор Оксфордского исследовательского центра гуманитарных наук и преподаватель истории в Пембрук-колледже (Pembroke College) в Оксфорде.

На взгляд авторов публикации, американские ученые в большей степени, чем европейские, стремятся сделать историю США более понятной для настоящего. Об этом, по их мнению, может свидетельствовать частое использование местоимений «мы» и «наш» в монографиях американских ученых. В свою очередь, они считают европейских историков «беспристрастными наблюдателями внутренней истории Америки» [1, p. 780], поскольку она является историей иностранного государства (по крайней мере, с колониального периода). Для западноевропейских историков неявное сравнение с собственной страной или регионом может превратить размышления о Соединенных Штатах в «самовосприятие на расстоянии» [2, p. 21–36; 33–34; 3].

Можно согласиться с выводом о том, что в Европе, как и в Соединенных Штатах, актуальность американской истории воспринималась по-разному разными авторами в разное время. Например, после Второй мировой войны восточноевропейские историки изучали американское прошлое для того, чтобы «критиковать американское настоящее в то время, как многие западноевропейские историки стремились извлечь уроки из истории страны, которая, казалось, могла служить образцом для процветания и политической гармонии» [1, p. 781]. В последнее время рост «транснациональной истории» и восприятие Америки как законодателя многих мировых трендов актуализировали интерес к американскому прошлому, особенно к более недавнему прошлому, для лучшего понимания европейского настоящего. В результате, европейские историки международных отношений стремятся вернуть Европе «место» в мировой истории после Второй мировой войны, в то время как историки, изучающие американскую внутреннюю политику, смогли взглянуть через Атлантику, чтобы лучше понять современные внутренние европейские проблемы.

Изучение истории другой нации или этнической группы способствует лучшему пониманию самого себя. Это особенно относится к европейским публикациям о Соединенных Штатах, потому что история этих двух регионов достаточно глубоко переплетена. Поэтому научные публикации европейских ученых об истории Соединенных Штатов явно или, чаще всего, неосознанно, в той или иной степени отражают национальное самовосприятие.

В наибольшей степени это утверждение верно для таких западноевропейских стран, как Великобритания, Франция, Германия и Ирландия, которые на протяжении своего исторического развития имели прямые связи с Соединенными Штатами в ходе военных столкновений, миграции или политических союзов. В качестве примера можно привести трактат Алексиса де Токвиля (Alexis de Tocqueville, 1805–1859) «Демократия в Америке» («De la democratie en Amerique»), который был написан для информирования французской политической элиты об американской демократии [4].

В исследовании отмечается, что интерес к истории Соединенных Штатов также широко распространен в странах Центральной и Восточной Европы, которые возникли в результате распада континентальных империй. Например, в случае Венгрии, наблюдение за Америкой как средство «самовосприятия на расстоянии» имеет долгую историю, поскольку страна стремилась утвердить свои конституционные права в рамках империи Габсбургов, а затем и отстоять национальную независимость от нее. Венгерский писатель Шандор Бёлёни Фаркаш (Sándor Bölöni Farkas, 1795–1842) опубликовал свою книгу «Путешествие в Северную Америку» в 1834 г., за год до выхода из печати «Демократии» Токвиля. В ее содержании он отмечал, что американский демократический строй дает людям возможности для большего контроля над своей жизнью, и утверждал, что эти проведенные реформы стали причиной успеха Америки и могут в будущем быть «ключом к реализации потенциала Венгрии» [5].

На основании этого авторы делают вывод о том, что практика «самовосприятия посредством наблюдения» сознательно или подсознательно формировала европейскую историческую повестку вплоть до настоящего времени — особенно в странах Восточной Европы после завершения советского господства.

Однако существуют и региональные закономерности в восприятии европейцами американской истории. Для западноевропейского общества середины XX в., стремящегося оправиться от депрессии и

войны, история «стабильной и единой демократии» по ту сторону Атлантики была не просто идеалом, которым можно восхищаться, но и моделью, которую нужно было изучать и внедрять [6].

По мере того, как разгоралась холодная война, США активно продвигали американские исследования в Западной Европе в рамках своей программы «культурной дипломатии». Внимание к истории США в Западной Европе после 1945 г. также объяснялось военным присутствием США в этом регионе (особенно в Западной Германии), распространением английского языка и постоянно растущим влиянием американской поп-культуры и образа жизни. Благодаря программе Фулбрайта многие западноевропейские историки получили возможность стажироваться в Соединенных Штатах. Многие ученые из Соединенных Штатов осуществляли свои исследования по европейской истории благодаря правительственным программам США.

В свою очередь, авторы констатируют, что политика Советского Союза была направлена на то, чтобы в Восточной Европе исторические публикации о Соединенных Штатах в 1950–1960-х гг. были в основном политизированными и негативными. Внимание исследователей этого региона было сосредоточено сначала на проблематике рабства, а со временем и на движении за гражданские права. Историки в более бедных странах Южной и Центральной Европы как правило, основное внимание уделяли эмиграции в страну с «исключительными экономическими возможностями».

По мере того, как американские историки начали отвергать различные модели «американской исключительности», их западноевропейским коллегам становилась все менее доступной существовавшая до этого единая воспроизводимая модель исторических знаний. Авторы отмечают, что с 1960-х гг. в Западной Европе антиамериканизм стал гораздо более выраженным. Но именно плюрализм американской историографии после 1960-х гг. означал, что европейские ученые могли остановиться на той версии американского прошлого, которая лучше всего соответствовала их собственным убеждениям и национальным проблемам [1, p. 783].

В Восточной Европе государство продолжало поощрять и все чаще финансировать критические исторические работы о Соединенных Штатах. После распада Советского Союза культурная дипломатия различными средствами стремилась развить популярность США в бывшем Восточном блоке. Посткоммунистическая Венгрия и особенно Польша оставались последовательно проамериканскими, и потому в содержании исторических исследований особый интерес проявлялся к новейшей военной, дипломатической и политической истории США.

В то время как после Второй мировой войны европейские историки занимались проамериканскими или антиамериканскими исследованиями, в регионе сформировалась и другая традиция историописания. Журналисты, писатели-путешественники и другие «публичные интеллектуалы», а не академические историки, стремились познакомить читающую публику с американской историей и культурой и при этом избежать открытого политического послания. Эта «образовательная миссия», далекая от создания полностью научной версии истории, способствовала углублению связей с Западной Европой в начале холодной войны, а затем и с Восточной Европой после ее окончания [1, p. 784].

Угасание императивов холодной войны, большее сближение академических культур Европы и Соединенных Штатов и — особенно в XXI в. — растущий интерес американских ученых к глобальным аспектам истории, могут, по мнению авторов статьи, положить конец исключительно европейским подходам к изучению американской истории. Немецкий ученый Винфрид Флюк (Winfried Fluck) писал в 2011 г.: «Транснационализм был полезен мне и другим ученым-американистам из-за пределов Соединенных Штатов». До возникновения транснациональной истории, «когда мы приехали в Соединенные Штаты, мы были «бедными родственниками; теперь мы – востребованные посланцы из другого мира, которые, похоже, обладают магической силой ввести американцев в новую эпоху космополитизма» [7, p. 380].

Таким образом, исследования современных европейских историков на данный момент являются более востребованными для достижения американских научных и общественно-политических целей, чем для европейских. Однако при написании транснациональной истории, которая включает и историю США, европейские историки обнаружили, что они, как оказалось, пишут «нашу историю» (как это они уже давно делали с историей иммиграции, историей дипломатии и колониальной историей), и, таким образом, у них, как и у американских коллег, появилась личная заинтересованность в американской истории. Однако для европейских историков написание «нашей истории» не означало, что они испытывали те же влияния или имели те же цели, что и их американские коллеги с точки зрения придания актуальности истории США. Совсем наоборот: это предоставляло им возможность вернуть себе свое собственное «право» на всемирную историю.

Тем не менее, даже для британских историков, которые чаще общаются с американскими, чем с европейскими коллегами, и которые все чаще рассматривают американскую культуру и историю как неотъемлемую часть своей собственной, изучение истории США предоставляет возможности для «самовосприятия на расстоянии». Например, в Великобритании конца XX в. значительное количество британских историков занималось изучением истории Юга США, а среди них непропорционально большая

группа исследователей была сосредоточена на расовой проблематике. Для ученых, живущих в стране, которая боролась с расовой напряженностью и имела определенную поляризацию общественного мнения по поводу иммиграции, история американской сегрегации послужила определенным предупреждением, к которому следовало прислушаться. Многочисленные обращения к истории Соединенных Штатов также были связаны с отсутствием в собственно истории Великобритании эпизодов о борьбе за расовые гражданские права.

В свою очередь, популярность истории движения за гражданские права в США способствовало отсутствию тем по британской расовой истории в учебных программах — в начале XXI в. движение за гражданские права в США входило в пятерку самых популярных тем по истории для старшеклассников на выпускных экзаменах [8].

Британские историки не были одиноки в обращении к проблематике американского движения за гражданские права. Немецкие ученые, в частности, сосредоточили свое внимание на расовой борьбе в современных США [1, p. 788]. Растущий интерес европейских историков к американскому мультикультурализму также можно понять с точки зрения необходимости понимания данного концепта.

Таким образом, методологические позиции и используемые методы исследования, на основе и с помощью которых европейские историки стремились сделать актуальными исследования по американской истории, основываются на национальных академических традициях, современных политических императивах, общественных ожиданиях от исторической науки и личной позиции автора и оказывают существенное влияние на тематику и содержание работ по истории Соединенных Штатов. Такое влияние может не всегда в полной мере детерминировать выводы, к которым ученый придет в результате проведенного исследования, но вполне может определить круг вопросов и тематику исследования.

Следует отметить, что в конце XX в. в США еще больше возрос интерес и к изучению истории, и к ее преподаванию. В первую очередь это было связано с тем, что выпускники американских школ демонстрировали невысокий уровень знаний по предмету. Несмотря на существование развитой системы школьного образования, которая должна служить инструментом трансляции научных знаний в общество, массовые представления о прошлом сильно отличаются от профессиональных. Оказалось, что трансформация школьного знания в массовые представления о прошлом – это крайне сложный процесс. Подтверждением этому может служить вывод известного французского историка и педагога, члена школы «Анналов» Марка Ферро (Marc Ferro, 1924–2021), сделанный еще в 1981 г., о том, что «в мире нет другой страны, где существовал бы больший разрыв между исследованиями узкого круга специалистов и уровнем знания, распространяемого массовым порядком» (первое русскоязычное издание книги было опубликовано в 1992 г., второе, дополненное – в 2010 г.) [9, с. 381]. Таким образом, в сознании исторического сообщества проблема обучения истории в школе выглядит куда более сложной, чем в публичных дискуссиях, и далеко выходит за пределы споров о характере учебных программ или содержании массовых исторических представлений [10, с. 118].

Рассмотрим, каким образом научное историческое знание находит свое отражение в процессе конструирования содержания исторического образования по европейской истории. В процессе нашего исследования представляется интересным сравнить, насколько выявленные тенденции в изучении американскими учеными европейской истории свойственны для процесса ее преподавания в средней и высшей школе США.

Методологические основы преподавания европейской истории в средней и высшей школе США достаточно подробно рассматриваются в статье профессоров Йоркского университета (Торонто, Канада) Артура Хабермана (Arthur Haberman) и Адриана Шуберта (Adrian Shubert) «Американская исключительность и преподавание европейской истории» [11].

Авторы отмечают, что концепция американской исключительности – это постулат для большей части учебных программ по истории в Соединенных Штатах. «Существует мнение, что Соединенные Штаты и их народ занимают особое место в мировой истории, потому что эта страна олицетворяет надежду для всего мира и для развития свободы и демократии. Идея берет свое начало в ранней истории Соединенных Штатов, когда их основатели-пуритане, используя метафору губернатора колонии Массачусетского залива Джона Уинтропа (John Winthrop, 1588–1649) о новом обществе как «Городе на холме», верили, что сообщество Новой Англии послужит образцом для остального человечества» [11].

Проникнутые как религиозными, так и рационалистическими чувствами и коннотациями, приверженцы этой точки зрения рассматривают историю Соединенных Штатов как пример для остального мира. Их история имеет особое значение, во многом так же, как ранняя история еврейского народа в Ветхом Завете является исключительной для западной культуры. Названия некоторых учебников истории, используемых в Соединенных Штатах, отражают эту точку зрения: «Дайте мне свободу!», «Изобретая Америку», «Американская судьба», «Созданы равными: социальная и политическая история Соединенных Штатов», «На добрую землю: история американского народа», «Американское обещание» и др. [11].

Законопроект, внесенный в Сенат Соединенных Штатов 6 сентября 2005 года, содержал раздел о преподавании истории в колледжах и университетах. Статья 851, озаглавленная «Американская история за свободу», давала министру образования полномочия присуждать гранты программам высшего образования, которые преподают «традиционную американскую историю; историю, природу и угрозы свободным институтам; и историю западной цивилизации» [11].

Традиционная американская история определяется в законопроекте как «важные конституционные, экономические и внешнеполитические тенденции и проблемы, которые сформировали ход американской истории, и ключевые эпизоды, поворотные моменты и ведущие фигуры, участвующие в конституционной, интеллектуальной, дипломатической и экономической истории Соединенных Штатов» [11]. Как видно из формулировки, социальная история не вошла в этот список, а сравнение истории Соединенных Штатов с историей других стран или культур и взаимодействие США с другими регионами мира не упоминаются. Свободные институты определяются как «институты, возникшие в результате развития Западной цивилизации, такие как демократия, конституционное правительство, права личности, рыночная экономика, свобода мысли, свобода вероисповедания и религиозная терпимость» [11].

Исходя из этого, авторы публикации задаются вопросом: может ли быть так, что история остальных регионов и стран преподается в Соединенных Штатах через призму этого исключительного взгляда на прошлое? В частности, они предполагают, что взгляд на европейскую историю, вторую по популярности область исторических исследований, по-видимому, сильно зависит от того, как Соединенные Штаты воспринимают сами себя. В свою очередь, в школьном историческом образовании начала XXI в. сохраняется относительно невысокий интерес к неамериканской истории. Она изучается в старших классах средней школы, но не входит в необходимый минимум знаний выпускников средней школы. «Американцы, как никто, игнорируют внешний мир», – констатировал Марк Ферро [9, с. 379].

В США преподавание европейской истории, иногда называемой историей Западной цивилизации, началось во время Первой мировой войны, когда возникла потребность объяснить американским солдатам, за что они сражались. Война рассматривалась не просто как борьба за власть, а как борьба за культуру, как защита определенных идеалов и ценностей. По мнению авторов, «Первая мировая война не являлась мировой, ни, до апреля 1917 года, войной США. Это была война между европейскими государствами, своего рода гражданская война на Западе» [11]. Тем не менее, они признают, что «по мнению Соединенных Штатов, ценности, которые необходимо защищать, находились на стороне Великобритании и Франции, а не Германии» [11].

С того времени в курсах истории Западной цивилизации или европейской истории акцент делался на изучении следующих основных моментов: значение итальянского Возрождения; история Великобритании и Франции; сравнение демократии в Великобритании и Франции с авторитарными режимами царской России, бисмарковской и нацистской Германии, а также фашистской Италии; ценности и значение Реформации и протестантизма; значение европейских империалистических завоеваний для остального мира и Европы; значение идей Локка и Руссо в развитии концепций прав и суверенитета народа; важность парламентаризма в Великобритании и других странах; Французской революции и других революций, ведущих к народному суверенитету; роль рабочего движения и борьба за избирательное право средним и низшим классами и женщинами; торговой и промышленной революций и важности капиталистической экономики [11].

Менее подробно рассматриваются: история Османской империи с XV по XX века; роль Скандинавии в европейской истории; события на Пиренейском полуострове после окончания правления Филиппа II, за исключением упоминания Гражданской войны в Испании; история Средиземноморья, за исключением Возрождения, Рисорджименто и фашистской Италии; большинство событий в Восточной Европе, кроме раздела Польши и «холодной войны». Крайне поверхностно (если вообще что-либо) говорится о культурах православного христианства и ислама в Европе [11].

В основе подобного отбора содержания исторического материала лежит признание в качестве основополагающей идеи прогресса. История, по крайней мере, европейская и американская, телеологически рассматривается как процесс эволюции определенных идей — конституционализма, прав, свобод и т.п. Исходя из этого, считается, что эти идеи заслуживают изучения, и кроме того, западный мир показывает, как их можно приобрести. Поэтому в тех регионах и странах за пределами Европы и Соединенных Штатов, где эти явления сейчас существуют, они преподносятся как уникальный подарок Запада [11]. Окончанием европейской истории для Соединенных Штатов являются сами Соединенные Штаты, но не такие, какими они были или стали, а такие, какими они хотят быть и хотят, чтобы их видели. Таким образом, европейская история изучается как прелюдия к мировому лидерству Соединенных Штатов [11].

Какими видятся авторам статьи пути преодоления выявленных или негативных тенденций в преподавании европейской истории?

Во-первых, преподавая европейскую историю, не следует сводить ее изучение к истории Великобритании и Франции и ряда отдельных событий в других странах. Во-вторых, необходимо вписывать

изучение европейской истории в мировой контекст, а не в контекст «неизбежного» продвижения к лидерству и превосходству Соединенных Штатов. В-третьих, следует покончить с представлением о том, что есть только один правильный (западный) путь развития истории. В-четвертых, признать, что, как Европа и Запад повлияли на мировою историю, так и остальной мир, в свою очередь, глубоко повлиял на развитие Запада. В-пятых, учитывать, что некоторые аспекты западной истории являются достаточно спорными и нелицеприятными, в частности, рабство, расизм, колониальные захваты. В-шестых, использовать принцип конкретно-исторического преподавания истории: «преподавая историю Европы, убедитесь, что вы знаете, что такое Европа в данный момент времени [11].

По мнению исследователей, возможно, пришло время изменить взгляд на саму «американскую историю» (American History), как ее называют в Соединенных Штатах. Они предлагают попробовать преподавать историю Северной и Южной Америки (History of the Americas), как это делал историк из Калифорнийского университета в Беркли Г.Ю. Болтон (Herbert Eugene Bolton, 1870–1953) в начале XX в. Он утверждал, что невозможно изучать историю Соединенных Штатов в отрыве от истории других американских наций. Такой подход обеспечил бы более широкий взгляд на мир, дав некоторое признание остальным американским странам как что-то иное, чем расширение влияния Соединенных Штатов со времен «доктрины Монро» [11].

Однако возможным препятствием для реализации данного подхода выступает разнообразие школьного исторического образования в США. Соединенные Штаты демонстрируют бóльшую вариативность в отборе исторического материала и методах его изучения, чем какая-либо другая страна. При этом, преподавание истории вынуждено реагировать на социальные запросы и потому в определенной степени зависит от них. В результате в Соединенных Штатах сколько школ, столько и учебников, столько и разных видений прошлого и настоящего Америки. Учебник в американской школе выступает как бы в роли словаря; к нему обращаются за ориентирами, а не за заключительными выводами, и еще в меньшей степени — за анализом исторических событий и процессов, что является нехарактерным для школьного исторического образования в европейских странах.

Таким образом, изучение истории другой нации или этнической группы способствует лучшему пониманию самого себя. Историческое научное и образовательное знание находится под влиянием исследований как «домашних» историков, так и зарубежных специалистов. Формируя историческое знание, можно и нужно опираться не только на «внутреннее» видение собственной истории, но и учитывать результаты исследований сторонних наблюдателей. Значительную роль в повышении объективности восприятия и самовосприятия, а следовательно, и исторических исследований в целом, сыграло взаимодействие и взаимовлияние европейской и американской историографии. Практика «самовосприятия посредством наблюдения» сознательно или подсознательно формировала европейскую историческую повестку в отношении изучения истории США вплоть до настоящего времени. Плюрализм американской историографии после 1960-х гг. дал возможность европейским ученым остановиться на той версии американского прошлого, которая лучше всего соответствовала их собственным убеждениям и национальным проблемам.

Научное историческое знание находит свое отражение в процессе конструирования содержания исторического образования по европейской истории. Тем не менее, в США по-прежнему преобладает «американоцентричный» подход к его построению. Отмечая его определенные положительные черты, можно констатировать, что, как показывают исследования ученых двух регионов, собственная история лучше осознается и воспринимается через призму истории других стран и регионов.

1. Del Pero, M. American History and European Identity / M. del Pero, T. Frank, M. Klimke, H. Porsdam, S. Tuck // American Historical Review. – June 2014. – P. 780–790. – [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: https://academic.oup.com/ahr. – Date of access: 27.01.2022.
2. Tibor, F. Through the Looking-Glass: A Century of Self-Reflecting Hungarian Images of the United States (1834–1941) / F. Tibor // Multicultural Challenge in American Culture; ed. Lehel Vadon. Eger: EKF Líceum Kiadó, 1999.
3. Offe, C. Reflections on America: Tocqueville, Weber and Adorno in the United States / C. Offe. Cambridge: Polity, 2005. – 140 p.
4. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1994. – 554 с.
5. Farkas, S.B. Journey in North America / S.B. Farkas. – Santa Barbara: ABC-Clio, 1978. – 238 p.
6. De Grazia, V. Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe / V. De Grazia. – Cambridge: Belknap Press, 2005. – 608 p.
7. Fluck, W A New Beginning? Transnationalism / W. Fluck // New Literary History. – 42, №. 3 (2011). – P. 365–384.
8. 8. Tuck, S. King of All Nations / S. Tuck // New York Times. – 2021. – January 15. – [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access: – http://www.nytimes.com/2012/01/16/opinion/king-of-all-nations.html. – Date of access: 27.01.2022.
9. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – М.: Книжный клуб 36,6, 2010. – 480 с.
10. Савельева, И.М. Концептуальные проблемы современного исторического образования в Европе и США / И.М. Савельева // Вопросы образования. – 2006. – № 4. – С. 114–123.

11. Haberman, A. American exceptionalism and the teaching of European history / A. Haberman, A. Shubert // Perspectives on History: The Newamagazine of the American Historical Assosiation. – 2006, Sept. 1. – [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access: – https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2006/american-exceptionalism-and-the-teaching-of-european-history. – Date of access: 27.01.2022.

УДК 37.013(076.5)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вячеслав Лозицкий
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
bakalaur@yandex.ru

Автор рассматривает проблематику разработки научно-методических основ использования электронных образовательных ресурсов по дисциплинам социально-гуманитарного цикла. Обосновываются практикоориентированные положения, учет которых на практике будет способствовать реализации эффективной методики системного применения традиционных и электронных компонентов предметных учебно-методических комплексов и достижению целей высшего профессионального образования.

Ключевые слова: информация, информационная культура, информационная компетентность, электронное средство обучения, учебно-познавательная деятельность, социально-гуманитарные дисциплины

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING AND DEVELOPING OF HIGH EDUCATION' STUDENT'S INFORMATION COMPETENCIES

Vyacheslav L. Lozitsky
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The author considers the problems of developing scientific and methodological foundations for the use of electronic educational resources in the disciplines of the social and humanitarian cycle. Practical-oriented provisions are justified, the consideration of which in practice will contribute to the implementation of an effective methodology for the systematic application of traditional and electronic components of subject educational and methodological complexes and the achievement of the goals of higher professional education.

Keywords: information, information culture, information competence, e-learning, educational activities, social and humanitarian disciplines

Научно-методическое обеспечение процессов компьютеризации и информатизации образовательной сферы является одним из актуальных вопросов исследований. Учет разрабатываемых теоретических положений важен для обеспечения повышения качества обучения в аспекте решения всего комплекса задач высшего профессионального образования (в том числе и по социально-гуманитарным дисциплинам) в условиях развития информационно-образовательной среды (ИОС) учреждений высшего образования (УВО) [1]. Педагогически целесообразным представляется рассмотрение проблематики совершенствования информационной компетентности студентов в качестве одной из научно-методических основ системного применения традиционных и электронных компонентов предметных учебно-методических комплексов (УМК), определяемых в качестве используемого в УВО значимого инструментария электронных образовательных ресурсов.

В современном социуме работа с информацией является одним из значимых аспектов профессиональной деятельности, а информационная культура – важным фактором развития личности и частью общей культуры человека. Интенсификация процесса внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в высшее образование обуславливает непрерывное повышение уровня требований к информационной культуре студентов, их компьютерной грамотности (в том числе и в сфере социально-гуманитарного знания). В условиях возрастания объемов информации, подлежащей усвоению, а также уменьшения времени на ее усвоение, обработку, хранение и передачу процесс обучения должен быть ориентирован на формирование у студентов готовности эффективно организовывать свои

внутренние и внешние ресурсы для достижения поставленной мотивированной цели, решения профессиональных задач.

Феноменологично информационная культура представляет собой составную часть базисной культуры личности и системную характеристику человека, которая позволяет ему эффективно участвовать во всех видах работы с информацией: получении, накоплении, кодировании и переработке, создании на этой основе качественно новой информации и ее передаче, практическом использовании. Сущностно информационная культура включает в себя следующие компоненты: грамотность и компетентность в понимании природы информационных процессов и отношений; гуманистически ориентированная информационная ценностно-смысловая сфера (стремления, интересы, мировоззрение, ценностные ориентации); развитая информационная рефлексия; творчество в информационном поведении и социально-информационной активности. В своем знаниево-деятельностном аспекте наличие информационной культуры предполагает владение определенными знаниями и умениями при использовании ИКТ в процессе решения познавательных, профессиональных и иных задач.

Как уже отмечалось выше, составной частью феномена информационной культуры студента является его информационная компетентность. Компетентность определяется нами как интегральный показатель качества подготовки студента – новообразование субъекта деятельности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки, представляющее собой системное проявление знаний, умений, способностей и личностных качеств, позволяющих успешно решать функциональные задачи, составляющие сущность профессиональной деятельности. В трактовке О.Л. Жук компетенция – это обобщенная характеристика современного специалиста [2, с. 106].

Современной наукой накоплен определенный опыт в исследовании проблематики формирования информационной компетентности студентов. Это исследования В.П. Беспалько, М.В. Богданова и Н.Б. Стрекаловой, Н.Г. Витковской, О.Л. Жук, О.Б. Зайцевой, О.Г. Смолянинова, С.В. Тришиной, А.В. Хуторского [2–9]. При этом, в педагогической практике остается объективно неразрешенным противоречие между необходимостью формирования у студентов УВО развитой информационной компетентности и неполной разработанностью педагогических условий, позволяющих сделать этот процесс наиболее эффективным.

Сравнительно-сопоставительный анализ существующих научных исследований феномена информационной культуры позволяет формулировать вывод о наличии плюрализма мнений в понимании такой его составляющей как информационная компетентность. О.Г. Смолянинова рассматривает информационную компетентность как «… универсальные способы поиска, получения, обработки, представления и передачи информации, обобщения, систематизации и превращения информации в знание» [7, с. 12]. Данным автором информационная компетентность определяется в качестве основы информационной деятельности – главного вида деятельности в информационном обществе. В свою очередь С.В. Тришина трактует информационную компетентность как «интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности» [8, с. 38]. О.Б. Зайцева характеризует информационную компетентность как «… сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции теоретических знаний, практических умений в области инновационных технологий и определённого набора личностных качеств» [6, с. 8].

Общим для обозначенных подходов является определение в феномене информационной компетентности студентов неразрывной взаимосвязи со знаниево-деятельностной составляющей – знаниями и умениями работать с информацией на основе применяемых ИКТ и решением с помощью высокотехнологичного инструментария учебно-познавательных задач. В рамках исследований упомянутых авторов информационная и коммуникативная компетентности студентов выделяются в качестве наиболее значимых, так как они формируют социокультурную жизнь, служат основными средствами реализации межличностных отношений, что чрезвычайно важно в аспекте организации учебно-познавательной деятельности студентов по дисциплинам социально-гуманитарного цикла, формирующих мировоззренческое начало.

Информационную компетентность студента представляется целесообразным рассматривать структурно на следующих уровнях:

– мотивационно-целевой (наличие мотивации к достижению цели, потребность и интерес к получению знаний, умений и навыков в области технических, программных средств и информации);

– когнитивный (наличие совокупности общественных, естественных и технических знаний, отражающих систему современного информационного общества, а также знаний, составляющих информативную основу поисковой познавательной деятельности);

– операционно-деятельностный (деятельность по получении, накоплении, кодировании и переработке, создании на этой основе качественно новой информации, ее передаче, а также практическом использовании);

– оценочно-рефлексивный (опыт поисковой деятельности в сфере программного обеспечения и технических ресурсов, обеспечение готовности к поиску решения предъявляемых профессиональных задач).

Информационная компетентность студента – это его личностное образование, т. е. присвоенная система знаний, умений и навыков работы с информацией, а также способность и готовность осуществлять различные виды деятельности с применением этой системы. Исходя из этого, информационную компетентность студентов представляется целесообразным рассматривать как совокупность двух составляющих – информационной грамотности и информационного поведения. Первая составляющая определяется наличием у учащихся соответствующих компетенций – знаний, умений и навыков применения средств информационных технологий для работы с информацией (поиск, хранение, обработка, передача). Вторая составляющая – совокупность действий и деятельности обучаемых по использованию своей информационной грамотности в интересах решения учебных и прикладных задач в ходе осуществления учебно-познавательной деятельности при изучении социально-гуманитарных дисциплин. В результате этих действий и деятельности у студентов формируются личностные качества, ценностное отношение к информации, вырабатываются способы действий, способность и готовность адекватно реагировать на изменения, происходящие в информационном пространстве изучаемого предмета. Таким образом, в нашем понимании информационную компетентность студента в аспекте системного применения ИКТ целесообразно рассматривать не только как уровень знаний, умений и навыков, позволяющий оперативно ориентироваться в информационном пространстве знаниевой области, но и как значимый опыт в поиске, оценке, использовании и хранении информации, полученной с помощью высокотехнологичного инструментария, как готовность к решению профессиональных учебных и практических задач.

Сформированность информационной компетентности студентов в аспекте системного применения традиционных и электронных компонентов учебно-методических комплексов по дисциплинам социально-гуманитарного цикла представляется необходимым дифференцировать по ряду уровней – начальному, достаточному, нормативному.

Начальный уровень характеризуется отсутствием у обучаемого мотивации и интереса к овладению информационными технологиями, а также потребности и готовности в получении и расширении знаний в этой области; знания поверхностные, формальные и бессистемные. С учетом предметной специфики студенты на данном уровне способны к решению наиболее простых, знакомых задач по заданному алгоритму, составленному преподавателем.

Достаточный уровень определяется проявлением мотивации и интереса к овладению информационными технологиями; наличием знаний компьютерных методов обработки информации и ресурсов, используемых в процессе организации учебно-познавательной деятельности, умений работать с информационными объектами, потребности и готовности в получении и расширении знаний в области изучения предметов социально-гуманитарной направленности. К данному уровню сформированности информационной компетентности относятся адекватная самооценка значимости своего участия в информационной деятельности и само ценностное отношение к информации.

Нормативный уровень сформированности информационной компетентности студентов характеризуется наличием умений организовать собственную информационную деятельность в предметной области и спланировать ее результат, применять ИКТ в учебно-познавательной деятельности при достижении продуктивных уровней усвоения, а также выработкой способов действий и деятельности для решения учебных задач практикоориентированного характера.

Для достижения продуктивных уровней развития информационной компетентности студента УВО представляется целесообразным выделить следующие педагогические условия:

– обеспечение мотивации обучаемых к усвоению содержания учебных предметов в рамках создания ориентировочной основы их деятельности и выбора индивидуальной образовательной траектории;

– реализация технологического подхода к формированию информационной компетентности обучаемых;

– системное применение традиционных и электронных компонентов предметных учебно-методических комплексов в ходе организации учебно-познавательной деятельности студентов УВО;

– целенаправленное управление учебно-познавательной деятельностью учащихся на всех этапах процесса формирования информационной компетентности дидактическими средствами, а также путем осуществления мониторинга ее результативности;

– наличие технико-технологической инфраструктуры, позволяющей реализовывать дидактические функции традиционных и электронных компонентов предметных учебно-методических комплексов;

– наличие научно обоснованной системы критериев оценки уровней сформированности информационной компетентности учащихся;

– стимулирование учебно-познавательной деятельности студентов по моделированию электронных компонентов предметных УМК с учетом научно-методических основ их создания и системного применения;

– применение инструментов познания, базирующихся на интеллекте обучаемого, а не на искусственном интеллекте компьютера (ответственность за планирование, принятие решения и самоконтроль над процессом учебно-познавательной деятельности лежит на учащемся, а не на компьютере).

Учет определенных нами педагогических условий позволит достичь продуктивных уровней развития информационной компетентности студентов – важной составляющей информационной культуры будущего специалиста. Реализация данных педагогических условий развития информационной компетентности студентов УВО должна осуществляться в рамках избираемых эффективных технологий обучения. Системное применение традиционных и электронных компонентов учебно-методических комплексов по социально-гуманитарным дисциплинам в данном аспекте следует рассматривать как законосообразную педагогическую деятельность преподавателя, осуществляющего научно обоснованную организацию дидактического процесса и обладающую более высокой степенью эффективности, надежности и гарантированности результата, чем это имеет место при традиционных технологиях обучения студентов УВО – будущих специалистов в различных сферах экономики.

1. Аксенчик, Н.В. Научные аспекты изучения феноменологической сущности информационно-образовательной среды современного учреждения высшего образования / Н.В. Аксенчик // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 3 ч. / Респ. ин-т высш. школы ; под ред. В.А. Гайсенка. – Минск, 2019. – Вып. 19 – Ч. 2. – С. 159-166.
2. Беспалько, В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия) / В.П. Беспалько. – М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2002. – 352 с.
3. Богданов, М.В. Информационная среда вуза как фактор формирования информационно-коммуникационной компетентности / М.В. Богданов, М.В. Богданов, Н.Б. Стрекалова // Стандарты и Мониторинг в образовании. – 2007. – № 3. – С. 33–35.
4. Витковская, Н.Г. Информационная компетентность студента вуза : теория и практика формирования / Н.Г. Витковская. – Тольятти : Изд-во Волжского ун-та, 2005. – 135 с.
5. Жук, О.Л. Педагогическая подготовка студентов : компетентностный подход / О.Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2009. – 336 с.
6. Зайцева, О.Б. Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О.Б. Зайцева ; Брянск. гос. пед. ин-т. – Брянск, 2002. – 19 с.
7. Смолянинова, О.Г. Компетентностный подход в системе высшего образования / О.Г. Смолянинова, О.А. Савельева, Е.В. Достовалова. – Красноярск : Изд-во Сибирск. федеральн. ун-та, 2008. – 80 с.
8. Тришина, С.В. Информационная компетентность как педагогическая категория / С.В. Тришина // Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. – 2005. – № 9. – С. 38–47. // Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm. – Дата доступа : 18.12.2021.
9. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

УДК 81-139

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Анна Манкевич

Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь

mankevich.anna.a@gmail.com

Автор рассматривает комбинаторную семантику как развивающийся методологический подход к исследованию китайского языка. Приводятся основные положения данного направления лингвистических исследований. Обосновывается связь комбинаторной семантики с методологическими положениями, используемыми при изучении языков в Европе.

Ключевые слова: комбинаторная семантика, части языка, тайгены, ёгены, методология исследования языков, лингвистика в исторической перспективе

THE METHODICAL APPROACHES TO CHINESE IN EUROPEAN COUNTRIES: CURRENT STATUS AND NEW ACHIEVEMENTS

Anna A. Mankevich
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The author considers combinatory semantics as a developing methodological approach to the Chinese language research. The main provisions of this linguistic research direction are provided. The links between combinatory semantics and the methodological provisions used when studying languages in Europe are justified.

Keywords: combinatory semantics, language parts, tigens, yogens, language research methodology, linguistics in a historical perspective

Наука и методология постоянно развиваются, и нет ни одной дисциплины, где все открытия были бы уже сделаны. Без проб и ошибок прогресс невозможен – сегодня человек не смог бы летать на самолете без тщательного изучения законов аэродинамики, которые много раз оспаривались и открывались вновь.

В XXI веке в русском языкознании в рамках существующей методологии всё еще используются греко-латинские части речи, но наука и подходы к исследованию языков и китайского языка, в частности, не могут стоять на месте. Таким образом, смена парадигм в процессе развития неизбежна.

В рамках современных подходов к исследованию китайского языка как в странах Западной и Восточной Европы, так и в других странах развивается учение о комбинаторной семантике. Для более ясного представления об этом методологическом подходе к изучению языков необходимо, прежде всего, обратиться к основным положениям комбинаторной семантики А. Н. Гордея, в рамках которой в качестве частей языка выделяются тайгены и ёгены. Термин «части языка» употребляется в комбинаторной семантике для семантического разграничения множеств языковых единиц; вместо «частей речи» используемых для морфологической классификации слов согласно западным традициям в греко-латинской традиции.

Итак, далее приведены определения исходных понятий, принятых в комбинаторной семантике [3, с.19]:

- копия речи – отображение речи органами чувств;
- языковой стереотип – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии речи;
- языковая категория – языковой стереотип, избранный основанием выделения языкового подмножества;
- модель мира – архитектура языковых стереотипов, то есть упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие;
- индивид – отдельная сущность в выделенном фрагменте модели мира;
- части языка – это подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением.

Помимо этого, ключевыми понятиями комбинаторной семантики являются тайгены и ёгены. Тайген (от японск. 体言 –‘стабильное слово’) – часть языка, обозначающая индивид, например 组织 *‘организация’,* 经济 *экономика’* [1, с.35]. Ёген (от японск. 用言– ‘подвижное слово’) – часть языка, обозначающая признак индивида, например, 有利的 ‘*доходный*’ [3, с.20].

Индивид и признак индивида – универсальные семантические категории, универсальные стереотипы, избранные основанием выделения языковых подмножеств, которых достаточно для описания системы языка. Мозг человека еще на ранних этапах развития определяет, как правильно комбинировать языковые знаки (тайгены и ёгены), чтобы оформить свою мысль.

Индивид и признак индивида как семантические категории – это подмножества знаков, выделяемые в теории. Части языка – тайгены и ёгены – это множества знаков, выделяемые в метатеории. При анализе и описании языковых явлений уровни языка и метаязыка, теории и метатеории не должны смешиваться или использоваться один вместо другого, иначе полученные данные не будут достоверными [7, с. 48].

Раскрыв подробнее эти понятия, мы увидим, что *тай-* в слове тайген обозначает *‘субстанция, сущность’*, в то время как *ё-* в слове ёген означает *‘процесс, явление’*. Ёген не просто указывает на процесс, явление как понятие: ёген говорит о процессе, явлении применительно к субстанции, сущности, которой является тайген. Ряд языковых знаков в глоттогоническом процессе не подверглись специализации и в современном китайском языке могут рассматриваться как тайгены или ёгены, например, слово组织 ‘*организация’, организовывать*’. В сочетании组织内阁 ‘*формировать кабинет*’ данный языковой знак – ёген, в названии организации联合国组织 ‘*Организация Объединенных Наций*’ – тайген.

В некоторых случаях системные тайгены могут использоваться как ёгены и наоборот, например, 欧洲 ‘*Европа*’ – системный тайген, который в сочетании出访欧洲 ‘*посетить Европу*’ реализуется как тайген

согласно принадлежности к этому множеству знаков, а в欧洲文化史 ‘*история европейской культуры*’ или 投资欧洲的企业‘*инвестировать в европейские предприятия*’ этот системный тайген используется как ёген.

Существует атрибутивный суффикс的, использование которого гарантированно переводит слово из множества тайгенов в ёгены. Так, 财政 – тайген ‘*финансы*’, 财政的 – ёген ‘*финансовый*’.

Пример сочетания, в котором реализован и тайген, и ёген –相对收益 ‘*относительная прибыль*’. В данном случае индивидом, то есть тайгеном, будет 收益 ‘*прибыль*’, ёгеном, то есть признаком индивида – 相对 ‘*относительный*’.

Слово может быть и тайгеном, и ёгеном в зависимости от контекста, например, 投资 переводится и тайгеном *инвестиция*’, и ёгеном ‘*инвестировать*’, ‘*инвестиционный*’:

我们企业收到了很多外国投资. *Наше предприятие получило много иностранных инвестиций.*

银行代表说他们将投资农业生产的部门. *Представители банка заявили о намерении инвестировать в агропромышленную отрасль экономики.*

他成立了投资公司. *Он основал инвестиционную компанию.*

Обратившись к истории языкознания Западной Европы, мы увидим, что основы данного методологического подхода к исследованию языков были заложены еще учеными Западной Европы Средних веков. Так, активно развивалась методология, основанная на учениях о языковых универсалиях, аналогичная тайгенам и ёгенам.

В западноевропейской философии универсалии употреблялись в двух основных значениях:

1. определение самой вещи, что было близко к понятию индивида, то есть тайгену;
2. суждение об этой вещи, то есть выработка определенных критериев (истинности или ложности, прекрасного и безобразного, блага и зла), что было близко к понятию признака индивида, то есть ёгену.

Наибольший вклад в изучение понятий индивида и универсалии внес шотландский философ Джон Дунс Скот. Он полагал, что первичными являются не предикаты (универсалии), а субъекты (индивиды). Дунс Скот вводит особое понятие «этости» (haecceitas) для характеристики индивидуальной вещи. Реальны только индивиды, общие понятия сами по себе не имеют онтологического аналога, каковой существует лишь у понятий, выполняющих функцию предикатов предложения [8].

Тогда была затронута и тема синтаксиса: согласно средневековому реализму, логическому членению высказывания (на субъекты и предикаты) соответствует аналогичное членение онтологической сферы.

Таким образом, на сегодняшний день в науке развиваются новые методологические подходы к исследованию китайского языка, в частности комбинаторная семантика. Базой для становления данного современного направления лингвистических исследований стали методологические подходы, применяемые при изучении языка в Западной Европе. Историческое развитие языкознания западной Европы повлияло на становление современного направления лингвистических исследований, разрабатываемых в рамках комбинаторной семантики как в странах восточной Европы, так и в языкознании в целом.

1. Большой русско-китайский словарь. – Пекин: Шанву иншугуань, 1995. – 2737 с.
2. Мартынов, В.В. В центре сознания человека / В.В. Мартынов. – Минск : БГУ, 2009. – 272 с.
3. Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий / А.Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова : сб. материалов / Изд. центр БГУ ; под ред. А.И. Головня. – Минск, 2008.– С. 19-25.
4. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / ГрГУ ; под ред. Л. В. Рычкова. – С. 32-35
5. Гордей, А.Н. Парадигма частей языка / А. Н. Гордей // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы VIII Международной научной конференции / Гродненский государственный университет ; под ред. С.А. Емельянова. – Гродно : ГрГУ, 2003 . – С. 173—179.
6. Принципы исчисления семантики предметных областей. Дисс... доктора филол. наук. Москва, 1999. – 211 с.
7. Гордей, А. Н. Кэвэнь Сунь Типологические аспекты словообразования / А.Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной : сборник научных трудов / РИВШ ; под ред. А.Н. Гордея (отв. ред.), Лу Гуйчэн (зам. отв. ред.). – Минск, 2011. – С. 40-53
8. Энциклопедия всемирной истории [Электронный ресурс] / Дунс Скот Иоанн; редактор В. А. Румянцев – Режим доступа: http://hrono.ru/biograf/bio_d/dunsskot.php. – Дата доступа : 18.12.2021.
9. Яхонтов, С.Е. История лингвистических учений. Древний мир / С.Е. Яхонтов. – Л.: Наука, 1980. – 257 с.
10. 林麗香, 蔡育岱, 王啟明, 林文斌, 徐家平, 葉怡君 譚偉恩國際關係辭典/ 林麗香, 蔡育岱, 王啟明, 林文斌, 徐家平, 葉怡君 – 五南圖書出版股份有限公司, 2009.– 340 页.

УДК 330:1

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ БИЗНЕСА»

Ирина Гориш
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
gorish.i@polessu.by

В статье рассматриваются особенности реализации основных компонентов системного подхода в преподавании дисциплины «Философия бизнеса», акцентируется внимание на их тесной взаимосвязи, взаимообусловленности и необходимости для успешного решения задач изучения дисциплины.

Ключевые слова: философия бизнеса, системный подход, содержание дисциплины, бизнес, бизнес-среда, формы, средства преподавания

IMPLEMENTATION OF A SYSTEMATIC APPROACH IN THE PROCESS OF TEACHING THE DISCIPLINE "BUSINESS PHILOSOPHY"

Irina V. Gorish
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The article discusses the features of the implementation of the main components of a systematic approach in teaching the discipline "Business Philosophy", focuses on their close relationship, interdependence and the need for a successful solution of the problems of studying the discipline.

Keywords: business philosophy, systematic approach, content of the discipline, business, business environment, forms, teaching aids

Содержание дисциплины «Философия бизнеса» направлено на рассмотрение ряда вопросов, раскрывающих социально-философские, социокультурные, морально-этические компоненты предпринимательской деятельности.

Сущность системного подхода в процессе преподавания дисциплины «Философия бизнеса» проявляется в том, что относительно самостоятельные компоненты рассматриваются как совокупность взаимосвязанных компонентов: цели изучения дисциплины, содержание дисциплины, субъекты педагогического процесса: педагог и студент, методы, формы, средства педагогического процесса.

Рассмотрим, как комплексное использование указанных составляющих одного из важнейших методологических подходов в преподавании позволяет сформировать профессиональные компетенции студентов, основной из которых является генерирование новых идей на основе усвоенных знаний. Идея, направленная на изменение существующего положения вещей, становится механизмом развития. В этом смысле философия бизнеса – это не только совокупность взглядов, но и набор инструментов и техник, с помощью которых можно развивать культуру предпринимательства, формировать экономическую культуру личности [2].

Целью изучения дисциплины «Философия бизнеса» является актуализация и анализ движущих мотивов, сущностных характеристик, основополагающих принципов, ценностных ориентаций, идей, теории организации и функционирования бизнес-среды.

Для достижения обозначенной представляется необходимым решить следующие задачи:

1. проблематизировать сущность и специфику предпринимательства как особого вида инновационной экономической деятельности, основанной на продуктивно-творческой, а не на распределительно-потребительской мотивации;
2. проследить этапы эволюции предпринимательства и выделить его культурно-исторические основания.
3. раскрыть культурно-исторические, духовно-нравственные и религиозные основы предпринимательства и показать их легитимизирующую роль в конкретно-исторических условиях.
4. проанализировать нормы, регулирующие и мотивирующие социально ответственное предпринимательство в юридической, профессиональной, нравственно-психологической плоскостях, выявить условия, способствующие самоочищению предпринимательского сообщества и созданию в общественном сознании позитивного образа предпринимателя.
5. показать важную роль предпринимательства в реализации стратегии инновационного развития Республики Беларусь [1].

Специфика дисциплины проявляется в том, что курс построен не только вокруг истории философии бизнеса, но и вокруг философской технологии познания бизнеса как особой реальности, где смысл деятельности коренится не только в рациональных, алгоритмичных, поддающихся строго научному осмыслению феноменах, но и в иррациональных, эмоциональных, волевых проявлениях, которые зачастую не обусловлены сугубо материальными интересами и побуждениями. Курс ориентирован не только на ознакомление с авторскими концепциями бизнеса, но и на формирование у студентов способности самостоятельно определять стратегию мышления философского уровня. Результатом изучения является усовершенствование профессиональных компетенций студентов экономических специальностей, повышения их конкурентоспособности на рынке труда.

Интегрирование курса «Философия бизнеса» в учебные планы экономических специальностей осуществлялось с учетом содержания дисциплины. Так, курсы «Философия», «Культурология», «Экономическая теория», «Социология» изучаются в первом и втором семестрах. Усвоение студентами программного материала указанных учебных дисциплин позволяет им оперировать философскими и экономическими понятиями, обращаться к философским, экономическим и культурологическим теориям, использовать знания об особенностях функционирования общества при изучении «Философии бизнеса» в четвертом семестре.

Структурно содержание учебной программы объединяет девять тем, призванных раскрыть наиболее существенные элементы проблемного поля «Философии бизнеса». Первая тема посвящена анализу категориального пространства философии бизнеса, изучению основных понятий и определению круга проблем. Это вводная тема, раскрывающая цели, задачи и содержание курса. Помимо прочего, учебный материал включает в себя рассмотрение гендерных аспектов предпринимательства.

На семинарском занятии студентам предлагается такая форма работы, как написание эссе на тему «Портрет современного предпринимателя», предполагающее апелляцию к их индивидуальным знаниям и опыту. Отдельно в рамках первой исследуются проблемы духовно-нравственной легитимизации предпринимательства. Акцент делается на необходимости морального одобрения предпринимательства со стороны общественности и рассмотрении последнего не только как вида экономической деятельности, а как феномена, реализуемого во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Для формирования интереса к последующим темам преподаватель при изложении материла использует кейсовые задания.

Вторая тема раскрывает содержание основных концепций предпринимательской деятельности в западноевропейской философской литературе и в русской философии и культуре, что позволяет проследить и проанализировать этапы социально-философского осмысления предпринимательства. Это необходимо для более глубокого понимания обусловленности трактовки предпринимательства спецификой и требованиями отдельных периодов исторического развития западноевропейского и российского обществ. Подготовка к семинарскому занятию по изучаемой теме предполагает работу студентов с первоисточниками, реферирование и компиляция материала в соответствии с заданиями.

В третьей теме проанализированы основные подходы к систематизации теорий предпринимательства. Особое внимание акцентируется на социальных функциях бизнеса и специфических чертах (принципах) предпринимательства, которые позволяют раскрыть сущность этого вида хозяйственной деятельности. В качестве задания студентам рекомендуется выделить наиболее проблемные стороны предпринимательской деятельности и предложить способы ее совершенствования исходя из реальных и гипотетических социально-экономических условий в государстве.

Четвертая тема исследует бизнес и теорию деятельности. Наиболее важно понимать сущность бизнеса, как специфического вида деятельности человека, исследовать роль мотивов и мотиваций предпринимателей. В этой связи актуализируется вопрос социальной ответственности бизнеса. Осознание социального значения бизнеса и личного отношения предпринимателя к обществу позволяет решать ряд актуальных вопросов бизнеса в Беларуси и получить в будущем значительный социально-экономический эффект. Для успешной экономической деятельности субъекты бизнес-сообщества должны уметь адаптироваться и отвечать на вызовы, которые возникают в социальной обстановке, чтобы сделать эту обстановку более благоприятной для себя и общества. Форма проведения семинарского занятия по теме – дискуссия, в ходе которой студенты должны аргументированно отстаивать противоположные точки зрения в вопросе о соотношении частного интереса и общественного идеала.

Отношение основных конфессий – христианства, ислама и иудаизма – к предпринимательству раскрывается в пятой теме. Учитывая, что у любой культуры есть религиозные корни, важно не только проанализировать особенности религиозного восприятия бизнеса в каждой из упомянутых религий, но и показывать их важность при осуществлении предпринимательской деятельности. Таким образом, студенты смогут понять сложность явления предпринимательства, обратить внимание на его религиозную и нравственную составляющую. На занятиях важно подчеркнуть, что традиционное для Беларуси православие не просто не отвергает, но и наоборот считает справедливыми рыночные отношения. Каждая ситуация на рынке с позиции православия рассматривается как возможность исполнения божьей воли в служении людям

или испытанием устойчивости к искушениям. За человеком закрепляется право на собственность. «Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение. При каждой из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ» [4]. Православные традиции, нацеленные на приоритет духовной ценности в жизни человека, не пренебрегают ценностями материальной. В. Орлов признает, что «важным фактором влияния православия на становление экономического менталитета является то, что законы православия предписывали помощь ближнему и надежность слова… Православие воспитывает в людях глубинную приверженность к духовным ценностям, среди которых выделялось смирение» [3, с. 201]. Заданием для семинарского занятия по указанной выше проблематике выступает подготовка студентами докладов о примерах, иллюстрирующих успешную реализацию бизнес-проектов представителями различных конфессий.

В шестой теме исследуются этические основания бизнеса, зарождение и становление бизнес-этики в мире и в Беларуси, а также анализируются плюсы и минусы этоса бизнес-среды нашего государства. На занятиях, посвященных этой теме, отмечается, что фактор успешности бизнеса зависит не только от экономических условий осуществления бизнеса, но также обусловлен реализацией принципов и норм бизнес-этики. Деловая этика выступает как перечень моральных требований, регулирующих бизнес-отношения. Следование правилам бизнес-этики позволяет предпринимателям в процессе ведения бизнеса получать максимальную прибыль, служить клиенту, потребителю, обществу и способствовать самоочищению сообщества бизнеса и формированию положительного образа предпринимателя. На соответствующем теме семинарском занятии студенты получают задание ознакомиться и осуществить компаративный анализ российских дореволюционных кодексов ведения дел с современными российскими и белорусскими кодексами деловой этики.

Седьмая тема актуализирует значение бизнеса в процессе социализации личности. Вопросы самоидентификации личности в бизнесе обусловлены совокупностью ролевых позиций его субъектов, определяющих поведение человека, оказывающих влияние на достижение поставленных целей, перспективы бизнеса, его конкурентоспособность. Становление бизнесмена является результатом анализа многочисленных проблемных ситуаций, решения различной степени сложности задач, переживания чувства причастности к профессиональному сообществу, развертывание профессионально важных качеств и т. д. Проблемы, вызывающие наибольшие трудности среди субъектов бизнеса, – это проблемы многообразия статусного и ролевого наборов, противоречивых ценностных ориентаций и профессиональной неопределенности бизнеса в целом.

Изучению предпринимательской деятельности как формы коммуникации и социальной игры посвящена восьмая тема. Бизнес-коммуникации – это основной инструмент предпринимателя. Для достижения своих целей, бизнесмен должен постоянно коммуницировать с рядом людей, деятельность которых определяет успешность его бизнеса. В ходе рассмотрения темы преподаватель обращает внимание на то, что современное предпринимательство – сложное явление, которое сочетает производство коммерческих товаров и услуг, продвижение их на рынке, управление персоналом и рациональное распределение ресурсов. Поэтому коммуникации выступают средством сотрудничества, кооперирования, способствуют реализации целей работников, организации и общества в целом. На семинарском занятии студенты осуществляют работу с кейсами и формируют перечень рекомендаций для успешных бизнес-коммуникаций.

Замыкает курс рассмотрение предпринимательства как особого вида инновационной экономической деятельности. Предпринимательство имеет мощный инновационный потенциал и органически структурировано в государственную программу развития инноваций Республики Беларусь (ГПИР) на 2021–2025 годы. Предприниматель как субъект инновационной деятельности, является органическим синтезом совокупности изначально существующих качеств, а также приобретенных в ходе осуществления бизнес-деятельности качеств. Имманентные свойства включают в себя в первую очередь владение творческими методами, стремление к постоянному инновационному поиску, способность к реализации инновационной компетенции.

Следует отметить, что в процессе чтения лекций преподаватель активно использует мультимедийное оборудование для демонстрации презентаций, актуализируя аудио–визуальное восприятие.

Подводя итог изложенному выше, отметим, что результатом использования системного подхода в процессе преподавания дисциплины «Философия бизнеса» является формирование у студентов нового экономического мышления как атрибута элиты развития, что является государственным заказом, поскольку направлено на преобразование и совершенствование сферы социально-экономических отношений.

1. Гориш, И.В. Философия бизнеса: электронный учебно-методический комплекс: для подготовки студентов по специальности 1–23 0102 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (по направлениям)»

[Электронный ресурс] / И.В. Гориш, В.Л. Лозицкий; УО "Полесский государственный университет". – Пинск: ПолесГУ, 2021. – Режим доступа: https://rep.polessu.by/handle/123456789/23566. – Дата доступа: 10.01.2022.
2. Ермаков, С.А., Ермакова Е.В. Философия бизнеса в культуре предпринимательства [Электронный ресурс] / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/14.html. – Дата доступа: 12.01.2022.
3. Орлов, В.И. Философия бизнеса в обществах переходного типа: монография \ В.И. Орлов. [Электронный ресурс] Электронная библиотека. – Режим доступа: https://altairbook.com/go2/616741943.html. – Дата доступа: 10.01.2022.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] / Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html – Дата доступа: 27.01.2022.

УДК 378.02

THE STRUCTURE OF THE TUTORIAL "PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE" FROM THE SYSTEM APPROACH PERSPECTIVE

Svetlana N. Miziakina
Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Belarus
mizyakina_sn@mail.ru

The article explores from the system approach perspective the basic structure and content principles of the tutorial on the "Philosophy and Methodology of Science" for master students studying in English. It is outlined different views about functions that the tutorial should perform, including the author's opinion. The article then determines the system-forming factors for the tutorial and its main aims. It goes on to the author analyses the substrate and procedural teaching elements in the tutorial. The article then examines the tutorial's spatial, genetic, functional, horizontal, and vertical structure. The conclusion proposes the variant of structure for the tutorial "Philosophy and Methodology of Science".

Keywords: textbook theory, system approach, tutorial's structure, philosophy and methodology of science, tutorial for students studying in English

The modern educational process is characterised by a wide access of students to information. Therefore, the educational literature should be adapted to the new communicative situation and reflect the specifics of teaching students in English.

The research aim is to identify from the system approach perspective the basic structure and content principles of the tutorial on the "Philosophy and Methodology of Science" for master students studying in English.

In the systematic approach, the system is understood as a limited set of interacting elements that are in stable relationships with each other. Such unity has the characteristic of integrity. The system as a whole is thought to contain qualities that neither its elements, taken separately, nor a simple "arithmetic sum" of elements possess. It can be assumed that such an emergent property in the tutorial "Philosophy and Methodology of Science" is its ability to provide content for making up students' own minds about scientific claims in the wider philosophical contexts as well as their own values and beliefs. The curriculum for the above-mentioned discipline is structured in such a way that students can get to know various philosophical key ideas and value judgments. The student's task is to assemble their own world picture from these "puzzles".

The important system research stage is the determination of the system's functions in relation to other systems.

There is a large range of opinions about the main functions of the tutorials in the pedagogical literature. Their priority for authors depends on the discipline being studied, the target audience, the education level and other features. The following functions are most often distinguished:

- informational, the essence of which is that tutorials should convey the content of the studied science;
- teaching. This function means that tutorial is a way of organising the cognitive students' activity, the process of the education content's assimilation.
- didactic. "In general, the didactic function of a textbook is understood as its purposefully formed properties (qualities) as a carrier of the education content and the main book learning tool that most fully meets the intended purpose of the textbook in the process of implementing the content of education in the conditions of developing personality training" [3, p. 167]. In other words, the textbook should answer the questions "what to teach?" and "how to teach?"

– self-education. It is about learning how to acquire knowledge independently and how to work with a tutorial with the help of the tutorial itself [2, p. 31].

More additional functions are often mentioned such as:

- systematisation, consolidation and control;
- motivation;
- creative (development of creative thinking);
- developing personality (formation of a worldview);
- integration, etc.

D. D. Zuev and D. V. Chernilevsky add to them a transforming, coordinating, stimulating functions as well as the function of directing the teacher's activities [2, p.31; 3, p. 169, 174].

In our opinion, the didactic function includes many of the listed functions.

V. P. Bespalko insists on the leading role of teaching textbook's function [1, p. 107] as the textbook is no longer the main source of knowledge after the Internet emergence. "The purpose of the textbook is changing. It becomes not a carrier of information, but first of all a tool for organising teachers' and students' educational activities with an emphasis on independent activity" [5, p.13].

R. P. Kaisheva considers that the dialogue function is very important as it allows us to inspire student's reflective thinking process, teaches to raise questions and to answer them, encourages the search for the solution of problems [3, p. 171].

T. S. Nazarova believes self-educating, teaching, motivating and creative functions to be the main ones for the new generation textbooks [Quote by: 2, p. 32].

To our mind, the tutorial "Philosophy and Methodology of Science" for master students studying in English should perform not only teaching, didactic and informing functions, but also developing personality, motivating, creative and self-educating ones. After all, to form a worldview and to develop reflexive and critical thinking are the main aims for this discipline.

As the tutorial "Philosophy and Methodology of Science" is part of teaching system used in the learning process, the author should take into account interdisciplinary connections and general aims of the master education training. The difficulty is that this discipline is taught at all Belarusian universities. Hence, the specificity of each specialty is almost impossible to be considered in one tutorial. The solution may be in focusing the textbook's content on peculiarities of specialties groups (engineering, natural sciences, humanities, etc.). Since this tutorial is being developed for master students studying in English, it would be possible to concentrate on specialties with the largest number of students, studying in English in Belarus. However, unfortunately, there is no any data about master students, studying in English at Belarusian universities. For this reason, we will proceed from the fact that the target audience of the discipline "Philosophy and Methodology of Science" are future scientists and teachers. From this perspective, the tutorial "Philosophy and Methodology of Science" should concentrate on thinking about science as a social institution and research activity, as well as on philosophical issues of the scientific research methodology. A discussion on worldview issues also should be included in the tutorial, as some master students will become teachers.

We should note that the determination of internal and external system-forming factors is among the main system method requirement. Such factors are generated by separate elements and groups of elements combined into a system. We concluded that the main system-forming tutorial's factor is its aim. This involves the claim that the system elements are combined and function for a specific purpose. At the same time, we should keep in mind that the tutorial is an artificially created system. This peculiarity means that such system constructing methods are set from the outside in accordance with specific goals, and the elements have a sufficiently high certainty. For this kind of system, the external system-forming factors are highly important. As for tutorials, one such external system-forming factor is the peculiarities of Belarusian education system functioning.

Based on the above, the main aims of the tutorial "Philosophy and Methodology of Science" should be 1) the formation of knowledge, skills, and abilities for pedagogical and scientific research work; 2) the dependence of the young scientists' worldview training.

Another issue about tutorial "Philosophy and Methodology of Science" subsystems is worth considering further. These subsystems, i.e. the main structural parts are the introduction, sections (chapters), the list of references, various appendices (for example, glossary, some parts of philosophical texts, etc.). In turn, the sections (chapters) consist of smaller subsystems such as the introduction, key terms, topics' content, and questions for self-examination.

The smallest tutorial's part (the system element) is the teaching element. Lavrentiev G.V., Lavrentieva N.B., Neudakhina N.A. define it as "a logically complete piece of information has to be assimilated" [4, p.155]. The widely held view that there are substrate and procedural elements in the systems. Substrate elements carry certain properties of system objects, affecting the processes occurring in the system. Procedural elements are groups of

specific interactions inherent in a given system that ensure its integrity and functioning [7, p. 231-235]. In our opinion, the substrate elements in the tutorial are notions (their definitions), principles, laws, regularities, facts, phenomena, processes, qualities of the studied objects, etc. Procedural elements are all those mental operations that set up interconnections between the substrate teaching elements to ensure their understanding and assimilation by students, as well as ways to represent the substrate elements. The procedural tutorial elements include methods on constructing judgments and conclusions, types of argumentations, diagrams, graphs, mental maps, photos, pictures, etc.

The main factors, uniting elements in systems are similarity, complementarity and completion of growing. In our view, in the tutorial "Philosophy and Methodology of Science", the elements should be combined primarily on the complementarity principle, which ensures the connection of both homogeneous and heterogeneous system elements.

The important system method requirement is to determine the system's structure. Structure is a philosophical category denoting a set of stable connections between elements that ensure the system's integrity and the preservation of its basic characteristics during external and internal changes. Structural connections include spatial, genetic, functional types of connections [7, p. 230].

The tutorial's structure, according to the previous definition should represent interconnected teaching elements and subsystems.

The tutorial's spatial structure is related to the order of the sections, topics, teaching elements, as well as to the connections of the procedural elements.

Genetic links reflect the principles of continuity, causal dependence between teaching elements. For example, it is worth using such connections to present the history of philosophy. The main philosophical issues analysis also can be based on genetic linkage when we study different views on the issue in the history of philosophy. Almost everywhere, if causal dependence takes place, we are talking about the genetic type of relationships.

Functional links in the tutorial express the role that teaching elements and subsystems perform in relation to other teaching elements and to the entire text as a whole.

When analyzing the system, its horizontal and vertical structures should be identified. Horizontal structures reflect single-order components and vertical structures demonstrate hierarchically organized multi-level elements. In the textbook, the horizontal structure includes interconnected notions from different sections, which have the same scope and play the role of teaching elements. For instance, the key concept from anthropology is a man and the interconnected term from the social philosophy of the same scope is society. An example of a vertical structure is the concepts' hierarchy in the ontology section based on the concept's scope criterion. The most general category is being. Then goes matter and spirit as concepts that describe two subsystems of being. These categories have less scope than being. Further concretization on the category "matter" leads to the appearance of such concepts as nature and society. Nature can be divided into natural environment and technology. The natural environment consists of living nature and inanimate nature.

The tutorial's structure usually contains an introduction, sections (chapters, paragraphs), conclusion, list of references, glossary.

The introduction (preface) to the tutorial assumes a description of the pedagogical system's aims, which will be recreated with the help of a tutorial. These aims should be measurable and evaluated [1, p. 41]. Before each chapter, these parameters are detailed in accordance with the specific chapter aims [1, pp. 74-75]. In addition, the preface should justify the system and sequence in presenting the material. Before each chapter, the logical structure of its content can be indicated. For international students it is very useful to give a small glossary on the most important concepts for this chapter [1, p. 104]. Diagnostic of educational material is provided by control questions and tests placed at the chapter's end. Test answers are located at the end of the tutorial.

The textbook's structure can repeat the structure of the science, which basics it expounds. However, this is optional. The tutorial's "Philosophy and Methodology of Science" structure largely reproduces the main philosophy sections. Besides, its structure is largely determined by the Standard Program-minimum on candidate exams, approved by the Ministry of Education of the Republic of Belarus on 13.08.2012 [6]. The program contains an element of variability, associated with the presence of two modules in it. The author can focus on natural and technical science module or he may consider in more detail a socio-humanitarian module. It depends on the tutorial's target audience. In any case, the section "Philosophy of Science" is considered in detail. The epistemology section is not presented, because the epistemological problems are expanded and deepened in the section "Philosophy of Science". Among the other sections, most of the attention is paid to the social philosophy. As for the history of philosophy, philosophical trends of the 19th-21st centuries are mainly analyzed here. At the same time, it should be borne in mind that some of the students who graduated from universities outside Belarus did not study philosophy there. Master students from China and Muslim countries are not familiar with the Western cultural and philosophical traditions. Therefore, in the tutorial "Philosophy and Methodology of Science" for students studying in English, the

text should include a brief excursion into classical European philosophy and a comparative analysis of Eastern and Western philosophy.

1. Bespalko, V. P. Theory of the Textbook : Didactic Aspect [Text] / V. P. Bespalko. – M : Pedagogy, 1988. – 160 p.
2. Dubik, M. A. Modern Textbook and Its Construction (on the Example of a Personality-oriented Successive Textbook of Physics for Technical Universities) [Text] : monograph / M. A. Dubik. – Tyumen : TSOGU, 2010. – 120 p.
3. Kaisheva, R. P. Educational Book of a New Type as a Means of Active Pedagogical Support for Schoolchildren in Education [Text] / scientific. ed. N. I. Pushina. – Izhevsk : Publishing House "Udmurt University", 2012. – 380 p.
4. Lavrentiev, G. V., Lavrentieva, N. B., Neudakhina, N. A. Innovative Educational Technologies in Professional Training of Specialists [Text] / G. V. Lavrentiev, N. B. Lavrentieva, N. A. Neudakhina. – Barnaul : Publishing House of the Altai State University, 2004. – Part 2. – 232 p.
5. Nazarova, T. S. Strategy for the Development of Educational Books [Text] / T. S. Nazarova, Yu. P. Gospodarik // Pedagogy. – 2005. – No. 3. – P. 10-19.
6. Philosophy and Methodology of Science. The minimum program of the candidate exam in the general educational discipline "Philosophy and Methodology of Science" Minsk 2012 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.nihe.bsu.by/images/p-nihe/minimum_program_in_philosophy.pdf. – Access date: 22.06.2021.
7. Podporin, I. G., Miziakina, S. N., Oparin, A. Yu. Philosophy and Methodology of Science [Text] : a manual / I. G. Podporin, S. N. Miziakina, A. Yu. Oparin. – Minsk : BSATU, 2010. – 280 p.

УДК 376

ЦИФРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

Артем Приборович
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
priborovich@gmail.com

Автор статьи подымает проблему культуры памяти событий Великой Отечественной войны в условиях цифровой трансформации белорусского общества. Выводы статьи убеждают, что изучение событий войны невозможно осуществлять без разработки отечественными специалистами общенационального электронного банка знаний и активного его использования в учреждениях образования Беларуси.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, цифровизация, история Беларуси, Интернет, образование, банк знаний

DIGITAL REPRESENTATION OF INFORMATION ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM SPECIAL TO GENERAL

Artem A. Priborovich
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The author of the article raises the problem of the culture of memory of the events of the Great Patriotic War in the context of the digital transformation of the Belarusian society. The conclusions of the article convince that it is impossible to study the events of the war without the development by domestic specialists of a nationwide electronic knowledge bank and its active use in educational institutions of Belarus.

Keywords: The Great Patriotic War, digitalization, history of Belarus, Internet, education, knowledge bank

В условиях формирования в Беларуси инновационной экономики актуальным является цифровизация системы образования. Цифровизация белорусского образования стало продолжением обновления технико-ресурсной базы учебных заведений, начавшегося в конце 1990-х гг. Теперь в стране высокий уровень компьютеризации и доступности к сети Интернет, что делает возможным создание единого электронного продукта, который смог бы стать надёжным средством обучения и воспитания молодого поколения граждан. Отсутствие такого продукта может привести к размыванию цели национального образования и торможению формирования интегративных основ белорусского общества.

Составной частью идеологической и воспитательной работы в учреждениях образования, на основании которой формируется наша национальная идея, следует считать – культура памяти событий Великой Отечественной войны (ВОВ). Теперешние молодые граждане отличаются от ровесников 1990-х гг.

тем, что растут в условиях глобальной цифровизации: быстрее разбираются с техникой, осваивают компьютер и телефон, в их распоряжении средства массовой информации, IP-технологии, гаджеты и электронные программы.

Сегодняшние политические, социальные и экономические обстоятельства подталкивают к использованию цифровых технологий в воспитании учащихся. С этим, приоритетной становится воспитательная работа в урочной системе, когда применяются цифровые продукты. Создание государственных дидактических материалов в цифровом виде позволит избежать мифологизации событий истории Беларуси так как национальная безопасность страны начинается не только с территориальных границ, но и с оконных рамок цифрового мира, транслируемого посредством интернет-технологий.

Использование отечественного цифрового контента снижает информационные издержки так как поиск и анализ информации способствует усилению сплочённости людей, а также обеспечивает формирование патриотизма граждан в условиях цифровой трансформации. Чтобы заложить фундамент патриотических качеств у молодых граждан нужно учитывать не только развитие обучающегося в образовательном процессе, но и особенности современных средств массовой информации, которые влияют на сознание подростка. Поэтому важным является использование отечественного контента по истории ВОВ, который станет ответом на глобальную угрозу послевоенного переосмысления итогов Второй мировой войны. Ведь распространение социальных сетей и обмен сообщениями посредством таких сервисов, как Twitter, Facebook, WhatsApp, Viber и др., то, что мы называем транснациональные цифровые сети связи – привели к экспоненциальному увеличению глобального взаимодействия. Эти популярные средства массовой информации приводят пользователей в постоянный контакт друг с другом. Однако, растущая доступность этих услуг в сочетании с новыми возможностями для взаимодействия и общения в глобальном масштабе не редко ведёт к формированию искажённой системы понимания прошлого и настоящего.

Одним из направлений обновления формы изложения учебного контента по истории Беларуси нами видится в создании единого цифрового банка знаний. Под единым цифровым банком знаний мы понимаем – белорусское электронное пространство знаний, представляющее собой совокупность совместно объединённых на основе общего интернет-портала информационных систем и иных ресурсов, сформированных на базе научного, историко-культурного опыта белорусского народа, а также функционирующих на основе информационных технологий и принципов, которые обеспечивают логическую и смысловую взаимосвязь информации, а также алгоритмы поиска и извлечения её по запросу пользователей.

С января 2021 года в Республике Беларусь начат запуск «Единого информационно-образовательного ресурса (eior.by)», который создан для обеспечения работы учебных заведений общего среднего образования. Основным элементом ресурса является библиотека учебных материалов. Она структурирована по предметам, внутри по классам и разделам, которые сформированы на основе учебных программ. Ресурс создан в помощь учащимся, которые либо не могут посещать учебное занятие, либо не смогли в аудитории понять учебный материал. Конечно, мы не утверждаем, что данный ресурс станет тем единым банком знаний по учебным предметам, в том числе по истории, ведь предстоит ещё многое сделать по налаживанию его производительности: разработка удобной системы научно-справочного обеспечения работы пользователя, разнообразие учебно-научной информации, интерактивность и прочее.

Для такого чтобы понять каким образом должен быть устроен будущий единый банк (база) знаний по истории ВОВ (истории Беларуси) постараемся кратко охарактеризовать уже имеющийся отечественный и зарубежный опыт в разработке схожих электронных ресурсов.

Зарубежным лидером по разработке электронных ресурсов по истории ВОВ в сети Интернет является Российская Федерация. На протяжении последних 30 лет в частных и государственных коллективах России велась активная работа по: оцифровки исторических документов, записи документальных фильмов, заполнению БД, разработке учебно-методических материалов и др. Результаты этой работы размещены в свободном доступе на страницах интернет-ресурсов. Анализ сети Интернет позволил нам выявить около 100 подобных ресурсов («Память народа», «Мемориал», «Подвиг народа», «Дорогами памяти», «Летопись мужества» и др.), на которых представлена информация о: судьбах людей в годы войны; наличии в архивах документальных материалов о войне; инициативах отдельных граждан, участвующих в сборе сведений о погибших и без вести пропавших. Рассмотрим подробно ряд этих ресурсов.

«Память народа» – один из крупнейших проектов российского сегмента сети Интернет по истории ВОВ. В рамках проекта «Память народа» оцифровано и выложено в сеть 425 тысяч архивных документов фронтов, армий и других соединений Красной Армии (КА). Это оригинальные документы о ходе боевых действий, приказы, доклады командующих, оперативные описания боевой обстановки. Кроме того, отсканированы и систематизированы более 100 тысяч военных карт, с которых в последующем были введены в базу данных положения всех отмеченных на них воинских частей. На портале собрана и открыта

информация о местах первичных захоронений более 5 млн. солдат и офицеров, которые погибли в бою или умерли от ран и болезней в госпиталях и медсанбата [1].

Обобщённый банк данных «Мемориал», создан по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 году. В настоящее время ОБД «Мемориал» содержит почти 17 млн. цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн. именных записей о потерях КА в ВОВ. Обнародованы первичные места захоронений более, чем 5 млн. солдат и офицеров. В БД внесены имена 1 млн. военнослужащих узников фашистских лагерей [2].

Обобщенный банк данных «Подвиг народа» содержит около 13 млн. записей о награждении орденами и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Оцифровано и введено 22 млн. карточек учётной наградной картотеки и картотеки награждения орденами Отечественной войны I и II степени к 40-летию Победы [3].

Проект «Дорога памяти» – это общедоступная единая база данных о каждом участнике ВОВ. На момент написания статьи общее количество записей и фотографий БД об участниках войны составляло 3,41 млн. единиц [4].

Отличительной особенностью рассмотренных выше интернет-ресурсов является то, что во всех случаях куратором проекта выступает Министерство обороны Российской Федерации. Это ещё раз подтверждает, что в России на уровне государственной власти уделяется значительная финансовая и административная поддержка по разработке такого рода БД.

В Республике Беларусь накоплен большой опыт в мемориализации событий ВОВ. На протяжении нескольких десятилетий белорусский народ хранит память о событиях 1941-1945 гг., ставших для нас основой формирования национального самосознания. В каждом районе Беларуси есть музеи и музейные кабинеты, посвящённые войне. В сети Интернет белорусами достигнут также определённый успех в вопросе репрезентации отдельных тем истории ВОВ. Крупнейшими интернет-ресурсами, посвящённые указанной исторической теме являются: «Партизаны Беларуси»; «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны». Рассмотрим эти ресурсы подробно.

В 2013 г. Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь и Белорусский фонд мира при поддержке Российского фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» представили в открытом доступе электронную базу данных «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны». БД содержит сведения о белорусских деревнях, уничтоженных полностью и частично с населением и без жителей. База построена по алфавитному принципу и состоит из двух частей: информационной и иллюстрационной. Информационная часть содержит сведения: название населённого пункта и его административно-территориальная принадлежность с 1941 г.; характеристика населённого пункта, дата и количество уничтоженного населения; поисковые данные источников. Иллюстрационная часть содержит документы различных форматов, подтверждающие факты сожжения [6].

Проект «Партизаны Беларуси» создан с целью увековечивания памяти партизан, сражавшихся против нацизма в годы ВОВ, патриотического воспитания молодёжи, повышения гражданско-патриотического уровня населения и активизации поисковой работы. Информационный портал включает индивидуальную картотеку партизан и подпольщиков, краткую историю партизанского и подпольного движения в Беларуси, биографические сведения о белорусских партизанах – Героях Советского Союза, легендарных комбригах, боях и сражениях, связанных с партизанским движением. На конец 2021 г. на интернет-портале представлено свыше 180 тысяч персональных данных о партизанах [5].

В 2021 г. в целях увековечения и сохранения памяти поколения победителей Национальная академия наук Беларуси (НАНБ) выступила с инициативой всебелорусской акции «Народная летопись Великой Отечественной войны: вспомним всех!». НАНБ обратилась к руководству областных и районных исполнительных комитетов, к учреждениям образования и культуры, общественным организациям, всем заинтересованным гражданам с просьбой развернуть работу по сбору сохранившихся воспоминаний и фотографий участников событий войны. На основе соответствующих материалов будет создана электронная БД, которая может стать тем единым отечественным информационным ресурсом по истории ВОВ.

Таким образом, память о войне 1941-1945 гг. оказывается наиболее значительной составляющей национальной идентификации граждан Беларуси, нежели спорт и экономика. Это связано не только из-за особого места событий войны в семейной истории белорусов, но и вследствие государственной идеологии, построенной на культуре памяти событий войны. Однако распространение различных медиа, не подконтрольных государству, может привести к появлению новых версий прошлого, способных исказить историческую правду и тем самым снизить патриотизм людей.

Мы убеждены в том, что необходимо создать в Беларуси единый электронный банк знаний по истории ВОВ. Если говорить о сроках разработки такого рода ресурса, то скорее всего это будет сделано к 80-летию победы в ВОВ (2025 г.). Возможно, что Год исторической памяти (2022) и принятие обновленной Конституции ускорят процесс разработки этого информационного продукта.

Акселерация оцифровки архивных документов и разработка технической среды будущего банка знаний позволит снабдить образование качественным материалом, который станет основой обучения молодёжи по главной исторической теме нашего государства. Отметим, что в течении ближайших лет требуется также переосмысление предшествующего опыта разработки электронных образовательных ресурсов по истории. Так как при их создании нужно чётко следовать современной системе дидактических, методических, психологических, эргономических и эстетических требований. Комплексное соблюдение этих требований позволит создать ресурс, который будет востребованным среди преподавателей и обучающихся.

Опыт России помогает убедиться в том, что оцифровка отдельных исторических документов и их размещение в сети Интернет не всегда позволяет решить образовательные и научные задачи. Не редко, красочно стилизованные веб-проекты по истории ВОВ остаются не нужными пользователям, что попросту ведёт к потере средств. В нашей стране нет больших финансов по разработке серии подобных ресурсов и это требует от нас создать единый продукт, в котором будет интегрировано ранее созданное с новыми материалами, собранными учёными, педагогами и энтузиастами.

1. ИСК «Память народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/. – Дата доступа: 14.01.2022.
2. Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://obd-memorial.ru/. – Дата доступа: 14.01.2022.
3. Обобщенный банк данных «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://podvignaroda.ru/. – Дата доступа: 14.01.2022.
4. Проект «Дорога памяти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doroga.mil.ru/. – Дата доступа: 14.01.2022.
5. Проект «Партизаны Беларуси» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://partizany.by/. – Дата доступа: 14.01.2022.
6. Электронная база данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://db.narb.by/. – Дата доступа: 14.01.2022.

УДК 373.2

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Светлана Гагуа ; Руслан Гагуа

Государственное учреждение образования «Ясли-сад № 14 г. Пинска»
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
gagua@tut.by

В представленной статье рассмотрены различные аспекты воспитания чувства патриотизма у детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: патриотизм, Родина, методика, информационные технологии

EDUCATION OF CITIZENSHIP AND PATRIOTISM IN PRESCHOOL CHILDREN

Svyetlana V. Gagua ; Ruslan B. Gagua

State educational institution "Nursery No. 14 Pinsk" ; Polessky State University, Pinsk, Belarus

The presented article discusses various aspects of fostering a sense of patriotism in preschool children.

Keywords: patriotism, Motherland, methodology, information technology

Как утверждал В.В. Сухомлинский, детство – это каждодневное открытие мира и поэтому надо сделать так, чтобы оно стало, прежде всего, познанием человека и Отечества, их красоты и величия [6]. Формирование гражданственности и национального самосознания, патриотических чувств, нравственной, эстетической и экологической культуры – одна из основных задач реализации учебной программы дошкольного образования [9]. Именно нравственно-патриотическое воспитание является одним из

важнейших элементов общественного сознания, именно в этом основа жизнеспособности любого общества и государства, преемственности поколений [7].

Патриотическое воспитание в учреждении дошкольного образования основывается на планомерной и последовательной передаче ребёнку исторического и социального опыта белорусского народа, воспитании уважения к государственным символам страны. Интерес воспитанников к изучению объёмного материала в значительной мере зависит от содержания образовательного процесса.

Цель патриотического воспитания дошкольников – формирование первоначальных представлений о родном крае и уважительного к нему отношения, воспитание нравственности, патриотических чувств, гражданственности и трудолюбия, сопричастности к современным событиям, приобщение к национальным ценностям и культурным традициям [8].

Задачи патриотического воспитания определены в учебной программе дошкольного образования, а направления можно условно конкретизировать по следующему тематическому содержанию:

- История Беларуси: возникновение и развитие;
- Символы Беларуси;
- Достопримечательности Беларуси;
- Государственные и народные праздники;
- Люди, прославившие Беларусь;
- Народные промыслы и искусство;
- Белорусское народное творчество [9].

Образовательная деятельность с воспитанниками проводиться с использованием наглядного материала. Использование игровых приемов повышает познавательную активность детей, создает эмоциональную атмосферу. Систематизации представлений о родной стране способствует тематическое планирование, которое стало необходимым условием для целенаправленной работы, позволяет устанавливать логические связи между различного рода сведениями. Важно, чтобы воспитанники воспринимали материал, активно думали. Этому способствуют такие методические приемы, как сравнение, вопросы, индивидуальные задания, обращения к опыту детей, дидактические игры [1].

Эффективным средством является использование художественных материалов. И народные игры играют немаловажную роль в патриотическом воспитании [4]. В них отражается образ жизни людей, их труд, быт, национальные устои [3]. Народные игры, имея нравственную основу, учат дошкольников обретать гармонию с окружающим миром. Любовь маленького ребенка-дошкольника к Родине начинается с отношения к самым близким людям – отцу, матери, дедушке, бабушке, с любви к своему дому, улице, на которой он живет, детскому саду, поселку.

Педагоги используют в работе разнообразные методы и приёмы для обеспечения качественного образовательного процесса, такие как:

- традиционные, такие как наблюдения, рассматривание иллюстраций, чтение художественной литературы, экскурсии, рассказ, беседы и многое другое;
- большую роль в приобщении дошкольников к национальной культуре Беларуси занимают организация этнографических выставок, работа в музеях, созданных в дошкольных учреждениях, проведение праздников, ознакомление дошкольников с произведениями декоративно-прикладного искусства.
- так и интерактивные методы: диалог, мозговой штурм, деловая игра, метод проектов и др.;
- современная техника, компьютеры, мобильные телефоны, интернет-ресурсы, мультимедийные установки и другие средства информационно-коммуникационных технологии дают новые возможности педагогам в формировании патриотических чувств у воспитанников.

Широкомасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий в различные сферы деятельности человека способствовало возникновению и развитию глобального процесса информатизации.

Очевидно, что педагог, который ведёт занятия с использованием мультимедиа проектора, действует только в рамках традиционных технологий. Мультимедиа занятия, которые проводятся на основе компьютерных обучающих программ по всем образовательным областям, позволяют интегрировать аудиовизуальную информацию, представленную в различной форме (видеофильм, анимация, слайды, музыка), стимулируют непроизвольное внимание воспитанников благодаря возможности демонстрации явлений и объектов в динамике. В информационном обществе сетевые электронные ресурсы – это наиболее удобный, быстрый и современный способ распространения новых методических идей и дидактических пособий, доступный педагогам и специалистам независимо от места их проживания. Информационно-методическая поддержка в виде электронных ресурсов может быть использована во время подготовки педагога к занятиям, для изучения новых технологий, при подборе наглядных пособий к занятию, играм, взаимодействию с родителями воспитанников. Использование Internet-ресурсов позволяет сделать образовательный процесс информационно ёмким, зрелищным и комфортным.

Мы можем сейчас использовать необъятные просторы интернета для поиска необходимой информации, входят в практику использования методы визуализации: тренд, интерактивные плакаты,

интерактивные карты, мнемотехника, скрайбинг, которые повышают возможности педагогов в организации образовательного процесса.

Использование информационно-коммуникационных технологий – актуальное и эффективное средство для патриотического воспитания дошкольников, позволяющее показать и познакомить воспитанников с теми объектами, которые нет возможности увидеть в реальности, так как одни из них находятся в отдалённости (например, Беловежская пуща, или нет возможности поехать туда на экскурсию), а другие просто нельзя увидеть в их естественной среде обитания (например, рыбы в водоёме), или посмотреть процесс превращения льна в одежду на заводе, или увидеть как прорастает зернышко. Информационно-коммуникационные технологии используются при рассматривании наглядного материала, просмотре мультимедийных презентаций, мультфильмов, прослушивании песен и стихов, концертов прославленных коллективов и др. Используя разнообразные формы и методы патриотического воспитания, необходимо показать детям красоту своего родного города, познакомить с талантом белорусского народа, научить детей любить свой город и свою страну, и гордиться тем, что они живут в такой прекрасной стране, как Беларусь.

Патриотизм – это чувство любви к Родине, и прививать это чувство надо с раннего детства. Но чувство патриотизма обретается каждым человеком самостоятельно и переживается индивидуально. Поэтому, не будучи патриотом сам, педагог не сможет и в ребенке пробудить чувство любви к Родине.

Патриотические чувства и основные качества человека закладываются в процессе всей его жизни, деятельности, бытия. Ребёнок незаметно для себя естественно, ежедневно адаптируется к окружающей среде, природе, культуре и традициям своего народа.

Поэтому важно именно в детские годы сформируются основные качества человека, заполнить восприимчивую душу ребенка возвышенными человеческими ценностями, зародить интерес к истории Беларуси.

Воспитание чувства патриотизма у дошкольников – кропотливая работа, которая должна вестись систематически, планомерно, во всех возрастных группах, разных видах деятельности и по разным направлениям.

1. Гракова, К. Г. Твоя столица : заводы и фабрики Минска (*от 5 до 7 лет*) : учеб. нагляд. пособие для педагогов учреждений дошк. образования с рус. яз. обучения / К. Г. Гракова. – Минск : Народная асвета, 2016. – 16 с. – (Серия «Страницы родной земли»).
2. Евдокимова, Н. Н. Твоя столица: театры Минска (*от 5 до 7 лет*) : учеб. нагляд. пособие для педагогов учреждений дошк. образования с рус. яз. обучения / Н. Н. Евдокимова. – – Минск : Народная асвета, 2016. – 16 с. – (Серия «Страницы родной земли»).
3. Горелова, Л.А. Твоя столица: стадионы и спортплощадки Минска (*от 5 до 7 лет*) : учеб. нагляд. пособие для педагогов учреждений дошк. образования с рус. яз. обучения / Л. А. Горелова. – Минск : Народная асвета, 2016. – 16 с. – (Серия «Страницы родной земли»).
4. Петрикевич, А.А. Твоя столица: парки и скверы Минска (*от 5 до 7 лет*) : учеб. нагляд. пособие для педагогов учреждений дошк. образования с рус. яз. обучения / А. А. Петрикевич. – Минск : Народная асвета, 2016. – 16 с. – (Серия «Страницы родной земли»).
5. Давидович, Е.Б. Твоя столица: архитектура Минска (*от 5 до 7 лет*) : учеб. нагляд. пособие для педагогов учреждений дошк. образования с рус. яз. обучения / Е. Б. Давидович. – Минск : Народная асвета, 2016. – 16 с. – (Серия «Страницы родной земли»).
6. Дубініна, Д. М. Выхаванне ў дзяцей цікавасці да беларускай мастацкай літаратуры і фальклору : дапам. для педагогаў устаноў дашк. адукацыі / Д. М. Дубініна. – Мінск : Новое знаніе, 2016. – 208 с.
7. Постановление Министерства образования Республики Беларусь 15 июля 2015 № 82 «Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи».
8. Образовательный стандарт «Дошкольное образование». – Минск, 2019.
9. Учебная программа дошкольного образования. – Минск, Национальный институт образования, 2019.

УДК 930 : 39 (476)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА «СЛАВЯНЕ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Александр Литвинский
Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь
litvinski@inbox.ru

В данной статье рассматриваются различные варианты интерпретации термина «славяне» в научных трудах по проблеме происхождения славян, созданных в конце XX — начале XXI века лингвистами, историками, археологами. Характеризуется позиция исследователей по анализируемой проблеме. Показывается методологическое значение данной интерпретации для понимания сущности славянского этногенеза.

Ключевые слова: славяне, праславянский язык, методология, этногенез, этнос, этноним, интерпретация

INTERPRETATION OF THE TERM «SLAVES» IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF THEIR ORIGIN (END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY)

Aliaksandr Litvinski
Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

This article discusses various interpretations of the term "Slavs" in scientific works on the problem of the origin of the Slavs, created in the late XX - early XXI century by linguists, historians, archaeologists. The position of researchers on the analyzed problem is characterized. The methodological significance of this interpretation for understanding the essence of the Slavic ethnogenesis is shown.

Keywords: Slavs, Proto-Slavic language, methodology, ethnogenesis, ethnos, ethnonym, interpretation

Исследователь, приступая к изучению некоего феномена, в первую очередь должен для себя уяснить, какой смысл он вкладывает в формулировку предмета своего исследования. Ошибка терминологического характера здесь сродни ошибке в первом действии решения математической задачи – если она допущена, то положительный результат уже никак не будет достигнут. Этот тезис верен и в отношении такой всегда актуальной и ещё далёкой от достаточно удовлетворительного решения научной проблемы, как происхождение славян.

Рассуждая о славянском этногенезе, мы обязательно должны ответить на вопрос: что и кого мы ищем в глубинах исторического прошлого? На первый взгляд, ответ на него очевиден: нас интересуют истоки этноса, давшего начало народам славянской языковой группы индоевропейской языковой семьи. Однако не будем спешить с ответом, поскольку даже поверхностное изучение рассматриваемой проблематики приводит нас к выводу: строго говоря, нет неопровержимых доказательств существования данного этноса до VI в. Более того, не доказано, что склавины, упоминаемые в исторических источниках ранневизантийского времени, в трудах Иордана, Прокопия Кесарийского и других авторов [1, с. 98—399], – это и были искомые славяне в близком к традиционному понимании, и только они являлись предковым этносом. Ведь и Иордан, и Прокопий Кесарийский, сообщая читателям о склавинах, каждый по-своему, но подчеркивают их родство с антами. Иордан указывает на принадлежность и тех, и других к венетам [1, с. 106—109], а Прокопий – на общее происхождение склавинов и антов от неких «споров», о которых совсем ничего не известно, да и вообще, на чрезвычайную схожесть, вплоть до идентичности, «совершенно варварского» языка и обычаев этих двух народов [1, с. 182—185]. Это даёт некоторые, но не бесспорные основания считать и антов первыми известными истории славянами.

В связи с этим представляет интерес мысль известного российского археолога-слависта, исследователя Пражской археологической культуры И. О. Гавритухина, высказанная им в одном из интервью: «Был конкретный народ, который так и назывался «славяне». Он так назывался в письменных источниках, греко- и латиноязычных (в соответствии с их произношением – «склавены», «стлавины» и тому подобное), и, что очень важно, – из этих же письменных источников следует, что представители этого народа сами себя называли славянами» [2]. И далее по тексту: «Так что «происхождение славян» (и вопрос о достоверных известиях) – две разные проблемы, потому что одно дело – происхождение конкретного народа, имеющего такое название, другое – происхождение достаточно обширной общности, связанной

близостью языка и других сторон культуры» [2]. Население ареала Пражской археологической культуры И. О. Гавритухин здесь склонен отождествлять только со славянами в узком значении этого термина, не ставя знак равенства между ним и славянами вообще. В качестве аналогии археолог приводит параллели с финнами как отдельным народом и финнами как носителями соответствующих языков, а также похожий пример с тюрками [2].

Разумеется, когда ученые ведут речь о славянском этногенезе, они, за очень редким исключением, имеют ввиду происхождение славян в целом, а не только склавинов. При этом они сталкиваются с трудностями методологического характера. Возьмём, например, лингвистов-компаративистов. Хронологически первый достоверно существовавший славянский язык, им известный – это старославянский язык. Самые ранние созданные на нём и дошедшие до нас письменные источники относятся к X в. В этом языке наличествуют архаические черты, восходящие, по-видимому, к общеславянскому периоду, однако старославянский язык лингвисты уверенно относят к южнославянским с присущей данной подгруппе спецификой, прежде всего, фонетической, а это означает, что его нельзя считать предковым для всех славян, ибо из него фактически невозможно вывести непротиворечивым образом более поздние восточнославянские и западнославянские языки.

Однако более ранних памятников славянской письменности нет, и не предвидятся их находки. Выход из положения лингвисты ищут в реконструкции предкового языка согласно законам и правилам компаративистики. О трудностях, подстерегающих ученых на этом пути, интересующийся читатель может узнать из труда известного американского слависта Х. Бирнбаума [3]. В рамках же рассматриваемой нами темы следует заметить, что сам термин «праславянский язык» как будто указывает на некоторую неопределённость. Если такой язык существовал, то из этого вовсе не обязательно следует, что его носители считали себя славянами, иначе в названии языка можно было бы обойтись без префикса *пра-*. В компаративистике, кстати говоря, иногда употребляется и столь же неопределённый термин «протославянский язык» как обозначение некоего диалекта индоевропейского, причем предполагается весьма раннее, еще в бронзовом веке, выделение этого диалекта среди других, а также эволюция к праславянскому состоянию, весьма растянутая во времени [4].

Впрочем, тот же Х. Бирнбаум употребляет и словосочетание «славянский язык», когда повествует о его разновременных контактах с тохарским и алтайским, точнее говоря, с каким-то из алтайских (гуннским или аварским) [5]. Следует отметить, что связи языка, из которого произошел славянский, с тохарским (тохарскими), относятся, опять же, к бронзовому веку (более точная хронологическая привязка представляется невозможной), а вот связи с алтайскими языками грозных восточных завоевателей датируются периодом Великого переселения народов, поэтому употребление в первом случае термина «славянский язык» сомнительно, а во втором – пожалуй, правомерно.

Как бы то ни было, самые древние славяне в понимании компаративистов – это славофоны, носители соответствующего языка на различных стадиях его развития, пусть себе эти стадии языковеды определяют и интерпретируют по-разному. Но иногда создаётся впечатление, что лингвисты имеют склонность рассматривать историю языка в каком-то отрыве от истории его носителей (речь здесь идёт о дописьменном периоде развития языка). Предпринимаемым попыткам увязать глоттогенез с историческими и географическими реалиями не хватает конкретики и убедительности. Обычно лингвисты даже не берутся рассуждать о существовании этноса под названием «славяне», предпочитая говорить именно о носителях праязыка и его диалектов, хотя понять их можно – ведь в их задачу не входит анализ исторических событий.

Определённым исключением из преобладающей тенденции является творчество выдающегося советского и российского компаративиста О. Н. Трубачёва. Он достаточно смело утверждал о древности и относительной стабильности общеславянского этноса, истоки которого он видел на Среднем Дунае – там, где их видел автор известного текста «Повести временных лет» [6, с. 11]. В интересующем нас контексте важна мысль ученого о том, что «возобладавшая в последнее время (хотя на самом деле очень старая) этимология этнонима *славяне* как «ясно говорящие» (то есть «свои», «наши», в конечном счете) очень правдоподобно характеризует этот этноним в духе развиваемых здесь *[в цитируемом труде О. Н. Трубачёва – А. Л.]* идей – и как относительно новый, и как выросший на базе доэтнонимической психологии» [7, с. 9].

Необходимо, пожалуй, пояснить эту мысль исследователя. О. Н. Трубачёв считал, что долгое время славяне, будучи реальным этническим сообществом, никак себя не называли, ибо не нуждались в этнониме, и без него различая «своих» и «чужих». Однако, хотя этноним «славяне» стал их самоназванием далеко не сразу, он, тем не менее, отразил их глубинные, древние представления о самих себе. Этим фактором ученый стремился объяснить противоречие между постулируемым им пребыванием славян в Подунавье еще с бронзового века и их неизвестностью для античных авторов.

Подобная позиция лингвиста, высказываемая им и значительно раньше (во всяком случае, не позже 1980-х гг.), подверглась достаточно аргументированной критике. В частности, российский славист и византинист С. А. Иванов, исследовавший, кроме всего прочего, и феномен этнического самосознания, полемизируя с О. Н. Трубачёвым, резонно заметил, что «самосознание не возникает в отсутствие контакта с

другим обществом», а это, в свою очередь, означает, что «и про гипотетических самозамкнутых носителях праславянской речи можно сказать, что если они не испытывали склонности к самоидентификации, то и не были славянами в строгом смысле слова» [8, с. 8].

От себя добавим, что если славофоны не были известны античным авторам под названием «славяне», то можно было бы ожидать, что последние знали их под каким-то другим именем – ведь от центров греко-римской цивилизации до Среднего Подунавья не так уж далеко. Однако такого в исторических источниках не наблюдается. Описание народов рассматриваемого региона в этих источниках не даёт оснований видеть среди данных народов славян, пусть себе и скрывающихся под неким псевдонимом. Да и вообще ситуация, при которой носители славянского или, если угодно, праславянского языка, находясь в достаточно оживлённом и благодатном регионе Европы, контактируя с соседями, долгое время не испытывали нужды в самоназвании, кажется довольно-таки маловероятной с точки зрения логики исторического процесса.

Можно, конечно же, предположить, следуя за Иорданом, что раньше славяне назывались венедами или венетами [1, с. 106—109]. Но, во-первых, это, скорее всего, экзоэтноним, которым славяне *сами себя* не называли (разве только вятичи, что довольно сомнительно). Во-вторых, (и здесь можно согласиться с О. Н. Трубачёвым [7, с. 9—10]), это периферийный по отношению к Среднему Подунавью этноним. Он в различной огласовке встречается в самых разных регионах Европы римского времени, но не в исторической Паннонии, примерно соответствующей Среднему Подунавью.

Следует также заметить, что знакомство с содержащими информацию о славянах самыми ранними историческими источниками склоняет к высказываемому с большой долей уверенности предположению о том, что славяне воспринимались создателями этих источников как народ новый, доселе им неизвестный. Особенно это чувствуется у Прокопия Кесарийского – вряд ли он бы сообщал о происхождении, внешнем виде и языке славян, если данная информация была бы уже известна образованным византийцам [1, с. 182—185]. Характерно, что, делая ремарку о языке склавинов и антов и называя его «варварским», Прокопий не предпринимает ни малейшей попытки хоть как-то его не то чтобы классифицировать – даже сравнить с каким-нибудь известным языком. А это наводит на мысль о том, что славянская речь не была известна ни ему, ни его предшественникам, поскольку славяне появились на берегах Дуная недавно (разумеется, в хронологическом измерении этого высокопоставленного византийца). Кстати, данный аргумент может косвенно свидетельствовать о том, что склавины и, видимо, анты, действительно были славофонами, во всяком случае, по состоянию на VI в.

Одним из аспектов рассматриваемой нами проблемы является соотношение между терминами «славяне» и склавины. По-прежнему преобладает мнение, согласно которому термин «склавины» (в разных фонетических и, соответственно, графических вариациях) является отражением в письменных греко- и латиноязычных источников самоназвания славян. Так, составители уже цитированного здесь «Свода древнейших письменных известий о славянах» передают в переводе лексемы «Sclaueni» (у Иордана) и «Σκλάβήνοι» (у Прокопия Кесарийского) как «славяне» [1, с. 106—107, 182—183]. Традиционно считается при этом, что звук [k] в этих словах вставной, как и вставные соответствующие буквы, ибо в греческом и латинском языках сочетание *-sl-* являлось недопустимым. При этом предполагается, что сами славяне произносили свой эндоэтноним как раз с этим сочетанием звуков – так же, как произносим его мы.

Однако известный российский археолог и историк М. Б. Щукин в своей концептуальной работе поостерёгся ставить знак равенства между понятиями «склавины» и «славяне», правда, не объяснив свою позицию [9, с. 122]. Возможно, в данном случае имеется ввиду то, что в письменных источниках нет прямых указаний на то, что славяне всегда и везде сами себя называли именно так и только так. Этим воспользовался американский исследователь Ф. Курта для того, чтобы вообще отрицать существование у склавинов общеславянской этнической идентичности и единого эндоэтнонима. Мы уже приводили в своих работах [10; 11] наиболее характерные цитаты из труда американского ученого, но повторим и здесь это цитирование ради удобства читателей, причем приведём выдержки и из оригинального англоязычного текста, и в переводе для того, чтобы по возможности избежать неточностей и двусмысленности.

Итак, Ф. Курта утверждает: «The name “Sclavene” was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnies on the other side of the northern frontier of Empire» («Имя «склавины» было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную конфигурацию народов по ту сторону северного рубежа империи») [12, p. 118—119]. В этой связи возникает ряд вопросов, которые уже задавались исследователями [13; 14]. Главный из них: а зачем это византийцам понадобилось? Да, иногда ранневизантийские авторы допускали некоторую небрежность в именовании народов, распространяя предыдущие этнонимы на вновь прибывших к границам империи, но здесь ведь в интерпретации Ф. Курты ситуация обратная – они почему-то решили назвать новым, им до этого совершенно неизвестным этнонимом конгломерат народов на север и северо-восток от Дуная.

По-видимому, Ф. Курта ощущал недостаточную убедительность своего тезиса и тут же в тексте «подправил» его указанием на то, что самоназвание всё же существовало: «It might be that “Sclavene” was

initially the self-designation of a particular ethnic group» («Быть может, изначально имя «склавины» было самоназванием отдельной этнической группы») [12, p. 119]. Такая противоречивость вызывает чувство некоторого недоумения, поскольку читатель должен поверить в существование склавинов только лишь как части «сложной конфигурации народов» и, опять же, в распространение этого имени на всю конфигурацию, произошедшее согласно непонятному произволу византийцев (непонятному, ибо не объяснённому в письменных источниках и даже не подтверждаемому этими источниками), которым это имя по скрытой для нас причине понравилось больше других.

Если у Ф. Курты прослеживается тенденция к фактическому отрицанию существования единого славянского праэтноса с собственной идентичностью и собственным самоназванием, то ряд исследователей пошел по прямо противоположному пути. Они сделали попытку найти истоки этнонима «славяне» в римской эпохе. Речь в данном случае идёт о приводимом Клавдием Птолемеем этнониме «ставаны» [1, с. 50—51, 59]. Так, российский ученый Д. А. Мачинский достаточно уверенно связывал со ставанами археологическую Культуру поздней штрихованной керамики, в которой видел корни славянства. В его интерпретации название «ставаны» имеет непосредственную связь с этнонимом «славяне» [15, с. 472—477].

Несколько по-иному расставляет акценты российский исследователь П. В. Шувалов [16]. Он, объясняя расхождения между терминами «ставаны» и «славяне», высказывает предположение, согласно которому первый из них – плод описки, в результате которой были перепутаны действительно похожие по начертанию буквы *l* и *t*. Так и появился термин «ставаны», приводивший в смущение многих ученых одновременно своим сходством с термином «славяне» и отличием от него.

Наконец, молдавский исследователь А. Романчук выдвигает оригинальную версию, согласно которой существовал термин «стлавене» как исходный [17, с. 49]. По его мнению, этот термин имеет этимологическую связь с лексемами «стелить», «расстилать», «тло» [17, с. 55]. Надо так понимать, что термин «славяне» первоначально означал не «говорящие понятно (владеющие словом)», а «распространённые».

Подводя итоги, следует отметить, что интерпретация происхождения, значения, степени распространённости термина «славяне» в исследованиях конца XX – начала XXI в. вовсе не сводится к решению некоего частного вопроса в рамках научного рассмотрения проблемы славянского этногенеза. Данная интерпретация имеет немалое методологическое значение. От того, как ученые понимают этот термин, зависит и построение ими гипотез, и предпочитаемые способы верификации этих гипотез.

Однако существует и обратная зависимость, когда методологические установки и результаты эмпирических исследований оказывают значительное влияние на понимание значения термина «славяне». И в данном контексте вопрос не сводится только к этимологии этой лексемы. Речь также идёт о её конкретно-историческом наполнении и трансформации, как фонетической, так и семантической, являвшейся результатом действия самых различных факторов.

1. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). Изд., 2-е, испр. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.: карты.
2. *Гавритухин, И. О.* Происхождение славян — две разные проблемы [Электронный ресурс] : — Режим доступа: http://www.rus-obr.ru/idea/1148. — Дата доступа: 09.02.2022.
3. *Бирнбаум, Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Х. Бирнбаум — М.: Изд-во «Прогресс», 1987. — 512 с.
4. *Трубачёв, О. Н.* Этногенез славян и индоевропейская проблема / О. Н. Трубачёв // Этимология. 1988—1990. — М., 1992. — С. 12—28.
5. *Бирнбаум, Х.* Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч. Вс. Иванов, С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. Примечания к статье) / Х. Бирнбаум // Вопросы языкознания. — М.: «Наука», 2003. — № 5. — С. 6—29.
6. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. — СПб.: Вита Нова, 2012. — 512 с.: 186 ил.
7. *Трубачёв, О. Н.,* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. — М., «Наука», 2003. — 489 с.
8. *Иванов, С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // Советское славяноведение — 1991. — № 5 — С. 3—13.
9. *Щукин, М.* Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы. —— 1997. —— С. 110—147.
10. *Литвинский, А. В.* Примордиализм и конструктивизм в исследовании этногенеза славян (конец XX — начало XXI века) / Государства Центральной и Восточной Европе в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. II Междунар. научн. конф., Пинск 24—25 ноября 2017 г. : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2017. — Вып. 2. — Ч. 1 — 227 с. — С. 185—192.
11. *Литвинский, А. В.* Методологические аспекты локализации прародины славян в историографии конца XX — начала XXI века // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». Выпуск 6, декабрь, 2018. — С. 28—36.

12. *Curta, F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Lifeand Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.
13. *Иванов, С. А.* «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности / С. А. Иванов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования — Санкт-Петербург, 2008. — № 2 (4). — С. 5—12.
14. *Шувалов, П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) / П. В. Шувалов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования — Санкт-Петербург, 2008. — № 2 (4). — С. 13—20.
15. *Мачинский, Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 460—538.
16. *Шувалов, П. В.* Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П. В. Шувалов // Stratum plus, 2013. ——. № 4. —— С. 75——89.
17. *Романчук, А.* *Стлявене как исходная формула этнонима «славяне»: контуры гипотезы // Філологічний часопис. Вип. 1 (7), 2016. — С. 48—59.

УДК 373(476)

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Сергей Панов
Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь
swpanow@gmail.com

В статье рассматривается многофакторность в развитии школьного исторического образования в Республике Беларусь. Собственно педагогические факторы представлены трансформациями в целеполагании и содержании образования. Общественно-политические факторы опосредованы оформлением государственной исторической политики. Социокультурные факторы раскрываются через понимание образования как социального института.

Ключевые слова: школьное историческое образование; педагогические, общественно-политические, социокультурные факторы развития

MODERN FACTORS OF DEVELOPMENT OF SCHOOL HISTORY EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Sergey V. Panov
National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article discusses the multifactorial in the development of school history education in the Republic of Belarus. Actually, pedagogical factors are represented by transformations in the goal-setting and content of education. Socio-political factors are mediated by the formulation of the state historical policy. Sociocultural factors are revealed through the understanding of education as a social institution.

Keywords: school history education; pedagogical, socio-political, socio-cultural factors of development

Школьное историческое образование является важнейшим фактором обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности суверенной Республики Беларусь. Как многокомпонентная социально-педагогическая система образование имеет многофакторный характер своего развития. Оно служит механизмом трансляции историко-культурного наследия Беларуси, что связано с усвоением личностью обучающихся социально значимого исторического опыта современной белорусской нации. Как правило, преобладает достаточно прагматичный собственно педагогический фактор изучения исторического образования на уровне общего среднего образования с позиции реализации основных компонентов педагогической системы: целеполагания и функционала, дидактико-методических аспектов усвоения содержания и используемого для этого инструментария, результативности и ее оценки. При этом латентно существующая связь между государственным заказом системе школьного исторического образования, выраженном, например, в образовательных стандартах, и дидактическим конструированием его содержания, определяемом в т.ч. деятельностью Государственной комиссии по подготовке учебников в гуманитарно-

обществоведческой сфере, более зримо проявляется в качестве актуальных общественно-политических факторов через оформление государственной исторической политики. Так, в целях формирования объективного отношения общества к историческому прошлому Указом Президента Республики Беларусь 2022 год объявлен годом исторической памяти. Историческая память в качестве целеполагания школьного исторического образования была обозначена в утвержденной Министерством образования Республики Беларусь дидактической Концепции учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» еще в 2009 г. [7]. Принятый в 2018 г. образовательный стандарт общего среднего образования определяет приоритетность формирования у обучающихся целостного представления об историческом процессе при усвоении социально значимых знаний, которые имеют ключевое значение с точки зрения гражданского воспитания [8]. В соответствии с п. 49. Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (2019 г.) требуется дальнейшая последовательная реализация государственной исторической политики, направленной на закрепление в Беларуси белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти [6]. В 2022 г. при Администрации Президента Республики Беларусь создан Республиканский совет по исторической политике в целях сохранения исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа, а также формирования историко-государственного мировоззрения. Обозначенная совокупность комплексных мероприятий педагогического и общественно-политического характера свидетельствует о наличии социокультурного фактора развития школьного исторического образования как социального института, обеспечивающего преемственность поколений в условиях формирования у обучающихся исторической памяти и национально-культурной идентичности как их социально-личностных характеристик. Выделенные автором три группы современных факторов развития школьного исторического образования далее конкретизируются в содержании статьи.

Педагогические факторы развития школьного исторического образования детерминированы переходом от так называемой ЗУНовской парадигмы образования, направленной на формирование у обучающихся знаний, умений, навыков, соответствующих сложившимся представлениям, связанным с индустриальным характером развития белоруского общества, к личностно-ориентированным результатам. В постсоветский период в Концепции исторического образования в средней школе Беларуси (1991 г.) и национально-государственной Концепции истории и исторического образования (1993 г.) в качестве целеполагания было определено осознание национальных особенностей Беларуси и возрождение исторической памяти с позиций этнонационального фактора [1; 4]. Это обусловило особое внимание к истории Беларуси, которая не имела статуса самостоятельного учебного предмета и изучалась как составная часть истории СССР. Трансформация учебного предмета «История Беларуси» была детерминирована процессом утверждения государственного суверенитета Республики Беларусь первоначально в рамках сциентической парадигмы образования («обогатить память») и в контексте осмысления обучающимися теоретических основ всемирно-исторического процесса, что вполне объяснимо с позиции накопления исторической наукой и образованием научных фактов и преобразованием их в учебные исторические знания. Так называемый «знаниевый» приоритет в изучении истории все еще определяет своеобразную дуалистичность целеполагания на рубеже XX–XXI веков, в котором обозначенное формирование ценностных ориентаций личности на основе воспитания патриотизма, развития гражданского и национального самосознания является все еще вторичным по отношению к обучению. Так, например, в учебной программе по учебному предмету «История Беларуси» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, утвержденной в 2021 г., в качестве цели изучения учебного предмета указано овладение учащимися основами систематизированных теоретических знаний о важнейших процессах истории Беларуси XIX –начала XXI в. и способами деятельности, необходимыми для формирования мировоззрения личности и ее жизненного опыта, личностных гражданско-патриотических и национально-культурных ценностных ориентаций, успешной социализации в современной социокультурной среде [2]. В соответствии с Концепцией учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» (2009 г.) была в качестве перспективной обозначена задача формирования у учащихся исторической памяти и национальной идентичности. Данные концепты были представлены как социально-педагогические категории. Историческая память трактуется в указанной Концепции как все виды информации о событиях прошлого, их времени и месте, участниках исторических событий, а также как способность дорожить историческими традициями своего народа [7]. При этом актуализируется целеполагание, связанное с переводом исторической памяти из формализованной социально-педагогической категории в личностное качество обучающихся. Национально-культурная идентичность как компонент целеполагания в Концепции 2009 г. характеризуется как комплексная и конкретная эмоционально-психологическая политико-идеологическая и культуросообразная позиция личности, которая проявляется в восприятии и идентификации себя в окружающем мире с точки зрения представителя современной белорусской гражданской нации, имеющей глубокие исторические корни. В условиях современной глобализации актуализируется задача формирования национально-культурной идентичности обучающихся, учитывающей усвоение ими комплекса достижений представителей

белорусской нации в области материальной и духовной культуры как территориально-культурных и национально-государственных маркеров. При этом традиционный функционал сохранения и трансляции историко-культурного наследия Беларуси дополняется необходимостью учета особенностей полифигуративной модели межпоколенной коммуникации при наследовании накопленного социального опыта новым культурно-историческим типом личности информационного общества в условиях разнообразия и неопределенности современного мира, а также развития цифровых технологий. Приоритетной задачей становится формирование качеств личности, способной к определению своих ценностных ориентаций на основе переживания и осмысления социального и исторического опыта нации, страны, государства, применяющей знания и умения в учебно-познавательной деятельности, социальных практиках, собственной жизнедеятельности.

Общественно-политические факторы развития школьного исторического образования Республики Беларусь на современном этапе обусловлены манипуляцией общеизвестными историческими фактами, попытками искажения и фальсификации истории, ее переписыванием в угоду политической конъюнктуре без учета возможных долгосрочных деструктивных последствий. В этих условиях актуализируется необходимость реализации государственной исторической политики, которую белорусская академическая историческая наука сущностно считает способом создания того необходимого образа прошлого, который должен способствовать консолидации общества [5]. Сохранение коллективной исторической памяти является неотъемлемой частью политики государства, направленной на предупреждение средствами школьного исторического образования искажения идентификационной исторической основы путем создания механизма преемственности в общественном сознании важнейших событий, явлений, процессов истории, деятельности выдающихся личностей. Формирование консесуса в коллективной исторической памяти и самой ее модели находится в процесс своего складывания, о чем свидетельствует установление в 2021 г. Дня народного единства 17 сентября в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь, являющееся институциональным аспектом современных белорусских практик коммеморации. Особую роль в формировании исторической памяти имеет концепт белорусской национальной государственности, который является полидисциплинарным интеллектуальным продуктом белорусской академической исторической науки, выработанным на протяжении 2011–2019 гг. и реализованным в содержании школьного исторического образования, в т.ч. новом поколении учебной литературы по истории Беларуси [5]. Данный концепт в принципиально новой его трактовке характеризуется как внутренняя потенциальная способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Для белорусов по результатам исследования Института социологии НАН Беларуси (2016 г.) наиболее знаковыми событиями их прошлого является Победа советского народа в Великой Отечественной войне, распад СССР и Чернобыльская катастрофа [3]. Принципиальным является реализация не конфронтационной (разделяющей), а объединяющей различные поколения модели исторической памяти. Указанная совокупность общественно-политических факторов актуализирует роль школьного исторического образования в реализации политики памяти на государственном уровне, которая предусматривает выбор особо значимых событий для достижения актуальных политических целей в рамках тенденции, связанной с политизацией истории.

Социокультурные факторы развития школьного исторического образования в Республике Беларусь детерминированы состоянием современного белорусского общества как общества транзитивного типа, в котором решается проблема формирования человеческого капитала, т.е. личности обучающихся, умеющих эффективно интегрироваться в существующую социокультурную среду и успешно адаптироваться к изменениям, происходящим в мире, быть готовыми уметь учиться на протяжении всей жизни. Актуализируется целесообразность использования потенциала школьного исторического образования в формировании базовых умений XXI века, среди которых креативность личности, ее критическое мышление, продуктивная коммуникативность и плодотворное сотрудничество. Перечисленные качественные характеристики личности обучающихся связаны с развитием функциональной грамотности в социально-гражданской области, которая предполагает сформированность активной гражданской позиции, приоритет чести и личного достоинства с учетом взаимосубъектного характера коммуникации, умение работать в команде для достижения общих целей и взаимодействовать с теми, чьи интересы и взгляды отличаются от собственных. Принятие в 2021 г. Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022 – 2025 годы обуславливает особое внимание к проблемам гражданского воспитания учащейся молодежи в условиях, когда достаточно прочно сохраняются архетипы адаптационной парадигмы образования, сохраняющей в качестве традиционной основы стабильности идеалы индустриального общества, а перспективы реализации трансформационной парадигмы образования ориентированы на формирование таких интегративных качеств личности как историческая память и национально-культурная идентичность. Патриотизм с учетом процесса и этапов социального взросления обучающихся целесообразно рассматривать как ценностное отношение личности к Родине и стране, Отечеству и государству. Такая актуализация патриотизма учитывает его эволюцию, начиная с территориально-культурного уровня,

связанного с формированием отношения личности обучающегося к Родине (в т.ч. малой родине), к Отечеству (Бацькаўшчыне), к истории и культуре Беларуси и проявляется далее в гражданском патриотизме. Гражданский патриотизм, как многокомпонентное социокультурное явление и социально-нравственная ценность личности отражает ее сопричастность с современной гражданской нацией, суверенной государственностью Республики Беларусь.

Таким образом, три группы определенных автором факторов школьного исторического образования в Республике Беларусь (педагогические, общественно-политические, социокультурные) детерминируют комплексное его развитие как многокомпонентной педагогической системы и как социального института в соответствии с адаптационной и трансформационной парадигмами образования, а также транзитивным характером белорусского общества в условиях формирования собственно белорусской модели исторической памяти и реализации государственной исторической политики.

1. *Біч, М. В.* Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі / М. В. Біч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 15–24.
2. Гісторыя Беларусі : вучэб. праграма для 11 кл. устаноў адукацыі, якія рэалізуюць адукац. праграмы агул. сярэд. адукацыі. з беларус. мовай навучання і выхавання / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь. – Мінс : НІА, 2021: https://adu.by/images/2021/08/Ucheb_program_Gistoriya_Belarusi_11_pov_bel.pdf. Дата доступа : 08.02.2022.
3. *Денисова, Н. Ф.* Историческая память белорусов: социологический анализ / Н. Ф. Денисова, Н. М. Бровчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 21–32.
4. Канцэпцыя гістарычнай адукацыі ў сярэдняй школе Беларусі / І. І. Багдановіч, М. В. Біч (кіраўнік калектыву), Г. А. Космач, А. М. Люты, У. К. Пляшэвіч // Настаўніцкая газета. – 1991. – 30 лістапада. – С. 2–3.
5. *Коваленя, А. А.* Историческая политика в национально-государственном строительстве современной Беларуси / А. А. Коваленя, Арчаков В. Ю., Данилович В. В., Баньковский А. Л. // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2019. – № 4. – С. 3–12;
6. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь // СБ Беларусь сегодня. Спецвыпуск. – 2019. – 21 марта. – С. I–V.
7. Концепция учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» // Гісторыя : праблемы выкладання. – 2009. – № 7. – С. 3–7.
8. Об утверждении образовательного стандарта общего среднего образования. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 26 декабря 2018 г. № 125 // Настаўніцкая газета. – 2019. – 12 лютага. – С. 10.

УДК 81-119

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И АНАЛИЗ МЕДИАДИСКУРСА В АКТУАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ СЛОВАЦКИХ РУСИСТОВ

Иван Посохин
Университет им. Коменского в Братиславе, Словакия
ivan.posokhin@uniba.sk

В настоящей статье рассматривается актуальное состояние исследований в области политической лингвистики и анализа дискурса в словацкой русистике. Отмечается распространенность этих исследовательских направлений среди исследователей-русистов из различных научно-образовательных учреждений Словакии, рассматриваются их ключевые публикации с точки зрения разрабатываемых в них теоретических концепций и анализируемого материала.

Ключевые слова: политическая лингвистика, анализ дискурса, Словакия, русистика

POLITICAL LINGUISTICS AND MEDIA DISCOURSE ANALYSIS IN CURRENT PUBLICATIONS OF SLOVAK SPECIALISTS IN RUSSIAN STUDIES

Ivan Posokhin
Comenius University in Bratislava, Slovakia

The following article examines the current state of research in political linguistics and discourse analysis in Slovak Russian studies. It notes the prevalence of these research directions among Russian researchers from various scientific and educational institutions in Slovakia, examines their key publications in terms of theoretical concepts and analyzed material.

Keywords: political linguistics, discourse analysis, Slovakia, Russian studies

Изучение политической коммуникации, средств манипулирования сознанием аудитории со стороны политических субъектов, особой образности языка политики относится к активно развивающимся областям междисциплинарных исследований. Причем акцент в этих исследованиях может смещаться как в сторону, которая приближает их к «чистой» политологии, так и в сторону более глубокого лингвистического анализа. В последнем случае можно поэтому говорить об особой лингвистической дисциплине – политической лингвистике. Поскольку одним из основных каналов политической коммуникации являются различные средства массовой информации, логичным становится и тесная связь политической лингвистики с анализом медиадискурса, который становится одним из ее основных интерпретационных инструментов. В настоящей статье я хотел бы рассмотреть несколько публикаций, возникших в этой методологической парадигме и опубликованных в последние годы словацкими учеными-русистами.

Академическая русистика имеет в Словакии довольно продолжительную традицию: первое отделение, которое систематически занималась изучением русского языка и культуры, появилось в Университете им. Коменского в Братиславе уже в начале 20-х годов XX века, практически сразу после основания самого университета. Одной из характерных особенностей исследований словацких русистов был выраженный компаративный подход (один из ключевых трудов – «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» профессора-эмигранта Александра Исаченко). С течением времени кафедры и институты, которые так или иначе связаны с русистикой (в том числе в рамках славистики) начали открываться по всей Словакии (Трнава, Нитра, Банска Быстрица, Ружомберок, Прешов). Направления исследований, проводимых на этих кафедрах, естественно, носят разнонаправленный характер, однако одна из тенденций, которую можно наблюдать в лингвистической части этих исследований, это особый уклон в сторону тех субдисциплин, которые выходят за рамки чистого языкознания и обращаются к социальной, культурологической и политической проблематике исследуемого региона. Естественно, это может быть одним из ответов на вызовы, перед которыми стоит сегодняшнее гуманитарное образование и гуманитарная наука, от которых требуется все большая «рентабельность» и междисциплинарность, под которой можно понимать «научные исследования, которые проводятся в области, не имеющей четко очерченных границ, ориентированных на важные социальные проблемы, требующие и применяющие методы различных дисциплин» [1, с. 32].

Среди публикаций, которые обобщают теоретические подходы к изучению языка политики, нужно в первую очередь обратить внимание на вышедший в 2021 году университетский учебник «Politická lingvistika» («Политическая лингвистика»), написанный И. Дулебовой и Н. Цингеровой из Университета им. Коменского в Братиславе и Р. Штефанчиком из Экономического университета в Братиславе. В своей работе авторы опираются на актуальные теоретические подходы как в западной лингвистике (А. Буркхардт, Т. Нир, Н. Фэйрклоу, Р. Водак и др.), так и в российской (Э. Будаев, А. Чудинов, Е. Шейгал и др.), отмечают и работы словацких лингвистов (О. Оргонёва, Й. Сипко, Л. Гузи, Я. Галло, Л. Адамка и др.) [5, с. 12-16]. В дальнейших главах рассматриваются связи между языком и политикой, подчеркиваются различные способы и уровни его функционирования: и как языка, используемого в непосредственной политической коммуникации, и как языка журналистов, освещающих и анализирующих политическую жизнь. Отдельная глава посвящена основным объектам исследования политической лингвистики, к которым авторы относят предвыборные кампании, письменные тексты, формирующие политический дискурс, телевизионные дебаты, а также относительно новое явление – политический мем. Отдельное внимание уделяется способам репрезентации субъектов политического дискурса, моделирования образа политических событий, анализу тропов и риторических фигур в политической коммуникации. Также в работе затронуто и актуальное не столько в лингвистике, сколько в политологии и теории международных отношений, понятие секьюритизации, причем его интерпретация основывается на положениях теории секьюритизации Копенгагенской школы, которая, в свою очередь, исходит из теории речевых актов [5, с. 101]. Авторы учебника также посчитали нужным затронуть темы, которые непосредственно касаются «больных» тем сегодняшней политической коммуникации – популизма и теорий заговора. В качестве иллюстративного материала в учебнике используются материалы словацких средств массовой информации, а также знаковые дискурсные события российской политической жизни. Завершают учебник рассуждения об особенностях политической коммуникации в эпоху Интернета и социальных сетей, таких как ее большая интерактивность, «приоткрытие» ранее недоступного среднестатистическому гражданину политического «закулисья», а также снижение языковой культуры и возрастание роли адресата-обывателя.

Еще одной заметной публикацией, которая затрагивает проблематику политической коммуникации и, шире, общественного дискурса в современной России является написанная в соавторстве монография упомянутых ранее И. Дулебовой и Н. Цингеровой «Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze» («Язык и конфликт. Мы и Другие в российском общественном дискурсе», 2019). С методологической точки зрения авторы исходят из положений политико-философской теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф и, в большей степени, «венской школы» критического дискурс-анализа (Р. Водак). В рамках последней авторы монографии выбрали для себя два ключевых вопроса: как те или иные группы или события обозначаются с

помощью языка и на основании каких ключевых признаков эти группы или события вычленяются среди других групп и событий [4, с. 14]. Также в работе авторы оперируют идеей прецедентности, поскольку именно актуализация прецедентных феноменов (имен, слов, выражений, для полного понимания коннотаций которых необходим особый лингвокультурный фон адресата) им представляется как ключевая дискурсивная стратегия. Завершает теоретическую часть монографии раздел, в котором рассматривается семиотический подход к анализу политического дискурса, разработанный Е. Шейгал в ее книге «Семиотика политического дискурса». В следующих главах авторы сосредоточились на нескольких темах более широкого и более специфического плана. К первым можно отнести главы, в которых рассматривается лексическая речевая агрессия в российском медиадискурсе (в том числе на материале выступлений российского президента) и изменения в образе русской православной церкви в позднесоветский и постсоветский период истории России. Отдельная глава посвящена актуальной в настоящий момент оппозиции России и Европы, в связи с которой авторы отмечают: «В последние годы в российском общественном дискурсе нарастают тенденции рассматривать Россию как особую восточную ветвь европейской цивилизации, а также как на абсолютно самостоятельную, самобытную цивилизацию» [4, с. 34]. В этом видится основание для возникновения особой риторики в среде российской политики, подчеркивающей эту самобытность и противопоставляющей Россию «упаднической» Европе. Еще две главы, представляющие собой отдельные case-studies, посвящены моделированию образа «либерала» и «лица кавказской национальности» на различных идеологических уровнях российского общественного дискурса.

К политической коммуникации сквозь призму лингвокультурологии обращается в своих многолетних исследованиях Й. Сипко, русист из Прешовского университета. В наиболее актуальных публикациях он обращается к довольно чувствительным темам, связанным с образом СССР и России в медиадискурсе. В частности, в статье «СССР — только репрессии, деформации, застой?», опубликованной в 2019 году в журнале «Политическая лингвистика» рассматривается «отражение в дискурсе российских и словацких СМИ основных характеристик советского общества и государства, а также такого исторического события, как распад СССР», причем автор приходит к выводу, что в изученных им фрагментах медискурса наблюдаются «изменения общественного сознания в России, проявляющиеся в переоценке советского прошлого, в котором начинают отмечать не только отрицательные, но и положительные черты» [2, с. 193]. Еще более острой темы исследователь коснулся в статье «Vakcína sputnik v a protiruské asociácie» («Вакцина Спутник V и антироссийские ассоциации»), вошедшей в шестой по счету сборник «Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie» («Язык и политика. На границе лингвистики и политологии», 2021). В своей статье автор довольно полемично подходит к дискуссиям, которые развернулись в Словакии после закупки российской вакцины против Covid-19, и на основании рассмотренного им иллюстративного материала делает вывод, что в словацком медиапространстве «все, что связано с Россией, оценивается иначе, чем те же самые темы в контексте других государств» [10, с. 430]. В этом же сборнике, в который вошли материалы ежегодной международной конференции, организуемой Экономическим университетом в Братиславе, находится также статья Л. Гузи (также из Прешова), посвященная концепции «языковой личности», применение которой автор иллюстрирует на примере В. Ленина, И. Сталина, Л. Троцкого и У. Черчилля. Как отмечает автор в заключении своей статьи, «Постижение языковой личности на основании написанных ею текстов, на основании ее устной речи, направленности риторики и создания образа собственной политической личности представляет собой довольно широкую проблему. <...> Поэтому очень важно получить как можно больше информации о формировании данной личности и ее речи, автоматизированных речевых стереотипов, обусловленных и безусловных концептов уже с детского возраста» [6, с. 97]. В своем подходе к пониманию языковой личности исследователь исходит, прежде всего, из трудов Ю. Караулова. Можно обратить внимание и на статью М. Вазановой «T and V Forms of Address Used in Russian Political Discourse» («Использование обращений на Ты и Вы в российском политическом дискурсе»), в которой автор отмечает тенденцию к постепенной фамилиаризации в сфере общения субъектов российской политической жизни [11, с. 515]. Помимо этого, сборник «Язык и политика» демонстрирует определенную «преемственность поколений», так как в нем содержится и ряд публикаций аспирантов (Л. Худа, К. Ялова, Л. Крайчовичова, Л. Мадей), которые также развивают темы, находящиеся в теоретических и методологических рамках политической лингвистики [3, 7, 8, 9].

В заключение нужно отметить, что в данной статье, естественно, представлен лишь определенный срез исследовательской деятельности словацких русистов, в чей инструментарий входят подходы политической лингвистики и анализа медиадискурса. Тем не менее, даже на основании такого краткого материала можно сделать вывод о том, в каком русле проводятся исследования и какие темы выбираются исследователями для анализа.

Данная статья является одним из результатов реализации проекта VEGA 1/0452/21 «Jazyk sekuritizácie v súčasnom slovenskom verejnom diskurze».

1. Междисциплинарность в гуманитарном познании [Текст] / Н.А. Волкова, О.В. Катаева, М.А. Ходанович // Обсерватория культуры. – 2018. – № 15 (1) – 32-38 с.
2. Сипко, Й. СССР — только репрессии, деформации, застой? [Текст] / Й. Сипко // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77) – 193-201 с.
3. Chudá, L. Aktualizácia precedentnej výpovede „hranica Ruska sa nikde nekončí"
4. Cingerová N. Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze [Текст] / N. Cingerová, I. Dulebová. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2019. – 202 с.
5. Cingerová N. Politická lingvistika [Текст] / N. Cingerová, I. Dulebová, R. Štefančík. – Bratislava : Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 153 с.
6. Guzi, Ľ. Jazyková osobnosť politika – historická skúsenosť na rozhraí autora textu a politického praktika [Текст] / Ľ. Guzi. // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 84-100 с.
7. Jalová, K. Precedentné fenomény v idiolekte ruských politikov [Текст] / K. Jalová // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. Ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 143-151 с.
8. Krajčovičová, L. Metafora rodiny ako prostriedok modelovania brexitu v ruských mediálnych textoch [Текст] / L. Krajčovičová // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. Ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 219-228 с.
9. Madej, L. Špecifik diplomatického tlmočenia v staroveku [Текст] / L. Madej // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. Ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 248-255 с.
10. Sipko, J. Vakcína sputnik v a protiruské asociácie [Текст] / J. Sipko // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 417-433 с.
11. v politickom diskurze [Текст] / L. Chudá // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 124-131 с.
12. Vazanova, M. T and V Forms of Address Used in Russian Political Discourse [Текст] / M. Vazanova // Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie VI. Zborník príspevkov zo 6. ročníka medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM, 2021. – 508-515 с.

УДК 378.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Наталья Аксенчик
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
aksenchiknatalia@mail.ru

В статье рассматриваются дидактические возможности информационно-образовательной среды учреждения высшего образования в процессе преподавания цикла дисциплин гуманитарной направленности.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда, дидактический потенциал, информационно-коммуникативные технологии, образовательный процесс, учреждение высшего образования

FUNCTIONING OF THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF IGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN TEACHING HUMANITIES DISCIPLINES

Natallia Aksenchyk
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The article deals with the didactic capabilities of the information and educational environment of higher education institutions in the process of teaching a cycle of humanities disciplines.

Keywords: information and educational environment, didactic potential, information and communication technologies, educational process, institution of higher education

Обеспечение сферы образования теорией и практикой разработки и использования

информационных технологий является одним из важнейших средств реализации новой государственной образовательной парадигмы [1,2], способствующей созданию максимально благоприятных условий для формирования у будущих специалистов гибких, мобильных, многофункциональных знаний, направленных на решение профессиональных задач. Систематизирующим фактором условий успешного развития информатизации образования является информационно-образовательная среда (ИОС).

Анализ существующих исследований [3–5], а также практики функционирования информационно-образовательной среды учреждений высшего образования (УВО) в Республике Беларусь позволяет сформулировать ряд требований, учет которых целесообразен при ее построении:

- целостность и уровневая организация ИОС с учетом выделения ее содержательных компонентов (организационно-управленческий, учебный, научно-методический, внеучебный, коммуникативный, технологический) и этапов (аналитический, прогностический, конструкторский, моделирования стратегий и планирования, внедрения [5, с.52]) ее проектирования;
- учет принципов дидактического проектировании и развития ИОС (открытости, структурированной избыточности, многокомпонентности, диалогичности, адаптируемости, интегративности, нелинейности, ресурсной избыточности) [3];
- адаптированность ИОС к потребностям всех субъектов педагогического взаимодействия.

Построение информационно-образовательной среды ориентировано на то, чтобы на основе концептуального обоснования компонентного состава и принципов ее функционирования обеспечить целенаправленное и гарантированное получение требуемого результата.

Учет данных требований успешного функционирования ИОС УВО актуален при осуществлении не только образовательного процесса в целом, но и в контексте определенных дисциплин, в том числе гуманитарного профиля.

В процессе преподавания цикла дисциплин гуманитарной направленности формированию эффективного образовательного процесса способствуют следующие дидактические возможности высокоразвитой ИОС:

- интенсификация, повышение наглядности передачи учебного материала;
- индивидуализация обучения;
- увеличение доли самостоятельной работы за счет расширения технической и ресурсной базы изучения гуманитарных дисциплин и осуществления проектной деятельности;
- использование элементов дистанционной поддержки в рамках очного обучения.

Преподавание гуманитарных дисциплин в условиях функционирования информационно-образовательной среды требует обновления методики обучения, включения в нее новых элементов, связанных с отбором, созданием образовательных ресурсов и их использованием в различных формах учебного процесса. Применение потенциала ИОС в обучении гуманитарным дисциплинам должно учитывать специфику гуманитарной области знания, особенности представления и работы с информацией. Использование информационно-коммуникативных технологий в обучении гуманитарным дисциплинам может производиться в рамках традиционных форм организации учебного процесса (лекции, семинары, самостоятельная работа, контроля и др.), а также обусловливает возможность внедрения новых форм, основанных на информационных и коммуникационных технологиях представления и передачи учебного материала, способствующих интенсификации, индивидуализации учебного процесса, повышению наглядности в передаче и получении знаний. Среди инновационных форм наиболее дидактически емкой является проектная деятельность, обеспечивающая реализацию междисциплинарности, формирование умений и навыков самостоятельной исследовательской деятельности.

Функционирование информационно-образовательной среды при преподавании дисциплин гуманитарного цикла предполагает обязательные педагогические условия: мотивационная готовность всех участников образовательного процесса к применению средств информатизации для самообразования, готовность преподавателей работать в компьютеризированной среде, информационная компетентность студентов учреждения высшего образования, субъект-субъектные отношения и диалогичный стиль общения между преподавателями и студентами, обеспечение образовательного процесса научной, учебной и методической литературой по изучаемому направлению обучения.

Таким образом, информационно-образовательная среды учреждения высшего образования представляет собой систематизированное объединение условий, требований, компонентов, информационных ресурсов и технологий, оказывающих влияние на специфику и эффективность подготовки будущих специалистов.

Следовательно, высокоразвитая ИОС является средством и условием повышения эффективности обучения гуманитарным дисциплинам в УВО как в процессуальном (повышение эффективности процесса обучения), так и в результативном плане (достижение новых образовательных результатов), что позволит повысить эффективность системы подготовки специалистов в учреждении высшего образования, в том числе:

- обеспечит учреждение высшего образования качественными средствами информатизации, отвечающими потребностям системы подготовки специалистов;
- повысит мотивацию студентов к учебной деятельности и овладению будущей профессией;
- мотивирует преподавателей УВО к использованию информационно-коммуникационных технологий;
- будет способствовать развитию информационной культуры всех субъектов целостного педагогического процесса;
- активизирует научно-методическую и внеучебную работу студентов, направление которой с учетом ее специфики будет соответствовать профилю и содержанию подготовки к профессиональной деятельности;
- расширит содержание и методологию подготовки специалистов за счет интегрированного использования взаимосвязанных информационных ресурсов;
- повысит доступность и открытость информационных ресурсов, как в рамках локального учреждения высшего образования, так и в масштабах всей разноуровневой системы высшего профессионального образования.

1. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019—2025 годы / Минский городской институт развития образования. Центр информационных технологий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://iso.minsk.edu.by/main.aspx?guid=34963. — Дата доступа: 07.02.2022.
2. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года / Registr.by. Информационно-правовая система [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://registr.by/doc/1904179. — Дата доступа : 07.02.2022.
3. Аксенчик, Н.В. Научные принципы функционирования и развития информационно-образовательной среды современного УВО / Н.В. Аксенчик // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2021. – № 1. – С. 51–54
4. Лозицкий, В. Л. Информационно-образовательная среда вуза в аспекте ее полифункциональности / В. Л. Лозицкий // Выш. шк. – 2013. – № 5. – С. 51–56.
5. Сулейманов, В.З. Технология проектирования информационной среды образовательного учреждения / В.З. Сулейманов // Информатизация образования. – 2007. – № 3. – С. 52–63.

УДК 159.9.07

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Ирина Толкач

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск, Беларусь

3141516@tut.by

Статья посвящена изучению жизненных ценностей студентов технического профиля. Проанализированы восемь терминальных ценностей в шести ведущих жизненных сферах. Определены низкий, средний и высокий уровни выраженности терминальных ценностей и их представленность в различных сферах жизни. Ведущими жизненными ценностями установлены креативность и саморазвитие, ведущими сферами – увлечения и физическая активность. Выявлено преобладание духовно-нравственной направленности личности студентов.

Ключевые слова: терминальные ценности, жизненные сферы, студенты технического профиля

LIFE VALUES OF TECHNICAL STUDENTS

Irina F. Tolkach

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Belarus

The article is devoted to the study of the life values of technical students. Eight terminal values in six leading spheres of life are analyzed. The low, medium and high levels of expression of terminal values and their representation in various spheres of life are determined. The leading life values are creativity and self-development, the leading areas are hobbies and physical activity. The predominance of the spiritual and moral orientation of the students' personality is revealed.

Keywords: terminal values, life spheres, technical students

Поведение, поступки и деятельность человека во многом обусловлены особенностями его мотивационно-ценностной структуры. Изучение мотивационно-ценностной структуры личности является

важной задачей для любого возрастного периода, однако особенно это касается юношеского возраста, когда происходит активное самопознание и самоопределение. Осознание личностью собственных жизненных ценностей помогает более осмысленно подходить к своей жизни, расставлять приоритеты в соответствии со своими потребностями, прогнозировать возможные неудачи, выстраивать наиболее эффективные алгоритмы поведения. Что в целом дает возможность достигать значительных успехов во всех сферах жизнедеятельности. Этим обусловлен интерес к данной теме и ее актуальность.

Изучение жизненных ценностей студентов технического профиля проводилось с помощью методики В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных ценностей» [1]. В исследовании приняли участие 49 студентов технического профиля Белорусского государственного аграрного технического университета.

Обозначенная методика выявляет отношение к следующим терминальным ценностям: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, социальные контакты, собственный престиж, достижения, материальное положение, сохранение индивидуальности. Перечисленные ценности раскрываются в различных сферах жизнедеятельности: в профессиональной жизни, обучении и образовании, семейной жизни, общественной активности, увлечениях, физической активности [2, с. 10].

Данные, полученные в результате исследования, отражены в таблице.

Таблица 1. Уровни выраженности терминальных ценностей и их представленность в разных сферах жизни (количество студентов, %)

Терминальные ценности	**Низкий уровень**	**Средний уровень**	**Высокий уровень**
Саморазвитие	18,4	67,3	14,3
Духовное удовлетворение	26,5	65,3	8,2
Креативность	10,2	69,4	20,4
Социальные контакты	34,7	57,1	8,2
Собственный престиж	32,7	61,2	6,1
Достижения	30,6	59,2	10,2
Материальное положение	28,6	65,3	6,1
Сохранение индивидуальности	18,4	77,6	4,1
Жизненные сферы			
Профессиональная жизнь	30,6	59,2	10,2
Обучение и образование	40,8	55,1	4,1
Семейная жизнь	18,4	77,6	4,1
Общественная активность	24,5	71,4	6,1
Увлечения	8,2	73,5	18,4
Физическая активность	14,3	67,3	18,4

Как видно из таблицы, среди всех терминальных ценностей большее количество студентов самыми высокими показателями наделяет креативность. Около 90% студентов показывают высокий и средний уровень проявления ценности. Креативность предполагает изобретательность, совершенствование в профессиональной сфере, создание нового в обучении, повышение уровня образования, улучшение методов воспитания, изменение социального окружения, усовершенствование сферы хобби, привнесение новшеств в физические упражнения, облик жилища, общественную деятельность.

Также высоко респонденты определяют ценность саморазвития и сохранения индивидуальности. Развивать себя значит постоянно изучать новое во всех сферах жизни и сознательно менять себя в соответствии с новыми знаниями, повышать свою квалификацию, совершенствовать способности, расширять сферу увлечений и хобби, читать литературу, учиться убеждать других людей.

Сохранение индивидуальности предусматривает выбор уникальных профессий, свободу и независимость от общественных взглядов и членов семьи, собственные убеждения и точки зрения, которые сохраняют аутентичность, естественность и личную свободу.

Чуть в меньшей степени студенты выделяют ценности духовного удовлетворения и материального положения. Так, духовное удовлетворение как ценность предполагает увлеченность и удовлетворение процессом работы, удовольствие от процесса обучения, надежность в семейной жизни, ощущение полезности для других, моральное удовлетворение от достигнутых результатов.

Материальное положение подтверждается высокооплачиваемой работой, семейным благосостоянием, возможностью получения дополнительных материальных благ, соотношением высокого уровня образования с высокими доходами.

Меньшее внимание демонстрируют студенты технического профиля к ценностям достижений, собственного престижа и социальных контактов. Для тех, кто ценит достижения важно четко планировать работу, детально продумывать действия, ставить цели, получать высшее образование и заканчивать аспирантуру, опережать других в поставленных задачах, быстро и успешно продвигаться, занимаясь любым делом.

Ценность собственного престижа обеспечивается высоким социальным положением, совпадением во взглядах с авторитетными людьми, завоеванием уважения в глазах других людей, демонстрацией превосходства в спортивных соревнованиях, уровнем образования, соответствующим кругу общения.

Самые низкие показатели в группе респондентов имеет ценность социальных контактов. Студентами недостаточно определена важность для успешной жизнедеятельности умения налаживать и поддерживать контакты с другими людьми. Приятельские отношения с коллегами, уверенное общение с людьми разных специальностей и образования, взаимодействие с более опытными, увлеченными, интересными людьми дает возможность почувствовать удовлетворение и радость от жизни, а также значительно продвинуться в реализации собственных целей, планов и задач.

Проранжировав средние значения всех терминальных ценностей отметим следующее. Самое высокое среднее значение зафиксировано по параметру креативности (ср. знач. 6,0). Далее следуют параметры саморазвития (ср. знач. 5,16), сохранения индивидуальности (ср. знач. 4,92), духовного удовлетворения (ср. знач. 4,90), социальных контактов (ср. знач. 4,76). Самые низкие значения имеют показатели материального положения (ср. знач. 4,63), достижений (ср. знач. 4,55), собственного престижа (ср. знач. 4,37).

Принимая во внимание, что саморазвитие, духовное удовлетворение, креативность и социальные контакты можно условно отнести к группе духовно-нравственных ценностей, а собственный престиж, достижения, материальное положение и сохранение индивидуальности – к группе эгоистически-престижных или прагматических ценностей, очевидно, что в группе опрашиваемых студентов преобладают духовно-нравственные ценности.

Среди обозначенных жизненных сфер более высокие средние значения имеет сфера увлечений (ср. знач. 6,06). Затем следуют сферы физической активности (ср. знач. 5,51), общественной активности (ср. знач. 4,74), семейной жизни (ср. знач. 4,67), профессиональной жизни (ср. знач. 4,51), обучение и образование (ср. знач. 3,96).

Как видим, средние значения каждой из терминальных ценностей и жизненных сфер находятся в границах среднего уровня выраженности с тяготением к низкому уровню. Данные результаты в полной мере могут свидетельствовать о недостаточной сформированности мотивационно-ценностной структуры личности студентов.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в группе опрашиваемых студентов технического профиля предпочитаемыми ценностями являются креативность, саморазвитие и сохранение индивидуальности. Духовное удовлетворение и материальное положение занимают среднее положение. Достижения, собственный престиж и социальные контакты как ценности привлекают студентов в меньшей степени. Для данных студентов приоритетными являются сферы увлечений и физической активности. В меньшей степени студенты заинтересованы в общественной активности, семейной и профессиональной жизни. И самое меньшее значение студенты уделяют сфере обучения и образования.

Полученные результаты свидетельствуют о некоторой несбалансированности ценностей и жизненных сфер студентов технического профиля. Однако во время обучения в вузе есть возможность скорректировать мотивационно-ценностную структуру студентов, что позволит им достичь больших успехов в жизни.

1. Морфологический тест жизненных ценностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psytests.org/personal/mtzc.html. – Дата доступа: 16.12.2021.
2. Сопов, В. Ф. Морфологический тест жизненных ценностей [Текст] / В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина. – Прикладная психология. – 2001. - № 4. – С. 9-30.

УДК 159.9.072

СТРУКТУРА ПЕРФЕКЦИОНИЗМА СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ УЧЕБНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ

Марина Шульга
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
MarinaLSh@mail.ru

Данная статья посвящена изучению структуры перфекционизма студентов с разными учебными стратегиями. На примере студенческой выборки показано, что отдельные составляющие перфекционизма (ориентированный на себя, на других, социально предписанный перфекционизм) могут быть связаны с выбором различных учебных стратегий.

Перфекционизм рассматривается как сложный многокомпонентный феномен. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации процесса обучения и создания основы для подготовки программ психолого-педагогической помощи студентам.

Ключевые слова: учебная деятельность студентов, перфекционизм, структура перфекционизма, стратегии учебной деятельности

STRUCTURE OF PERFECTIONISM OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEARNING STRATEGIES

Marina L., Shulga
Polessky State University, Pinsk, Belarus

This article is devoted to the study of the structure of perfectionism of students with different learning strategies. On the example of a student sample, it is shown that individual components of perfectionism (focused on oneself, on others, socially prescribed perfectionism) can be associated with the choice of various educational strategies. Perfectionism is seen as a complex multicomponent phenomenon. The results obtained can be used to optimize the learning process and create the basis for the preparation of programs of psychological and pedagogical assistance to students.

Keywords: educational activity of students, perfectionism, structure of perfectionism, strategies of educational activity

Своим возникновением и внедрением в научный оборот термин «перфекционизм» (от лат. perfectio - совершенство) обязан американскому психологу М. Холлендеру, который в 1965 г. в журнале «Compre hensive Psychiatry» опубликовал статью под названием «Перфекционизм» (Hollen der, 1965).

Перфекционизм в широком смысле можно описать как стремление человека к совершенству и к следованию чрезвычайно высоким стандартам деятельности. Канадские авторы G.Flett и P.Hewitt описывают перфекционистов как «людей, которые хотят быть совершенными во всех аспектах своей жизни» (Flett & Hewitt, 2002, с. 5).

В последние десятилетия феномен перфекционизма стал предметом многочисленных эмпирических исследований в отечественной и зарубежной
психологии (Hamachek, 1978; Beck, 1979, 1987; Frost et al, 1990; Hewitt, Flett, 1991, 1993, 2002; Shafran, Cooper, Fairbum, 2002; Gaudreau, 2012; Холмогорова, Гаранян, 1998; Холмогорова, 2006; Юдеева, 2007; Ясная, Ениколопов, 2009, 2013; Соколова, 2009; Гаранян, 2010; Парамонова, 2011).

Исследователи называют перфекционизм причиной постоянного напряжения, плохого настроения, депрессии (C. Chang, G.L. Flett, R. Frost, P.L. Hewitt, Н.Г. Гаранян, Н.Н. Карловская, М.В. Москова и др.), неадаптивного поведения в виде прокрастинации, избегающего и самоограничительного поведения (М.М. Антони, C.D. Sadler, L.A. Sacks, С.А. Карзун, М.В. Ларских и др.), суицидальных намерений и действий студентов (T.K. Hamilton, R.D. Schweitzer, В.В. Краснова, В.В. Парамонова, А.Б. Холмогорова и др.), экзаменащзонного стресса (Д.А. Андрусенко, И.Д. Хломов, А.Б. Холмогорова и др.), социальной фобии (G.L. Flett, P.L. Hewitt и др.) [1, с.3]

Высокий уровень перфекционизма оказывает негативное воздействие на учебно-профессиональную деятельность студентов. Исследователи связывают
перфекционизм с выбором избегающих поведенческих стратегий (Я.О. Жербун); со страхом ошибок и мотивацией избегания неуспеха (H.V. Mun, J.C. Tran, О.е. Виндекер, К.А. Иргашева); с экзаменационным страхом (Д.А. Андрусенко, И.Д. Хломов, А.Б. Холмогорова и др.) и со страхом публичных выступлений (G.L. Flett, P.L. Hewitt и др.); с постоянной неудовлетворенностью своими оценками и результатами (Я.О.

Жербун); с низким уровнем мотивации самоактуализации (И.Г. Малкина-Пых); с тенденцией к откладыванию начала новой деятельности, прокрастинацией (В.Г. Маралов, К. Blankstein, G. Flett, P. Hewitt). В группу риска развития дезадаптивного перфекционизма входят студенты вузов с высокими проходными баллами, у которых стремление к совершенству не только целенаправленно формируется, но и культивируется, а также всячески поощряется [1. с 4]

Можно утверждать, что существует как практический, так и научный запрос на комплексное изучение перфекционизма студентов, а также на поиск форм и методов снижения экстремально высокого уровня перфекционизма и формирования адаптивной формы перфекционизма - здорового стремления к совершенству. В русле решения этой проблемы особый интерес представляют результаты исследований, посвященных типологии перфекционизма.

В современной психологической литературе выделяют «здоровый» и «невротический» перфекционизм (D. HamacЬек); «здоровый» и «дисфункциональный» (W. Parker & H. Stumpf); «адаптивный» и «неадаптивный» (P.J. Bieling, E.G. Chang, B.J. Cox, M.W. Erms, K.G. Rice & S. A. Miiyadeh, K.G. Rice & J.P. Dellwo, K.G. Suddarth & R.B. Slaney); «нормальный» и «невротический» (J.S. Ashby & T. Kottman, E. A. Dixon, J. Stoeber & K. Otto); «позитивный» и «негативный» (M. Dewey, G. Owens, P. Slade, L. Terry-Short,); «активный» и «пасеивный» (K. Adkins & W. Parker); «функциональный» и «дисфункциональный» (J. Rhйaume & M.H. Freeston); «удовлетворяющий» и «неудовлетворяющий» (D. Johnsjn, P. Slade); «здоровый» и «патологический» (Н.Г. Гаранян); «неадаптивный патологический» и «адаптивный» (В.В. Парамонова); «нормальный» и «патологический» (А.А. Золотарева) и др.

Фундаментальный вклад в разработку концепций о структуре перфекционизма внесли канадские исследователи П.Хьюит и Г.Флит. В 1990 году они подвергли критике все предшествующе исследования ввиду недостаточного, с их точки зрения, учета социальных параметров перфекционизма. Они разработали собственную многомерную модель перфекционизма, включающую следующие параметры «Я»-адресованный перфекционизм; перфекционизм, адресованный к другим людям; перфекционизм, адресованный к миру в целом; социально предписываемый перфекционизм [2].

Психологическое явление «перфекционизм» в настоящее время определяется как личностная характеристика, предполагающая предъявление человеком высоких требований к себе, к своей деятельности, к другим людям и к миру в целом.

С целью изучения структуры перфекционизма студентов с разными учебными стратегиями было проведено измерение степени развития учебных стратегий с помощью опросника «Учебные стратегии» (С. Н. Костроминой и Т. А. Дворниковой, 2007 г.) и **диагностика** перфекционизма по методике Флетта и Хьюитта (адаптация И.И. Грачевой) [3,4,5].

В исследовании приняли участие студенты 1 курса факультета экономики и финансов Полесского государственного университета. Выборка испытуемых – 50 человек: 16 юношей и 34 девушки в возрасте 17-18 лет, обучающиеся по специальности 1-25 01 04 «Финансы и кредит» и 1-25 01 07 «Экономика и управление на предприятии». Предметом изучения выступили такие группы учебных стратегий как: когнитивные и метакогнитивные и их отдельные составляющие - стратегии «повторения», «элаборация», «организация учебного материала», «планирования», «наблюдения» и управления своей учебной деятельностью (стратегия «регулирования»), а так же такие вида перфекционизма, как: перфекционизм, ориентированный на себя, перфекционизм, ориентированный на других, социально предписанный перфекционизм. Методика так же позволяла оценить интегральный показатель перфекционизма

Как показало исследование, студенты первого курса в большей степени предпочитают использовать когнитивную стратегию «повторения» и метакогнитивную стратегию «планирования». В меньшей степени студенты используют когнитивную стратегию «элаборации» и «организации учебного материала».

Высокие баллы по субшкале «Стратегия повторения» получили 26 студентов (52% выборки). 20 испытуемых (40% выборки) продемонстрировали высокие баллы по субшкале «Стратегия планирования». 32% испытуемых (16 человек) получили высокие быллы по субшкале «Стратегия наблюдения» и «Стратегия регулирования». И только 14 студентов (28%) и 11 студентов (22%) получили высокие баллы по субшкалам «Стратегия элаборации» и «Стратегия организации учебного материала».

Общий уровень когнитивных учебных стратегий у студентов 1 курса находится на среднем уровне развития. На среднем уровне развития так же находится общий уровень метакогнитивных учебных стратегий и общий уровень учебных стратегий. Высокие баллы по шкалам «Общий уровень когнитивных учебных стратегий», «Общий уровень метакогнитивных учебных стратегий», «Общий уровень учебных стратегий» набрали 18 студентов по каждой из шкал (36% выборки).

Таким образом, студенты 1 курса, обучающиеся по экономическим специальностям более склонны опираться на возможности своей оперативной памяти, чем на глубокую проработку изучаемого материала. У студентов-экономистов в учебном процессе часто присутствуют учебные задания, которые характеризуются большим объемом разнообразной учебной информации и требуют его проработки и

запоминания, а также умения планировать свою работу, что связано со спецификой их будущей профессиональной деятельности.

Недостаточное использование студентами 1 курса в своей учебной деятельности таких стратегий как «элаборация» и «организация учебного материала», часто вызывает у них затруднения при работе с различными графическими материалами: таблицами, графиками и диаграммами. Их построение, трансформация и прочтение требуют от первокурсников сформированных умений преобразовывать информацию в различные формы, уточнять и перерабатывать учебный материал. В то же время, выполнение подобных учебных заданий может способствовать развитию указанных учебных стратегий.

Средние баллы первокурсников по стратегиям «наблюдения» и «регулирования» говорят о том, что при организации своей учебной деятельности они максимально используют приемы, позволяющие, в первую очередь, отслеживать качество усвоения учебного материала. 1 курс – это сложный период адаптации вчерашних школьников к новым условиям обучения и студенты пытаются максимально использовать имеющийся школьный опыт в новых условиях.

Несмотря на довольно широкий спектр исследований, связанных с психологическим явлением перфекционизма не разработана психолого-педагогическая концепция формирования конструктивного перфекционизма студента.

С одной стороны, перфекционизм содержит в себе мощную энергию, которая становится движущей силой на пути студента к совершенству, с другой, - именно перфекционизм есть причина постоянной неудовлетворенности, депрессии, тревоги, межличностных проблем и одиночества.

Обращает на себя внимание недостаточность исследований, как зарубежных, так и российских, и белорусских посвященных здоровому, адаптивному типу стремления к совершенству, а также практически полное отсутствие в отечественной науке работ, посвященных влиянию перфекционизма на учебно-профессиональную деятельность студентов.

Высокие показатели перфекционизма, ориентированного на себя продемонстрировали 49 испытуемых (98%), что свидетельствует о том, что студенты предъявляют чрезвычайно высокие требования к себе и своей деятельности. 8 студентов (16% выборки) отличает высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других, когда человек предъявляет завышенные требования к окружающим. Высокие показатели социально предписанного перфекционизма – у 6 студентов, что составляет 12% испытуемых. Этих студентов отличает то, человек расценивает требования, предъявляемые к нему окружающими, как завышенные и нереалистичные**.**

Высокий интегральный показатель перфекционизма диагностируется у 22 студентов (44% испытуемых).

18 (36%) студентов с высокими значениями интегрального показателя перфекционизма при организации своей учебной деятельности отдают предпочтение «стратегиям повторения», которые необходимы для хранения информации в оперативной памяти и не требуют глубокого погружения в изучаемый материал.

14 (28%) студентов с высокими значениями интегрального показателя перфекционизма используют в своей учебной деятельности «стратегии планирования». Она подразумевает постановку целей и планирование последовательности достижения целей.

11 (22%) испытуемых с высокими значениями интегрального показателя перфекционизма при организации своей учебной деятельности отдают предпочтение «стратегии регулирования». Данная стратегия относятся к управлению учебной деятельностью.

11 (22%) выборки с высокими значениями интегрального показателя перфекционизма отличаются высокими значениями по шкале «общий уровень учебных стратегий». Высокие оценки по шкале «общий уровень учебных стратегий» указывают на достаточно развитый уровень овладения учебной деятельностью либо в области усвоения и обработки учебного материала, и/или в управлении и организации учебной деятельности.

Проведенное исследование позволяет охарактеризовать структуру перфекционизма у студентов с разными учебными стратегиями.

Изучение структуры перфекционизма и стратегий учебной деятельности позволяет студентам лучше понимать учебные задачи, планировать свои действия в соответствии с ними, контролировать и оценивать эффективность своей деятельности, обеспечивает успех в учебно-профессиональной деятельности, направляя активность личности студента в нужное русло ее развития.

1. Ларских, М.В. Формирование конструктивного перфекционизма студента: монография / М.В. Ларских. - Воронеж : ВГУ, 2012. - 153 с.
2. Гаранян, Н.Г. Психологические модели перфекционизма / Н.Г.Гаранян // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С.74–83.
3. Дворникова Т. А., Костромина С. Н. Учебные стратегии как средство организации самостоятельной работы студентов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2007. Вып. 4

4. Дворникова, Т.А. Диагностика степени сформированности учебных стратегий у студентов / Т.А.Дворникова, С.Н.Костромина // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2009. - Выпуск 1.- Серия 12.- С.321-332.
5. Золотарёва, А.А. Дифференциальная диагностика перфекционизма/ А.А. Золотарёва// психологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 117–128.

УДК 37.013

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ

Ольга Зинович
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
kurdumova_@mail.ru

В исследовании рассмотрена проблематика формирования и развития информационной культуры педагога как фактор его профессионального развития. Учет представляемых автором положений будет способствовать достижению целей развития высшего профессионального образования и повышению его эффективности.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационная культура, информационная компетентность, обучение, высшее образование, цифровизация

INFORMATION CULTURE OF A MODERN TEACHER AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION

Olga Zinovich
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The study examines the problems of formation and development of the information culture of a teacher as a factor of his professional development. Taking into account the provisions presented by the author will contribute to the achievement of the goals of the development of higher professional education and increase its effectiveness.

Keywords: information and communication technologies, information culture, information competence, training, higher education, digitalization

Повышение качества предоставляемых образовательных услуг и обеспечение доступности высшего профессионального образования за счет внедрения новых эффективных образовательных технологий обуславливает целесообразность изучения проблематики формирования и развития информационной культуры педагогов как одного из базовых элементов в системе предъявляемых требований к профессиональной подготовке специалистов (в том числе и преподавателей иностранного языка). Системное и целостное представление об информационной культуре, выделение ее структуры, функциональных составляющих, обоснование критериев и уровней ее сформированности позволит целенаправленно и эффективно организовывать учебный процесс, принимать эффективные решения в профессиональной деятельности всех участвующих субъектов. Понимание соотношения феномена информационной культуры и информационной компетенции, а также учет тенденций и специфики ее развития в сфере высшего профессионального образования могут стать важными факторами обеспечения повышения качества обучения. Овладение целостной информационной культурой, информационным миром объяснений и понимания – одна из задач подготовки современного специалиста. Проблема новой информационной культуры активно исследуется. Проблемам становления информационной культуры преподавателя посвящены труды Н.И. Гендиной, И.В. Гришиной, И.Я. Лернером, Н.В. Лопатиной, А.В. Майстренко, Е.А. Медведевой, Ю.Л. Пигичка, Н.М. Розенбергом, И.Л. Скипор, О.Р. Старовойтовой, Г.А. Стародубовой, Н.В. Ходяковой, И.А. Чекина.

Еще в начале 1980-х годов И. Я. Лернер предпринимает попытку описать понятие «информационная культура» с педагогической точки зрения. По его мнению, информационная культура личности имеет непосредственное отношение к общеучебной культуре. В ее состав входят умения оперировать информацией адекватного содержания, осуществлять ее генерацию, передачу, приемы запоминания и преобразования, которые образуют обязательный фундамент для последующего овладения компьютерной культурой [1].

Н. М. Розенберг рассматривает информационную культуру личности в контексте содержания общего образования. Поэтому делает акцент на исследовании проблем совершенствования информационной

культуры в педагогической теории и практике, в изучении и выявлении оптимальных методик и организационных форм обучения в условиях новой информационной технологии, в обосновании «сквозного» содержания информационного образования, начиная с первых школьных лет и до завершения общего среднего и профессионального образования [2].

Н. И. Гендина отмечает, что информационная культура преподавателя характеризует его информационное мировоззрение, систему знаний и умений, которые обеспечивают самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению профессиональных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Информационная культура отражает особенности профессиональной деятельности преподавателя: формирование информационной культуры обучающегося, пробуждение в нем постоянной потребности в информации и знаниях, развитие навыков правильного формирования информационного запроса, поиска, фиксации и использования полученных данных, критической их оценки и отбора. Информационная культура учителя шире, чем просто информационная культура личности, поскольку включает в себя еще и профессиональную составляющую [3].

Структурно информационная культура включает в себя следующие компоненты: грамотность и компетентность в понимании природы информационных процессов и отношений, гуманистически ориентированная информационная ценностно-смысловая сфера, развитая информационная рефлексия, творчество в информационном поведении и социально-информационной активности [4].

Применение инновационных технологий в учебном процессе сегодня является велением времени, повышающим качество обучения, а также уровень подготовки высококвалифицированных специалистов. Уровень сформированности информационной культуры преподавателя подразумевает владение знаниями об информации, информационных процессах, моделях и технологиях, умениями и навыками реализации средств и методов обработки и анализа информации, умением применять современные информационные технологии в профессиональной деятельности, видением окружающего мира, как открытой информационной системы, умением привить своим студентам умение ориентироваться и использовать возможности образовательного пространства Интернет, как часть системы образования. Педагог-новатор, постоянно находящийся в поиске новых форм и методов обучения, информационно-педагогического обеспечения учебного процесса, должен обладать высоким уровнем информационной культуры. Критериями информационной культуры преподавателя является комплекс умений лаконично определить собственную потребность в информации, эффективно осуществлять поиск требуемых данных во всем многообразии информационных ресурсов, целесообразно выбирать и оценивать информацию, перерабатывать и создавать качественно новую, а также способность к ведению межкультурной коммуникации и компьютерную грамотность.Владение методами информационной деятельности предполагает сформированность умений применять изученный материал на практике, выполнять операции по построению алгоритмов деятельности, анализировать последовательные, параллельные, недетерминированные и вероятностные процессы, организовать самостоятельную, индивидуальную и коллективную деятельность [4].

Преподаватель должен поддерживать своеобразное равновесие между демонстрированием критического начала в мышлении и деятельности, с одной стороны, и либеральности - с другой. Преподавателю необходимо критично относиться к самому себе, а также проявлять снисходительность по отношению к обучающимся. Критичность мышления позволяет проанализировать сложившуюся проблемную ситуацию, спроектировать пути ее решения и определить конкретные действия, а также выявить обусловившие ее причины.

Критическое мышление является одним из ключевых качеств современного преподавателя учреждения высшего образования, позволяющего выстроить индивидуальную траекторию профессионального развития и самореализации. Наличие критического мышления позволяет в соответствии с собственными потребностями или поставленной задачей непосредственно воспринимать, оценивать уровень информативности, ценности, правдоподобности объекта, выдвигать и проверять гипотезы, осуществлять и корректировать планы, а также сам процесс учебной деятельности [4].

Информационная культура обуславливает направления профессиональной деятельности преподавателя: формирование информационной культуры обучающегося, поощрение стремления в удовлетворения потребности в получении информации и знаний, развитие умений правильного формирования информационного запроса, поиска, записи и применения полученных данных в знакомой или измененной ситуации, критической их оценки и отбора.

В условиях информационного общества с переходом к качественно новым технологиям работы с информацией открываются широкие перспективы для удовлетворения информационных потребностей и запросов личности, существенно повышаются требования к уровню ее информационной культуры, актуализируются задачи по ее формированию. Специалисту уже недостаточно владеть многоаспектными

знаниями об информационных процессах и уметь применять их на высоком профессиональном уровне в рамках своей деятельности.

Информационная культура личности является важным фактором успешной профессиональной деятельности педагога в системе высшего образования с учетом специфики деятельностной составляющей преподавателя иностранного языка. Осуществленный структурно-функциональный анализ феноменологических и содержательных характеристик, а также системообразующих признаков информационной культуры позволяет конкретизировать особенности, условия формирования и развития, а также способы реализации информационной культуры педагогов с учетом специфики осуществляемой подготовки. Данная детерминированность является чрезвычайно значимой в определении перспектив развития заявленной нами проблематики исследования.

1. Проблемы школьного учебника: XX век: Итоги / под ред. Д.Д. Зуева. – М: Просвещение, 2004 – 384 с
2. Розенберг, Н. М. Проблемы измерений в дидактике / Н.М. Розенберг; под ред. Д.А. Сметанина. – Киев : Вища шк., 1979. – 175 с.
3. Гендина, Н.И. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособ. / Н.И. Гендина, Н.И. Колкова, И.Л. Скипор, Г.А. Стародубова – 2-е изд., перераб. – М.: Школьная б-ка, 2003. – 296 с.
4. Лозицкий, В.Л. Электронный учебно-методический комплекс по дисциплинам социально-гуманитарного цикла / В.Л. Лозицкий. – Минск: РИВШ, 2012.– 224 с.

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

УДК 902/904

КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПАМЯТНИКОВ КРАСНАСЕЛЬСКИЙ-11 И КРАСНАСЕЛЬСКИЙ-12

Павел Жабинский
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
zabinskijpavel@gmail.com

Археологические памятники Краснасельский-11 и Краснасельский-12 были открыты во время разведки в 2021г. Памятники располагаются у реки Вехотнянки на поле у правого берега реки. Был проведён анализ кремнёвого инвентаря который может быть связан с неолитом-бронзой. По материалом можно сказать о наличии человека на данной территории в неолите-бронзе

Ключевые слова: неолит-бронза, кремень, орудия труда, Краснасельский

FLINT INVENTORY OF MONUMENTS KRASNASELSKY-11 AND KRASNASELSKY-12

Pavel V. Zhabinsky
Yanka Kupala State University of Hrodna, Hrodno, Belarus

Archeological site Krasnasielski 11 and Krasnasielski 12 were discovered during the reconnaissance in 2021. The sites is located by the river Vekhotnyanka and is located in a field. There was analyzed the flint tools, which can be associated with the Neolithic-Bronze. According to the material, it can be said about the presence of man in this area in the Neolithic-Bronze.

Keywords: Neolithic-Bronze, flint, objects of labor, Krasnasielski

Введение. В 2021 г. старшим преподавателем кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета Янки Купалы Горшковым А.Д. вместе со студентами 1-го и 2-го курса специальностей «История» и «Археология» была проведена археологическая разведка около городского посёлка Красносельский (Волковыского района, Гродненской области). В результате работ были выявлены новые памятники, а именно Краснасельски-11 и Краснасельский-12

Иллюстрация 1. Карта памятников у г.п. Красносельский с запада. На основе Google Maps

Задачей данной статьи является введение в научный оборот коллекции кремниевых материалов с памятников Краснасельский-11 и Краснасельский-12.

Основная часть. Памятник Красносельский-11 находится в 0,25 км. на северо-запад от дома № 9 по улице Лесной, г.п. Красносельский, на маренной возвышенности, которая активно распахивается (координаты: 53°16'07.8"N 24°24'36.5"E) (рис.1)

Во время разведки было собрано 8 артефактов из которых 6 кремневых. Технико-морфологическая характеристика находок представлена в таблице №1.

В коллекции присутствует натуральный обломок, один экземпляр. Имеет размер: в длину 4,5 см.

Нуклеусы представлены двумя экземплярами. Один является одноплощадочным другой же представлен остаточным фрагментом нуклеуса. Имеют размеры: длина от 3,5 см до 4,5 см, ширина от 2,2 см до 4 см, толщина от 1 см до 2,6см.

Дебитаж представлен отщепами.

Формальные орудия представлены отщепами и фрагментами отщепов ретушированных, а также одной заготовкой.

Отщепы и их фрагменты представлены двумя экземплярами. Имеют размеры: в длину от 3 см до 3,5 см, а в ширину от 1,5 см до 3 см, толщина от 0,7 см до 1 см.

Орудие неопределённое представлено – одним экземпляром. Имеет размер: длина 4,5 см, ширина 3 см, толщина 1 см.

Памятник Красносельский-12 находится в 0,55 км. на северо-запад от дома 22 по улице Строителей г.п. Красносельский, на правом береге реки Вехотнянки, на моренной возвышенности которое активно распахивается (координаты: 53°16'21.6"N 24°24'36.4"E) (рис.1).

Во время разведки было собрано 59 артефактов из которых 57 кремневых. Технико-морфологическая характеристика находок представлена в таблице №1.

Таблица 1. Технико-марфологическая характеристика материалов с памятников Красносельск 11-21 и Красносельск 12-21.

Морфологическая группа	Категории	Колличество		Всего
		КР 11	КР 12	
I	Натуральные обломки	1	1	2
II	Остаточные фрагменты нуклеусов	2	1	3
III	Отщепы и их фрагменты	-	27	30
	Чешуйки	-	3	
IV	Отщепы ретушированные и их фрагменты	2	13	28
	Фрагмент нуклеуса ретушированный	-	2	
	Обломки ретушированные	-	3	
	Пластины и их фрагменты ретушированные	-	5	
	Фрагмент желвака ретушированный	-	1	
	Орудия неопределённые и их фрагменты	1	1	
			Количество:	63

I – сырьё; II - нуклеусы и натуральные обломки со следами обработки; III - продукты дебитажа; IV - формальныя орудия и отходы производства

В коллекции присутствует натуральный обломок, один экземпляр, на котором видны следы воздействия высокой температуры. Имеет размер: в длину 2 см.

Также фиксируется один остаточный фрагмент нуклеуса. Имеет следующие размеры: длина от 3,5 см, а ширина 2,5 см, толщина 1 см.

Дебитаж представлен отщепами, чешуйками.

Отщепы и их фрагменты представлены 27 экземплярами, из которых девять имеют следы желвачной корки, один имеет следы термического воздействия. Размеры артефактов: длина от 1,5 см до 7,5 см, ширина от 1 см до 6 см, толщина от 0,5 см, до 2,5 см.

Чешуйки представлены в трех экземплярах, одна имеет следы температурного воздействия (чешуйками являются отщепы размеры которых не достигают более 2 см).

Формальные орудия: фрагменты нуклеуса ретушированные, отщепы ретушированные, пластины ретушированные, ретушированные обломки фрагментом желвака ретушированные, фрагмент назначенного орудия.

Отщепы ретушированные и их фрагменты – 13 экземпляров, семь имеют следы желвачной корки, из которых один покрыт ей полностью. Имеют размеры: длина от 1 см до 8 см, ширина от 1,5 см до 5,5 см, толщина от 0,5 см до 3 см.

Обломки ретушированные – три экземпляра. Имеют размеры: в длину от 4 см до 9,5 см.

Фрагменты нуклеуса ретушированные – два экземпляра. Имеют следующие размеры: длина от 2 см до 3 см, ширину от 1,5 см до 2,5 см, толщину от 1 см до 2 см.

Пластины ретушированные и их фрагменты – 5 экземпляра, две пластины имеют следы желвачной корки. Имеют размеры: в длину от 1,5 см до 5 см, а в ширину от 1 см до 3 см, толщину от 0,5 см, до 1 см.

Фрагмент желвака, ретушированные – один экземпляр. Имеет размеры: длина 2,5 см, ширина 3,5 см, толщина 1,5 см.

Также имеется один фрагмент назначенного орудия. Имеет размеры в длину 4 см, ширина 3,5 см, толщина 0,5 см.

Сырьё. В основном кремниевые материалы в коллекции сделаны из мелового кремня светло-серого или тёмно-серого цвета, прозрачные на просвет, на некоторых имеются следы патины. Так же присутствуют образцы из светло-серого или белого цвета которые на просвет непрозрачный, некоторые из них имеют вкрапления частиц железа. Имеется и образец светло-рыжего цвета. В кремне были замечены пустоты и вкрапления раковин.

Вывод. Таким образом на основе анализа коллекции материалов, собранных во время археологической разведки около г.п. Красносельский мы можем сделать вывод о заселении обследованной местности в каменном и бронзовом веках. Наличие артефактов данного периода говорит нам о перспективе дальнейшего исследования данного памятника и территории для изучения первобытного времени в бассейне р. Россь.

УДК 94(476), 94(474.5), 94(474.3)

ПЕРВЫЕ ДОГОВОРЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ (1253–1323 гг.)

Олег Лицкевич
Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь
litz@rambler.ru

В статье анализируются договоры между ВКЛ и Ливонией, заключенные с 1253 по 1323 г.: выявляются обстоятельства их заключения, особенности и общие черты

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Ливония, Тевтонский орден, дипломатические отношения

THE FIRST TREATIES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA WITH LIVONIA (1253–1323)

Oleg V. Litskevich
National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article analyzes the treaties between the GDL and Livonia, concluded from 1253 to 1323; the circumstances of their conclusion, special aspects and common features are revealed.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Livonia, Teutonic Order, diplomatic relations

Первый договор ВКЛ с Ригой был заключен в 1253 г. великим князем Миндовгом после того, как с благословения папы Иннокентия IV он был коронован, получив титул короля Литвы [1, с. 23–24]. Старейший его список, дошедший до нашего времени, не имеет никаких следов печати и, судя по почерку, имеющему некоторое сходство с готическим курсивом, был сделан около середины XIV в. [10, s. 5–6]. Миндовг предоставил купцам из Риги и вообще немецким купцам право вольного проезда по своим землям и право торговать без выплаты таможенных и прочих пошлин; также он регламентировал, что если кто-то из купцов потерпит кораблекрушение в пределах его владений, то их имущество должно оставаться в неприкосновенности. В акте ни слова не говорится о защите прав купцов и других представителей ВКЛ и не упоминаются контрагенты со стороны Риги, которые могли бы гарантировать эти права. Отсутствие такого упоминания показывает, что второго – то есть рижского – экземпляра акта, выданного Миндовгу, по-

видимому, не существовало. По сути, этот акт не был полноценным международным договором, а представлял собой лишь одностороннее обязательство Миндовга.

Односторонний характер носили и соглашения Миндовга с ливонским отделением Тевтонского ордена. Происходило это, видимо, из-за юридической неискушенности великого князя. Например, в июле 1253 г. он уступил Ордену ряд земель, в том числе Крожи, Каршуву, половину Расейнской, Лаукувской, Бетигальской, Арёгальской волостей и т. д., выставив в том же акте условие, что братья Ордена должны оказывать ему и его законным преемникам поддержку «мечом, помощью и советом» [1, с. 25]. Однако Орден не выдал от своего имени грамоту с соответствующим обязательством. По крайней мере, в булле папы Иннокентия IV от 21 августа 1253 г. подтверждается только дарение земель Ордену и ничего не говорится об обещанной помощи Миндовгу [1, с. 63–64].

Согласно Ливонской рифмованной хронике, посланцы жемайтов заключили в Риге договор о двухлетнем перемирии и взаимной торговле с ливонским отделением Тевтонского ордена и, видимо, с рижским архиепископом и представителями рижского магистрата (burgere); причем договор тщательно соблюдался, так что ливонцы могли свободно ездить в Жемайтию, хотя по истечении срока его действия жемайты вновь начали враждебные действия по отношению к Ливонии [9, v. 4526–4649; 13, p. 59–60]. Исследователи датируют заключение этого перемирия 1257 г. [2, с. 274, 407; 14, p. 248].

Менее конкретны и ясны сообщения Ливонской рифмованной хроники о мире, который заключил с ливонским отделением Тевтонского ордена великий князь Войшелк предположительно в 1264–1265 гг. Хронист пишет, что после смерти Миндовга его сын освободил из плена всех христиан и прислал в Ригу послов, предложив ливонскому ландмейстеру «всю дружбу» (gantze vruntschaft) [9, v. 7159–7209; 13, p. 88–89]. По мнению Р. Варакаускаса, мирный договор Войшелка с ливонскими немцами был заключен на основе торговых соглашений Миндовга [14, p. 249]. В. Т. Пашуто отмечал, что, судя по грамоте полоцкого князя Изяслава, где говорилось: «Полочаномъ, видьблѧномъ волное торгованье въ Ризе, на Готьскомь бере[гу] и в Любьце» [4, с. 59], договор Войшелка распространялся и на подвластные ему земли Полоцка и Витебска [2, с. 277]. Грамота («слово») Изяслава в последнем издании датирована периодом с 1 января 1264 г. по 31 июня 1267 г. [5, с. 13]. Несомненно, что она была выдана уже после того, как послы Войшелка заключили в Риге общий мирный договор между ВКЛ и Ливонией.

О договоре ВКЛ с Ливонией, заключенном в правление великого князя Тройденя, упоминается в послании рижского архиепископа Иоганна фон Фехта, которое датируется 5 февраля 1286 или 1287 г. В нем утверждается, что Тройдень от своего имени и от имени своих подданных в свое время подтвердил условия договора о постоянном мире (pacis continue federa) с предыдущим рижским архиепископом Иоганном фон Луне (1273–1284), ландмейстером Ливонии Эрнстом фон Ратцебургом (1273–1279), городом Ригой и всеми рижанами [6, p. 6]. Произошло это, возможно, во второй половине 1274 г. [8, p. 105]. Однако мир сохранялся недолго. Тройдень направил в Ригу своего посланника, попросив прислать к нему представителя Ливонии, с которым можно было бы обсудить различные вопросы. В ответ на эту просьбу к Тройденю вместе с делегацией ВКЛ выехал ливонский посол – член рижского магистрата Арнольд по прозвищу Железная Рука. Но Тройдень по неизвестным причинам поместил Арнольда в заточение, а сам вторгся в земли Ливонии. При этом рижане, узнав о пленении Арнольда, задержали в Риге людей из ВКЛ, прибывших туда по торговым делам, и конфисковали их имущество [6, p. 6, 8]. Из последнего обстоятельства можно сделать вывод, что, помимо мира, в договоре регламентировались вопросы взаимной торговли между ВКЛ и Ливонией. В целом договор действовал от силы два года, до второй половины 1276 г. [8, p. 105–111].

Примерно в 1281 г. Тройдень договорился с ливонским отделением Тевтонского ордена о судьбе Динабурга: разрушив замок, рыцари уступили Великому Княжеству Литовскому место, на котором он стоял, с прилегающей территорией вдоль Западной Двины предположительно в обмен на отказ от военной помощи земгалам [8, p. 142]. Однако неизвестно, было ли это соглашение оформлено в виде письменного акта.

В «Рижской долговой книге» за период с 1286 по 1352 г. упоминаются более десятка купцов и других лиц, которых по звучанию имен и местностей можно отнести к представителям ВКЛ [14, p. 251–253]. Одним из старейших упоминаний о достоверно литовском купце является запись о Рамейзе из Кернова, который задолжал Людовику из Митавы 6 ливонских лисфунтов 4 фунта воска (предполагаем, что воск экспортировался из ВКЛ в Ливонию, а не наоборот). Запись датируется зимой 1290 г. [7, № 1284]. Примерно к этому же времени (1287 и 1289 гг.) относятся записи о долгах ганзейских купцов перед Любертом из Витебска (Vitebeke) [7, № 122, 128, 998]. Если в то время между ВКЛ и Ливонией велись торговые дела, следовательно, тогдашние правители ВКЛ великие князья Будикид и Будивид заключили с Ливонией новый или подтвердили старый договор, в котором были урегулированы вопросы взаимной торговли.

В первые годы правления великого князя Витеня в Ливонии обострились противоречия рижан и рижского архиепископа с Тевтонским орденом. В 1297 или в начале 1298 г. рижский архиепископ Иоганн фон Шверин отправил послов к Витеню под предлогом склонения литовцев к принятию католической веры. В конце марта 1298 г. в Ригу прибыло ответное посольство Витеня, которое, объявив о готовности Литвы к

принятию католичества, как это было во времена короля Миндовга, заключило с магистратом Риги и рижским архиепископом мирный договор и фактически союз против Тевтонского ордена [6, p. 14; 14, p. 212–213]. В апреле – июне того же года войска ВКЛ совместно с рижанами нанесли ряд чувствительных поражений Ордену, в том числе в решающей битве при Торейде, в которой погиб ливонский ландмейстер Бруно [14, p. 213–214]. В Риге для размещения литовского гарнизона был построен специальный замок – «castrum Letwinorum» [12, s. 56; 14, p. 215]. Союз ВКЛ и Риги действовал вплоть до мая 1313 г., когда посредники – ревельский и эзельский епископы, ревельский наместник датского короля и горожане Ревеля – потребовали от Риги расторгнуть старинные дружеские отношения с Литвой ради примирения с Тевтонским орденом [6, p. 24; 14, p. 216]. Впрочем, торговые отношения между ВКЛ и Ливонией продолжались и далее [11, p. 67].

В 1300–1302 г. при рижском архиепископе Изарнусе была предпринята попытка заключения перемирия между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии. Этому содействовал сам Изарнус, направивший соответствующее посольство к Витеню с благословения папы Бонифация VIII. Однако, как сказано в позднейшей жалобе Гедимина (1322 г.), на обратном пути послы Изарнуса были убиты людьми Ордена [3, с. 499; 6, p. 38].

В правление Гедимина первые отчетливые свидетельства о дипломатической активности ВКЛ по заключению договора с Ливонией и сопредельными землями мы видим в 1322 г. Гедимин направил магистрату Риги послание, предложив заключить такой же мир, какой был при Витене [6, p. 42], то есть против Ордена. В ответ 29 ноября 1322 г. рижане написали ему, что мир может быть заключен только с участием всех сторон, то есть рижского архиепископа, Ордена и магистрата Риги [6, p. 42]. В том же году Гедимин отправил посланников в Авиньон к папе Иоанну XXII и в Данию [7, s. 117], а в 1323 г. разослал письма ганзейским городам и орденам доминиканцев и францисканцев в Германии [3, с. 500–512].

Примерно в середине 1323 г. Гедимин направил в Ригу еще одно послание о своей готовности к заключению мира. 10 августа на съезде в Эрмесе представители Риги, Тевтонского ордена в Ливонии, духовных и светских владетелей Ливонии и Эстонии выбрали посланников, которые отправились к Гедимину и прибыли в Вильно около дня Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября 1323 г.) [6, p. 76, 78; 11, p. 83–84].

Договор был заключен в Вильно 2 октября 1323 г. До наших дней дошли тексты обоих его экземпляров – литовского и ливонского, причем ливонский сохранился в оригинале [6, p. 72, 74]. Списки на средненижненемецком языке включены в черновик послания властей Риги к папе Иоанну XXII (конец 1323 г. – первая половина 1324 г.) [6, p. 78–82]. Списки на латинском языке сохранились в составе подтверждения папы Иоанна XXII (Авиньон, 31 августа 1324 г.) [6, 166–172], однако в них изменена последовательность некоторых статей, а в ливонском договоре использован *datum* из литовского. Положения договора распространялись со стороны Гедимина на Аукштайтию, Жемайтию, город Plessekowe (скорее всего, Псков) и всю Русь, которая подчинялась ВКЛ, а со стороны Ливонии и Эстонии – на Рижское епископство и город Ригу, на земли Ордена (Мемель, Куронию и области в Ливонии), на земли епископов Эзеля и Дерпта и на эстонские области короля Дании. Договор регламентировал свободный проезд по суше и воде из одной страны в другую; правовую защиту каждого человека; справедливое решение имущественных споров в соответствии с правом каждой страны; право свободных людей поехать из одной страны в другую; возврат беглых холопов; свободу торговли; действие Рижского права в отношении тех, кто приезжал в страну Гедимина и выезжал из нее [3, с. 518–519; 6, 72, 74]. Таким образом, договор 1323 г. был частью широкой программы Гедимина по привлечению в ВКЛ ремесленников, торговцев, духовенства и крестьян из Европы.

В это же время (в 1323 г. или чуть ранее) Гедимин заключил какие-то особые договоренности («ordinatio») с Орденом. Они касались, во-первых, торговли по купеческим маршрутам, проходившим через Митаву, Динабург и Розиттен [3, с. 555] (это был, вероятно, прообраз будущих «договоров о разбойниках»), а во-вторых, приграничных замков в Межотне (Земгалия) и Динабурге, которые Орден обещал отдать ВКЛ [3, с. 560].

Уже в 1324 г. стало ясно, что Орден не собирался соблюдать львиную долю своих обещаний. Крестоносцы перекрыли все водные и сухопутные пути между Ливонией и ВКЛ (думается, чтобы монополизировать торговлю на этом направлении, оттеснив рижан, датчан и ганзейцев), совершили нападения на Полоцкую землю и Мядель, стали принимать беглых крестьян из ВКЛ, убивать и оскорблять послов Гедимина. Со своей стороны, Гедимин отказался от намерения принимать католичество – не только из-за враждебности Ордена, но и из-за оппозиции в Жемайтии и на Руси [3, с. 494–495]. При посредничестве посланников папы Иоанна XXII стороны договорились соблюдать перемирие по крайней мере 4 года [11, p. 92]. Через несколько лет Гедимин отослал ливонский экземпляр в Ригу в знак расторжения договора, о чем свидетельствует тот факт, что в XIX в. этот пергамен с 13 печатями хранился в архиве Рижского магистрата [6, p. 72].

В целом период с 1253 по 1323 г. представляет собой особый, четко выраженный этап в истории дипломатических отношений ВКЛ с Ливонией. Великие князья литовские в то время имели дело в Ливонии

с широким кругом контрагентов – не только с Тевтонским орденом, но и с рижским архиепископом, магистратом Риги и другими духовными и светскими владетелями. Двусторонние соглашения регламентировали преимущественно вопросы мира, торговли, свободного проезда и разрешения имущественных споров (включая возвращение беглых холопов). Обращает на себя внимание полное отсутствие взаимных письменных договоренностей о границах и разделе зон влияния между ВКЛ и Ливонией, хотя в договоре 1323 г. и связанных с ним материалах уже видно, по оценке В. Т. Пашуто, «стремление государственной власти твердо определить политические границы страны» [3, p. 485]. Соглашения с Тевтонским орденом по территориальным вопросам – договоры Тройденя о Динабурге и Гедимина о замках в Межотне и Динабурге не сохранились либо, что нельзя исключать, представляли собой лишь устные обязательства. Впрочем, стороны могли исходить из тех соображений, что отсутствие таких письменных договоренностей развязывало им руки в захвате приграничных областей и выдвижении территориальных претензий.

За 70 лет с 1253 по 1323 г. дипломатическая и правовая культура великих князей литовских заметно выросла. Однако из-за того, что ВКЛ оставалось языческой страной и из-за противодействия Тевтонского ордена, даже такой продуманный и грамотный юридический документ, как договор 1323 г., оказался недолговечным и не сыграл той роли, которую отводил ему Гедимин. После этой неудачи актуальным стал новый формат межгосударственных договоров с Ливонией, который учитывал ситуацию постоянной и неизбежной военной конфронтации между ВКЛ и Тевтонским орденом, но в то же время создавал условия для взаимной торговли. Речь идет о так называемых «договорах о разбойниках», которые ВКЛ стало заключать с Тевтонским орденом начиная с 20-х – 30-х гг. XIV в. (первый сохранившийся договор датирован 1338 г.). Но это уже был следующий крупный этап во взаимоотношениях ВКЛ и Ливонии.

1. Міндаў кароль Літовіі ў дакументах і сьведчаньнях / Уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. А. Жлуткі. Менск: Тэхналогія, 2005. 135 с., [16] л. факсім.
2. Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 531 с.
3. Пашуто, В. Т. Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год) / В. Т. Пашуто. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 688 с.
4. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 864 с., XVI с., ил.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 524 с., CIV с., ил., карт.
6. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans / Ed., transl. and commented by S. C. Rowell. – Vilnius: Vaga, 2003. – LVIII, 425 p.
7. Das Rigische Schuldbuch (1286–1352) / Hrsg. von Dr. H. Hildebrand. – St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. – LXIX, 153 s.
8. Dubonis, A. Traidenis: monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje, 1268–1282 / A. Dubonis. – Vilnius: LII leidykla, 2009. – 242 p.
9. Livländische Reimchronik mit Anmerkunden: Namenverzeichniss und Glossar / Hsgb. von L. Meyer. – Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1876. – 416 s.
10. Maleczyński, K. W sprawie autentyczności dokumentów Mendoga z lat 1253–1261 / K. Maleczyński // Ateneum Wileńskie. – Wilno, 1936. – R. 11. – S. 1–60.
11. Rowell, S. C. Pagans, Peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy / S. C. Rowell // Archivum Historiae Pontificiae. – 1990. – Vol. 28. – P. 63–98.
12. Scriptores rerum Prussicarum. – Bd. 2. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1863. – VI, 866 s.
13. The Livonian Rhymed Chronicle / Translated with an historical introduction, maps and appendices by J. C. Smith and W. L. Urban. – Bloomington: Indiana University, 1977. – XXVII, 150 p.: il., map.
14. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius: Mokslas, 1982. – 392 p.

УДК 930.23

ДАТИРОВКА ГРАМОТ № 91 И 112 ПО ПОЖАЛОВАНИЮ И РАЗМЕЖЕВАНИЮ ЗЕМЕЛЬ В НОВГОРОДЕ

Юрий Лущай
Харьков, Украина
luszczaj@ukr.net

В работе рассматриваются вопросы хронологии двух грамот из Новгорода. На основе приводимых доказательств опровергается датировка подтверждения прежнего дарения земель, выдвинутая В. Л. Яниным. Указывается проблематичность точного определения даты грамот.

Ключевые слова: хронология, грамоты, посадники, Янин, Новгород

DATING OF LETTERS № 91 AND 112 ON THE GRANT AND DELIMITATION OF LANDS IN NOVGOROD

Yuriy V. Lushchay
Kharkiv, Ukraine

The paper deals with the issues of the chronology of two letters from Novgorod. On the basis of the evidence provided, the dating of the confirmation of the previous donation of lands is refuted, put forward by V. L. Yanin. It is indicated that it is problematic to accurately determine the date of letters.

Keywords: chronology, letters, posadniks, Yanin, Novgorod

Книга «Новгородские акты XII—XV вв.» В. Л. Янина имеет высокую ценность для исторической науки, помогает разобраться в датировках договорных и духовных документов. Тем не менее, в данной книге некоторые предложенные исследователем даты грамот следует пересмотреть. Датировка документов № 91 и 112 является неудовлетворительной, так как носит ошибочный характер в построениях. К сожалению, в этих источниках нет привязки к конкретному времени и историческим событиям, которые помогли бы в датировании. Вся хронология связана с указанными там именами духовных лиц и политических деятелей Новгородской земли.

Впервые эти две грамоты были изданы Амвросием в 1811 г. [1, с. 559—562] Повторно опубликованы в 1949 г. с порядковыми номерами 91 и 112 [2, с. 148, 172]. Историков эти документы не особо привлекали, так как они носили частный характер во взаимоотношении посадников, бояр и житьих людей Славенского конца с Савво-Вишерским монастырем. Политических изменений в Новгороде эта передача земли, а потом ее подтверждение, не принесло.

Л. А. Бассалыго обратил внимание на некоторые спорные моменты в построениях В. Л. Янина в книге «Новгородские акты XII—XV вв.», в том числе по поводу грамоты № 112. Но по данному документу все его внимание было сосредоточено на реконструкции генеалогии Селезневых-Губаревых и количестве славенских посадников [3, с. 35—41]. К сожалению, исследователь никак не прокомментировал датировку этой грамоты, предпочитая следовать в этом за В. Л. Яниным. Так как грамоты № 91 и 112 идут в одной хронологической связке и связаны с размежеванием земель между Иваном Васильевичем Губаревым и Савво-Вишерским монастырем, то и рассматривать следует оба документа.

Издатели грамоты № 91 датировали ее не позднее 1417 г. [2, с. 148] по причине смерти в этом году фигурирующего там посадника Ивана Александровича [4, с. 408]. Второй упоминаемый там посадник Федор Тимофеевич умер в 1421 г. [4, с. 413] В. Л. Янин верно оценил этот документ как являющийся подтвердительным по отношению к прежнему дарению [5, с. 221]. В грамоте идет речь о двух событиях: 1) подтверждение славенскими посадниками предыдущего получения земельных участков, принятое игуменом Алексеем; 2) упоминание прежней передачи земли от славенских посадников Федора Тимофеевича и Ивана Александровича к Савве Вишерскому.

Грамота № 112 первоначально датировалась 1436—1456 гг., основанием этого послужили указанные в документе посадники Иван Максимович и Василий Степанович [2, с. 172]. Первая дата исходила от начала упоминания Ивана Максимовича посадником [4, с. 418], а вторая — последнего упоминания Василия Степановича в этом качестве (далее будет об этом). В. Л. Янин обе грамоты датировал 1461—1467 гг. [5, с. 221—222; 6, с. 410] Таким же сроком они были датированы и во многих статьях

энциклопедического словаря «Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков» [7, с. 109; 8, с. 110; 9, с. 183; 10, с. 188; 11, с. 292; 12, с. 468], но также 1460-ми гг. в биографиях посадников Федора Остафьевича и Юрия Терентьевича [13, с. 468; 14, с. 544].

Начальной хронологической границей грамот В. Л. Яниным была определена дата смерти Саввы Вишерского в 1461 г. Но с этим имеются проблемы, так как в его Житии этой информации нет [15, с. 60—79, 547]. Еще В. О. Ключевский писал, что «позднейшие рукописные святцы и в след за ними церковные историки помечают ее 1 окт. 1460 г.» [16, с. 157]. Действительно, в любых святцах можно увидеть именно эту дату [17, с. 30]. В биографической статье выше указанного энциклопедического словаря приводятся оба года «1.10.1460/1461» [18, с. 425]. Резко контрастирует с общепринятым утверждение М. А. Федотовой, что смерть Саввы наступила не позднее 1429 г. [19, с. 15] Но на самом деле для датирования этих двух грамот не столь важно когда умер Савва Вишерский. В грамоте № 91 отражено событие до 1417 г., а потому не играет значение последующая деятельность вишерского игумена. Она то в документе не зафиксирована.

Интерес представляет игумен Алексей, который и перезаключал договор в грамоте № 91. П. М. Строев после Саввы Вишерского следующими игуменами называет Геласия (относил к 1464 г.) и Алексея (к исходу XV в.) [20, стб. 95]. Если принять точку зрения, что Савва умер до 1429 г., то оба эти игумена руководили монастырем гораздо раньше. М. В. Печников деятельность Геласия и Алексея относит к 50—60-м гг. XV в. [21, с. 89]. К сожалению, более конкретных дат невозможно определить.

К завершающей границе датирования документов является дата смерти Василия Степановича, славенского посадника. Он между 1456 и 1462 гг. принял схиму в Важском Богословском монастыре. Канонизирован под именем Варлаама Важского или Шенкурского. В Житии Варлаама упоминаются две даты, исчисляемые от сотворения мира — 6934 и 6970 [22, с. 12, 19]. С первой связана постройка Василием Степановичем Пинежского городка. Вторая как раз обозначала дату смерти принявшего после 1456 г. схиму под именем Варлаама. Согласно его Житию, смерть наступила в 1462 г., а днем памяти определено 19 июня [22, с. 19]. Если 6934 г. на современное летосчисление перевели правильно (1426 г.). Со вторым оказались проблемы. Вместо того, чтобы сделать его 1462 г., М. М. Тихомиров, а следом за ним В. Л. Янин, А. С. Хорошев, Т. И. Шаблова и другие [5, с. 281; 6, с. 410; 23, с. 242; 24, с. 88; 25, с. 109; 26, с. 234, комм. 11], увеличили на семь лет. Но эта ошибка довольно давняя, ее можно встретить еще в словаре за 1862 г. [27, с. 43]

Уйдя в схиму, Василий Степанович вряд ли бы занимался делами славенского конца. В самой грамоте он обозначен мирским именем, а о монашеском там речи нет. В последний раз он как посадник упоминается под 1456 г. [28, с. 145—146] До самой смерти Василий Степанович был монахом. Когда именно стал схимником, невозможно узнать. Поэтому вариантов определения датировки грамот может быть несколько: 1) от второй половины 1440-х до 1456 г.; 2) от второй половины 1440-х до начала 1460-х гг. В обоих случаях началом является первые известия о Василии Степановиче как о кончанском посаднике [4, с. 425; 29, стб. 189—190]. В первом варианте документ был принят до 1456 г., когда Василий Степанович в последний раз упоминается посадником и мог представлять Славенский конец. Предпочтительнее все же второй вариант, так как нет точных данных о времени монашеского служения. Исчислять время составления документов от смерти Саввы Вишерского и вовсе не следует. Так как он упоминается в первой грамоте только как принявший пожалование земель от посадников Федора Тимофеевича и Ивана Александровича, случившееся до 1417 г. М. В. Печников докончание датировал примерно серединой XV в.—1456 г. [21, с. 90]. И этот вариант нельзя исключать.

Если Вишерскому монастырю подарили земельные участки двое славенских посадников (грамота № 91) и там с датировкой более-менее ясно. То подтверждало это дарение (грамота № 112) в дальнейшем большое количество посадников из той же политической группы. Но значительная их часть мало чем известны. Лишь о малом количестве можно вести речь в хронологических спорах. Как Иван Максимович, упоминающийся в летописях с 1436 по 1470-е гг. [4, с. 418; 30, с. 32—33] Но вопрос в том, что в грамоте № 112 они выступают как посадники. А потому хронологические рамки сузились до времени пребывания с этим титулом Василия Степановича (Иван Максимович в 1436 г. еще не был посадником).

Грамоты мало информативны для получения более четкого датирования. Если версия В. Л. Янина о первоначальном получении Вишерским монастырем земель до 1417 г. не оспаривается, то по версии о подтверждении дарения в 1461—1467 гг. нет реальной основы. Хронологические рамки документов имеют расширительный вид — от 1440-х до 1456—1462 гг. Только при появлении новых данных о жизни посадников Славенского конца возможны уточнения. А пока, по имеющимся сведениям, не удается сузить датировку этих двух грамот.

1. Амвросий. История Российской иерархии. — М.: Синодальная типография, 1811. — Ч. III. — 761 с.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1949. — 408 с.
3. Бассалыго Л. А. Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII—XV вв.» // Новгородский исторический сборник. — 2005. — № 10 (20). — С. 32—44.

4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1950. — 561 с.
5. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. — М.: Наука, 1991. — 384 с.
6. Янин В. Л. Новгородские посадники. — М.: Языки славянских культур, 2003. — 513 с.
7. Хорошев А. С. Василий Иванович // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 109.
8. Хорошев А. С. Василий Терентьевич // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 109—110.
9. Хорошев А. С. Иван Александрович // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. – СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 183.
10. Хорошев А. С. Иван Тимофеевич // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 188.
11. Хорошев А. С. Мина Власьевич // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 291—292.
12. Хорошев А. С. Федор Тимофеевич // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 468.
13. Хорошев А. С. Федор Остафьевич // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 468.
14. Хорошев А. С. Юрий Терентьевич // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 544.
15. Библиотека литературы Древней Руси. — СПб.: Наука, 2003. — Т. 12. XVI век. — 624 с.
16. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. — М.: Грачев и К, 1871. — 465 с.
17. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. — М: Ковчег, 2010. — Т. 2. Октябрь. — 624 с.
18. Хорошев А. С. Савва Вишерский // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 425—426.
19. Федотова М. А. Савва // Православная энциклопедия. — М.: Православная энциклопедия, 2021. — Т. 61. — С. 14—17.
20. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. — СПб.: В. С. Балашев, 1877. — 1056 с.
21. Печников М. В. Саввин Вишерский в честь Вознесения Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. — М.: Православная энциклопедия, 2021. — Т. 61. — С. 88—94.
22. Житие преподобного Варлаама Важеского // Православное обозрение. — 1887. — Т. 2. Приложение. — С. 1—42.
23. Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 год. — М.: Академия наук СССР, 1962. — С. 234—243.
24. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. — М.: Наука, 1981. — 296 с.
25. Хорошев А. С. Василий Степанович // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 109.
26. Новгородские синодики XIV—XVII веков / подг. текстов, исследование Т. И. Шабловой. — СПб.: Алетейя, 2017. — 325 с.
27. Словарь исторический и святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. — СПб., 1862. — 260 с.
28. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. — СПб.: Э. Прац, 1859. — Т. VIII. — 302 с.
29. Летопись Авраамки // Полное собрание русских летописей. — СПб.: Ф. Элеонский и К, 1889. — Т. XVI. — 320 стб.
30. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М.: Наука, 1964. — Т. III. — 688 с.

УДК 37(476)(091)“15”

УСТАЛЯВАННЕ ЕЗУІЦКАГА ОРДЭНУ Ў ПОЛЬШЧЫ І ВКЛ (ДА ПАЧАТКУ 1570-х гг.)

Андрэй Самусік
Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
a.f.samusik@gmail.com

Разгледжаны працэс запрашэння езуіцкага ордэну ў Польшчу і ВКЛ. Вызначана роля ў гэтай справе нунцыя Д.Ф. Камендоні, біскупа вармійскага С. Гозія, біскупа віленскага В. Пратасевіча, а таксама караля і вялікага князя Жыгімонта II Аўгуста. Акцэнт зроблены на аналізе стварэння Віленскага езуіцкага калегіўма. Адзначана, што яго ўзнікненне было выклікана не толькі супрацьстаяннем з пратэстантамі, але і жаданнем перадухіліць арганізацыю ў

сталіцы ВКЛ свецкага каталіцкага ўніверсітэта накшталт Кракаўскай акадэміі. Таксама згадана адкрыццё ў азначаны час езуіцкіх калегіўмаў у Брунсбергу, Пултуску, Яраславе і Познані.

Ключавыя словы: Контррэфармацыя, езуіцкі ордэн, калегіўм, В. Пратасевіч, Вільня, Жыгімонт II Аўгуст

ESTABLISHMENT OF THE JESUIT ORDER IN POLAND AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (BEFORE THE BEGINNING OF THE 1570s)

Andrej F. Samusik
Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

The process of inviting the Jesuit Order to Poland and the Grand Duchy of Lithuania is considered. Definitely the role of Nuncio D.F. Camendoni, Bishop of Warmia S. Gozi, Bishop of Vilno V. Protasevich, as well as King and Grand Duke Sigismund II Augustus. The emphasis is placed on the analysis of the creation of the Vilno Jesuit Collegium. It is noted that its emergence was caused not only by confrontation with Protestants, but also by the desire to prevent the organization of a secular Catholic university like the Krakow Academy in the capital. The opening of Jesuit collegiums in Brunsberg, Pultusk, Yaroslavl and Poznan at the specified time was also mentioned.

Keywords: Counter-Reformation, Jesuit Order, Collegium, V. Protasevich, Vilno, Sigismund II August

Наведваючы некаторыя з айчынных ці замежных барочных касцёлаў сярод шматлікіх алтароў, вязак пілястраў ды выяў святых можна ўбачыць даволі дзіўную скульптурную кампазіцыю – нібыта прарастаючы са сцяны порцік, дзе апорныя калоны “падаюць” у бакі, а анёлы падтрымліваюць іх, недаючы такім чынам канчаткова абрушыцца ўсёй канструкцыі. Менавіта ў ролі апошніх і бачылі сябе езуіты, манаскі ордэн якіх быў заснаваны ў 1534 г. на хвалі Контррэфармацыі з мэтай умацаваць пахіснуўшыяся пад ціскам Рэфармацыі пазіцыі каталіцкай царквы. Зрабіць гэта яны планавалі праз адпаведнае выхаванне моладзі. Заснавальнік ордэну І. Лайёла пісаў, што будучыня належыць тым, хто трымае ў руках маладое пакаленне [6, с. 64-65].

Адна з прычын падобнага захаплення езуітамі заключаецца ў тым, што да іх з’яўлення каталіцкая царква параўнальна мала зрабіла ў справе пашырэння адукацыі. Датычыцца гэта і ВКЛ, дзе Віленскае біскупства здолела адкрыць усяго адну навучальную ўстанову з выкладаннем сямі навук вызваленых – Віленскую кафедральную школу (1397), адкуль лепшыя вучні з’язджалі ў Кракаўскую акадэмію [9, с. 271-272].

Відавочна, што такі тандэм не мог стрымаць пашырэнне на абшарах Польшчы і ВКЛ ідэй пратэстантызму, носьбітамі якіх з’яўляліся шматлікія мясцовыя выхаванцы германскіх універсітэтаў. Спробы ж Жыгімонта І Старога прыпыніць пашырэнне рэфарматарскага руху праз стварэнне перашкод для вучобы ў германскіх універсітэтах, забарону на ўвоз адтуль кніг і запрашэнне хатніх гувернёраў з ліку іх выпускнікоў істотнай карысці не прынеслі. Менавіта таму ў тутэйшым каталіцкім асяроддзі шмат хто звязваў свае надзеі на вяртанне было магутнасці ды ўплыву з езуітамі. Першы раз прапанова запрасіць іх прагучала на Петракоўскім саборы (1542-1544), дзе разглядалася пытанне аб дазволе ордэну адкрыць школы ў Кракаве, Познані, Варшаве, Львове і Вільне [8, с. 566-567]. На Варшаўскім Сінодзе 1561 г. гнезненскі архібіскуп Я. Пшэрэмбскі зноў прапанаваў даручыць справу рэфармавання адукацыйнай справы езуітам, але большасць прысутных выступіла супраць, заявіўшы, што ў краіне хапае дасведчаных асоб і праблема толькі ў фінансавым забеспячэнні школ [4, с. 266].

Галоўным прыхільнікам ідэі запрашэння езуітаў з’яўляўся папскі нунцый у Польшчы Д.Ф. Камендоні. Менавіта ён здолеў пераканаць біскупа вармійскага С. Гозія ў неабходнасці рэалізацыі гэтай ідэі на практыцы [5, с. 237-238]. Пасля атрымання згоды генерала ордэна Я. Лайнэза ды кіраўніка паўднёвагерманскай правінцыі П. Канізія восенню 1564 г. у падкантрольны біскупу Брунсберг (Бранеў) прыбыла 11 манахаў з Кёльна, Трыра і Рыма. У пачатку наступнага года яны адкрылі тут 5-класны калегіўм [4, с. 366, 370-372].

С. Гозій, пры гэтым, не абмежаваўся толькі справамі ўласнай епархіі, а пачаў схіляць іншых біскупаў да аналагічных дзеянняў. Першым адгукнуўся біскуп плоцкі А. Наскоўскі, які аддаў езуітам школу-калонію Кракаўскай акадэміі ў Пултуске – езуіты ў 1566 г. пераўтварылі яе ў 5-класны калегіўм. Падтрымаў іерархаў і Жыгімонт ІІ Аўгуст – 23 сакавіка 1565 г. ён прадставіў езуітам роўныя з іншымі манаскімі ордэнамі правы ў дзяржаве [11, с. 115-118].

У ВКЛ прыхільнікам езуітаў быў віленскі біскуп В. Пратасевіч, які ўпершыню заявіў аб намеры спрыяць прыбыццю езуітаў на перамовах з Д.Ф. Камендоні яшчэ ў 1553 г. калі займаў пасаду біскупа луцкага. У 1563-1564 гг. ужо ў рангу біскупа віленскага ён вёў перамовы аб магчымасці адкрыцця ў сталіцы ВКЛ езуіцкага калегіўма з прадстаўніком аўстрыйскай правінцыі ордэну Б. Гаставінай. Аднак, для

выканання яго просьбы патрабаваўся час, бо на тэрыторыі апошняй мелася толькі два езуіцкіх асяродка (Вена і Прага), якія не маглі адразу ж выдзяліць неабходныя выкладчыцкія кадры [3, с. 606]. Да таго ж, Жыгімонт II Аўгуст не жадаў сварыцца з мясцовымі пратэстантамі і толькі пасля смерці кн. М. Радзівіла Чорнага перамяніў сваё меркаванне на гэты конт. 10 студзеня 1565 г. Д.Ф. Камендоні пісаў С. Гозію, што ён пераканаў манарха ў неабходнасці адкрыцця калегіўма ў Вільні. 12 студзеня гэтага ж году ва ўласным лісце ў Рым да кардынала К. Барамея нунцый прасіў таго пачаць шукаць годных прафесараў тэалогіі, філасофіі і матэматыцы. Аднак, ад'езд Д.Ф. Камендоні з Польшчы ў снежні 1565 г. замарудзіў ажыццяўленне гэтай справы [5, с. 238-239].

Зноў ідэя аб запрашэнні езуітаў у Вільню ўзнікла праз некалькі год. Да Жыгімонта II Аўгуста з адпаведным хадайніцтвам звярнуліся дэпутаты сойма. Да таго ж, зноў актывізаваўся В. Пратасевіч. Ён заявіў, што па завяшчанню кн. М. Радзівіла Чорнага буйныя сродкі выдзяляюцца на карысць Віленскай кальвінскай школы, якая ў хуткім часе можа быць пераўтворана ў калегіўм. Прадстаўнік біскупа – сакратар вялікага князя, сталічны войт А. Ратундус 3 студзеня 1568 г. з гэтай нагоды пісаў С. Гозію наступнае: "Паспрабуйце пераканаць правінцыяла ордэна езуітаў (*меўся на ўвазе кіраўнік аўстрыйскай правінцыі Л. Маджіё* – А.С.), каб ён як мага хутчэй даслаў сваіх братоў у Вільню, да таго калі да нас прыбудуць вучоныя ерэтыкі з Б'яндратай, таму што яны, хутчэй за ўсё, прывабяць да сябе ўсю літоўскую моладзь". Таксама ён адзначаў у лісце, што сярод "ерэтыкаў" ёсць тыя, хто чакае езуітаў, бо не жадае траціць грошы на замежнае навучанне ўласных дзяцей [7, с. 43-44].

Без асаблівых пярэчанняў, аднак, можна пагадзіцца з правамернарсцю толькі другой часткі гэтага ліста. Яго ж пачатак са спасылкай на пагрозу з боку пратэстантаў быў яўна перабольшаны і разлічаны на традыцыйнае ўспрыманне іх ордэнам у якасці асноўных супернікаў. Смерць кн. М. Радзівіла Чорнага прывяла Віленскую кальвінскую школу ў глыбокі заняпад, а стаўшы католікам кн. М.Кр. Радзівіл Сіротка не спяшаўся выводзіць яе з крызісу. Ды і перамовы з Г. Б'яндратай скончыліся няўдачай яшчэ ў пачатку 1560-х гг. У выніку ствараецца ўражанне, што рэальная прычына прыспешвання езуітаў да актывізацыі сваёй дзейнасці ў рэгіёне хавалася за "шырмай" магчымага ўзрастання ўплыву кальвіністаў. На самой справе, можна меркаваць, што В. Пратасевіча куды больш хвалявала далейшая секулярызацыя сталічнай школы пры касцёле св. Яна, якая пачалася ў 1566 г., калі яе рэктарам стаў іспанец П. Раізій (былы прафесар рымскага права Кракаўскай акадэміі). Са згоды вялікага князя Жыгімонта II Аўгуста ён увёў у школе выкладанне юрыдычных навук (мясцовае, рымскае, грэчаскае, саксонскае, магдэбургскае права) і такім чынам рыхтаваў у Вільні адкрыццё ўніверсітэта. Гэтыя планы былі добра вядомы віленскаму біскупу, бо сярод тутэйшых настаўнікаў быў і яго аднадумца – згаданы вышэй А. Ратундус [2, с. 77-78].

Адметна, што на афіцыйным узроўні В. Пратасевіч увогуле ігнараваў адукацыйныя намаганні свайго адзінаверцы, заяўляючы аб адсутнасці ў ВКЛ нейкай альтэрнатывы езуітам. Ва ўласным фундушавым запісу на карысць Віленскага езуіцкага калегіўма ад 25 жніўня 1578 г. ён пісаў наступнае: "Так як мы даўно ўжо заўважылі, што Радзіме, ва ўсім вялікай, багатай і квітнеючай, не хапае толькі аднаго – што няма ў яе ніякіх школ і калегій, дзе для славы Божай і карысці Рэчы Паспалітай маглі б публічна выкладацца добрыя навукі, дзе моладзь магла б атрымліваць адукацыю… не выдатковаючы сродкаў на паездкі ў замежныя вучылішчы… то мы, абдумваючы, чым бы маглі быць карысны гэтай нашай Радзіме і маці… вырашылі… заклікаць езуітаў – людзей вядомых і па вучонасці і па набожнасці…" [7, с. 42-43].

Мясцовае грамадства, аднак, успрымала сітуацыю інакш. Сведчаннем гэтага з'яўляецца працэс набыцця ў М. Ясінскага за 4 тыс. коп літоўскіх грошаў вялікага будынку для размяшчэння езуітаў у Вільні. У першым варыянце купчай ад 1 ліпеня 1568 г. гаворка ішла выключна аб арганізацыі ў яго памяшканнях езуіцкай школы: "Князи бискупове их милость Виленские не мают того дому… ни на што иного держати, ани оборочати, одно на пожиток речи посполитое земское тутошнего панства великаго князства Литовскаго для наук и цвичэнья в нем сынов земских и иных и всяких обчих, то есть меновите на колеиум докторов товариства езуитов… которых князь бискуп его милость до того панства а до места Виленского призвати и в том дому мешканьем их уфундовати и осадити умыслил…". Але, 23 верасня гэтага ж году прадавец дадаў параграф аб тым, што пры адмове ордэна распачаць сваю асветніцкую дзейнасць у горадзе будынак павінен быць перададзены іншым адпаведна падрыхтаваным асобам каталіцкага веравызнання, якія пагадзяцца адкрыць у ім свецкую навучальную ўстанову: "А где бы тая братья закону езуитов неяко в тот край и до того места прийти и в нем осесть воли не мели, тогды тот дом ни нашто иного, одно предсе на колеиум инших докторов и людей учоных а ку наукам и цвиченью сынов земских подле обычаю колеиум инших мест держан и хован быти мает, веры християнское повшехное и послушенства святое столицы апоштольское рымское…" [1, с. 15, 21]. Зразумела, што найперш на ўвазе меліся П. Раізій ці прадстаўнікі Кракаўскай акадэміі, якія маглі б і аб'яднацца для супрацы ў сталіцы ВКЛ. Зараз, відавочна, нельга даказаць наяўнасць змовы паміж В. Пратасевічам ды М. Ясінскім наконт уключэння ў купчую азначанага дапаўнення, але тое, што яно паскорыла прыбыццё езуітаў у Вільню не выклікае сумненняў.

Разам з тым, адбылася гэтая падзея толькі праз год – у верасні 1579 г. у сталіцы ВКЛ В. Пратасевіч урачыста сустрэў дэлегацыю, у склад якой уваходзіў аўстрыйскі віцэ-правінцыял Ф. Суніер і 5 яго

набліжаных. Ва ўласнай прамове да іх біскуп звярнуўся да гісторыі краіны, ўзгадаўшы колькі карысці прынеслі прыняўшыя каталіцызм Міндоўг ды Ягайла. Езуітаў прываблівала істотнае пашырэнне ды ўмацаванне аўстрыйскай правінцыі ордэна, колькасць калегіўмаў у якой узрастала з 2 да 5. У выніку, яшчэ да завяршэння перамоў з Венай ды Рымам, двое з прыбыўшых езуітаў з канца 1569 г. пачалі весці заняткі ў першых двух граматычных класах – А. Фрызэ ды Я. Петранэлі выкладалі асновы старажытных моў ажно 60 шляхетным выхаванцам. Летам 1570 г. у Вільню прыбыў аўстрыйскі правінцыял Л. Маджыё для завяршэння справы арганізацыі ў горадзе калегіўма і афармлення яго фундушу – адпаведныя дакументы былі падпісаны 18 ліпеня 1570 г. і з верасня гэтага ж году былі адкрыты ўсе 5 асноўных класаў з дадатковымі курсамі нямецкай і рускай моў, а таксама арыфметыкі. 25 лютага 1572 г. славацкі лінгвіст Ф. Здзеларытц пачаў выкладаць тут курс філасофіі. У 1574 г. Л. Кракерам была заснавана кафедра матэматыцы, а П. Віяна стаў чытаць тэалогію маральную і палемічную з пункту гледжання канцэпцыі Фамы Аквінскага [12, с. 85, 128-129].

Таксама у азначаны час езуіцкія калегіўмы распачалі сваю дзейнасць у Яраславе на Галіччыне (1571; фундацыя С. Адравонж Косткі ды яе дачкі Г. Астрожскай) і ў Познані (1573; ініцыятыва тутэйшага біскупа А. Канарскага ды папскага нунцыя В. Порціка) [10, с. 122-123].

Такім чынам, відавочна, што з'яўленне езуітаў ў Польшчы ды ВКЛ стала у першую чаргу праявай жадання асобных біскупаў стрымаць пашырэнне пратэстантызму. Таксама іх непакоіла магчымасць узрастання ўплыву Кракаўскай акадэміі і ўзнікнення новага ўніверсітэту ў Вільні. Пры гэтым, уладкаванне езуітаў за няпоўныя дзесяць год ажно ў 5 гарадах у розных кутках Рэчы Паспалітай з аднаго боку сведчыла аб імкненні каталіцкай часткі грамадства да пачатку Контррэфармацыі, а з іншага ж боку дазволіла членам дадзенага ордэну пераўтварыць свае першыя асяродкі ў буйныя рэлігійна-асветныя цэнтры, стаўшыя трывалай асновай для далейшай экспансіі ў рэгіёне. На яго ж, у кіраўніцтва езуітаў былі далёка ідучыя планы. Згаданы вышэй Ф. Суніер у лісце да генерала ордэна Э. Меркурыяна наконт перспектыў умацавання яго падначаленых у Рэчы Паспалітай пісаў наступнае: "Адкрывае гэта нам шырокія дзверы ў Маскву, а адтуль праз Тартарыю зможам трапіць і ў Кітай. Акрамя гэтага не трэба забываць аб Швецыі ды Інфлянтах, да якіх з тых краёў таксама можна дастаць" [13, с. 37].

1. Акты издаваемые комиссиею, Высочайше учреждённою для разбора древних актов в Вильне : в 39 т. – Вильна, 1865-1915. – Т. XX. – Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1893. – CCXXVI, 669 с.
2. Бардах, Ю. Литовские статуты – памятники права периода Возрождения / Ю. Бардах // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI веке. – М. : Наука, 1976. – С. 71-93.
3. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – М. : Фонд им. И.Д. Сытина, 2005. – 680 с.
4. Жукович, П.Н. Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П.Н. Жукович. – СПб. : Типография Ф.Г. Елионского и К°, 1882. – 542 с.
5. Любович, Н. Папский нунций Коммендоне в Польше / Н. Любович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1887. – № 1-2. – С. 68-98, 203-239.
6. Самусік, А.Ф. Выкладанне дысцыплін гуманітарнага цыкла ў езуіцкіх навучальных установах Беларусі (другая палова XVI – сярэдзіна XVIII стагоддзяў) / А.Ф. Самусік // Веснік адукацыі. – 2006. – № 1. – С. 64-71.
7. Харлампович, К. Западнорусския православныя школы XVI и начала XVII века / К. Харлампович. – Казань : Типо-литография Имп. Университета, 1898. – 586 с.
8. Bukowski, J. Dzieje reformacyi w Polsce od wejścia jej do Polski aż do jej upadku : w 2 t. – Kraków : Druk. W.L. Anczyca i Spółki, 1883-1886. – T. 1. – 1883. – 712 s.
9. Kurczewski, J. Biskupstwo Wilenskie od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa djecezji Wileńskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych / J. Kurczewski. – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1912. – 614 s.
10. Łukaszewicz, J. Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794 : w 4 t. / J. Łukaszewicz. – Poznań : Wyd-wo W. Deckera i Spólki, 1849-1851. – T. 1. – 1849. – 472 s.
11. Pamietniki o dawnej Polsce z czasow Zygmunta Augusta, objemujace listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza : w 2 t. – Wilno : Druk. J. Zawadzkiego, 1851. – T. 2. – 328 s.
12. Piechnik, L. Dzieje Akademii Wileńskiej : w 4 vol. / L. Piechnik. – Rome : Apud "Institutum Historicum Societatis Jesu", 1983-1990. – Vol. I. – 1984. – 263 s.
13. Tazbir, J. Piotr Skarga. Szermierz kontrreformacji / J. Tazbir. – Warszawa : Państwowe Wyd-wo "Wiedza Powszechna", 1978. – 344 s.

УДК 94(438+474,5)

АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАБЛЕМЫ ПОЛЬСКА-ЛІТОЎСКАЙ УНІІ Ў ТВОРЧАСЦІ ІААХІМА ЛЕЛЯВЕЛЯ

Людміла Мікалаева
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі, Мінск, Беларусь
Mikalayeva@bsuir.by

У артыкуле аналізуецца змест асноўных прац І. Лелявеля, у якіх закраналіся праблемы польска-літоўскай уніі ў 1385–1569 гг. Робіцца выснова аб тым, што ў выніку даследчык стварыў ідэалізаваны вобраз польска-літоўскай уніі, услаўляючы добраахвотны саюз Польшчы з Вялікім Княствам Літоўскім і гістарычную місію Польшчы на ўсходзе.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, знешняя палітыка, Вялікае Княства Літоўскае, Каралеўства Польскае, Іаахім Лелявель

REFLECTION OF THE PROBLEM OF THE POLISH-LITHUANIAN UNION IN THE WORK OF JOACHIM LELEWEL

Liudmila V. Mikalayeva
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

The article analyzes the content of the main works of I. Lelevel, which touched upon the problems of the Polish-Lithuanian Union in 1385-1569. It is concluded that as a result, the researcher created an idealized image of the Polish-Lithuanian Union, glorifying the voluntary union of Poland with the Grand Duchy of Lithuania and the historical mission of Poland in the east.

Keywords: historiography, foreign policy, the Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland, Joachim Lelewel

Найбольшы ўплыў на польскую гістарыяграфію эпохі рамантызму мела гістарычная канцэпцыя, распрацаваная Іаахімам Лелявелям (1786–1861). Інфармацыю пра яго жыццё і дзейнасць можна знайсці ў разнастайных даследаваннях, падручніках і крыніцах, якія датычаць палітычнай гісторыі паўстання 1830–1831 гг. і эпохі эміграцыі. Да асноўных даследаванняў, прысвечаных І. Лелявелю, можна аднесці працы Артура Слівіньскага [20], Ежы Барэйшы [3], Багуслава Цыглера [4], Анджэя Фелікса Грабскага [6, s. 290–294], Стэфана Кеневіча [7, s. 21–25; 8], Тадэвуша Корзана [9, s. 222–229], Марыяна Хенрыка Сярэйскага [18, s. 30–77].

І. Лелявель, які ўжо пры жыцці быў прызнаны найбольш значным польскім гісторыкам, аказаў уплыў на погляды як сваіх вучняў і прыхільнікаў, так і сваіх праціўнікаў. Яго гістарычная канцэпцыя ўяўляла сабой сінтэз элементаў, характэрных для тагачасных інтэлектуальных, ідэалагічных і навуковых кірункаў, з уласнымі наватарскімі тэзісамі.

Навуковая спадчына І. Лелявеля ахоплівае больш за 150 друкаваных твораў [7, s. 21], аднак ні адзін з іх не быў цалкам прысвечаны праблемам польска-літоўскай уніі. Пытанне аб'яднання Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) было апісана ў наступных працах: «Historia polska do końca panowania Stefana Batorego» (1813) [12], «Historyczna paralela Hiszpanii z Polską w XVI, XVII, XVIII wieku» (1820) [16], «Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane» (1829) [13], «Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Liublinie 1569 r. zawartej» (1831) [15]. Праблему ўніі І. Лелявель таксама падымаў падчас выкладання ў Віленскім універсітэце. Даследчыцкая зацікаўленасць І. Лелявеля падзеямі польска-літоўскіх уній была абумоўлена дзвюмя прычынамі. Па-першае, гэта было пытанне, непарыўна звязанае з гісторыяй польскага народа. Па-другое, яно з'яўлялася фрагментам даследаванняў па гісторыі ВКЛ, і, такім чынам, уваходзіла ў сферу яго навуковых інтарэсаў [17, s. 79].

У сувязі з вывучэннем праблематыкі ўній Каралеўства Польскага з ВКЛ І.Лелявель надаў даніну павагі аднаму з дыскусійных яе аспектаў, адказу на пытанне: каму належала ініцыятыва ў падпісанні Крэўскай дамовы ў 1385 г.? Калі звярнуцца да крыніц, можна заўважыць пэўную супярэчлівасць іх паведамленняў пра бок, які першым выйшаў з прапановай перагавораў аб шлюбе вялікага князя літоўскага Ягайлы з польскай каралевай Ядзвігай. Калі літоўска-рускія летапісы прыпісвалі гэту ініцыятыву польскаму боку [2, с. 63–64, 69, 87, 99, 113, 135, 157, 184, 204, 226; 1, с. 144], то польскія храністы Я. Длугаш і М. Стрыйкоўскі сцвярджалі адваротнае: гэта Ягайла прасіў рукі Ядзвігі [5, s. 423; 19, s. 72].

Паколькі помнікі літоўска-рускага летапісання былі ўключаны ў навуковы зварот адносна позна (з другой чвэрці XIX ст.), спачатку даверам карысталася версія падзей, выкладзеная ў польскіх крыніцах. Яе

прыняў І. Лелявель, які лічыў вялікага князя літоўскага Ягайлу ініцыятарам працэса аб'яднання Каралеўства Польскага з ВКЛ. Гісторык пісаў: «Задумаў Ягайла, а для палякаў гэта не было таямніцай, папрасіць рукі польскай каралевы Ядзвігі» [12, s. 225]. Прыведзеная цытата ўказвае, што польскія паны ўжо раней ведалі прапанову Ягайлы. Яны далі згоду і дазвол на рэалізацыю планаў Ягайлы, паколькі тыя супалі з інтарэсамі палітычнай эліты Польшчы. На думку І. Лелявеля, адзінай асобай, якая супраціўлялася рэалізацыі гэтага плана, была сама каралева Ядзвіга. Аднак і яна падпарадкавалася волі народа, які жадаў гэтага саюза. У сваім наратыве гісторык падкрэсіў, што Ядзвіга, даючы згоду на шлюб з Ягайлам, ці польска-літоўскі саюз, зрабіла гэта дзеля дабра і карысці дзяржавы. Такім чынам, яна прынесла ў ахвяру сваёй Айчыне каханне да любімага мужчыны [12, s. 226; 13, s. 107].

Гэтыя меркаванні непасрэдна транслююцца на прадстаўленую праблему, бо для І. Лелявеля ключавым элементам у працэсе аб'яднання Польшчы і ВКЛ стаў шлюб Ягайлы з Ядзвігай. Таму таксама, па перакананні даследчыка, саюз паміж дзвюмя дзяржавамі быў заключаны не ў Крэве, а ў момант заключэння шлюба Ягайлы з Ядзвігай. Гісторык пісаў: «…здавалася, што дынастычная ідэя злучае дзве дзяржавы» [15, s. 158].

Несумненнай прычынай польска-літоўскай уніі была пагроза з боку Тэўтонскага ордэна. Аднак, на думку Х. Лаўмяньскага, І. Лелявель не здагадваўся пра ўплыў пагрозы ВКЛ з боку крыжакоў на генезіс Крэўскай уніі [17, s. 95]. Абвяржэннем гэтага меркавання можа быць дапаўненне да асноўнага тэкста, запісанае І. Лелявелем на палях «Historii polskiej do końca panowania Stefana Batorego», і адрэдагаванае спасабам, адпавядаючым стылізацыі галоўнага тэкста, выдаўцом тома – З. Калянкоўскім. Заўвага, запісаная аўтарам, гучала наступным чынам: «Злучэнне народаў. Агульныя выгады, дапамога супраць непрыяцеляў: крыжакоў, татараў і русінаў…» [12, s. 254].

Пры канструяванні бачання І. Лелявелем Гарадзельскай уніі трэба звярнуць увагу на змену, якая адбылася ва ўспрыманні гэтай падзеі гісторыкам. Падчас курсавых лекцый у Віленскім універсітэце гарадзельскія падзеі былі для І. Лелявеля польска-літоўскай уніяй [11, s. 387], тады як у астатніх працах ён пісаў, што ў 1413 г. адбыўся з'езд (сойм) абодвух народаў. На гэтым сойме літоўскім баярам было дадзена «імя, ужо не баяраў, але шляхты. …Радасць ад гэтага была вялікая, народы туліліся адзін да аднаго і цяперашнія літоўцы, як літоўская шляхта, бралі гербы польскай шляхты. Гэта было ў пісьмовай форме, і завяршэнне гэтых гарадзельскіх ухвал не магло адбыцца вельмі хутка: гэта, сапраўды, выклікала думку аб разрыве саюза абедзвюх дзяржаў» [15, s. 169]. Аднак, нягледзячы на супраціўленне літоўскіх паноў, у імя братэрства і роўнасці Гарадзельская ўнія ўраўняла прывілеі літоўскай шляхты з прывілеямі польскай шляхты [14, s. 223].

На думку І. Лелявеля, Вітаўт не хацеў, каб Ягайла ўмешваўся ў справы ВКЛ. Аднак ён дазволіў, каб кароль выдаў прывілей у Горадле, таму што дзякуючы гэтаму здабыў сабе саюзніка ў барацьбе з крыжакамі. Нягледзячы на гарадзельскія падзеі, падчас бітвы ён наўмысна адвёў свае войскі толькі для таго, каб падвергнуць палякаў стратам і не дапусціць якой-небудзь выгады для іх. Такім чынам, Вітаўт быў прадстаўлены даследчыкам як асоба, нелаяльная адносна свайго саюзніка. Паводле І. Лелявеля, Вітаўт таксама быў чалавекам двуаблічным: «…дазволіў гарадзельскія наданні і абвяшчаў іх разам з Ягайлам, аднак быў супраць іх і не дапускаў экзекуцыі, ён і не думаў патураць самадзяржаўю вялікага князя, намеснікам якога быў» [15, s. 159]. А такія дзеянні маглі правесці да аслаблення, альбо наогул да разрыва польска-літоўскага саюза [12, s. 107, 108; 15, s. 168, 169].

Аднак унія вытрымала пробу часам. Больш таго, І. Лелявель у сваіх працах падкрэсліваў, што ў гісторыі абодвух народаў прыйшоў такі час, калі ўласна ВКЛ пачало імкнуцца да саюза з Польшчай. Такія змены ў паводзінах ВКЛ вынікалі з пераканання яго жыхароў, што супрацоўніцтва з Каралеўствам Польскім можа прынесці значныя выгады. Таму літоўцы зацвердзілі ў Вільні ўнію з Польшчай, не толькі пацвярджаючы сваю лаяльнасць і трываласць польска-літоўскага саюза, але таксама абяцаючы, што з моманту яе ўхвалення пасады караля Польшчы і вялікага князя літоўскага будуць належаць адной асобе [15, s. 188].

Нягледзячы на спробы аб'яднання Польшчы і ВКЛ, якія ажыццяўляліся з часоў кіравання Ягайлы, дадзены працэс, па ўяўленні І. Лелявеля, закончыў толькі Жыгімонт II Аўгуст. Гісторык падкрэсліваў, што гэта была вельмі значная справа, да таго ж надзвычай складаная для выканання [12, s. 135–136].

І. Лелявель заўважыў, што аб'яднанне Польшчы і ВКЛ было павольным працэсам. Апісаваючы праблему польска-літоўскай уніі, ён найбольш часта ўжываў такія дзеясловы, як злучаць [10, s. 172], далучаць [14, s. 222], уключаць [15, s. 160], аб'ядноўваць [12, s. 226], што дае падставу меркаваць, што інкарпарацыя ВКЛ у Польшчу была аднаразовым палітычным манеўрам. Аднак у дзвюх працах («Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Liublinie 1569 r. zawartej» [15] і «Historia polska do końca panowania Stefana Batorego» [12]) даследчык выразна зазначыў, што падпісанне першай уніі толькі пачало доўгатэрміновы працэс аб'яднання двух народаў, які, па меркаванні І. Лелявеля, цягнуўся амаль два стагоддзі. Захаванне ўніі на працягу такога доўгага часу патрабавала вялікіх намаганняў. На думку даследчыка, яно залежала ад

добрай волі абодвух народаў, якая, у сваю чаргу, вынікала з агульнага інтарэсу. Аднак заўсёды злучаючым звяном была Польшча, таму што валодала найбольшай колькасцю сіл.

Такім чынам, такое атаясамліванне інтарэсаў народа з інтарэсамі пануючай эліты выклікала скажэнне бачання польска-літоўскай уніі ва ўяўленні даследчыка. У выніку І. Лелявель стварыў яе ідэалізаваны вобраз, услаўляючы добраахвотны саюз Польшчы з ВКЛ і гістарычную місію Польшчы на ўсходзе.

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М. : Наука, 1975. – Т. 32. Хроники : Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – [8], 235 с.
2. ПСРЛ. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – 305, [1] с.
3. Borejsza, J. W. W kręgu wielkich wygnańców / J. W. Borejsza. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1963. – 594, [1] s.
4. Cygler, B. Działalność polityczno-społeczna J. Lelewela na emigracji w latach 1831–1861 / B. Cygler. – Gdańsk : Gdańskie Towarzystwo Naukowe, Wydział 1 Nauk Społecznych i Humanistycznych, 1969. – 320 s.
5. Długosz, J. Długosza Jana kanonika krakowskiego Dziejów Polski ksiąg dwanaście / J. Długosz. T. I–V. – Kraków : W Drukarni Czasu W. Kirchmayera, 1867–1870. – T. IV. – 1869. – [8], 678, XXIII s.
6. Grabski, A. F. Lelewel Joachim (22 III 1786 Warszawa – 29 V 1861 Paryż) / A. F. Grabski // Słownik historyków polskich, pod red. M. Prosińskiej-Jackl. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1994. – 630 s. – S. 290–294.
7. Kieniewicz, S. Lelewel Joachim, Józef Benedykt (1786–1861) / S. Kieniewicz // Polski słownik biograficzny / Polska Akademia Nauk, Instytut Historii im. Tadeusza Manteuffla : T. 1-. – Warszawa: Instytut Historii PAN, – Kraków: Skład główny w księgarni Gebethnera i Wolffa; Polska Akademia Umiejętności, – Wrocław [etc.]: Ossolineum, 1935-. – T. XVII. Legendorf Fabian – Lubomirski Aleksander. – 1972. – X, 640, [1] s. – S. 21–25.
8. Kieniewicz, S. Samotnik brukselski : Opowieść o Joachimie Leiewelu / S. Kieniewicz. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1964. – 165, [2] s.
9. Korzon, T. Joachim Lelewel 1786–1861 / T. Korzon // Album biograficzne zasłużonych Polaków i Polek wieku XIX : w II t. – Warszawa : Nakładem Maryi Chełmońskiej, 1901–1903. – T. I. – 1901. – (8), IV, 498 s. – S. 222–229.
10. Lelewel, J. Dzieje Polski, które stryj synowcom swoim opowiedział / J. Lelewel. – Warszawa : S. Orgelbrand, 1863. – 510, V s.
11. Lelewel, J. Dzieła : W X t. / J. Lelewel. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. III : Wykłady kursowe z historii powszechnej w Uniwersytecie Wileńskim 1822–1824. – 1959. – 791 s.
12. Lelewel, J. Dzieła : W X t. / J. Lelewel. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. VI : Historia polska do konca panowania Stefana Batorego / oprac. Z. Kolankowski. – 1962. – 540 s.
13. Lelewel, J. Dzieła : W X t. / J. Lelewel. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. VII : Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane. – 1961. – 409 s.
14. Lelewel, J. Dzieła : W X t. / J. Lelewel. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. VIII : Historia Polski nowożytnej. – 1961. – 408 s.
15. Lelewel, J. Dzieła : W X t. / J. Lelewel. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. X : Dzieje Litwy i Rusi : aż do unii z Polska w Lublinie 1569 zawartej / oprac. J. Ochmański. – 1969. – 254, [4] s.
16. Lelewel, J. Historyczna paralela Hiszpanii z Polską w XVI, XVII, XVIII wieku / J. Lelewel. – Warszawa : Wydawnictwo «DiG», 2006. – 71 s.
17. Łowmiański,H. Joachim Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Łowmiański // Z badań nad pracami historycznymi Joachima Lelewela. Referaty i głosy dyskusijne z sesji naukowej UAM zorganizowanej ku uczczenia setnej rocznicy śmierci / pod red. J. Pajewskiego. – Poznań : Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 1962. – 196, [1] s. – S. 79–98.
18. Serejski, M. H. Joachim Lelewel i jego szkoła / M. H. Serejski // Polska myśl filozoficzna i społeczna : w III t. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1973–1977. – T. I : 1831–1863, pod red. A. Walickiego. – 677, [2] s. – S. 30–77.
19. Stryjkowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i Wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtorzeniem wydania pierwotnego krolewieckiego z roku 1582, poprzedzone Wiadomością o życiu i pismach Stryjkowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Stryjkowskiego według pierwotnych wydań / M. Stryjkowski. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – T. II. – 572 s.
20. Śliwiński, A. Joachim Lelewel : Zarys biograficzny lata 1786–1831 / A. Śliwiński. – Warszawa : Wydawnictwo kasy im. Mianowskiego, 1932. – 434 s.

УДК 902/904

РЕЗУЛЬТАТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ РАСКОПОК 2011 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ БОРИСО-ГЛЕБСКОЙ ЦЕРКВИ (ГРОДНО)

Никита Каспер
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
nikitakasper127@gmail.com

В статье изложены результаты антропологического исследования, краниологических и остеологических материалов. Которые были получены в ходе археологических исследований на территории Борисоглебской церкви, которые проводились на вышеупомянутом памятнике в 2011 году.

Ключевые слова: Череп, осевой скелет, захоронение, кости, морфологические особенности, посткраниальный скелет

RESULTS OF ANTHROPOLOGICAL INVESTIGATION OF BONE REMAINS FROM EXCAVATIONS IN 2011 ON THE TERRITORY BORISO-GLEBSK CHURCH (HRODNA)

Nikita S. Kasper
Grodno State University named after Yanka Kupala, Grodno, Belarus

The article presents the results of anthropological research, craniological and osteological materials. Which were obtained during archaeological research on the territory of the Borisoglebskaya Church, which was carried out on the aforementioned monument in 2011.

Key words: Skull, axial skeleton, burial, bones, morphological features, postcranial skeleton

Введение: В 2011 году в связи с выполнением реставрационных работ на территории Борисоглебской (Коложской) церкви проводились археологические исследования (ил. 1). Руководил раскопками доктор исторических наук Пивоварчик Сергей Аркадьевич.

Целью археологических работ было изучение состояние фундаментов храма. С восточной стороной храма был заложен раскоп №1 общей площадью 40 кв. м. Кроме того, для более детального изучение памятника с северной стороны было заложено два шурфа площадью 3 х 2 м [3].

В ходе археологических работ в раскопе №1 был найден средневековый могильник. В нем были зафиксированный остеологические и краниологические материалы, которые принадлежали позднесредневековому человеку. Скелеты были исследованы по комплексной программе, которая включает в себя установление пола и биологического возраста скелета. Пол был определен на основаниях комплексных методов, которые включают в себя: изучение тазовых костей, черепа человека [1, 2]. При определении возраста скелета учитывалось: уровень зарастания черепных швов, также учитывался и уровень стирания зубного рельефа. Возраст детского скелета определялся по степени развития зубной системы [1].

Основная часть: Цель работы, представить результаты антропологического исследование костей средневекового человека, которые были найденный в ходе археологических работ 2011 года.

Все скелеты, находящиеся в раскопе №1, были захоронены по обряду трупоположения и располагались по всей площади раскопа в определенной системе по оси север-юг [3]. В ходе работ археологами было выявлено, что захоронения располагались на четырех уровнях:

- Первый уровень – на глубине 0,6 м от дневной поверхности – 6 захоронений;
- Второй уровень – на глубине 0,8-1,0 м от дневной поверхности – 8 захоронений;
- Третий уровень – на глубине 1,0-1,2 м от дневной поверхности – 7 захоронений;
- Четвёртый уровень – на глубине 1,20-1,40 м – 4 захоронения.

Захоронение №1 (располагалась на первом уровне)

Осевой скелет находился на глубине 0,68 м от дневной поверхности. Скелет был ориентирован головой на запад, располагался на спине, в вытянутом положении. Скелет сохранился плохо: отсутствует нижняя часть тела, череп представлен частично (сохранились фрагменты лобной кости, а также двух затылочных и теменные кости). По данным черепных швов удалось установить возраст скелета: 30-40 лет. Пол установить не удалость в связи с плохой сохранностью скелета.

Захоронение №2 (располагалась на первом уровне)

Осевой скелет находился на глубине 0,72 м от дневной поверхности. Скелет был ориентирован головой на запад, располагался на спине в вытянутом положении. Сохранился в хорошем состоянии - отсутствуют лишь кости стопы. Череп сохранился плохо: полностью разрушена лицевая часть. После изучение черепных швов возраст скелета составляет 45 – 60 лет. Особенности тазовых костей и черепа позволяют говорить, что данный скелет принадлежал мужчине. Примерный рост - 171 см. Верхняя челюсть отсутствует. Нижняя челюсть представлена хорошо, с правой стороны можно проследить отсутствие моляров 36, 37, 38: данные зубы были удалены ещё при жизни. На остальных зубах нижней челюсти прослеживается процесс стирания.

Захоронение №3 (располагалась на первом уровне)

Осевой скелет находился на глубине 0,71 м от дневной поверхности. Черепом был ориентирован на запад с небольшим отклонением на юг [3]. Кости сохранились частично (отсутствуют кости нижних конечностей до колен). Морфологические особенности черепа, а также тазовых костей позволяют определить пол как мужской. Особенности срастания черепных швов характерны для возраста 30-45 лет.

Захоронение №4

Представлены двумя посткраниальными скелетами двух взрослых индивидов. Черепа не сохранились. Морфологические особенности строения тазовых костей характерны для женщины и мужчины. В связи с отсутствием фрагментов возраст сказать невозможно.

Захоронение №5 (располагалась на первом уровне)

Осевые скелеты находились на глубине 0,63 м от дневной поверхности. Скелеты были ориентированы головой на запад с отклонением на юг. В данном захоронении находятся кости трех человек: двух взрослых и одного ребёнка.

Кости взрослых: кости взрослого индивида представлены различными частами скелета, череп также сохранился плохо: лицевая часть черепа разрушена, отсутствует и нижняя челюсть. Анализ черепных швов показал примерный возраст (от 40 – 60 лет). Тазовые кости позволяют выявить пол как мужской.

Кости второго скелета практически отсутствуют, череп разрушен и представлен отдельными костями (две теменные кости, левая скуловая кость). Сказать точный возраст и пол, в связи с полным разрушением скелета, трудно.

Детские кости: сохранились плохо и представлены только правой теменной костью.

Захоронение №8 (располагалась на втором уровне)

Основной скелет находился на глубине 0,96 м от дневной поверхности. Скелет сохранился хорошо, за исключением костей ног (повреждена малая берцовая кость правой ноги, отсутствуют кости стоп). Череп сохранился хорошо. Морфологические особенности черепа и тазовых костей характерны для женского пола. Срастание черепных швов характерно для возраста 30-40 лет. Зубы нижней и верхней челюсти сохранились плохо, подвержены кариесу. Форма черепа брахикранная.

Захоронение №9 (располагалась на втором уровне)

Бессистемное скопление костей одного взрослого и ребенка, возможно, было повреждено во время проведения ремонтных работ на данной территории. Череп взрослого индивида отсутствует, череп ребенка представлен фрагментарно. В связи с плохой сохранностью костей, точно определить пол и возраст невозможно.

Захоронение №11 (располагалась на втором уровне)

Осевой скелет находился на глубине 0,85 от дневной поверхности [3]. Кости туловища сохранились целиком в хорошем состоянии, череп также сохранился хорошо, вместе с нижней челюстью. Процесс срастания черепных швов, а также развитие окостенения, характерно для возраста старше 50 лет. Морфологические особенности черепа и тазовых костей позволяют определить пол как мужской. Зубы верхней челюсти сохранились в хорошем состоянии, нижняя челюсть представлена меньшим количеством зубов (большинство выпала уже после смерти). Череп имеет долихокранную форму. Среди костей взрослого индивида находились фрагменты костей ребенка.

Захоронение №14 (располагалась на втором уровне)

Осевой скелет находился на глубине 1,18 м от дневной поверхности. Скелет был ориентирован головой на запад с отклонением на юг, в вытянутом состоянии на спине. Кости нижних конечностей представлены плохо, также кости ребер и рук имеют повреждения. Череп полностью разрушен, однако все основные части для определения возраста не подвержены сильному разрушению. После процесса сборки черепных костей и изучения черепных швов примерный возраст скелета составляет 45 – 55 лет. Благодаря сохранившимся тазовым костям был установлен женский пол скелета.

Захоронение №15 (располагалась на третьем уровне)

Осевой скелет находился на глубине 1,04 м от дневной поверхности. Скелет был ориентирован на запад с отклонением на север, в вытянутом положении на спине. Кости сохранились хорошо, череп также сохранился в хорошем состоянии. Возраст скелета составляет 25 – 40 лет. Благодаря хорошо сохранившимся

тазовым костям, а также особенностям черепа, можно сказать, что данный скелет принадлежит мужчине. По остатку зубов нижней и верхней челюсти, можно сказать, что при жизни страдал от кариеса зубов, также можно наблюдать большой уровень стираемой рельефной поверхности зубов как нижней, так и верхней челюсти. Примерный рост - 171 см.

Захоронение №16 (располагалась на третьем уровне)

Осевой скелет находился на глубине 1,02 м от дневной поверхности. Скелет был ориентирован на запад с отклонением на север, в вытянутом положении [3]. Кости представлены в хорошем состоянии, череп, вместе с нижней челюстью, сохранился идеально. Примерный возраст скелета составляет от 45 – 60 лет. Морфологические особенности черепа, а также тазовых костей, дают основание полагать, что это мужчина. На зубах нижней и верхней челюсти присутствуют черные пятна, а также дырки, которые характерны для кариеса. Примерный размер скелета составляет 167 см.

Захоронение №17 (располагалась на четвертом уровне)

Осевой скелет сохранился в идеальном состоянии, череп, вместе с нижней челюстью, сохранился в хорошем состоянии. Нужно также отметить, что данный череп по своей массе является одним из самых больших из представленных в данной серии. Возраст данного скелета составляет 65 лет, однако возможно и больше. Пол - мужской. Примерный рост составляет 168 см. Нужно также заметить, что зубы верхней челюсти сохранились практически полностью, при жизни был удален 27 моляр верхней челюсти. Нижняя челюсть также сохранилось хорошо, однако при жизни мужчины был удален 37 моляр. Все остальные зубы сохранились в хорошем состояний.

Захоронение №18 (располагалась на четвертом уровне)

Осевой скелет находился на глубине 1,24 м от дневной поверхности [3]. Кости сохранись практически в идеальном состоянии - отсутствуют кости лишь левой руки. Череп, вместе с нижней челюстью, также сохранился хорошо. Хорошо сохранившиеся тазовые кости, а также морфологические особенности черепа, позволяют нам говорить, что данные кости принадлежат женщине. Возраст составляет 20-30 лет. Верхняя челюсть представлена практически в целом состоянии, однако отсутствуют резцы – 21, 22 и премоляры – 24, 25. Повреждение, которое вызвало отсутствие этих зубов, было нанесено уже после смерти. Нижняя челюсть сохранилась в хорошем состояний.

Захоронение №19 (располагалась на третьем уровне)

Посткраниальный скелет находился на глубине 1,11 м от дневной поверхности, ориентирован головой на запад с отклонением на север. Скелет сохранился практически целиком, отсутствует череп. Хорошо сохранившиеся кости позволяют определить полное срастание тазовых костей. Данный факт может говорить о том, что примерный возраст скелета составляет 23 года. Особенности тазовых костей позволяют определить пол как мужской.

Захоронение №20 (располагалась на третьем уровне)

Посткраниальный скелет находился на глубине 1,13 м от дневной поверхности. По обряду трупоположения, скелет выявлен в раскопе не полностью, левая сторона находилась в северной стенке раскопа. Скелет сохранился очень плохо: отсутствует череп и основные части нижних и верхних конечностей. В связи плохой сохранностью, определить возраст и пол скелета невозможно.

Захоронение №21 (располагалась на третьем уровне)

Посткраниальный скелет находился на глубине 1,18 м от дневной поверхности. Скелет ориентирован на запад с отклонением на юг. Кости верхних и нижних конечностей сохранились хорошо. Череп сохранился практически хорошо, однако разрушению подвержена скуловая кость. Пол определён как мужской. Возраст составляет 30 – 35 лет. Зубы нижней челюсти сохранились хорошо, верхняя челюсть сохранилась частично.

Захоронение №23 (располагалась на четвертом уровне)

Осевой скелет находился на глубине 1,30 м от дневной поверхности. Был ориентирован на запад с отклонением на север [3]. Скелет сохранился частично (отсутствуют нижние конечности, левая часть верхнего скелета подвержена сильному разрушению). Данные повреждения были нанесены уже после смерти. Морфологические особенности строение черепа позволяют определить пол как женский. Состояние черепных швов характерно для возраста 20-25 лет. Среди остеологических материалов женщины находились материалы детского позвоночника.

Череп №1 между захоронениями 17 и 21

Череп сохранился хорошо, однако отсутствует нижняя челюсть. Состояние черепных швов характерно для возраста 40 – 45 лет. Морфологические особенности черепа позволяют определить пол как женский. Данный череп находился внизу.

Череп №2 между захоронениями 17 и 21

Череп сохранился частично, сильно повреждена лицевая часть. Состояние черепных швов характерно для возраста 50 лет и старше. В связи с тем, что лицевая часть черепа отсутствует, установить пол невозможно. Данный череп находился наверху.

Кости без шифра

Посткраниальный скелет представлен некоторыми костями верхнего туловища, многие из них имеют повреждения. Нижние конечности, как и череп, отсутствуют. В связи с тем, что отсутствуют основные диагностические фрагменты, возраст и пол определить невозможно.

Кости без шифра

Посткраниальный скелет сохранились практически целиком. Особенности морфологического строения тазовых костей позволяют определить пол как женский. В связи с отсутствием диагностических фрагментов, определить точный возраст невозможно.

Кости без шифра

Скелет отсутствует. Представлен только череп в хорошем состояний, также присутствует и нижняя челюсть. Морфологические особенности строения черепа позволяют определить пол как мужской. Возраст - 25-40 лет. Череп имеет брахикранную форму строения.

Кости без шифра

Посткраниальный скелет представлен лишь фрагментами позвоночника, костей ног. Череп отсутствует. В связи с отсутствием диагностического материала, сказать точный возраст и пол невозможно.

Кости без шифра

Сохранились два черепа: взрослый и детский. Взрослый череп сохранился плохо: представлен только лицевой частью и нижней челюстью. В связи с плохой сохранностью, точно определить пол невозможно. Сохранившиеся черепные швы характерны для возраста выше 50 лет. Детский череп представлен в хорошем состояний, отсутствует нижняя челюсть. Развитие зубной системы характерно для возраста 6-7 лет.

Ил. 1. Место проведения археологических раскопок, территория Борисоглебской (Коложской) церкви

Вывод: Материалы захоронения, представлены фрагментами примерно 30-ти человек. Смогли установить возраст и половую принадлежность у 23-х (12 мужчин, 7 женщин, 4 ребенка). Возраст и пол были определены с помощью хорошо сохранившихся материалов. У остальных 7 скелетов пол и возраст установить не удалось, так как уровень их сохранности очень низок: основные фрагменты для анализа отсутствуют, либо почти разрушены.

Средний возраст смерти мужчины составляет 38 лет, средний возраст смерти женщины 27 лет. Пик смертности у мужчин приходится на 30-40 лет, также присутствуют случаи смерти после 50 лет. Пик смертности у женщин приходится на возраст 20-30 лет. Самому молодому скелету мужского пола на момент смерти было 23 года, а самому старому мужчине 70 лет. Самой молодой девушке 20-25 лет, самый крайний срок жизни женщины составляет 45-55 лет.

Ни на одном из скелетов остеологической серии не были найдены повреждения, которые могли бы быть нанесены в ходе боевых действий.

По итогу изучения верхней и нижней челюстей, можно сказать, что у 15 скелетов выявлены признаки кариеса. Связано это было с тем, что в рационе пищи использовалось большое количества углеводов, продуктов с большим количеством сахара. Также присутствуют следы удаления зубов при жизни человека. Нужно отметить, что лучше всего зубы сохранились у индивидов в возрасте старше 50 лет.

Материалов детских зубов сохранилось мало, однако на их основе можно наблюдать, что дети также были подвержены кариесу.

1. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. – Москва: Наука, 1964 - 128 с.
2. Алексеев, В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев. – Москва: Наука, 1964 – 249 с.
3. Пивоварчик, С. А. Отчёт об археологических работах на объекте: «Реконструкция с реставрационно-востановительными работами здания историко-культурной ценности Республики Беларусь (12–19 век) Борисоглебской (Коложской) церкви в Коложском парке города Гродно» в 2011 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 3079. – 39 с., 13 с. колл. оп., 26 с. илл., 2 с. сп. илл., 51 с. фото, 4 с. сп. фото, 14 с. экспертиза, 1 справка.

УДК 903.23 02-035.23/.25:633(476.7)”03/06”

БАТАНІЧНЫЯ ДАМЕШКІ Ў КЕРАМІЦЫ ПРАЖСКАЙ КУЛЬТУРЫ З ПАСЕЛІШЧА ВОСТРАЎ НА ПОЎДНІ БЕЛАРУСІ[1]

Міхаіл Лашанкоў ; Уладзімір Лябедзька ; Алена Касюк ; Паліна Курловіч ; Вікторыя Тарасевіч

Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа НАН Беларусі ; Інстытут эксперыментальнай батанікі імя У.Ф. Купрэвіча НАН Беларусі ; Інстытут гісторыі НАН Беларусі ; Беларускі дзяржаўны універсітэт ; Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь

loshenkov_mihail@mail.ru ; Vladmir.flora@yandex.by ; kasiuk2585@gmail.com ; KurlovichP@bsu.by ; tarasevichvika475@gmail.com

Артыкул прадстаўляе насенне пасяўных культур раннеславянскага насельніцтва з паселішча Востраў. Ідэнтыфікацыя відаў – лёну, жыта, проса, пшаніцы і ячменю, выканана ў лабараторных умовах па штучных арганічных дамешках у ляпным посудзе. Улічваючы фрагментарнасць ведаў аб сістэмах земляробства ў эпоху ранняга Сярэднявечча на тэрыторыі Беларусі і Усходняй Еўропы, атрыманыя дадзеныя з’яўляюцца каштоўным унёскам у распрацоўку азначанай тэмы.

Ключавыя словы: археабатаніка, Пінскі раён, эпоха ранняга Сярэднявечча, пражская культура, ляпная кераміка, земляробства, лён

BOTANICAL INTERMIXTURES IN THE CERAMICS OF THE PRAGUE CULTURE FROM THE SETTLEMENT VOSTRAŬ IN THE SOUTH OF BELARUS

Mihail I. Lašankoй ; Uladzimir M. Liabedźka ; Alena F. Kasiuk ; Palina S. Kurlovich ; Viktoryia M. Tarasevich

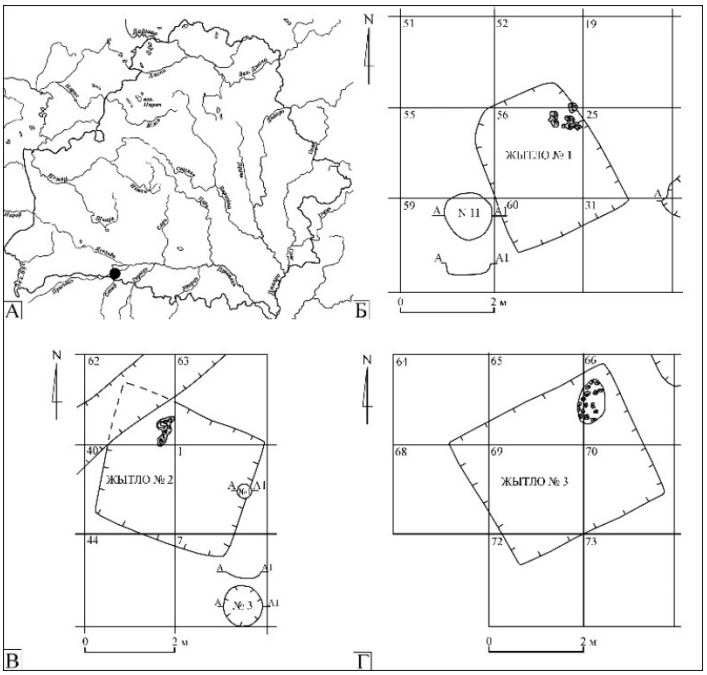
Yakub Kolas Central Scientific Library ; V.F.Kuprevich Institute of Experimental Botany, National Academy of Sciences of the Republic of Belarus ; Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Belarus ; Belarusian State University ; National Historical Museum of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

The article presents the seeds of crops of the early Slavic population of the settlement Vostraŭ. Identification of species – flax, rye, millet, wheat and barley, was carried out in laboratory conditions by artificial organic impurities in hand-made pottery. Given the fragmentation of knowledge about the farming system in the Early Middle Ages in Eastern Europe, the data obtained are a valuable contribution to the development of the designated research topic.

Keywords: archaeobotany, Pinsk district, Early Middle Ages, Prague culture, hand-made pottery, farming, flax

[1] Артыкул падрыхтаваны ў межах выканання навукова-даследчай работы БРФФД-РРФФД «Системы землепользования в лесной зоне Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.)» № Г21РМ-155 ад 01 ліпеня 2021 г.

Вывучэнне археалагічных помнікаў ранніх славян на тэрыторыі Беларусі – справа не новая. Апошнім часам (з 1990 г.) яна актывізаваная даследаваннямі В. С. Вяргей, А. А. Егарэйчанкі, Г. М. Бяліцкай, А. Ф. Касюк [1; 2; 3; 4; 5; 10; 11]. Мэта артыкула – прадставіць новую інфармацыю аб занятках земляробствам носьбітаў пражскай супольнасці з канца IV ст. па VII ст. н. э. Разглядаць земляробства славян мы будзем толькі па адной крыніцы – археабатанічных знаходках рэшткаў пасяўных культур. На нашай тэрыторыі славянскае насельніцтва пражывала на паселішчы Востраў (Мал. 1: А), ва ўрочышчы Марфінец (Пінскі раён, Брэсцкая вобласць). Гэты помнік даследавалі ў 1987 г. А. А. Егарэйчанка 296 м², у 2011 г. – А. Ф. Касюк 32 м² [10; 11]. На вывучанай плошчы паселішча А. А. Егарэйчанка зафіксаваў тры жытлы жыхароў пражскай культуры (Мал. 1: Б, В, Г). Даследчыкі датуюць іх другой паловай IV ст. – першай паловай V ст. н. э. і адносяць да адных з самых ранніх у гэтай культуры ва ўсім арэале распаўсюджвання [10; 6, с. 405–409, 439]. Аб'ектамі нашага разгляду з'яўляюцца абломкі глінянага посуду са штучнымі дамешкамі. Арганічныя дабаўкі наўмысна падсыпалі майстры-керамісты ў глінянае цеста, каб павялічыць трываласць вырабаў.



Малюнак 1. Месцазнаходжанне паселішча Востраў (А) і жытлы ў раскопе 1987 г. (Б, В, Г). Паводле А. А. Егарэйчанкі, 1991, табл. I

У калекцыях керамікі з жытлаў № 1 і № 3 зафіксаваныя фрагменты трох гаршкоў, начынні якіх утрымліваюць насенне раслін. У лабараторыі флоры і сістэматыкі раслін Інстытута эксперыментальнай батанікі НАН Беларусі Д. І. Траццякоў і У. М. Лябедзька ідэнтыфікавалі ўключэнні насення лёну (*Linum usitatissimum* L.), жыта (*Secale cereale* L.), проса (*Panicum miliaceum* L.), пшаніцы мяккай (*Triticum aestivum* L.), ячменю (*Hordeum vulgare* L.) (Табл. 1). У фармовачнай масе штучныя дамешкі насення лёну і злакаў вымешваліся і, такім чынам, заставаліся потым у ляпным посудзе. У час абпалу пасудзін у вогнішчы, дзе тэмпература дасягала больш за 500–650°, арганічныя дабаўкі выгаралі, а замест іх заставаліся пустоты. Менавіта па іх батанікі і вызначаюць віды культурных раслін – збожжавых або валакніста-алейных (тэхнічных). Вывучэнне такіх уключэнняў дазваляе нам дакладна ўстанавіць, якія культуры вырошчвала насельніцтва таго альбо іншага старажытнага паселішча ў адпаведны час першабытнасці.

Табліца 1. Штучныя дамешкі насення пасяўных культур у начынні ляпнога посуду насельніцтва пражскай супольнасці з паселішча Востраў

Лаб .№	Кв-т	Пл-т	Фрагменты посуду	Кол-ць адбіткаў	Назвы раслін	Памеры (мм)		Заўвагі
						даўжыня	шырыня	
Востраў (296 кв. м) – А. А. Егарэйчанка – 1997 г.								
Гаршчок № 3 Мал. 3								
1	ж-ло	№ 3	Шыйка, знешняя паверхня	1	Лён	4	2	Мал. 3; 4

Лаб.№	Кв-т	Пл-т	Фрагменты посуду	Кол-ць адбіткаў	Назвы раслін	Памеры (мм)		Заўвагі
						даўжыня	шырыня	
2	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	3,2	1,3	Мал. 3; 4
3	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4,5	2,2	Мал. 3
4	ж-ло	№ 3	Шыйка, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,1	Мал. 3
5	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,2	Мал. 3
6	ж-ло	№ 3	Шыйка, унутраная паверхня	1	Лён	4,2	2,5	Мал. 3
7	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	4,5	2,3	Мал. 3
8	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	4	3	Мал. 3
9	ж-ло	№ 3	Шыйка, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,8	Мал. 3
10	ж-ло	№ 3	Шыйка, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,2	Мал. 3; 4
11	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	4	2	Мал. 3; 4
12	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3; 4
13	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	4,2	2,3	Мал. 3
14	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	3,8	2,2	Мал. 3
15	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,1	Мал. 3; 4
16	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	4	3	Мал. 3
17	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	3,2	2	Мал. 3
18	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,1	Мал. 3; 4
19	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Лён	4,2	2,3	Мал. 3
20	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3
21	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Лён	4,2	2,5	Мал. 3
22	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,2	Мал. 3; 4
23	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4,2	2,1	Мал. 3; 4
24	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,9	Мал. 3
25	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4,1	2,1	Мал. 3; 4
26	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,4	Мал. 3
27	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, знешняя паверхня	1	Лён	4,5	2,8	Мал. 3
28	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	3,5	2,8	Мал. 3; 4
29	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	4,1	2,8	Мал. 3; 4
30	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	3,9	2,1	Мал. 3; 4
31	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	4	2	Мал. 3

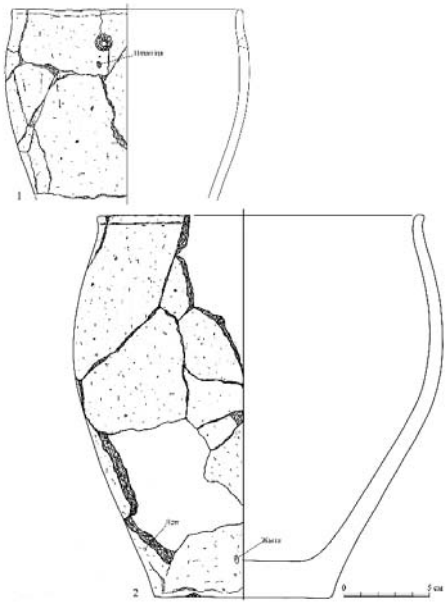
Лаб.№	Кв-т	Пл-т	Фрагменты посуду	Кол-ць адбіткаў	Назвы раслін	Памеры (мм)		Заўвагі
						даўжыня	шырыня	
32	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3; 4
33	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,2	Мал. 3
34	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	3,9	2	Мал. 3; 4
35	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	3	Мал. 3
36	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	3,9	Мал. 3; 4
37	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	3,5	2,2	Мал. 3
38	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,1	Мал. 3
39	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	3,9	2,5	Мал. 3
40	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,2	Мал. 3; 4
41	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	2	Мал. 3
42	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,8	Мал. 3; 4
43	ж-ло	№ 3	Венца, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3
44	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4,1	2,9	Мал. 3
45	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,8	Мал. 3
46	ж-ло	№ 3	Сценка, знешняя паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3; 4
47	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	3,8	2,5	Мал. 3
48	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3
49	ж-ло	№ 3	Сценка, унутраная паверхня	1	Лён	4,5	3,2	Мал. 3; 4
50	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	3,9	2,2	Мал. 3
51	ж-ло	№ 3	Венца, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,4	Мал. 3
52	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, знешняя паверхня	1	Лён	3,5	2,8	Мал. 3
53	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	3,8	2,9	Мал. 3
54	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,5	Мал. 3
55	ж-ло	№ 3	Сценка тулава, унутраная паверхня	1	Лён	4	2,9	Мал. 3
Гаршчок № 2 Мал. 2: 2								
56	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Жыта	7	3	Мал. 2: 2
57	ж-ло	№ 3	Сценка прыдонная, знешняя паверхня	1	Лён	3,9	2,8	Мал. 2: 2
Гаршчок № 1 Мал. 2: 1								
58	ж-ло	№ 1	Сценка, знешняя паверхня	1	Пшаніца	4,0	3,2	кал. № 580 Мал. 2: 1

Лаб. №	Кв-т	Пл-т	Фрагменты посуду	Кол-ць адбіткаў	Назвы раслін	Памеры (мм)		Заўвагі
						даўжыня	шырыня	
59	ж-ло	№ 1	Сценка, унутраная паверхня	1	Проса	2,0	1,5	кал. № 580 Мал. 2: 1
Востраў (32 кв. м) – А. Ф. Касюк – 2011 г.								
60	3	1	Сценка, знешняя паверхня	1	Ячмень	5,5	3,1	кал. № 148
61	3	1	Сценка, знешняя паверхня	1	Ячмень	5,0	2,5	кал. № 148
* Вызначэнні зроблены У. М. Лябедзькай і Д. І. Траццяковым								

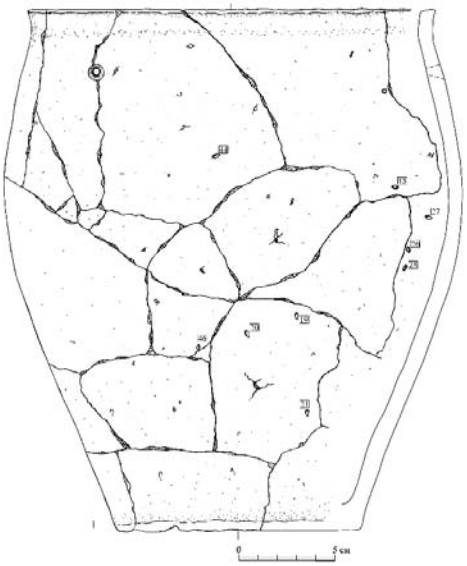
У запаўненні жытла № 1 меліся рэшткі гаршка з адтулінай у верхняй частцы пасудзіны (Мал. 2: 1). Гэтае венца (кал. № 580) мае сляды збожжавых: на знешняй паверхні, ніжэй адтуліны, зафіксавана ўключэнне насення мяккай пшаніцы, а на ўнутранай – проса (Табл. 1: 58, 59). З жытла № 3 адноўлены поўныя формы двух гаршкоў (Мал. 2: 2; 3). Пасудзіна меншых памераў увесь час захоўвалася ў лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. На яе знешняй паверхні, у прыдоннай частцы, ёсць два ўключэнні насення жыта і лёну (Табл. 1: 56, 57; мал. 2: 2). Значную цікавасць уяўляе самы вялікі гаршчок сярод разглядаемых. Ён паходзіць з жытла № 3 (Мал. 3). У яго начынні зафіксавана 55 уключэнняў насення лёну (Табл. 1: 1–55). Адбіткі ёсць на знешняй і ўнутранай паверхнях у розных месцах ляпной пасудзіны (Мал. 3; 4). Памеры насення лёну і збожжавых (жыта, пшаніцы, проса, ячменю) адлюстраваны ў Табліцы 1.

У калекцыі керамікі з раскопа 2011 г. фрагмент плечыка пасудзіны зарубінецкай культуры (канец III ст. да н. э. – сярэдзіна I ст. н. э.) (кв. 3, пл. 1, кал. № 148) [11, с. 357–360, мал. 3: 13] утрымлівае на знешняй паверхні сляды двух насенняў ячменю, што ўстанавіў Д. І. Траццякоў у 2012 г. (Табл. 1: 60, 61). Усяго на разглядаемым помніку раннеславянскага насельніцтва другой паловы IV ст. – пачатку V ст. н. э. зафіксаваны 61 выпадак уключэнняў пяці відаў пасяўных культур у начыннях глінянага посуду.

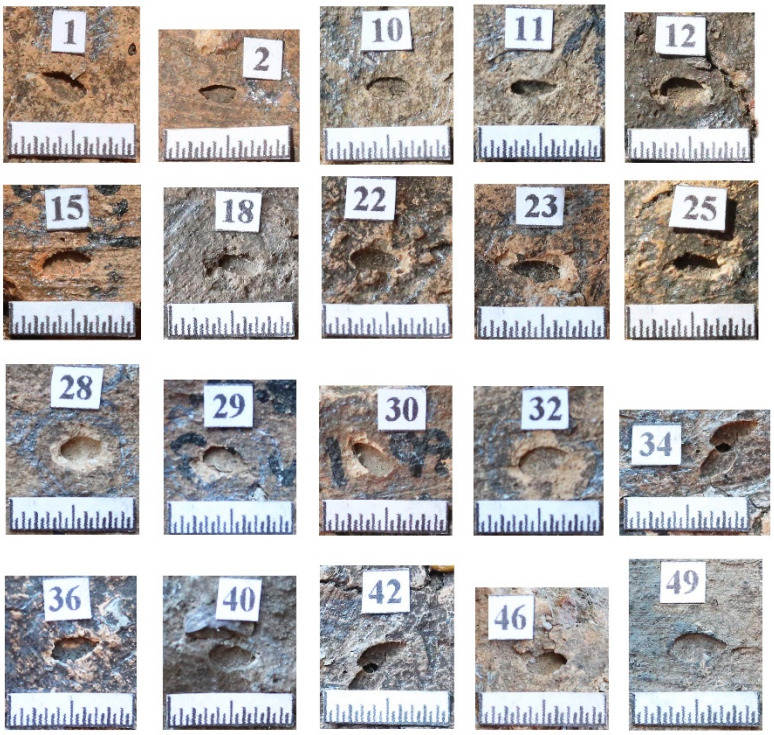
Насенне збожжавых на помніках пражскай культуры ў Беларускім Палессі раней адзначана ў ляпной кераміцы паселішча Барыскавічы Першыя (Мазырскі раён, Гомельская вобласць) [12; 13, с. 216, табл. 46]. Таксама ва Усходнім Палессі, на паселішчы Снядзін 2 (Петрыкаўскі раён, Гомельская вобласць), у матэрыялах з раскопа 2019 г. па адбітках (папярэдне) ёсць наўмысныя дабаўкі жыта, пшаніцы і ячменя. На трох помніках археалогіі паўднёвай часткі Беларусі: Барыскавічы 1, Востраў, Снядзін 2, мы адзначаем наяўнасць чатырох відаў злакавых (проса, пшаніцы, ячменя і жыта) у харчаванні насельніцтва.



Малюнак 2. Ляпныя гаршкі пражскай культуры з паселішча Востраў (1 – жытло 1; 2 – жытло 3)



Малюнак 3. Вялікі ляпны гаршчок з уключэннямі насення лёну. Паселішча Востраў, жытло 3



Малюнак 4. Уключэнні і адбіткі насення лёну на знешняй і ўнутранай паверхнях вялікага гаршка (фота)

На даследаваных помніках пражскай культуры, ва ўсім арэале яе распаўсюджвання, навукоўцы адзначылі наступныя віды пасяўных культур: ячмень плёнчаты, жыта, голазёрныя пшаніцы (карузлікавую і мяккую) і двузярнянку з плёнчатых. Затым – проса, авёс (*Avena sativa* L.), гарох (*Pisum* L.), віку (*Lens* L.), каноплі (*Cannabis* L.) і лён [7, с. 54–55, 115; 8; 9]. За межамі Беларусі па разнастайнасці відаў – асартымент багаты. Па колькасці рэшткаў адпаведных культур назіраецца значная перавага збожжавых: проса, пшаніцы, ячменю. Да рэдкіх, па дадзеных археабатанікі, адносяцца жыта, авёс, гарох, віка, лён і каноплі. На помніках нашай краіны ў пасевах земляробаў такія ж суадносіны культур. Гарох ёсць у адным выпадку з паселішча Сіманавічы (Глускі раён, Магілёўская вобласць), а лён – у матэрыялах Вострава [13, с. 189–190, табл. 46]. На тэрыторыі Беларусі артэфакты з Вострава ўтрымліваюць дакументальныя звесткі аб вырошчванні лёну ў сярэдзіне I тысячагоддзя н. э. Алейна-валакністыя расліны лёну і канопляў мелі двайное выкарыстанне: валокны са сцяблоў трасты ішлі на прадзенне і ткацтва, а багатае каштоўным алеем насенне ўжывалася ў ежу.

У выніку археалагічных раскопак упершыню ільносемя знойдзена на тэрыторыі Беларусі ў 1963 г. даследчыцай А. Г. Краскоўскай. На тарфяніковай стаянцы Крывіна Першая (Бешанковіцкі раён, Віцебская вобласць) мінералізаванае насенне лёну звычайнага, або пасяўнога знаходзілася ў адкладах пласта першай паловы II тысячагоддзя да н. э. насельніцтва ранняга бронзавага часу паўночнабеларускай супольнасці [13, с. 44, 46, табл. 26, с. 173–174, 257]. Пазней, у раннім жалезным веку (сярэдзіна II ст. да н. э. – I ст. н. э.) уключэнне насення (1 адз.) лёну зафіксавана ў кераміцы Чаплінскага гарадзішча насельніцтва зарубінецкай культуры [13, с. 185, 186, табл. 35, с. 188]. Нарэшце, на неўмацаваным паселішчы Востраў, што каля мяжы Паўднёвай Беларусі, мы атрымалі выразную калекцыю рэшткаў (уключэнняў) лёну пасяўнога (56 адз.) канца IV ст. – пачатку V ст. н. э. У мінулым годзе надрукавана няпоўная інфармацыя пра адбіткі льнонасення на дадзеным помніку [13, с. 189–190, табл. 44, 46]. Варта адзначыць, што для перыяду другой паловы I тысячагоддзя н. э. мы не маем археабатанічных знаходак разглядаемай культуры на тэрыторыі Беларусі [13, с. 211–222]. Для гэтага часу можна канстатаваць наяўнасць толькі насення канопляў (4 адз.) з гарадзішча Нікадзімава (Горацкі раён, Магілёўская вобласць) [13, с. 116, табл. 45, 47].

Такім чынам, разгледжаныя археабатанічныя знаходкі з помніка Востраў выразна дэманструюць лён пасяўны ў сярэдзіне I тысячагоддзя н. э. Менавіта гэтая валакніста-алейная культура вырошчвалася і раней жыхарамі стаянкі Крывіна Першая, гарадзішча Чаплін, а затым – паселішча Востраў на тэрыторыі Беларусі ў першабытны час.

1. Бяліцкая, Г. М. Культавы комплекс у Пагарынні / Г. М. Бяліцкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2003. – Вып. 8. – С. 96–117.
2. Бяліцкая, Г. М. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях ракі Гарынь / Г. М. Бяліцкая // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі, НАН Беларусі. – Мінск, 2007. – № 27. – С. 107–123.
3. Бяліцкая, Г. Матэрыялы жытла 5 з паселішча Струга-1 / Г. М. Бяліцкая // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Мінск, 2011. – Vol. 7. – С. 51–67.
4. Вергей, В. С. Раннеславянское поселение Струга-I на нижней Горыни / В. С. Вергей // Archaeoslavica / Inst. Archeologii Uniw. Jagiellońskiego. – Kraków, 1993. – № 2. – S. 63–85.
5. Вяргей, В. С. Справаздача аб палявых даследаваннях у Петрыкаўскім раёне Гомельскай вобласці на археалагічным комплексе каля в. Снядзін у 2005 годзе / В. С. Вяргей / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 2290. – 18 с., 1 с. вызн., 7 с. кал. воп., 6 с. спісы, абаз., 48 с. мал., 22 с. фота.
6. Гавритухин, И. О. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами / И. О. Гавритухин // Archeologia o początkach Słowian : materiały z konf., Kraków, 19–21 list. 2001 / Inst. Archeologii Uniw. Jagiellońskiego ; pod red. P. Kaczanowskiego, M. Parczewskiego. – Kraków, 2005. – S. 401–461.
7. Горбаненко, С. А. Землеробство давніх слов'ян (кінец I тис. до н. е. – I тис. н. е.) / С. А. Горбаненко, Г. О. Пашкевич. – Київ : Академперіодика, 2010. – 316 с.
8. Горбаненко, С. А. Палеоэтноботанические материалы пражской культуры / С. А. Горбаненко // Краткие сообщения / Ин-т археологии Рос. акад. наук. – М., 2015. – Вып. 238. – С. 299–318.
9. Горбаненко, С. А. «Магічний» посуд давніх слов'ян / С. А. Горбаненко // In Sclavenia Terra : збірник / Нац. акад. наук України, Ін-т археології. – Київ, 2018. – Вип. 2. – С. 91–109.
10. Егорейченко, А. А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области / А. А. Егорейченко // Archaeoslavica / Inst. Archeologii Uniw. Jagiellońskiego. – Kraków, 1991. – № 1. – S. 61–82.
11. Касюк, А. Ф. Асноўныя вынікі археалагічных даследаванняў на Палессі ў 2011 г. / А. Ф. Касюк // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2013. – Вып. 24 : Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца). – С. 355–361.
12. Лошенков, М. И. Ботанические находки с селища Борисковичи Первые / М. И. Лошенков // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 году : междунар. сб. науч. ст. / Ин-т археологии Рос. акад. наук [и др.] ; науч. ред. Е. А. Шинаков. – Брянск, 2014. – С. 269–271.
13. Лошенков, М. И. Археоботанические коллекции Беларуси / М. И. Лошенков. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – 400 с.: ил.

УДК 94(4-11)«13/15»

ПРОБЛЕМА ТИТУЛА «SUPREMUS DUX LITHIANIAE» В ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ДО 1413 г

Даниил Пясецкий
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
d.piasetski@gmail.com

Статья посвящена проблеме изучения межгосударственных отношений Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в период с заключения Кревской унии в 1385 г. и до Городельских актов 1413 г. В качестве ключевой проблемы рассматривается роль и влияние титула наивысший князь Литвы («supremus dus Lithuaniae») как средства реализации идеи Ягеллонской и контроля польского короля над территорией Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: Ягеллоны, Кревская уния, сюзерен, Виленско-Радомская уния, Городельские акты

THE PROBLEM OF TITLE «SUPREMUS DUX LITHIANIAE» IN GREAT DUCHY OF LITHUANIA BEFORE 1413

Daniil V. Piasetski
Belarusian state university, Minsk, Belarus

The article is devoted to the problem of studying interstate relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in the period from the conclusion of the Union of Kreva in 1385 to the Acts of Horodlo in 1413. The role and influence of the title of the highest prince of Lithuania ("supremus dus Lithuaniae") as a means of implementation of the Jagiellonian idea and the control of the Polish king over the territory of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Jagiellons, Union of Kreva, suzerain, Union of Vilnius-Radom, Acts of Horodlo

В 1385 г. произошло одно из ключевых событий в истории стран Восточной Европы, которое мы традиционно называем Кревская уния. Основные её условия включали брак великого князя литовского Ягайло с польской королевой Ядвигой и «присоединение» Великого Княжества Литовского к Королевству Польскому. На основании обозначенного в кавычках слова возникает определённое множество разногласий и споров. Дело в том, что обозначенное слово в тексте унии написано, как «applicare» [2, с. 2]. Это слово нельзя воспринимать буквально, а стоит взять во внимание особую специфику. По мнению, Х. Ловмяньского, это слово вообще нельзя использовать как термин, обозначающий правовое отношение двух государств [4, с. 57-58]. Историк приводит этому слову два отдельных смысла этому слову, которые он сделал на основании анализа документов этой эпохи: во-первых, это слово может переводится как «вассализация», во-вторых, переход собственности от одного владельца другому.

В случае с первой интерпретацией, стоит сказать, что она маловероятна. Государство в средние века зачастую воспринималось не само по себе, а как собственность правителя. Эта версия была бы реальна, если бы Ягайло не становился королём Польши, но получается, что Ягайло присягает на верность королеве Ядвиге, а вследствие и самому себе. И здесь Великое Княжество Литовское выступает как не субъект переговоров, а объект. Вторая интерпретация – более реальна, хотя бы, потому что меняется владелец собственности – Великого Княжества Литовского: оно переходит в собственность короля Польши, которым и стал Ягайло [4, с. 58].

Таким образом, актуальность данной статьи заключается в переосмыслении событий межгосударственных отношений Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в период с Кревской унии до подписания Городельских актов. Свет проливает содержание привилея 20 февраля 1387 г., а именно, упоминание титула “Lithaniae dux supremus” – наивысший князь Литвы. Вообще, первое упоминание данной титулатуры – 1 марта 1386 г. [2, с. 5-6] По этому документу Михаил Явнутович, князь заславский, которому Ягайло разрешил отъехать к его княжеству, обещает прийти на каждый призыв своего сюзерена. Здесь Ягайло упоминается как «regni Poloniae supremique ducis Litwaniae» [король Польши и наивысший князь Литвы – Д.П.]. Создаётся вполне резонный вопрос: какова причина появления нового титула. Вероятно, Великое Княжество Литовское в унии с Королевством Польским, невзирая на государственный характер унии, являлась собственностью не конкретно Польши, а короля польского. В этих условиях, Ягайло, как король польский, ставит наместника в Княжестве в лице Скиргайло в ВКЛ, причём его статус в привилее обозначается как «князь Литвы, господарь Трокский и Полоцкий». Т.е., у нас создаётся отдельный титул, как обозначение верховного сюзерена в Великом Княжестве Литовском, который ставит себе наместника в государстве, находясь в Польше.

Вероятно, титулатура найвысший князь Литвы (иногда встречается «princeps supremus») имеет статус верховного сюзерена. Безусловно то, что в такой ситуации Скиргайло занимает положение скорее наместника, чем независимого правителя.

Особое место занимает титулатура «magnus dux» [великий князь – Д.П.]. Дело в том, что в последний раз она фигурирует в тексте Кревской унии (dux magnus Lithuanorum Rusiaeque dominus et haeres) и делегация от польских панов также называет Ягайло «великим князем» (summum ducem Litvanorum et Russiae haeredem) 11 января 1386 г., которая сообщает ему об избрании на престол Королевства Польского. А уже 1 марта появляется документ с титулом наивысший князь Литвы. По большому счёту, это подтверждает догадку, что территория Великого Княжества Литовского в рамках Кревской унии принадлежала не собственно польскому государству, а королю Польши, коим и был избран Ягайло. И, вероятно, став королём Польши, Владислав Ягайло назначает наместника в его унийном домене. [2, с. 9-10] Причём сам Ягайло делает это с согласия Ядвиги и польских панов. Так, наместником был назначен Скиргайло, который и в дальнейших документах отображается как «dux Lithuaniae» [князь Литвы]. Причём, в данном случае это скорее не титул, а показатель того то он князь из Литвы. Это же показывают и другие документы, где, например, в 1394 г. Витовт и Скиргайло через запятую показываются как литовские князья. [2, с. 32] Не меньшее количество вопросов вызывает и Островское соглашение 4 августа 1392 г. Во-первых, Островское соглашение не предполагает титула великий князь литовский. Витовт упоминается как князь Литвы, господин трокский, луцкий (dux Lithuniae, dominus Trocensis, Luchensis etc.), которому Ягайло как король (вероятно, наивысший князь здесь не было употреблено из-за того, что и так было понятно, что король польский и есть наивысший князь) передал в управление территорию его домена. При этом Витовт присягает как Владиславу Ягайло, так и Ядвиге, и Короне польской. То же самое делает и его жена княгиня Анна, которая тоже именуется как литовская княгиня, госпожа трокская, луцкая (ducissa Lithuniae, domina Trocensis, Luchensis etc.). Вопрос в целеполагании присяги княгини Анны мы рассматривать не будем, хотя он имеет место быть.

В 1393 г. Ягайло также упоминается как наивысший князь Литвы (rex Poloniae, Lithuaniaeque princeps supremus et haeres Russiae etc.) в присяге Фёдора Любартовича. [2, с. 31-32].

С учётом анализа документа 1394 г. [2, с. 32] где Витовт через запятую перечилсяется с другими князьями Великого Княжества Литовского можно предположить, что в данный период он как наместник primus inter pares (первый среди равных).

Так или иначе, титулатура упоминается в присяге Фёдора Любартовича данной в Вислице 23 мая 1393 г. в отношении Владислава Ягайло. Но другой же документ 18 февраля 1394 г. в титул Ягайло не включен «supremus dux» (Ягайло обозначен как regi Poloniae). Также интересным моментом является и то, зачем князья в 1400 г. начинают приносить клятвы наивысшему князю Литвы (здесь могут быть разные версии, а зачастую и противоречия, стоит исходить из целеполагания Виленско-Радомских актов, что также является предметом дискуссий). По нашему мнению, произошло стечение обстоятельств, выразившееся в том, что, когда присягали на верность Ягайло как королю польскому, присягали ещё и королеве Ядвиге, и что более важно – их детям [2, док. 18,19, 21, 23, 24, 25, 26, 28,33, 34]. Поскольку в 1399 г. умирает Ядвига, то общих детей – наследников династии Ягеллонов, которым бы присягнули зависимые князья быть не может, то настал вопрос переприсяги. Второе момент, удачно совпавший, – битва на Ворскле, которая в целом ослабила Витовта и заставила пойти на контакт с Польшей. Более того, Ягайло в браке с Ядвигой был скорее консортом, чем полноправным королем. Ситуация меняется после смерти Ядвиги.

Так, новые присяжные листы появляются в 1400 г. [2, с. 33]. Виленский акт 18 января 1401 г. показывет, что Витовт ранее был допущен к полноценному управлению княжеством (но на основании этого Кутшеба и Семкович выдвинули предположение, что был отдельный документ, дающий ему право на такое, который не дошел до нас) [2, с. 34-36]. Он присягает на верность королю и Короне польской и обещает, что Великое Княжество Литовское по его смерти перейдет к королю, его потомкам и Короне. Его собственные доменные земли – брату Сигизмнуду и жене Анне. Титулатура здесь следующая: Витовт – князь Литвы, Владислав – король Польши. При этом видно, как меняется стратегия: теперь, судя, по всему Ягайло требует признать, что после смерти Витовта, они не будут признавать своим правителем никого другого, кроме как короля Владислава, и с целью того, чтобы об этом знали другие литовские князья и бояре, распространения польской политической традиции съезда бояр, князей, прелатов собирается съезд. Они утверждают соглашение Витовта и Ягайло и обязуются после смерти Витовта присоединиться к королю Владиславу, Короне и Королевству Польскому [2, док. 36-41]. В этом документе Ягайло упоминается как наивысший князь Литвы.

Немного позже появляется некоторое количество присяжных листов от князей, которые, судя по всему, не входили в состав литовской рады на подписании виленских актов: их нет в списке [2, док. 40, 41]. К этому также прибавляется и лист Александра Патрикевича, князя стародубского с таким же содержанием в 1400 г. Т.е. отдельные листы писали те, кто не был в составе княжеской рады. [2, док. 36]. Эти акты написаны на старобелорусском языке, и они включают титулатуру в отношении Витовта «великий князь литовский», что, впрочем, можно оправдать той инерцией, которую несло время: князья понимали, что главный в Великом Княжестве Литовском – великий князь, а соответственно и называли так Витовта, не учитывая во внимание вассально-сюзеренные отношения с Ягайло.

В радомских актах 1401 г. Ягайло тоже упоминается как «supremum principem Lithuaniae» [2, док. 44].

Проявлением влияния Владислава Ягайло как верховного сюзерена на жизнь страны может считаться документ 1403 г., изданный в Люблине, где, судя по всему, после переговоров с Ягайло, Витовт, который здесь тоже упоминается как князь Литвы, обязуется не заключать мирных договоров с крестоносцами в Ливонии и Пруссии. [2, док. 45]. Также, документ, датированный Кутшебой и Семковичем под 1406 г. от Витовта говорит, что после его смерти все литовские земли, наследственные и добытые, как и Смоленск (присоединение которого было как раз реализовано в 1404 г.) вместе с окрестностями перейдут к Ягайло, его наследникам и Короне польской. Это было актуально в свете того, что не было оговорено о статусе присоединённых земель к Великому Княжеству Литовскому, вернее о том, что будет с ними после смерти Витовта. Везде до 1413 г. в источниках межгосударственного характера с Королевством Польским Витовт упоминается только как князь литовский [2, док. 48].

Ситуацию меняет 1413 г. в частности акты литовского и польского съездов. Еще большую ясность вносит и знаменитый привилей 2 октября 1413 г. от имени Владислава Ягайло как короля польского и наивысшего князя литовского и Александра Витовта как великого князя литовского. Таким образом, титул великий князь литовский применяется в отношении Витовта в межгосударственных договорах Королевства Польского и Великого Княжества Литовского только в 1413 г., до этого он был только князем, первым среди равных, поставленный сюзереном [2, док. 51].

Происходит перестановка политических сил. Городельские акты подразумевают, что бездетная смерть Владислава повлечёт за собой общее избрание короля польского радой великого князя Витовта вместе с польской и наоборот [2, док. 50]. Таким образом у нас происходит изменение баланса сил не в пользу короля Владислава.

Кревская уния 1385 г. должна была создать новое государство. Великое Княжество Литовское вступило с Королевством Польским в государственную унию, которая проявлялась через то, что ВКЛ являлось личной собственностью короля польского, которым стал Ягайло. Т.е. великий князь литовский передал полномочия на владение Великим Княжеством Литовским королю Польши. Хоть это один и тот же человек, такие понятие нужно разграничивать. Помимо этого, присяги литовские князья совершали не только королю Владиславу, но и королеве Ядвиге, которые имела такие же права как королева Польши, поскольку правили они совместно. Для удобства можно ввести технический термин «Держава Ягеллонов», которым обозначаем особое унийное положение двух государств. Издание первого общеземского привилея в ВКЛ было сопряжено с наличием наместника, а сам документ издавался от имени Ягайло как короля польского и наивысшего князя литовского.

Когда Ягайло уезжает в Королевство Польское, он ввёл титул – наивысший князь Литвы, которым показал де-юре зависимое положение Княжества от себя и титула король Польши. Ягайло как суверен назначил наместника, которым с 1386 по 1392 гг. был его брат Скиргайло, а в 1392 г. Островским соглашением наместником стал Витовт. И тот и другой наместник определенное время не выделялись особым титулом, только обозначением что они литовские князья, а наместник – первый среди равных. Возможно, это одна из причин проведения политики наместничества и формированием Витовтом т.н. «новой аристократии».

Смерть Ядвиги как одного из контрагентов многих присяг литовских князей и Островского соглашения, в частности, повлекло за собой необходимость переприсяги, вылившейся в Виленско-Радомские акты 1401 г. и конкретизацией того, что после смерти Витовта все территории Великого Княжества Литовского вернуться сюзерену – Ягайло, в отношении которого князья, как те, которые входили в состав княжеской Рады, так и те, кто не входил принесли присягу и обозначили момент, что они не примут другого правителя после смерти Витовта как Ягайло, а также его потомков, а Княжество даётся Витовту «до живота» (что показывает, что ранее это было «до воли господарской») Здесь видно изменение стратегии или во всяком случае перестраховка Ягайло, чтобы удержать ВКЛ. Вероятно, привлечение князей, панов, и бояр используется, чтобы формировать политический баланс в государстве в случае, если Витовт будет не соблюдать положение зависимого наместника. Более того, начинает формироваться тенденция избрания великого князя.

При этом стоит обратить внимание на то, что с 1385 г. ни разу в межгосударственных договорах с Польшей нет упоминание о великом князе литовском. Влияние Ягайло видно, когда Витовт, присоединив Смоленск, издаёт особое положение, что поскольку город вошел в состав ВКЛ, то он сам и его территории также будут отданы королю Владиславу после смерти Витовта.

Вероятнее всего, после возвращения Жемайтии и победы над Тевтонским орденом, власть Витовта в стране усиливается и возникает необходимость пересмотреть условия унии. Акты 1413 г. продолжают политическую традицию привлечения князей, бояр, и т.д. Усиление сформированного в 1401 г. политического баланса происходит через т.н. «гербовое братство» и усиление шляхты (в общем смысле). Впервые с 1385 г. происходит правовое обозначение территории ВКЛ, которые «мы [Ягайло] прыўлашчылі, уцелавалі, злучылі, з'ядналі, дадалі і звязалі дамоваю [с Королевством Польским]» [1, с. 29].

Так, у нас есть юридическое закрепление того, что уже есть в реальности. Уния существует, её статус определяется косвенно, а положение земель ВКЛ – через Городельский привилей 1413 г. Вероятнее всего, акты в Городло свидетельствовали об определённом кризисе унии, во всяком случае – откатывании назад. [3, с. 115] Иначе, объяснить условия, при которых роль Ягайло как сюзерен, который даёт наместнику земли, меняются на то, что прописывается как будут избирать короля польского, в случае смерти Ягайло, очень тяжело, а следовательно, титул наивысший князь Литвы на порядок обесценился.

Таким образом, было показано как происходило влияние короля польского Владислава Ягайло через титул «supremus dux Lithuaniae» в период до издания Городельского привилея включительно.

1. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній / Г. Я. Галенчанка, А.А. Жлутка, А.А. Мяцельскі [і інш.]. – Мінск: БелНДІДАС, 2015. – 388 с.
2. Akta unji Polski z Litwą 1385 – 1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz, Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1932. – 570 s.
3. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksienstwa Litewskiego za Jagiellonow / L. Kolankowski. – Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1930. T. 1: 1377-1499 – 474 c.
4. Łowmiański H. Polityka Jagiellonów / do dr. przygot. Krzysztof Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1999. – XII, 673 s.

УДК 94(476)″14/15″

РОЛЬ ПЕРВЫХ ОЛЕЛЬКОВИЧЕЙ В ИСТОРИИ ВКЛ

Никита Радченко
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
nik.rad.2001@gmail.com

В статье представлена история возникновения магнатского рода Олельковичей. Рассказывается о его первых представителях рода Олельковичей, основных событиях их жизни. Раскрывается их роль в политической жизни Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: магнатский род, Олельковичи, Великое княжество Литовское, Слуцкое княжество, внутренняя политика

THE FIRSTS DUKES OLELKOVICH' ROLE IN HISTORY OF GRAND DUCHY OF LITHUANIA

Nikita O. Radchenko
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

The article presents the history of the emergence of the magnate Olelkovich family. It tells about his first representatives of the Olelkovich family, the main events of their life. Their role in the political life of the Grand Duchy of Lithuania is revealed.

Keywords: magnate family, Olelkovichi, Grand Duchy of Lithuania, Slutsk Principality, domestic politics

На сегодняшний день не каждый житель Беларуси знает о таком княжеском роде, как Олельковичи. Даже немногие случчане имеют представление, что существовал такой род, который владел Слуцким княжеством более двухсот лет. Он насчитывает одиннадцать представителей по мужской линии и девять – по женской. Протянулся он до седьмого колена [1, с. 76]. А период существования рода Олельковичей, то есть с рождения родоначальника Олелько Владимировича до смерти последней представительницы – Софии Слуцкой, охватывает около 230 лет.

В своё время это был один из уважаемых и влиятельных родов ВКЛ. Особенно это касается периода централизации Великого Княжества Литовского при Витовте и дальнейших событий после смерти последнего.

История рода Олельковичей начинается с правления Ольгерда и Кейстута. У Ольгерда было много детей, одним которых был Владимир, которого Ольгерд в 1362 г. отправил княжить в Киев. После смерти Ольгерда, Ягайло оставляет Киевское княжество за своим братом Владимиром взамен на вассальную зависимость.

В дальнейшем, когда Витовт и Ягайло заключают Островское соглашение, и Витовт становится единоличным великим князем Литовским, то он пытается добиться от Владимира признания своим вассалом. В то время как вместо Владимира великий князь хочет отдать Киев другому сыну Ольгерда – Скригайло. Однако Владимир подчиняться не желает и отдавать киевский престол не хотел. В ответ на это Витовт и Скригайло отправляют на Киев свои отряды и Владимир отдаёт киевский престол без боя [2, с. 130]. Так Киевское княжество перешло к Скригайло.

В качестве компенсации великий князь отдаёт Владимиру Копыль со Слуцкими землями. Подлинно не известно, но есть предположения, что Владимир бежал в Москву, чтобы найти там поддержку. Однако не получив её, бывшему киевскому князю пришлось вернутся в Копыль, где и он умер около 1400 года.

После смерти Владимира княжество перешло по наследству к его старшему сыну Александру. Данное имя тогда имело сокращённый вариант – Олелько. От Олелько Владимировича и пошёл род Олельковичей. Самого владельца княжеские дела Копыля и Слуцка сильно не волновали. В целом первые Олельковичи не планировали сделать их своим родовым гнездом. Ввиду того, что Олелько Владимирович был внуком Ольгерда и потенциально мог претендовать на великокняжеский престол, то его больше волновали дела масштаба всего Великого Княжества Литовского. Это же характерно и для последующих Олельковичей.

В 1417 году Олелько женился на дочери великого князя Московского Василия I – Анастасии. Женитьба с ней очень сильно сблизила Александра Владимировича с Московским княжеством. Василий

Дмитриевич, в свою очередь, видел во внуке Ольгерда претендента на престол ВКЛ. Если бы Олелько стал великим князем Литовским, то для Василия I открылась бы возможность найти сильного союзника для Москвы, и как бы сложилась история ВКЛ, можно только предполагать.

В браке Анастасия Васильевна родила двух сыновей – Семёна и Михаила, а также трёх дочерей. Одну из дочерей, Евдокию, выдали замуж за Стефана Великого, выдающегося господаря Молдавского княжества. Это свидетельствует об авторитете основоположника рода Олельковичей.

Кроме Копыльского и Слуцкого княжеств Олелько должен был унаследовать от отца и Киевское княжество, но Витовт не отдавал ему в наследство Киев. С начала XV века и до 1422 года Олелько правил Киевом только в качестве наместника, а не как полноценный владелец княжества. Но несмотря на это, Олелько Владимирович верно служил великому князю Литовскому. Он принимал участие в подписании Мельнского мира между ВКЛ, Польским Королевством и Тевтонским орденом. Участвовал в военных компаниях Витовта, в том числе в походе на Новгород.

После смерти Витовта и перехода престола к Свидригайло, Олелько поддерживает последнего. Но при этом в период гражданской войны 1432–1434 гг. Олелько переходит на сторону Сигизмунда, который даже хотел отдать ему киевский престол. Тем не менее позже Сигизмунд из-за страха заговора сажает Олелько и его жену с детьми в темницу. Но в заключении Олелько и его семье пришлось находится недолго. После убийства Сигизмунда в результате заговора, которого он так сильно боялся, Олельковичей освобождают и возвращают им их владения.

Перед избранием нового великого князя не было чёткой определённости, кто станет преемником Сигизмунда. В Литовской и Жемойтской хронике пишется, что в ВКЛ были большие разногласия насчёт приемника: «...бо одни на Михаила сына Жигимонтова, другие на Швидригайла, третие на Олелка Володимеровича, князя киевского и копылского, иншие на Казимера Ягейловича вотовали, котрый на той час был в Сендомиру» [3, с. 85]. По данному отрывку можно понять, что некоторая часть магнатов видели Олелько Владимировича в качестве нового великого князя. Это говорит о популярности и значимости Олелько на политической арене ВКЛ. В результате на великокняжеский престол был избран Казимир Ягайлович.

В начале 40-ых гг. XV века новый великий князь Литовский Казимир передаёт в удельное управление Олелько Киевское княжество ссылаясь на то, что оно должно перейти к нему по наследству от своего отца Владимира. Правил Олелько Киевом до 1454 года. Сведения о его правлении дошли до нас очень малом количестве. В Литовской и Жемойтской хронике, где упоминается о его смерти, автор пишет о нём, как о «мудром, во всём дельном и справном пане» [3, с. 88]. Смело можно предположить, что он был хорошим управленцем. К тому же срок его правления, который составил почти 15 лет, подкрепляет эти предположения. Олелько Владимирович был погребён в Киево-Печерской лавре.

Когда Олелько Владимирович получил повышение в политической иерархии Княжества, то в начале 40-ых гг. XV века бразды правления над Копылем и Слуцком перешли к его старшему сыну Семёну Олельковичу. Как и отец, он имел довольно высокие амбиции на политической арене ВКЛ. У него был конфликт с Казимиром Ягайловичем, причиной которой было Киевское княжество. Великий князь Литовский не хотел признавать княжество наследственным для Олельковичей и давал править княжеством Семёну только как наместнику.

Семён Олелькович сидел на киевском престоле на протяжении 16 лет. В период его правления Киевское княжество являлось одним из самых больших княжеств. Кроме всего прочего, контролируя приличную часть торгового пути, который проходил по Днепру, Семён использовал транзит для развития города. Однако главным достижением Семёна Олельковича считают восстановление Успенского собора после нашествия татар Батыя в 1240 году. Собор стоял разрушенным 260 лет, и восстановить его незадолго до своей смерти решился Семён Олелькович. Киевский князь лично распоряжался о том, как церковь восстановить: «... казал вымалевати от верху аж до земли и надобне образами святыми украсил её, а верхи церковныи оловом накрил. Деялося тое при архимандрите Иоанне, которую то церковь так оздобне направивши и отновивши, освятил её преосвяченный митрополитом киевский Семион» [3, с. 89].

К тому же как и отец, Семён пользовался популярностью среди антипольских и русских князей, имел хорошие взаимоотношения с московским князем Василием II. Это объясняется тем, что детство Семёна прошло в Москве, где его воспитывала бабушка Софья Витовтовна, супруга его деда Василия I. Вдобавок воспитанием Семёна занимался тот же Василий II Тёмный, его дядя по материнской линии [4, с. 210]. Поэтому неудивительно, что Семёна рассматривали как кандидата на престол со стороны православных магнатов и противников сближения с Польшей.

Умер Семён Олелькович 3 декабря 1470 года. Его похоронили в Успенском соборе, который он начал восстанавливать. Он был последним киевским князем. Сразу после его смерти Казимир преобразовал княжество в воеводство. В качестве компенсации вдове и детям Семёна было отдано Пинское княжество.

Одной из ключевых фигур в истории всего рода Олельковичей является Михаил Олелькович, младший сын Олелько Владимировича. Связано это с заговором князей против Казимира IV в 1481 г.

Заговор был организован во главе с Михаилом Олельковичем, Фёдором Бельским и Иваном Гольшанским, которые приходились друг другу дальними родственниками. Кроме их Михаила поддержали другие православные магнаты и сам Иван III. Основной целью заговора было убийство великого князья Литовского с последующим воцарением Михаила Олельковича. Также были идеи о том, чтобы разорвать отношения с Польшей и направить вектор политики на восток.

Имелись две личные причины, из-за которых Михаил хотел устранить Казимира Ягеллончика. Во-первых, преобразование Киева в воеводство с последующим назначением наместника. Это означало, что Киевское княжество так и не стало наследственным для Олельковичей. Даже несмотря на то, что перед ним правили его брат, отец и дед. А во-вторых, у Михаила было больше прав на престол ВКЛ. Как и Михаил, так и Казимир были потомками Ольгерда в третьем колене. Но Михаил был старше Казимира на 2 года. Поэтому по принципу старшинства у Михаила Олельковича было больше оснований претендовать на великокняжеский престол.

Убийство планировалось на свадьбе у Фёдора Бельского. Но заговор провалился. Кто-то из князей сдал заговорщиков, возможно, это был брат Фёдора – Семён Бельский. Самому Фёдору удалось сбежать в Москву, однако Михаила Олельковича и Ивана Гольшанского ожидала смертная казнь. 30 июня 1481 года их прилюдно казнили в Вильно [5, с. 81].

Гипотетически на этом моменте могла бы закончится история Олельковичей как правителей Слуцкого и Копыльского княжеств. Потому как Казимир Ягайлович мог отобрать Слуцкие земли и передать кому-нибудь другому. Но Копыльские и Слуцкие земли остались за Олельковичами.

Тем временем следующим преемником становится единственный сын Михаила – Семён. Именно он переносит свою резиденцию из Копыля в Слуцк. После смерти Казимира Ягайловича в 1491 году, Семён по традиции претендовал на престол ВКЛ. Перед выборами великого князя панами-радой Семён Михайлович явился в Вильно со своим конным отрядом, что свидетельствовало о его серьёзных намерениях. По итогам выборов новым великим князем становится один из сыновей Казимира – Александр. Хоть и имея серьёзную цель, но видимо помня судьбу отца, Семён Михайлович не решился перейти к радикальным мерам.

В самом конце XV века Михаил женится на Анастасии Мстиславской. И уже в начале XVI века у слуцкого князя и княгини рождается сын Юрий, а чуть позже – дочь Александра.

В это же время над ВКЛ нависает угроза в лице крымских татар, которые совершали набеги на южные территории современной Беларуси с целью грабежа. Поэтому Семёну Олельковичу приходилось оборонять южные границы ВКЛ. Так, осенью 1502 года Семён Олелькович разгромил татар на реке Уше. Но той же осенью татары вернулись. Они разоряли окрестности Слуцка, Копыля, Несвижа и Клецка. Князь Семён в это время занял оборону в верхнем замке Слуцка, и татары отступили. Когда татары осадили Слуцк, то взять его они не смогли, после чего со всем награбленным и пленниками решили отступить в направлении Давид-Городка. Тогда же князь Семён объединил свой отряд с полками других князей и отправился за татарами. Под Давид-Городком объединённое войско разбило татар и освободило всех пленных [3, с. 170].

Той же осенью Семён Михайлович заболевает неопределённой болезнью и 14 ноября умирает. Слуцкое княжество получает его единственный сын Юрий, которому было только 10 лет. По понятным причинам полноценно править городом и к тому же отбивать атаки крымских захватчиков он не мог. Следовательно, власть над княжеством на период взросления Юрия переходит к его матери – княгине Анастасии.

Последующие представители Олельковичей не играли столь важную роль в политике ВКЛ, а чуть позже и в Речи Посполитой. Сам род продолжает влиять по большей части на локальную историю своих наследственных владений: Копыльского и Слуцкого княжества. Олельковичи прекратили своё существование в 1612 году, после смерти последней представительницы рода – Софии Юрьевны Слуцкой.

В заключение можно сделать вывод о том, что ранние Олельковичи имели весомый вес на политической арене Великого Княжества Литовского. В основном они находились в противопоставлении по отношению к действующим правителям ВКЛ. Кроме всего они представляли интересы определённых социальных групп: православных русских и литовских князей, которые видели в Олельковичах будущих правителей ВКЛ. Стоит также отметить, что немаловажную роль в истории рода играли московские князья, которые оказывали поддержку и делали на них ставку в качестве будущих союзников в случае получения престола одним из Олельковичей. Но несмотря на это, представители рода так и не смогли добиться реализации своих амбиций и тем самым обрекли род на постепенное ослабление их позиций во внутренней политике Великого княжество Литовского.

1. Нарбут, А.Н. Генеалогия Беларуси. Вып. 2 (XVI–XVIII вв) / А.Н. Нарбут. – М.: «АННА», 1994. – 170 с.
2. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 15. Русь 1468–1483 гг. – М.: ООО «Принтхаус», 2014. – 488 с.
3. Полное собрание русских летописей: в 42 т. / редкол.: Б.А. Рыбаков (глав. ред.) [и др.]. – Т. 32: Белорусско-литовские летописи. – М.: Наука, 1975. – 233 с.

4. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 14. Русь 1444 – 1459 гг. – М.: ООО «АКТЕОН», 2014. – 530 с.
5. Заренин, М. Еретики и заговорщики / М. Заренин. – М.: Вече, 2011. – 368 с.

УДК 902/904

ВЫНІКІ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ У ВАКОЛІЦАХ Г.П. ЛАГІШЫН ПІНСКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў 2020 ГОДЗЕ

Аляксандр Гаршкоў ; Алена Касюк
Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы Гродна, Беларусь; Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь
ales.harshkou.arch@gmail.com ; kasiuk2585@gmail.com

Дадзены артыкул прысвечаны вынікам археалагічных даследаванняў, якія былі праведзены аўтарамі ў 2020 г. на захад ад г.п. Лагішын Пінскага раёна Брэсцкай вобласці. Прадстаўлена гісторыя археалагічнага вывучэння ваколіц пасёлка, аналіз сабраных матэрыялаў, іх культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя.

Ключавыя словы: археалогія, артэфакты, Пінскі раён, крэмень

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE VICINITY OF THE SETTLEMENT LAHIŠYN OF PINSK DISTRICT BREST REGION IN 2020

Aliaksandr D. Harshkou ; Alena F. Kasiuk
Yanka Kupala State University of Hrodna, Hrodna, Belarus ; Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

This article is devoted to the results of archaeological research, which were carried out by the authors in 2020 west of the settlement Lahišyn in the Pinsk district Brest region. Presented history of the archaeological study of neighborhood of the settlement, analysis of the collected materials and their cultural and chronological interpretation.

Keywords: archeology, artifacts, Pinsk district, flint

Уводзіны. У 2020 г. аўтарамі артыкула былі праведзены археалагічныя даследаванні ў заходняй частцы г.п. Лагішын Пінскага раёна Брэсцкай вобласці з мэтай агляду вядомых помнікаў археалогіі і пошуку новых аб’ектаў. Падчас прац быў зафіксаваны сучасны стан месцазнаходжання Лагішын 1 і ўпершыню агледжаны два пункты: Лагішын 3, Лагішын 4.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца ўвядзенне ў навуковы зварот калекцыі матэрыялаў, атрыманай падчас разведак у заходняй частцы Лагішына ў 2020 г.

Гісторыя даследаванняў. Першыя вядомыя на дадзены момант зборы археалагічных матэрыялаў у ваколіцах Лагішына ажыццявілі ў 1927 г. польскія навукоўцы Ірэна і Людвіг Савіцкія [5, s. 130]. Даследчыкаў цікавіла крамянёвая сыравіна, якая маецца тут у значнай колькасці. Савіцкія абследавалі тэрыторыю на захад ад Лагішына, у тым ліку там, дзе праходзіць дарога да вуліцы Касцёльная (сучасная Тамілава). Імі былі выяўлены матэрыялы позняга і фінальнага палеаліту, неаліту, бронзавага веку, якія зараз захоўваюцца ў фондах Дзяржаўнага археалагічнага музея ў Варшаве [4, s. 31-33, rys. 25-26].

У фондах Музея Беларускага Палесся (г. Пінск) знаходзіцца калекцыя з 18 крамянёвых артэфактаў, якія, паводле звестак у кнізе паступленняў, былі знойдзены 27 жніўня 1938 г. на дарозе Лагішын-Шпаноўка. Не выключна, што дадзеныя матэрыялы сабраныя групай даследчыкаў (Дз. Георгіеўскі, Ю. Абухоўскі, В. Ягадзянка, С. Костка), якія ў 1930-х гг. праводзілі археалагічныя разведкі на тэрыторыі былога Пінскага павета.

У 1963 г. таксама на дарозе з Лагішына ў Шпаноўку беларускі археолаг У.Ф. Ісаенка знайшоў “нуклеусы аднапляцовачны і двухпляцовачны, адшчэпы, пласцінкі, скрэблападобную прыладу” [2, с. 26].

У 1980 г. беларускімі даследчыцамі Л.У. Дучыц і А.У. Ільюцік падчас агляду пясчаных кар’ераў, размешчаных у паўночна-заходняй частцы Лагішына, на перакрыжаванні вуліц Пралетарская і Акцябрская, быў выяўлены шэраг крамянёвых артэфактаў [1, с. 101, рис. 76].

У 1991 г. У.Ф. Ісаенка абследаваў тэрыторыю на паўднёвы захад ад электрападстанцыі – мяркуемае месца збору матэрыялаў Ірэнай і Людвігам Савіцкімі (Мал. 1). Даследчык зафіксаваў, што гэтая тэрыторыя мела моцнае антрапагеннае ўздзеянне (пясчаныя кар'еры, свалка смецця). У выніку праведзеных прац У.Ф. Ісаенкам была атрымана значная калекцыя крамянёвых артэфактаў. Пры гэтым ён адзначаў вялікую колькасць нуклеусаў і нешматлікасць прадуктаў дэбітажу [3, с.11-13, рис. 3].

Згодна з парадкавай нумарацыяй абследаваных пунктаў, прадстаўленай У.Ф. Ісаенкай, ***Лагішын 1*** – стаянка, якая размяшчаецца праз 0,5 км на паўднёвы захад ад населенага пункта, на пясчаным узвышшы каля падножжа марэннага пагорка (ці каля тальвега лагчыны, якая стала далінай ручая, які цячэ на ўсход). Пясчанае ўзвышша мае вышыню 2-5 м і цягнецца на 80-100 м, пашкоджана кар'ерамі, з заходняга боку праз яго праходзіць лінія электраперадач.

Паселішча ***Лагішын 2*** размешчана праз 0,5-0,7 км на паўднёвы захад ад пасёлка, на невялікім пясчаным узвышшы ў нізіне (лагчыне) (Мал. 2). Яго працягласць складае 140 м, паверхня (вышынёй да 2 м) моцна пашкоджаная кар'ерамі. Помнік з захаду абмежаваны лініяй электраперадач і грунтовай дарогай, з поўдня таксама праходзіць дарога. У.Ф. Ісаенкай сабраны крамянёвыя артэфакты і фрагмент ляпной пасудзіны эпохі неаліту.

Акрамя азначаных помнікаў, У.Ф. Ісаенка правёў збор археалагічных матэрыялаў і ў іншых месцах, аднак не прысвоіў ім нумары. У сувязі з гэтым, па выніках прац, праведзеных аўтарамі ў 2020 г., была працягнута нумарацыя з 1991 г.

Асноўная частка. Помнік ***Лагішын 1*** знаходзіцца праз 0,4 км на захад ад будынка № 76, к. 1 па вуліцы Інтэрнацыянальная, на пясчаным узвышшы, размешчаным на правым беразе каналізаванай ручаіны (Мал. 2). Плошча помніка складае 80 х 80 м, пашкоджана кар'ерамі і лініяй электраперадач. Атрыманая калекцыя складаецца з нуклеусаў аднапляцовачнага і шматпляцовачнага ад пласцін і адшчэпаў; адшчэпа; адшчэпа рэтушаванага, падскарыністага; нарыхтоўкі рубячай прылады. Люстраж зафіксаваны ў аднаго артэфакта.

Помнік ***Лагішын 3*** размешчаны праз 0,25 км на захад ад будынка № 10 па вуліцы Маладзёжная, на марэнным узвышшы, на левым беразе каналізаванай ручаіны (Мал. 2). Плошча 440 х 100 м. Паверхня разворваецца.

Калекцыя з помніка складаецца з жаўлакоў і фрагментаў жаўлакоў апрацаваных, нуклеусаў, дэбітажу, фармальных прыладаў і адыходаў вытворчасці. Усе артэфакты выраблены з крэменю светла-шэрага, шэрага колеру, часам з цёмнымі палосамі. Навобмацак сыравіна гладкая, празрыстая на прасвет. Паціна малочна-блакітнага і памаранчовага колераў прысутнічае ў шасці экзэмпляраў. Люстраж і сляды акатанасці фіксуюцца ў дзевяці прадметаў.

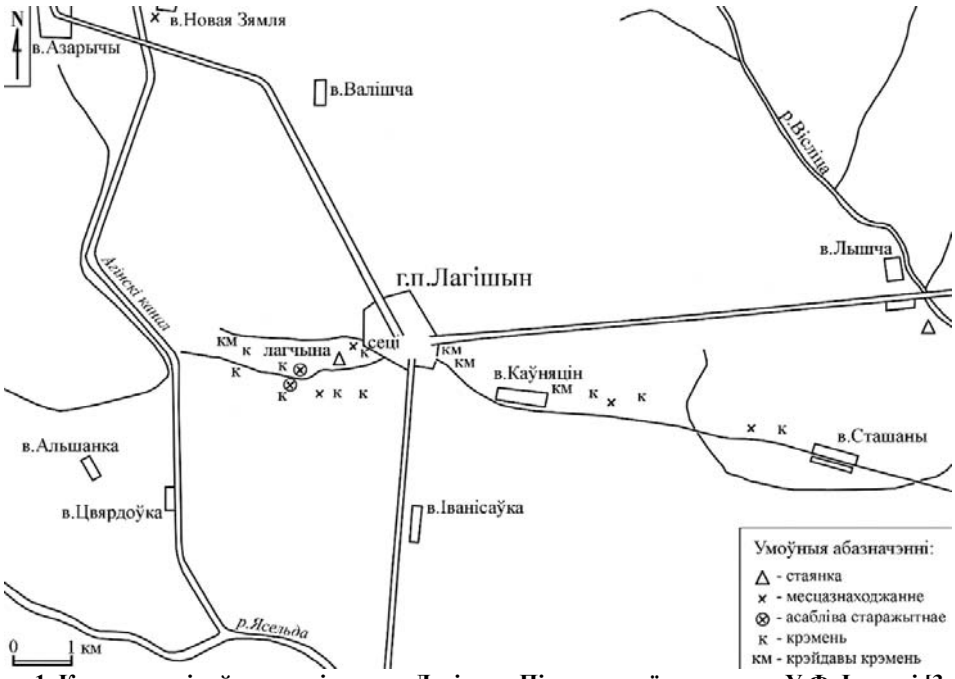
Сыравіна. *Фрагменты жаўлакоў крамянёвых са слядамі апрацоўкі* – 3 адзінкі. У калекцыі фіксуюцца фрагменты крамянёвых жаўлакоў апрацаваных са слядамі жаўлачнай скарынкі.

Нуклеусы – 3 адзінкі. У калекцыі прысутнічаюць аднапляцовачныя (2 адз.) і двухпляцовачны (1 адз.) экзэмпляры. З двухпляцовачнага (мал. 3: 2) і аднаго аднапляцовачнага нуклеусаў сколвалі пласціны і адшчэпы, яшчэ адзін – ад пласцін. Рэдукаванне прысутнічае ва ўсіх экзэмплярaў. Фронт сколвання скруглены ў двухпляцовачнага нуклеуса. Вуглы сколвання 84-89 градусаў.

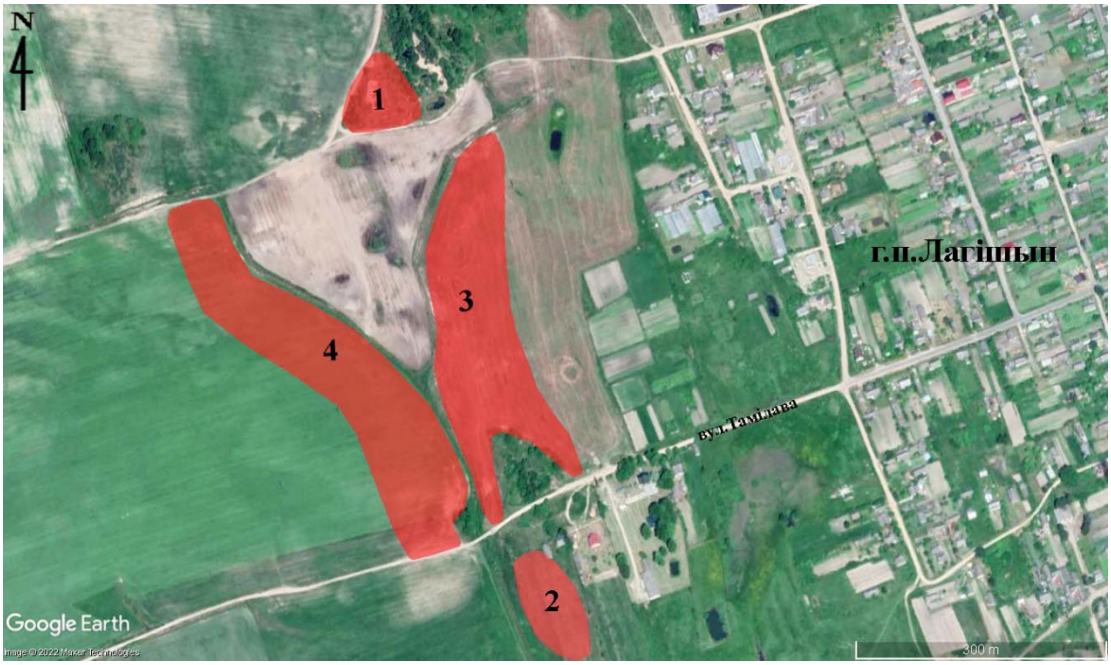
Рэшткавыя фрагменты нуклеусаў – 4 адзінкі. Два артэфакты, верагодна, паходзяць ад нуклеусаў з пласкасным сколваннем (мал. 3: 1).

Дэбітаж. *Пласціны і фрагменты пласцін* – 1 адзінка. У калекцыі прысутнічае апраксімальная пласціна падскарыністая.

Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў – 2 адзінкі. На адным прысутнічаюць сляды жаўлачнай скарынкі.



Малюнак 1. Карта помнікаў у ваколіцах г.п. Лагішын Пінскага раёна паводле У.Ф. Ісаенкі [3, рис. 3]. Апрацавана А.Ф. Касюк



Малюнак 2. Карта помнікаў (у тым ліку, абследаваных у 2020 г.) у заходняй частцы г.п.Лагішын Пінскага раёна. Выканана А.Ф. Касюк на аснове Google Maps

Фармальныя прылады. *Фрагменты крамянёвых жаўлакоў рэтушаваных* – 7 адзінак. У калекцыі фіксуюцца фрагменты крамянёвых жаўлакоў з паўстромкай нерэгулярнай і рэгулярнай рэтушшу са слядамі жаўлачнай скарынкі.

Пласціны і фрагменты аналагічных сколаў рэтушаваныя – 1 адзінка. Да дадзенай катэгорыі аднесена падскарыністая пласціна з паўстромкай нерэгулярнай рэтушшу на дарсальнай паверхні.

Масіўныя адшчэпы і фрагменты аналагічных сколаў рэтушаваныя – 2 адзінкі. Да дадзенай катэгорыі аднесены артэфакты, даўжыня якіх больш за 10 см. На дарсальнай паверхні прысутнічае жаўлачная скарынка. Рэтуш паўстромкая, нерэгулярная.

Адшчэпы і фрагменты аналагічных сколаў рэтушаваныя – 16 адзінак. Дзевяць экзэмпляраў падскарыністыя. Рэтуш паўстромкая і стромкая, у большасці выпадкаў размешчана на дарсальнай паверхні. У адным выпадку таксама прысутнічаюць сучасныя сколы.

Пракруткі – 2 адзінкі. Катэгорыя прадстаўлена экзэмплярамі, выкананымі на фрагменце жаўлака са слядамі апрацоўкі (мал. 3: 5) і фрагменце адшчэпа. Джала вылучаны паўстромкай рэтушшу на вентральнай і дарсальнай паверхнях. На адным прадмеце прысутнічаюць сучасныя сколы.

Скрабок – 1 адзінка. У калекцыі прысутнічае скрабок канцавы, выкананы на фрагменце адшчэпа падскарыністага. Працоўная частка сфармаваная з дапамогай стромкай рэтушы на дарсальнай паверхні (мал.3: 4).

Нарыхтоўкі рубячых прыладаў – 2 адзінкі. Дадзеная катэгорыя прадстаўлена фрагментам крамянёвага жаўлака і адшчэпам з двухбаковай апрацоўкай. Адзін з іх, верагодна, з'яўляецца нарыхтоўкай наканечніка дзіды.

Адыходы вытворчасці прадстаўлены трыма абломкамі крамянёвымі.

Помнік ***Лагішын 4*** размешчаны праз 0,6 км на захад ад будынка № 10 па вуліцы Маладзёжная, на марэнным узвышшы, на правым беразе каналізаванай ручаіны, насупраць помніка Лагішын 3 (Мал. 2). Плошча 500 х 100 м. Паверхня разворваецца.

Сабраная калекцыя прадстаўлена жаўлакамі са слядамі апрацоўкі, нуклеусамі, тэхналагічнымі сколамі, дэбітажам, фармальнымі прыладамі і адыходамі вытворчасці. Усе артэфакты выраблены з крэменю светла-шэрага, шэрага колеру, часам з цёмнымі палосамі. Навобмацак сыравіна гладкая, празрыстая на прасвет. Паціна малочна-блакітнага і памеранчовага колераў прысутнічае ў чатырох экзэмпляраў. Люстраж і сляды акатанасці фіксуюцца ў двух прадметаў. Акрамя таго, тры артэфакты маюць сляды тэрмічнага ўздзеяння.

Сыравіна. *Фрагменты жаўлакоў крамянёвых са слядамі апрацоўкі* – 7 адзінак. У калекцыі фіксуюцца фрагменты крамянёвых жаўлакоў, апрацаваных, са слядамі жаўлачнай скарынкі.

Нуклеусы – 4 адзінкі. У калекцыі прысутнічаюць аднапляцовачныя (2 адз.), двухпляцовачны (1 адз.) і шматпляцовачны (1 адз.) экзэмпляры. Усе яны, акрамя шматпляцовачнага (ён – ад адшчэпаў) паходзяць ад пласцін і адшчэпаў. Рэдукаванне прысутнічае ва ўсіх экзэмпляраў. Фронт сколвання скруглены ў двухпляцовачнага нуклеуса (мал. 3: 3). Вуглы сколвання 84-89 градусаў.

Тэхналагічныя сколы. *Рабрыстая пласціна* – 1 адзінка. Рабрыстая пласціна, двухбаковая, трохкутная ў сячэнні. Утварылася ў выніку тэрмічнага ўздзеяння.

Дэбітаж. *Адшчэпы і фрагменты адшчэпаў* – 5 адзінак. У калекцыі прысутнічаюць скарыністы і тры падскарыністыя экзэмпляры. Па вуглу сколвання, адзін з адшчэпаў можа быць аднесены да скола патанчэння плоскасці.

Фармальныя прылады. *Фрагмент крамянёвага жаўлака рэтушаванага* – 1 адзінка. У калекцыі фіксуецца фрагмент крамянёвага жаўлака з паўстромкай нерэгулярнай рэтушшу са слядамі жаўлачнай скарынкі.

Масіўныя адшчэпы і фрагменты аналагічных сколаў рэтушаваныя – 2 адзінкі. Да дадзенай катэгорыі аднесены артэфакты, даўжыня якіх большая за 10 см. На дарсальнай паверхні прысутнічае жаўлачная скарынка. Рэтуш паўстромкая нерэгулярная і рэгулярная, размешчаная на дарсальнай і вентральнай паверхнях.

Адшчэпы і фрагменты аналагічных сколаў рэтушаваныя – 8 адзінак. Дадзеная катэгорыя прадстаўлена двума скарыністымі і чатырма падскарыністымі экзэмплярамі. Рэтуш паўстромкая нерэгулярная і рэгулярная, размешчаная на дарсальнай і вентральнай паверхнях.

Нарыхтоўкі рубячых прыладаў – 4 адзінкі. Дадзеная катэгорыя прадстаўлена фрагментам крамянёвага жаўлака і адшчэпам з двухбаковай апрацоўкай.

Адыходы вытворчасці прадстаўлены трыма абломкамі крамянёвымі, на двух з якіх прысутнічае паўстромкая рэтуш.

Культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя. Тэхніка-марфалагічны аналіз матэрыялаў дазваляе вылучыць у калекцыі некалькі храналагічных комплексаў.

Зыходзячы з тэхналогіі апрацоўкі і стану захаванасці прадметаў (паціна, люстраж), з эпохай сярэдняга (?) палеаліту можна звязваць два рэшткавыя фрагменты нуклеусаў з пласкасным сколваннем, знойдзеныя на помніку Лагішын 3. Скрабло, характэрнае для дадзенага перыяду, было знойдзена падчас разведкі ў 1991 г. У. Ф. Ісаенкай на помніку Лагішын 1 (?) [3, с. 11-13; 6]. Не выключна, што шэраг адшчэпаў, пакрытых пацінай і з наяўнасцю люстража, звязаныя з сярэднім палеалітам.

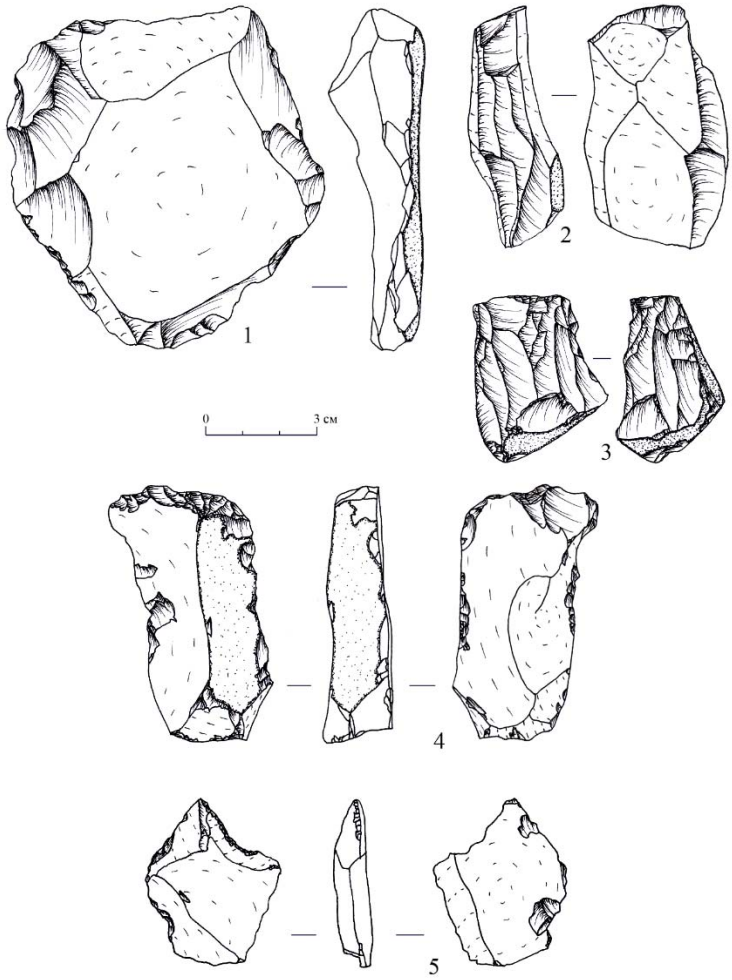
Таксама на помніку Лагішын 3 зафіксаваны нуклеус двухпляцовачны монафрантальны ад пласцін і адшчэпаў, з наяўнасцю люстража і пакрыты пацінай памеранчовага колеру. Па сваіх характарыстыках ён блізкі да позняга / фінальнага палеаліту. Падобны нуклеус таксама прысутнічае ў зборах з помніка Лагішын 4. Матэрыялы дадзеных перыядаў у гэтай мясцовасці фіксаваліся даследчыкамі і раней. Частка з іх захоўваецца ў Дзяржаўным археалагічным музеі ў Варшаве [4, s. 31-33, rys. 25-26].

Наступны комплекс звязваецца намі з перыядам позняга мезаліту – ранняга неаліту, прадстаўлены нуклеусамі аднапляцовачнымі ад пласцін (Лагішын 1, 3).

Найбольш прадстаўнічым па колькасных паказчыках у калекцыі з'яўляецца комплекс перыяду неаліту-бронзавага веку, куды намі аднесены нуклеус шматпляцовачны ад пласцін, нарыхтоўка рубячай прылады (Лагішын 1); абломак крамянёвы рэтушаваны (Лагішын 3); фрагмент жаўлака са слядамі апрацоўкі, нуклеус аднапляцовачны ад пласцін і адшчэпаў, адшчэпы (сколы патанчэння плоскасці), нарыхтоўка рубячай прылады са слядамі біфасіяльнай апрацоўкі (Лагішын 4).

Астатнія матэрыялы датуюцца шырока – каменным-бронзавым вякамі.

На жаль, праз адсутнасць выразных формаў крамянёвага інвентару ў калекцыі, вызначыць культурную прыналежнасць артэфактаў на дадзены момант мы не можам.



Малюнак 3. Артэфакты, атрыманыя падчас даследаванняў у заходняй частцы г.п. Лагішын Пінскага раёна. Малюнкі А.Дз. Гаршкова

Высновы. Такім чынам, на падставе аналізу калекцыі крамянёвага інвентару, атрыманай падчас археалагічнай разведкі ў заходняй частцы г.п. Лагішын, можна зрабіць наступныя высновы:

– на падставе тэхніка-марфалагічнага аналізу і стану захаванасці матэрыялаў, у калекцыі намі выдзяляюцца чатыры храналагічныя комплексы;

– найбольшай колькасцю артэфактаў прадстаўлены храналагічны комплекс неаліту-бронзавага веку, што гаворыць аб інтэнсіўным выкарыстанні дадзенай мясцовасці ў гэты перыяд;

– апошні факт верагодна звязаны з наяўнасцю вялікай колькасці крамянёвай сыравіны, з якой вырабляліся прылады, характэрныя для эпохі неаліту і бронзавага часу (перш за ўсё – рубячыя прылады).

1. Дучиц Л.В. Отчёт о полевом сезоне 1980 г. группы по изучению памятников раннего средневековья в среднем течении бассейна Западной Двины / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 655. – 20 с., 9 с. колл. оп., 80 илл.
2. Исаенко В.Ф. Отчёт о полевых исследованиях 1963 года / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 160, 160а (альбом). – 75 с., 59 рис.

3. Исаенко В.Ф. Отчёт Припятской группы, изучающей каменный век Полесья в сезон 1991 года / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1469. – 16 с., 6 илл., карты, 5 с. прилож.
4. Obuchowski W. Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa, 2003. – 207 s., il., mapy.
5. Sulgostowska, Z. Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu / Z. Sulgostowska. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 255 s.
6. Vashanau A. Middle Palaeolithic flint artefacts from the territory of Belarus / A. Vashanau, A. Kolasau, V. Asheichyk, M. Charniauski, A. Harshkou, K. Stepanova, A. Otcherednoy // Crossing the borders. Interregional and cross-cultural interactionsin the context of lithic studies. 15th SKAM Lithic Workshop. – Minsk, 2018. – P. 45–46.

УДК 008(476)

УЗАЕМАСУВЯЗІ БЕЛАРУСКАЙ І СКАНДЫНАЎСКАЙ КУЛЬТУРЫ Ў IX-XI стст

Юрий Бородин
Национальная библиотека Беларуси
yurij.kolizej@mail.ru

У артыкуле разглядаюцца культурныя сувязі паміж Скандынавіяй і землямі сучаснай Беларусі ў эпоху вікінгаў.

Ключавыя словы: вікінгі, скандынаска-беларускія сувязі, сярэднявечча

RELATIONSHIPS BETWEEN BELARUSIAN AND SCANDINAVIAN CULTURE IN THE IX-XI CENTURIES

Yrij Borodin
National Library of Belarus

The article examines the cultural ties between Scandinavia and the lands of modern Belarus in the Viking Age.

Keywords: Vikings, Scandinavian-Belarusian relations, the Middle Ages

Міфалогія як частка і з’ява духоўнай матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў і скандынаваў. У беларускай і скандынаўскай міфалогіі раскрываюцца, падзеі і гісторыя, якія адбываліся з IX ст., калі ў беларускага і скандынаўскіх народаў была старажытная вера – язычніцтва. Шматбожжа і пантэон язычніцкіх багоў як частка духоўнай культуры беларусаў і скандынаваў.

Калі вікінгі ў IX ст. дайшлі на сваіх дракарах да славян, таксама і на тэрыторыю Беларусі, яны пакінулі пасля сябе спадчыну і гістарычную памяць. Напрыклад, у ва многіх гарадах і вёсках Беларусі былі праведзеныя археалагічныя раскопкі, дзякуючы якім былі знойдзеныя пакінутыя пасля вікінгаў іх зброя, прадметы, адзенні. Такім чынам, вікінгі пакінулі сляды ўласнай матэрыяльнай культуры ў беларусаў. Нягледзячы на тое, што паміж славянскімі княствамі адбываліся ваенныя канфлікты, у якіх удзельнічалі скандынаўскія вікінгі, частка якіх змагалася на баку наўгародскага і будучага кіеўскага князя Ўладзіміра і супраць Полацка, дзякуючы полацкаму князю Рагвалоду і яго дачцэ Рагнедзе, якія мелі скандынаўскія імёны, і прыйшлі з Нарвегіі, быў пакладзены працяг беларуска-скандынаўскіх сувязяў. Акрамя вікінгаў з Нарвегіі, на тэрыторыі Беларусі пакінулі свой гістарычны след шведскія вікінгі, і асабліва, у Полацк, пры Рагвалодавых нашчадках, здзяйснялі візіт вікінгі з Ісландыі.

У адрозненне ад Захаду, які ў час вікінгаў вылучаўся выключна хрысціянствам, з якім вікінгі заўсёды былі ў канфлікце, калі здзяйснялі набегі на каралеўствы Англіі, Франкіі, і г.д., ва Ўсходзе вікінгі знайшлі агульнае паразуменне з славянамі. А менавіта, падабенства і функцыі язычніцкіх багоў, у якіх яны верылі.

Хрысціянізацыя не падарвала культурныя стасункі скандынаваў з беларусамі. І нават прыняўшы афіцыйна хрышчэнне, беларускі і скандынаўскія народы захавалі павагу да язычніцтва.

Мэтай даследавання з’яўляецца разуменне ўзаемасувязяў беларускай і скандынаўскай культуры ў параўнальнай міфалогіі, у міфалагічнай свядомасці і агульнай гісторыі беларусаў і скандынаваў.

Задачы:

- Паказаць гісторыка-культурную спадчыну, якую пасля сябе пакінулі вікінгі на тэрыторыі Беларусі;
- Раскрыць сувязі Рагвалода і яго нашчадкаў са Скандынавіяй ;

– Параўнаць гісторыю і культуру беларусаў і скандынаваў;

Аб'ект даследавання – беларуская і скандынаўская культура.

Прадмет даследавання – уплыў скандынаўскай культуры на беларускую ў IX-XI стст.

У даўнія часы, з IX ст. пачаліся цесныя, гандлёвыя і культурныя сувязі паміж Беларуссю і Скандынавіяй. Вікінгі, акрамя таго, што здзяйснялі паходы, набегі і заваёвы іншых зямель і тэрыторый, яны займаліся падарожжам і адкрыццём новых зямель. Іх караблі дасягнулі тэрыторыі Беларусі, а менавіта, вёскі Масковічы Віцебскай вобласці, Браслаўскіх азёраў, ракі Нёман, Прыпяці, Сожа, Панямоння, Падняпроўя, Дняпра, Цэнтральнай Беларусі, а таксама Полацкага княства.

Вікінгі, якія перасяляліся з Скандынавіі на тэрыторыю Беларусі, а таксама Кіева, і ўсёй Усходняй Еўропы, звaліся «варагамі» [3,226]. А зямля, дзе пражывалі славяне, звалася «Руссю». «Русь» у значэнні саманазвы з'явілася ў выніку змяшанага насельніцтва, дзе славяне ўступалі ў кантакт са скандынавамі.

Паміж беларусамі і скандынавамі ёсць агульныя рысы: і тыя, і другія адчувалі сябе нашчадкамі багоў. Вікінгі называлі сябе «сынамі Одзіна» - бога вайны, Усебацькі скандынаўскіх багоў, беларусы – унукамі Дажбога – бога сонца.

Таксама, у беларусаў і вікінгаў падобныя функцыі багоў: бог грому (Тор, Пярун), бог сонца (Фрэйр, Дажбог), бог-каваль (Сварог, Вёлунд), багіня любові (Фрэйя, Лада), бог вайны (Одзін, Пярун), бог вясны (Бальдр, Ярыла), бог зімы (Улль, Зюзя), бог ветру (Ньёрд, Стрыбог), бог агню (Локі, Сварог), і г.д.

Пад назвай «Шлях з вараг ў грэкі» з IX-XI стст. адчуваюцца агульныя ўзамасувязі беларускай і скандынаўскай культуры. Умацаванне гістарычных і культурных сувязяў паміж Беларуссю і Скандынавіяй актыўна працягваецца ў X ст., калі ў 960 г. уладу ў Полацкім княстве атрымаў Рагвалод – сын нарвежскага конунга Эрыка крывавая сякера і Гунхільд, брат нарвежскага караля Эрыка Шэрая Скура і Гудраты.

Паколькі, імёны «Рагвалод» і «Рагнеда» маюць скандынаўскае паходжанне, полацкі князь і яго дачка маюць дачыненне як да беларускай, так і да скандынаўскай культуры. Намаганнямі Рагвалода ўмацавалася незалежнасць і дзяржаўнасць полацкага княства ва ўсходнеславянскіх землях. Разам з Турам - першым князем Тураўскага княства, Рагвалоду належыць пачатак заснавання дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі. Тур, будучы пляменнікам нарвежскага конунга – Б'ёрна Марахода, так жа, як і Рагвалод, належыць да скандынаўскай дынастыі Інгінгаў. Праз Полацк і Тураў праводзіліся са Скандынавіяй культурныя сувязі, а таксама гандаль.

Вікінгі на тэрыторыі Беларусі стваралі базы для гандлю і вайсковыя дружыны. Захавалася шмат курганаў з пахаванымі ў іх скандынаўскімі вікінгамі разам з мячамі і сякерамі, якімі карысталіся выхадцы са Скандынавіі, а таксама пярсцёнкамі і адзеннем, у якое апраналіся скандынавы.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі правёў даследаванні па гісторыі і археалогіі, а таксама былі праведзеныя раскопкі, падчас якіх была знойдзена зброя і месцы пахавання вікінгаў на тэрыторыі Беларусі.

У выданні да адкрыцця выставы «Вікінгі на Ўсходзе» пад аўтарствам Сяргея Дзмітравіча Дзярновіча – сумеснага праекту Дзяржаўнага гістарычнага музея Швецыі, Швецкага інстытута, Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі каталог уключае скандынаўскія артэфакты X-XI стст. [1, с. 3].

Атрыбутам скандынаўскіх вікінгаў з'яўляліся прадметы для ўзбраення, якія захаваліся па сённяшні дзень у Беларусі: мячы, вострыя наканечнікі дзідаў (знойдзеныя на гарадзішчы Кульбачына Шчучынскага раёна); дзіда падоўжана-трохвугольнай формы (з пахавання каля вёскі Лукомль Чашніцкага раёна); мастацкія творы паўночных ювеліраў; грыўні (са скарбу сярэдзіны IX ст., знойдзенага каля вёскі Парэчча Глыбокскага раёна); лодкападобныя бранзалеты (X ст., Віцебск) [6, с. 83].

У канцы 1970 – пачатку 1980-х гг. на тэрыторыі Беларусі былі таксама знойдзены косткі жывёл са скандынаўскімі рунічнымі надпісамі XII – XIII стст. Усе гэтыя прадметы – гістарычны доказ узаемадзеяння паміж беларускай і скандынаўскай культурамі.

Таксама, неабходна адзначыць, што некаторыя скандынаўскія ваяры прымалі ўдзел у міжусобных войнах [2,с.137], як напрыклад паміж князем Уладзімірам Чырвонае Сонейка, і ягоным братам Яраполкам, забітым ім. Многія з іх прымалі ўдзел у захопе полацкага княства, якое абаранялі Рагвалод і яго сыны. Скандынаўскіх вікінгаў працягвалі наймаць нашчадкі Рагвалода – дынастыя Рагвалодавічаў. Полацкі князь Брачыслаў Ізяславіч выкарыстоўваў атрад нарвежскіх ярлаў Эймунда Рынгсана і Рагнара Агнарсана для паходу на Ноўгарад у 1021 г. [2,с.139]. У якасці вартаўнікоў і дадатковай абароны былі таксама скандынавы на баку полацкага князя Усяслава Брачыслававіча з мянушкай «Чарадзей».

Пасля афіцыйнага прыняцця хрысціянства ўзаемасувязі паміж беларускай і скандыўскай культурамі не знікаюць, а ўмацоўваюцца. Напрыклад, дацкі конунг Вальдэмар Вялікі ажаніўся з дачкой менскага і полацкага князя Валадара (сына менскага князя Глеба) – Соф'яй Менскай.

У беларускай праваслаўнай царкве ўшаноўваюцца скандынаўскія святыя - Кнут і Магнус. Шведскі біскуп Магнус стаў арцыбіскупам у праваслаўнай царкве ў Полацку. У дацкім Калубродзе ў XII ст. быў пабудаваны касцёл, які наследаваў полацкі Сафійскі сабор.

Шматвяковыя адносіны паміж беларусамі і скандынавамі прывялі да глыбокага паразумення іх духоўнай і матэрыяльнай культуры, і да культурнага адзінства [3,с.224].

Нягледзячы на прыняцце і распаўсюджванне хрысціянства ў канцы X ст. у славян і скандынаваў, беларусы і вікінгі таксама адыгралі значную ролю ў захаванні старажытнай язычніцкай веры сваіх продкаў. Калі ў Кіеве і ў іншых славянскіх княствах, як у Нарвегіі, Швецыі і Данііі адбывалася хрышчэнне шляхам выцяснення язычніцтва, то з славянскіх народаў беларусы, а з скандынаўскіх ісландцы паспрыялі захаванню язычніцтва. У Скандынавіі захавалася прадстаўленне аб язычніцтве вікінгаў дзякуючы старажытна-ісландскім помнікам скандынаўскай культуры «Старэйшая Эда» пад аўтарствам ісландскага пісьменніка і вучонага Сэмунда Мудрага «Малодшая Эда», якую напісаў ісландскі скальд (паэт) Сноры Стурлусан. У 2021 г. Беларусь пабачылі пераклады Яўгена Папакуля «Старэйшай Эды»[4] і «Малодшай Эды»[5] на беларускую мову.

1. Казанцава, М.В. Вікінгі на Ўсходзе / М.В. Казанцава. – Мн.:Юніпак, 2002. – 16 с.: іл.
2. Ласкавый, Г.В. Викинги. – МФЦП, 2004. – 320 с.
3. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Ленинград Издательство Ленинградского университета, 1985. – 286 с.
4. Папакуль, Я. Эда. Песні пра багоў. – Мінск: Галіяфы, 2021. – 312 с.
5. Папакуль, Я. Эда Сноры Стурлусана. – Мінск: Галіяфы, 2021. – 298 с.
6. Труды молодых специалистов Полоцкого Государственного Университета. – Новополоцк: ГПУ, 2007. – 144 с.

.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 930.1

ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ С ГЕРМАНСКИМ МИРОМ В ОЦЕНКЕ М.К. ЛЮБАВСКОГО: ОБЗОР ТЕМАТИКИ

Владислав Арцукевич
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь
vlad.artsukevich@mail.ru

В статье, на основании трудов М.К. Любавского, рассмотрены его взгляды на проблематику отношений Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с германской цивилизацией в период XIII – XVIII в.

Ключевые слова: М.К. Любавский; историография; Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, отношения с германскими государствами

REVIEN OF RELATIONS BETWEEN GRAND DUCHY OF LITHUANIA, RZECZ POSPOLITA AND GERMAN WORLD IN M. LUBAVSKY' WORKS

Vladislav A. Artsukevich
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

In the article, based on the works of M.K. Lyubavsky, his views on the problem of relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth and the German civilization in the period of the XIII-XVIII centuries are considered.

Keywords: M.K. Lubavsky; historiography; The Grand Duchy of Lithuania, the Commonwealth, relations with the German states

Тема отношений славянской и германской цивилизаций играла значительную роль в политической и общественной жизни России XIX – начала XX века, как в контексте внутренней политики империи, так и международных отношений, особенно начала XX века в связи с ростом российско-германских противоречий [1, с. 209].

Данная проблематика поднималась и в историографии данного периода, в том числе она стала предметом внимания М.К. Любавского (1860–1936) – одного из крупнейших российских либеральных историков-славистов начала XX в. Этой проблематике прямо или косвенно посвящен ряд исследований ученого [2-5].

В своей диссертации «Литовско-русский сейм» [2] М.К. Любавский рассматривает происхождение, устройство, развитие и задачи, которые выполнял Сейм Великого Княжества Литовского.

«Исторические судьбы славянства» [3] – лекция, прочитанная М.К. Любавским вскоре после начала Первой Мировой войны. В этой лекции он поставил задачу кратко показать исторический путь, который прошли славянские народы от своего появления и до начала XX в. При этом автор особенно отмечает роль германских народов в судьбе славян.

Отличительной особенностью трудов М.К. Любавского, по сравнению с другими представителями российской историографии начала XX века, было то, что тематика Великого княжества Литовского была для него основной темой исследований. В своей работе «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» [4], М.К. Любавский дает описание ключевых моментов истории Великого княжества Литовского. Основное внимание М.К. Любавский уделяет внутренним процессам и развитию Великого княжества Литовского. Отношения с соседями в этой работе имеют второстепенное значение. При этом отношения с русскими княжествами рассмотрены М.К. Любавским более подробно, чем с германским миром. Сам М.К. Любавский пишет, что при рассмотрении отношений с немецкими государствами, он опирался на работы немецких историков и сведения немецких источников [6, с. 83].

Логическим продолжением рассмотрения М.К. Любавским истории Великого Княжества Литовского уже в составе Речи Посполитой стало исследование «История западных славян» [5]. М.К. Любавский написал этот труд так как считал, что без рассмотрения исторического пути соседних народов невозможно полноценно оценить историю Великого княжества Литовского.

Творческое наследие М.К. Любавского являлось уже в некоторых аспектах предметом исследований [7-15]. Некоторые моменты славяно-германских отношений XIII–XVIII веков в оценке М.К. Любавского уже являлись предметом историографических исследований [13-15].

Однако в целом историческое наследие М.К. Любавского не стало предметом отдельных историографических исследований в контексте славяно-германских отношений XIII–XVIII веков и в этом ракурсе рассматривается впервые.

Начало отношений литовцев с немцами М.К. Любавский ведет с периода, предшествовавшего образованию Великого княжества Литовского. «Немцы в лице рыцарей ордена меченосцев и Прусского ордена, – пишет М.К. Любавский, – вступили в начале XIII в. в упорную и ожесточенную борьбу с литовскими племенами» [6, с. 94]. Первые подробности этого противостояния он приводит уже в следующей главе, когда рассматривал вопрос образования Великого княжества Литовского. Рассматривая период правления Миндовга, он упоминает, что в рифмованной «Лифляндской хронике» под 1244 годом указано первое столкновение Миндовга, которого в этом источнике называют «могущественным королем литовским», с немцами [6, с. 99]. Тогда он, то словам М.К. Любавского, возглавил 30-ти тысячное войско литовцев, разграбивших земли Ливонского ордена. Дальнейшая деятельность Миндовга, по мнению М.К. Любавского, была тесно связана с борьбой со своими родственниками, которых поддерживали враги Литовского государства: поляки, галицко-волынские князья и ливонские немцы. Ради примирения с немецкими рыцарями Миндовг принял христианство и передал часть Жемайтии Тевтонскому ордену, которую под конец жизни вернул, отбросив христианство и вновь вступив в противостояние с немцами [6, с. 100]. Однако подробностей этого противостояния, как и роль немцев в последовавшей после убийства Миндовга междоусобице М.К. Любавский не раскрывает.

Возвращается к теме отношений с немцами М.К. Любавский при правлении князя Тройденя. Характеризуя его правление, автор указывает на то, что Тройден расселил на своих землях, бежавших от немцев пруссов и поддерживал многочисленные восстания против немецкого владычества в регионе Земгалия [6, с. 100]. Следующее столкновение интересов немцев и литовцев М.К. Любавский отмечает в начале XIV в. В 1307 году, со слов М.К. Любавского, полочане призвали литовцев на помощь против рыцарей Ливонского ордена, контролировавших город по завещанию последнего полоцкого князя. В результате этого столкновения Полоцк был присоединен к Великому княжеству Литовскому [6, с. 104–105]. В целом, М.К. Любавский считал, что угроза немцев вела к тому, что Великое княжество Литовское к расширению своего владычества на русские земли, которые могли стать источником поддержки в борьбе. Схожая ситуация в русских землях, но уже в отношениях с Ордой «должна была, – по мнению М.К. Любавского, – в конце концов спаять Литву и Западную Русь, соединить их в один политический союз под верховною властью великого князя литовского» [6, с. 115–116]. Кроме того, М.К. Любавский отмечает, что постоянная внешняя угроза, в первую очередь со стороны немцев, не позволяла отдельным княжествам мыслить о сепаратизме вплоть до смерти Ольгерда [6, с. 121].

Роль немцев в междоусобицах конца XIV – начала XV века, рассматривается им весьма отрывочно. М.К. Любавский отмечает, что немцы стремились разрушить целостность Княжества и с этой целью поддерживали различные силы. Сначала Ягайло в борьбе с Кейстутом, потом уже Витовта и Андрея Полоцкого в борьбе с Ягайло [6, с. 122–123]. В результате Ягайло, который тяготился постоянной угрозы со стороны Орденов, пошел на договор с Польшей, известный как Кревская Уния [6, с. 123]. Рассматривая дальнейшую деятельность немецких рыцарей М.К. Любавский приходит к выводу, что она была нацелена уже не просто на дестабилизацию самого Великого княжества Литовского, но и на разрыв отношений Польши и Лтивы, вместе представлявших значительную угрозу для интересов Орденов. Интересам Тевтонского Ордена отвечала вновь разгоревшееся противостояние Ягайло и Витовта [35, с. 126]. Орден решил поддержать претензии последнего на великокняжеский престол и потребовал в обмен на свою помощь Жемайтию [6, с. 127]. Однако Ягайло и Витовт смогли примирится и совместно выступили против Ордена, но подробности этой борьбы М.К. Любавский не рассматривает и лишь отмечает, что после «Грюнвальденской победы, которая принесла равную честь и Польше, и Великому княжеству Литовскому, последнее сделалось крупною политическою величиною и во мнении Запада. С Витовтом завязал непосредственные сношения император Сигизмунд; с Витовтом же сносился чаще всего и Орден, хлопотавший о мире, прямо или через посредство императора» [6, с. 128]. Таким образом, М.К. Любавский отмечает, что в союзе Витовта и Ягайло многие правители ставили первого на более высокий уровень. Кроме того, М.К. Любавский считает, что такое отношение к Витовту и Ягайло было прямым продолжением попыток разорвать унию между Польшей и Литвой и апогеем этой политики стал Луцкий съезд, на котором Император Сигизмунд в очередной раз предложил короновать Витовта королевской короной [6, с. 133].

Литовско-германские отношения последующих 150 лет почти не затрагивались М.К. Любавским. Он отмечал, что немецкий фактор во внешней политике Великого княжества Литовского после Грюнвальдской битвы теряет своё первостепенное значение и сосредотачивается на внутренней политике Великого княжества Литовского и литовско-русских отношениях [6, с. 234]. Последним актом литовско-германских отношений М.К. Любавский называет переговоры по поводу присоединения земель Ливонского ордена к Великому княжеству Литовскому и последующую Ливонскую войну [6, с. 280].

Таким образом, М.К. Любавский дает лишь отрывочные сведения о ключевых событиях в отношениях Литвы и немецких государств. Кроме того, М.К. Любавский не спешит с личной оценкой этих событий, предпочитая представлять факты этих событий.

Рассматривая историю Речи Посполитой, М.К. Любавский уделят большое внимание рассмотрению внутренней политики Речи Посполитой и критике недостатков польского государственного устройства. Однако и внешняя политика находит своё отражение в его трудах. Рассматривая внешнюю политику Речи Посполитой в XVI–XVIII веках, М.К. Любавский отмечает, что внешнеполитическое положение полкого государства стремительно ухудшается на протяжении всего периода [16, с. 331]. Основной причиной такого положения он называет выборность королей, которая приводила к частым попыткам соседних держав вмешаться в процесс выборов, в том числе и через поддержку различных групировок внутри государства или через угрозу применения силы [16, с. 332]. М.К. Любавский отмечает, что одним из наиболее активно в этих процессах участвовали немецкие государства, в первую очередь Австрия. В качестве примера он приводит то, что австрийский монарх Леопольд I, стремясь недопустить усиления французских позиций в Речи Посполитой, поддержала выступление шляхты против короля Яна Казимира [16, с. 333].

М.К. Любавкий считал, что еще одним примером ослебления Речи Посполитой служит тот факт, что в начале XVII века Речь Посполитая теряет Пруссию как своего вассала и пишет, что «во всем этом сказалась, разумеется, слабость Польши» [16, с. 339]. Начиная с этого момента М.К. Любавский рассматривал Пруссию, как одну из главных угроз для Польши. Прусские правители начинают активно занимать польские территории и вмешиваться в внутренние дела Речи Посполитой [16, с. 339]. Как пример М.К. Любавский приводит случай, когда «в Варшаве был арестован и выдан на казнь прусский дворянин, искавший убежище в Польше» [16, с. 340]. И добавляет к этому, что «если так мало церемонились с Польшею такие государства, как Пруссия, тем менее стеснялись в своих отношениях к ней могущественные соседи, как Австрия и Россия» [16, с. 340]. Последние свободно проводили свои войска через территорию Речи Посполитой и в период Семилетней войны, как пишет М.К. Любавский, «Фридрих Великий мстил Польше нападениями на пограничные области уводом крестьян и грабежами имущества у пограничных обывателей» [16, с. 340]. Кроме того, прусские короли, совместно с Россией, активно следили за диссидентским вопросом в Речи Посполитой и предпринимали попытки поддержать протестантов и православных соответственно во внутренних неурядицах Польши [16, с. 335].

Еще одним примером слабости Польши и негативного влияния выборности короля были, по мнению М.К. Любавского, предложения короля Августа II, который кроме трона Речи Посполитой занимал и трон Саксонии, стремившегося сохранить свою власть, к прусскому королю и австрийскому императору о разделе земель Польши. Однако эти предложения не были приняты ни одной из сторон [16, с. 340]. Отношениям Польши и немецких государств в период, который предшествовал восшествию на престол Станислава Понятовского М.К. Любавский не уделяет внимания и отмечает, что главной задачей соседних государств было сохранение устоявшегося и выгодного для соседей положения в Речи Посполитой.

Вновь к теме внешней политики Речи Посполитой М.К. Любавский возвращается в главе, посвященной выборам последнего короля Станислава Понятовского и попыткам реформ, которые пытались провести Чарторыйские. М.К. Любавский отмечает, что эти реформы быстро привлекли внимание соседей, в том числе Пруссии и Австрии [16, с. 343]. Прусский посол сообщил Чарторыйским, что поддержит кандидатуру Понятовского только при условии сохранения права «liberum veto» и его поддержал российский посол [16, с. 343]. Автор считает, что для соседних государств необходима была слабая и раздираемая противоречиями, а не сильная Речь Посполитая. Дошло и до непосредственных угроз объявлением войны в случае неподчинения требованиям. Таким образом, он приходит к выводу, что именно внешнее вмешательство, а не внутренние распри привели к провалу реформ [16, с. 346].

Однако самое большое внимание германскому фактору в истории Речи Посполитой М.К. Любавский обращает в период раздела Речи Посполитой. Главным организатором первого раздела автор, в соответствии со сложившейся в российской историографии традицией, называл прусского короля Фридриха [16, с. 348]. Однако он отмечает, что одной из целей Пруссии и Австрии при первом разделе было примирение России с Османской империей, которая обратилась к ним с просьбой о посредничестве. Таким образом, М.К. Любавский называет территории Речи Посполитой лишь «вознаграждением для России за войну с Турциею, а Австрии и Пруссии – за посредничество при заключении мира» [16, с. 349]. Сам процесс раздела автор не рассматривае подробно, отмечая лишь что формальным поводом для вторжения стало покушение на Станислава Понятовского [16, с. 349] и добавляет, что «население отторгнутых областей даже с удовольствием приветствовало водворение чужеземного господства, которое сулило ему мир и спокойную жизнь» [16, с. 350].

Говоря о периоде между первым и вторым разделами, М.К. Любавский пишет, что Пруссия предпринимала попытки экономического давления путем введения пошлин на польские товары [16, с. 355]. Однако эти попытки были малоуспешны и, по мнению автора способствовали развитию производства и торговли в Речи Посполитой, а потому Пруссия идет на сближение с Польшей и пытается повернуть

последующие реформы в удачное для себя русло. Для этого, по словам М.К. Любавского, Пруссия формирует союз и обязуется поддерживать независимость Речи Посполитой [16, с. 363–365]. Автор делает предположение, что в обмен на поддержку Пруссия хотела получить территориальные уступки со стороны Польши [16, с. 368]. Однако после отказа польского сейма меняет свою политику и отказывается от защиты, принятой 3 мая 1791 года конституции, а в 1793 году и вовсе возобновляет переговоры об очередном разделе польских земель [16, с. 373].

Поводом для второго раздела Пруссия назвала, по мнению М.К. Любавского, борьбу с «распространением в Польше французского демократизма и необходимостью предохранить от заразы и Пруссию» [16, с. 374–375]. Таким образом и во втором разделе, по мнению автора, главным инициатором опять была Пруссия, а для закрепления раздела Пруссия и Россия потребовали созыва сейма, который прошел в Гродно. При этом автор полагает, что наибольшие противоречия среди депутатов вызвали претензии именно Пруссии, а не России [16, с. 375]. В отношении же третьего раздела автор и вовсе констатирует факт, что это событие произошло и не указывает подробностей [16, с. 379–380].

Подводя итог развитию Речи Посполитой, М.К. Любавский высказывает уже ставшую традиционной для русской историографии идею, что в печальной судьбе Речи Посполитой она виновна сама, на протяжении всего повествования автор отмечал упадок патриотизма среди шляхты и несовершенство государственных институтов.

1. Кручковский, Т.Т. Общественно-политические обстоятельства развития исторической полонистики в России начала XX века / Т.Т. Кручковский // Вучоныя запіски Брестскага дзяржаунага універсітета ім. А.С. Пушкина. – Брест, 2009 – Вып. 5. – ч. 1 . – С. 209- 221.
2. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм / М. К. Любавский. – М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.
3. Любавский, М.К. Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. – М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. – 27 с.
4. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М. : Москов. худ.печатня, 1915. – 409 с.
5. Любавский, М.К. История западных славян (прибалтийцев, чехов и поляков) / М. К. Любавский. – М. : Тип. М и С. Сабашниковых, 1918. – 477 с.
6. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – Минск : «Издательский дом “Белорусская наука”», 2012. – 320 с.
7. Карев, Д.В. Академик М.К. Любавский: судьба и наследие / Д.В. Карев // Наш радавод: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народау Вялікага княства Литоускага і Беларуси XIII – нач. XX стст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г.). – Гродна, 1994. Кн. 6. Ч. 3. – С. 450–619.
8. Карев, Д. В. Великое княжество Литовское (XIV – начала XVI вв.) в российской либеральной историографии конца XIX – начала XX вв. (М. К. Любавский и его труды по истории ВКЛ) / Д. В. Кареев // Наш радавод. – Гродно, 1990. – Кн. 2. – С. 146–160.
9. Кривошеев, Ю.В. Научное наследие М.К. Любавского и современность / Ю.В. Кривошеев // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2013 – №12. – С. 24–31.
10. Мещенина, А.А. Труды М.К. Любавского и особенности преподавания истории Юга России / А.А. Мещенина // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2013 – №12. – С. 127–135.
11. Ливанова, Т.Г. Матвей Кузьмич Любавский: хроника жизни / Т.Г. Ливанова // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2013 – №12. – С. 11–23.
12. Дворниченко, А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского / А.Ю. Дворниченко // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2013 – №12. – С. 97–120.
13. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т.Т. Кручковский // Наш радавод,– Гродна, 1994. – кн. 6. – ч. II. – С. 218–417.
14. Кручковский, Т.Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века : моногр. / Т.Т. Кручковский. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 383 с.
15. Кручковский, Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века / Т.Т. Кручковский. – Минск, 2017. – Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. – 338 с.
16. Любавский, М.К. История западных славян/ М.К. Любавский. – М. : Вече, 2018. – 496 с.

УДК 340.13(474/476ВКЛ)(091)«15»

ПРАВОТВОРЧЕСТВО СЕЙМА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ОТ СИГИЗМУНДА СТАРОГО К СИГИЗМУНДУ АВГУСТУ

Кирилл Довматович
ГУО «Средняя школа № 77 г. Минска»; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
kirill28.02@mail.ru

Сейм Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) является важнейшей составляющей политической жизни страны. Следует отметить, что различные проблемы великокняжеского сейма ложились под перо целого ряда исследователей (М.К. Любавский, Н.А. Максимейко, И.И. Лаппо, А.В. Рахуба, П.О. Лойко, В.А. Подолинский и др.). Данный орган предопределил своеобразие политической арены. Если при Сигизмунде Старом ключевую роли играли Паны-рада, то во время правления его сына Сигизмунда Августа заседания сеймов приобретают новую структуру. Это связано с укреплением роли шляхетского стана, который становится активным участником великокняжеских сеймов. Отсюда нами ставится цель данной статьи – проследить как развивалось правотворческая деятельность сейма ВКЛ в годы правления Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; сейм; шляхта; Паны-рада; политическая арен; правотворчество

LAW-MAKING OF SEJM OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: FROM SIGISMUND OLD TO SIGISMUND AUGUST

Kirill D. Dovmatovich
State Educational Institution «Secondary School № 77 of Minsk»; Belarusian State University, Minsk, Belarus

The Sejm of the Grand Duchy of Lithuania is the most important component of the political life of the country. It should be noted that various problems of the Grand Duke's Sejm fell under pen of a number of researchers (M.K. Lyubavsky, N.A. Maksimeyko, I.I. Lappo, A.V. Rakhuba, P.O. Loiko, V.A. Podolinsky and etc.). Sejm predetermined the originality of the political arena. If during the reign of Sigismund Old the Pany-rada played a key role, then during the reign of his son Sigismund August, the meetings of the diets acquire a new structure. This is due to the strengthening of the role of the nobility, which becomes an active participant in the grand ducal sejms. From here, we set the purpose of this article – to trace how the law-making's activity of the sejm of the Grand Duchy of Lithuania developed during the years of the reign of Sigismund Old and Sigismund Augustus.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Sejm; nobility; Pany-rada; political arena; law-making

Заседания сейма XVI столетия прошли ряд эволюционных этапов. Конец XV – первая треть XVI вв. для политической жизни ВКЛ характеризуется доминирующей ролью Панов-рады. Так, на Городенской сейме 1507 г. «и такъ есмо установили с паны радами нашими и росказали тую серебщизну брати». В случае невыплаты серебщины Паны-рада имеют право «имѣнье и люди маемъ въ него взяти къ нашой руцѣ и дати тому, хто на него переедетъ; и маетъ вжо тотъ тое имѣнье, кому дадимъ, на вѣки вѣчныи держати» [1, с. 18].

Заседания сейма в июле–октябре 1511 г. в Берестье подчеркивает роль Панов-рады в решении спорных вопросов, которые предоставлялись послами [1, с. 85]. Вероятнее всего представители Полоцкой земли «Били намъ чоломъ» для подтверждения привилегий [1, с. 86]. По похожему сценарию новогородским и берестейским представителям удалось добиться для своих городов утверждения магдебургского права [1, с. 92–95]. Были получены жалобы «волостей наших Поднѣпрьскихъ и Задвинскихъ, то есть, съ Кричова, съ Пропойска, съ Чечерска, съ Горволя, зъ Рѣчицы, съ Брягина, зъ Мозыра, зъ Бчича, зъ Бобруйска, съ Свислочи, зъ Любошанъ, съ Усвята, съ Озерищ, и тыми разы били намъ чоломъ все тыхъ волостей нашихъ данники» [1, с. 99–100]. Сейм 1511 г. во многом представляется подачей прошений или жалоб, на которые Панами-радой выносили постановления. Подобное мы наблюдаем на Городенском сейме 1522 г., когда «Билъ нам чолом владыка Туровскій и Пинскій Іона и повѣдилъ передъ нами» [1, с. 134–136].

Перед Виленский сеймом 1523–1524 гг. Сигизмундом Старым через его секретаря Михаила Вежгайло были отправлены посольские листы «до некоторихъ вашей милости пановъ радъ наших» [3, с. 514]. В них великим князем даются указания, чтобы на сейме поднимались вопросы организации обороны

[3, с. 515]. На это посольство на заседании сейма «князь Янъ, бискупъ виленский, а панъ Кгаштольтъ, воевода виленский, а панъ староста жомойтский а панъ Янъ, воевода новгородский, маршалокъ земский, и иные панове» составили ответ и передали монарху через Яна Глебовича и Скопа [3, с. 524]. Подобный посольский лист от Сигизмунда Старого через киевского бискупа Михаила Вежгайло был отправлен в 1524 г. перед сеймом в Берестье [3, с. 517].

На сейме 1528 г. в великокняжеской столице перед Панами-радой «били памъ чоломъ» волковысские земяне [4, Приложение, № 10]. Был составлен лист до державцы Волковысского повета Матея Войцеловича. В нем говорилось о том, чтобы державца выбрал двух земян Василия Карповича Тризну и Ярослава Борисовича поветовыми судьями. В данном случае решение радных панов поспособствовало прибывшим послам проникновению в состав локальной элиты [4, Приложение, № 10]. Также известны посольские листы Сигизмунда Старого, адресованные Панам-раде через земского подскарбия Ивана Горностая [3, с. 525].

На очередном Виленском сейме 1529 г. был принят первый великокняжеский Статут, который закрепил за Панами-радой доминирующее положение на политической арене ВКЛ. Привилеи на «вечную реч» могли даваться только на вальном сейме в присутствии монарха и радных панов (Раздел 1, артикул 25) [2, с. 439]. В случае отсутствия великого князя за Панами-радой закреплялась функция высшей судебной апелляционной инстанции на заседаниях сейма (Раздел 6, артикул 1) [2, с. 447–448]. В момент судебного разбирательства, решение которого не отражено в Статуте, уточнения в первый свод законов могут вводится ухвалой Панов-рады (Раздел 6, артикул 25) [2, с. 451–452].

В феврале и сентябре–ноябре 1538 г. заседали сеймы в Вильно и Новогородке соответственно. Работу станов во многом определяют посольские листы отсутствующего на территории ВКЛ Сигизмунда Старого через подскарбия земского, маршалка Ивана Горностая [4, Приложение, №17; 5, с. 2–3]. Во многом оба листа имеют схожую структуру. Монархом передавался реестр тех вопросов, которые должны были подниматься радными панами на заседаниях. Прежде всего, это вопросы организации земской обороны в случаи внешней агрессии и ухвалы серебщины [4, Приложение, № 17; 5, с. 6–7]. Сеймовые станы составляли ответный реестр, который передавали Сигизмунду Старому через Станислава Орвида и Миколая Юньдила [5, с. 16–17]. Прежде всего, в великокняжеском посольстве отмечалась защита прав ВКЛ [5, с. 19–25]. В ответах сеймовые станы обозначали наказания в отношении тех, кто не совершил выплаты «на потребу земъскую» и не явился в состав войска [5, с. 28–32]. По мимо этого, в посольстве сеймовых станов прописывались просьбы и заявления к великому князю, в которых указывалось на несоблюдение и неудобства норм действующего Статута и сохранения высокого статуса Панов-рады [5, с. 25–26, 32–40]. Со стороны Сигизмунда Старого составлялись очередные ответные посольские листы, в которых основной акцент сделан на разборе судебных дел и решения насущных проблем [5, с. 42–58]. Виленский сейм 1540 г. также проходил при помощи обмена посольскими листами между монархом и заседавшими радными панами [4, Приложение, № 18–20; 5, с. 60–76].

Заседание Берестейского сейма 1544 г. проходило уже в совершенно ином лоне. Это связанно с присутствием на заседании великого князя литовского Сигизмунда Августа еще при жизни своего отца. Работа сейма состоялась из реестра постановлений монарха и Панов-рады (например, организация земской обороны), а также реестра просьб послов и полученных на них ответов [5, с. 104–109]. Так, одна из просьб касалась самого процесса заседания сейма. Послами предлагалось не открывать заседания сейма без полного состава Панов-рады, на что Сигизмундом Августом было выражено недовольство «и захованье предковъ своихъ, яко ихъ милость паньство свое рядили и справовали» [5, с. 115–117]. Виленский сейм 1547 г. в целом проходил по выше представленной схеме. Составлялся реестр актуальных вопросов и просьб послов, на которые великим князем выносились постановления («отказы»). Заседание 1547 г. прежде всего касалось правовых аспектов населения, положения «чужеземцев» на великокняжеской территории и т. п. [5, с. 131–161].

Сейм 1551 г. в Вильно имел отличительные особенности от ранних заседаний. Это связано с более подробной источниковой базой. По всей видимости в виду активной работы сеймовых станов 18 октября и 20 ноября было составлена два общегосударственных реестра просьб–ответов. В основной своей массе это были традиционные для заседания сейма вопросы (защита шляхетских привилегий и экономических интересов, исправления действующего Статута, противодействие «чужеземцам» и т. п.) [5, с. 162–164, 181–183]. Однако, за сеймом отныне закреплялось право ввода новых законов [5, с. 168–170]. По мимо этого, было составлено два отдельных реестра просьб–ответов послам Жемайтской и Волынских земель [5, с. 197–198, 207]. Эти реестры по смысловому содержанию вопросов в целом соотносятся с общегосударственными (подтверждение привилегий, судебные разбирательства, защита экономических интересов и т. п.), но только в рамках административно-территориальной единицы [5, с. 197–198, 207]. В завершении работы Виленского сейма был составлен реестр заключительных постановлений (организация земской обороны в случае опасности, выплаты серебщины, укрепление оборонительных рубежей, уточнение границ между ВКЛ и

Польшей) [5, с. 211–221]. Следующий Виленский сейм 1554 г. в целом проходил в лоне предыдущего [5, с. 221–224, 250–251, 261–262].

Сейм 1559 г. в столице ВКЛ также отличился. Составлялись общегосударственные реестры просьб–ответов и отдельные для Жемайтской земли [5, с. 269–270, 278–279]. При этом в общегосударственном реестре выделяется три просьбы со стороны хорунжих (о выборах шляхетских послов, об оплате шляхтичами поездок хорунжих на сейм, об освобождении хорунжих от выплаты серебщины), на которые они не получили положительных ответов Сигизмунда Августа [5, с. 274–275]. Активно защищали свои привилегии представители Полоцкой земли, для которых был составлен отдельный реестр [5, с. 285–286]. Примечательны реестры просьб–ответов, предоставленные послам Витебского и Мстиславского поветов [5, с. 290–291, 294–295].

Заседания Виленских сеймов 1563 и 1565–1566 гг. представляются составленными общегосударственными реестрами просьб–ответов [5, с. 314–316, 342–346]. Так, в общем реестре 21 декабря 1565 г. выделяются просьба волынской шляхты по вопросу «кривд» от поляков [5, с. 372–373]. Также «некоторіе земли и поветы» просили о совместном сейме с Королевством Польским, на что Сигизмунд Август ответил «водле потребыи часу заховати ся рачить» [5, с. 373]. Отдельные реестры просьб–ответов 20 января 1566 г. были составлены для Подляшья в составе Дорогицкого, Мельницкого и Бельского поветов [5, с. 378–380].

Принятия Статута 1566 г. окончательно оформило новые реалии политической арены ВКЛ, для которых характерная доминирующая роль вального сейма в составе всех станов (Раздел 3) [2, с. 490]. 7 января 1567 г. был утвержден рецесс Городенского сейма. В нем оговаривались правила проведения заседания. Так, «неприбылыхъ» послов было решено не допускать на сейм [5, с. 406–407]. Сеймовые станы постановили, что радные паны, не прибывшие «ку мъши о Светомъ Духу, которая того третего дня бывати мает», не могут «вотовати» на решения принятые «безъ него и въ молчан[ь]ю». Земские послы, опоздавшие на сейм, «черезъ весь съемъ вотовати не будеть» [5, с. 407–408]. Также было принято постановление о наказании за неприбытие на заседания поветовых сеймиков, которые начинались за 4 недели до вального сейма. Так, Паны-рада должны были платить пять коп грошей, а земский урядники по два копа грошей, при этом рядовым шляхтичам позволялось «вольно быти» [5, с. 408]. Для каждого бискупа, воеводы и каштеляна в рамках работы сеймика «мають бывати кождый у своемъ у воеводстве и на враде» [5, с. 408]. Городенским рецессом постановлялось, что сеймовые листы рассылаются за две недели до начала работы поветовых сеймиков «черезъ возныхъ поветовыхъ до пановъ радъ, до князей, врядниковъ земъскихъ и поветовыхъ и до иныхъ становъ, до кого передъ тымъ зъ стародавна листы соймовые съ канцеляріи нашое посыланы, – въ домы ихъ мають носити; а для шляхты на торгу, при костелехъ обволывати» [5, с. 408–409]. Таким образом, выработанный Городенским сеймом 1566–1567 гг. рецесс в значительной мере регламентировал работу этого органа. По мимо этого, на самом заседании принимались ухвалы и давались ответы на просьбы послов [5, с. 436–441].

В ходе работы Городенского сейма 1568 г. было составлено два реестра. В реестре от 10 июля указанного года, названного рецессом, были перечислены постановления сейма (организация обороны, выплаты податков и т. п.), а также ответы на просьбы послов [5, с. 436–441]. Реестр 12 июля представляется ответами Сигизмунда Августа. Проработанные в ходе заседания просьбы делятся на несколько блоков: 1) от княжат, панят, земских и дворных урядников, земских послов; 2) от митрополита; 3) от Виленского воеводства; 4) от Трокского воеводства; 5) от Волынской земли; 6) от Новогородского воеводства; 7) от Минского воеводства; 8) от Городенского повета; 9) от Ошмянского повета; 10) от Лидского повета; 11) от Упитского повета; 12) от Подляшского воеводства; 13) от Дорогицкого повета; 14) от Бельского повета; 15) от Пинского повета; 16) от Ляховицких земель; 17) от литовских татар; 18) от города Вильно; 19) от отдельных лиц и земян, живущих на Лифляндском пограничье [5, с. 481–488].

Заседание сейма представляет организованное по определенным правилам событие для политической жизни ВКЛ. Можно выделить два общих периода в развитии правотворчества великокняжеских сеймов, связанные с годами правления Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа. Следует отметить, что еще до начала XVI столетия в ВКЛ сложились политическая структура в виде Панов-рады и политическая традиция в рамках первых задокументированных «сеймов» XV в. Период правления Сигизмунда Старого для сеймов доминирующая роль отводилась Панам-рады. Заседания проходили в форме судебных исков послов, на которые радные паны выносили решение. Данное положение закрепилось принятым в 1529 г. великокняжеским Статутом. Также в виду частного отсутствия монарха в пределах ВКЛ при помощи посольских листов происходила взаимодействия между Сигизмундом Старым и сеймовыми станами.

В годы правления Сигизмунда Августа процесс правотвочества вального сейма приобретает новые черты, которые были апробированы еще при жизни его отца. Заседания проходят в форме просьб послов и ответов со стороны монарха. Также великим князем могли принимаются отдельные постановления в виду каких-либо причин (например, внешняя опасность). На основе принятых решений составлялись реестры

заседаний. В 1560-е гг. окончательно оформляются структурные элементы вального сейма. Заседания по-прежнему представляются в виде просьб–ответов, ухвал и рецессов. Данный период в политической жизни ВКЛ характеризуется доминирующей ролью политического народа, которая была закреплена Статутом 1566 г.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. / Арх. комиссия, И. Григорович, Спб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848. – Т.2: 1506–1544. – 444 с.
2. Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя / Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Бел. Эн. ім. П. Броўкі, 2010. – Т.3 – 690 с.
3. Документы Московского архива Минестерства юстиции. / М. Довнар–Запольский. – М.: тип. А. И. Мамонтова, 1897.– Т.1 – 569 с.
4. Любавский М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – М.: Московский Университет, 1901. – 1160 с.
5. Русская историческая библиотека в XL т. / Археографическая комиссия. И. И. Лаппо – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1914. – т.XXX. – 896 с.

УДК 930

П.Н. ЖУКОВИЧ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Екатерина Ирха

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

Irxa_EM@grsu.by

В статье охарактеризованы два этапа научной деятельности П.Н. Жуковича. Проанализированы основные направления его исследований в определенный период. Рассмотрены их важнейшие результаты, представленные в главных публикациях.

Ключевые слова: сеймовая борьба, Реформация, контрреформация, историография, Речь Посполитая

P.N. ZHUKOVICH: MAIN STAGES OF SCIENTIFIC ACTIVITY

Ekaterina M. Irkha

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The article describes two stages of P.N. Zhukovich. The main directions of his research during the period are analyzed. Its priority results presented in the main publications are excluded.

Keywords: Sejm struggle, Reformation, Counter-Reformation, historiography, Rzeczpospolita

Несмотря на то, что научное наследие П.Н. Жуковича сегодня признается неотъемлемой и важной частью белорусской историографии, в настоящее время еще отсутствуют обобщающие исследования, анализирующие деятельность ученого в целом, все направления и результаты его исследований по гражданской и церковной истории. Имеются лишь некоторые публикации о жизненном пути ученого и педагога, о его месте в российской исторической школе западноруссизма или содержащие характеристику его первой монографии о польской церкви в XVI в.

П.Н. Жукович родился в 1857 г. в г. Пружаны Гродненской губернии в семье священника. Учился в Кобринском духовном училище (1867–1871 гг.), окончил Литовскую духовную семинарию (1877 г.), церковно-историческое отделение Санкт-Петербургской Духовной академии (СПбДА) (1881 г.). Преподавал в Полоцком духовном училище. Работал помощником смотрителя в Виленском духовном училище, преподавателем в Литовской духовной семинарии и Виленском женском училище духовного ведомства.

В научной деятельности ученого несколько условно можно выделить два основных этапа: полоцко-виленский (1881–1891 гг.) и петербургский (1891–1919 гг.). В 1881 г. П.Н. Жукович защитил в СПбДА кандидатскую, а в 1883 г. магистерскую диссертацию на тему «Кардинал Гозий и польская церковь его времени». В том же году была опубликована и его первая монография под таким же названием, которая аккумулировала и развила проблематику диссертации [1]. В этом труде ученый определил отличительные черты польского реформационного движения и осуществил детальный анализ начального периода

контрреформации в Польше во второй половине XVI в. Работа была написана с использованием широкого круга источников (материалов архивов, рукописных собраний виленской и петербургской библиотек, полемических сочинений и др.). Реформационное движение и начальный период борьбы с ним П.Н. Жукович показывает через биографию активного деятеля контрреформации кардинала С. Гозия.

Монография отличалась аргументированными утверждениями, критическим анализом работ, касающихся непосредственно деятельности кардинала. В ней проявились эрудиция автора и широкие знания историографии проблемы. Так, например, ученый выделил основные особенности польского реформационного движения, отметив, что оно было шляхетским по своей социальной базе. Именно опора только на шляхту и бюргерство, отсутствие единства между представителями разных течений протестантства способствовало, по мнению историка, победе контрреформации. Также ученый отметил, что Реформация не затронула крестьянство в силу их бесправного положения, когда их конфессиональная принадлежность зависела от вероисповедания господ. П.Н. Жукович высоко оценивал акт Варшавской конфедерации о веротерпимости, но при этом отмечал ее запоздалость. Историк также обратил внимание на тесную связь реформационных процессов с польским национальным движением, направленным на создание автокефальной церкви [1, с. 90, 212, 286].

Во второй половине 1880-х годов П.Н. Жукович также изучал историю образования на территории западных земель Российской империи, отмечая особую роль Виленского университета и Главной духовной семинарии при университете в развитии просвещения. Следует отметить, что историк видел угрозу существовавшей на присоединенных землях системе образования, исходившую от монашеских орденов, активно и довольно результативно осуществлявших полонизаторскую деятельность в начале XIX в. П.Н. Жукович полагал, что образование здесь необходимо развивать в православных традициях, исключив влияние католичества [2–4].

После смерти профессора М.О. Кояловича в 1891 г. П.Н. Жукович был приглашен на заведование кафедрой русской гражданской истории в Санкт-Петербургскую Духовную академию. Переезд в столицу положил начало новому этапу научной деятельности историка. В 90-е годы XIX в. в журнале «Христианское чтение» был опубликован ряд статей, посвященных борьбе белорусско-украинской шляхты против Брестской церковной унии на сеймах конца XVI в. Основные положения этих публикаций П.Н. Жукович содержательно углубил в своем главном монографическом исследовании «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)» [5]. Ученый был первым в русской историографии конца XIX – начала XX в., кто внимательно и глубоко проанализировал именно сеймовую борьбу шляхты с церковной унией. Вышеназванный фундаментальный труд ученого лег в основу докторской диссертации, которую он успешно защитил в 1901 г.

Обращение П.Н. Жуковича к проблеме именно парламентской формы борьбы белорусско-украинской шляхты против унии объяснялось тем, что именно шляхта являлась в Польше–Речи Посполитой тем сословием, которое имело обширные политические права, в значительной мере реализуемые на сеймах и сеймиках. Сеймовая борьба была представлена историком не изолировано, а в связи с важнейшими процессами и явлениями внутриполитического развития и международной обстановки.

П. Н. Жукович разделял основные положения православной концепции Брестской церковной унии, которая всю ответственность за ее заключение возлагала на орден иезуитов, папский Рим, польскую католическую элиту и отдельных православных иерархов Киевской митрополии. Началом католической реакции ученый считал приход в Польшу иезуитов и смерть Сигизмунда Августа, подчеркивая при этом сохранение религиозной свободы для шляхты. Победу католической реакции П.Н. Жукович связывал с активной деятельностью иезуитов и относил уже к правлению Сигизмунда III, однако значительную часть вины за принятие Брестской унии П.Н. Жукович возлагал на ряд иерархов западнорусской православной церкви [5, с. 411].

П.Н. Жукович рассматривал унию как процесс окатоличивания православного населения на землях ВКЛ, что было характерно для православной концепции в целом, но выходил за рамки такой прямолинейности. В главном научном труде П.Н. Жуковича предмет исследования значительно шире – это и соотношение внутренних (кризис в Киевской православной митрополии) и внешних (деятельность иезуитов) факторов в заключении и динамике унии 1596 г., и роль польско-литовского государства, властей Речи Посполитой в ее принятии и распространении, и позиции различных сословий (в первую очередь шляхты), а также действий отдельных участников конфликта по вопросам церковной унии.

В последующие годы П.Н. Жукович продолжил изучение парламентских форм борьбы православной западнорусской шляхты против унии и униатов, проанализировав сеймы 1609–1632 гг. в шести выпусках – весьма объемных статьях, напечатанных в журнале «Христианское чтение» за 1903, 1904, 1906, 1908, 1910 и 1912 гг. [6–12]. Рассматривая их вместе взятые, следует обратить особое внимание на выделение ученым основных особенностей парламентской и непарламентской борьбы в Речи Посполитой по вопросам унии. П.Н. Жукович продолжил изучать все сеймы и некоторые сеймики, но гораздо больше места, по сравнению со своей главной монографией, отводит описанию внесеймовых форм борьбы за

восстановление статуса и прав православия. Выраженно более половины объема его публикаций занимают вопросы внешней, в т. ч. военной, политики (отношения с Московией–Россией, Швецией, Османской империей, крымскими татарами, Габсбургами) и острые внутриполитические проблемы Речи Посполитой, в первую очередь связанные с запорожским казачеством и рядом актов насилия в отношении униатских священников. Так, например, в предисловии ко второму выпуску (о 1615–1619 гг.) ученый прямо указал: «Для того, чтобы уяснить себе положение православно-церковного вопроса на … польских сеймах, существенно важным нам казалось изучить его в исторической связи с московским, турецко-татарскими вопросами польской сеймовой политики» [7, с. IV]. В начальной части третьего выпуска исследователь делает очередной вывод о выраженной динамике «общей политической обстановки сеймовой борьбы», отмечая, что на польском политическом горизонте «на смену московского вопроса … с новой угрожающей силой появляются турецкий, а затем шведский вопросы, глубоко уходящие своими корнями в тот сложный конфликт общих политических и религиозных, западно-европейских сил, который дал начало Тридцатилетней войне» [8, с. VI–VII]. А проблематика казачества представлена в нарастающей динамике во всех выпусках сочинения П. Н. Жуковича.

Коалиция православных с протестантами в сейме и за его стенами, эффективно действовавшая в начале XVII в., почти не фигурирует в продолжении монографии (исключение – сейм 1615 г.). П. Н. Жукович отметил, что на этом сейме протестанты в очередной раз подняли вопрос о восстановлении Варшавской конфедерации 1573 г. о свободе вероисповедания, что протестацию на поведение королевских представителей подписали лидеры и православных, и протестантов и что в этом документе содержалось прошение об удовлетворении требований двух конфессий [7, с. 16, 20]. Далее П.Н. Жукович нигде не упоминает о совместных действиях православной и протестантской шляхты, не рассматривает предпосылки и причины разрыва протестантско-православной коалиции в сейме, которая добилась весомых результатов в 1607, 1609 гг.

П.Н. Жукович отмечает, что восстановление православной иерархии в Речи Посполитой – это самое крупное (и единственное после 1609 г.) завоевание белорусско-украинского населения. Ученый посвятил этому событию и реакции польских властей на него целый третий выпуск, имевший подзаголовок «Возстановление иерархии» [8]. В 1619 г. патриарх Иерусалимский Феофан III совершил в Москве интронизацию Филарета Романова как патриарха Московского и всея Руси. После этого он направился в западные земли Речи Посполитой для восстановления здесь ликвидированной после Брестской унии православной иерархии. В 1620 г. патриарх возвел в сан митрополита Киевского игумена Михайловского монастыря Иова (Борецкого), монаха Мелетия Смотрицкого – в сан архиепископа Полоцкого, настоятеля Межигородского монастыря Исайю (Копинского) – в сан епископа Перемышля.

П. Н. Жукович позиционировал это не только как «самое выдающееся после Брестской унии событие церковной истории Западной России», но и как «крупный факт» ее политической истории, что понимали и польские власти [8, с. III]. Он признал восстановление православной иерархии результатом совместной деятельности православного духовенства, запорожского казачества и самого патриарха. При этом чрезвычайно важной, по его мнению, была позиция казачества в вопросах веры и его решающая роль в войне с турками. «Участие запорожского казачества в восстановлении уже само по себе обещало более активное воздействие его на ход сеймовой борьбы, чем до сих пор это было» [8, с. IV].

Следует также отметить, что П. Н. Жукович справедливо констатировал эскалацию религиозных конфликтов, особенно в первой половине 1620-х годов, что проявилось в ряде актов насилия по отношению к униатам. Он рассмотрел ряд убийств 1618 г., назвав их «делом низших, наименее сдержанных и сознательных элементов казачества», а также отказ православных жителей Могилева пустить в город униата Иосфата Кунцевича, назначенного полоцким архиепископом [7, с. 107–114]. Особенно пристальное внимание ученый уделил убийствам И. Кунцевича в Витебске, войта Ходыки и священника Юзефовича в Киеве [9, с. 60–104, 137–173]. По его мнению, насилие в религиозно-политической борьбе было принципиально новым явлением в конфликте православных и униатов на белорусско-украинских землях Речи Посполитой.

Помимо комплекса конфессионально-политических проблем, прямо или косвенно связанных с Брестской церковной унией, П.Н. Жукович также занимался вопросами истории становления и функционирования губернского правления на присоединенных землях и социально-экономической историей (в частности историей землевладения и землепользования дворянством западных губерний Российской империи) [12–16]. Его интересовали также вопросы вхождения российских земель в состав Российской империи, деятельность местных генерал-губернаторов, попытки реформирования губернской судебной системы, вопросы «раздачи» земель Екатериной II и Павлом I и др. Оценивая политику Павла I в области судебно-административного устройства, ученый отмечал, что вводимые изменения сочетались с «выраженным уважением к местным окраинным отличиям». Тем не менее, сравнивая деятельность Павла I и Екатерины II, историк заметил, что в отношении сохранения литовско-польской юридической традиции в судебной области на присоединенных западных землях императрица сделала больше, чем Павел I [15, с.

191, 225]. А самым важным и великим событием 30-х г. XIX в. в западных губерниях Российской империи историк называет «разрешение» униатского вопроса и воссоединение униатов в 1839 г. с православной церковью.

Кроме того, несколько публикаций П.Н. Жуковича были посвящены истории российских правителей из династии Романовых, жизнь и деятельность которых он оценивал весьма положительно.Большое количество своих исследований П.Н. Жукович публиковал в различных журналах: «Христианское чтение», «Журнал Министерства народного просвещения», «Исторический вестник» и др. Публицистические статьи историка выходили в «Литовских епархиальных ведомостях», «Церковном вестнике» и др. Он неоднократно выступал в качестве рецензента выпускных работ студентов СПбДА, магистерских диссертаций, трудов, выдвинутых на соискание различных премий. В журнале «Христианское чтение» был опубликован ряд его аналитических отзывов на научные пуюликации по гражданской и церковной истории.

В петербургский период своей научной деятельности П.Н. Жукович активно сотрудничал с «Энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона», Православной богословской энциклопедией, являлся членом Комиссии по описанию и приведению в порядок дел архива Святейшего синода, принимал участие в работе Всероссийского поместного собора Русской православной церкви.

В 1918 г. П.Н. Жуковича избрали членом-корреспондентом Российской академии наук (отделение русского языка и словесности), тем самым признав его большие научные заслуги.

В целом следует отметить, что основным направлением всей научной деятельности ученого и в Вильно, и в Петербурге являлась конфессиональная история Польши – Речи Посполитой в XVI – начале XVII в. Начав с детального общего анализа Реформации в польских землях и начального периода борьбы с ней, П.Н. Жукович стал ведущим исследователем более узкого блока политико-конфессиональных проблем, связанных с борьбой белорусско-украинского дворянства против Брестской церковной унии и ее последствий. При этом многие его оценочные суждения были новаторскими в российской исторической науке конца XIX – начале XX в., что признается многими современными специалистами.

1. Жукович, П. Н. Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. – СПб. : Типография Ф. Элеонского и К, 1882. – VIII, 542, IV с.
2. . Жукович, П. Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) / П. Н. Жукович. – СПб. : Типография Ф. Елеонского и К°, 1887. – 50 с.
3. Жукович, П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6. – С. 556–595.
4. Жукович, П. Н. Первый русский попечитель Виленского учебного округа / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1892. – № 5–6. – С. 362–398.
5. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П. Н. Жукович. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1901. – XXI, 608 с.
6. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Первый выпуск (1609–1614 гг.) / П. Н. Жукович. – СПб. : типография М. Меркушева, 1903. – 145 с.
7. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Второй выпуск (1615–1619 гг.) / П. Н. Жукович. – СПб. : типография М. Меркушева, 1904. – 118 с.
8. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). 3 выпуск (1620–1621 гг.). Возстановление иерархии. – СПб. : тип. М. Меркушева, 1906. – 203 с.
9. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). 4 выпуск (1622–1625 гг.). / П. Н. Жукович. – СПб. : типография М. Меркушева, 1908. – 173, 31 с.
10. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Пятый выпуск (1625–1629 гг.). / П. Н. Жукович. – СПб. : типография М. Меркушева, 1910. – 199 с.
11. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Шестой выпуск (1629–1632 гг.). / П. Н. Жукович. – СПб. : типография М. Меркушева, 1912. – 196 с.
12. Жукович, П. Н. О русском землевладении в Северозападном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1895. – № 3–4. – С. 312–336.
13. Жукович, П. Н. О русском землевладении в Северозападном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1895. – № 5–6. – С. 527–552.
14. Жукович, П. Н. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – № 1. С. 76–109; № 2. – С. 257–321.
15. Жукович, П. Н. Западная Россия в царствование Павла / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 6. С. 183–226; № 5. – С. 207–263; № 10. – С. 186–275.
16. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 2. С. 264–315; № 3. – С. 88–120; № 4. – С. 314–355; № 5. – С. 1–60.

УДК 930"18"(061.341)

SOFT POWER ІМПЕРЫІ: ДА ПЫТАННЯ ПРА СПЕЦЫФІКУ РАСІЙСКАЙ АГРАРНАЙ ПАЛІТЫКІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ АПОШНЯЙ ЧВЭРЦІ XVIII – ПАЧАТКУ XIX ст

Віталь Кірыленка
Ліцэй БДУ, Мінск, Беларусь
v.kirylenka@lyceum.by

У артыкуле робіцца спроба сістэмна прааналізаваць стратэгію канцэпту soft power Расійскай імперыі на беларускіх землях у 1772–1801 гг. як сукупнасці палітыка-ідэалагічных тактык, увасобленых у захадах па распараджэнні зямельнымі фондамі. Пазначана агульная палітыка-ідэалагічная накіраванасць і характар аграрнай палітыкі як спробы карыстання soft power на беларускіх землях падчас праўлення Кацярыны II і Паўла I, што была страчана падчас праўлення наступных імператраў імперыі Раманавых

Ключавыя словы: soft power, аграрная палітыка, імперыялізацыя, раздача маёнткаў, зямельна-саслоўная палітыка, Рэч Паспалітая, Расійская імперыя

EMPIRE SOFT POWER: THE PROBLEM OF AGRARIAN POLITIC SPECIFIES ON BYELORUSSIAN LANDS (END XVIII – BEGINNING XIX)

Vital' V.Kirylienka
BSU Lyceum, Minsk, Belarus

The article attempts to systematically analyze the strategy of the soft power concept of the Russian Empire in the Belarusian lands in 1772–1801. as a set of political and ideological tactics embodied in measures to dispose of land funds. The general political and ideological orientation and character of agrarian policy as attempts to use soft power in the Belarusian lands during the reign of Catherine II and Paul I, which was lost during the reign of the next emperors of the Romanov Empire

Keywords: soft power, agricultural policy, imperialization, distribution of estates, land class policy, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Russian Empire

Вывучэнне гістарычных феноменаў беларускіх земляў на пераломным этапе пераходу з дзяржаўных структураў Рэчы Паспалітай і ВКЛ у палітычнае, эканамічнае і соцыякультурнае поле Расійскай імперыі заўсёды выклікае асаблівую зацікаўленасць. Важнай гісторыка-сацыяльнай праблемай гэтага перыяду падаецца палітыка пецярбуржскага ўраду, накіраваная на гамагенізацыю і прыпадабненне інкарпараванае тэрыторыі, што пазначылі ўніфікацыю беларускіх земляў у расійскія імперскія структуры, пашыранае разуменне якіх прадугледжвае ўключэнне ў дадзеныя паняцці не толькі рэпрэсіўнага, гвалтоўнага (так званая *hard power – жорсткая сіла*), але і канвецыянальнага, кампраміснага (т.зв. *soft power – мяккая сіла*) аспектаў дзяржаўнай улады ў адносінах да аб'ектаў свайго ўздзеяння для дасягнення адпаведных мэтаў.

Перыяд пасля падзелаў Рэчы Паспалітай асабліва важны для акрэсленай праблематыкі, асэнсаванне якога дазваляе высветліць той гісторыка-культурны кантэкст у якім нараджаўся феномен імперыялізацыі ў пашыраным разуменні, а ў больш позні перыяд бачанне гэтай з'явы выкрышталізоўваецца ў больш вузкае этна-рэлігійнае паняцце акультурацыі, што выкарыстоўвалася надалей у XIX ст. і да апошняга часу ў гістарычнай навуцы. Шматаспектны падыход да імперылізацыі, які ўлічвае перапляценне, узаемапранікненне і ўзаемадзенасць рэпрэсіўных практык з аднаго боку і *soft power* – мяккай сілы – з іншага, што знаходзіцца зараз у стадыі навуковай рспрацоўкі, абгрунтавання і афармлення, на нашу думку, мае большы вытлумачальны патэнцыял, бо разглядае з'яву ў дынаміцы і пераемнасці.

Вызначальнай падаецца распрацоўка паняцця мяккая сіла ("русіфікацыя") ў сучаснай сусветнай (найперш заходняй і расійскай) гістарыяграфіі. А.Мілер сцвярджае, што "больш правільна казаць не пра русіфікацыю.., але пра "русіфікацыі", пра групу рознабаковых працэсаў", што спецыфічна працякалі ў розных гісторыка-культурных кантэкстах [5, сс. 54-55]. Э.Тадэн адрозніває "адміністрацыйную русіфікацыю" як "палітыку абсалютысцкай адміністрацыйнай цэнтралізацыі другой паловы XVIII ст." ад русіфікацыі XIX ст., што мела на мэце "імкненне насадзіць рускую мову і праваслаўе" [9, pp. 8-9]. Падобнае размежаванне прысутнічае і ў канцэпцыях іншых аўтараў, так, А.Капэлер вылучае "палітычную русіфікацыю" пры Мікалаі I, а моўна-культурную звязвае з палітыкай Аляксандра II ад часоў Студзеньскага паўстання 1863 г., а ўвогуле феномен вызначае як адміністрацыйную, сацыяльную і культурную інтэграцыйную палітыку расійскага ураду [4, сс. 203, 204]. Можна адзначыць, што даследчыкі падкрэсліваюць перапляценне адміністрацыйных, прававых і сацыяльна-эканамічных перадумоў

этнанацыянальнай русіфікацыі другой паловы XIX – пачатку XX ст., а сам феномен імперыялізацыі бачаць як складаную супярэчлівую шматаспектную з'яву, якая працягвае спалучаць абодва падыходы – мяккай і жорсткай сілаў.

Для сучаснай беларускай гістарычнай навукі таксама характэрны зварот да разгляду пецярбуржскай палітыкі на ўскраінах імперыі як адназначна нявызначанай траекторыі спалучэння рэпрэсіўных і дамоўных метадаў дасягнення пастаўленых мэтаў у цэнтралізацыі кіравання, уніфікацыі заканадаўчай, адміністрацыйнай, рэлігійнай, адукацыйнай і іншых сфераў сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і культурнага жыцця [7, с. 136; 1, сс. 183-184, 186], пры гэтым асноўная ўвага надаецца моўна-нацыянальнаму аспекту. Разам з тым, аналіз найбольш значных распрацовак паняцця імперыялізацыі (у розных сваіх праявах – *soft power*, русіфікацыі, інш.) пакідае ўпэўненасць, што асэнсаванне такой шматграннай і складанай з'явы не можа засяроджвацца толькі на культурна-моўным праекце, што пачынаецца ад другой паловы XIX ст.

Адштурхоўваючыся ад метадалагічнай праблематызацыі паняцця *soft power* бачыцца неабходным вызначыць разуменне дадзенага феномену ў дачыненні да акрэсленага гісторыка-культурнага кантэксту як палітыкі распаўсюджвання расійскіх імперскіх каштоўнасцяў, норм і практык у адміністрацыйна-прававой, сацыяльна-эканамічнай і культурнай сферах. Зварот да аграрнага аспекту палітыкі імперыялізацыі ў Беларусі канца XVIII – пачатку XIX ст. абгрунтоўваецца вызначальнай роляй ў немадэрнізаваных супольнасцях зямлі і зямельных адносін ва ўсіх сферах грамадства, у якім іерархія сацыяльна-эканамічных і палітычных статусаў дэтэрмінавалася прыналежнасцю да валодання/карыстання зямельнымі рэсурсамі, што ў сваю чаргу вызначала культурныя дамінанты грамадства.

Адным з першых аўтараў, хто звярнуў увагу на імперыялізацыю ў форме "русіфікацыі зямлі", як аднаго з аспектаў *soft power*, быў В.Шміт, які цесна ўвязваў аграрную палітыку расійскіх уладаў на далучаных беларускіх землях з ідэалагічнымі мэтамі. Разглядаючы дадзены працэс Шміт падкрэсліваў, што ён адбываўся не стыхійна і не быў праявай прыватнай ініцыятывы, але здзяйсняўся мэтанакіравана цэнтральным урадам імперыі, хоць і не меў сістэматычнага і дэкларованага характару і зводзіўся ў першаю чаргу да надання маёнткаў расійскаму дваранству [10, ss. 1, 7-8].

Неабходна адзначыць, што сэнс *soft power* у дадзеным выпадку не абмяжоўваецца пашырэннем расійскага землеўладання: можна прасачыць намеры вышэйшых уладаў да сцвярджэння расійскіх імперскіх каштоўнасцяў шляхам раздачы земляў тым, хто кіраваўся гэтымі каштоўнасцямі ў сваёй вайсковай ці грамадзянскай службе і з'яўляўся іх актыўным носьбітам, адначасова з тым, як шляхам канфіскацый адмаўляліся чуждыя каштоўнасці і практыкі, калі зямельнай маёмасці пазбаўляліся непрысягнуўшыя шляхціцы, каталіцкія і ўніяцкія ўстановы, паўстанцы [2; 10]. Важным падаецца факт першачарговай раздачы расійскім урадам дзяржаўных, былых каралеўскіх, зямельных уладанняў, што можна разглядаць як сімвалічнае замацаванне расійскай імперскай улады [11, с. 507] разам з палітычнай уладай на далучаных тэрыторыях.

Істотным аспектам аграрнай імперыялізацыі з'яўлялася замяшчэнне соцыякультурных практык ўзаемадычыненняў у аграгнай сферы паміж яе суб'ектамі: земляўласнікам – селянінам – дзяржавай. За часамі Рэчы Паспалітай на беларуска-літоўскіх землях склалася традыцыя прыналежнасці сялянаў да зямлі, а не асабістай залежнасці ад пана, таму не існавала такой практыкі як продаж людзей, што вызначала, паміж іншым, своеасаблівыя стасункі і формы гаспадарання неапасродкаваныя дзяржаўным умяшальніцтвам. З уключэннем беларускіх земляў у Расійскую імперыю пачала здзяйсняцца іншая мадэль аграрных адносінаў, з вызначальнай роляй дзяржавы: пашырэнне продажу сялян без зямлі, набор іх у рэкруты, замена падымнага падатку падушным і інш. [8, s. 243, 326].

Праявай аграрный імперыялізацыі была таксама ломка сацыяльнай стратыфікацыі на далучаных землях, што праяўлялася ў выцясненні і пазбаўленні ўплыву актыўных носьбітаў мясцовай соцыякультурнай і палітычнай традыцыі: разбор шляхты і перавод дробнай шляхты, што не падцвердзіла свой статус, у сялянскі ці мяшчанскі станы, непрызнанне за беспамеснай шляхтай дваранскага статусу, скасаванне стану местачкоўцаў з колькасным пашырэннем прыгону [3, с. 22].

Такім чынам, аграрная імперыялізацыя як мэтанакіраваная палітыка *soft power* канца XVIII – пачатку XIX ст. расійскага ўраду ў Беларусі была непасрэдна звязаны з мэтай стварэння цэласнага цэнтралізаванага дзяржаўнага арганізму з апірышчам на аміністрацыйна-бюракратычны і своеасаблівы землеўладальніцкі рэсурс у выглядзе зямельных ўласнікаў з вялікарускіх земляў і непасрэдных прыхільнікаў пецярбуржскага рэжыму (малдаўска-валашскіх баяраў, остзэйскім баронаў, французаў, англічан і інш., прынятых на імператарскую службу), якія былі не толькі кіраўнічымі і аграрнымі суб'ектамі, але і актыўнымі носьбітамі каштоўнасцяў, норм і практык, чуждых для мясцовай соцыякультурнай прасторы, своесаблівасці якой паступова нівеліраваліся.

Пазначыўшы спецыфіку першаснай імперыялізацыі беларуска-літоўскіх земляў канца XVIII – першай траціны XIX ст. у яе аграрным аспекце, падаецца мэтазгодным зрабіць спробу акрэсліць дынаміку *soft power* стратэгіі ў пераемнасці яе этапаў (формаў):

1) адміністрацыйна-прававая імперыялізацыя праявілася ва ўвядзенні ўмоваў і стандартаў, як сутнасных, так і фармальных у кіраванні і арганізацыі ўлады на новадалучаных землях, у тым ліку шляхам заканадаўства;

2) аграрна-саслоўная імперыялізацыя характарызавалася пашырэннем расійскага землеўладання, сутнаснымі і фармальнымі зменамі ва ўзаемадачыненнях паміж аграрнымі суб'ектамі і трансфармацыяй мясцовай сацыяльнай стратыфікацыі;

3) моўна-нацыянальная імперыялізацыя (русіфікацыя) распачынаецца на месцах пасля Лістападаўскага паўстання і ахоплівае агульную імперскую палітыку ў перыяд пасля Студзеньскага, яе сутнасць – у фармаванні монаэтнічнай дзяржавы як падмурку для мадэрнізацыі імперыі.

Адзначаныя этапы вылучаны з пэўнай ступеняй умоўнасці, і фактычна ўяўлялі сабой не вельмі сістэмныя, але мэтанакіраваныя спробы паступовай інкарпарацыі беларуска-літоўскіх земляў у структуры Расійскай імперыі. Так, раздача зямельнай маёмасці распачынаеца разам з адміністрацыйнымі пераўтварэннямі, заканадаўчыя новаўвядзенні прасочваюцца на розных этапах, а з'яўленне моўнага кампаненту заўважна да сярэдзіны XIX ст., напрыклад у выглядзе праекту надання расійскіх назваў органам кіравання і "пасадовым месцам" [6, с. 201], таму ў размежаванні этапаў захоўваецца пэўная ўмоўнасць.

Падсумоўваючы асэнсаванне стратэгічных захадаў палітыкі расійскага ўраду пасля далучэння Беларусі ў іх сукупнасці, можна прасачыць наступную максімальна агульную тэндэнцыю імперыялізацыі: да выспявання вялікарускага этнанацыянальнага праекту ў нетрах імперскага арганізму пецярбуржскія эліты абапіралася ў сваёй большасці на *soft power* – адміністрацыйна-саслоўныя і земляўласніцкія рэсурсы традыцыйна-феадальнага грамадства для замацавання на новадалучаных тэрыторыях, тады як этнакультурны праект другой паловы XIX ст. выкарыстоўваў ідэалогіі мадэрнава-індустрыяльнага грамадства з апірышчам на культурна-ментальныя структуры соцыўму з іх моўным і рэлігійным увасабленнем, пры гэтым захоўвалася пераемнасць і цэласнасць працэсу.

1. Анішчанка, Я. Беларусь у часы Кацярыны II (1772-1796) / Я.Анішчанка; пад. рэд. У.Сосна. – Минск : Гум.-Экан. Недзяр. Ун-т, 1998. – 211с.
2. Жукович, П. О русском землевладении в Северо-Западном Крае со времени присоединения его к России / П.Жукович. – СПб.: Печатня С.Яковлева, 1895. – 53 с.
3. Ільяшэвіч, М. Расейская палітыка на землях былага Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панаваньне Кацярыны II і Паўлы I (1772-1801) / М.Ільяшэвіч. – Вільня : Друкарня Я.Левіна, 1933. – 24 с.; рэпрынт. выд. 1992
4. Каппелер, А. Россия многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / А.Каппелер. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 342 с.
5. Миллер, А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.Миллер. – Москва : НЛО, 2006. – 248 с.
6. Национальные окраины Российской империи: становлении и развитие системы управления / С.Агаджанов [и др.]; Ин-т рос. истории РАН. – Москва : Славянский диалог, 1997. – 415 с.
7. Сяргеенкава, В., Ходзін, С. Русіфікацыя / В.Сяргеенкава, С.Ходзін // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 136-137
8. Grabski, W. Historia wsi w Polsce / W.Grabski. – Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1929. – 450 с.
9. Russification in Baltic Provinces and Finland / Thaden, Edward C., ed. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1981; цытуецца па: Миллер А. Империя Романовых… С. 55-56
10. Schmidt, W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w guberniach wileńskiej, grodzieńskiej i mińskiej (1793-1875) / W.Schmidt. –Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1923. – 104 s.
11. Владимирский-Буданов, М. Обзор истории русского права / М.Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 640 с.

УДК 930

ПОДГОТОВКА КАДРОВ КАТОЛИЧЕСКОГО И УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ТРУДАХ П. Н. ЖУКОВИЧА

Геннадий Васюк, Екатерина Ирха

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

gen-vasyuk@yandex.by ; Irxa_EM@grsu.by

В статье проанализированы взгляды П. Н. Жуковича на систему богословского образования в Виленском университете и Главной духовной семинарии при нем. Авторы делают выводы о достаточно либеральных оценках историком данной проблемы и его беспристрастности при характеристике отдельных профессоров университета и отмечают критический анализ деятельности попечителей Виленского учебного округа. Исходя из позиций западнорусизма П. Н. Жукович уделяет внимание преподаванию русского языка в учебном заведении и отмечает необходимость противодействия полонизации и окатоличиванию в Виленском университете.

Ключевые ослова: историография, образование, Виленский университет, Главная духовная семинария, Виленский учебный округ, богословие, католичество, униатство

TRAINING OF CATHOLIC AND UNIATE CLERGY AT THE UNIVERSITY OF VILNA IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY. IN THE WORKS OF P. N. ZHUKOVICH

Gennady V. Vasyuk, Ekaterina M. Irkha
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The article analyzes the views of P. N. Zhukovich on the system of theological education at Vilna University and the Main Theological Seminary under it. The authors draw conclusions about the historian's rather liberal assessments of this problem and his impartiality in characterizing individual university professors and note a critical analysis of the activities of the Vilna educational district trustees. Proceeding from the positions of Western Russianism, P. N. Zhukovich pays attention to the teaching of the Russian language in an educational institution and notes the need to counter Polonization and Catholicization at Vilna University.

Keywords: historiography, education, Vilna University, Main Theological Seminary, Vilna Academic District, theology, Catholicism, Uniatism

П. Н. Жуковича характеризуют как историка-специалиста в области конфессиональной истории Речи Посполитой XVI–XVIII вв. Однако интересы ученого не ограничивались данной тематикой и выходили за рамки поставленной проблемы. Ряд публикаций П. Н. Жуковича посвящен социально-экономической истории, судебным органам, «школьному делу» в западных землях Российской империи, истории казачества и другим темам. В научном наследии историка также есть работы по истории образования на белорусских землях в начале XIX века. Данная проблематика менее исследована, а работы хоть и немногочисленны, но значимы в контексте анализа исторических взглядов П. Н. Жуковича.

Статьи ученого, опубликованные в журналах «Христианское чтение», «Исторический вестник», «Литовские епархиальные ведомости», касаются вопросов Виленского учебного округа, Главной духовной семинарии Виленского университета и их преподавателей [1–7]. В работах историка нет уточнений о том, чем был продиктован его интерес к данной теме, однако можно предположить, что обращение к данной проблеме было обусловлено его работой в Виленском духовном училище и Литовской духовной семинарии, а также возможностью ознакомиться с редкими документами, находящимися в Виленских архивах и библиотеках. Труды П. Н. Жуковича можно условно разделить на две группы: 1) собственно история Виленского учебного округа и Главной Духовной семинарии Виленского университета; 2) персональная история (биографические очерки отдельных преподавателей университета и семинарии и др.).

Вышеназванные статьи написаны на основании широкого круга источников: П. Н. Жукович проанализировал часть сохранившегося дневника П. О. Бобровского, записки митрополита Иосифа (Семашко), архиепископа Антония, архиепископа Василия (Лужинского); законодательные акты (распоряжения, постановления Министерства народного просвещения), частную переписку, архивные материалы канцелярии Виленского учебного округа (личные дела студентов и преподавателей) и др.

В статьях, опубликованных в вышеупомянутых журналах, П. Н. Жукович рассматривает период после восшествия на российский престол Александра I, когда был проведен ряд реформ образования, продиктованных требованиями времени. В 1803 г. было создано Министерство народного просвещения, организовано шесть учебных округов (в том числе и Виленский с вошедшими в него Гродненская, Витебская, Виленская, Подольская, Киевская, Минская, Могилевская Волынская губернии), на базе Главной Виленской школы образован Императорский университет в Вильно, являвшийся центром учебного округа. Попечителем Виленского округа был назначен князь Адам Чарторыйский, руководивший им с 1803 г. по 1824 г.

П. Н. Жукович в своих публикациях характеризует деятельность А. Чарторыйского на должности попечителя Виленского учебного округа. Историк утверждает, что попечитель за основу новой системы образования многое взял из опыта деятельности Эдукационной комиссии Речи Посполитой, созданной в 1773 году [5, с. 367]. На основании этого П. Н. Жукович делает вывод о том, что Виленский учебный округ находился под сильным польским культурным влиянием: «сторонники, друзья и недруги Чарторыйского сходятся в мысли, что постоянною и главною целью его во все время управления Виленским округом была полонизация края». При этом П. Н. Жукович отмечает просвещённость попечителя, его антиклерикализм и стремление действовать в рациональном духе [7, с. 375].

Созданный указом Александра I Императорский университет значительно отличался от других университетов Российской Империи: он имел широкую автономию, значительную материальную базу,

большую самостоятельность профессорско-преподавательского состава в выборе программ и методов обучения.

Виленский университет отличало наличие в нем богословского образования, хотя согласно Уставу университета, утвержденному императором Александром I 18 мая 1803 г. говорится о 4 факультетах, среди которых богословский отсутствует [8, с. 617]. Предметы, связанные с богословием, преподавались на кафедрах разных факультетов. Многие его функции выполняла Главная духовная семинария, деятельности которой П. Н. Жукович посвятил статью, опубликованную в журнале «Христианское чтение» в 1887 г. «Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832 гг.)» [1].

В своих работах П. Н. Жукович отметил, что это было единственное высшее католического духовно-учебное заведение в западном регионе Российской империи в начале XIX в., где могли получить образование и униаты. Историк, детально проанализировав структуру учебного заведения и его кадровый состав, выделил два периода его деятельности: 1) 1803–1812 гг. – формальное открытие в 1803 г., фактическое открытие, когда был сделан первый набор студентов в 1808 г. и до начала войны 1812 г., во время которой обучение не проводилось; 2) 1816–1832 гг. – от возобновления обучения до момента закрытия Виленского университета. Второй период П. Н. Жукович оценил как «период полного и всестороннего развития» семинарии [1, с. 256].

В своих исследованиях П.Н. Жукович указал на то, что Виленский университет был призван восполнять нехватку кадров с высшим образованием среди католического и униатского духовенства в начале XIX в., повышать интеллектуальный уровень духовенства. При этом ученый отметил негативную реакцию католических иерархов и монашества на открытие семинарии, объяснив это потерей их влияния на образовательный процесс и боязни светского влияния на будущих духовных лиц [1, с. 246], тем более, что выпускники вышеназванного учебного заведения получали исключительное право на занятие высших иерархических должностей в католической и униатской церквях.

Историк отмечает низкий уровень знаний первого набора студентов Главной духовной семинарии (1808 г.). Среди выпускников данного набора П. Н. Жукович выделил М. О. Бобровского и И. Гинтилло, двух студентов, которые в последствие станут преподавателями Виленского университета. Ученый отметил, что семинарию закончили также будущие униатские деятели, выступившие в последствие за воссоединение униатской церкви с православием: И. Семашко, М. Голубович, Ф. Малашевский, И. Железовский. П. Н. Жукович дает ссылку на «Записки» митрополита И. Семашко, где тот говорит, что «четыре года пребывания в Главной семинарии … как лучшее время моей жизни не смотря на неимоверные труды. Редко можно найти столь хорошее юношество, каковы были мои сотоварищи – тогда обращено было особенное внимание на выбор кандидатов» [1, с. 266].

П.Н. Жукович отмечал, что особенностью семинарии было «мирное соприкосновение белого греко-униатского духовенства с римским», все семинаристы изучали обряды обеих религий, посещали занятия по светским дисциплинам в Виленском университете, а также, согласно уставу, могли по желанию посещать другие университетские курсы по выбору. Историк положительно оценивает преподавание в учебном заведении, поскольку оно было «истинно научно», лишено религиозного фанатизма, «ультрамантанской исключительности и нетерпимости» [1, с. 267, 270].

П. Н. Жукович охарактеризовал профессорско-преподавательской состав Виленского университета в статье «О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии» [2–3]. Характеристики профессорско-преподавательского состава, представленные в данной статье, подготовлены по следующему плану: 1) биографические сведения о жизни и деятельности ученого до начала его работы в Виленском университете; 2) перечисление научных сочинений ученого; 3) знание ученым предмета преподавания, ораторское мастерство на лекциях; 4) участие в выборных органах университета; 5) ученая карьера, награды.

П. Н. Жукович выделяет ряд ученых, получивших образование и опыт преподавательской деятельности еще в учебных заведениях ВКЛ (Ф. Н. Голянский, А. В. Клонгевич) и Западной Европы (А. Томашевский). Историк акцентирует внимание на молодой генерации талантливых ученых – выпускников уже Императорского Виленского университета (М. О. Бобровский, П. А. Сосновский).

Самой крупной научной величиной среди преподавателей богословских наук в Виленском университете П. Н. Жукович считает профессора М. О. Бобровского. Он говорит о нем как о разностороннем ученом-исследователе, подчёркивает его знание ориенталистики и славистики [5, с. 374]. Особое внимание П. Н. Жукович уделяет пятилетней заграничной командировке профессора в университеты Западной Европы, где он изучил еврейский, арабский, сирийский языки и ряд славянских языков. Историк характеризует М. О. Бобровского как весьма авторитетного профессора с неортодоксальными мыслями, выдающегося лектора.

П. Н. Жукович отрицает причастность М. О. Бобровского к деятельности тайных обществ в Виленском университете и считает, что «причины административной ссылки проф. Бобровского остаются до сих пор невыясненными». Он предполагает, что профессор стал жертвой интриг базилианских монахов

[5, с. 392], т.к. выступал в поддержку белого униатского духовенства и восстановления церковно-славянского языка в богослужении. В современных исследованиях М.О. Бобровского называют «идейным вдохновителем» студенческих тайных обществ, хотя это и не подтверждается конкретными фактами [9, с. 24; 10. с. 291].

Деятельность тайных обществ в Виленском университете вызвала крайне отрицательную реакцию правительства Российской империи, оно впервые задумалось о том, что своими же руками создает и укрепляет польскую оппозицию и усиливает надежды польской шляхты на восстановление Речи Посполитой. С 1824–1825 гг. царские власти начинают ограничивать автономию Виленского университета и усиливать в нем влияние русского языка. К преподаванию в университете после полуторагодичной ссылки возвращается М. О. Бобровский, что по мнению П. Н. Жуковича, было связано с мерами Министерства народного просвещения, направленными на усиление изучения русского и славянского языков, сторонником и специалистом в данной области как раз и был опальный ученый.

Новую политику в области образования в Виленском учебном округе начал проводить «первый русский» попечитель округа Н. Н. Новосильцев [7]. При нем округ значительно уменьшился в размерах (в составе округа остались Виленская, Гродненская, Минская губернии). При новом попечителе были ограничены академические свободы, в частности отмены выборы ректора. Первым назначенным ректором был В. Пеликан, которого П. Н. Жукович оценивает неоднозначно [7, с. 375]. Н. Н. Новосильцев, видя, что в университете господствует польский язык, активно взялся за уменьшение польского влияния в учебном заведении.

П. Н. Жукович отмечает, что некоторые преподаватели вообще не знали русского языка [2, с. 613]. Как активный сторонник распространения русского языка и православной духовности, западнорусист П. Н. Жукович глубоко был обеспокоен засильем, в его понимании, польских традиций и польского языка, которые способствовали подъему польского патриотизма и могли вести к сепаратизму. Особое возмущение у него вызывало широкое употребление польского языка в преподавании предметов в Главной духовной семинарии. Он пишет, что «преподавание в ней велось на польском языке: профессора читали лекции на польском языке, за исключением немногих, читавших по-латыни; на польском языке клирики давали им устные ответы; на польском или латинском писали сочинения на заданные темы; на польском языке составляли и произносили проповеди и т.д. … В лекциях профессоров все польское трактовалось как свое родное …» [1, с. 280].

Особенно П. Н. Жукович был недоволен низким уровнем владения русским языком, которое демонстрировало будущее униатское духовенство. Он даже цитирует воспоминания митрополита И. Семашко, который «по его собственным словам, вышел из семинарии с очень посредственным знанием русской литературной речи» [1, с. 281]. П. Н. Жукович сетует, что преподавание русского языка в Главной духовной семинарии «было отодвинуто далеко на задний план», а лекции по русскому языку и литературе, которые читались профессорами И. Чернявским и И. Н. Лобойко «в общей системе польского образования … не могли иметь большого значения» [1, с. 283].

Главной заслугой попечителя округа Н. Н. Новосильцева П. Н. Жукович считает переход к преподаванию на русском языке некоторых учебных предметов (история, статистика, география). Однако, свою главную роль в университете Н. Н. Новосильцев видел в наведении суровой дисциплины среди студентов, в подавлении всяческих проявлений свободомыслия и польского патриотизма. П. Н. Жукович указывает, что попечителю не удалось достичь данных целей. Несмотря на определенный оптимизм руководителя округа «Виленский университет, а за ним и средние учебные заведения вскоре скомпрометировали себя деятельным участием в польском восстании 1831 г. 1 мая 1832 г. последовало официальное закрытие Виленского университета и самого Виленского учебного округа» [7, с. 398].

Таким образом, рассмотренные нами статьи П. Н. Жуковича, написанные в конце 80-х-начале 90-х годов XIX в., были ответом историка на актуальные потребности того времени. Именно в 1884 г. император Александр III начал новую реформу образования в Российской империи. В том же году был введен университетский устав, согласно которому попечитель и ректор университета избирались Министром народного просвещения, права Совета университета ограничивались. Вместе с тем, студенты получили право выбирать учебный план, что соответствовало западноевропейской традиции образования.

П. Н. Жукович в своих статьях предпринимает попытку проанализировать российское образование первой трети XIX в., характеризующееся интересными экспериментами, существованием различных моделей высшего образования. Интерес историка к Виленскому университету был также связан с периодом его становления, как молодого преподавателя и ученого.

Анализ работ П. Н. Жуковича по истории Виленского университета показывает, что он, возможно, планировал самостоятельное исследование по данной проблеме, началом которого явилась серия статей, упомянутых выше. Можно отметить достаточно либеральный подход историка к характеристике Виленского университета и Главной духовной семинарии. П. Н. Жукович признавал значительное влияние

Виленского университета на развитие польского образования в Российской империи, при этом отмечал, что польский университет достиг высшей степени своего процветания «под русским владычеством» [1, с. 237].

Стиль его исследования достаточно ровный и в целом беспристрастный, однако, чувствуется определенная заангажированность историка в неприятии полонизации, проводимой в Виленском университете, недостаточное употребление русского языка в преподавании и общении. Основной акцент в своих статьях П. Н. Жукович делает на характеристику места богословских наук в данном высшем учебном заведении. Он подробно характеризует учебные занятия в области богословия целого ряда профессоров [5–6].

Проблема образования униатского духовенства в Виленском университете рассматривается П. Н. Жуковичем в русле подготовки объединения униатов с православной церковью на Полоцком соборе 1839 г. По этой причине историк критикует самую тесную связь униатов с католиками, обучение их на польском языке и в польских традициях, негативно оценивает базилианский орден, наиболее стойко отстаивающий унию.

Современные исследования, затрагивающие тематику Виленского университета и образования в первой трети XIX в., достаточно немногочисленны [11–15], поэтому исследования П. Н. Жуковича в определенной степени полезны и актуальны, несмотря на то что историк рассмотрел лишь некоторые его аспекты.

1. Жукович, П. Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1887. – № 3–4. – С. 237–286.
2. Жукович, П. Н. Сенатор Новосильцев и профессор Голуховский (Эпизод из истории Виленского университета 1823 – 1824 гг.) / П. Н. Жукович // Исторический вестник. – 1887. – Т. 29. – № 9. – С. 603–619.
3. Жукович, П. Н. Попечитель Новосильцев в сетях базилианской интриги / П. Н. Жукович // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. –№ 39. – С. 333–334.
4. Жукович, П. Н. Academia caesarea Romano-Catholica Ecclesiastica Petropolitana anno academico 1887-1888. Petropoli / 1887 (библиографическая заметка) / П. Н. Жукович // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. –№ 11. – С. 82–86.
5. Жукович, П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 3–4. – С. 367–409.
6. Жукович, П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6. – С. 556–595.
7. Жукович, П. Н. Первый русский попечитель Виленского учебного округа / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1892. – № 5–6. – С. 362–398.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1802–1803 гг. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – Том XXVII. – 1196 с.
9. Морозова, С.В. История Беларуси, конец XVIII – начало XX в.: учеб. Пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. Образования с рус. яз. обучения / С. В. Морозова, В. А. Сосно, С. В. Панов ; под ред. В. А. Сосно : пер. с белорус. Яз. Т. Н. Шахмуть. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – 199 с.
10. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 1 / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў [і інш.] – Мінск : Беларусь, 1994. — 527 с.
11. Жуковская, Т. И. Университеты и университетские традиции в России. Курс лекций / Т. И. Жуковская. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ. – 2011. – 140 с.
12. Морозова, С. В. Униатская система образования [Электронный ресурс] / С. В. Морозова. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/98/1/3/16/Униатская_система_образования.html. – Дата доступа: 10.02.2022.
13. Мосейчук, Л. И. Теологическое образование приходского униатского духовенства на белорусских землях в 1743–1839 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Л.И. Мосейчук ; УО «БГПУ им. М. Танка». – Минск, 2019. – 26 с.
14. Журова, Е. Ю. Университетские уставы 1803-1804 гг. / Е. Ю. Журова // Вопросы образования. – 2011. – № 4. – С. 268–290.
15. Орлова, Н. А. Католическое духовное образование в Российской Империи в контексте государственной конфессиональной политики / Н. А. Орлова // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской Империи: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. – М.; Краснодар. 2015. – С. 206–232.

УДК 94(476) “15/19”

ТАДЕУШ РЕЙТАН. БЕЛОРУССКИЙ ДОН КИХОТ

Михаил Губко
Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь
serezhenka_filonchik@mail.ru

В работе рассматривается личность Тадеуша Рейтана, его роль как участника сейма, где обсуждался раздел Речи Посполитой. Исторические сведения об этом событии и биографические сведения о белорусском шляхтиче дворянского рода.

Ключевые слова: Тадеуш Рейтан, биографические сведения, раздел Речи Посполитой, Белорусский Дон Кихот, Грушевка

TADEUSZ REITAN. BELARUSIAN DON QUIXOTE

Michail V. Gubko
Baranovichy state university, Baranovichy, Belarus

The work examines the personality of Tadeusz Reitan, his role as a member of the Sejm, where the division of the Commonwealth was discussed. Historical information about this event and biographical information about the Belarusian gentry of a noble family.

Keywords: biographical information, section of the Commonwealth, Belarusian Don Quixote, Grushevka.

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»
Михаил Ломоносов

Всё чаще встречаются семьи, где внуки ничего не знают о своих бабушках и дедушках, не говоря о более далеких поколениях родственников, нет передачи информации об истории своего рода. Точно также утрачивается, изменяется история разных стран и государств, переписываются события исторической важности. Очень актуально сохранить историческую память, побудить подрастающее поколение помнить прошлое, историю своего народа, чтобы строить будущее, не совершая ошибок прошлого. Историческая память – это, прежде всего, осознанный взгляд в прошлое вместе с его позитивными и негативными сторонами, желание воссоздать реальные события истории [1].

В целях формирования объективного отношения общества к историческому прошлому, сохранения и укрепления единства белорусского народа 2022 год в Беларуси объявлен Годом исторической памяти. Это очень радует, так как историческая память во многом предопределяет то, как мы развиваемся и на какой системе ценностей воспитаем будущее поколение. Как никогда важно воспитывать настоящих патриотов, приводить примеры из истории и не забывать настоящих героев, которые готовы были пожертвовать своей жизнью ради защиты Отечества.

Пример героического поступка в эпоху Нового времени можно рассмотреть, изучая личность Тадеуша Рейтана. Часто называемого белорусским Дон Кихотом, рыцарем, боровшимся за справедливость. Тадеуш Рейтан - литвин-белорус в пятом колене. Первый его предок появился на наших землях во время войн Речи Посполитой со Швецией в 1620-х. Часть фольварков Рейтанов, полученных за военную службу, находилась на северной границе Великого княжества Литовского, возле Невеля. А вот имение в Грушевке (современный Ляховичский район) род купил после 1693 года.

Самую значимую должность из Рейтанов занял отец Тадеуша - правда, уже в зрелом возрасте. Доминик стал подкоморием новаградским - по-современному, зампредом облисполкома. А еще он с юности занимал место гусарского хорунжего у Михала Казимира Радзивилла «Рыбоньки». Ведь Доминик - друг детства великого гетмана ВКЛ. Со временем в свиту вошла и супруга Рейтана Тереза - дочь минского стольника Лявона Павла Вододковича.

В конце октября 1740-го, спустя год после венчания в минском костеле Девы Марии, у Доминика и Терезы на свет появился первенец Тадеуш. Отец делал на Тадеуша ставку как на главу рода, отдал учиться в иезуитский коллегиум, вел по своим стопам в радзивилловском окружении. Тадеуш с детства дружил с Каролем Станиславом, известным как Пане Коханку, - сыном Михала Казимира. В середине 1760-х он даже провел вместе с ним около года в эмиграции.

Когда в 1769-м умирает отец Тадеуша, именно на него, 29-летнего, падает груз ответственности за большую семью: четверых братьев и трех сестер. Некоторое время он занимается делами в Грушевке. Но в

1772 году грянул первый раздел Речи Посполитой - тайную конвенцию Россия подписала с Пруссией, затем с Австрией.

Это был пакт Молотова-Риббентропа своего времени, - рассказывает архивист Змитер Юркевич, который совместно с Арт-сообществом имени Тадеуша Рейтана на протяжении пяти лет возвращает в белорусский контекст имя самого знаменитого представителя рода. - Австрия тогда получила украинские земли, Пруссия - польские. России достались белорусские (литвинские) Подвинье и Поднепровье: 92 тысячи квадратных километров с 1,5 миллиона населения и торговыми центрами - Полоцком, Могилевом, Мстиславлем, Гомелем. Причем за несколько недель местной шляхте надо было или принести присягу Екатерине II, или, продав свое имущество, выехать. Противников присоединения хватало и на занятых Россией землях, и на остальной территории Речи Посполитой. Король Станислав Август Понятовский обращался за военной помощью во все дворы Европы. Но поставленного российской императрицей монарха заставили созвать сейм, где планировалось подписать акт раздела страны, согласно которому Россия, Австрия и Пруссия якобы возвращали когда-то принадлежавшие им земли [4].

ПОСЛЫ ТОПТАЛИ РЕЙТАНА И ПЕРЕСТУПАЛИ ЧЕРЕЗ НЕГО

Состав сейма, заседание которого началось в Варшаве 19 апреля 1773 года, был таким: из 111 послов 87 с территории Польши, 24 - из ВКЛ. Сенсаций не ожидал никто, исход заседания был ясен, большинству шляхты щедро заплатили. А до начала сейма уже был принят акт конфедерации под диктовку Панинского: от литвинских послов его подписали 7 человек, от польских - 76.

Но купленному Екатериной II маршалку поляку Адаму Панинскому несколько дней не удавалось вступить в свои права - все из-за послов с земель ВКЛ: Тадеуша Рейтана, Самойлы Корсака и Станислава Богушевича. В первый же день сейма они назвали происходящее насилием над страной, подчеркнув, что место маршалка по очереди должно было остаться за литвином. Они понимали: отменить ничего не удастся, но сейм благодаря такому выступлению не пройдет легитимно. Рейтан был душой этого акта неповиновения. Выступление сорвало овации галерки в варшавской посольской избе. Но послы от Новоградчины: Рейтан и Корсак действовали строго по инструкции-наказу от сотни выбравшей их местной шляхты, отступать от которой не имели права.

В дневниках сейма упоминается, что Рейтан говорил на сейме: ради Отечества готов на все – даже пожертвовать жизнью. Один из пунктов инструкции-наказа новогрудских послов запрещал им под страхом смерти позволить отнять от страны территории. Такого пункта нет в других посольских инструкциях. По мнению историков, самоотверженные Рейтан и Корсак вписали его сами, чтобы отрезать себе путь к предательству и иметь законные основания для сопротивления [4].

После выступления все четыре дня, отведенные на выборы маршалка, Панинский не появлялся в сейме. И за это время создал конфедератский суд, который первым же декретом признал Рейтана «врагом государства, лишал его имущества, изгонял из страны» и, как читалось между строк, не противился его физическому устранению. Жизнь Рейтана действительно была под угрозой. Но тут в игру вступил король, который отменил этот документ: Понятовский в душе симпатизировал бесстрашному Тадеушу, готовому пойти до конца против измены Панинского. Пусть морально Тадеуш оказался в выигрыше, но ряды его соратников редели. Четыре дня и три ночи Рейтан, Корсак и Богушевич не покидали посольской избы, оставаясь без еды и воды. Но польские послы в итоге переметнулись на сторону Панинского. Рейтан кинулся перед ними, разорвал на себе кунтуш, призывая не губить страну: «Убейте меня - не убивайте Отечество!» Но послы под страхом расправы переступали через Рейтана и даже топтали его ногами. Троих послов во главе с Рейтаном, вступивших в конфронтацию, отстранили от участия…

Это событие нашло отражение в знаменитой картине Яна Матейко «Рейтан. Упадок Польши», написанной в 1866 году. Правда, ее нельзя считать в полной мере историческим полотном, ведь тот же Панинский в посольской избе тогда не присутствовал, как и некоторые другие личности, что там изображены. После показа в Париже в 1867 году, картина была удостоена золотой медали [2].

Тадеуш провел в Варшаве еще два года, описывая в дневнике все нарушения закона. Жил шляхтич в столице Речи Посполитой с минимумом средств, не принимая знаки уважения от лучших варшавских дворов. Кстати, у короля Понятовского до второго раздела Речи Посполитой в 1793 году была так и не реализованная идея установить в своем дворце две плиты: белого мрамора - в честь Рейтана и черного - в память о предательстве Панинского.

В 1775-м Тадеуш возвращается в Грушевку. Известно, что приехал он печальным, утомленным. В документальном фильме «Обратный отсчет. Тадеуш Рейтан. Белорусский Дон-Кихот» (ОНТ) говорится о восьмилетней депрессии Тадеуша после его провальных попыток спасти Речь Посполитую. В своей неудаче винил только себя и никого не хотел видеть, даже близких друзей. Вернувшись в Грушевку, семь лет прожил затворником в небольшом флигеле на заднем дворе своей усадьбы [3].

САМОУБИЙСТВО – МИФ

В Грушевке Рейтан пять лет живет в мурованке - оборонительном здании с толстыми стенами и зарешеченными окнами. Это единственное строение усадьбы, что сохранилось без перестроек. Причем Тадеуш тогда же упоминается в документах Новогрудского воеводства как активный человек - и это повод усомниться в его болезни, о которой нередко писали прежде.

А история со смертью Рейтана, которую посчитали самоубийством, обросла мифами, которые стали важнее правды. В начале августа 1780 года в Грушевку приезжает русский генерал Иван Михельсон. Он купил имения Рейтанов на тех землях, что утратила Речь Посполитая после первого раздела. Когда Тадеуш увидел генерала на отчей земле, с которым к тому же раскланиваются в светской беседе его братья, он стал прогонять Михельсона. Братья заперли Тадеуша в мурованке. Человек впечатляющей физической силы - как писал русский историк Соловьев, «огромного роста литвин», - он разбил окна, до изнеможения пытался вырвать решетки. А через два дня умер. Как писал биограф и двоюродный внук Рейтана Генрих Жавусский - в полном сознании.

У Юлиана Немцевича, еще одного биографа литвина-героя, написано: Рейтана похоронили в Ляховичском костеле. Самоубийцу не упокоили бы в храме. Однако миф теперь препятствует увековечению его памяти в Ляховичском районе. 1000 подписей собрано за улицу Рейтана, но часть людей высказало мнение, что не хочет жить на улице имени самоубийцы.

Уже в XIX веке прах Рейтана, возможно, был вынесен родными из костела на кладбище - тогда костел переделывали в православную церковь.

1930-е годы стали закатом Грушевки Рейтанов. Язэп, последний из рода, двоюродный правнук Тадеуша, владел имением до 1910 года. До 1940-го там жила его жена Алина родом из Гартингов и племянник Генрих Грабовский, который фактически выселил тетку из дома. Самого Грабовского в 1939-м

убили местные бандиты, его сына в 1944-м - немцы. Пани Алину местные функционеры посадили на поезд и отправили в ссылку.

Во время войны в усадьбе был дом отдыха немецких офицеров - наверное, это и спасло усадьбу от огня. После войны тут был колхоз, элитная племенная станция. В центральной части деревянного дома - клуб, управа колхоза. А в остальных помещениях до конца 1970-х жили люди. Когда последние жильцы выехали, дом обветшал, а здания усадьбы разбирали на стройматериалы. Но благодаря минским активистам, местным властям и полученному европейскому гранту, кажется, у нее появился шанс на новую жизнь. Еврокомиссия поддержала идею – восстановление общего культурного наследия. Появись там музей – это был бы объект национального масштаба [5].

Образ Тадеуша Рейтана вошел в художественные произведения - о нем писал Адам Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш», он стал главным героем уже упомянутой картины Яна Матейко «Тадеуш Рейтан на варшавском сейме 1773 года» (в XX веке соседи изменили ее название на более патриотичное «Рейтан. Упадок Польши»). На белорусских землях, оказавшихся в составе Российской империи, открытое восхищение Рейтаном не проявлялось. Памятник, который его племянник заказал для Грушевки, после восстания 1863 года разобрали. 26 лет спустя последний Рейтан подарил скульптуру Кракову.

В БССР о Рейтане дважды вспомнил Владимир Короткевич - в 1959-м в поэме «Родина», а несколько лет спустя в романе «Леаніды не вернуцца да зямлі (Нельга забыць)». Но только в 1989-м появляется первая статья о Рейтане в книге «Памяць» о Ляховичском районе. Имя Рейтана появилось в учебниках истории Беларуси в 2012 году.

Судьба Тадеуша Рейтана была отображена и в кинематографе. Одним из документальных фильмов, которые демонстрируют судьбу Рейтана, является «Последний из роду Рейтанов» режиссера А. Ясинской. Также киноленты «Обратный отсчет. Тадеуш Рейтан: Белорусский Дон Кихот» и «Субботник в Грушевке».

Интересно, что троюродным братом Тадеуша Рейтана был Тадеуш Костюшко, племянником – географ и филомат Игнат Домейко. Далекими родственниками Рейтана были также композитор Станислав Монюшко, поэт Адам Мицкевич, писатель Героним Друцко-Любецкий, «белорусский Тесла» Якуб Наркевич-Йодко, основатель Красного костела Эдвард Войнилович [4].

У родителей матери Рейтана был дом в Минске на месте нынешнего Дворца Республики. Улица Юровская, на которой он стоял, в 1919-м была переименована на короткое время в улицу Тадеуша Рейтана. До 1939-го улица и гимназия Рейтана были в Барановичах. Здание это сохранилось.

Тадеуш Рейтан был культовой личностью для белорусской шляхты. Каждый образованный человек знал его имя и гордился тем, что он земляк Рейтана. Он наш национальный герой пока еще не созданного пантеона белорусских национальных героев. Он выступил в защиту независимости своей страны и этим заложил первый камень в независимость будущей Беларуси. На его примере воспитывались все будущие защитники нашей земли. И само его имя стало синонимом слова «патриот», - убежден Дмитрий Юркевич [4].

В рамках проекта планируется частичная реставрация усадебного дома и консервация каплицы комплекса бывшей усадьбы Рейтанов в деревне Грушевка, - комментирует Наталья Скрипник, методист по охране историко-культурного наследия Ляховичской районной централизованной клубной системы [5].

Еще пять лет назад имение в Грушевке находилось в запустении. Усадьбу XVIII века даже внесли в список объектов, которые могут быть выставлены на продажу, но в дело вмешались неравнодушные к истории Рейтанов люди. «Усадьбы героев не продаются! Чтобы избежать этого, мы подняли эту тему: нам нужен государственный мемориальный музей, - рассказывает Дмитрий Юркевич, один из учредителей арт-сообщества имени Тадеуша Рейтана» [5].

Легендарный поступок Тадеуша Рейтана вошел в нашу историю как пример великого самопожертвования и патриотизма. Его имя всегда будет являться символом мужественности и непоколебимости для тех, кто не продаёт самое дорогое – свою Родину.

1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Историческая_память - Дата доступа: 09.02.2022
2. Островский Г. С. Ян Матейко: монографический очерк. — Искусство, 1965. — С. 126.
3. «Обратный отсчет. Тадеуш Рейтан: Белорусский Дон-Кихот» (ОНТ) https://www.youtube.com/watch?v=hDL7Jnc-f5E
4. Газета «Комсомольская Правда» [Электронный ресурс] – Режим доступа: WWW.KP.BY: https://www.kp.by/daily/26758.4/3787962/ -Дата доступа: 02.06.2021
5. Газета «Комсомольская Правда» [Электронный ресурс] – Режим доступа: WWW.KP.BY: https://www.kp.by/daily/26766/3797861/ -Дата доступа: 02.06.2021

УДК 94(470)”1812”

3-Я КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ ДУМЕРКА В СРАЖЕНИИ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ БЕРЕЗИНЫ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Рафаэл Траскевич
Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Беларусь
traskevich.rafael@bk.ru

Сражения у реки Березины являются важнейшими в войне 1812 года, а битва у правого берега стала определяющей и особенно значимой с точки зрения тактики и стратегии отступления армии Наполеона. 3-й кавалерийский дивизион под командованием Думерка сыграл огромную роль в сохранении солдатами Великой армии их позиции. Кирасиры смогли не только удержать линию обороны, но и перейти в контратаку, тем самым подняв боевых дух других солдат и обеспечив время для отступления Великой армии Наполеона. Своей боевой доблестью кавалеристы Думерка вписали себя в историю наряду с другими великими военными деятелями битвы 28-29 ноября 1812 года.

Ключевые слова: Березина, кавалерия, кирасиры, Великая армия, артиллерия, 2-й корпус Удино, 3-я кавалерийская дивизия

3RD CAVALRY DIVISION IN THE BATTLE ON THE RIGHT OF THE BANK OF THE BEREZINA IN THE WAR OF 1812

Rafael R. Traskevich
Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk, Belarus

The battles near the Berezina River are the most important in the war of 1812, and the battle near the right bank became decisive and especially important in terms of the tactics and strategy of the retreat of Napoleon's army. The 3rd cavalry division under Dumerk played a huge role in keeping the soldiers of the Grand Army in their position. The cuirassiers were able not only to hold the line of defense, but also to go on the counterattack, thereby raising the morale of other soldiers and providing time for the retreat of Napoleon's Great Army. With their combat prowess, the Dumerk cavalrymen entered history along with other great military figures of the battle of November 28-29, 1812.

Keywords: Berezina, cavalry, cuirassiers, Grand Army, artillery, 2nd Corps Oudinot, 3rd Cavalry Division

Формирование 3-й кавалерийской дивизии берет свое начало задолго до военной кампании 1812 г., еще в 1805 г. дивизию утвердил Массена в составе армии Италии [1]. Последняя ее реорганизация перед войной 1812 г. произошла в 1811 г., а ее дивизионным командиром стал Жан-Пьер Думерк. В 1812 г. дивизия входила в состав 2-го армейского корпуса Великой армии, который возглавлял маршал Удино, вместе с ним она прошла большой и великий исторический путь, который закончился лишь в1813 г [1].

Переправа через р. Березину стала одной из самых сложных военных операций, которые когда-либо проводила Великая армия не только в войне 1812 г., но и за период своего существования в целом. 3-я кавалерийская дивизия Думерка переправлялась через Березину 27 ноября вместе с другими частями 2-го корпуса сразу после тяжелой и гвардейской артиллерии Удино [2].

Главной задачей 2-го корпуса Удино стала защита переправы и атака русских на правом берегу р. Березины [3]. Перейдя на правый берег, неподалеку от Занивок, солдаты разбили бивак, в течение часа к ним присоединилась кавалерия Думерка. О. Соколов определял количественный состав кирасирской дивизии Думерка в 1300 человек из общего состава Великой армии, который составлял около 20 тыс. солдат [2]. На момент сражения левый фланг корпуса Удино располагался у р. Березины, а правый параллельно дороге на Зембин, сам корпус находился в 1-й линии. Кавалерия Домбровского, Зайончека, Удино и Думерка вместе формировали 2-ю линию [3].

Сражение на правом берегу началось 28 ноября [4]. По сообщениям участников, Великая армия была атакована Чаплицем в 7 ч. утра, первыми удар приняли швейцарские полки. Лесная местность не давала французской артиллерии в полной мере реализоваться, однако необходимо отметить, что в таких условиях увеличивалась защита от вражеских ядер и пуль [5]. Атака русской армии утром началась так быстро, что по воспоминаниям Леглера лейтенант 1-го полка не успел вовремя открыть огонь [6]. Уже в первые часы сражения швейцарцы понесли огромные потери, погиб капитан Фуссен, а к 9 ч. лес был занят русскими егерями. В 9 ч. утра Ней, Удино и Мортье вступили в сражение. В это же время Удино приказал дивизии Мезона вытеснить русских из занятой ими позиции. Начался тяжелый и бескомпромиссный бой, 2-

й корпус начал отступать. Первым из французов из строя выбыл сам маршал Удино, он был ранен и перевезен в Плещеницы, а затем вывезен и из окружения благодаря его преданным воинам [6].

В связи с тяжелым ранением Удино на поле боя прибыл Наполеон и вручил командование формированиями Нею. На помощь швейцарцам был направлен Легион Вислы под командованием Зайончека, благодаря их поддержке удалось сохранить позицию у Занивок [7]. Чичагов в свою очередь, направил на помощь Чаплицу солдат Сабанеева, в лесной местности его стрелки оказались весьма успешны, швейцарцы и поляки были вынуждены отступить [8]. Сложившаяся ситуация вынудила Нея созвать военный совет, его решением стало введение в бой 3-й кавалерийской дивизии Думерка. Польские полки вместе с дивизией Думерка смогли занять выгодную позицию и оттеснить русских к лесу. Началась кавалерийская атака 4-го и 7-го кирасирских полков, в результате которой был прорван центр обороны Сабанеева [3] Чаплиц попытался остановить наступление Думерка, однако получил ранение головы и продолжать координацию войск не мог.

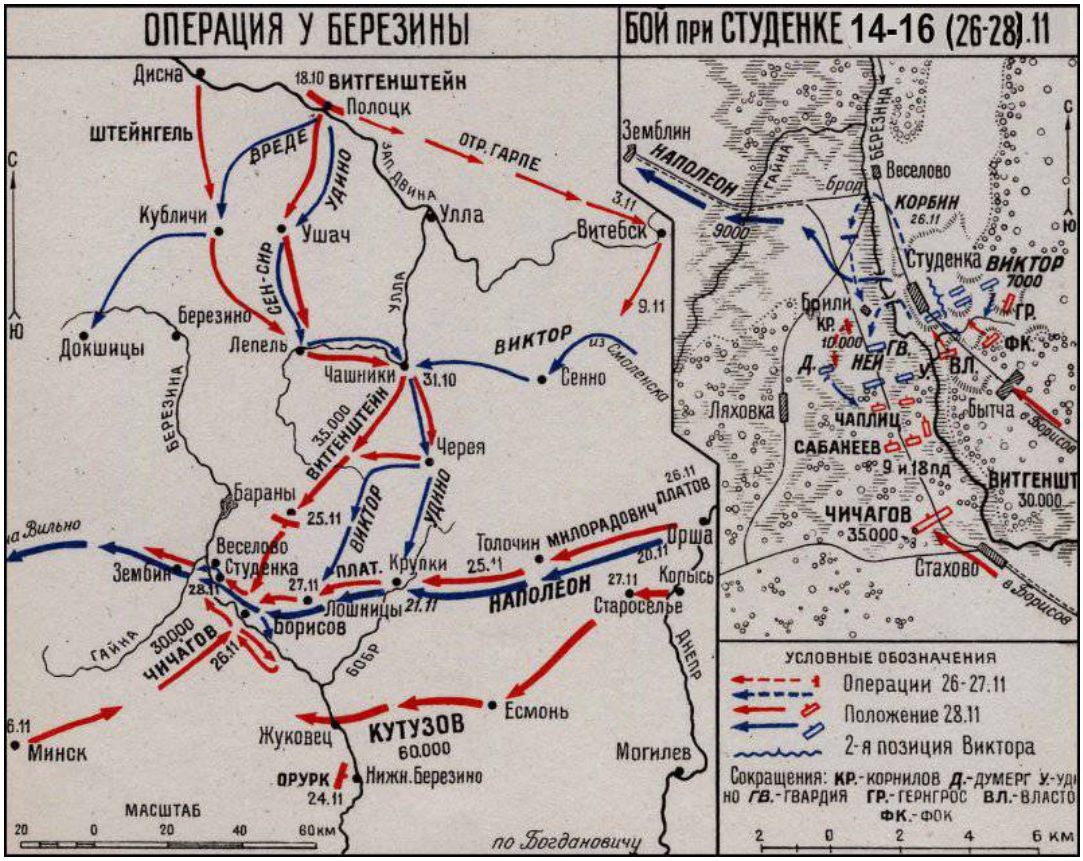


Рис. Сражение на Березине 16 – 17 (28 – 29) ноября [9]

Таким образом, кавалерия Думерка оказала значительную помощь польским и швейцарским полкам, а затем вернулась на исходную позицию. В месте атаки Думерка лес был довольно редким, данный факт позволил использовать всю мощь кавалерии в полной мере. Ланжерон писал: «Эта атака была для нас неожиданна и имела для нашей армии пагубные результаты. Думерк выехал прямо из-за деревьев и кустов, собрал своих кирасиров на опушке двух маленьких полян и, построив их в одно мгновение, бросился на наши колонны» [6]. Решительная атака кирасиров Думерка оказала и огромный психологический эффект, вызвав восторг в рядах солдат Великой армии. Впечатление солдат-очевидцев было настолько велико, что большинство посчитали эту атаку завершающей в сражениях на правом берегу р. Березины. Даже Коленкур писал: «Наша кавалерия завершила это сражение победой» [3]. После возвращения Думерка звуки выстрелов на некоторое время стихли, удалось выиграть драгоценное время, у оставшихся на позиции поляков и швейцарцев появилась возможность несколько оправиться и переформироваться. 29 ноября переправа Великой армии черех р. Березину была окончательно завершена, а мосты сожжены. 3-я кавалерийская дивизия Думерка продолжила свой путь вместе с остатками Великой армии Наполеона и сохраняла свою вернуть вплоть до отречения Наполеона.

Таким образом, с невероятными потерями в 15-25 тыс. человек Великая армия Наполеона все же достигла поставленной цели [2]. 3-й кавалерийский дивизион во главе с Думерком сыграл значительную тактико-стратегическу роль в сражении у правого берега р. Березины, обеспечив сохранение линии обороны

Великой армии, отбросив солдат Чаплица и Сабанеева, выиграв время для переправы, подняв боевой дух солдат, тем самым обеспечив себе достойное героическое место в военной истории Франции. Сам Думерк проявил себя как последовательный и решительный военный деятель, в том числе и за успешную атаку у р. Березины его имя выбито на Триумфальной арке.

1. 3-я дивизия тяжелой кавалерии // Руниверс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://runivers.ru/doc/patriotic_war/1812/army/?SEC=7881. – Дата доступа : 02.02.2022.
2. Соколов, О. В. Армия Наполеона / О. В. Соколов. – СПб. : Империя, 1999. – 585 с.
3. Постникова, А. А. Великая армия Наполеона на Березине: событие – память / А. А. Постникова. – СПб. : Гуманитарная академия, 2014 – 239 с.
4. Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 г. / Е. В. Тарле. – М. : Феникс, 1994. – 576 с.
5. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Отечественной войны 1812 года / А.И. Михайловский-Данилевский. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 458 с.
6. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: сборник : в 3 ч. / сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – Ч. 3 : Отступление. Смоленск. Красный. Березина. Вильно. Через Неман обратно. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2012. – 576 с.
7. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: сборник : в 3 ч. / сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – Ч. 2 : Неман. Смоленск. Бородино. Вступление в Москву. – Пожар Москвы. Начало отступления. На старую Смоленскую дорогу. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2012. –736 с.
8. Жилин, П.А. Отечественная война 1812 года / П. А. Жилин. – М. : Наука, 1988 – 359 с.
9. Сражение при Березине 14-17 (26-29 ноября 1812 г. // Военное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://topwar.ru/21047-srazhenie-pri-berezine-1417-2629-noyabrya-1812-g.html. – Дата доступа: 04.02.2022.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН. ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

УДК 94(497.2) (1939–1945)

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ ЮГОСЛАВИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НОЯБРЬ 1944 – МАЙ 1945 г.)

Игорь Змитрович ; Александр Хованский
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
igor.zmitrovich@mail.ru , xovasnkij_av@grsu.by

В статье рассматриваются вопросы проведения боевых операций частями и соединениями Народно-освободительной армии Югославии по освобождению Югославии в ноябре 1944 г. – мае 1945 г. Особое внимание обращено на состав, вооружение и обеспечение подразделений Югославской армии, а также роль Советского Союза в материально-техническом оснащении и оперативном сопровождении боевой деятельности югославских войск на завершающем этапе Второй мировой войны.

Ключевые слова: Югославия, Вторая мировая война, Народно-освободительная армия Югославии, югославская армия

NATIONAL LIBERATION ARMY AND PARTISAN DETACHMENTS OF YUGOSLAVIA AT THE FINAL STAGE OF WORLD WAR II (1944, NOVEMBER – 1945, MAY)

Igor O. Zmitrovich ; Aliaksandr V. Khavanski
Grodno State University, Grodno, Belarus

The article deals with the conduct of military operations by units and formations of the People's Liberation Army of Yugoslavia to liberate Yugoslavia in November 1944 - May 1945. Particular attention is paid to the composition, armament and support of the units of the Yugoslav army, as well as the role of the Soviet Union in equipment and operational support of the combat activities of the Yugoslav troops at the final stage of the Second World War.

Key words: Yugoslavia, World War II, People's Libration army of Yugoslavvia, Yugoslav Army

В ходе Белградской операции, проведенной совместными усилиями Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и Красной Армии удалось освободить значительную часть Югославии. Тем не менее под оккупацией фашистской Германии по-прежнему оставалась территория Боснии, Хорватии и Словении.

НОАЮ к началу 1945 г. была организационно представлена: 209 пехотными, 15 ракетно-артиллерийскими, 3 инженерными, 1 танковой, 1 кавалерийской бригадами, 59 пехотными, 2 авиационными дивизиями; 1 авиационным корпусом, 12 пехотными корпусами, 3 армиями, 12 военными училищами, а также 8 батальонами, 10 бригадами, 2 дивизиями, сформированными из иностранных граждан. Кроме того, в составе НОАЮ имелись боевые и вспомогательные суда военно-морского флота (10 вооруженных кораблей, 10 пароходов, 30 патрульных катеров, 200 моторно-парусных судов). Следует отметить, что еще в 1944 г. был сформирован Штаб Военно-воздушных сил Югославии. Общая численность строевых, вспомогательных и тыловых соединений, частей и подразделений составляла порядка 600 тыс. военнослужащих [1, s. 144].

Значительную роль в формировании и оснащении югославских частей играл Советский Союз. В феврале 1945 г. советским правительством было принято решение о передаче югославам 89913 винтовок, 38800 автоматов, 6368 пулеметов, 2164 минометов, 130 танков, 386 самолетов, 2578 автомашин, а также имущество связи, инженерное, химическое, медико-санитарное. Благодаря советской военной помощи на рубеже 1944–1945 гг. была полностью перевооружена югославская танковая бригада. Ее подразделениям были переданы советские танки Т-34. Кроме того, значительную помощь югославскому командованию всех степеней оказывали многочисленные советские военные советники, прикомандированные к частям и соединениям НОАЮ. На начало 1945 г. в советских авиационных группах обучались порядка 280 летчиков и 3500 инженеров-техников. Югославские части оперативно пополнялись вооружением, военной и специальной техникой. Все это способствовало повышению боеспособности НОАЮ [2, с. 212].

В целом следует отметить, что в конце 1944 – начале 1945 г. основная часть советских войск вышла из Югославии в Венгрию и развернула там широкомасштабные боевые действия, продвигаясь на запад и позднее вступив в Австрию. А НОАЮ образовала фронт, примыкавший к южному флангу фронта Красной Армии, и, взаимодействуя с ее силами, проводила параллельные операции на югославской территории с общим стратегическим планом также на запад и северо-запад. В ходе этих, преимущественно

наступательных операций были освобождены от оккупации центральные и затем западные регионы Югославии [3, с. 499].

В конце 1944 г. подразделения 1-й армии НОАЮ вели боевые действия в районе Срема, 2-я армия размещалась в Восточной Боснии, 3-я армия дислоцировалась на реке Драва, подразделения 4-й армии действовали в области Северной Далмации. Стоит отметить, что в составе 4-х армий насчитывалось около 57 дивизий, общая численность солдат и офицеров в каждой из которых составляла в среднем 10 тыс. чел. Кроме того, отдельные корпуса НОАЮ противостояли немецко-фашистским силам в Хорватии, в Восточной Боснии и Словении [4].

В январе 1945 г. НОАЮ была переименована в Югославскую армию (ЮА). Она быстро росла численно, прежде всего в результате массовой мобилизации на полностью освобожденной территории. По некоторым официальным данным, весной 1945 г. армия, увеличившаяся с осени 1944 г. чуть ли ни вдвое, насчитывала около 800 тыс. чел. [3, с. 499]. Следует отметить, что 1-я и 3-я армии были оснащены оружием, полученным от СССР. В состав 1-й армии была включена сформированная в Советском Союзе танковая бригада. Численность 1-й и 3-й армий составляла соответственно 66 и 50 тыс. чел. Следует отметить, что 10 февраля 1945 г. ГКО СССР принял решение о передаче югославской армии оружия и военной техники для оснащения еще 20 пехотных дивизий, которое поступало до конца войны. С начала 1945 г. в НОАЮ стали прибывать советские офицеры в качестве советников и инструкторов. К апрелю их численность составила 200 чел., а в начале мая – 311 чел. [5, с. 190–191].

Бои в ноябре 1944 – мае 1945 гг. носили ожесточенный характер и стали одними из самых кровопролитных за всю историю войны на Балканах. В конце 1944 г. войскам Красной Армии и НОАЮ противостояла группировка немецко-фашистских войск в составе 16 дивизий, 4 боевых групп, 18 бригад и 17 отдельных полков. Общая численность гитлеровцев составляла около 400 тыс. чел. Кроме того, на их стороне действовали многочисленные местные коллаборационистские формирования (около 190 тыс. чел.) [6, с. 282].

К началу 1945 г. некоторые подразделения германских войск из группы армий «Юг» были переброшены в Венгрию для противодействия 2-му и 3-му Украинским фронтам. В Югославии в январе-марте 1944 г. в среднем находились до 13 немецких дивизий и 4 бригады, одна из которых – моторизованная. Пехотные дивизии противника имели легкое артиллерийское вооружение, а крепостная дивизия «Криг» и крепостные бригады имели стрелковое и автоматическое оружие. Оборона немецко-фашистских сил на территории Югославии носила очаговый характер и представляла собой укрепленные оборонительные узлы, имевшие внушительные подвижные резервы танков, штурмовых орудий и пехоты. Поддержку с воздуха германской группировки осуществляли самолеты 4-го воздушного флота [7, с. 228–229].

В январе-феврале 1945 г. НОАЮ вела бои с частями и соединениями группы армий «Е», отступавшей в связи с продвижением советских войск на запад, к южным границам Австрии и в Венгрию. Значительным успехом югославских войск в этот период явился разгром войск противника в центральной части Герцеговины и освобождение 14 февраля города Мостар. Следует отметить, что особенностью ведения боевых действий югославскими подразделениями было широкое применение согласованных ударов регулярных соединений армии с фронта и с тыла. Так, в марте 1945 г., действуя в тылу врага, подразделения 6-го и 10-го корпусов оказали существенную помощь в отражении контрнаступления немецко-фашистских войск в районе озера Балатон. Части 5-го корпуса НОАЮ успешно выполнили задачи по наступлению в Восточной Боснии и освободили стратегически важный город Травник [4].

В марте 1945 г. гитлеровские войска начали наступление в Словенском Приморье. Противнику удалось окружить части 9-го корпуса. Природно-климатические условия в виде сильных морозов, снега, ограниченного количества боеприпасов и невозможности их оперативного подвоза, слабое продовольственное обеспечение обусловили огромные трудности для югославских войск. Тем не менее после ожесточенных боев подразделениям Югославской армии удалось прорвать окружение противника [2, с. 213].

До середины марта 1945 г. линия фронта Югославской армии существенно не изменилась, за исключением участка фронта к югу от Сараево, где югославские войска ликвидировали выступ в районе Мостара. В южной части региона сплошного фронта не существовало. Здесь в наиболее важных узлах коммуникаций немецко-фашистские войска создавали лишь отдельные укрепленные пункты [1, s. 148].

Группировка сторон на территории Югославии с учетом происшедших с 1 января изменений выглядела следующим образом. 3-я югославская армия в составе 7 дивизий действовала на левом берегу реки Драва, от Троянца до устья Дравы, и далее по левому берегу Дуная до Вуковара. 1-я армия (10 дивизий) занимала фронт между реками Дунай и Сава. 2-я армия, насчитывавшая 13 дивизий, действовала в Восточной Боснии, на рубеже левый берег реки Дрина, Брчко, Завидовичи, район Сараево, Баня-Лука, Приедор, восточнее Бихоча. 4-я армия в составе 7 дивизий, танковой и артиллерийской бригад наступала на фронте между рекой Уна и Адриатическим морем. В тылу врага действовали 8 югославский дивизий,

наносивших удары по стратегическим коммуникационным узлам противника. К марту Югославская армия насчитывала 52 дивизии. Кроме того, в резерве командования армии находились 7 дивизий [4].

Поражение гитлеровских войск в районе озера Балатон и успешное наступление Советской Армии на Вену заставили немецко-фашистское командование ускорить отвод основных сил группы армий «Е» из Югославии, что создало благоприятные условия для развертывания наступления Югославской армии с целью завершения освобождения всей территории страны [5, с. 194–195].

В соответствии с замыслом югославского командования планировалось не позднее 30 марта начать наступление в долине реки Уна в направлении Лики, Бихач и вдоль побережья Адриатического моря с тем, чтобы сковать силы 97-го корпуса немцев в Истрии и Словенском Приморье [3].

В соответствии с решением командования ЮА предполагалось нанести удары частями и соединениями 1-й и 3-й армий – в направлении на Загреб, 2-й армии – в сторону Баня-Лука, Нове-Место и Карловац, а подразделениями 4-й армии – на Триест. В ходе проведения наступления силами Югославской армии планировалось завершить освобождение территории всей страны (включая Истрию, Словенское Приморье, Триест), и создать условия для окружения немецко-фашистской группировки войск армий «Е». 3-я армия должна была прорвать оборону противника на реке Драва, а 1-я – в районе Винковци. 4-я армия наступала между рекой Уна и Адриатическим морем в направлении Триеста. Войска 2-й армии должны были нанести удар на участке фронта в направлении Добой, Баня-Лука, Каловац. Наступление началось 20 марта 1945 г. в направлении Риека, Триест. К концу месяца войска 4-й армии вышли к окраинам Риеке, заняли острова Паг и Раб. Войска 2-й армии освободили Добой и вышли к реке Уна. Развивая наступление, армия к концу апреля освободила ряд населенных пунктов по нижнему течению реки Уна, а 6 мая штурмом взялf город Карловац [2, с. 213].

12 апреля 1945 г. войска 1-й армии в результате прорыва обороны противника освободили город Вуковар и ряд близлежащих населенных пунктов и начали стремительно продвигаться к Загребу. В апреле 1945 г. войскам 3-й армии удалось освободить города Валпово, Осиек, Дони-Михоляц. Одновременно активные действия начали соединения Югославской армии, находившиеся в тылу врага. Так, в результате успешных действий силами 4-го и 11-го корпусов удалось освободить стратегически важный населенный пункт Бихач. В развернувшихся боях силами 2-го, 3-го и 5-го корпусов удалось выбить противника из Сараево [4].

Умело используя успех советских войск, овладевших Веной и Восточной Австрией, Югославская армия в конце апреля – начале мая 1945 г. освободила Истрию, Словенское Приморье, Боснию, всю Хорватию. Остатки группы армий «Е» и коллаборационистов в Северной Словении и Коринтии были окружены и ликвидированы к 15 мая 1945 г. Именно 15 мая официально считается днем завершения войны в Югославии [5, с. 196].

Таким образом, части и соединения Югославской армии? получая необходимое вооружение, военную и специальную технику, а также продовольствие и военных специалистов со стороны Советского Союза значительно повысили свою боеготовность и не только успешно противостояли немецко-фашистским силам, но и вели успешное наступление против них. В течение зимы 1944/45 гг. и весны 1945 г. югославские войска завершили освобождение центральной, а затем западной частей страны от оккупации и коллаборантов.

1. Walkiewicz, W. Jugoslawia. Panstwo sukcesyjne / W. Walkiewicz. – Warszawa: Trio, 2009. – 559 s.

2. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. / под. ред. Д. Ф. Устинова (гл.ред.). – М.: Военное издательство МО СССР, 1978. – Т. 10. – 570 с.

3. Югославия в XX веке : очерки политической истории / отв. Ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.

4. Trifković G. Carnage in the Land of Three Rivers: The Syrmian Front 1944–1945 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/303424758_Carnage_in_the_Land_of_Three_Rivers. (Дата обращения: 5.11.2021.

5. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. – М.: Наука, 1989. – 264 с.

6. История Югославии: в 2 т. / под ред. Ю. В. Бромлея, И. С. Достяна, В. Г. Карасева, С. А. Никитина – М.: АН СССР, 1963. – Т.2. – 430 с.

7. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. – М.: Издат. Дом «Звонница-МГ», 2005. – 432 с.

УДК 94(476)

БЕЛАРУСКІЯ ГІМНАЗІІ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ: СУЧАСНАЯ АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

Кірыл Ананька
Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь
kirixan@yandex.ru

Аўтар робіць агляд даследванняў і аналізуе ступень вывучанасці тэмы беларускіх гімназій у міжваеннай Заходняй Беларусі ў сучаснай беларускай гістарычнай навуцы. Зроблена выснова аб неабходнасці комплекснага даследвання, вылучаны асноўныя накірункі для вывучэння праблемы.

Ключавыя словы: гісторыя, беларускія гімназіі, Заходняя Беларусь, гістарыяграфія

BELORUSSIAN GYMNASIUMS IN WESTERN BELARUS: THE MODERN HISTORIOGRAPHY

Kirill D. Ananko
Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

The author reviews the research and analyzes the degree of study of the topic of Belarusian gymnasiums in interwar Western Belarus in modern Belarusian historical science. The author concludes that a comprehensive study is necessary. The author also identified the main directions for studying the problem.

Key words: history, belarusian gymnasiums, Western Belarus, historiography

Тэма беларускіх гімназій у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд атрымала сваё актыўнае развіццё ў навуковым гістарычным дыскурсе пасля распаду Савецкага Саюза. Змена геапалітычнага становішча, адыход ад ідэалагічных установак, адкрыццё і выкарыстанне недаступных раней крыніц стварылі магчымасць беларускім даследчыкам вывучаць некаторыя аспекты айчыннай гісторыі, якія раней былі недаследаваны. Беларускія гімназіі ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд з'яўляліся не толькі ўстановамі сярэдняй адукацыі польскай дзяржавы, але і пунктамі канцэнтрацыі беларускай культуры, мовы і з'яўлялася "кузняй" нацыянальнай эліты ва ўмовах прыгнёту з боку польскага ўрада. У 1990-я гг. беларускія гімназіі разглядаліся амаль выключна як асветніцкія ўстановы і частка нацыянальных беларускіх агульнаадукацыйных школ, якія дзейнічалі ва ўмовах паліткі паланізацыі з боку польскага ўраду на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Толькі на пачатку 2000-х гг. з надаваннем актуальнасці праблеме беларускага нацыянальнага пытання ў Заходняй Беларусі ў міжваенны час гімназіі пачынаюць успрымацца як цэнтры беларускага нацыянальна-культурнага жыцця.

Адным з буйнейшых даследчыкаў па вывучэнню нацыянальна-культурнага пытання ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд з'яўляецца доктар гістарычных навук, прафесар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна Аляксандр Мікалаевіч Вабішчэвіч, у працах якога разглядаліся пытанні беларускай нацыянальнай асветы ў міжваенны час. Адметная рыса даследчыка – выкарстоўванне і аналіз шырокага кола крыніц па праблеме. Менавіта А. М. Вабішчэвіч адзін з першых звярнуў увагу на тое, што беларускія гімназіі былі таксама кропкамі канцэнтрацыі беларускага нацыянальна-культурнага жыцця ў Заходняй Беларусі. Адной з першых, прысвечанных канкрэтна беларускім гімназіям, стала праца «Беларуская гімназія ў Навагрудку» [1]. Ва ўступе артыкула даследчык указаў, што беларускія гімназіі "…з'яўляліся вучэбна-метадычнымі цэнтрамі (асабліва Віленская), асяродкамі палітычнага і культурна-асветніцкага жыцця Заходняй Беларусі" [1, с. 72]. У працы апісваецца храналогія вучэбнай дзейнасці Навагрудскай беларускай гімназіі, робіцца кароткі статыстычны аналіз колькасці і сацыяльнага складу вучняў і толькі павярхоўна закранаецца удзел гімназістаў у беларускім нацыянальна-вызваленчым руху.

У артыкуле «Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920 – 1930-я гг.)» [2] брэсцкі гісторык пашырыў геаграфію агляда дзейнасці беларускіх гімназій. А. М. Вабішчэвіч называе 6 беларускіх гімназій, якія дзейнічалі на тэрыторыі Заходняй Беларусі на пачатку 1920-х гг. – у Вільні, Гродне, Нясвіжы, Навагрудку, Радашковічах, мястэчку Гарадок Вілейскага павета [2, с. 78]. Дадзеную працу можна ўмоўна падзяліць на дзве частцы: у першай даецца аналіз арганізацыі навучальнага і выхаваўчага працэсаў у беларускіх гімназіях, роля Таварыства Беларускай Школы (ТБШ) у падрымцы дзейнасці гімназій; у другой – раскрываецца дзейнасць гімназістаў у беларускім нацыянальным руху 1920-х – 1930-х гг., робіцца аналіз ролі падпольнага камсамолаў у сценах гімназій, іх уплыву на

светапогляд навучэнцаў. Даследчык таксама адлюстраваў працу вядомых беларускіх дзеячоў міжваеннага часу, сярод якіх былі М. Гарэцкі, А. Луцкевіч, Б. Тарашкевіч, А. Смоліч, С. Паўловіч і іншыя. Асаблівая ўвага аўтара ў артыкуле надаецца Віленскай беларускай гімназіі як вучэбна-метадычнага цэнтру нацыянальных беларускіх пачатковых і сярэдніх школ Заходняй Беларусі.У абедзвюх працах аўтар абапіраецца выключна на архіўныя і прасапраграфічныя матэрыялы.

У манаграфіі А. М. Вабішчэвіча «Асвета ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.)» беларускім гімназіям прысвечана асобная глава [3, с. 55–70]. Дадзеная глава ўяўляе сабой пашыраны варыянт вышэй названага артыкула. Рэзюмуючы даследчык сцвярджае, што беларускія гімназіі з'яўляліся вучэбна-метадычнымі цэнтрамі, нацыянальнымі асяродкамі культурна-асветніцкага і палітычнага жыцця Заходняй Беларусі, якія супрацьстаялі палітыцы паланізацыі. Падобны змест дзейнасці беларускіх гімназій адлюстроўваецца ў раздзеле «Адукацыя і культурна-асветніцкі рух як сродкі этнічнага самазахавання беларусаў» манаграфіі «Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)» [4, с. 37–64]. Выкарыстаўшы шырокі пералік крыніц, даследчык выявіў сваеасаблівую ролю беларускай асветы (у тым ліку і падтрымання дзейнасці беларускіх гімназія) у ліквідацыі непісьменнасці, супрацьдзенні паланізацыі, павышэнні і захаванні нацыянальнай свядомасці беларускага насельніцтва. Аднак у працах А. М. Вабішчэвіча большасць увагі завостраная менавіта на дзейнасці Віленскай беларускай гімназіі. У гэты ж момант іншыя беларускія гімназіі з'яўляліся важнымі рэгіянальнымі кропкамі падрыхтоўкі беларускіх кадраў у нацыянальным руху міжваеннай Заходняй Беларусі.

Не менш важным з'яўляецца аспект палітыкі польскага ўрада ў дачыненні да беларускіх гімназій і беларускай асветы ў цэлым. Пытанне палітыкі польскіх уладаў у галіне беларускай адукацыі разгледзеў кандыдат гістарычных навук, дацэнт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы Аляксей Мікалаевіч Загідулін у сваім артыкуле «Дзяржаўная палітыка Польшчы ў галіне беларускай адукацыі» [5]. На думку даследчыка палітыка польскіх улад у дадзеным пытанні была супярэчлівай. З аднаго боку, пад уздзеяннем хвалі лібералізму польскі ўрад выдзяляў грошы і ўласныя будынкі для арганізацыі навучальнага працэсу, а таксама ствараў стаўкі для настаўнікаў Віленскай і Навагрудскай гімназій. Другі бок – з пачатку 1930-х гг. польскія ўлады на падставе паланізацыі змянілі акцэнт адносін да беларускай асветы аж да закрыцця беларускіх навучальных устаноў, сярод якіх былі гімназіі, і забарона выкладаць на беларускай мове. Як лічыць А. М. Загідулін, гэта было звязана не з жаданнем дыскрымінацыі беларусаў, а ў асноўным з наяўнасцю камуністычнага руху ў сценах навучальных устаноў.

У манаграфічным выданні беларускага гісторыка, кандыдата гістарычных навук Уладзіміра Віктаравіча Ляхоўскага «Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.)» [6] аналізуецца дзейнасць беларускіх гімназій у кантэксце разгляду грамадска-палітычнай і культурна-асветніцкай працы беларускіх моладзевых суполак і згуртаванняў у міжваеннай Заходняй Беларусі. Падраздзел «Чыннасць вучнёўскіх гурткоў у заходнебеларускіх гімназіях» [6, с. 258–259] прадстаўляе з сабе кароткую агульную характарыстыку існавання і ўмоў дзейнасці беларускіх гімназій на тэрыторыі Беларусі. У падраздзеле «Вучнёўскія арганізацыі ў Віленскай беларускай гімназіі» [6, с. 259–278] раскрываецца сумесная вучэбна-выхаваўчая праца настаўнікаў і навучэнцаў Віленскай беларускай гімназіі як вучэбна-метадычнага цэнтра беларускай пачатковай і сярэдняй адукацыі з акцэнтам на характарыстыку нацыянальна-культурнага аспекту ўнутрыгімназічнага асяроддзя. У падраздзеле «Школьнае жыццё ў сценах Навагрудскай, Радашковіцкай і Нясвіжска-Клецкай беларускіх гімназій» [6, с. 278–300] даследчык таксама раскрывае ўдзел астатніх беларускіх гімназій у грамадска-палітычным і культурным жыцці Заходняй Беларусі, асабліва адзначыўшы змаганне за захаванне нацыянальнай школы ва ўмовах палітыкі паланізацыі з боку польскіх улад. Трэба звярнуць увагу на тое, што ў сваёй манаграфіі У. В. Ляхоўскі выкарыстаў вялізарную колькасць ілюстрацыйнага матэрыялу і фатаздымкаў, у апісанні якіх была зроблена спроба ідэнтыфікацыіі пэўных асобаў. Але ў працы фрагментарна закранаецца ўмовы і механізмы пачатку дзейнасці і закрыцця беларускіх гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Як ужо адзначалася, Віленская беларуская гімназія, канцэнтруючы вакол сабе прафесійныя педагагічныя кадры, стала вучэбна-метадычным цэнтрам, дзе распрацоўваліся падручнікі, вучэбныя і выхаваўчыя праграмы для ўсёй беларускай нацыянальнай сярэдняй адукацыі. Гэтыя працэсы былі адлюстраваны ў работах ужо згаданага А. М. Вабішчэвіча. Пры гімназіі дзейнічалі розныя вучнёўскія гурткі, якія вялі культурна-асветніцкую працу, спрыялі павышэнню кантактаў і падтрыманню дысцыпліны сярод вучняў. Спроба раскрыцця дзейнасці вучнёўскіх гурткоў у Віленскай беларускай гімназіі была зроблена даследчыкам Уладзімірам Пятровічам Серпухавым. У артыкуле «Дзейнасць вучнёўскіх гурткоў Віленскай беларускай гімназіі» [7] згадваецца пра вучнёўскую раду. З-за невысокай эфектыўнасці працы рада была пераўтворана ў гурток моладзі Віленскай беларускай гімназіі, які падзяліўся на шэраг фактычна секцый: гістарычна-літаратурную, драматычную, музычную, мастацкую, бібліятэчную і эсперанта [7, с. 30]. З цягам часу гэтыя секцыі былі пераўтвораны ў самастойныя гурткі, якія ладзілі культурна-асветніцкія

мерапрыемствы, падтрымлівалі кантакты з іншымі арганізацыямі і беларускімі гімназіямі. У 1922 г. нават было ініцыянавана стварэнне першых беларускіх скаўцкіх дружын спартыўнага накірунку.

Беларускія гімназіі таксама адлюстраваліся ў даследваннях напрамку гістарычнай памяці. У 2019 г. споўнілася 100 год з часу заснавання Віленскай беларускай гімназіі. Гэтай круглай даце была прысвечана праца вядучага бібліёграфа Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі Кацярыны Дзмітрыеўны Варанько [8]. Даследчык коратка апісвае храналогію дзейнасці гімназіі, згадвае некаторых настаўнікаў і дырэктараў гімназіі. Таму дадзеная праца носіць выключна азнаямленчы характар.

У сучаснай беларускай гістарычнай навуцы набірае актуальнасць выкарыстанне прасапаграфічнага метаду – выяўленне пэўнага кола асоб, пабудова іх калектыўных біяграфій для даследавання пэўнай праблемы.Для выкарыстання гэтага метаду ў тым ліку патрабуецца вывучэнне шырокага шэрагу мемуарных крыніц, пошуку “сведак” той эпохі. Спробу падобнага даследвання зрабіў кандыдат філалагічных навук Ігар Уладзіміравіч Гетман у артыкуле «Школа як школа»: Віленская беларуская гімназія вачыма сваіх вучняў» [9]. На падставе ўспамінаў В. Жук-Грышкевіча і асабістых размоў з былымі вучнямі гімназіі А. А. Засімам і М. М. Шопікам у артыкуле раскрываюцца некаторыя моманты паўсядзённага жыцця, нацыянальных настрояў і памкненняў беларускай моладзі ў сценах Віленскай беларускай гімназіі.

У 2011 г. у часопісе «Маладосць» быў надрукаваны тэкст Ігара Максімавіча Бурсевіча [15] – выпускніка Віленскай беларускай гімназіі, сына беларускага палітычнага дзеяча Максіма Тарасавіча Бурсевіча. Тэкст быў падрыхтаваны яшчэ ў 1978 г. і мае аўтабіяграфічны характар. Аўтар апісвае падзеі падчас вучобы ў гімназіі, дэталёва закранаюцца працэсы палітычныя абставіны дзейнасці гімназіі. Аўтар падзяліў тэкст на лагічныя часткі: тэрытарыяльнае размяшчэнне, характарыстыка ўмоў працы гімназіі, навучальны працэс, палітычныя абставіны ў Заходняй Беларусі і ў гімназіі ў прыватнасці. Завяршаецца тэкст апісаннем асабістай вучобы ў гімназіі.

Нягледзячы на тое, што самымі вядомымі на сённяшні дзень застаюцца Віленская, Навагрудская, Клецкая і Радашковіцкая беларускія гімназіі, на рубяжы 1910-х – 1920-х гг. дзейнічалі таксама і беларускія гімназіі ў Гродне і м. Будслаў (сёння Мядзельскі раён Мінскай вобласці). Гродзенская і Будслаўская беларускія гімназіі праіснавалі нядоўга, але пакінулі пасля сябе спадчыну. У раздзеле «Мартыролаг беларускай школкі ў Гродне» работы гродзенскага даследчыка, кандыдата гістарычных навук Андрэя Мікалаевіча Чарнякевіча «Старонкі гісторыі Беларускай Гародні»[10] згадваецца існаванне Гродзенскай беларускай гімназіі, якая была адчынена 29 лістапада 1920 г. намаганнямі Б. Тарашкевіча і В. Іваноўскага. Але ўстанова хутка была зачыненна з-за адсутнасці фінансавай падтрымкі.

Даследваннем Будслаўскай беларускай гімназіі займаўся выпускнік гістарычнага факультэта Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта Вадзім Прэўрацкі. Яго даследванне знайшло месца ў серыі артыкулаў у газеце «Наша Слова» [11–13]. Нягледзячы на часопісныя публікацыі, работы В. Прэўрацкага маюць менавіта навуковы характар з-за наяўнасці спасылак на дакументы і архіўныя матэрыялы. Канчатковым вынікам яго працы па вывучэнню Будслаўскай гімназіі стаў артыкул «Станаўленне і пачатковае развіццё беларускай школы на Мядзельшчыне ў першай чвэрці XX ст.» [14]. Аўтар, выкарыстоўваючы дакументы, мемуары і іншыя крыніцы, зрабіў спробу аналіза намаганняў мясцовага насельніцтва сучаснага Мядзельскага раёна да наяўнасці беларускіх нацыянальных асветніцкіх устаноў, закранаючы пры гэтым існаванне і дзейнасць Будслаўскай беларускай гімназіі.

Не менш важнымі ў вывучэнні тэмы з'яўляюцца даследаванні беларускіх краязнаўцаў, пісьменнікаў і грамадскіх дзеячаў. Да такіх даследванняў адносіцца манаграфія «Навагрудская беларуская гімназія» [16] беларускага пісьменніка, педагога і журналіста Андрэя Чэмера (сапр. імя Аляксей Сцяпанавіч Анішчык). А. Чэмер. Як выпускнік гэтай гімназіі, аўтар зрабіў спробу дэталёвага апісання дзейнасці беларускай гімназіі ў Навагрудку ад даты стварэння да закрыцця. У працы беларускага краязнаўца, публіцыста і педагога Васіля Міхайлавіча Сокала «Клецкая гімназія» [17] зроблен акцэнт на характарыстыцы педагагічнага складу, вучэбна-выхаваўчага працэсу і арганізацыі камуністычнага падполля ў сценах гімназіі. Але трэба звярнуць увагу на павярхоўныя статыстычныя дадзеныя і адсутнасць спасылак на навуковыя выданні, дакументы ці архіўныя матэрыялы.

Энцыклапедычныя выданні ўтрымліваюць картокую азнаямленчую інфармацыю дзейнасці беларускіх гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Карысным з’яўляецца 6-томнае выданне «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі»[18], якое таксама ўтрымлівае інфармацыю аб дзейнасці беларускіх гімназій. Так, на старонках розных тамоў выдання можна знайсці інфармацыю пра Будслаўскую [18, т. 2, с. 116], Віленскую [18, т. 2, с. 279–281], Клецкую [18, т. 4, с. 194–195], Навагрудскую [18, т. 5, с. 257–258], Нясвіжскую [18, т. 5, с. 343–344] і Радашковіцкую [18, т. 6, с. 50] беларускія гімназіі. Да энцыклапедычных даведнікаў адносіцца шматтомнае выданне гісторыка-дакументальнай хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі «Памяць», якое агульна складаецца з 151 кнігі. Кароткія звесткі пра дзейнасць беларускіх гімназій (далей БГ) трымаюцца ў раённых гісторыка-дакументальных хроніках: Будслаўская БГ – гіст.-дакум. хроніка Мядзельскага раёна, Нясвіжская БГ – гіст.-дакум. хроніка Нясвіжскага раёна, Клецкая БГ – гіст.-дакум.

хроніка Клецкага раёна, Навагрудская БГ – гіст.-дакум. хроніка Навагрудскага раёна[19, с. 269–270], Радашковіцкая БГ – гіст.-дакум. хроніка Маладзечанскага раёна [20].

Стан сучаснага навуковага вывучэння тэмы з'яўляецца не поўным і заключаецца ў адсутнасці комплекснага даследвання праблемы беларускіх гімназій у грамадска-палітычным і культурным жыцці Заходняй Беларусі ў міжваенны час. Наяўнасць комплекснага даследвання магла б сістэматызаваць актуальныя пытанні адносна беларускіх гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў сучасная гістарычнай навуцы. На сённяшні момант паўстае два галоўных пытання адносна разглядаемай праблемы. Па-першае, існуе неабходнасць комплекснага аналізу ўтварэння і функцыянавання беларускіх гімназій у Заходняй Беларусі, дзе павінны разглядацца пытанні палітычных і заканадаўчых умоў утварэння, педагагічнага корпусу, дзейнасці вучняў і матывы закрыцця беларускіх гімназій польскімі ўладамі. Па-другое, неабходна прасачыць месца беларускіх гімназій у палітычных і культурных працэсах у міжваеннай Заходняй Беларусі.

1. Вабішчэвіч, А. М. Беларуская гімназія ў Навагрудку / А. М. Вабішчэвіч // Навагрудскія чытанні. Выпуск IV: Матэрыялы навуковай канферэнцыі да 950-годдзя г. Навагрудка і 400-годдзя герба горада / навук. рэд. В. Ф. Кушнер. – Мн.: Беларускае выдавецкае Таварыства «Хата», 1996. – С. 72–75.
2. Вабішчэвіч, А. М. Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920 – 1930-я гг.) / А. М. Вабішчэвіч // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2002. – № 18. – с.78–90.
3. Вабішчэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2004. – 116 с.
4. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст: Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
5. Загідулін А. М. Дзяржаўная палітыка Польшчы ў галіне беларускай адукацыі // Веснік ГрДУ. Серыя 1. Гуманітарныя навукі. – Гродна: ГрДУ, 2005. – С. 13–22.
6. Ляхоўскі, У. В. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.) / У. В. Ляхоўскі. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 480 с.
7. Серпухаў, У. П. Дзейнасць вучнёўскіх гурткоў Віленскай беларускай гімназіі / У. П. Серпухаў // Веснік Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2007. – № 2. – С. 28–34.
8. Варанько, К. Д. 100 гадоў з часу заснавання Віленскай беларускай гімназіі / К. Д. Варанько // Адукацыя і выхаванне : штомесячны навукова-тэарэтычны і навукова-метадычны часопіс. – 2019. – № 7. – С. 78–79.
9. Гетман, І. У. «Школа як школа»: Віленская беларуская гімназія вачыма сваіх вучняў / І. У. Гетман // Восень 1939 года ў гістарычным лёсе Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 24 верасн. 2009 г.) / рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – С. 88–94.
10. Чарнякевіч, А. Старонкі гісторыі Беларускай Гародні [Электронны рэсурс] / А. Чарнякевіч. – Рэжым доступу: https://web.archive.org/web/20090725135848/http://harodnia.com/b03.php#link2. – Дата доступу: 09.12.2021.
11. Прэўрацкі, В. В. Будслаўская Беларуская гімназія (1917–1919). Дакументы і матэрыялы / В. В. Прэўрацкі // Наша Слова. – 2000. – 6 снежня. – С. 7.
12. Прэўрацкі, В. В. Нацыянальны архіў пра школу Заходняй Беларусі / Прэўрацкі В. В. // Наша Слова. – 2000. – 9 лютага. – С. 4.
13. Прэўрацкі, В. В. Скасаванне 1-й беларускай гімназіі ў Будславе / В. В. Прэўрацкі // Наша Слова. – 1999. – 22 верасня – С. 2.
14. Праўрацкі, В. Станаўленне і пачатковае развіццё беларускай школы на Мядзельшчыне ў першай чвэрці XX ст. [Электронны рэсурс] / В. Праўрацкі. – Рэжым доступу: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1291897141&archive=1292000877&start_from=&ucat=&. – Дата доступу: 29.12.2021.
15. Бурсевіч, І. Віленская беларуская гімназія / І. Бурсевіч // Маладосць: штомесячны літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны ілюстраваны часопіс. – 2011. – № 4. – С. 136–141.
16. Чэмер, А. Навагрудская беларуская гімназія. / А. Чэмер. – Вільнюс: UAB "Saverenas", 1997. – 133 с.
17. Сокал, В. Клецкая гімназія / В. Сокал // Беларуская мінуўшчына. – 1994. – № 4. – С. 28–31.
18. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал: Г.П. Пашкоў (галоўн. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1993–2003. – 6 т.
19. Анішчык, А. Навагрудская беларуская гімназія (1919–1934) / А. Анішчык, Л. Мірачыцкі // Памяць: Навагрудскі раён. – Мн.: «Беларусь», 1996. – С. 269–270.
20. Памяць. Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://ethno.by/seryi/979650390?tab=tab1. – Дата доступу: 30.12.2021.

УДК 930:572.9(476) «19»

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ БССР 9 ФЕВРАЛЯ 1947 Г. ХОД И ОРГАНИЗАЦИЯ. НА ПРИМЕРЕ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Андрей Бодак ; Елена Бурик
БрГТУ, Брест, Беларусь
bodak1961@yandex ru ; burik-@mail ru

Данная статья посвящена проведению первых послевоенных выборов в Верховный Совет БССР – методам агитации населения, организации процесса выборов, а также непростой политической обстановке в регионе западной Беларуси в первые послевоенные годы. В качестве примера выбран процесс выборов в Малоритском районе Брестской области.

Ключевые слова: Выборы, политическая система, агитация, пропаганда, избиратели, политические настроения населения

THE FIRST POST - WAR ELECTIONS TO THE SUPREME SOVIET OF THE THE BSSR IN 1947. COURSE AND ORGANISATION. ON THE EXAMPLE OF THE MALORITSKY DISTRICT OF THE BREST REGION

Andrey Y. Bodak ; Elena A. Burik
BrSU, Brest, Belarus

This article is devoted to the conduct of the first post-war elections to the Supreme Soviet of the BSSR - methods of agitation of the population, the organization of the election process, as well as the difficult political situation in the region of western Belarus in the first post-war years. The election process in the Maloritskiy district of the Brest region is chosen as an example.

Keywords: Elections, political system, agitation, propaganda, voters, political sentiments of the population

Механизм выборов в Верховный Совет БССР был апробирован ещё в 1938 г., а в западной Беларуси весной 1940 г. Выборы в высший орган управления в республике окончательно легитимизировали исторический процесс объединения обеих частей Беларуси в единое целое. Война и её последствия легли тяжким бременем на все стороны жизни республики. Поэтому, готовя первые послевоенные выборы в Верховный Совет БССР – руководство Беларуси было заинтересовано в благополучном итоге выборов, особенно в её западной части, учитывая непростое политическое положение региона в первые послевоенные годы. Здесь это укрепляло легитимность советской общественной модели развития, давало дополнительные преимущества в борьбе с различными антисоветскими и националистическими настроениями в западных районах БССР.

Началом избирательной кампании стало 26 ноября 1946 года – в этот день Президиум ВС БССР объявил о прекращении полномочий ВС БССР первого созыва. В статье авторы рассматривают различные организационно-материальные аспекты выборного процесса, роль СМИ в агитации и пропаганде выборов и учёт местными властями политических настроений избирателей. В качестве примера выбран Малоритский район Брестской области как типичный западнополесский район того времени. Победить на выборах в таком районе с его тогдашним непростым населением означало для власти победить принципиально. Надо сказать, что местные власти справились с задачей довольно успешно и качественно.

В районе подготовка к выборам началась уже до официального объявления о начале выборной кампании – повторимся, в западном Полесье политическая обстановка продолжала оставаться сложной.

Местный райком партии серьёзно изучал настроения людей. Агитаторы постоянно выезжали на места с различными докладами по теме будущих выборов. При этом они собирали списки вопросов, которые наиболее часто люди задавали представителям власти. 27 июня 1946 г. заведующий оргинструктрским отделом райкома партии Суков докладывал в Брестский обком: «При проведении докладов на тему «Международное положение СССР» в сельсоветах Гвозница, Луково, Збураж и других крестьяне задавали вопросы: 1. Скоро ли будет война? 2.Какие взаимоотношения СССР и Турции? 3.Будут ли Польша, Чехословакия, Югославия и Болгария Советскими Социалистическими республиками и Союзными республиками СССР? 4.Взаимоотношения Англии с франкистской Испанией? 5.В чем заключается непоследовательность в проведении политики Рузвельта Труменом? 6.Где сейчас армия

генерала Андерса? 7.Почему Англия и Америка охраняют германские воинские части в своих зонах оккупации? 8.Почему конференция министров в Париже не выработала мирный договор с Италией?

Имелись вопросы, относящиеся в новый пятилетний план: 1. Какие крупные фабрики и заводы будут построены в Белоруссии? 2.Что предполагается построить нового в Брестской области? 3.Скоро ли в районе построят лесопильный завод и электростанцию? 4.Помогает ли СССР восстанавливать Белоруссию? 5.В пятилетнем плане предусмотрено развитие животноводства, а план заготовки мяса не снижен? 6.Почему нельзя отказаться от земли? 7.Почему не продают крестьянам луга? 8.Почему в этом году требуют больше сдачи молока с коровы?» [2, Л.4].

Ближе к выборам, в январе 1947 г., хотя люди интересовались международным положением (задавались вопросы вроде: «Почему Англия не прекратит посылать войска в Индонезию?» и о политическом строе в Польше, Чехословакии и Югославии), завотделом райкома Беляев отмечал, что людей волнуют гораздо более острые проблемы – «почему нет соли и других товаров? имеют ли право избирать и быть избранными глухонемые? почему не ограничивают в выборах людей, которые помогали немцам?», и что часть избирателей настроена довольно критично: «Есть враждебно настроенные – на занятиях в кружках при беседе по любому вопросу говорят: Без вас выберут правительство, любому правительству мы обязаны подчиняться» [3, Л.2].

Похожие донесения шли и из разных сельсоветов: «Часто на собраниях задают вопросы, почему нет соли, мыла, керосина, спичек. Есть и вопросы: «Почему советская власть не такая, как в 1939-1941 гг.?» и приводят пример, что раньше за 1 месяц мог заработать на лошади на целый год хлеба. В Олтушском сельсовете Игнат Авдеюк на занятиях в кружке сказал, что если в сельсовете будут колхозы, то хлеба не будет» [2, Л.2].

Нередко подготовка к выборам проходила в сложных условиях. Так, в д.Мельники Хотиславского сельсовета уполномоченные райкома и райисполкома были названы «сталинскими бандитами». Открытое нападение на уполномоченного райисполкома было устроено в Ореховском сельсовете на хуторе Перевись и Мокранском сельсовете в д.Борки [3, Л.2].

Имели место и теракты – на территории Мокранского сельсовета. На хуторах под Заболотьем лесные бандиты убили двух красноармейцев и одного ранили. В Велико-Ритском сельсовете недалеко от д. Антоново неизвестные обезоружили инструктора райкома Терещенко (в один из следующих выездов он будет убит бандитами. – авт.) – отобрали у него наган и у председателя сельсовета Ворончука – автомат. Откровенно вредили и размещённые на территории района лица – бывшие репатрианты из Германии. Имелись случаи хулиганства и прямого запрещения местным жителям выходить в лес со стороны отдельных репатриируемых, работавших в подсобном хозяйстве 5 танковой армии, расположенной в Мокранском сельсовете. Командование не принимало к ним меры, о чём было сказано в специальном постановлении райкома [2, Л.2].

Тем не менее, подготовка к выборам шла. После того как были созданы избирательные участки, началось проведение совещаний с местным активом. Были раскритикованы сельсоветы в Лукове, Гвознице и Бродятинский участок – там вывешивали списки избирателей без подписи председателей и секретарей сельсоветов. Представители райкома в беседах с избирателями задавали им различные вопросы, ответы на некоторые из них ставили в тупик. Так, в Гвозницком сельсовете упоминавшийся выше секретарь райкома по агитации и пропаганде Беляев задал несколько вопросов отдельным избирателям – кто у нас лишается избирательных прав, и кто не будет участвовать в выборах. Ему правильно ответили. Но добавили, что не будут участвовать милиционеры и инвалиды Отечественной войны (?. – авт.).

Тогда похвалили Ляховский участок (председатель сельсовета Курдюк, председатель участковой избирательной комиссии Киселевич, завагитпунктом Карасик).

За две недели до выборов Беляев докладывал в райком: «На сегодняшний день из 18 избирательных участков полностью оборудовано 13. А 5 будут в школах, сделаны агитационные щиты. Открыто и работает 17 агитпунктов. Бродятинский будет открыт во вновь отстроенной школе [2, Л.1]. Малоритский участок даже телефонизирован. Покрасили по 18 маленьких и больших урн. 20 января 1947 г. провели районное совещание всех председателей сельсоветов и участковых комиссий, завагитпунктами и доверенными лицами. 13 января проведено районное комсомольское собрание. 19-20 января председателей комиссий проинструктировали о работе участков, раздали им красный материал и деньги для участков. В районе работает 376 агитаторов, 284 кружка по изучению конституции, там охватили 3 453 избирателя из общего количества 12 732 человека. Среди избирателей есть 4 человека, не имеющих советского подданства. 27 января намечается созыв председателей участковых комиссий и секретарей и заместителей председателей. По технической подготовке к заполнению протоколов голосования и ознакомления с планом сдачи сводки 3 февраля созываются все члены участковых избирательных комиссий» [2, Л.2]

1 февраля 1947 г. состоялась встреча с кандидатами в депутаты Верховного Совета от района. Наверх ушло донесение о том, что «районный клуб был переполнен людьми, многие не вместились и стояли рядом. Было 700 человек, от каждого сельсовета по 20-35 человек. Кандидаты приехали, в райкоме

задержались только на 15 минут и в 13 00 начали. Выступило 12 избирателей. Особенно хорошо трое. Андрей Яцура – Олтушский избирательный округ – ему 60 лет, но чувствует себя на 30. У него 8 сыновей, 6 было в РККА (всего 10 детей). Он, жена и 4 детей угнали в Германию, его взяли влесу во время облавы в мае 1944. Ефим Шишук, доверенное лицо. Сравнил выборы наши и при Польше» [1, Лл.8-10].

Правда, и тут имелись проблемы. После того, как кандидаты встретились с активом и уехали, на самом клубе обнаружили фашистские знаки и лозунг «Да здравствует Гитлер». Местное руководство отмечало: «Есть охрана на участках, где она не нужна, а там, где надо – Великорита, Антоново и в Мосевичском сельсовете ее нет» [2, Л.8]. После того, как в Берёзовском районе ответственные за проведение выборов потеряли целую кипу избирательных бюллетеней, а местные военные пособирали выпавшие из машины 1174 листка, поднялся неизбежный шум. Виновные получили нагоняи с опасными политическими формулировками [1, Лл.8-10]. Малоритское руководство приняло это к сведению.

Сами выборы в районе прошли организованно. Своевременно в райком пришли телефонограммы от всех 18 избирательных участков с 13 216 избирателями. С 10-11 часов было получено от 14 участков с подтверждением 10 3667 чел. с нарочными – 3 пеших, 10 конных и 1 на велосипеде. Телефонная связь оказалась на уровне - с 4 телефонов прием от участков занял 10 минут. В Мокранах, Ляховцах отправили нарочных раньше на час прежде, чем передали телефонограмму, из Мосевич и Луково нарочных отправили пешком (за это председателей сельсоветов в райкоме пожурили) [3, Л.5].

Лучшие участки оказались в Малорите, Хотиславе, Збураже, Великорите. Тут вовсю работали агитаторы, справочные столы, дежурные, распространялись газеты. В итоге здесь явилось 100% избирателей и 100% проголосовали, как и было нужно. В Хотиславе работали в том числе и представители от военкомата.

Большую роль в выборах сыграли местные учителя. Из 401 агитатора 57 были педагогами. 16 учителей стали секретарями избирательных комиссий. Учителя работали с малограмотными, постоянно наведывали участки, выпускали стенгазеты. Так же хорошо проявили себя избы-читальни в Луково, Мокранах, Ляховцах. Из 12 изб 9 стали агитпунктами.

Активно использовались средства массовой информации. На каждом агитпункте перед выборами 2-3 раза показали кино. С 1 по 10.02 работала агитационная машина с кинопередвижкой. Широко распространялась местная газета – было выпущено 14 номеров.

Как результат напряжённой работы стала поголовная явка на избирательные участки. Из 13 543 избирателей пришли все. Из общего количества избирателей против кандидатов от власти проголосовало только 20 человек [3, Лл.6-7].

За хорошую работу в середине февраля были сделаны похвалы самым добросовестным. Ими стали: в Мосевичах – председатель сельсовета Степан Яковлевич Луцюк – доверенное лицо; в Дубечно – крестьянин Ефим Шишук – зампредседателя участка и агитатор, в Луково – председатель сельсовета Круглик Иван Николаевич – доверенный, заведующий ФАПом Лацевич Вера Степановна член участковой комиссии, в д. Ланская – агент уполнаркомзага Меленчук Прохор Афанасьевич; в Бродятине - комсорг Дзибук Семен Семенович и комсомолец Левчук Алексей;в Олтуше – завсберкассой Савчук Константин Фомич – председатель комиссии, в д. Збураж – директор рыбхоза Горелый Павел Пантелеевич – председатель комиссии и секретарь сельсовета и комсомольской организации агитатор Алексиюк Александр Федорович; в Малорите - бухгалтер райфинотдела Журавлева Анна Ивановна, комсомолка и агитатор [3, Л.9].

Отдельно следует сказать об участии военных, которых на территории района было большое количество из-за сложностей политической обстановки. У руководства района имели место определённые проблемы во взаимоотношениях с руководством некоторых военных частей, дислоцированных здесь. Однако, взявшись за общее дело, военные оказали большую помощь местным жителям. Это нашло отражение в письме руководства района в лице председателей райкома и райисполкома начальнику воинского соединения генерал-майору Батицкому и начальнику политотдела полковнику Лесь: «На период выборов во вверенной вам части п\п 44 459 в наш район была командирована группа бойцов-связистов по командой старшего лейтенанта Березенко и лейтенанта Комиссарова из 50 человек для строительства кабельно-шестовых линий между райцентром и избирательными участками и обслуживали эти линии.

Группа показала образцы организованности, дисциплины и порядка. В условиях распутицы и болот политико-моральное состояние бойцов и связь были безупречны. Несмотря на то, что они были рассредоточены по району на 2-3 человека, что не позволяло осуществлять контроль их повседневной жизни, их отношение к гражданскому населению было безупречным, о чем свидетельствуют отзывы членов участковых избирательных комиссий и представителей сельсоветов.

Благодарим за оказанную помощь и просим о поощрении командиров и бойцов этой группы, особенно начальников направлений – старшего сержанта Прокушева, старшего сержанта Галкина, старшего сержанта Нанко, сержанта Веретельникова, сержанта Гришина и других».

Помимо этого, районное руководство направило письмо и командиру в\ч п\п 61553: «Прибывшая команда по охране избирательных участков с задачей справилась. Жалоб не было. В результате правильной расстановки сил команды и дисциплинированности бойцов, участковые комиссии работали нормально, они обеспечили особенно заключительную часть работы и доставку протоколов. За хорошую работу выносим командованию и бойцам благодарность от имени райкома и райисполкома» [4, Лл.3-4].

Таким образом, не смотря на ряд серьёзных трудностей, связанных с непростой военно-политической ситуацией в регионе, слаженная работа всех звеньев власти и местного актива позволили местному руководству обеспечить успех выборов, таких важных и значимых для власти, без нажима на местных жителей.

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБр). – Ф.13-п. – Оп.1. – Д.43
2. ГАБр. – Ф.13-п. – Оп.1. – Д.52
3. ГАБр. - – Ф.13-п. – Оп.1. – Д.64
4. ГАБр. - – Ф.13-п. – Оп.1. – Д.72

УДК: 94(438+430)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛЬШИ И ФРГ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Людмила Гавриловец

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, Мозырь, Беларусь

lussjawlad@mail.ru

Анализируются взаимоотношения Польши с ФРГ в первой половине 1990-х гг. В политике Польши в указанный период главное место занимало решение вопросов, связанных с определением статуса национальных меньшинств в Польше и ФРГ, обеспечением международной безопасности, выплатой материальной компенсации за последствия Второй мировой войны, развитием молодежного сотрудничества и установления добрососедских отношений между двумя странами. В статье доказано, что Польша смогла достичь важнейших целей, к которым она стремилась при решении германского вопроса

Ключевые слова: договор, сотрудничество, компенсация, национальное меньшинство, добрососедство

MAIN AREAS OF COOPERATION BETWEEN POLAND AND THE FRG IN THE FIRST YEARS AFTER THE UNIFICATION OF GERMANY

Ludmila V. Gavrilovets

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Mozyr, Belarus,

The relations between Poland and Germany in the first half of the 1990s are analyzed. In the policy of Poland during this period, the main place was occupied by the solution of issues related to determining the status of national minorities in Poland and Germany, ensuring international security, paying material compensation for the consequences of World War II, developing youth cooperation and establishing good neighborly relations between the two countries. The article proves that Poland was able to achieve the most important goals that she aspired to in resolving the German issue.

Key words: agreement, cooperation, compensation, national minority, good neighborliness

Постановка в повестку дня проблемы объединения Германии актуализировала для Польши вопрос о признании ее границ на Одере и Нейсе, решении проблемы немецкого меньшинства, рассмотрение вопроса о выплате компенсации жертвам военных преступлений в годы Второй мировой войны, соблюдение принципов международного права, а также установление добрососедских отношений с ФРГ и определение основных векторов польско-германского сотрудничества.

17 июня 1991 г. был подписан Договор о добрососедстве и сотрудничестве между ФРГ и Польшей, который гарантировал признание немецкого меньшинства в Польше и соблюдение его прав. По мнению польского историка Е. Сулека, это было обязательным условием со стороны западногерманского правительства при подписании договора о границах от 14 ноября 1990 г. [10, s. 44]. Документ подписали: с

польской стороны – премьер-министр Я.К. Белецкий и министр иностранных дел К. Скубишевский, а с немецкой стороны – канцлер Г. Коль и министр иностранных дел Г.Д. Геншер. Договор о границе и договор о добрососедстве и сотрудничестве вступили в силу 16 января 1992 г. после ратификации Сеймом и бундестагом.

Правительства ФРГ и Польши, убежденные в необходимости окончательно преодолеть разделение Европы и создать справедливый и мирный европейский порядок, заключая договор 1991 г. подчеркнули, что основой для регулирования их отношений являются принципы международного права, содержащиеся в Уставе ООН, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парижской хартии для новой Европы от 21 ноября 1990 г. и в документах с последующих заседаний СБСЕ (статья 2). Основной целью двух государств является мирное сотрудничество во всех областях на основе партнерства (статья 1). Для оказания содействия в развитии двустороннего сотрудничества была создана институциональная основа в форме межправительственных консультаций и совместных комитетов (статья 3). Содержание положений договора охватывало практически все сферы двусторонних отношений. Среди областей, регулируемых договором, есть положения, касающиеся, в частности, экономического сотрудничества (статьи 9, 10), трансграничного (статьи 12, 13), научно-технического сотрудничества (статья 15), сотрудничества в области охраны окружающей среды (статья 16), защиты культурного наследия (статья 28), а также поддержка и развитие личных контактов между гражданами двух государств (статья 29) [11, s. 191–204].

Договор также включал вопросы, связанные с международной безопасностью. Польша и ФРГ разделяли чувство общей ответственности за поддержание стабильности в Европе, что должно было внести конструктивный вклад в построение концепции европейской безопасности. Это нашло отражение в статье 6, в которой говорится, что «общая цель договаривающихся сторон заключается в том, чтобы совместно содействовать укреплению стабильности и повышению безопасности». В текст договора также была включена декларация «Об укреплении мира путем создания совместных структур безопасности для всей Европы» (статья 5) на основе документов СБСЕ, а также положения о поддержке дальнейшего сокращения вооружений и усилении мер укрепления доверия и стабилизации (статья 6). Также ключевое значение для внешней политики Польши имели положения, касающиеся международных вопросов. В статье 8 содержалось предложение о поддержке Германией ассоциации, а затем об интеграции Польши с Европейским сообществом. В то время это была лишь политическая декларация, поскольку немецкая дипломатия боялась дальнейших обязательств, главным образом из-за баланса сил в европейском сообществе [5, s. 4–6]. Таким образом, можно отметить, что договор регулировал двусторонние отношения в европейском контексте.

Премьер-министр Польши Я.К. Белецкий признал договор о добрососедстве важнейшим актом в тысячелетней польско-германской истории, а Г. Коль назвал его «гигантским шагом» на пути к примирению между двумя государствами и народами. СМИ же подчеркнули, что никогда раньше между Польшей и Германией не было такой договоренности и что это открывает новую эру во взаимоотношениях. Оба договора представляли собой прорыв в польско-германских отношениях, поскольку, с одной стороны, они окончательно урегулировали спорный пограничный вопрос, а с другой стороны, они юридически сформулировали и определили области сотрудничества между государствами. В дополнение к этим договорам был подписан ряд других соглашений: 29 июля 1992 г. об упрощении пограничного движения и 6 ноября 1993 г. о создании новых пограничных переходов. Эти подробные двусторонние договора свидетельствовали о развитии нового этапа в польско-германских отношениях. Германия стала стратегическим экономическим партнером для Польши, и действующее постоянное политическое соглашение должно было приблизить польское государство к вхождению в западноевропейские структуры. Однако соглашение от 16 октября 1991 г. о гуманитарной помощи, особенно жертвам нацистских преследований в Польше, было разочарованием для польской стороны. В соответствии с этим соглашением власти Германии перевели 500 млн марок в польско-немецкий фонд примирения. В ответ министр иностранных дел Польши К. Скубишевский заявил о том, что предполагали немецкая сторона будет гораздо более щедрой в этом вопросе [2, s. 27].

Необходимо также отметить, что договор о добрососедстве встретил резкую критику как со стороны Польши, так и Германии. В дебатах перед его ратификацией в польском парламенте часть депутатов, не согласных с договором, прежде всего подчеркнула, что он не регулирует вопрос о компенсации жертвам военных преступлений в Польше. После окончания Второй мировой войны это была одна из самых острых проблем, тем более что жертвы нацистского режима были еще живы и для них получение даже частичной компенсации за понесенные потери было бы символическим. Несомненно, тогда было выдвинуто много правильных аргументов, хотя некоторые из заявлений, особенно наиболее эмоциональные, были частью избирательной кампании того времени. Через неделю после ратификации договора, которая состоялась 18 октября 1991 г., в Польше прошли первые свободные парламентские выборы [6, s. 145].

Договор о добрососедстве, безусловно, был хорошо выработанным компромиссом. Несомненно, многие вопросы не могли быть решены в то время. Один из них – вопрос о компенсации. Однако попытка разрешить его в тот момент могла привести к тому, что подписание документа было бы отложено на неопределенное время. Сложившееся общее мнение, одобренное многими современными политиками, как польскими, так и германскими, заключается в том, что Германия взяла на себя обязательство по договору поддержать вступление Польши в европейские структуры. Внимательное прочтение данного документа не позволяет сделать столь однозначные выводы. Это связано с тем, что Германия заявила о своем одобрении только такого процесса, и только при условии, что будут созданы соответствующие «условия». Так, в договоре говорилось, что «Федеративная Республика Германия положительно относится к перспективе присоединения Польши к Европейскому сообществу, как только для этого будут созданы условия». Однако существует фундаментальная разница между позитивным отношением и обязательством предпринимать определенные действия.

В декабре 1991 г. на встрече министров иностранных дел трех стран был подписан договор о постоянных консультациях Польши, Германии, Франции, так называемый «Веймарский треугольник». Начиная с января 1991 г. было заключено свыше 120 различных договоров и соглашений, касающихся польско-германских взаимоотношений. Среди них особое значение имели договор о польско-германском молодежном сотрудничестве, соглашение о региональном и приграничном сотрудничестве, договор о создании польско-германского Совета об охране окружающей среды, договор о сотрудничестве в культурной сфере и другие [7, s. 56]. В 1991 г. также была создана польско-германская международная комиссия, регулирующая вопросы регионального и трансграничного сотрудничества двух государств на правительственном уровне.

Идея молодежного сотрудничества нашла отклик как со стороны польских, так и германских властей. Формально обмен студентами между двумя государствами происходил еще в конце 1980-х гг. на основе заключенного договора от 1 ноября 1989 г. между правительствами ПНР и ФРГ об обмене молодежью. Однако данный договор вступил в силу только 29 мая 1991 г., а 17 июня 1991 г. был подписан новый договор между правительствами Польши и ФРГ о польско-германском молодежном сотрудничестве. Затем на этой основе был создан Польско-германский Союз молодежи с двумя бюро, первое, немецкое в Потсдаме, второе – польское в Варшаве. Целью данной организации является осуществление образовательных программ, организация экскурсий к местам памяти периода Второй мировой войны [4, s. 174–175], [8, s. 12]. Деятельность Союза финансируется совместно как польским, так и германским правительствами.

Важным вопросом в польско-германских отношениях являлось определение статуса национальных меньшинств – немца в Польше и поляка в Германии. В 1990 г. количество проживающего немецкого населения в Польше по разным данным составляло от 300 тыс. до 1 млн человек. Совет Министров Польши принимает постановление № 142 от 7 сентября 1990 г. по вопросу о правах немецкого меньшинства в Польше и созывает комиссию, в обязанности которой входило сформулировать предложения, связанные с реализацией прав национальных меньшинств Польши, их охрана и популяризация среди польского общества данной проблемы. Министрами иностранных дел двух государств К. Скубишевским и Г.Д. Геншером также рассматривались вопросы материальной компенсации выселенным немцам после Второй мировой войны, двойного гражданства, которое де-юре правительством ФРГ не признавалось [3, s. 44–46], [9, s. 33].

Положительное воздействие на положение немцев в Польше оказали польско-западногерманская декларация и Договор о добрососедстве и сотрудничестве. Статьи 20-22 договора содержали точные определения национальных меньшинств в отдельных странах, а затем подробно был представлен перечень прав, на которые они могли рассчитывать. Необходимо отметить, что в основном положения договора предоставляли правовой статус национального меньшинства только немцам, проживающим в Польше. В это время изменилась позиция многих деятелей немецкого меньшинства, связанных с Союзом изгнанных в ФРГ и высказывавшихся ранее за пересмотр границ, возвращение немцев на прежние места жительства. Их позиция изменилась, они стали лояльно относится к польским властям, активно сотрудничать и участвовать в местном самоуправлении. В этом была немалая заслуга Комиссии национальных и этнических меньшинств Сейма. Предоставленные меньшинствам льготы позволили кандидатам от немцев пройти в 1991 г. на выборах в Сейм и организовать там «круг немецких послов» [1, с. 91].

Таким образом, правительство Т. Мазовецкого в 1990 г. однозначно поддержало процесс объединения ФРГ и ГДР в единое государство. Объединенная Германия гарантировала дружественные отношения со своим восточным соседом и должна была содействовать польским национальным интересам. Без единства германского государства процесс европейской интеграции также не имел бы шансов на успех, тем более что именно Германия должна была сыграть значительную роль в реформирующейся Европе.

Все выше изложенное позволяет констатировать тот факт, что в 1990-х гг. внешняя политика Польши по германскому вопросу была ориентирована на решение основных проблем: 1) объединение двух

германских государств; 2) подтверждение признания существующей западной границы Польши объединенной Германией; 3) развитие молодежного сотрудничества; 4) урегулирование вопроса о правах немецкого меньшинства в Польше. Таким образом, можно утверждать, что в политической сфере, несмотря на опасения польского руководства по вопросу объединения Германии, в 1990-е гг. германский вопрос был закрыт политически и юридически, следовательно, западная граница Польши была подтверждена германским правительством, а ФРГ стала занимать не последнее место в политике Польши, о чем свидетельствуют заключенные многочисленные соглашения, меморандумы и договора, которые положили начало дальнейшему двустороннему сотрудничеству в различных сферах.

1. Ганцкая, О. А. Проблемы меньшинств в государственной политике Польши (1945–1997 гг.) / О. А. Ганцкая // Этнос. Общество. Государство. – 2000. – № 1. – С. 88–100.
2. Barbasiewicz, O. Pamięć w procesie pojednania polsko-niemieckiego. Teoria, historia i refleksje / O. Barbasiewicz, J. Turek // Pamięć i polityka wobec dziedzictwa kulturowego w Polsce i w Niemczech; pod redakcją K. Ziemera. – Warszawa : Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015. – S. 13–43.
3. Gawryszewski, A. Ludność Polski w XX wieku / A. Gawryszewski. – Warszawa : PAN IgiPZ, 2005. – 623 s.
4. Hołub, A. Stosunki polsko-niemieckie / A. Hołub // Polska wobec sąsiadów. Współczesne stosunki polityczne / Red. W.T. Modzelewski. – Olsztyn, 2009. – S. 171–189.
5. Jankowski, D. Wspólnota wartości i «oświecony egoizm»? Stosunki polsko-niemieckie 20 lat po Traktacie o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy – aspekty bezpieczeństwa / D. Jankowski, A. Ignaciuk // Bezpieczeństwo narodowe. – 2011. – Nr. 19. T. III – S. 1–16.
6. Kącka, K. Historia, normalizacja, pojednanie, dialog, czyli medialny bilans dwudziestolecia stosunków polsko-niemieckich / K. Kącka // Po obu stronach Odry Polska, Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy ; pod redakcją K. Kąckiej. – Toruń, 2011. – S. 138–162.
7. Pamięć i polityka wobec dziedzictwa kulturowego w Polsce i w Niemczech / Pod red. K. Ziemiera. – Warszawa : Un-t Kardynala S. Wyszyńskiego, 2015. – 132 s.
8. Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945–1989 / praca zbiorowa pod red. A. Wolff-Powęskiej. – Poznań : IZ, 1993. – 462 s.
9. Polska i Niemcy w XX wieku / Pod. red. Ursuli A.J. Becher, W. Borodzieja, K. Ruchniewicza. – Poznań : W-wo Poznańskie, 2001. – 150 s.
10. Reiter, J. Bilans polsko-niemieckiego Traktatu o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy z 17.06.1991 / J. Reiter // Polacy i Niemcy. Trudne kontakty – dobre perspektywy / Red. H. Dmochowska, K. Kopacki. – Warszawa : Fundacja Konrada Adenauera, 2011. – S. 31–49.
11. Traktat między Rzecząpospolitą Polską a Republiką Federalną Niemiec o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy z 17 czerwca 1991 roku // Dziennik Ustaw. – 1992. – Nr. 14. – Poz. 56. – S. 191–204.

УДК 94(476) 1921/1939

ЛЕГАЛЬНЫЯ ФОРМЫ ДЗЕЙНАСЦІ Ў БЕЛАРУСКІМ НАЦЫЯНАЛЬНЫМ РУХУ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)

Аляксандр Горны

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь

litvin_horny@tut.by

У міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі дзейнічала тры плыні беларускага нацыянальнага руху – леварадыкальная, нацыянальна-дэмакратычная і паланафільская, прадстаўнікі якіх выкарыстоўвалі як легальныя, так і нелегальныя формы палітычнай дзейнасці. У артыкуле вылучаюцца формы легальнай работы беларускага руху, напрыклад, удзел беларусаў у выбарчых кампаніях, распаўсюджванне легальнай літаратуры ці правядзенне мемарыяльных мерапрыемстваў. Аўтар артыкула прыходзіць да высновы, што наяўнасць розных форм легальнай дзейнасці значна пашырада беларускую нацыянальную свядомасць, але ў 1930-я гады польскія ўлады звузілі гэтую сферу да мінімума.

Ключавыя словы: беларускі нацыянальны рух, Заходняя Беларусь, міжваенная Польшча, легальная дзейнасць, нацыянальнае пытанне

LEGAL FORMS OF ACTIVITY IN THE BELARUSIAN NATIONAL MOVEMENT IN INTERWAR WESTERN BELARUS

Aliaksandr S. Gorny

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

There were three currents of the Belarusian national movement - the left, the national-democratic and the polonophilic in the interwar period in Western Belarus. Their representatives used both legal and illegal forms of political activity. The article indicates such forms of legal work of the Belarusian movement: participation of Belarusians in election campaigns, distribution of legal literature or participation in memorial events. The author concludes that the existence of various forms of legal activity expanded the Belarusian national identity, but in the 1930s the Polish authorities canceled it out.

Keywords: Belarusian national movement, Western Belarus, interwar Poland, legal activity, national question

У міжваеннае дваццацігоддзе ў Заходняй Беларусі ў межах беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, які ставіў перад сабой задачу барацьбы за аб'яднанне беларускіх земляў і стварэнне беларускай дзяржаўнасці, вылучыліся тры палітычныя плыні: нацыянальна-дэмакратычная, паланафільская і леварадыкальная. Арганізацыі нацыянальна-дэмакратычнай плыні (Беларуская хрысціянская дэмакратыя (БХД), Беларускі сялянскі саюз (БСС), Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры (БІГіК), група В. Гадлеўскага "Беларускі фронт" і інш.) дамагаліся аб'яднання беларускіх земляў і стварэння незалежнай беларускай дзяржавы з рэспубліканскай формай кіравання. Беларускія паланафілы выступалі за супрацоўніцтва з інстытутамі польскай дзяржавы дзеля дасягнення нацыянальна-культурных і палітычных саступак для беларускага народа (Часовая беларуская рад (ЧБР), Беларуская радыкальная народная партыя (БРНП), таварыства "Прасвета", група Луцкевіча-Астроўскага і інш.). Леварадыкальная плынь была прадстаўлена прыхільнікамі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ), Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) і Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (БПСР), якія імкнуліся да змены існуючага грамадскага і палітычнага ладу Заходняй Беларусі радыкальнымі, ці рэвалюцыйнымі сродкамі [1, с. 6–7]. Дзве першыя плыні ажыццяўлялі сваю дзейнасць легальнымі формамі ў рамках польскага заканадаўства, прадстаўнікі леварадыкальнай плыні спрабавалі сумяшчаць легальныя і нелегальныя формы дзейнасці, аддаючы перавагу ў асноўным, апошнім. На сённяшні час у айчыннай гістарыяграфіі праблема суадносін легальных і нелегальных форм барацьбы беларускіх структур у міжваеннай Заходняй Беларусі не была прадметам асобнага даследавання, што стварае падставы звярнуць больш пільную ўвагу на кожную з гэтых форм.

Значнай прэрагатывай у беларускіх актывістаў карысталіся легальныя формы дзейнасці, якія дазвалялі ахопліваць шырокую аўдыторыю для пашырэння нацыянальнай свядомасці і правядзення беларускай агітацыі ў рамках існуючага польскага заканадаўства. Сярод іх найбольш запатрабаванымі і распаўсюджанымі ў беларускім руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі былі наступныя:

1. Удзел прадстаўнікоў беларускага руху ў выбарчых кампаніях у парламент і органы мясцовага самакіравання;
2. Арганізацыя і правядзенне мітынгаў, сходаў;
3. Распаўсюджванне легальнай літаратуры і перыядычнага друку;
4. Правядзенне мемарыяльных мерапрыемстваў.

Адной з самых асноўных формаў легальнай дзейнасці беларускага руху ў Заходняй Беларусі, якая гарантавалася дзяржаўным заканадаўствам Польшчы, быў удзел беларускіх актывістаў у парламенцкіх выбарах ці выбарах у органы мясцовага самакіравання. Беларусы актыўна ўдзельнічалі ў парламенцкіх выбарчых кампаніях 1922, 1928 і 1930 гг., самаўрадавых выбарчых кампаніях 1927 і 1929 гг. Дадзеныя кампаніі садзейнічалі актывізацыі беларускага грамадска-палітычнага жыцця ў розных рэгіёнах Заходняй Беларусі, уцягненню ў беларускі рух новых актывістаў і пашырэнню нацыянальнай самасвядомасці [2, с. 101].

Значную ўвагу неабходна звярнуць на выбарчую кампанію 1922 г. – фактычна першую масавую палітычную кампанію, з якой прыйшлося сутыкнуцца беларускаму насельніцтву Заходняй Беларусі пасля Рыжскага міру. У жніўні 1922 г. у Вільні быў створаны Беларускі цэнтральны выбарчы камітэт, які неўзабаве прыняў рашэнне аб'яднацца з украінскімі, рускімі, нямецкімі і яўрэйскімі структурамі Польшчы ў Блок нацыянальных меншасцяў. У гарадах і вёсках Заходняй Беларусі пачалі ствараццца мясцовыя выбарчыя камітэты, якія атрымлівалі з Вільні неабходныя агітацыйныя матэрыялы. Менавіта шчыльны кантакт правінцыйнай інтэлігенцыі і сялян з Беларускім цэнтральным выбарчым камітэтам пашыраў сярод іх беларускую ідэнтычнасць і дазваляў масава рэкрутаваць у беларускі рух новых прыхільнікаў. Толькі ў Лідскай і Свянцянскай акругах восенню 1922 г. дзейнічала каля 115 беларускіх агітатараў, якія ў сваіх справаздачах падкрэслівалі ўсплеск нацыянальнай свядомасці мясцовага насельніцтва і яго падрыхтаванасць да арганізацыйных і легальных форм дзейнасці [3].

Сярод мясцовых агітатараў падчас выбарчай кампаніі 1922 г. перавагу мелі настаўнікі, вучні беларускіх гімназій альбо студэнты. Напрыклад, выкладчык Нясвіжскай беларускай гімназіі Язэп Шнаркевіч паралельна з'яўляўся кіраўніком мясцовага беларускага выбарчага камітэту і ў свабодны час пасля вучэбных заняткаў праводзіў агітацыю ў вёсках каля Нясвіжу [4]. Значна недаацэненым у айчыннай гістарыяграфіі

з’яўляецца ўдзел у агітацыйных мерапрыемствах у 1922 г. праваслаўнага духавенства. Іх аўтарытэт сярод большасці тагачасных беларускіх сялян быў вельмі моцным, а праваслаўны прыход з’яўляўся важным месцам сацыяльнай камунікацыі людзей у сельскіх умовах. Больш таго, палітыка паланізацыі і звужэння дзейнасці Праваслаўнай царквы давала магчымасць праваслаўным святарам звярнуць увагу на структуры беларускага нацыянальнага руху як на патэнцыйных саюзнікаў і абаронцаў. Таму ў дакументах сустракаюцца шмат сведчанняў аб правядзенні святарамі агітацыі на карысць Беларускага цэнтральнага выбарчага камітэта. Напрыклад, у Лідскім павеце актыўную дзейнасць у гэтым кірунку праводзіў святар Юстын Шчасны, у Вялейскім – святар Лапіцкі, у Баранавіцкім – святар Павел Мацкевіч [5, арк. 14, 16, 18]. Настаяцель прыхода ва Усялюбе Навагрудскага павета іерэй Іосіф Зубовіч заклікаў з царкоўнага амбона сваіх прыхаджан выбіраць беларускіх дэпутатаў у Сейм, бо яны “будуць імкнуцца вывесці Беларусь з-пад польскага іга і аб’яднаць з астатнімі беларускімі землямі” [6, арк. 552]. Без перабольшванняў, можна меркаваць, што ангажаванасць праваслаўнага духавенства ў выбарчую кампанію 1922 г. стала адным з вырашальных фактараў, які дапамог атрымаць беларускім структурам адносны поспех падчас выбараў: у заканадаўчыя палаты польскага парламента было абрана 11 дэпутатаў і 3 сенатара.

Калі ўдзел беларусаў у парламенцкіх выбарах міжваеннай Польшчы на сённяшні час дастаткова добра адлюстраваны ў гістарыяграфіі, то, напрыклад, выбары ў гмінныя і гарадскія рады 1927 г. з’яўляюцца маладаследаваным аспектам легальнай барацьбы беларусаў за свае палітычныя і сацыяльныя правы. У прыватнасці, толькі ў Віленскім ваяводстве падчас гэтых выбараў у гмінныя органы самакіравання прайшло каля 34% прадстаўнікоў розных беларускіх партый і арганізацый [7, s. 3]. У некаторых мясцовасцях Заходняй Беларусі, дзе перадвыбарчая агітацыя насіла сістэмны характар, колькасць беларускага насельніцтва ў органах самакіравання пасля выбараў была наўпрост падаўляючай. Напрыклад, у гмінную раду мястэчка Сіняўка Нясвіжскага павету было абрана 10 беларусаў, адзін паляк і адзін яўрэй [8, арк. 355]. На 1929 г. у працы Скідзельскай гміннай рады ўдзельнічала 9 беларусаў – былых прыхільнікаў Беларускай сялянска-работніцкай грамады [9, арк. 91]. Дадзены поспех на лакальным узроўні беларускія актывісты выкарыстоўвалі дзеля таго, каб легальна, праз органы самакіравання, дамагчыся адкрыцця беларускіх школ, эканамічнага паляпшэння для той ці іншай мясцовасці альбо фінансавання розных беларускіх ініцыятыў.

Вельмі запатрабаванай формай легальнай дзейнасці беларускага руху ў міжваенны перыяд былі мітынгі і палітычныя сходы, бо яны дазвалялі ажывіць палітычнае жыццё і нацыянальны дыскурс не толькі ў гарадах, але і ў сельскай мясцовасці. Гэтай формай актыўна карысталіся, напрыклад, беларускія дэпутаты польскага парламента, якія часта арганізоўвалі альбо справаздачныя мітынгі, альбо раптоўныя сходы дзеля вырашэння якой-небудзь праблемы. Напрыклад, беларускі сенатар польскага парламента В. Багдановіч 4 мая 1924 г. арганізаваў у мяст. Жыровічы мітынг з мэтай абароны праваслаўнага манастыра ад захопу з боку каталіцкага духавенства, на якім удзельнічала каля 300 чалавек [10]. Часта беларускія дэпутаты для правядзення сваіх мерапрыемстваў выбіралі дні кірмашоў ці рэлігійных фэстаў, каб сабраць у адным месцы як мага болей аўдыторыю. Дадзеная форма легальнай агітацыі была вельмі распаўсюджана ў 1920-я гг., калі ў польскім парламенце існавалі беларускія прадстаўніцтва, аднак у 1930-я гг. магчымасць правядзення легальнага мітынгу для беларускага руху практычна раўнялася нулю і таму ў гэты перыяд нярэдкай з’явай былі нелегальныя дэманстрацыі, арганізаваныя актывістамі КПЗБ [11, с. 153].

Мітынгі і сходы вельмі актыўна выкарыстоўвалі ў сваёй дзейнасці прадстаўнікі беларускіх паланафільскіх арганізацый. Маючы на правядзенне такіх мерапрыемстваў поўны дазвол польскіх уладаў, беларускія паланафілы з нагоды пэўных палітычных падзей у краіне ладзілі лакальныя мітынгі, каб замацаваць у мясцовага насельніцтва прыхільнасць да польскай дзяржаўнасці. У маі 1926 г., напрыклад, сябры Часовай беларускай рады правялі цэлы шэраг мітынгаў у мясцовасцях Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў у падтрымку майскага пераварота і прыходу да ўлады ў Польшчы Ю. Пілсудскага. На адным з такіх мерапрыемстваў у Нясвіжы, дзе прамаўляў старшыня ЧБР А. Паўлюкевіч, прысутнічала каля 700 чалавек [12, арк. 119, 170].

Беларуская кніжная прадукцыя і перыядычны друк у міжваенны перыяд ва ўмовах дастаткова сціплай сферы сродкаў камунікацыі з’яўляліся важным рэсурсам для пашырэння і захавання нацыянальнай ідэнтычнасці. У заходнебеларускіх гарадах, мястэчках ці вёсках акрамя нелегальнай літаратуры можна было сустрэць вельмі шмат беларускіх легальных кніг, брашур і газет. У асноўным яны распаўсюджваліся праз сетку беларускіх кнігарняў, якія існавалі ў розных населеных пунктах Заходняй Беларусі. Так, некалькі беларускіх кнігарняў дзейнічала ў Вільні, сярод якіх вылучаліся кнігарні “Надзея”, кнігарня С. Станкевіча і г.д. Таксама беларускія кнігарні, у асноўным у 1920-я гг., функцыянавалі ў Гродна, Вілейцы, Валожыне, Лідзе, Маладзечна, Ашмянах [13]. У канцы 1930-х гг., калі беларускі рух знаходзіўся ў стане глыбокага арганізацыйнага крызісу, а палітыка паланізацыі дасягнула свайго апагею, сувязь мясцовых актывістаў з беларускімі кнігарнямі была фактычна адзіным сродкам легальнага атрымання беларускага друкаванага слова дзеля далейшага распаўсюджвання і захавання кантактаў з цэнтрамі беларускага жыцця. Так, Іван Абрамовіч з вёскі Мілейчыцы Бельскага павета ў 1938 г. пісаў у адну з віленскіх беларускіх кнігарняў: “Да нашага кутка не даходзіць неякае беларускае слова друкованае а гета вельмі жаль, то хоць календары

беларускія няхай завітаюць в наш глухій куток. Так прашу шановну книгарню о прислане 10 (дзесяць) календаров атрывных, а 2 (два) календарі кніжковых.” [14, арк. 113 адв.].

Важным носьбітам нацыянальнай ідэнтычнасці для многіх беларусаў ў міжваены перыяд былі перыядычныя выданні беларускага нацыянальнага руху, якія легальна выдаваліся пераважна ў Вільні. Неабходна заўважыць, што ў канцы 1930-х гг., калі многія беларускія арганізацыі былі зачынены польскімі ўладамі, нацыянальны перыядычны друк, таксама значна абмежаваны ўладамі, у многіх мясцовасцях заставаўся адзіным сродкам захавання беларускай ідэнтычнасці і нават яе пашырэння. Як канстантаваў польскі даследчык С. Віславух, распаўсюджванне беларускай прэсы ў Віленскім і Навагрудскім ваяводствах у канцы 1930-х гг. сведчыла пра “жывучасць” беларускага руху, нават ва ўмовах арганізацыйнага крызісу [15, с. 321].

Моцным фактарам распаўсюджвання і захавання нацыянальнай свядомасці ў Заходняй Беларусі былі мемарыяльныя мерапрыемствы – сходы, канцэрты, выступы ў гонар якой-небудзь вядомай асобы беларускай культуры ці гістарычнай падзеі. Месцам правядзення падобных мерапрыемстваў заўсёды быў горад Вільня як важны цэнтр беларускага нацыянальнага руху ў міжваенны перыяд. У прыватнасці, у Вільні беларусы адзначалі 400-годдзе беларускага кнігадрукавання (1925), 400-годдзе І статута ВКЛ (1929), 500-годдзе з дня смерці вялікага князя Вітаўта (1930), 70-годдзе выдання “Мужыцкай праўды” (1933), угодкі смерці М. Багдановіча (1927), І. Луцкевіча (1929), Ф. Багушэвіча (1930), Цёткі (1936) і інш. Звычайна такія мерапрыемствы адбываліся ў наступным фармаце: вядомыя беларускія грамадска-палітычныя ці культурныя дзеячы зачытвалі рэфераты, моладзь дэкламавала вершы, ладзіліся тэатральныя пастаноўкі ці выступ музычных калектываў [16; 17]. Напрыклад, падчас урачыстасцяў 25-гадовага юбілею літаратурнай творчасці Янкі Купалы, якія адбыліся 27 верасня 1930 г. у залі Віленскай беларускай гімназі, быў прачытаны рэферат А. Луцкевіча аб творчасці пісьменніка, гімназісты прадэкламавалі вершы Купалы, а вучнёўскі хор праспяваў некалькі песняў на вершы паэта [18, арк. 70]. Актыўнымі ўдзельнікамі такіх сходаў былі, у першую чаргу, навучэнцы Віленскай беларускай гімназіі і студэнты-беларусы Віленскага ўніверсітэту; нярэдка, аднак, на мерапрыемствы прыходзілі звычайныя жыхары Вільні, якія цікавіліся беларускім грамадскім жыццём. Так, падчас адзначэння 20-х угодкаў смерці Цёткі на мерапрыемства, арганізаванае БІГіК, прыйшло вельмі шмат простых рабочых з віленскіх асяродкаў [19].

Маладаследаваным аспектам легальнасці беларускага нацыянальнага руху з’яўляецца выкарыстанне структур беларускіх нацыянальна-дэмакратычных і паланафільскіх арганізацый леварадыкальнымі актывістамі для ажыццяўлення сваёй дзейнасці. Камуністы выкарыстоўвалі мясцовыя гурткі легальных беларускіх арганізацый, каб, у асноўным, пазбегнуць пераследу з боку польскіх уладаў і безперашкодна праводзіць агітацыйную дзейнасць. Так, сакратарыят паланафільскай Часовой беларускай рады, які быў створаны ў в. Казлоўшчына Слонімскага павета 1 лютага 1926 г., фактычна цалкам складаўся з дзеячаў леварадыкальнай накіраванасці. Яго кіраўніком з’яўляўся вядомы ў будучым пісьменнік С. Сіняк (Хмара), які быў блізка звязаны са структурамі КПЗБ [20; арк. 122]. Падобныя сітуацыі, тым не менш, стваралі дастаткова негатыўны вобраз беларускага руху ў вачах польскіх уладаў. У мясцовай паліцыі пасля такіх выпадкаў яшчэ больш падмацоўваўся стэрэатып, што любая праява беларускай актыўнасці, нават без палітычнага кантэксту – гэта праява “бальшавізму” ці антыдзяржаўнай агітацыі. Дадзеная акалічнасць стварала значныя перашкоды для правядзення беларускімі арганізацыямі, напрыклад, культурна-асветніцкіх мерапрыемстваў.

Такім чынам, у міжваены перыяд у Заходняй Беларусі актывісты беларускага нацыянальнага руху выкарыстоўвалі рознабаковыя формы легальнай дзейнасці, якія дазваляліся існуючым польскім заканадаўствам. Дзякуючы правядзенню перадвыбарнай агітацыі, распаўсюджванню легальнай літаратуры і перыядычных выданняў, правядзенню мемарыяльных мерапрыемстваў у беларускую дзейнасць рэкрутаваліся новыя прыхільнікі, а сярод розных пакаленняў пашыралася ці замацоўвалася нацыянальная ідэнтычнасць. Разам з гэтым, у 1930-я гг. сфера легальнай дзейнасці беларускага руху значна звужалася польскімі ўладамі з мэтай правядзення актыўнай паланізацыі беларускага насельніцтва. На канец 1930-х гг. легальны беларускі рух у заходнебеларускай правінцыі фактычна захаваўся толькі ў выглядзе распаўсюджвання друкаваных выданняў, што стварала негатыўныя тэндэнцыі для далейшага развіцця нацыянальнай свядомасці.

1. Горны, А. Да пытання аб класіфікацыі беларускіх палітычных арганізацый у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд / А. Горны // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 9. – С. 3–8.
2. Пашкевіч, А. В. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.) : дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. В. Пашкевіч. – Мінск, 2006. – 162 с.
3. Перад выбарамі // Беларускі звон. – 1922. – № 25. – С. 2.
4. Хроніка // Беларускі звон. – 1922. – № 26. – С. 4.
5. Беларускі дзяржаўны архіў–музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 3, воп. 1, спр. 209.
6. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 662, воп. 3, спр 32.
7. Wybory gminne // Przegląd Wileński. – 1927. – Nr 13. – S. 3–4.

8. ДАГВ. – Ф. 551, воп. 1, спр 1011.
9. ДАГВ. – Ф. 24, воп. 1, спр 24.
10. Беларускія зьезды – вечы // Сын беларуса. – 1924. – № 1. – С. 3.
11. Полуян, В. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. Полуян, И. Полуян. – Минск: Госиздат БССР, 1962. – 224 с.
12. ДАГВ. – Ф. 664, воп. 3, спр. 9.
13. Беларускія кнігарні // Народ. – 1928 – № 18. – С. 4.
14. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 368, ap. 1. b. 60.
15. Віславух, С. Нацыянальныя адносіны на тэрыторыі ўсходніх ваяводстваў / С. Віславух // Arche. – 2018. – № 1. – С. 69–358.
16. Прысутны. Сьвяткаваньне 400-лецьця Статуту Вялікага Князьства Літоўскага / Прысутны // Наперад. – 1929. – № 1. – С. 4.
17. Акадэмія ў чэсьць Фр. Багушэвіча // Беларуская крыніца. – 1930. – № 32. – С. 4.
18. LCVA. – F. 53, ap. 23, b. 2078.
19. З беларускага жыцьця. Многалюдны вечар // Беларуская крыніца. – 1936. – № 48. – С. 2.
20. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п, воп. 1, спр. 106.

УДК 323.1 (476)

ЗАПАДНОПОЛЕССКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ 1980-х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-х гг.) В ОЦЕНКАХ ЕГО КРИТИКОВ И ОППОНЕНТОВ

Олег Казак ; Артем Середа
Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь;
Средняя школа № 3 г. Жабинки, Жабинка, Беларусь
olegkazak90@tut.by ; marcellinus@tut.by

Статья посвящена рассмотрению феномена западнополесского этнокультурного движения в Беларуси в позднесоветский период и в первые годы существования независимого государства. Основу источниковой базы статьи составили документы Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси.

Ключевые слова: Полесье, идентичность, сепаратизм

WESTERN POLESS ETHNOCULTURAL MOVEMENT IN BELARUS (LATE 1980s – FIRST HALF 1990s) IN ASSESSMENTS OF ITS CRITICS AND OPPONSIBLE

Oleg G. Kazak ; Artyom S. Sereda,
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus; Secondary school № 3 in Zhabinka, Zhabinka, Belarus

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of the Western Polesie ethnocultural movement in Belarus in the late Soviet period and in the first years of the existence of independent state. The basis of the source base of the article was formed by documents of the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus.

Key words: Polesie, identity, separatism

В годы «перестройки» (конец 1980-х гг.) активизировались движения, выступавшие под лозунгами защиты культурных и политических прав народов, официально не признанных властями советских республик. Например, в Советской Украине заявляют о себе активисты русинского движения [1]. В это же время в Советской Беларуси предпринимается попытка западнополесского «возрождения», деятели которого декларировали идею существования отдельного полесского (ятвяжского) народа, обладавшего уникальной культурой и историей. Лидером движения стал филолог, поэт и публицист Н. Н. Шелягович. В 1985 г. появляются его первые публикации на западнополесском диалекте. В 1988 г. было создано Общественно-культурное объединение «Палісьсе», которое в качестве основной цели декларировало достижение национально-культурной автономии западнополесского региона. На западнополесском диалекте начинают издаваться газеты «Збудінне» и «Балесы Палісься», полесский вопрос довольно широко освещался в СМИ. В 1990 г. была организована Западнополесская (ятвяжская) научно-практическая

конференция, участники которой признали право населения региона на формирование самостоятельного этноса. В 1994 г. Н. Н. Шелягович осуществил неудачную попытку баллотироваться на пост президента Беларуси. В 1996 г. прошел последний фестиваль западнополесской песни «Етвызь», после чего движение практически сошло на нет [2, с. 29].

Первая статья Н. Н. Шеляговича с концептуальным обоснованием этнической самобытности жителей Западного Полесья была опубликована в 1982 г. в газете «Голас Радзімы» [3, с. 2–3]. В статье приводится гипотеза балтской (ятвяжской) этнической природы населения региона, которая в последующем станет одним из главных объектов критики со стороны оппонентов западнополесского движения.

С 1984 по 1986 гг. Н. Н. Шелягович являлся аспирантом Института языкознания Академии наук (АН) БССР. В личном деле аспиранта отложилась позитивная характеристика от его работодателя – директора издательства «Мастацкая літаратура» М. Ф. Дубенецкого: «Н. Шелягович обратил на себя внимание издательства «Мастацкая літаратура» своим необычным поэтическим сборником, рукопись которого он сдал в издательство в 1983 г. Необычность сборника в том, что все произведения, как оригинальные, так и переводные, написаны на одном из самых интересных, и, возможно, самых богатых диалектов белорусского языка – так называемом пинском говоре. Художественный уровень произведений достаточно высок, что свидетельствует о бесспорном таланте автора, о больших возможностях и совершенстве его диалекта» [4, л. 7]. В то же время отдельные представители белорусской интеллектуальной элиты начинают с подозрением относиться к деятельности Н. Н. Шеляговича. В реферате дипломной работы за курс филологического факультета БГУ («Краткое фонетико-морфологическое описание одного западнополесского говора») Н. Н. Шелягович приводил доказательства того, что говор населения региона может трактоваться как самостоятельный язык. В экспертном заключении на реферат А. А. Кривицкий отметил: «Автор демонстрирует, что он знаком с некоторыми важными работами по говорам Брестского Полесья, но рассуждения автора о статусе этих говоров и их языковых отношений бездоказательные, беспочвенные и удивительные». Тем не менее, Н. Н. Шелягович был принят в аспирантуру и начал работу над темой «Южнозагородские говоры Западного Полесья (к генезису говоров брестско-пинской группы)» [4, л. 19–21, 35–35 об.].

В 1985 г. состоялся полноценный литературный дебют Н. Н. Шеляговича. В журнале «Беларусь» (№ 12 за 1985 г.) появляется подборка стихотворений автора на западнополесском диалекте. Ее предваряла позитивная заметка Народного писателя Беларуси И. П. Шамякина: «С интересом послушал стихотворения Н. Шеляговича на западнополесском диалекте. Думаю, что с неменьшим интересом их прочитают и носители этого диалекта, и жители всей Беларуси. Публикация стихотворений на этом своеобразном диалекте белорусского языка видится мне делом полезным и нужным – и с точки зрения литературы. Потому что в личности Н. Шеляговича мне видится хороший белорусский поэт, который и стал поэтом благодаря своему родному говору. Именно родной говор, полешуцкий фольклор и есть тот источник, откуда черпает свои силы и темы поэзия молодого поэта» [5, с. 14].

«Лингвистические эксперименты» Н. Н. Шеляговича вызвали недовольство сотрудников Института языкознания АН БССР, которые считали творчество молодого поэта первым шагом к созданию нового литературного языка. Претензии к работе Н. Н. Шеляговича у сотрудников института возникли в июне 1986 г. во время аттестации аспирантов на Ученом совете. Его участники вменяли в вину Н. Н. Шеляговичу отсутствие публикаций и упорядоченной картотеки лексики, «желание создать отдельный литературный полесский язык». Аспирант парировал: «Я никакого языка не создаю. Я просто пишу на этом языке стихи. Это язык моей матери, он существует и теперь. Тут не надо ничего создавать. … Я не создавал специальную картотеку. Я сам носитель этого языка, он у меня в голове. Это способ выразить свою душу. Известно, что в других странах также существует литература на диалектном языке. И это мое право писать на том языке, на котором я могу более точно выражаться». Научный руководитель А. А. Кривицкий отметил: «Я не так оптимистично смотрю на будущее Шеляговича, как он сам. Теперь Шелягович находится в значительном цейтноте и может не справиться со своими заданиями. Шелягович очень тяжело подчиняется руководству. Тема его диссертации очень конкретная. Все три года аспирант должен заниматься только своей лингвистической подготовкой и написанием диссертации. Иногда Шелягович занимается не тем, что касается диссертации». Было решено перенести аттестацию Н. Н. Шеляговича, обвиненного А. И. Подлужным в «недостаточной политической образованности», на сентябрь 1986 г. и «дать ему общественную нагрузку» [6, л. 65–68]. Н. Н. Шелягович был отчислен из аспирантуры (формально – по собственному желанию) осенью 1986 г.

В апреле 1988 г. при Белорусском фонде культуры было учреждено Общественно-культурное объединение «Палесьсе». Примечательно, что в центральной и региональной прессе того времени преобладали позитивные оценки деятельности молодого движения, в том числе со стороны белорусской национально ориентированной интеллигенции. Ситуация изменилась после публикации в газете «Літаратура і мастацтва» (органе Министерства культуры и Правления Союза писателей БССР) программной статьи известного белорусского писателя и общественного деятеля Н. С. Гилевича, который

становится одним из наиболее последовательных критиков западнополесского движения. Н. С. Гилевич считал, что создание нового литературного языка может привести к расколу белорусской нации: «Я посчитал бы всю эту «лингвистическую» шумиху нелепой, несвоевременной игрой, если бы не был уверен, что перед нами – продуманная стратегия, конечная цель которой – расчленить нашу нацию, для чего нужно подорвать основы ее прочности, ее единства. Известно, что одной из таких основ для каждой нации является ее общенародный литературный язык». Автор программной статьи также упрекал представителей белорусской интеллигенции, которые не замечали опасности, исходившей от активистов западнополесского движения [7, с. 5–6]. На страницах издания «Літаратура і мастацтва» в последующем помещались исключительно негативные оценки западнополесского движения, в то время как большинство других СМИ давали слово представителям альтернативной точки зрения. Спустя несколько месяцев после публикации статьи Н. С. Гилевича в газете «Літаратура і мастацтва» был опубликован обзор писем читателей, которые обвиняли Н. Н. Шеляговича и его сторонников в расколе белорусской нации, ненужной трате людских и материальных ресурсов, необходимых для белорусского национально-культурного возрождения [8, с. 9–11]. Подобные аргументы были наиболее популярны у критиков западнополесского движения.

Активисты западнополесского движения и симпатизирующие им представители белорусской интеллигенции апеллировали к имевшей место в позднесоветский период активизации внимания к проблемам сохранения и возрождения белорусских языка и культуры и утверждали, что полешуки также должны получить широкие культурные права. Н. Н. Шелягович в статье в методическом журнале «Беларуская мова і літаратура ў школе» (1989 г.) отмечал: «Белорусское Возрождение – возрождение белорусской культуры. А почему только, и в первую очередь, белорусской культуры? Почему некоторые симпатизирующие этим идеям отказывают в праве возрождаться самостоятельным путем ятвяжскому (полесскому) языку, культуре и народности? При этом отказывают ятвяжскому в пользу белорусского. А такие аргументы – это уже не сфера культурных понятий, а политических, точнее, национал-политических. Настоящее же возрождение белорусской культуры и языка не требует, не может требовать жертв, в том числе ятвяжских» [9, с. 7]. Аналогичной точки зрения придерживался историк, член-корреспондент АН БССР П. Т. Петриков (часть представителей интеллектуальной элиты того времени обвиняла его в скептической оценке белорусского национально-культурного возрождения). В 1990 г. в журнале «Политический собеседник» (орган ЦК КПБ) вышла статья П. Т. Петрикова «Загадки полесских пущ», в которой отмечалось: «Каждая нация или отдельная ее часть имеет право публично ставить и обсуждать волнующие ее национальные, социальные, экологические и другие проблемы, в том числе литературные и языковые. Включая, естественно, и право «создания» своего литературного языка, право выхода из одного национально-государственного образования в другое. Сторонники «единой и неделимой» Белоруссии решительно выступают за такое право для себя (борьба против влияния русского языка на белорусский язык, который превращает-де «родную мову» в «трасянку», за обязательную государственность белорусского языка и т.д.) и столь же решительно отказывают в таком праве полешукам» [10, с. 30].

Подобного рода публикации на страницах официальных изданий стали причиной появления распространенной гипотезы оппонентов западнополесского движения, согласно которой деятельность Н. Н. Шеляговича была инспирирована властями БССР для «сдерживания», «торпедирования» белорусского национально-культурного возрождения с целью недопущения его перерастания в сепаратистскую инициативу по выходу Беларуси из состава СССР. В частности, на заседании Ученого совета Института истории АН Беларуси 3 марта 1992 г. В. П. Крук заявил: «Есть сведения, что газета «Збудінне» инспирирована ЦК КПБ». Н. М. Забавский высказался более осторожно, однако разделял ту же точку зрения: «В свое время Шелягович мне показывал стихотворения на языке, который называл «ятвяжским». Сначала его нигде не поддерживали, а потом вдруг кто-то оказал большую поддержку. Наверное, так кому-то нужно». Солидарен с коллегами был и М. О. Бич: «Хочу добавить, что ему [Н. Н. Шеляговичу] и его немногочисленным сторонникам оказывают поддержку определенные структуры, например, Пинский горисполком» [11, л. 26–27]. После распада СССР определенную популярность получила версия, согласно которой западнополесское движение являлось орудием в руках «реваншистов», выступавших за предоставление русскому языку статуса государственного языка и последующее восстановление Советского Союза. Материалы подобной направленности особенно часто появлялись на страницах издания «Наша слова» (печатный орган «Товарищества белорусского языка»). Так, 28 апреля 1993 г. была опубликована статья заместителя председателя Белорусского народного фронта Ю. В. Хадыки. Автор отмечал: «…Ощущая себя тут на протяжении десятилетий хозяевами жизни и относясь к местному населению, как к людям низшего сорта, эти представители русификаторской коммунистической номенклатуры хватаются за соломинку, боясь утратить почву под ногами, когда наше национальное возрождение победит. Поэтому и разжигают национальную вражду, отказывая белорусам в очевидном праве иметь образование на своем языке. Поэтому и выдумывают искусственные проблемы, вроде «западнополесского языка», пытаясь вызвать напряжение в обществе. … Цель их очевидна: разжечь межнациональные споры в Беларуси, чтобы с мутной воды всплыли на свет Божий интересы третьей стороны – русскоязычного меньшинства, которое

«обижают» на периферии всего бывшего СССР» [12, с. 3]. Статья схожего характера была опубликована в одном из июньских номеров (1993 г.) газеты «Наша слова»: «Не секрет, что имперские силы в бывшем СССР делают ставку на разжигание национальной враждебности в недавно созданных государствах, чтобы развязать в них кровавые войны, ослабить их и в конце концов присоединить к «единой и неделимой». … И вот тут как нельзя кстати пришлось коммунистам ОКО «Поліcьсе». Цель у них простая: в случае победы национально-демократических сил в Беларуси попробовать поднять путч в западнополесском регионе. Вот тут и понадобится Шелягович с компанией, чтобы придать правительству созданной республики какую-то национальную окраску. Только пусть шеляговцы не тешат себя напрасными надеждами: большевикам они быстро станут ненужными, и те найдут способ, чтобы избавиться от своих бывших союзников» [13, с. 2]. Сторонники данной точки зрения часто апеллировали к позитивному отношению Н. Н. Шеляговича к русскому языку, его призывам установить в качестве государственных языков наравне с белорусским русский, западнополесский и польский языки.

Не менее популярной среди критиков западнополесского движения была версия, согласно которой его активисты действовали в интересах Украины. В одном из номеров газеты «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья студента И. Барановского, представлявшая собой критический отзыв на упомянутую публикацию П. Т. Петрикова. И. Барановский отмечал: «Насколько мне известно, ОКО «Поліcьсе» (ятвяги) в неплохих отношениях с «Рухом». А путем утверждения тождественности языка на Волыни и на Брестчине недолго дойти и до вывода, что это все украинский язык, а значит, концепция ятвягов быстро исчезает и остается одна украинская концепция» [14, с. 5]. На упомянутом заседании Ученого совета Института истории АН Беларуси М. М. Чернявский заявил: «Я знаю, что их [активистов западнополесского движения] мечта – присоединение к Украине путем автономии. Они ошибаются. На Украине этой проблемы нет, и никто их там не поддержит, их поглотит в целом здоровая украинская нация» [11, л. 29]. По результатам обсуждения на Ученом совете П. Ф. Лысенко и В. А. Полуяном было подготовлено открытое письмо, опубликованное в республиканском издании «Народная газета» и брестской областной газете «Заря» летом 1992 г. В письме приводились выдержки из статей газеты «Збудінне», авторы которых предлагали возможные пути решения вопроса государственной принадлежности Полесья (автономия в составе Беларуси или Украины, независимое государство и др.). Авторы письма-статьи делали особый акцент на украинском факторе в западнополесском движении: «Видимо, не зря некто В.Л. из Луцка («Збудінне» № 5 за 1989 г.) писал, что «Поліcьсю» необходимо объединиться с украинской организацией «Рух», а населению Западного Полесья войти в состав «Западноукраинского государства». И как бы в такт ему в статье «С кем идет «Поліcьсе», опубликованной в № 8 за 1990 г. газеты «Збудінне» на случай, если не удастся перейти на полесско-ятвяжский язык, утверждается необходимость в перспективе перейти туда» [15, с. 4]. Схожей точки зрения придерживался историк Г. Гречишкин, опубликовавший в феврале 1992 г. статью в газете «Пинский вестник» (на страницах данного издания полесский вопрос обсуждался наиболее активно, причем публиковались материалы как сторонников, так и противников западнополесского движения). Г. Гречишкин считал, что сценарии предоставления региону автономии в рамках Беларуси или создания независимой западнополесской государственности не могли быть реализованы в силу объективных причин. В этой ситуации логичной виделась возможность присоединения региона к Украине: «Логика внутреннего развития заставит вашу организацию («Поліcьсе» – О. К.) выбрать третий путь. Вариант объединенного Полесского края в составе федеративной в будущем Украины объективно оптимален для ОКО «Поліcьсе» независимо от вашего желания. И Вам хорошо известно об этом. Каков же механизм реализации данной цели? По-моему, только один. Это деятельность, направленная на создание условий и психологическую подготовку населения к расчленению Республики Беларусь и присоединению территории Западного Полесья к Украине. Образование на нашей земле «пятой колонны» украинских националистов. Кровь. Смерть. Гибель мирных людей. Иных сценариев история не знает» [16, с. 2].

«Украинский след» в западнополесском движении не следует абсолютизировать. Представители политических и интеллектуальных элит Украины неоднократно позволяли себе крайне нелицеприятные слова в адрес инициатив Н. Н. Шеляговича. Так, в 1994 г. лидер «Руха» В. М. Черновол в интервью газете «Звязда» охарактеризовал попытки обосновать существование отдельного полесского народа как чистый вымысел, отметив, что вместо того, чтобы изобретать «фантастических ятвягов», необходимо просто гарантировать национальные и культурные права украинцев, компактно проживающих в Брестской области Украины [17, с. 337]. Данной позиции придерживалась и украиноязычная пресса в Беларуси. Приведем выдержку из статьи в газете «Голос Берестейщини» (1 января 1994 г.): «Так называемое Общественно-культурное объединение «Поліcьсе» относит украиноязычное население Брестской области к отдельному балтско-литовско-ятвяжскому этносу, который является родственным современным литовцам. То, что эта абсурдная идея о самостоятельном ятвяжском этносе на Полесье, как и само так называемое Общественно-культурное объединение «Поліcьсе», создавались в тихих, надежно защищенных от постороннего взгляда кабинетах, сегодня ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения. Этой организации ее создателями и патронами, которые финансируют и направляют ее деятельность, поставлена задача: сбивать с толку,

вносить как можно большую неясность и путаницу в национальное сознание коренных жителей Брестской области, направлять их мышление на явно ошибочный путь. А искусственно созданным, так называемым полесским литературным языком, своеобразным полесским эсперанто, отталкивать людей от своего родного слова, своей песни, фольклора, культуры» [18, с. 2]. Интересно, что на якобы имевшую место причастность властей к западнополесскому движению указывали и представители национально ориентированной белорусской интеллигенции, и сторонники концепции украинской этнической природы автохтонов Западного Полесья. Однако каждая из сторон совершенно по-разному трактовала причины и последствия такого «сотрудничества».

Таким образом, западнополесское этнокультурное движение конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. столкнулось с резкой критикой со стороны части белорусской интеллигенции. Н. Н. Шеляговичу вменялись в вину стремление к расколу белорусской нации путем ненужной политизации этнокультурных факторов, сепаратизм, желание присоединить западнополесский регион к Украине или использовать «полесскую карту» для реализации реваншистских просоветских проектов. Подчеркивалась антинаучность концепции о ятвяжской этнической природе автохтонных жителей Брестской области. При этом большинство критиков и оппонентов западнополесского движения декларировали свое нейтральное или даже позитивное отношение к развитию локальных культурных форм, но выступали против их использования в политических целях.

1. Казак, О. Г. Русинское этнополитическое движение в современной Украине / О. Г. Казак // Вестник Белорусского государственного экономического университета. Научно-практический журнал. – 2021. – № 4. – С. 105–112.
2. Дынько, А. Пра заходнепалесскі (яцвяжскі) нацыятворчы праект у 1980–1990-х гадах / А. Дынько // Загароддзе – 3: Матэрыялы навук.-краязнаўч. канф. «Палессе ў XX ст.», Беласток, 1–4 чэрвеня 2000 г. / уклад. і агул. рэд. Ф. Д. Клімчука, А. Энгелькінг, В. А. Лабачэўскай. – Мінск, 2001. – С. 29–35.
3. Шэляговіч, М. Голас старажытных балтаў / М. Шэляговіч // Голас Радзімы. – 1982. – 25 лістапада. – С. 2–3.
4. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 20471.
5. Шамякін, І. Мікола Шэляговіч / І. Шамякін // Беларусь. – 1985. – № 12. – С. 14.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 8. Оп. 1. – Д. 383.
7. Гілевіч, Н. Неабачлівасць ці…безадказнась? / Н. Гілевіч // Літаратура і мастацтва. – 1988. – 21 лістапада. – С. 5–6.
8. Неабачлівасць ці…безадказнась. Пошта адной публікацыі // Літ.а і маст. – 1989. – 3 сакавіка. – С. 9–11.
9. Шэляговіч, М. Яцвяжскае (Палескае) адраджэнне / М. Шэляговіч // Беларуская мова і літаратура ў школе. – 1989. – № 12. – С. 6–9.
10. Петриков, П. Загадки полесских пущ / П. Петриков // Политический собеседник. – 1990. – № 7. – С. 30–31.
11. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 962.
12. Хадыка, Ю. Не палешукі, а беларусы / Ю. Хадыка // Наша слова. – 1993. – 28 красавіка. – С. 3.
13. Дрозд, А. Палешукі – людзі разважлівыя / А. Дрозд // Наша слова. – 1993. – 9 чэрвеня. – С. 2.
14. Бараноўскі, І. Суседскія захады? / І. Бараноўскі // Літаратура і мастацтва. – 1991. – 8 лістапада. – С. 5.
15. Лысенка, П. Пазіцыі і амбіцыі Міколы Шаляговіча і яго паплечнікаў. Аб нацыянальнай прыналежнасці Заходняга Палесся і пазіцыях кіраўнікоў аб'яднання «Палісьсе» / П. Лысенка, У. Палуян // Заря. – 1992. – 16 июля. – С. 3–4.
16. Гречишкин, Г. Вопросы без ответов, или наблюдаем ли мы научный прорыв в этнографии? / Г. Гречишкин // Пінскі веснік. – 1992. – 29 лютага. – С. 2.
17. Шевченко, К. Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии / К. Шевченко // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. – М., 2008. – С. 318–342.
18. Козловський, М. Ще раз спитаймо себе: хто ж ми такі насправді / М. Козловський // Голос Берестейщини. – 1994. – 1 січня. – С. 2–3.

УДК 94(430.3):930

ИЗУЧЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА 1945–1990 гг. В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ирина Ковяко
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
klq2034@mail.ru

В статье анализируется использование британскими и американскими исследователями геополитического подхода при изучении германской проблемы 1945–1990 гг. в частности и послевоенной ситуации в регионе Центральной и Восточной Европы в целом. Определены ключевые геополитические модели, которые получили широкое распространение в англо-американской историографии вопроса. Выявлены конкретно-исторические предпосылки

формирования устойчивого интереса академического сообщества Великобритании и США к концепциям финляндизации, Срединной Европы, а также «комплексу Рапалло». Сделан вывод о цикличности интереса исследователей к использованию геополитических моделей, что обусловлено изменениями международного порядка в регионе Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: англо-американская историография; геополитический подход; концепция финляндизации; комплекс Рапалло; концепция Срединной Европы

GERMAN QUESTION 1945–1990 STUDIES IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY: GEOPOLITICAL APPROACH

Iryna Kaviaka
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The use of the geopolitical approach by British and American researchers in the study of the German problem in 1945–1990 in particular and the post-war situation in the region of Central and Eastern Europe as a whole. The key geopolitical models that have become widespread in the Anglo-American historiography of the issue identified. Specific historical prerequisites for the formation of a sustainable interest of the academic community in the UK and the U.S. in the concepts of finlandization and Mitteleuropa, as well as the "Rapallo complex" revealed. In conclusion it is stated that interest of researchers in the use of geopolitical models is cyclical, which is due to changes in the international order in the region of Central and Eastern Europe.

Keywords: Anglo-American historiography; geopolitical approach; the concept of finlandization; Rapallo complex; the concept of Mitteleuropa

Англо-саксонская интеллектуальная традиция обусловила характерные черты англо-американской геополитической школы: прагматизм, прикладной характер исследований, направленность на решение актуальных задач. Формирование ее теоретических основ началось во второй половине XIX в. и вышло на новый уровень с началом Второй мировой войны. Отказ США от политики самоизоляции и последующая вовлеченность в дела послевоенного мироустройства обусловили стремительное увеличение запроса со стороны руководящих структур на передовые аналитические разработки в области геополитики. В странах Запада наблюдается быстрый рост количества разнообразных исследовательских и аналитических центров, фабрик мысли, работа которых ориентирована на удовлетворение потребностей внешнеполитических ведомств и агентств стратегического планирования международной политики. Геополитические модели, разработанные как в рамках англо-американской, так и других национальных школ, применялись при анализе широкого спектра международных проблем послевоенного времени. Предполагалось, что их учет в сфере реальной политики способствует оптимизации внешней политики государства и минимизирует возможные риски.

Германская проблема на протяжении 1945–1990 гг. представляла собой постоянный вызов внешнеполитическим и научно-аналитическим структурам Великобритании и США. За 45 лет существования она пережила неоднократные качественные изменения, которые привлекали пристальное внимание зарубежных исследователей. На каждом из этапов трансформации германского вопроса британские и американские авторы проводили масштабную работу по выявлению причин данных изменений, определению текущего состояния системы и прогнозированию путей ее дальнейшего развития. В научно-аналитический процесс оказались широко вовлечены практики – отставные и действующие сотрудники внешнеполитических ведомств, дипломаты, представители органов безопасности, военные эксперты. Многие из них, покинув службу, продолжали работать преподавателями вузов или аналитиками фабрик мысли. Геополитические модели при анализе германского вопроса использовались с учетом исторического прошлого и практического опыта современности. Систематичность их применения указывает на междисциплинарный и во многом универсальный характер данных разработок. Многие из них не утратили своей актуальности и используются при анализе внешнеполитических событий настоящего времени. Таким образом, изучение заявленной темы имеет не только теоретическую, но и научно-практическую значимость.

Одной из наиболее востребованных геополитических концепций среди британских и американских исследователей стала идея континентального блока и ее производная – «комплекс Рапалло». Рапалльский договор 1922 г. и его последствия оказали большое влияние на восприятие и анализ германской проблемы. Идея союза континентальных держав, которая нашла комплексное обоснование в работах Карла Хаусхофера, стала источником перманентной тревоги англо-саксонского мира. По утверждению немецкого ученого, создание континентального блока государств по оси Берлин – Москва – Токио приведет к отстранению англичан и американцев от участия в делах евразийского континента. Совокупная мощь Германии, России и Японии обеспечит лидерство блока в мировых делах и независимость от влияния

морских держав. Рапалльский договор стал одной из попыток формирования подобной геополитической единицы на практике.

«Комплекс Рапалло» сопровождал анализ германской проблемы с определенной закономерностью. Он проявлялся при изучении отдельных аспектов, которые были связаны с перспективами расширения германо-советского сотрудничества и/или нарастанием советского влияния в Германии и Центральной Европе. Наиболее очевидные ассоциации с Рапалло можно обнаружить в работах, посвященных анализу германского вопроса в зональный период (1945–1949 гг.), изучению программы ремилитаризации ФРГ, реализации новой восточной политики и переговоров об объединении Германии. Главная проблема, которая занимала исследователей, сводилась к перспективам установления более тесных отношений между СССР и ФРГ и возможного решения вопроса об объединении страны в обмен на выход Германии из западных структур. Последнее являлось абсолютно неприемлемым для Великобритании и США. Исследователи по-разному оценивали перспективы развития германской проблемы. В то время, когда одни выступали с пессимистичными сценариями, другие вступали с ними в оживленную дискуссию, доказывая неприменимость данной модели на практике. Тем не менее, сам факт масштабного обсуждения рапалльской тематики свидетельствовал о ее актуальности в рамках германских и европейских исследований [6; 8; 9; 15; 17; 18; 19].

Концепция финляндизации стала еще одним свидетельством использования геополитических разработок в англо-американской историографии. Данная геополитическая модель была разработана в середине 1960-х гг. и проецировала распространение советского влияния в Европе по образцу послевоенной Финляндии – без прямого вмешательства при использовании косвенных механизмов воздействия. Предполагалось, что наиболее чувствительными к косвенному воздействию могут оказаться страны с нерешенными национальными вопросами. Возможная финляндизация ФРГ рассматривалась как серьезная угроза единству западного мира и позициям США в европейском регионе. Данная концепция возрождала призрак единой нейтральной Германии, лавирующей между востоком и западом в преследовании сугубо национальных интересов. Еще более опасным вариантом выглядел переход ФРГ на сторону социализма при готовности Москвы пойти на уступки по германскому единству. Это могло привести к нарушению установленного баланса сил в регионе Центральной Европы.

Идея финляндизации сопровождала анализ двух аспектов германской проблемы: Новой восточной политики ФРГ и дискуссии о расширении полномочий Западной Германии в блоке НАТО в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. В консервативной историографии превалирует точка зрения, что советская политика в отношении ФРГ до второй половины 1980-х гг. была манипуляционной и преследовала цель внести раскол в отношения ФРГ и западных интеграционных структур. Одной из главных задач внешней политики СССР в 1960-е–1970-е гг. авторы назвали финляндизацию Западной Европы, в первую очередь ФРГ. В такой ситуации на рубеже 1970-х–1980-х гг. в условиях нарастания межблоковой напряженности целесообразным представлялось укрепление позиций Западной Германии в НАТО путем ее допуска к контролю над ядерными вооружениями [1; 3; 11; 13].

Историки либерального направления рассматривали риски финляндизации ФРГ как крайне низкие и дали высокую положительную оценку Новой восточной политике Брандта. К числу ее достижений исследователи отнесли развитие разрядки и укрепление позиций Запада в странах Центральной и Восточной Европы, которое происходило, главным образом, путем развития торгово-экономических отношений. Они не считали актуальными вопросы пересмотра функций ФРГ в НАТО и допуска немцев к контролю над ядерным потенциалом блока. В дискуссии с консервативными авторами в качестве главного аргумента был использован тезис о незаинтересованности СССР в уходе американских вооруженных сил и превращении ФРГ в нейтральное государство, способное к проведению независимой и непредсказуемой национальной политики [2; 12; 16].

Падение Берлинской стены и перспектива стремительного объединения Германии актуализировали использование еще одной геополитической модели в англо-американской историографии. На этот раз исследователи обратились к концепции Срединной Европы, разработанной в годы Первой мировой войны немецким политиком Фридрихом Науманом. Основная идея концепции сводилась к целесообразности создания особой сферы германского влияния в регионе Центральной Европы. После поражения Германии в двух мировых войнах идея Срединной Европы на долгое время исчезла из научного и публицистического дискурса. События 1989–1990 гг. способствовали ее возвращению в публикации по германской проблематике. Ввиду значительного усиления экономического и политического потенциала ФРГ в 1980-е гг. возникновение объединенной Германии в центре Европы оживляло исторические ассоциации.

В годы реализации новой восточной политики ФРГ установила тесные торгово-экономические и финансовые контакты с социалистическими странами Европы, и к концу 1980-х гг. перспектива возникновения Срединной Европы стала вполне реальной. В это время в регионе ЦВЕ происходили большие перемены: в результате бархатных революций социалистические режимы уходили в прошлое, ослабление влияния СССР способствовало формированию относительного геополитического вакуума.

Сильная Германия, связанная со странами ЦВЕ историческими, экономическими и культурными факторами, представлялась наиболее вероятной кандидатурой на роль регионального лидера. Перспектива формирования Срединной Европы как региона с исключительным немецким влиянием была неприемлема для Великобритании и США. Рассчитывая на мощный ресурс ФРГ, они отводили ей функцию главного спонсора стран ЦВЕ при переходе к рыночной экономике [5; 10; 14].

Тревожные оценки ситуации в регионе ушли из публикаций к концу 1990-х гг. в связи с начавшимся процессом вступления бывших социалистических стран в западные интеграционные структуры. Вовлечение государств региона в НАТО значительно укрепляло позиции США и исключало возможность создания Срединной Европы как зоны особого влияния Германии [4; 7; 20].

Таким образом, при изучении послевоенного германского вопроса в англо-американской историографии наблюдается широкое использование концепций классической и современной геополитики. Наиболее востребованными оказались геополитические модели континентального блока и «комплекса Рапалло», концепции финляндизации и Срединной Европы. Все они являлись отражением присущих Великобритании и США опасений в отношении сближения Германии с СССР и/или чрезмерного усиления немецкого влияния в Центральной и Восточной Европе. К концу 1990-х гг. исследователи пришли к выводу, что интеграционные модели Запада, выработанные после Второй мировой войны, доказали свою эффективность и позволили англо-саксонскому миру избежать неблагоприятных сценариев. В последующие годы использование данных геополитических моделей утратило прежнюю актуальность.

1. Balfour, M. West Germany / M. Balfour. – New York : Praeger, 1968. – 344 p.
2. Clemens, W.C. The Soviet world faces West: 1945–1970 / W. C. Clemens // International Affairs. – 1970. – Vol. 46. – №3. – P. 475–489
3. Crawley, A. The rise of Western Germany, 1945–1972 / A. Crawley. – London : Collins, 1973. – 315 p.
4. Dorff, R.H. Germany and the Future of European Security / R. H. Dorff // World Affairs. – 1998. – Vol. 161. – No. 2. – P. 59-68 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.jstor.com/stable/20672543. Accessed: 20.09.2020
5. Duke, S. Germanizing Europe: Europeanizing Germany? / S. Duke // Security Dialogue. – 1994. – Vol. 25. – No. 4. – P. 425-436. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.jstor.com/stable/44471478. Accessed: 20.09.2020
6. Dulles, A.W. Alternatives for Germany / A. W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – №3. – P. 421-432
7. Farrar, L. Is Germany Dangerous? / L. Farrar // The Brown Journal of World Affairs. – 1996. – Vol. 3. – No. 2. – P. 355-361 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/24590164. Accessed: 13.08.2021
8. Fulbrook, M. A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / M. Fulbrook. – Oxford: Willey-Blackwell, 2009. – 737 p.
9. Gaddis, J.L. The long peace. Inquiries into the history of cold war / J. L. Gaddis. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 332 p.
10. Garton Ash, T. In Europe's name: Germany and the divided continent / T. G. Ash. – New York : Random House, 1993. – 664 p.
11. Griffith, W. The American view / W. Griffith // Germany between East and West / Ed. by E. Moreton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 49–63
12. Lebow, R.N. The Soviet Offensive in Europe: The Schlieffen Plan Revisited? / R.N. Lebow // International Security, Vol. 9, №4 (Spring, 1985). – P. 44–78 [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.jstor.org/stable/2538541. Accessed : 23.09.2018
13. McCauley, M. Marxism-Leninism in the German Democratic Republic / M. McCauley. – London : Macmillan, 1979. – 267 p.
14. Okey, R. Central Europe / Eastern Europe: Behind the Definitions / R. Okey // Past & Present. – 1992. – No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. – P. 102-133. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.jstor.com/stable/650853. Accessed: 20.09.2020
15. Ryder, A.J. Twentieth century Germany: from Bismarck to Brandt / A.J. Ryder. – New York: Columbia University, 1973. – 656 p.
16. Sodaro, M.J. Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev / M.J. Sodaro. – Ithaca; London : Cornell University, 1990. – 423 p.
17. Stent, A. From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980 / A. Stent. – Cambridge: Cambridge University, 1981. – 328 p.
18. Stent, A. Russia and Germany reborn: unification, the Soviet collapse, and the new Europe / A. Stent. – Princeton: Princeton University, 1999. – 300 p.
19. Tetens, T.H. Germany plots with the Kremlin / T.H. Tetens. – New York: H. Schuman, 1953. – 294 p.
20. Watson, A. Choices Change for Germany / A. Watson // The World Today. – 1998. – Vol. 54. – No. 8/9. – P. 212-215. [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/40476162. Accessed: 13.08.2021

УДК 1(091)(08)

«ВСПУЛЬНОТА ПОЛЬСКА» И ЕЕ ВЗАИМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ПОЛЬСКИМИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В БЕЛАРУСИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОЯВЛЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Андрей Кручковский ; Тадеуш Кручковский
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

Одним из элементов концепции «мягкой силы», которая рассматривается в статье, является политика Польши в отношении польского национального меньшинства в Беларуси в виде такого инструмента как крупнейшая в стране неправительственная организация (НПО) – **«Вспульнота Польска».** В рамках политики «мягкой силы» она оказывает поддержку соотечественникам за рубежом, помощь в организации и деятельности **национально-культурным общественным** организациям польской диаспоры, поддержка и продвижение национального языка и культуры. В данном контексте заявленная проблематика не изучалась.

Ключевые слова: национально-культурные объединения; «Вспульнота Польска»; Польша; Беларусь; «мягкая сила»

"VSPULNOTA POLSKA" AND ITS INTERACTION WITH POLISH NATIONAL-CULTURAL PUBLIC ASSOCIATIONS IN BELARUS IN THE 90S OF THE XX CENTURY AS AN ELEMENT OF MANIFESTATION OF "SOFT POWER"

A. W. Kruczkowski ; T. T. Kruczkowski
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

One of the elements of the concept of "soft power", which is considered in the article, is Poland's policy towards the Polish national minority in Belarus in the form of such an instrument as the country's largest non-governmental organization (NGO) - "Vspulnota Polska". As part of the "soft power" policy, it provides support to compatriots abroad, assistance in the organization and activities of national-cultural public organizations of the Polish diaspora, support and promotion of the national language and culture. In this context, the stated problem has not been studied.

Keywords: national and cultural associations; «Vspulnota Polska»; Poland; Belarus; «soft power»

Польша принадлежит к группе европейских государств, имеющих крупное национальное меньшинство за пределами своих границ. В настоящее время Польша (в отличии от Первой и Второй Речи Посполитой) одна из немногих практически мононациональных европейских государств. В этническом отношении Польша вернулась к своему состоянию с XIV века. Польское национальное меньшинство в Беларуси (большая часть которого проживает на Гродненщине) является этнической частью польского народа.

Беларусь и Украина играли в 1990-е годы особую роль в рамках построения внешнеполитического курса Польши. Однако, особенно в первой половине 1990-х годов, внешнеполитические акценты Польши были смещены на Запад (это было так называемое «бегство от Востока»).

Основные приоритеты в политике по отношению к странам Восточной Европы обозначены как поддержка Польшей демократических реформы в этих странах и призыв их к развитию более тесных связей с ЕС и НАТО. Основой для этих действий должны быть принципы свободы, демократии, рыночной экономики и перспективы интеграции с евроатлантическими институтами, которые выражают эти ценности.

Польша была одной из первых стран, которые смогли выйти из коммунистического блока. В умах многих она долгое время оставалась символом борьбы за демократию, поэтому в ней видели страну, способную экспортировать демократические ценности и защищать символ свободы. Польша особенно была активна в странах, в которых гражданские права и свободы, по ее мнению, находились под угрозой. По этой причине «защищая демократические ценности» в Беларуси, польское руководство в начале 1990-х годов отказалось от предложения С. Шушкевича о таможенном союзе, а во второй половине 1990-х годов не смогло установить взаимовыгодные отношения с правительством А. Лукашенко. В настоящее время эти действия польского руководства, не учитывающие реальных национальных интересов и интересов польского национального меньшинства в РБ, подвергаются критике ряда политиков, историков и политологов [1–10 и др.].

Культурно-национальная специфика поляков на территории современной Беларуси, и особенности Гродненщины как наиболее компактного региона их проживания, проявляется в ряде характеристик, определенных как историческим прошлым, так и современной действительностью [11]. К ним большинство исследователей относят конфессиональную принадлежность, польский язык как сохраняющуюся связь с национальным кодом страны происхождения, «качественно» иная интерпретация истории Польши и польского национального меньшинства, чем в стране их проживания, польский фольклор, семейно-бытовые традиции [1–18 и др.]. Большинство современных исследователей, как в Польше, так и в Беларуси, подчеркивают принадлежность поляков современной Беларуси к части польского этноса [7–18 и др.].

Одной из составляющих, как известно, внешнеполитической деятельности современных государств является концепция «мягкой силы» (softpower). Автор концепции, американский исследователь Джозеф Най, определял «мягкую силу» как способность государства влиять на поведение других и достигать желаемых результатов путём использования методов кооптации, навязывания повестки дня, убеждения и позитивного привлечения. Согласно Дж. Наю, с помощью «мягкой силы» «страна может достигать желанных результатов, потому что другие, восхищаясь ее ценностями и стремясь к такому же уровню процветания, будут следовать ей» [19, P. 5]. Положительное восприятие страны и её населения гражданами других стран является крайне важным ресурсом «мягкой силы». От этого во многом зависит успешность развития экономических и политических отношений, а также возможность продвигать свои интересы.

Официальная современная польская интерпретация термина «мягкая сила» звучит так: «систематическое взаимодействие и диалог с обществом в других странах, привлекая внимание граждан, завоевывая сердца и умы для защиты польских интересов, польского видения, основных ценностей польского общества и, следовательно, польской культуры и поляков, как таковых. Она является хорошим методом для улучшения польского имиджа за границей, для проведения политики «мягкой силы» по отношению к институтам и лидерам, которые принимают решения» [20]. Формами реализации политики «мягкой силы» является развитие общественной дипломатии, молодежные программы, обмены, проекты, деятельность НПО, региональное и муниципальное взаимодействие и т. д.

В Польше в настоящее время действует теоретическая норма, согласно которой поляки в стране и за рубежом – это единый польский народ. Защита прав соотечественников закреплена в Польше на конституционном уровне. После политических перемен 1989 года в Польше проблема защиты прав поляков за рубежом страны и сотрудничества с ними приобрела государственный статус. Защита прав соотечественников закреплена в Польше на конституционном уровне.

Во времена уже Второй Речи Посполитой была создана система форм сотрудничества и связи с польским национальным меньшинством за границей. Она основывалась в основном на системе государственных органов, общественные организации играли второстепенную роль. В период ПНР никаких форм сотрудничества и связи с польским национальным меньшинством в БССР не существовало. Политика советской власти по денационализации поляков, их советизации и ассимиляции, не допускала подобных контактов.

В Польше в 1990-е годы система основных направлений и форм культурных связей с представителями своей этнической группы начала только складываться. В результате она имела двойственную структуру: с одной стороны это – правительственные органы (как это осуществляется в Германии), а с другой стороны это – различные общественные организации и органы местного самоуправления.

Большое значение в работе с соотечественниками придается неправительственным организациям (НПО), через которые до 2012 года только Сенат предоставлял финансовую помощь Полонии. Самой крупной в 1990-е годы являлась «Вспульнота польска» (Stowarzyszenie «Wspólnota Polska», Польское содружество) [21]. Действовала она в 1990-е годы под патронатом Сената РП, а затем, особенно с начала 2000-х годов, так же и МИДа Республики Польша. Начиная с 1990 года, Сенат РП распоряжался значительными финансовыми средствами на развитие Полонии, преимущественно на реализацию общеобразовательных проектов для поляков за рубежом (около 26 % всех средств), развитие польской культуры (более 17 %), поддержку польских и пропольских зарубежных СМИ (около 10 %) [21].

Кроме «Вспульноты польской» крупными неправительственными организациями, созданными в 1990-е годы, были: фонд «Помощь полякам на Востоке» (создан в 1992 году) и «Semper Polonia» (создана в 1997 году).

«Вспульнота польска» как неправительственная организация была создана в 1990 году на основе, действующей в период ПНР правительственной структуры по взаимодействию с польскими общинами на Западе «Полониия», путем передачи всего ее имущества и организационной структуры. Организация была создана в феврале 1990 года по инициативе тогдашнего маршала Сената РП профессор Анджея Стельмаховского, который был активным участником «круглого стола» (заключительного этапа процесса общественно-политических реформ в ПНР конца 1980-х годов XX века. Анджей Стельмаховски был председателем «Вспульноты польской» до 11 мая 2008 года.

«Вспульнота польска» – неправительственная организация Республики Польша, целью которой является укрепление связей с Польшей польской диаспоры и лиц польского происхождения. Организация реализует различные программы культурно-просветительской направленности, в том числе: поддержка преподавания польского языка за границей на всех уровнях; поддержка польской культуры за рубежом; поддержка зарубежных польских и полонийных организаций; благотворительность – поддержка польской диаспоры в странах СНГ; поддержка профессиональной и экономической активности польской диаспоры; развитие молодёжных организаций, харцерства и спорта; популяризация полонийной деятельности и т.д. [21].

Головной офис «Вспульноты польской» *находится* в Варшаве, а филиалы в 14 воеводских городах. Региональные отделения ассоциации находятся в нескольких десятках крупнейших польских городов. Функционирует несколько «домов Полонии», в том числе в Кракове, Познани, Люблине, Белостоке, Седльцах, Пултуске и др. [21]. «Вспульнота польска» издает методическое пособие «Polszczyzna, Swojszczyzna», предназначенное для учителей польской диаспоры.

В 1990-е годы «Вспульнота польска» стала основной неправительственной организацией Республики Польша работающей с Полонией во всем мире по размаху финансирования и широте направлений своей деятельности: от образования до экономического сотрудничества. Уже в 2000-е годы в Польше в области сотрудничества с Полонией появится ряд специализированных неправительственных организаций.

«Вспульнота польска» в 1990-е годы профинансировала в Беларуси строительство двух общеобразовательных школ: в Гродно (1997 г.) и в Волковыске (1999 г.), а так же 8 Домов Поляка, ставшими в регионах центрами возрождения польской культуры и образования: в Гродно, Лиде, Волковыске, Щучине, Порозово, Рубежевичах, Могилеве, Витебске. В период 2000-2004-х годов «Вспульнота польска» профинансировала в Беларуси строительство или выкупила здания для Домов Поляка в Новогрудке, Минске, Борисове, Ошмянах, Ивенце. Самым крупным из них (более 1500 квадратных метров) стал Дом Поляка в Ивенце. Собственником этого недвижимого имущество стал Союз поляков Беларуси.

«Вспульнота польска» является так же инициатором предоставления стипендий Польского Сообщества (стипендии «Wspólnoty Polskiej»), которые выплачивается ею и МИДом из стипендиального фонда им. кардинала Стефана Вышинского.

Начиная в середины 1990-х годов в Польше под патронатом «Вспульноты польской» регулярно проходили Всемирные экономические конференции для польской диаспоры (World Economic Conference of Polish Diaspora), которые привлекают бизнесменов из многих стран, включая Аргентину, Беларусь, Бразилию, Великобританию, Германию, Испанию, Канаду, Литву, Таиланд, Саудовскую Аравию, США, Украину, Францию, Южную Африку. Участники таких мероприятий в ходе встреч с руководством Польши настоятельно требуют улучшения инвестиционного климата в стране для представителей польской зарубежной общины.

Углублению контактов с Польшей служат так же такие различные формы сотрудничества как: форум полонийных учителей, форум полонийных врачей, полонийные олимпийские игры и т.д. [21].

По инициативе и под патронатом «Вспульноты польской» проводились Всемирные конгрессы Полонии: первый Всемирный конгресс Полонии (Рим, 1996 г.), второй Всемирный конгресс Полонии (Варшава, 2001 г.). По предложению второго Всемирного конгресса Полонии отмечается 2 мая как день Полонии и поляков за границей. Эта дата была выбрана не случайно, еще перед войной в этот день отмечали «Праздник Польского Эмигранта».

«Вспульнота польска» свою деятельность на территории Беларуси осуществляла путем сотрудничество с национально-культурными общественными объединениями польского меньшинства. Ещё в 1988 году в Гродно было образовано Польское общественно-культурное объединение им. Адама Мицкевича. В 1990 году оно было преобразовано в общественное объединение – Союз поляков Беларуси. Он долго был самой большой общественной организацией в стране. При нём действовало 16 Польских домов, множество общественных организаций, творческих союзов. Издавалась газета «Glos znad Niemna» и журнал «Magazyn Polski». Это целая инфраструктура польского «мягкого влияния» (в основном в западных областях страны) [22–23]. В 1996 году в Гродно была создана организация польского национально**го** меньшинства, занимающаяся возрождением образования на польском языке «Польска мацеж школьна» [24].

Таким образом, в 1990-е годы в Польше начала складываться система основных направлений и форм культурных связей с представителями своей этнической группы, как одно из проявлений концепции «мягкой силы». Крупнейшей и наиболее влиятельной из польских неправительственных организаций в 1990-е годы стала «Вспульнота польска», целью которой является укрепление связей с Польшей польской диаспоры и лиц польского происхождения.

Опыт деятельности этой неправительственной организации может быть использованы представителями государственных органов Республики Беларусь (прежде всего МИДа и аппаратом

Уполномоченного по делам религии и национальностей) в выработке концепции сотрудничества белорусского государства со своей диаспорой в Польше в частности, и за рубежом в целом.

1. Dzwonkowski, R. Od Kościoła polskiego do Kościoła Polaków na Wschodzie? // Sympozjum 1999. – №1. – S. 64–80.
2. Dzwonkowski, R. Polacy w Kościele katolickim na Wschodzie – czego oczekują? // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. – Grodno, 2003. – S. 21–29.
3. Dzwonkowski, R. Polacy w Kościele katolickim na Wschodzie (1939–2011). – Toruń, 2011.
4. Kruczkowski, T. Czy Polacy na Białorusi są spisani na straty? // Więź. – Warszawa, 2003. – № 1. – S. 166–173.
5. Kruczkowski, T. Zagadnienia dotyczące świadomości narodowej Polaków na Białorusi w polskiej historiografii na początku XXI wieku // Doctrina. Studia społeczno-polityczne, Siedlce, 2020. – №. 16. – S. 61–81.
6. Kruczkowski, T. Białoruś: wybory 2020 roku i polska mniejszość narodowa // Історичні і політологічні дослідження. Вінниця. – 2020. – №. 2. – С. 218–225.
7. Winnicki Z. J. Białoruskie środowiska «narodowo-opozycyjne» wobec polskiego odrodzenia narodowego w Białoruskiej SSR. Republice Białoruś. Uwagi. Wschodnioznawstwo. – Wrocław. – 2013. – S. 159–18.
8. Winnicki, J. Stan obecny i perspektywy polskiej mniejszości narodowej na Białorusi // Polacy poza granicami kraju w progu XXI wieku. Różne oblicza polskiej tożsamości, M. Michalska (red.). – Wrocław. – 2011. – S. 126–147.
9. Puzyna, J. Duszpasterstwo Polaków na Białorusi – dzisiaj i jutro / Polityczne, religijne i kulturalne aspekty sprawy polskiej na kresach wschodnich. Pod redakcją B. Grotta. Kraków, 2009. – S. 167-168.
10. Giebień H. Kościół rzymskokatolicki jako narzędzie zmiany stosunków narodowościowych na przykładzie współczesnej Białorusi // Wiedza religioznawcza w badaniach politologicznych. Olgierd Grott (red.). – Warszawa, 2015.
11. Кручковский, Т.Т. Поляки в Беларуси на фоне истории и современности / Т.Т. Кручковский. – Слоним, 2003. 272 с.
12. Kruczkowski, T. Problem pochodzenia ludności polskiej na Białorusi: zarys his toriograficzny / T. Kruczkowski // Droga ku wzajemności. – Grodno, 2007. – S. 250–260.
13. Nowak, A. Kresy – historia bez końca / A. Nowak // Dzieje Kresów. – Kraków, 2006.
14. Кручковский, Т. Т. Этнические традиции поляков современного Гродненского региона Белоруссии / Т.Т. Кручковский // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. – Чебоксары. 2018. № 13. – С. 52–65.
15. Ластовский, А. Л. Этнокультурная идентичность поляков в Беларуси // Социология. 2011. № 1. – С.121–129.
16. Giebień, H. Język liturgii rzymskokatolickiej oraz język ojczysty Polaków w rejonie lidzkim / H. Giebień // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej. – Grodno, 2004. – S. 57–73.
17. Jarmusik, E. Kościol katolicki wobec problemów narodowościowych na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. – Grodno, 2003. –S. 124–132.
18. Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi / E. Skrobocki (red.). –Grodno, 2003–2005. – T. I–III.
19. **Nye, J.** Soft power: The Means to Success in World Politics / **J. Nye**. – New York: Public Affairs. 2004.
20. Kierunki promocji Polski do 2015 roku (Directions of Polish Promotion till 2015). – Wrocław. – 2011.
21. Wspolnota Polska http://www.wspolnotapolska.org.pl (дата обращения: 20.10.2021).
22. Giebień, H. Działalność Związku Polaków na Białorusi w latach 1987-2005 na tle sytuacji społeczno-politycznej w Białoruskiej Socjalistycznej Republice Radzieckiej / Republice Białoruś. – Wrocław, 2014. – 348 s.
23. Giebień, H. Rozwój strukturalny Związku Polaków na Białorusi w latach 1989-2005 // Winnicki Z.J. (red.). Polska Mniejszość narodowa na Białorusi. – Białystok, 2010. – S. 173-187.
24. Polska Macierz Szkolna https://pmsh.tam.by (дата обращения: 20.10.2021).

УДК 94 (476):[377.1:63]-053.81

НАЦЫЯНАЛЬНАЕ ПЫТАННЕ Ў ІДЭАЛОГІІ І ПРАКТЫЦЫ САЮЗА СЕЛЬСКАЙ МОЛАДЗІ – САЮЗА МАЛАДОЙ ВЁСКІ

Віталій Крывуць

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, Баранавічы, Беларусь

krivut@mail.ru

Нацыянальнае пытанне знайшло пэўнае адлюстраванне ў ідэалогіі праўрадавага руху сельскай моладзі міжваеннай Польшчы. Прадугледжвалася як эміграцыя яўрэйскай меншасці, так і братэрскае супрацоўніцтва са славянскімі меншасцямі. Але ў рэчаіснасці, у апошнім выпадку, ідэйныя пастулаты заставаліся толькі на паперы. На практыцы ажыццяўляўся курс на паланізацыю вясковай моладзі, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Ключавыя словы: сельская моладзь, маладзёжныя арганізацыі, нацыянальныя адносіны, міжваенны перыяд, Заходняя Беларусь

NATIONAL ISSUE IN THE IDEOLOGY AND PRACTICE OF THE UNION OF RURAL YOUTH - UNION OF YOUNG VILLAGE

Vitali I. Kryvuts
Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

The national issue was reflected in the ideology of the pro-government rural youth movement in interwar Poland. Both the emigration of the Jewish minority and fraternal cooperation with the Slavic minorities were envisaged. But in reality, in the latter case, ideological postulates remained only on paper. In practice, a course was carried out for the polonization of rural youth, including in Western Belarus.

Key words: rural youth, youth organizations, national relations, interwar period, Western Belarus

У міжваенны перыяд у польскай дзяржаве, у тым ліку і на акупаванай тэрыторыі Заходняй Беларусі, дзейнічаў шэраг праўрадавых маладзёжных арганізацый. К канцу 1930-х гг. адным з найбольш уплывовых і масавых сярод іх быў Саюз маладой вёскі (СМВ). Па падліках польскіх гісторыкаў, агульная колькасць яго членаў у 1938 г. дасягнула 170 000 чалавек [1, с. 165]. Што тычыцца непасрэдна Заходняй Беларусі, то ў Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах на той мамант было зарэгістравана 1 208 гурткоў СМВ, якія налічвалі 36 275 членаў [2, с. 30].

Неабходна адзначыць, што к гэтаму часу дадзенае аб'яднанне прайшло значную арганізацыйную эвалюцыю. Першыя гурткі сельскай моладзі ўзніклі на этнічных польскіх землях яшчэ да Першай сусветнай вайны. У чэрвені 1919 г. у Варшаве адбыўся з'езд, на якім было заяўлена пра стварэнне Цэнтральнага саюза сельскай моладзі (ЦССМ). Галоўнай задачай арганізацыі былі "выхаванне і падрыхтоўка добрых, разумных і актыўных грамадзян Польшчы". Планавалася ажыццяўляць гэта праз правядзенне шырокай культурна-асветніцкай працы, ваеннай падрыхтоўкі і фізічнага выхавання. Пры гэтым адзначалася, што арганізацыя "абапіраецца на гранітны фундамент хрысціянскага вучэння, імкнецца да актыўнай яго рэалізацыі ў асабістым і калектыўным жыцці праз выкананне прынцыпаў любві і братэрства" [3, с. 147].

У 1928 г. у ЦССМ адбыўся раскол на базе адносін на "санацыі". Праціўнікі кіруючага рэжыму стварылі Саюз сельскай моладзі Рэчы Паспалітай "Віцы". Прыхільнікі "санацыі" арганізавалі Саюз сельскай моладзі "Сеў" (ССМ "Сеў"). Пры гэтым на тэрыторыі Заходняй Беларусі большая частка арганізацый сельскай моладзі падтрымала "санацыю" [4, с. 5 – 6]. На Палессі і Віленшчыне дзейнічалі ваяводскія філіялы ССМ. А ў Навагрудскім ваяводстве пасля расколу ЦССМ аформіўся аўтаномны Саюз сельскай моладзі Навагрудскай зямлі. У 1930 г. на спецыяльным з'ездзе гэтай арганізацыі было прынята рашэнне "у імя дабра маладой украінскай вёскі і ў імя дзяржаўнай справы захаваць самастойнасць і незалежнасць ад цэнтралей у Варшаве, каб абараніць нашу тэрыторыю ад непажаданай і шкоднай арганізацыйнай барацьбы ў нездаровай атмасферы" [5, арк. 4]. Аднак гэтая аўтаномія была вельмі адноснай. Так навагрудскі саюз накіроўваў сваіх дэлегатаў на ўсе канферэнцыі і курсы, якія праводзіў ССМ "Сеў", а таксама выкарыстоўваў яго выдавецкія магчымасці [6, с. 65].

Арганізацыйная раздробленасць праўрадавага руху сельскай моладзі значна зніжала яго эфектыўнасць. Неабходна ўлічваць і тое, што сур'ёзным канкурэнтам праўрадавых саюзаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў мясцовы камсамол, які з'яўляўся найбольш рашучым праціўнікам афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. У сувязі з гэтым польскія ўлады ўзялі курс на аб'яднанне і ўніфікацыю "сваіх" саюзаў сельскай моладзі. У выніку 4 верасня 1934 г. ССМ "Сеў" аб'яднаўся з шэрагам іншых, у тым ліку і рэгіянальных арганізацый. Так узнік Саюз маладой вёскі. У кіраўніцтве новай арганізацыі вядучую ролю адыгрывалі былыя функцыянеры ССМ "Сеў" [7, с. 19].

У статуце СМВ аб'яўляўся "аб'яднаннем ваяводскіх і рэгіянальных саюзаў сельскай моладзі", якое мае мэтай інтэлектуальнае, этычнае, грамадскае, фізічнае і прафесійнае выхаванне чалавека ў духу поўнага развіцця яго асобы і падрыхтоўкі яго да творчага і арганізаванага ўдзелу ў жыцці вёскі, нацыі і дзяржавы [8, с. 1 – 2]. Зразумела, што ў статуце мелася на ўвазе жыццё польскай нацыі і польскай дзяржавы.

Тым не менш, кіраўніцтва праўрадавага руху сельскай моладзі павінна было ўлічваць шматнацыянальны характар тагачаснай польскай дзяржавы. Згодна са статутнымі дакументамі, членамі ССМ маглі быць паўналетнія грамадзяне Польшчы [9, с. 4]. Гэта значыць, што фармальна ў арганізацыю маглі ўступаць і маладыя вяскоўцы-беларусы. Аднак, ідэйныя дакументы ССМ фактычна не закраналі нацыянальнага пытання. У якасці прыкладу можна прывесці "Ідэйныя дырэктывы Цэнтральнага саюзу сельскай моладзі" (1933 г.), у якіх нават не ўпамінаецца пра нацыянальныя меншасці тагачаснай польскай дзяржавы [10].

Сітуацыя змянілася пасля стварэння СМВ. У чэрвені 1937 г. кіраўнік саюза С. Герат на кангрэсе арганізацыі ў Варшаве зрабіў даклад на тэму "Ідэйна-выхаваўчыя прынцыпы Саюза маладой вёскі". У ім былі сцісла сфармуляваны пазіцыі СМВ у адносінах да шэрагу праблем (абараназдольнасць дзяржавы,

рэлігія, культура і асвета, эканамічныя праблемы, выхаваўчыя задачы). Таксама дакладчык закрануў праблему нацыянальных меншасцей тагачаснай Польшчы. У адносінах да яўрэяў дэкларавалася наступнае; “Асуджаючы ўсе жорсткія гвалты, як прыніжальныя для душы польскага народу, мы, аднак, заяўляем, што ў перанаселенай польскай дзяржаве эміграцыя павінна ўключаць у першую чаргу яўрэйскія масы, як элемент чужы польскай нацыі і шкодны для эканамічнага жыцця Польшчы” [11, с. 416].

Што тычыцца славянскіх меншасцей, беларусаў і ўкраінцаў, то ў адносінах да іх было заяўлена пра імкненне да братэрства, “заснаванага на асноўных прынцыпах патрыятычнай сялянскай ідэалогіі”. Таксама падкрэслівалася своеасаблівая “цывілізатарская” місія СМВ: “Усю ўнутраную энергію на нацыянальных тэрыторыях мы накіроўваем на ўдасканаленне культуры і цывілізацыі і на выраўноўванне ўзроўню з землямі цэнтральнай і заходняй Польшчы” [11, с. 416 – 417].

Дадзеныя пастулаты знайшлі адлюстраванне і ў “Ідэйна-выхаваўчай дэкларацыі” СМВ. Яна была прынята на з’ездзе дэлегатаў саюза ў Варшаве 19 снежня 1937 г. Дэкларацыя зноў называла яўрэйскае насельніцтва чужым для польскай нацыі элементам, які неабходна браць пад увагу пры складанні эміграцыйнага плану для празмернага насельніцтва [12, с. 6]. Такі падыход цалкам адпавядаў ідэям “санацыйнага” лагера, які імкнуўся вырашыць “яўрэйскае пытанне” праз эміграцыю.

Дарэчы, у канцы 1937 г. Назіральная рада СМВ апублікавала спецыяльную пастанову адносна “яўрэйскага пытання”. У ёй яўрэі абвяшчаліся “перашкодай на шляху да свабоднага развіцця нашага нацыянальнага жыцця, як у гаспадарчай, так і ў культурнай і грамадскай сферах”. Было заяўлена, што ў хуткім, але мірным і гуманітарным вырашэнні “яўрэйскага пытання” зацікаўлена не толькі польская нацыя, але і масы яўрэйскага насельніцтва. Такім вырашэннем прызнавалася эміграцыя. Акрамя таго, сцвярджалася, што сапраўднаму вырашэнню праблемы будзе садзейнічаць рэалізацыя праграмных прынцыпаў СМВ, у тым ліку: а) хуткае правядзенне аграрнай рэформы, “дзякуючы чаму знікне значная колькасць вялікіх зямельных уладанняў, якія трымаюць у арэндзе яўрэі”; б) доступ вясковай моладзі да прафесійнай, сярэдняй і вышэйшай адукацыі, “што будзе самым эфектыўным сродкам вызвалення ад яўрэяў эканамічнага жыцця і вольных прафесій і супрацьдзеяння ўсё большаму пранікненню яўрэяў у публічнае жыццё”. Адначасова асуджаўся антысеміцкі гвалт, які вядзе “да здзічэння культуры і анархіі публічнага жыцця”. Кіраўніцтва СМВ рашуча супрацьстаяла такім метадам і заклікала не дапускаць іх пераносу ў вёску [13, с. 2].

Калі вяртацца да славянскіх меншасцей Польшчы, то “Ідэйна-выхаваўчая дэкларацыя” СМВ, як і раней, падкрэслівала імкненне да паглыблення братэрства на аснове “патрыятычнай сялянскай ідэалогіі”. Гэтая ідэалогія, на думку аўтараў дэкларацыі, выцякае з пачуцця дзяржаўнага адзінства. Таксама дэкларавалася імкненне саюза да “рэалізацыі агульных і вялікіх мэт Рэчы Паспалітай” [12, с. 6].

Фактычна СМВ падтрымліваў “санацыйную” палітыку дзяржаўнай асіміляцыі беларусаў і ўкраінцаў, прыкрываючыся прыгожымі словамі пра братэрства славянскіх народаў. На практыцы да рэальнага братэрства ў дзейнасці ССМ – СМВ на тэрыторыі Заходняй Беларусі было вельмі далёка. Гэта выдатна дэманструе нацыянальны склад арганізацыі ў рэгіёне.

У заходнебеларускіх ваяводствах членамі ССМ – СМВ былі дзеці працаўнікоў мясцовай польскай адміністрацыі, асаднікаў, палякаў і беларускіх сялян польскай арыентацыі [14, с. 297]. У якасці прыкладу можна прывесці дадзеныя пра нацыянальны склад ССМ Ашмянскага павету за 1933 г. Тут з 622 членаў арганізацыі палякамі былі 563 чалавекі, беларусамі з’яўляліся 49 і літоўцамі – 10 [15, с. 6]. Усяго ж па Віленскаму ваяводству ў 1934 г. у 248 гуртках ССМ было 3 610 членаў, з іх палякаў – 3 016, беларусаў – 395, літоўцаў – 140 чалавек. Тагачасная афіцыйная польская прэса заяўляла, што “усе яны без якой-небудзь нацыяналістычная нянавісці разам працуюць над вывядзеннем сваіх вёсак з цемры і галечы. Веліч гэтай задачы прымірае і гасіць усе антаганізмы, якія імкнецца прышчапіць нядобрасумленная палітычная агітацыя” [16, с. 8].

Пры гэтым неабходна адзначыць, што ўлады імкнуліся да таго, каб мясцовыя арганізацыі саюза ўзначальвалі менавіта палякі. Так, у адным з дакументаў аддзела грамадскай бяспекі Палескага ваяводства адзначалася, што “стварэнне змешаных арганізацый пажаданае пры ўмове, што кіраўніцтва такіх арганізацый павінна знаходзіцца ў польскіх руках і ў праўленнях павінен мець перавагу польскі элемент”. Той жа дакумент даручаў павятовым старастам праверыць, ці “не з’яўляецца наплыў непольскай моладзі ў гурткі сельскай моладзі планавай працай антыдзяржаўных элементаў з мэтай разгрому польскіх арганізацый на вёсцы” [17, арк. 12].

Дэкларацыйным заявам пра братэрства супярэчыла і дзейнасць ССМ – СМВ, якая на тэрыторыі Заходняй Беларусі насіла яўны паланізатарскі характар. Напрыклад, з мэтай прыцягнуць беларускую моладзь тэатральныя гурткі ССМ – СМВ час ад часу спрабавалі ставіць творы беларускіх аўтараў. Але гэта была дастаткова рэдкая з’ява, якую польскія ўлады лічылі не лаяльнай. У справаздачы аддзела грамадскай бяспекі Палескага ваяводства ў сувязі с дзейнасцю ССМ паведамлялася: “У канцы 1928 г., калі асобныя гурткі яшчэ знаходзіліся ў стадыі арганізацыі, сярод моладзі, якая цягнулася да гэтых гурткоў, можна было заўважыць тэндэнцыю да правядзення аматарскіх спектакляў пераважна толькі на ўкраінскай ці беларускай

мовах, зараз гэты кірунак цалкам змяніўся, і ўся моладзь на чале са сваім кіраўніцтвам з'яўляецца цалкам лаяльнай і добра настроенай у адносінах да польскай дзяржавы" [18, арк. 2]. Чысціня рэпертуару падтрымлівалася пры дапамозе адміністрацыйных сродкаў. Калі ў верасні 1934 г. у адной з вёсак Браслаўскага павету група моладзі з ССМ падрыхтавала спектакль па п'есе Я. Купалы "Паўлінка", ён быў забаронены па прычыне неадпаведна абсталяванай сцэны [19, с. 12].

Вельмі часта польскія ўлады выкарыстоўвалі "свае" маладзёжныя саюзы для ліквідацыі беларускіх нацыянальных асветніцкіх арганізацый. У адной са справаздач МУС Польшчы (канец 1929 г.) адзначалася: "Заслугоўвае ўвагі тое, што насельніцтва ў Віленскім і Навагрудскім ваяводствах у большасці выпадкаў цалкам абыякава ставіцца да дзеячаў Таварыства беларускай школы і акцыі, якую яны праводзяць. Гэта знаходзіцца ў пэўнай сувязі з ростам уплыву Саюза сельскай моладзі, асабліва на тэрыторыі Стаўбцоўскага і Нясвіжскага паветаў, дзе пацвярджаюцца выпадкі самастойнага роспуску гурткоў ТБШ пры адначасовым пераходзе іх членаў у Саюз сельскай моладзі" [20, с. 25]. У верасні 1932 г. камуністычная прэса, асвятляючы дзейнасць ТБШ, падкрэслівала, што "урад подкупам і запалохваннем імкнецца пасеяць у гуртках дух лаяльнасці да акупацыі, уцягнуць гурткі ў супрацоўніцтва са "Стральцом", Гурткамі сельскай моладзі (польскія мілітарысцкія арганізацыі), аддаць гурткі пад кіраўніцтва польскіх настаўнікаў і г.д." [21, с. 189].

Такім чынам, нацыянальнае пытанне знайшло пэўнае адлюстраванне ў ідэалогіі Саюза сельскай моладзі – Саюза маладой вёскі, вядучай праўрадавай арганізацыі міжваеннай польскай дзяржавы. У адносінах да яўрэйскай меншасці дэкларавалiся пэўныя антысеміцкія пастулаты, яна трактавалася як чужы для польскай нацыі элемент, ад якога неабходна пазбавіцца шляхам эміграцыі. У адносінах жа да славянскіх меншасцяў абвяшчалася імкненне да братэрства. Але рэчаіснасць была вельмі далёкай ад ідэйных дэкларацый. Фактычна, на тэрыторыі Заходняй Беларусі ССМ – СМВ выкарыстоўваўся польскімі ўладамі ў якасці сродку паланізацыі маладых беларускіх вяскоўцаў і актыўна прыцягваўся для барацьбы с беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі.

1. Hillebrandt, B. Polskie organizacje młodzieżowe XIX i XX wieku: zarys historii / B. Hillebrandt. – Warszawa: MAW, 1986. – 479 s.
2. Małolepszy, E. Kultura fizyczna w działalności wiejskich organizacji młodzieżowych II Rzeczypospolitej / E. Małolepszy. – Częstochowa: Akademia im. Jana Długosza, 2015. – 242 s.
3. Kosmowska, I. Związki młodzieży polskiej od 1816 roku do naszych czasów / I. Kosmowska. – Warszawa: Księgarnia M. Ostaszewskiej i S-ki, 1924. – 196 s.
4. Mioduchowska, M. Centralny Związek Młodziezy Wiejskiej w województwie białostockim w latach 1912 – 1928 / M. Mioduchowska // Białostocczyzna. – 1986. – № 3. – S. 4 – 9.
5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 516.
6. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa: Druk. P. Brzeziński, 1934. – 292 s.
7. Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce 1918 – 1970 / Cz. Kozlowski [i in.]; pod red. Cz. Kozlowskiego. – Warszawa: Iskry, 1971. – 191 s.
8. Statut Centralnego Związku Młodej Wsi. – Warszawa: Warszawskie Zakłady Graficzne, 1935. – 20 s.
9. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewodskiego Zwiąjzku Młodziezy Wiejskiej. – Brześć nad Bugiem: L. Pak, 1930. – 23 s.
10. Wytyczne ideowe Centralnego Związku Młodzieży Wiejskiej. – Warszawa: Ostoja, 1933. – 6 s.
11. Założenia ideowo-wychowawcze Centralnego Związku Mlodej Wsi // Siew Młodej Wsi. – 1937. – № 26 – 27. – S. 416 – 418.
12. Deklaracja ideowo-wychowawcza Centralnego Związku Mlodej Wsi. – Białystok: Nakładem Wojew. Związku Mlodej Wsi w Białymstoku, 1938. – 16 s.
13. Stanowisko Centr. Związku Młodej Wsi w sprawie żydowskiej // Życie Nowogródzkie. – 1937. – № 52. – S. 2.
14. Кулко млодзёжі вейскей // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 297.
15. Zew młodzieży wiejskiej. Jednodniówka ruchu młodowiejskiego pow. Oszmiańskiego. – Wilno: Znak, 1933. – 16 s.
16. Szanter, S. Działalność Zw. Młodzieży Wiejskiej Ziemi Wileńskiej / S. Szanter // Kurjer Wileński. – 1934. – 17 sierpnia. – S. 8.
17. ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 483.
18. ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 714.
19. Малецкі, Я. Лісты / Я. Малецкі // Шлях моладзі. – 1934. – № 9. – С. 12.
20. Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za październik, listopad i grudzień 1929 r. – Warszawa: Wydział narodowościowy, 1930. – 140 s.
21. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы: Сб.: В 2 томах. Т. 2 (1929 – 1939 гг.) / Сост. И.П. Ховратович, Л.В. Аржаева, В.Н. Жигалов, Н.С. Орехво; Под ред. А.Н. Мацко, В.Н. Жигалова, Н.С. Орехво. – Минск: Беларусь, 1972. – 560 с.

УДК 314.151.5(476.7) : 930

РЕПАТРИАЦИЯ ОСТАРБАЙТЕРОВ ПИНЩИНЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вячеслав Лозицкий ; Марина Шелест
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
bakalaur@yandex.ru ; marina.rustle004@gmail.com

Авторами рассматривается процесс репатриации восточных рабочих – жителей Пинщины, вывезенных с оккупированных территорий на работы в фашистскую Германию и её страны-сателлиты. На основании источниковедческой базы исследуется возвращение на родину военнопленных, интернированных и гражданских лиц, оказавшихся в результате военных действий за пределами своей страны. В рамках изучаемой проблематики уточнены организационные условия проведения процесса репатриации.

Ключевые слова: репатриация, остарбайтеры, репатриированные лица, приёмно-распределительный пункт, права репатриантов

REPATRIATION OF OSTARBEITERS FROM PINSK DISTRICT AFTER SECOND WORLD WAR END

Vyacheslav L. Lozitsky ; Marina Shelest
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The authors consider the process of repatriation of eastern workers - residents of the Pinsk region, taken from paid territories to work in fascist Germany and its satellite countries. On the basis of the source of research, the return to their homeland of prisoners of war, internees and civilians, having found themselves as a result of military operations outside their country, is being investigated. Within the framework of the topic under study, the organizational conditions for the repatriation process were specified.

Keywords: repatriation, ostarbeiters, repatriated persons, reception and distribution centre, rights of returnees

Драматические судьбы белорусов в годы Второй мировой войны и послевоенный период, исследуемые через призму исторического знания, в силу своей значимости для сохранения исторической памяти народа, не могут не привлекать своего внимания в наши дни. В таком понимании несомненна актуальность рассматриваемой нами темы именно в 2022 году, объявленном в Республике Беларусь Годом исторической памяти.

Ценным подспорьем для историков стало введение в научный оборот комплекса архивных документов по вопросам применения принудительного труда «восточных рабочих» [1–3]. Рассмотрению процесса репатриации советских граждан, угнанных на принудительные работы в Германию и страны-сателлиты в период Второй мировой войны, посвящён ряд базовых исследований [4–9], в рамках которых под данным термином понимается, в частности, возвращение на родину военнопленных, интернированных и гражданских лиц, оказавшихся в результате военных действий за пределами своей страны.

Согласно обвинительным актам Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками, с территории Беларуси было вывезено около 380 тыс. человек [10, с. 32]. За годы Великой Отечественной войны, по архивным данным, в период с 22 июня 1941 года по 14 июля 1944 года в немецкую неволю было вывезено 24 231 человек - жителей города Пинска и района [10, с. 484]. Следует отметить, что последняя дата вывоза жителей Пинщины оккупантами, как свидетельствуют опросные листы, - 11 июля 1944 года, когда до освобождения города оставалось всего три дня.

Решение о возвращении на родину советских граждан было принято Совнаркомом СССР 4 октября 1944 года [9, с. 657]. Правительство Советского Союза вело политику по возвращении как можно большего количества людей из Германии и заверяло, что они будут приняты на родине с должной заботой, как сыны и дочери своего народа. И даже к тем, кто под германским насилием совершил преступления, не будут применять строгих мер наказания [9, с. 658]. Однако ситуация на самом деле была непростой. Среди западных белорусов за возвращение на родину высказывалось около 15 %, против – 15 %, колебалось – 70 % человек [9, с. 656]. Учитывая данные настроения, власти предпринимали меры по агитации бывших остарбайтеров. Репатриированных волновал большой спектр вопросов, которые фиксировались в докладных членов пропагандистских групп ЦК КП(б)Б: будет ли предоставлена работа; возвратят ли собственникам их дома; сохранятся ли квартиры за прежде в них проживавшими; что будет с детьми, рождёнными в Германии;

получат ли ставшие инвалидами права инвалидов Великой Отечественной войны; что будет с молодёжью, угнанной в Германию; как и где восстановиться в партии; всюду ли восстанавливаются колхозы [2, с. 400–401]. Всего, по данным отдела переселения и репатриации СНК БССР, из республики было угнано на работы в Германию 399 374 человека [1, с. 22]. По данным облисполкомов, на начало 1948 г. вернулось 223 609 человек [1, с. 22]. При этом, по сведениям Управления репатриации, из Германии на указанную дату было отправлено 350 000 белорусов [1, с. 22]. В отчёте о выполнении решений правительства СССР по проведению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой Отечественной войны за 1946–1952 гг. в качестве невозвращенцев указывалось 9 856 белорусов [1, с. 22]. По сведениям Белорусского национального комитета, 75-100 тыс. белорусов стали невозвращенцами. Примерно две трети их были выходцами из Западной Беларуси. Многие из них, будучи гражданами довоенной Польши, имели возможность избежать возвращения в СССР, которой не преминули воспользоваться. Оставались в эмиграции и те белорусы, кто оказался в польском военном корпусе генерала Андерса.

Возвращались домой бывшие остарбайтеры, обычно затрачивая 3–4 дня для отправки в товарных вагонах по 40 человек в каждом без права на контакты с вольным населением. По возвращении на родину репатрианты проходили регистрацию в приёмно-распределительных пунктах. Их пребывание регламентировалось специальной инструкцией [1, с. 473–481]. Пинский приёмно-распределительный пункт функционировал до мая 1946 г. [1, с. 471].

Как свидетельствуют данные из стенограммы совещания начальников отделов облисполкомов БССР по делам переселения и репатриации от 10 мая 1946 г., на принудительные работы в Германию и её страны-сателлиты было вывезено (нами отмечалось ранее) 24 231 человек - жителей города Пинска и района [2, с. 484]. По состоянию на май 1946 г. в Пинск возвратилось 1050 человек.

Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР 15 января 1945 года принял постановление № 34 «Об организации приёма и устройства репатриируемых советских граждан» [2, с. 39–43]. Было решено организовать при всех исполкомах областных Советов депутатов трудящихся областные приёмно-распределительные пункты, в том числе и в Пинске, с суточной пропускной способностью на 300 человек [2, с. 39]. В Пинском областном отделе репатриации с 1 января 1946 года были заведены все книги и формы учёта согласно существовавшим инструкциям. За январь и 20 дней февраля 1946 года через Пинский приёмно-распределительный пункт прошло 160 человек. Все они осели на жительство в Пинской области.

Трудовое устройство репатриированных граждан производилось, как правило, по месту их прежнего жительства. В Пинскую область было направлено в промышленность 241 человек, в сельское хозяйство – 2301 человек, всего прибыло в область 2542 человека.

Почти все партии репатриантов попадали в обработку органов НКВД. Гражданское население, согласно совместной директиве командующего тылом Красной Армии и уполномоченного СНК по делам репатриантов от 18 января 1945 года, направлялось в сборно-пересыльные и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД [9, с. 77]. После проверки мужчин призывного возраста мобилизовывали в армию или в запас, остальных направляли к местам проживания, кроме Москвы, Киева и Ленинграда. Значительно тяжелее обстояла ситуация с возвращением на родину граждан, оказавшихся в зоне оккупации англо-американских войск. В директиве Ставки от 11 мая 1945 года был указ создать 100 лагерей на 10 тыс. человек для приёма репатриированных граждан, освобождённых союзными войсками [6, с. 31]. Многим из бывших остарбайтеров после ужасов немецкой неволи пришлось пройти и через эти лагеря. Осуществлялась фильтрация – серия допросов дознавателей и следователей НКВД. На каждого вернувшегося составлялся опросный лист из 17 пунктов, в котором бывший остарбайтер, кроме стандартных анкетных данных (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место работы до войны, домашний адрес), указывал обстоятельства, при которых был вывезен за пределы Беларуси, места, где он работал, характеризовал своих работодателей, условия труда (вид и объём работ, размер вознаграждения, наказания). При этом часто отмечались невыносимые условия жизни восточных рабочих, систематические издевательства над ними. Необходимо было также указать фамилии лиц, участвовавших в принудительных мобилизациях на оккупированной территории [8, с. 81]. В подобных опросных листах бывшие остарбайтеры крайне неохотно указывали на случаи добровольного выезда в Германию под воздействием немецкой пропаганды. Подобные факты фиксировались и, как свидетельствуют документы, однозначно трактовались как пособничество врагу [1, с. 420].

По вопросу проверки и уточнения количества прибывших в область репатриантов К.Д. Троицкий, помощник начальника отдела СНК БССР по делам переселения и репатриации, в докладной записке отметил, что отдел репатриации периодически сверял свои данные с областным отделением НКВД. В выводах докладной записки К.Д. Троицкий отметил недостаток массово-политической работы среди переселенцев, «что давало возможность отдельным враждебно настроенным лицам вести агитацию за срыв различных мероприятий района» [2, с. 469].

22 марта 1949 года начальник управления МГБ Пинской области полковник Оленичев направил в ЦК КП(б)Б докладную записку о наличии в области антисоветских настроений. В ней отмечалось, что,

несмотря на проводимую управлением и периферийными органами МГБ работу по «очистке» области и пресечению деятельности антисоветско–бандитского и кулацкого элементов, ликвидации бандгрупп и аресту значительной части их пособнической базы, Пинская область продолжала оставаться в значительной степени засорённой бандитскими, кулацкими и другими антисоветскими элементами. По данным на 22 марта 1949 года в Пинской области насчитывалось до 18 тыс. репатриированных, в том числе 3700 человек из американской зоны оккупации, до 3 тыс. – из англо-французской зоны оккупации Германии, а остальные – из Чехословакии, Германии, Польши и других государств. 16 470 человек имели письменную связь с заграницей.

Несмотря на то что за 1944–1948 годы правительство СССР приняло 67 указов, обеспечивающих права репатриантов, и из них только по льготам 14 [8, с. 58], недоверие со стороны местных властей существовало [7, с. 302]. Фактически государство, снявшее с себя ответственность за оккупацию врагом в начале войны значительной части территории, что дало последнему возможность принудительно вывезти на работы в Германию миллионы советских людей, значительную долю вины переложило на репатриированных. По воспоминаниям бывших остарбайтеров, даже после освобождения они испытывали по отношению к себе и к собственным семьям подозрительность и недоверие окружающих.

На Пинщине процесс обеспечения и трудоустройства возвращавшихся на прежнее место жительства репатриантов осложнялся факторами материального, организационного и идеологического характера. Они ещё долгие десятилетия стыдились вспоминать эту часть своей биографии, но тем не менее самоотверженно трудились: восстанавливали разрушенное в годы войны народное хозяйство, поднимали колхозы. Постановление ЦК КПСС и Совмина об устранении последствий нарушений законности в отношении бывших военнопленных в июне 1956 г. способствовало изменению отношения к бывшим восточным рабочим. Процессы реабилитации после XX съезда партии изменили отношение к бывшим восточным рабочим. Изменения происходили и в 1990-е годы. Пришло время покаяния и в Германии, где в современной историографии признаётся следующее: существование так называемых «забытых жертв» – угнанных на принудительные работы граждан СССР и других стран; реальность «другого холокоста» – злодеяний по отношению к не евреям – гражданам СССР и других восточноевропейских стран; существование проблем «преодоления прошлого» и осознание немцами юридической и моральной вины, национальной ответственности [11, с. 391]. По инициативе немецкой стороны 14 июня 1993 года белорусское правительство создало фонд «Взаимопонимание и примирение» [9, с. 591]. Одной из целей деятельности фонда являлось осуществление выплат материальной компенсации бывшим восточным рабочим.

Представляется необходимым отметить, что своего дальнейшего научного уточнения требуют архивные исследования по проблематике белорусских остарбайтеров. В условиях смены поколений важно не утратить эту частицу исторической памяти. На наш взгляд, является необходимым также дальнейшее научное изучение судеб белорусов – уроженцев Пинщины, не вернувшихся на родину, оставшихся в западных зонах оккупации Германии и затем эмигрировавших в другие страны. Решение данной научной проблемы должно обеспечиваться дальнейшими архивными исследованиями.

1. Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944–1951) : Документы и материалы. Кн. 3. В 2 частях. Ч. 1 / сост. Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1998. – 368 с.
2. Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944–1951) : Документы и материалы. Кн. 3. В 2 частях. Ч. 2 / сост. Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1998. – 310 с.
3. Принудительный труд белорусского населения в Австрии: Документы и материалы / сост. Г.Д. Кнатько [и др.]. – Грац, Минск : Ин-т по исследованию последствий войн, НАРБ, 2003. – 330 с.
4. Андриянов, В.И. Память со знаком OST. Судьба «восточных рабочих» в их собственных свидетельствах, письмах и документах / В.И. Андриянов. – М. : Воскресенье, 1993. – 200 с.
5. Борозняк, А.И. Попытка уйти от ответственности. Принудительный труд в нацистской Германии и дебаты о компенсациях / А.И. Борозняк // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 62–67.
6. Земсков, В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан / В.Н. Земсков // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26–41.
7. Кнатько, Г.Д. Белорусские остарбайтеры / Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 2001. – 336 с.
8. Литвинов, В.В Коричневое ожерелье / В.В. Литвинов. – Киев : Абрис, 2002. – 620 с.
9. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. – М. : Росспэн, 2002. – 895 с.
10. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя / рэдкал. : І.П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1990. – 680 с.
11. Herbert, U. Fremdarbeiter : Politik und Praxis des «Auslander-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches / U. Herbert. – Bonn : J.H.W. Dietz Verlag, 1985. – 493 s.

УДК 327 (476: 430) (091) (043.3)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Дмитрий Мигун
Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь
ditmar-2006@tut.by

В статье рассматривается состояние исторических источников по истории германо-белорусских отношений в межвоенный период. Автор анализирует широкий комплекс доступных документальных источников на данный момент.

Ключевые слова: Германия, Беларусь, источниковедческая база, архивы, сборники документов

SOURCE BASE OF BELARUSIAN-GERMAN RELATIONS OF THE INTERWAR PERIOD

Dmitry A. Migun
National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article examines the state of historical sources on the history of German-Belarusian relations in the interwar period. The author analyzes a wide range of currently available documentary sources.

Keywords: Germany, Belarus, source base, archives, collections of documents

Основная масса источников по истории германо-белорусских отношений межвоенного периода находится на территории России и Германии. В России на сегодняшний день наблюдается интенсивный процесс публикации и цифровизации огромного массива источников, ранее бывших практически недоступными. Но эти подборки в основном касаются советско-германских отношений.

В послевоенный период был опубликован значительный комплекс документов, которые касаются внешней политики СССР, Германии и БССР. Эти документы подбирались и публиковались в соответствии с марксистско-ленинской концепцией истории внешней политики СССР. Несмотря на это, в настоящее время они тоже представляют определенный интерес для исследователей.

Начиная с 90-х гг. XX ст. в научный оборот стали постепенно вводиться многие ранее бывшие закрытыми документы. В обширной публикации документов из Архива Президента Российской Федерации в научный оборот был введен значительный пласт архивных материалов первостепенной важности по всему спектру отношений СССР с Германией в межвоенный период. Данные документы касаются не только политических, дипломатических, экономических, научных, культурных отношений между германским и советским государствами, но и затрагивают международные проблемы в Европе и в других частях мира в межвоенный период [1, 2, 3]. Это дало возможность поднять исследования по многим дискуссионным вопросам на более высокий уровень.

Особое место среди появившихся в последние годы документальных изданий, в которых затрагиваются советско-германские отношения в межвоенный период, занимает трехтомник «Москва - Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920-1941». Это публикация документов из Архива Президента Российской Федерации. В научный оборот был введен значительный пласт архивных материалов первостепенной важности по всему спектру отношений советского государства с Германией в 20-30-е годы прошлого столетия [1].

Академик Г.Н. Севостьянов отмечает, что данная публикация документов предоставляет возможность по-иному взглянуть на советско-германские отношения в межвоенный период, сделать переоценку целого ряда фактов и их трактовок в современной историографии. Помещенные в трехтомнике документы представляют огромный интерес для изучения советско-германских отношений в период между двумя мировыми войнами. Они позволят расширить представления по ряду конкретных вопросов взаимоотношений между двумя странами, найти ответы на многие вопросы, убедиться, насколько неверно в настоящее время представляются и интерпретируются события, предшествовавшие началу Второй мировой войны [4, с. 18].

Первый том данного издания охватывает период с 1920 по 1926 г. Это было время, когда поверженная в Первой мировой войне Германия, находившаяся под бременем жестких запретов и ограничений, тяжелых репараций, наложенных Версальским договором, со временем начинает постепенно менять свою позицию в отношении России [4, с. 5]. По документам сборника можно проследить возраставший в Германии интерес к установлению с Россией контактов в различных областях: торгово-экономической, финансовой, военной, культурной и др. [4, с. 5].

Большое количество документов и архивных материалов данного сборника посвящено тематике развития экономического сотрудничества с Германией, с чем тогдашнее советское руководство связывало возможность преодоления в стране послевоенной хозяйственной разрухи, а также создания, в частности, оборонной промышленности. По документам сборника можно проследить, с какими конкретно сложностями сталкивались стороны при выработке положений торгового договора (подписан 12 октября 1925 г.) и условий предоставления германской стороной торгового кредита [4, с. 6].

Второй том сборника содержит документы, отражающие советско-германские отношения в период с 1927 по 1932 г. [5]. Публикуемые во втором томе документы показывают развитие взаимоотношений СССР и Германии в данный период: обширная переписка между правительствами, докладные записки и решения Политбюро ЦК ВКП(б), записи бесед высокопоставленных чиновников и дипломатов, протоколы заседаний коллегий НКИД и Наркомвнешторга СССР, материалы Министерства экономики Германии по вопросам торговли, кредитов и советских заказов на поставки в СССР немецкого оборудования и т.д.

Третий том содержит документы, в которых отражается история советско-германских отношений в 1933-1941 гг., в условиях быстрого изменения международной обстановки. Эти годы были отмечены серьезными военно-политическими событиями в Европе и на Дальнем Востоке, нарастанием военной опасности в мире [6].

Было опубликовано значительное количество документов, касающихся пакта Молотова – Риббентропа и о взаимоотношениях Германии и Беларуси в 1939—1941 гг. [7, 8, 9, 10].

В фондах национального архива Республики Беларусь (НАРБ) содержится много документов, касающихся торговых отношений между Германией и Беларусью в 1920-х — начале 1930-х гг. Это такие фонды, как «Всесоюзная сельскохозяйственная и промышленная выставка 1929—1930 гг.», «Белорусский государственный трест бумажной промышленности», «Народный комиссариат по внутренней торговле БССР», «Народный комиссариат внешней и внутренней торговли БССР», «Народный комиссариат торговли БССР», «Управление Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР», «Государственный трест кинопромышленности „Белгоскино" Государственного Всесоюзного кинофотообъединения», «Государственная экспортно-импортная торговая контора (Госторгбел) Управления уполномоченного наркомвнешторга РСФСР при СНК БССР, с 30.11.1923 г. — Управление уполномоченного наркомвнешторга СССР при СНК БССР, с 08.05.1926 г. — Народный комиссариат внутренней и внешней торговли (Наркомвнешторг) БССР, с 17.11.1928 г. — Народный комиссариат торговли (Наркомторг) БССР», «Коллекция ксерокопий и фотокопий документов, поступивших из советских и зарубежных архивов». В вышеперечисленных фондах содержатся многочисленные распоряжения, документы, касающиеся переписки и заказов на закупку товаров в Германии для Беларуси, изучения спроса на сырье, исследования и обзоры германского рынка.

В фондах Архива внешней политики Российской федерации (АВПРФ) также содержатся документы, касающиеся отношений между Германией и Белоруссией в 1920—1930-х гг. Так, в фондах «Референтура по Германии», «Референтура по Польше», «Полпредство РСФСР в Германии» содержатся многочисленные обзоры прессы, заявления послов, информационные материалы о стране пребывания, дипломатическая переписка. Однако данный ведомственный архив не представляет исследователям описи своих фондов. Все дела по тематике исследований сотрудники архива подбирают сами в соответствии с представленным планом работы. Безусловно, ко многим материалам архивов, особенно российских, очень ограничен доступ белорусских историков.

В 1990-х гг. у отечественных исследователей появилась возможность работать с документами Дипломатической миссии БНР на территории Германии. Были опубликованы некоторые источники [11, 12, 13]. В Государственном архиве Российской федерации в т. н. «Заграничном архиве Русской эмиграции» находятся малоизвестные отечественному исследователю фонды: «Белорусское бюро печати в Берлине», «Белорусский общественный комитет в Германии помощи голодающим в Белоруссии, г. Берлин», «Миссия БНР в Берлине (Представительство Буржуазно-национального правительства)», содержащие обширные перечни документов, касающихся деятельности Дипломатической миссии БНР в Берлине.

Одним из ценнейших источников по истории германо-белорусских отношений межвоенного периода стала периодическая печать. Как правило, издания центральных органов Беларуси 20-х и 30-х гг. XX ст. Это газеты «Звезда», «Советская Беларусь», «Советская Белоруссия», «Рабочий». На основе анализа материалов, представленных на страницах данных изданий можно отчетливо проследить динамику германо-белорусских отношений в политическом, экономическом и культурном направлении. Газеты данного периода являются очень ценным источником о пролетарской солидарности Беларуси и Германии. В этих газетах можно отчетливо выделить:

- материалы политического характера (интервью послов, выступления политиков, телеграммы, обмен нотами, официальная хроника);

- информацию экономического характера (данные о торговых отношениях, торговых договорах, проведении выставок, проведении переговоров о заключении экономических договоров);
- информацию о положении рабочих и Германии и их борьбе за свои права;
- хронику военных конфликтов в Европе и мире;
- освещение событий, связанных с культурными и научными связями Германии и Беларуси.

Сборник документов, связанных с Брест-Литовским миром, изданный в 1969 г. в Тюбингене под редакцией Винфреда Баумгарта и в соавторстве с Конрадом Репгеном, также является ценнейшим источником документов на немецком языке, связанным с ходом переговоров в Брест-Литовске и с обстоятельствами заключения мирного договора [14]. Так очень большой интерес представляют записи дипломатов, мемуары непосредственных участников переговоров с немецкой стороны, документы, связанные с совещаниями в Совете Федерации по иностранным делам, телеграммы немецких дипломатов в Рейхсканцелярию и другие ценные и интересные документы.

Также ценным источником по межвоенных германо-белорусских отношениях являются немецкоязычные сборники документов, изданные Министерством иностранных дел Германии [15, 16].

С начала 20-х гг. этого столетия Российский государственный архив социально-политической истории стал активно выкладывать в открытый доступ огромные массивы оцифрованных документов [17]. Там можно найти документы, касающиеся партийной политики в советско-германских торговых отношениях. Они определяют монополию внешней торговли и тщательно регламентируют развитие торговых советско-германских отношений в 20-х гг. XX ст.

Важнейшим источником по межвоенным германо-белорусских отношениях являются мемуары непосредственных участников и свидетелей исследуемых событий. Несомненную ценность представляют мемуары Э. Людендорфа [18]. Э. Людендорф – представитель высшей военной элиты, занимавший в разное время ряд ключевых постов в германской армии времен Первой мировой войны, очень подробно осветил в своих мемуарах цели и планы Германии в ходе проведения переговоров в Брест-Литовске. Далее он в своих мемуарах проливает свет на планы Германии в отношении той территории Беларуси, которая оказалась под оккупацией Германии по итогам Брестского мира.

Очень ценным источником стали записки и мемуары Министра Иностранных Дел Германии г-н фон-Риббентропа [19]. Они были частично написаны во время Нюрнбергского процесса и посмертно изданы его женой в 1953 г. Данный источник представляет интерес тем, что является свидетельством непосредственного очевидца, участника и организатора дипломатических акций фашистской Германии в канун и во время второй мировой войны.

Не меньшую ценность представляют воспоминания немецкого дипломата Густава Хильгера [20]. Став карьерным дипломатом, он с 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. Как и его шеф, посол граф Вернер фон дер Шуленбург, не был активным и убежденным нацистом и являлся сторонником мирных добрососедских отношений Германии с Советским Союзом. Во время войны служил в министерстве иностранных дел; в 1948-1951 гг. жил в США, а в 1953-1956 гг. был советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам». В 1939 г. г. Г. Хильгер был свидетелем того, как разворачивались события, связанные с активизацией германо-советских внешнеполитических контактов. Он очень подробно описал ход переговоров Кремля с главами военных миссий Англии и Франции, обстоятельства заключения пакта Молотова-Риббентропа. Он очень четко прослеживает динамику развития советско-германских отношений до июня 1941 г.

Дневник Генерал-полковника Франца Гальдер, который в 1938-42 гг. был Начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии, также является одним из ценнейших источников по советско-германским отношениям и немецким планам в отношении Беларуси в канун Второй мировой войны [21]. Гальдер очень педантично и тщательно фиксировал в своем дневнике все, что говорилось на савещаниях Гитлера с высшими немецкими чинами в Бергхофе. В 1944 Гальдер был арестован по подозрению в причастности к Июльскому заговору 1944 и до конца войны находился в Дахау. 28 апреля 1945 он был освобожден американцами. В качестве свидетеля Гальдер давал показания на Нюрнбергском процессе. Дневник Франца Гальдера был захвачен и впервые издан американцами в 1946 г. В СССР его дневник был переведен и впервые издан в начале 70-х гг. Дневник Франца Гальдера, представляет и сегодня огромную ценность для исследователей.

Проведенный источниковедческий анализ может четко свидетельствовать о достаточно широкой репрезентативности источников в данном исследовании.

1. Москва - Берлин : политика и дипломатия Кремля, 1920-1941 сб. док. в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Наука, 2011. 3 т.

2. СССР — Германия, 1933—1941 : сб. док. / шеф-ред. С. Кудряшов. — М. : Архив Президента Рос. Федерации, 2009. — 367 с.
3. Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1932–1941. Издание дополненное и расширенное : сб. док. / Архив Президента Рос. Федерации, Рос. ист. об-во, Фонд «История Отечества», Герман. ист. ин-т в Москве ; редкол.: С. В. Кудряшов (гл. ред.) [и др.]. — М. : Издательство «Историческая литература», 2019. — 640 с.
4. Москва - Берлин : политика и дипломатия Кремля, 1920-1941 сб. док. в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Наука, 2011. — Т. 1 : 1920-1926. — 1031 с.
5. Москва - Берлин : политика и дипломатия Кремля, 1920-1941 сб. док. в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Наука, 2011. — Т. 2 : 1927-1932. — 755 с.
6. Москва - Берлин : политика и дипломатия Кремля, 1920-1941 сб. док. в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Наука, 2011. — Т. 3 : 1933-1941. — 690 с.
7. Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939—1941 : док. и материалы / сост.: Ю. Фельштинский. — М. : ТЕРРА — Книж. клуб, 2004. — 400 с.
8. 1941 год : Документы и материалы : в 2 кн. / сост.: Л. Е. Решин [и др.]. — М. : Междунар. фонд «Демократия», 1998. 2 кн.
9. 1941 год. Документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны: вып 1 в 2 т. / сост.: Ю. А. Никифоров [и др.]. — Спб. : ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2011. — 2 т.
10. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў : у 3 т. / Пастаян. каміс. Савета Рэсп. Нац. сходу Рэсп. Беларусь па міжнар. справах і нац. бяспецы, М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. — Мінск : БелНДІАС, 1997—2001. — Т. 3 : 1928 — чэрвень 1941 гг. / У. М. Міхнюк [і інш.]. — 2001. — 361 с.
11. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : зб. дак. : у 2 кн. / рэдкал.: С. Шупа [і інш.]. — Вільня; Нью Ёрк; Мінск; Прага : Беларус. ін-т навукі і мастацтва: Т-ва беларус. пісьменства «Наша ніва», 1998. 2 кн.
12. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі : дакументы і матэрыялы, сабр. І. Касяком; прагледж. *і* апрабаваныя для друку пад кіраўніцтвам праф. А. А. Астроўскага. — Лондан : Выд. Беларус. Цэнтр. Рады, 1960. — 197 с.
13. Дакументы дыпламатычнае чыннасці БНР у Нямеччыне // Спадчына. - 1998. - № 1. - С. 181 — 196; № - 2. - С. 204—222; № - 4. - С. 89—99.
14. Baumgart, W. Brest-Litovsk / W. Baumgart, K. Repgen. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1969. — 136 S.
15. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945 : Serie D: 1937—1941 / Deutschen auswärtigen Amt. — Bonn : Gebr. Hermes, 1951—1995. — B. IV : Die Nachtwirkungen von München. Oktober 1938 — März 1939. — 1951. — 645 S.
16. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945 : Serie D: 1937—1941 / Deutschen auswärtigen Amt. — Bonn : Gebr. Hermes, 1951—1995. — B. VII : Die letzten Wochen vor Kriegsaubruch. 9 August bis 3 September 1939. — 1954. — 645 S.
17. Российский государственный архив социально-политической истории [Электронный ресурс] // Документы советской эпохи. — Режим доступа: http: // sovdoc.rusarchives.ru. — Дата доступа: 16.01.2022.
18. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. 1914—1918 : пер. с нем. : в 2 т. / Э. Людендорф ; под ред. А. Свечина. — М. : Высш. воен. ред. совет, 1923—1924. — 2 т.
19. Риббентроп, И. фон. Тайная дипломатия III рейха / И. фон Риббентроп; пер. с нем. Г. Я. Рудого. — Смоленск : Русич ; М. : Мысль, 1999. — 448 с.
20. Hilger, G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918—1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten / G. Hilger. — Frankfurt am Main : Athenaum Verlag, 1964. — 322 S.
21. Гальдер, Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939—1941 / Ф. Гальдер ; пер. с нем. А. Л. Андреева. — М. : ЗАО «Центрполиграф», 2007. — 447 с.

УДК 94(476)

КАДРАВАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ ЎРАЧАМІ І СЯРЭДНІМ МЕДПЕРСАНАЛАМ У МЕДЫЦЫНСКІХ УСТАНОВАХ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

Вольга Тумін
Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь
olga.tumin@mail.ru

Разглядаецца пытанне кадравага забеспячэння ўрачамі і медперсаналам медыцынскіх устаноў на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Зроблена выснова, што кваліфікаваных спецыялістаў не хапала для таго, каб забяспечыць элементарныя патрэбы краю.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, медыцына, медперсанал, ахова здароўя

THE ISSUE OF STAFFING DOCTORS AND MEDICAL STAFF OF MEDICAL INSTITUTIONS IN WESTERN BELARUS BETWEEN WORLD WAR I AND WORLD WAR II

Olga S. Tumin
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The issue of staffing doctors and medical staff of medical institutions in Western Belarus is being considered. It is concluded that qualified specialists were not enough to provide for the basic needs of the region.

Keywords: Western Belarus, medicine, medical staff, healthcare

Паводле Рыжскага мірнага пагаднення ад 18 сакавіка 1921 г. у склад Польшчы ўвайшлі заходнебеларускія землі, на якіх былі ўтвораны Беластоцкае, Віленскае, Навагрудскае і Палескае ваяводствы, дзе пражывала 10,5 % (4,6 млн. чалавек) насельніцтва ўсёй Польшчы. У выніку ўваходжання гэтых зямель арганізацыя аховы здароўя стала рэгламентавацца польскім заканадаўствам. 1920-я і пачатак 1930-х гг. былі найбольш цяжкімі: гэта быў перыяд аднаўлення пасля войн, а пазней – эканамічнага крызісу.

Сістэма аховы здароўя ў другой Польскай рэспубліцы мела наступныя структурныя элементы: дзяржаўныя медыцынскія ўстановы, муніцыпальныя і ваенныя медыцынскія ўстановы [1, с. 23], прыватная медыцынская практыка, сістэма бальнічных кас (фінансава-страхавыя ўстановы, мэтай якіх было забеспячэнне фінансавання медыцынскай дапамогі іх членам). Яна была моцна фрагментаваная, і, нягледзячы на імкненне ўвесці ўсеагульную сістэму аховы здароўя, многія людзі па-ранейшаму не мелі да яе доступу [2].

Пасля заканчэння Першай сусветнай і Польска-савецкай войнаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі захоўвалася складаная эпідэмічная абстаноўка, якая ў значнай ступені была звязана з недахопам медыцынскіх работнікаў. Так, на аднаго лекара прыходзілася ад 7000 да 8000 чалавек. Звязана гэта было з тым, што пачатак 1920-х гг. адзначыўся кампаніяй па пацверджанні ўніверсітэцкіх дыпломаў тых урачоў, якія скончылі іх у даваенны перыяд. Наяўнасць такіх сведчанняў была абавязковай для атрымання дазволу на працу. Такія ж правілы дзейнічалі і ў адносінах да сярэдняга медперсанала. Складанасць пацверджання дакументаў пасля вайны абумовіла значную затрымку ў атрыманні заходнебеларускімі лекарамі дазволу на ажыццяўленне прафесійнай дзейнасці. З прычыны прыведзеных абставін урачы не заўсёды ажыццяўлялі дзейнасць па сваім профілі [3].

У сакавіку 1921 г. пры створаных ваяводскіх упраўленнях пачалося заснаванне аддзелаў грамадскага здароўя, а пры павятовых старостваx – пасадаў павятовых лекараў. Так, аддзел Навагрудскага ваяводскага ўпраўлення складалі: начальнік – лекар, урачэбны і фармацэўтычны інспектары, чатыры канцылярскія работнікі. У розныя гады пасаду начальніка аддзела займалі Г. Хржаноўскі (1921–1927), З. Даманскі (1927–1930), Э. Мачулевіч, (1930–1933), Л. Блахушэўскі (1933–1936), А. Журакоўскі (1937–1939). На мясцовую медыцынскую адміністрацыю ўскладаліся задачы агульнага кіравання і кантролю над дзейнасцю дзяржаўных і тэрытарыяльных інстытутаў у дачыненні да грамадскага здароўя, а таксама па лячэбных, санітарных, фармацэўтычных пытаннях [4, с. 358–359]. Важна адзначыць, што, у адрозненне ад іншых ваяводстваў Польшчы, на тэрыторыі сучаснай Беларусі сельская медыцына захоўвала рысы земскага арганізацыйнага ўпарадкавання часоў Расійская імперыі (тэрытарыяльны прынцып, участковы лекар, сельскі медыцынскі ўчастак) [5, с. 91].

Нізкая забяспечанасць урачэбнай дапамогі была ва ўсходніх ваяводствах (Заходняя Украіна і Заходняя Беларусь)другой Польская рэспублікі, дзе на 10 000 насельніцтва прыходзілася 2 лекары, у той час як у заходніх ваяводствах Польшчы – 3,3, цэнтральных – 3,5 дактары. Па стану на 1939 г. на ўсю тэрыторыю Польшчы прыходзілася каля 124 400 лекараў. Гэта прыкладна 3,6 урача на 10 000 насельніцтва, што значна менш чым ва заходнееўрапейскіх краінах, дзе колькасць складала ад 4,3 (Швецыя) да 11,2 (Венгрыя) [6, с. 11; 7, с. 195]. Усяго ў Заходняй Беларусі ў 1938 г. у розных сектарах аховы здароўя працавала 1 470 лекараў (з іх 269 жанчын), у тым ліку ў сельскай мясцовасці – 288 (з іх 43 жанчыны). Паводле звестак сучаснага польскага даследчыка М. Дуткевіча, на аднаго лекара ў Беластоцкім ваяводстве прыпадала 4 348 жыхароў (у Беластоку – 1 020), Віленскім – 2 174 (у Вільні – 470), Навагрудскім – 5 556, Палескім –2 703 [8, с. 93; 9].

Большасць дактароў працавала ў гарадах, якія давалі значна большыя магчымасці для прасоўвання па службе, фінансавага прыбытку, асабістага развіцця. Правінцыю выбіралі неахвотна і менавіта там было катастрафічна мала прадстаўнікоў службы аховы здароўя [2]. Для параўнання, у гарадах працавала 12 урачоў на 10 000 насельніцтва, а ў сельскай мясцовасці – 0,4 [6, с. 11]. Урачы звычайна працавалі на дзвюх пасадах: адна на пастаяннай аснове ў дзяржаўных установах (установах мясцовага самакіравання, бальнічных касах або санаторыях), дзе атрымліваў 200 злотых, а другая – прыватная практыка. Гэты факт яшчэ раз падкрэслівае выгаду працы ў горадзе, а прыём больш забяспечаных пацыентаў дазваляў мець пастаянны даход [2; 10, с. 243].

Лекары, якія займалі пасады на дзяржаўнай службе, займаліся пераважна агульнай практыкай [6, с. 496]. Напрыклад, у 1931 г. ў Палескім ваяводстве з 65 такіх лекараў толькі 15 з'яўлялася лекарамі-спецыялістамі [4, с. 395].

Сустракаліся і выпадкі ігнаравання ўрачамі дзяржаўнай службы. Асноўная прычына – прыватная практыка, якая прыносіла значна большы прыбытак. У сярэдзіне 1930-х гадах звычайная кансультацыя ў лекара каштавала прыкладна 6 злотых, выезд да хворага – да 12, перавязка або дробнае хірургічнае ўмяшанне – да 20, аперацыя сярэдняй складанасці – да 80, складаная аперацыя – да 200 злотых. Дапамога лекара пры звычайных родах абыходзілася ў 40 злотых, а з аперацыйным умяшаннем – 80. Начны выклік аплачваўся па падвойным тарыфе, на 50 % ўзрастаў кошт агляду ў нядзелю і святочныя дні. Нават так называемая "эпідэмічная надбаўка" да зарплаты не магла прымусіць медыцынскіх работнікаў адмовіцца ад прыватнай практыкі на карысць дзяржаўнай службы [11, с. 94–95]. Напрыклад, у Брэсце ў перыяд з красавіка 1930 па студзень 1931 г. налічвалася ад 11 да 13 прыватных урачоў. Гэта былі педыятры, акулісты, хірургі, тэрапеўты, гінеколагі. Яны займаліся не толькі лячэбнай практыкай, але і накіроўвалі ў санаторыі хворых. Прафілактыка і лячэнне дзяржаўных служачых пакрывалася дзяржавай [10, с. 243]. Да 1939 г. у цяперашнім Ваўкавыскім раёне платную дапамогу аказвалі 3 прыватна практыкуючых фельчара, 6 зубных лекараў, 1 акушэрка і 42 медсястры [12, с. 187].

Пры вялікім недахопе медыцынскай дапамогі ў гарадах сярод урачоў было нямала беспрацоўных. Лекараў беларусаў, украінцаў, асабліва габрэяў, стараліся не прымаць на службу ў дзяржаўныя медыцынскія ўстановы [6, с. 11].

У сельскай мясцовасці былі дзве асноўныя праблемы: занадта вялікія адлегласці да бліжэйшых медыцынскіх устаноў і адсутнасць дадатковай страхоўкі. Закон аб медыцынскім страхаванні, прыняты яшчэ ў студзені 1919 г., распаўсюджваўся толькі на наёмных працоўных, а ў рэальнасці ён аказваў медыцынскую дапамогу гарадскім працоўным. У вёсках большасць з іх заставалася па-за льготнай сістэмай. Людзям, якія не былі застрахаваны, даводзілася спадзявацца на мясцовыя дзяржаўныя клінікі ці прыватныя медыцынскія ўстановы [2]. З-за высокага кошту лячэння і поўнай адсутнасці ўрачоў у сельскай мясцовасці сяляне пры неабходнасці звярталіся да мясцовых знахараў ці бабак-шаптух, якія лячылі травамі і рознай нетрадыцыйнай медыцынай. З імі разлічваліся сельскагаспадарчай прадукцыяй [13].

Напрыклад, медыцынская дапамога ў Кобрынскім павеце аказвалася пад кіраўніцтвам Камітэта грамадскага здароўя, які налічваў 5 урачоў: гарадскі, павятовы, наглядчык гарадской бальніцы і 2 участковыя – дзівінскі і драгічынскі. Таксама ў горадзе працавалі 3 прыватна практыкуючыя ўрачы, дантыст і акушэрка. У Кобрынскім павеце 1 урач прыпадаў на 8 782 жыхары. Пры гэтым у сельскай мясцовасці мелася ўсяго 6 фельчарскіх пунктаў, а ўсе 11 урачоў пражывалі ў горадзе [13]. Згодна з афіцыйнай статыстыкай, на тэрыторыі цяперашняга Карэліцкага раёна ў 1920-1930 гг. практыкаваў толькі адзін лекар Лявіцкі, які прынімаў цяжарных і хворых дома [15, с. 496].

Разам з тым, адзначым, што паступова агульная колькасць лекараў паступова ўзрастала. Так, у Навагрудскім ваяводстве ў 1926 г. іх было 129, у 1936 г. – 190. Аднак, паказчык забяспечанасці насельніцтва лекарамі ў Заходняй Беларусі заставаўся адным з самых нізкх у Польшчы (у 1938 г. у Навагрудскім ваяводстве – 1, 8 на 10 тыс. насельніцтва) [15, с. 496].

Захавалася на тэрыторыі Заходняй Беларусі практыка дапамогі сельскаму насельніцтву фельчарамі, што не было характэрна для цэнтральных і заходніх ваяводстваў Польшчы, але да працы дапускаліся толькі тыя, хто мелі медыцынскую школьную адукацыю [1, с. 23]. Так, у Навагрудскім ваяводстве ў 1925 г. правам на практыку валодалі толькі 17,4% фельчараў. Усяго ў 1926 г. у Заходняй Беларусі працавала 71,4% усіх фельчараў і 45,2% акушэрак. [12, с. 185; 15, с. 496].

На вырашэнне праблемы недахопу медыцынскіх работнікаў адмоўна сказвалася адсутнасць на тэрыторыі Заходняй Беларусі медыцынскіх школ, якіх на ўсёй тэрыторыі Польшы налічвалася толькі 5 [6, с. 11]. Мясцовыя аддзелы Польскага таварыства Чырвонага Крыжа арганізоўвалі толькі гадавыя курсы падрыхтоўкі сясцёр міласэрнасці. Да прыкладу, такія курсы дзейнічалі ў Гродне на працягу ўсяго міжваеннага перыяду. У 1937 г. іх скончылі 20 сясцёр, якія атрымалі не толькі тэарэтычныя веды, але і прайшлі двухмесячную падрыхтоўку ў акруговым шпіталі. Пры дадзенай установе было арганізавана і першае ў Гродне аб'яднанне Чырвонага Крыжа, у склад якога ўваходзілі 5 медыцынскіх сясцёр, 17 санінструктараў, 11 выратавальнікаў. У 1935 г. быў зацверджаны Статут медыцынскіх сясцёр, які вызначаў круг іх прафесійных абавязкаў і дзейнічаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі [12, с. 185–186]. Медыцынскія факультэты ў Варшаве, Кракаве, Познані, Львове, Вільні выпускалі 500 – 600 урачоў у год [6, с. 11].

Суадносіны колькасці медыцынскага персаналу ў горадзе і вёсцы былі вельмі неаднародныя. Гэту розніцу можна прасачыць дзякуючы статыстычнаму даведніку Заходняй Беларусі, створаным амаль адразу пасля падзей 17 верасня 1939 г. Так, на тэрыторыі былога Палескага ваяводства па падліках складальнікаў налічвалася ўсяго 192 лекары, з якіх 158 – ў горадзе, а 34 – у сельскай мясцовасці. У Навагрудскім ваяводстве працавалі 172 лекары, сярод якіх 112 – у горадзе, 50 – у вёсцы. Яшчэ большая розніца была ў Беластоцкім ваяводстве (усяго – 315, у горадзе – 275, у вёсцы – 40). Іншая сітуацыя была ў Віленскім

ваяводстве: у горадзе налічвалася 56 дактароў, а ў сельскай мясцовасці – 67, што ў агульнай колькасці склала 123 лекары [14, с. 139–142].

Такім чынам, для Заходняй Беларусі, якая ўваходзіла ў склад II Рэчы Паспалітай, адной з сур'ёзнай праблем была праблема недахопу ўрачоў, медсясцёр. Гэта было звязана з адсутнасцю медыцынскіх устаноў, дзе рыхтавалі медыцынскія кадры. Цяжкасці былі таксама з падцверджаннем дыпломаў аб адукацыі, згубленых у перыяд вайны. Але галоўная праблема – высокі кошт медыцынскай дапамогі для беднага насельніцтва, якое складала асноўную частку жыхароў Заходняй Беларусі. У перыяд існавання другой Польскай рэспублікі рабіліся спробы папоўніць гэты дэфіцыт. Колькасць жыхароў на аднаго прадстаўніка медыцынскага персаналу зніжалася, хаця адбывалася гэта павольна і не ва ўсіх рэгіёнах краіны было заўважна.

1. Петрова, Н. П. Медицина Беларуси Новейшего времени (XX в.): учеб.-метод. пособие для студентов 1 курса высших медицинских учебных заведений всех факультетов / Н. П. Петрова. – Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет». –2008. – 52 с.
2. Medycyna w II Rzeczpospolitej [Электронный ресурс] // Niepodlegla. – Режим доступа: https://niepodlegla.gov.pl/o-niepodleglej/medycyna-w-ii-rzeczpospolitej/. – Дата доступа: 29.01.2022.
3. Особенности здравоохранения на территории Западной Беларуси [Электронный ресурс] // Республиканская научная медицинская библиотека. – Режим доступа: http://rsml.med.by/ru/особенности-здравоохранения-на-терр/. – Дата доступа: 29.01.2022.
4. Тищенко, Е.М. Врачи и их статус в западных областях Беларуси в межвоенный период / Е.М. Тищенко // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. – 2016. – № 2. – С. 358–359.
5. Тищенко, Е.М. Амбулаторная помощь в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921-1939) / Е.М. Тищенко // Журнал Гродненского гос. медицинского университета. – 2003. –№ 2. – С. 89–92.
6. Горфин, Д.В. Состояние здравоохранения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии / Д. В. Горфин // Гигиена и санитария. – 1939. – № 11. – С. 7–13.
7. Mały rocznik statystyczny. 1939. – Warszawa: GUS, 1939. – 424 s.
8. Абраменко, М. Е. Здравоохранение в Западной Беларуси / М. Е. Абраменко // Актуальные проблемы медицины: сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции с международным участием (Гомель, 11 ноября 2021 года): в 3 т. / И. О. Стома [и др.]. – Гомель: ГомГМУ, 2021. – Т. 2. – С. 91–94.
9. Абраменко М. Особенности здравоохранения в Западной Белоруссии // СБ Беларусь сегодня. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/zlotykh-net-togda-derzhites.html. – Дата доступа: 29.01.2022.
10. Ярацэвіч, Г. М. Урачэбная дзейнасць на Брэстчыне ў 1921–1939 гадах / Г. М. Ярацэвіч // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста. У 2 кн. Кн. 1. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – С. 243– 244.
11. Давыбида, Л. И. Особенности развития и кадровое обеспечение медицинских учреждений в Восточной Галиции в 1919–1939 гг. / Л. И. Давыбида // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 67. – С. 89–100.
12. Хильмончик, Н. Е. Деятельность среднего медицинского персонала в начале XX века в Западной Белоруссии / Н. Е. Хильмончик // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. – 2012. – № 1. – С. 185–187.
13. Мартынаў, А. М. З гісторыі аховы здароўя на Кобрыншчыне [Электронны рэсурс] // Пазнай Кобрын. – Рэжым доступу: https://kobrintour.by/bookpamiat-2-15.php. – Дата доступу: 29.01.2022.
14. Западная Белоруссия (статистический справочник) // Минск. Издание Госплана при СНК БССР и УНХУ БССР. 1939. – 152 с.
15. Сурмач, М. Ю. Развитие здравоохранения Гродненской области с двенадцатого века по настоящее время как социально-историческая основа корпоративной культуры / М. Ю. Сурмач, Н. Е. Хильмончик // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2020. – Т. 18, № 4. – С. 493–498.

УДК 94(497.5)

REPUBLIKA SERBSKA, ROSJA I SERBIA W CZASIE KRYZYSU W BOŚNI I HERCEGOWINIE W LATACH 1992–1995

Aleksander Chawanski
Uniwersitet państwowy w Grodnie, Grodno, Białoruś
xovasnkij_av@grsu.by

Artykuł dotyczy głównych aspektów stosunków politycznych, społeczno-gospodarczych między Republiką Serbskiej Bośni i Hercegowiny, Serbią i Rosją w okresie wojny domowej w latach 1992–1995. Szczególną uwagę zwraca się na stopień i charakter wpływu elit politycznych Serbii i Rosji na przywództwo Serbów bośniackich w czasie konfliktu.

Słowa kluczowe: wojna domowa, Bośnia i Hercegowina, Jugosławia, serbowie, muzułmanie, chorwaci

SERBIAN REPUBLIC, RUSSIA AND SERBIA DURING BOSNIAN CRISIS (1992–1995)

Aliaksandr V. Khavanski
Grodno State University, Grodno, Belarus

The article deals with the main aspects of political, socio-economic relations between the Republic of Serbian Bosnia and Herzegovina, Serbia and Russia during the civil war of 1992–1995. Particular attention is paid to the degree and nature of the influence of the political elites of Serbia and Russia on the leadership of the Bosnian Serbs during the conflict.

Keywords: civil war, Bosnia and Herzegovina, Yugoslavia, Serbs, Muslims, Croats

W ostatniej dekadzie XX w. rozpadło się jednego z największych wielonarodowych państw w Europie – Socjalistyczna Federacyjna Republika Jugosławii (dalej: SFRJ). Na jej miejscu w wyniku procesów odśrodkowych powstało wiele nowych krajów. Podziałowi Jugosławii na początku lat 90 XX stulecia towarzyszyły liczne konflikty o podłożu etnicznym i religijnym. Najdotkliwiej wpływ tych procesów odczuła Bośnia i Hercegowina, gdzie separatyzm etniczny zmieszany z nietolerancją i ekstremizmem religijnym przejawiał się w bardzo gwałtownych formach.

Bośnia i Hercegowina była amalgamatem ludnościowym składający się z 106 wspólnot, z których jedynie 10 było monoetnicznymi, 8 grup było zdominowanych przez 80–89% populacji tej samej narodowości. Natomiast w 49 wspólnotach dominowali Muzułmanie, w 37 Serbowie, a w 20 Chorwaci. Należy w tym miejscu nadmienić, że nawet w tych grupach były osoby pochodzące z innych enklaw etnicznych. Z tego powodu kompleks etnicznych i politycznych procesów zachodzących w latach 90 XX w. w Bośni i Hercegowinie zaostrzył i tak bez tego już napiętą sytuację w regionie. Konflikt między stronami doprowadził ten kraj do starć wojskowych. W latach 1992–1995 r. ta część Europy objęta była wojną domową, która przykuwała wiele uwagi społeczności międzynarodowej [1, c. 167].

Bałkany to strefa tradycyjnych wpływów Rosji. Nie dziwi więc fakt, że przywódcy Serbów bośniackich chcieli zdobyć poparcie Rosji. Prezydent Republiki Serbskiej R. Karadžić w jednym z listów do B. Jelcyna pisał, że: «Wśród nas istnieje przekonanie, że los narodu serbskiego jest nierozłącznie związany z losem Rosji. Ten stan ducha, sformowany przez doświadczenie historyczne, daje mi prawo zwrócić się do Pana z prośbą, żeby Pan prezydent jeszcze bardziej bezpośrednio zaangażował się w łagodzenie konfliktu w byłej Bośni i Hercegowinie» [2, c. 25].

Głównym priorytetem w polityce międzynarodowej dyplomacji Moskwy z przełomu lat 1991–1992 stały się stosunki z Europą Zachodnią i USA. Stanowisko przywódców Rosji wobec rozwijającego się wówczas na obszarze SFRJ kryzysu było dość pasywne. Ograniczano się jedynie do deklaracji, że rozwiązywanie problemów w tym regionie powinno odbywać się bez ingerencji zewnętrznej i przy jednoczesnym zachowaniu nienaruszalności granic. Potem jednak pozycja w sprawie integralności Jugosławii radykalnie się zmieniła. Rząd Rosji po Stanach Zjednoczonych oraz krajach zachodnioeuropejskich uznał niepodległość najpierw Słowenii i Chorwacji, a następnie Bośni i Hercegowiny. Popierał także sankcje przeciw Serbom [2, c. 25; 3].

Charakterystyczne jest jednak to, że podczas kryzysu bośniackiego w Rosji nie było odpowiednich mechanizmów podejmowania decyzji w sprawach polityki zagranicznej, które pozwoliłby na wypracowanie koherentnego stanowiska w sferze polityki międzynarodowej. W wyniku tego, podczas trwania całego konfliktu toczyła się uporczywa walka między zainteresowanymi strukturami międzyinstytucjonalnymi. Z jednej strony istniało umiarkowane stanowisko reprezentowane przez doradcę prezydenta do spraw bezpieczeństwa narodowego J. Baturina i jego zwolenników. Zakładali oni dialog i współpracę z Serbami. Antagonistycznym obozem było radykalne, prozachodnie ugrupowanie związane z ministrem spraw zagranicznych A. Kozyriewem. Rzeczą oczywistą jest więc, że możliwości ministra spraw zagranicznych były znacznie większe niż jego przeciwników. W związku z tym, pozycja Rosji wobec konfliktu w Bośni częściej sprowadzała się do konfrontacji z Serbami oraz zwiększenia nacisku na Belgrad oraz Pale, aniżeli do konstruktywnego dialogu i racjonalnych propozycji [2, c. 119].

Zwolennicy Kozyriewa obawiali się nawiązywać bezpośrednie kontakty z kierownictwem Republiki Serbskiej i reprezentować ich interesy w rozmowach pokojowych. W związku z tym przywódca bośniackich Serbów R. Karadžić wielokrotnie apelował do B. Jelcyna o pomoc. Wszelkie jednak próby wpłynięcia na rosyjskie stanowisko podejmowane przez R. Karadžicia nie powiodły się.

W ogóle, kompetencje rosyjskich dyplomatów zaangażowanych na Bałkanach budzą poważne wątpliwości. Nieznajomość regionu, jego historii, istoty konfliktu to w większości przypadków cechy charakterystyczne dyplomacji Rosji w czasie jugosłowiańskiego kryzysu. Prawie wszyscy przedstawiciele państwa rosyjskiego, którzy byli odpowiedzialni za politykę zagraniczną w czasie kryzysu jugosłowiańskiego nie mieli nic wspólnego z Jugosławią w poprzedniej pracy [3].

Pewną zmianę w działaniach dyplomacji Rosji można jednak odnotować w 1994 r. Wtedy to Ministerstwo Spraw Zagranicznych po bezkrytycznym popieraniu prozachodniego kierunku w polityce zagranicznej wobec Jugosławii zaczęło stopniowo odżegnywać się od stanowczości i jednoznaczności w ocenie działalności Serbów w Bośni i Hercegowinie. Zaczęto zajmować bardziej umiarkowaną pozycję w sprawach rozwiązywania konfliktu w Bośni. Takie zmiany były możliwe z powodu silnej krytyki kierownictwa kraju w kręgach politycznych Rosji, jak również w wyniku wzrostu niezadowolenia społeczeństwa (zakończone na końcu 1993 r. wybory do Dumy wyraźnie pokazały, że prozachodnia polityka Rosji nie cieszyła się w społeczeństwie szczególną popularnością).

Ważnym zwolennikiem proserbskiej polityki Rosji był mer Moskwy J. Łużkow, który otwarcie wezwał do pielęgnowania dobrych stosunków z Serbami oraz udzielenia im wszelkiej możliwej pomocy. Za to wielokrotnie był atakowany ze strony ministra spraw zagranicznych A. Kozyriewa, który uważał za niedopuszczalne wspieranie przez Rosję Serbów w czasach działania międzynarodowych sankcji. Kluczową jednak rolę w stosunkach rosyjsko-serbskich odgrywał prezydenta Federacji Rosyjskiej B. Jelcyn. Na jego zdanie miało wpływ wiele subiektywnych czynników [2, c. 119].

Oddzielnie należy rozpatrywać działania prasy rosyjskiej. Na początkowym etapie kryzysu jugosłowiańskiego przekazywano artykuły z zachodniej prasy. Wtedy to też znaleźli się «analitycy», którzy celowo zajęli wyraźnie antyserbską pozycję promując tezy, w których głosili, że wielowiekowe stosunki między Rosjanami i Serbami są niczym więcej niż tylko mitem oraz stereotypem. Istotą polityki Serbii miało być partykularne i instrumentalne wykorzystanie Rosji. Jednakże w mediach od końca 1993 r. zaczęły się pojawiać pewne zmiany. Autorzy artykułów coraz częściej zaczęli występować przeciw naciskom wobec Serbów.

Całość i złożoność materiałów prezentowanych w różnych czasopismach w dużym stopniu zależała od posiadania przez wydawców własnego dziennikarza w rejonie konfliktu, ale również od ich pozycji oraz etniczno-politycznych sympatii i antypatii. Tak na przykład, gazeta «Правда» w rozpatrywaniu konfliktu zajęła wyraźnie proserbską pozycję. W przeciwieństwie do niej «Известия» komentowała te wydarzenia zgodnie z aktualną linią rządu Rosji [2, c. 117–119].

Biorąc pod uwagę stosunki gospodarcze Rosji z Republiką Serbii należy zauważyć, że współpraca w tej dziedzinie była przede wszystkim ograniczona do udzielania Serbom bośniackim pomocy humanitarnej, jak również możliwością wykorzystania przez nich gazu rosyjskiego. W czasie konfliktu na obszary kontrolowane przez Serbów, został dostarczony gaz o wartości około 35–40 milionów dolarów [3].

Wydarzenia w Bośni i Hercegowinie wzbudzały ogromne zainteresowanie w rosyjskim społeczeństwie. Nie będzie chyba też przesadnym stwierdzenie, że opinia publiczna w tym okresie odegrała szczególną rolę. Wśród Rosjan były jeszcze silne wspomnienia o historycznej przeszłości obu narodów, poczuciu prawosławnej jedności oraz empatii. W związku z tym od początku konfliktu w społeczeństwie pojawiało się i rosło niezadowolenie z polityki zagranicznej Kremla. Podczas całego konfliktu rosyjscy obywatele (lepiej powiedzieć obywatele byłego Związku Radzieckiego) wzięli bezpośredni udział w konflikcie bośniackim po stronie Serbów. Jednak nie należy przeceniać ich roli. Według różnych źródeł przez cały okres bośniackiego kryzysu z lat 1992–1995, w wojnie brało udział nie więcej niż kilkaset wolontariuszy z krajów byłego Związku Radzieckiego [4, c. 282].

Tak więc, stosunki Rosji i Republiki Serbskiej były bardzo skomplikowane. Piętno «kozyriewskej» dyplomacji miało duży wpływ na rosyjsko-serbskie kontakty polityczne. Kontakty Kremla z Pale w znacznej mierze ograniczały się do korespondencji dyplomatycznej pomiędzy urzędnikami oraz prywatnymi i faktycznie bezrezultatywnymi wizytami w Moskwie przedstawicieli Republiki Serbskiej. Ich celem było zdobycie poparcia przywódców Rosji oraz pozyskanie pomocy humanitarnej. Bezwarunkowe poparcie Serbowie otrzymywali jedynie ze strony opinii publicznej w Rosji. Po raz pierwszy od 200 lat Rosja odwróciła się od pokojowego rozwiązywania konfliktu na Bałkanach.

Z punktu widzenia strategicznego Bośnia i Hercegowina była najważniejszym regionem Serbii. Teren ten był niezwykle bogaty w surowce. Poza tym w Bośni skupiało się około 65% przemysłu wojskowego byłej Jugosławii, w tym mnóstwo fabryk zajmujących się remontem rakiet, czołgów, artylerii, samolotów i sprzętu wojskowego. Poza tym znajdowały się tam też wielkie garnizony z czołgami, lotniskami, a także z bazami rakietowymi. Z tego powodu całkiem uzasadnionym wydaje się zainteresowanie Belgradu utrzymaniem tych obszarów w strefie swoich wpływów. Znaczącą rolę w tej sprawie odegrał także czynnik etniczny. Obecność w Bośni i Hercegowinie dużych serbskich enklaw (w 1991 r. 32,4% populacji stanowili Serbowie), które zawsze były zorientowane na Belgrad. Później okazało się, że, popierając na samym początku Serbów bośniackich przywódca Serbii nie spodziewał się takiego aktywnego udziału społeczności międzynarodowej. Poza tym, w tym militarno-politycznym kryzysie S. Milošević znacznie bardziej liczył na aktywne wsparcie Rosji – tradycyjnego partnera Jugosławii w regionie. Jednak przywódcy Serbii zdecydowanie pomylili się w ocenie sytuacji geopolitycznej i w możliwym sojuszu z Rosją [1, c. 363].

W początkowej fazie konfliktu w Bośni i Hercegowinie współpraca Federacyjnej Republiki Jugosławii z Republiką Serbską rozwijała się bardzo dobrze. Belgrad okazywał wszelkiego rodzaju pomoc bośniackim Serbom. Wspierał rozwój młodego powstającego państwa. Szczególnie korzystne były stosunki na płaszczyźnie gospodarczej i wojskowej. Pod presją KBWE władze Belgradu do 4 maja 1992 zostały zmuszone do podjęcia decyzji o wycofaniu

JNA z terytorium Bośni, przy tym maksymalnie ułatwiając tworzenie Armii Republiki Serbskiej (ARS). Około 80% personelu JNA pozostawało w powstającej serbskiej armii. Ponadto dzięki inicjatywie serbskich oficerów z JNA dużo broni i amunicji zostało przemieszczone z obszarów głównie zamieszkanych przez Muzułmanów i Chorwatów na tereny zaludnione przez Serbów. W wyniku tego większość sprzętu wojskowego i broni JNA pozostawało w posiadaniu bośniackich Serbów [4, c. 221].

Szybko i skutecznie rozwijała się współpraca gospodarcza. W latach konfliktu SFRJ udzieliła pomocy finansowej Republice Serbii w wartości ponad 5 miliardów dolarów. Priorytetem była dostawa żywności ponieważ w wojnie domowej ten problem był najbardziej dotkliwy dla bośniackich Serbów. Znaczna część dostaw do Republiki Serbskiej składała się z broni oraz amunicji. Ważną rolę odgrywała także i dostawa energii. Poza tym w warunkach braku własnej waluty na terenie Republiki Serbskiej był używany serbski dinar. Duże kwoty do RS płynęły także ze strony Czerwonego Krzyża [5, c. 5].

«Wynikiem» takiej ścisłej współpracy były sankcje nałożone na SFRJ 30 maja 1992 r. (Rezolucja Rady Bezpieczeństwa (dalej: RRB] ONZ №757) i następnie wzmocnione w 1992 r. (RRB ONZ №787) oraz w 1993 r. (RRB ONZ №820). Wtedy to też zostało zawieszono członkostwo Jugosławii w ONZ, OBWE i innych organizacjach międzynarodowych. Społeczność światowa zaczęła wywierać silną presję na Serbię, wprowadzając całkowitą blokadę ekonomiczną, żądając zaprzestania wspierania Serbów w Bośni i Hercegowinie [2, c. 21].

Jednak w pierwszej fazie kryzysu bośniackiego przy sprzyjającej sytuacji pojawiło się też dużo sprzeczności pomiędzy przywódcami Serbii i Republiki Serbskiej. S. Miloševiciowi nie podobała się nadmierna polityczna niezależność i bezkompromisowość rządu w Pale. Dodatkowo sytuację pogarszały motywy osobiste. Silny, charyzmatyczny przywódca bośniackich Serbów R. Karadžić stał się ogólnoserbskim symbolem, który mógł konkurować z serbskim prezydentem. Na to nie mógł zgodzić się autorytarny S. Miloszević [3].

Niezgodności polityczne w czasie trwania sankcji gospodarczych i silnej międzynarodowej presji na Belgrad zaczęły odnosić skutki. Mając nadzieję na uniknięcie zaostrzenia embarga ONZ, rząd serbski w dniu 4 sierpnia 1994 r. ogłosił zerwanie stosunków politycznych i gospodarczych z Republiką Serbską oraz zamknięcie wspólnej granicy. Odmówiono wejścia do Jugosławii dla wszystkich szefów bośniackich Serbów. Warto zauważyć, że brama graniczna zamknęła się w czasie kiedy z Pale do Belgradu wyjechała wiceprezydent Republiki Serbii B. Plavšić.

Należy zauważyć, że w Serbii nie wszystkie siły polityczne poparły zmianę polityki S. Miloševicia. Oprócz rządzącej Partii Socjalistycznej, jego «nową politykę» poparł przewodniczący Serbskiej Partii Odnowienia V. Drašković i przywódcy wielu innych mniejszych partii demokratycznych. Uważali oni, że interes Serbów w Jugosławii nie pokrywają się z interesami Serbów w Bośni i Hercegowinie [2, c. 66].

Kategoryczny sprzeciw wobec przerwania pomocy bośniackim Serbom wyraził przewodniczący nacjonalistycznej Serbskiej Partii Radykalnej V. Šešelj i wiodący przywódcy opozycji antimiloszewskej Z. Đinđić. (Partia Demokratyczna) i V. Koštunica (Demokratyczna Partia Serbii). Przeciw zwrotowi w polityce S. Miloševicia wystąpił także SerbskiKościół Prawosławny. Patriarcha Paweł kontestacyjnie odwiedził w tych dniach Pale, gdzie spotkał się z R. Karadžiciem. Nawet przywódcy armii jugosłowiańskiej i służb specjalnych przyjęli tę, «nową politykę» bez żadnego entuzjazmu, a kiedy tylko mogli sabotowali ją [6, c. 3].

Nieprzychylnie działania S. Miloševicia przyjęło także serbskie społeczeństwo. Według badań statystycznych w Serbii połowa respondentów wyraziła swoje niezadowolenie z polityki izolacji bośniackich Serbów. Próba określenia nastroju serbskiego społeczeństwa była jednak bardzo trudna, gdyż napór oficjalnej propagandy, jednogłośnie usprawiedliwiał działania prezydenta [7, c. 5].

Stanowisko Serbii w sprawie Republiki Serbskiej było bardzo niekonsekwentne i sprzeczne. W zależności od sytuacji międzynarodowej na różnych etapach kryzysu w Bośni, było określone w różny sposób. Obok znaczących sukcesów w sferze gospodarczej oraz wojskowej, to jednak trzeba zauważyć, że w stosunkach pomiędzy Belgradem i Pale istniały istotne rozbieżności w wielu kwestiach politycznych. Oczywistym jest, że Serbowie w Bośni i Hercegowinie nie byli samodzielni w tym konflikcie. Sukces Republiki Serbskiej, a szczególnie skuteczność działań armii bośniackich zaistniał dzięki wielkiej i wieloaspektowej pomocy, którą okazał Belgrad (przynajmniej do czasu przerwy w kontaktach w sierpniu 1994 r.).

1. Васильева, Н. Балканский тупик?..(Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. Васильева, В. Гаврилов. – М.: Гея итэрум, 2000. – 480 с.
2. Никифоров, К. Между Кремлем и Республикой Сербской / К. Никифоров – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – 261 с.
3. Гуськова, Е. Смогла бы Россия отдать Куликово поле? [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.guskova.ru/w/present/1999-03-24. – Дата доступа: 11.01.2022.
4. Гуськова, Е. История югославского кризиса (1990 – 2000) / Е. Гуськова. – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. – 720 с.
5. Пасхин, Н. Сербия лишает боснийских сербов денег, нефти и оружия / Т. Пасхин // Известия. – 1994. – 6 августа. – С. 5.

6. Батурин, А. Научившись водить за нос человечество, боснийские сербы отрабатывают этот прием на Милошевиче / А. Батурин // Известия. – 1994. – 16 августа. – С.3.
7. Батурин, А. Боснийским сербам остается уповать на себя, на чудо и на смену власти в Белграде/ А. Батурин // Известия. – 1994. – 11 августа. – С. 5.

УДК 94 (41/99)

СОВРЕМЕННАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ФРГ И ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЦВЕ

Белла Ночвина
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия
bella.nochtvina@mail.ru

Данная статья посвящена новой стратегии энергетической безопасности ФРГ, которая, по мнению правительства Германии призвана обеспечить максимальную энергоэффективность, используемых источников. Автор предпринимает попытку оценки причин перехода Германии к «новому зеленому курсу» в энергетической политике, а также перспективы влияния энергоконцепции ФРГ на условия реализации странами ЦВЕ своей национальной безопасности в реалиях кризиса евроинтеграции.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, зеленая экономика, экология, евроинтеграция

THE MODERN ENERGY STRATEGY OF GERMANY AND THE SECURITY CHALLENGES OF THE CEE COUNTRIES

Bella A. Nochvina
Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article analyses the new energy security strategy of Germany, which, according to the German government, is designed to ensure maximum energy efficiency of the sources used. The author makes an attempt to assess the reasons for Germany's transition to a "new green course" in energy policy, as well as the prospects for the impact of the energy concept of Germany on the conditions for the realisation of their national security by the CEE countries in the realities of the European integration crisis.

Keywords: energy security, green economy, ecology, European integration

Современная энергетическая политика стран ЕС характеризуется как переход к «новому зеленому курсу», т.е. формирование в Еврозоне климатически нейтральной экономики. В 2019 г. Европейская Комиссия приняла важный документ в реализации данной стратегии «Европейский зеленый курс». Цель, обозначенная в документе: «реформирование энергетического сектора в направлении дальнейшей декарбонизации энергетической системы, приоритетности энергоэффективности, необходимости развития сектора возобновляемых источников и отказа от угля» [1]. Приоритетным также становиться доступ к новым источникам энергии и защита национальной энергобезопасности. Долгосрочная цель нового энергетического курса ЕС: повысить ресурсоэффективность, создание нового конкурентноспособного технологического хаба как ответ на современные изменения климата.

Летом 2020 г. в ФРГ была принята новая стратегия Energiewende (национальная водородная стратегия) [2] как продолжение общеевропейского энергетического курса. Главным условием для перехода к климатически нейтральной экономике становиться постепенный переход к «зеленому водороду», получаемому исключительно из альтернативных и возобновляемых источников сырья. «Зеленый водород производится исключительно путем электролиза воды. При этом электроэнергия, электролиза, должна без исключения быть получена из возобновляемых источников энергии» [3].

Ранее Комитетом по экологической политике Европейской экономической комиссией в начале 2019 г. был принят документ «Деятельность по оказанию поддержки странам в их усилиях по экологизации своей экономики и достижению устойчивого развития». Пункт 8 его гласит: «В ноябре 2017 года в ходе двадцать третьей сессии Комитета состоялось параллельное мероприятие по итогам проекта «Экологизация экономики в странах Восточного партнерства» («EaP GREEN»), организованное ЕЭК, ОЭСР, ЮНЕП и Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). Этот проект,

финансируемый Европейским союзом и другими донорами, стал важным механизмом оказания поддержки шести странам – участникам Восточного партнерства Европейского союза (Азербайджану, Армении, Беларуси, Грузии, Республике Молдова и Украине) в ускорении прогресса на пути к «зеленой» экономике на основе более рационального использования природного капитала в контексте повышения экономической производительности и конкурентоспособности» [4].

Переход ФРГ как флагмана ЕС к «новому зеленому курсу» означает не только пересмотр правовой составляющей соответствующей отраслевой промышленности Германии, но также выработка новой сертификации европейских и международных стандартов, включение в зону транснациональной водородной инфраструктуры, прежде всего, стран ЦВЕ и Южной Европы. Использование стран Восточного партнерства в качестве необходимой сырьевой зоны и реализации пробных проектов.

По мнению ряда аналитиков, зеленая концепция экономики Евросоюза, хотя и направлена на повышение уровня возобновляемых источников к 2050 г. более 60%, не может на первоначальном этапе полностью отказаться от традиционного вида сырья. Это, в частности, может положительно сказаться на российско-германском торговом сотрудничестве в энергетической сфере. Ведущий эксперт В. Белов отмечает: «Переход Германии и стран Евросоюза к климатически нейтральной экономике, закреплённый в Европейской зелёной сделке, Новой промышленной и водородной стратегиях ЕС и ФРГ, открывает значительные возможности для развития европейского водородного рынка. В долгосрочной перспективе он ориентирован на «зелёный» водород, получаемый из воды на основе электролиза и энергии от ВИЭ. В среднесрочной - рынок в течение минимум 10-15 лет будет формироваться за счёт «голубого» и «бирюзового» H2, основой которого является природный газ» [5. с. 66].

Процесс перехода ФРГ к альтернативным источникам сырья практически уничтожил национальную атомную промышленность, а принятия Закона о возобновляемых источниках энергии, предусматривает ликвидацию угольных электростанций. Поддерживая введения карбонатного налога Германия, стремиться максимально обеспечить собственную энергетическую безопасность, что подтверждается строительством газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2». Промышленность ФРГ не готова полностью отказаться от традиционных источников сырья по следующим причинам: возрастающая потребность в энергоресурсах в условиях колебаний климата, не хватка резервов для хранения электроэнергии при функционировании водородной экономики, спорные экологические плюсы при использовании ВИЭ и т.д. «Зелёный водород» требует огромных затрат электроэнергии, причём для его производства нужно затратить больше энергии, чем потом получишь при сжигании водорода. Кроме того, в Германии практически не осталось места для установки новых ветрогенераторов и солнечных электростанций, которые бы вырабатывали электроэнергию, а излишки бы направлялись на электролизёры для выработки водорода. А это значит «зелёный водород» придётся импортировать, в том числе из России. Но рынка водорода не существует, даже оценочные расчёты свидетельствуют об очень высокой цене на электроэнергию, которая будет вырабатываться с его помощью» [7].

Многие в Германии воспринимают навязанную деиндустриализацию как стратегию, которая наносит весомый ущерб экономике страны, не оправившейся от негативных последствий пандемии. «Нет необходимости ставить под угрозу рабочие места в угольной промышленности, количество которых по-прежнему исчисляется пятизначными цифрами…. Не может не сложиться впечатление, что лево-зеленая климатическая повестка дня направлена не на энергетический поворот, а на целенаправленную деиндустриализацию Германии» [8].

Отметим, «новый зеленый курс» энергетической политики ЕС, хотя и предусматривает не без основания технологический прорыв в снятии проблемы зависимости европейских стран от поставок углеводородов лоббистами мирового энергетического рынка; в целом создает ряд трудностей в осуществлении данного проекта конкурентноспособными экономиками ЕС, например, ФРГ.

Для стран ЦВЕ «новый зеленый курс» ЕС в большей степени означает новые риски для национальных экономик этих стран и усиление асимметрии европейской интеграции в пользу высокотехнологичных государств Старой Европы.

Экономическая асимметрия в странах ЦВЕ дополняется устаревшей системой трансграничных поставок энергосырья и невозможностью качественной быстрой диверсификации своей промышленности под новые экостандарты ЕС. Большинство стран ЦВЕ видят выход из данной патовой ситуации в создании функционального регионального рынка энергии, который позволил бы улучшить диверсификацию энергокоридоров и поставок энергосырья: строительство терминалов для хранения СПГ, преимущественно из США, использование ВИЭ, консолидация усилий по строительству единой транспортно-газового маршрута от Балтики до Адриатики, создание механизма взаимопомощи по лоббированию интересов стран ЦВЕ в формате соответствующих комитетов Еврокомиссии. Наибольших успехов в этом достигли страны «Вышеградской группы». Однако и здесь есть свои нерешенные проблемы: отсутствие единого политического курса стран группы в обеспечение национальной безопасности. Так Польша, ориентированная на политику евроатлантизма, выступает против «Северного потока-2», за расширение

поставок американского СПГ и сохранения низких ставок EU ETS. В отличие от нее правительство Венгрии придерживается более прагматичного курса в обеспечении энегобезопасности: подписание долгосрочных контрактов с «Газпромом», акцент на повышение конкурентноспособности национальной атомной промышленности в условиях невыполнения партнерами обязательств по строительству дополнительных газопроводов.

По проекту Еврокомиссии в 2025 г. ожидается введение нового экологического стандарта «Евро-7» с более жесткими ограничениями, что по мнению экспертов приведет не только к полному запрету производства автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, вместо них планируется повысить выпуск электромобилей или гибридных моделей; но и к серьезному пересмотру логистического рынка стран ЦВЕ.

Более того планируемое повышение EU ETS неприемлемо для тех стран, чья энергобезопасность обеспечивается преимущественно за счет угольной промышленности, например, Польша. Невозможность быстрой диверсификации означает для таких стран ликвидацию национальной промышленности и возрастающую зависимость от дотаций со стороны Брюсселя. «Конфликт Польши и ЕС развивается по двум направлениям. Во-первых, вопросы демократии, прав ЛГБТ, польских законов и т. д., а, во-вторых, углеродные квоты, причем у Польши имеются как союзники, так и противники. Противником станет Германия: немцы на уровне экспертов прекрасно понимают происходящее и то, что германскую экономику углеродные квоты не устраивают. Хотя менять они ничего не собираются» [9].

Действительно ФРГ выступает против недавнего решения Еврокомиссии о признании возможности использования атома и газа в переходный период, считая это не приемлемым и настаивает на полном запрете АЭС и традиционных ТЭС.

Современное коалиционное правительство Германии, где ключевые посты занимают представители партии «Зеленые», настроено весьма решительно в защите собственного видения единого европейского «нового зеленого курса». Так министр охраны окружающей среды ФРГ Штеффи Лемке заявляет: «Комиссия ЕС должна также учесть в своем решении, что некоторые государства ЕС предпримут юридические действия против решения объявить атомную энергетику и природный газ устойчивыми. Поэтому последнее слово еще не сказано» [6].

Позиция Германии обусловлена и стремлением нового правительства сохранить лидерство страны в ЕС в противовес амбициям Франции, где атомная промышленность имеет главный вес в обеспечении энергетической безопасности. Сумеют ли страны ЦВЕ, например, Польша извлечь выгоду в сохранении приоритетных национальных отраслей своей энергосистемы из этого противоборства Франции и Германии – вопрос остается открытым.

В отношении стран Восточного партнерства новая экологическая политика ЕС может иметь более разрушительные последствия. В частности, проект Еврокомиссии подразумевает предоставлении дотаций и кредитов лишь тем сельским хозяйствам, которые откажутся от постоянного использования удобрений и пестицидов. Это приведет к перераспределению европейского рынка минеральных удобрений и отразится на возможности сохранения конкурентноспособности странами Восточного партнерства своей сельскохозяственной отрасли в осуществлении большей ориентации на рынок ЕС. По оценке экспертов «сравнительно большая стоимость экспорта товаров Беларуси в ЕС, даже при сравнительно низкой доле стран ЕС в ее общем товарном экспорте, может привести к довольно ощутимым негативным последствиям для экспортеров Беларуси (чему также способствует структура экспорта Беларуси в ЕС, где преобладают древесина и продукция деревообрабатывающей промышленности, минеральные продукты, металлы и продукция химической промышленности)» [1].

В целом отметим, новая «зеленая стратегия» экономики ЕС, поддерживаемая правительством О.Шольца, имеет традиционную цель – расширения экономического и политического влияния стран «ядра Еврозоны» в ЦВЕ и на постсоветском пространстве. Реализация новой энергетической стратегии в ФРГ демонстрирует противоречие между евроатлантической ориентации партий «Зеленые» и СвДП и стремлением СДПГ сохранить прагматичный курс в обеспечении энергетической безопасности страны. Нежелание Брюсселя и Берлина учитывать интересы партнеров в ЦВЕ в вопросе обеспечения национальной безопасности лишь усиливает кризис евроинтеграции и евросолидарности.

1. «Европейский зеленый курс: формирование будущего Восточного Партнерства. Экологическая политика стран Восточного партнерства в условиях ЕЗК. Аналитический документ. – Авторский коллектив: Андрусевич Андрей, Андрусевич Наталия, Козак Зоряна, Мищук Зоряна. – Ресурсно-аналитический центр «Общество и окружающая среда» (2020). URL:https://www.rac.org.ua/uploads/content/593/files/webrueuropean-green-dealandeapru.pdf (дата обращения 4.02.2022)
2. Национальная водородная стратегия ФРГ, опубликованная 10.06.2020 на официальном сайте Министерства экономики и энергетики ФРГ. URL:https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/die nationalewasserstoffstrategie.html (дата обращения 4.02.2022)

3. Официальный сайт Министерства экономики и энергетики Германии. Классификация водорода по цветам. URL: https://www.bmbf.de/de/eine-kleine-wasserstoff-farbenlehre-10879.html (дата обращения 4.02.2022)
4. Европейская экономическая комиссия Комитет по экологической политике Двадцать четвертая сессия Женева, 29–31 января 2019 года. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1644253631&tld=ru&lang=ru&name=ece.cep.2019.2.r.pdf&tex (дата обращения 4.02.2022)
5. Белов В.Б. Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией//Современная Европа, 2020 , №5 с. 65- 76
6. Министр окружающей среды ФРГ пообещала обратиться в суд на Евросоюз// https://www.atomic-energy.ru/news/2022/02/01/121483 (дата обращения 8.02.2022)
7. Энергетика Германии – проблематика энергоперехода в свете выборов в Бундестаг. URL: https://novostienergetiki.ru/energetika-germanii-problematika-energoperexoda-v-svete-vyborov-v-bundestag/ (дата обращения 8.02.2022)
8. Энергетический поворот: умышленная деиндустриализация Германии? URL: https://katehon.com/ru/article/energeticheskiy-povorot-umyshlennaya-deindustrializaciya-germanii (дата обращения 8.02.2022)
9. Politico: углеродный налог усилил конфликт между Польшей и ЕС. URL: https://rueconomics.ru/557605-politico-uglerodnyi-nalog-usilil-konflikt-mezhdu-polshei-i-es (дата обращения 8.02.2022)

УДК 947.6(=411.6) (1914/1916)

ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ ЖАНЧЫН У ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Міхаіл Цуба ; Ганна Цуба
Пінск, Беларусь, Штайнпільц Бел, Мінск, Беларусь
cubanm05@rambler.ru

Дадзены артыкул з’яўляецца адным з першых грунтоўных даследванняў малавядомых старонак дзейнасці беларускіх жанчын падчас Першай сусветнай вайны. На падставе аналізу архіўных матэрыялаў і прац розных аўтараў асвятляецца рознабаковая дзейнасць беларускіх жанчын у складаных умовах ваеннага часу.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, беларускія жанчыны, міласэрныя сёстры, медыцынская дапамога і медыцынская дзейнасць, ахвяраванні, дабрачыннасць, беларускае таварыства

THE ACTIVITIES OF BELARUSIAN WOMEN DURING WORLD WAR I

Mikhail Tsuba ; Hanna Tsuba
Pinsk, Belarus, Steinpilz Bel, Minsk, Belarus

Different aspects of the activities of Belarusian women during World War I are investigated on the basis of the analysis of archival materials and works of different authors. Special attention is paid to the various women activities in difficult wartime conditions.

Keywords: World War I, Belarusian women, Sisters of Mercy, medical care and medical activities, donations, charity, Belarusian Society for Aid to War Victims

1 жніўня 1914 года пачалася Першая сусветная вайна. Пачатак гэтай вайны быў сустрэты ў Расійскай імперыі з уздымам і энтузіязмам. Не сталі выключэннем і беларускія землі. Каля размеркавальна-прызыўных пунктаў стаялі шэрагі добраахвотнікаў. Патрыятычны ўздым не прамігнуў і жанчын. Нягледзячы на тое, што за апошняе дзесяцігоддзе ўвага да падзей Першай сусветнай вайны істотна ўзрасла: розныя аспекты абазначанага кола праблем знаходзілі адлюстраванне ў навуковай літаратуры. Усё ж патрэбна адзначыць на сённяшні дзень няма ніводнага комплекснага даследвання, якое б непасрэдна датычылася ўдзелу і дзейнасці беларускіх жанчын у вызначаны перыяд.

У першыя дні вайны ва ўсіх беларускіх губерніях, якія з’яўляліся прыфрантавой паласой расійскага Паўночна-Заходняга фронту, было ўведзена ваеннае становішча. У сувязі з чым амаль у кожным на беларускіх землях губернскім і павятовым горадзе многія мясцовыя бальніцы пераводзіліся ў разрад ваенных шпіталяў, лазарэтаў і санаторыяў. Акрамя таго на гэтыя патрэбы выдзяляліся дачы, сядзібы некаторых беларускіх людзей па іх дамоўленасці з мясцовай ваеннай адміністрацыяй. Таксама ствараліся

розныя супрацьэпідэмічныя, перавязачныя пункты і рухомыя лячэбна-эвакуцыйныя і санітарна-транспартныя ўстановы.

У выніку адчуваўся недахоп медперсаналу. Вайна правяла да таго, што многія беларускі вырашылі прыняць пасільны ўдзел у дапамозе фронту. Дзяўчаты і жанчыны пачалі ў масавым парадку запісвацца на курсы міласэрных сёстраў. Гэта былі прадстаўніцы розных сацыяльных пластоў: ад простых сялянак і мяшчанак да дзяўчын з багатых саслоўяў – магнатаў, дваран, шляхты, дочак чыноўнікаў і афіцэраў. Нямала сярод іх было свядомых у нацыянальных адносінах беларусак, якія імкнуліся ўмацаваць пазіцыі беларускага адраджэнскага руху ў грамадстве.

Забараніўшы дзейнасць грамадска-палітычных згуртаванняў у армейскім тыле, царскі ўрад заахвочваў стварэнне нацыянальных камітэтаў па аказанню дапамогі ахвярам вайны. Так з красавіка 1915 года ў Вільні распачала сваю працу беларуская дабрачынная арганізацыя “Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны”. Асноўнымі накірункамі работы таварыства з’яўляліся стварэнне і арганізацыя пунктаў харчавання, адкрыцця сталовых, інтэрнатаў, школ, дзіцячых прытулкаў, а таксама аказанне медыцынскай дапамогі ўсім тым, хто пацярпеў ад вайны: бежанцы і іх дзеці, сем’і, з якіх былі закліканы мужчыны ў салдаты, сем’і, страціўшыя кармільцаў, асірацелыя дзеці і г.д. Сродкі на выкананне дабрачынных спраў складаліся з членскіх узносаў, ахвяраванняў, а таксама з культурна-дабрачынных мерапрыемстваў. Відную ролю ў гэтым таварыстве адыгрывалі сёстры Юліяна і Ляля Мэнке (прычым Юліяна з’яўлялася скарбнікам таварыства), Аляксандра Рачкоўская, Марыя Кастравіцкая і асабліва Алаіза Пашкевіч (Цётка) [1, с. 45].

Разам з тым Алаіза Пашкевіч працавала яшчэ ў віленскім шпіталі “Мішмерас-Хойлем” міласэрднай сястрою і, паводле ўспамінаў Максіма Гарэцкага, па-свойму выконвала ўскладзены на яе ваенным ліхалеццем абавязак. Акрамя сваёй непасрэднай медыцынскай працы, яна ніколі не забывала падкладваць выдадзеныя нумары газеты “Наша ніва” пад падушкі параненым беларусам [2, с. 88].

Пасля акупацыі Вільні кайзераўскімі войскамі “Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны” працягвала сваю работу. Менавіта па хадатайніцтву гэтага таварыства, дзякуючы намаганням Алаізы Пашкевіч, Юліяны Мэнке, Лідзіі Чарняўскай і іншых была адчынена беларуская настаўніцкая семінарыя ў Свіслачы Ваўкавыскага павета, што на Гродзеншчыне. Дадзеная семінарыя, якая распачала працу 17 кастрычніка 1916 года, павінна была рыхтаваць настаўнікаў для беларускіх школ, у якіх маглі вучыцца ўсе жадаючыя дзеці. Акрамя мужчын, вядомых беларускіх дзеячаў, якія вялі заняткі ў семінарыі, вялікую долю складалі жанчыны. Цётка вяла педагогіку, Ю. Мэнке – нямецкую мову, М. Клімант – спевы, С. Іваноўская – гімнастыку, Я. Булгак – гігіену [2, с. 121].

Сярод іншых дзеячак беларускага нацыянальнага руху ў першы год вайны звяртае на сябе ўвагу Уладзіслава Станкевіч (Луцэвіч), якая ў 1916 г. выйдзе замуж за Я. Купала. Яна друкавала свае вершы ў “Нашай ніве”, рэкламавала беларускую літаратуру і нават змагла заснаваць прытулак для дзяцей бежанцаў.

У 1914—1915 гг. у Вільні ажыццяўляў сваю дзейнасць Беларускі музычна-драматычны гурток на чале з Алесем Бурбісам. Актыўнымі ўдзельнікамі гэтага гуртка з’яўляліся Алаіза Пашкевіч, Людвіка Сівіцкая, Паўліна Мядзёлка, Канстанцыя Буйло і інш. Гурткоўцы наладжвалі вечары нацыянальнай культуры, ставілі спектаклі, вялі асветніцкую дзейнасць, прапагандавалі народныя песні, танцы, творы беларускай драматургіі. У неспрыяльных умовах ваеннага часу беларускія тэатральныя дзеячкі, улічваючы ў якім становішчы апынулася беларускае насельніцтва, у сваіх выступах часта высмейвалі і крытыкавалі самадзяржаўе, але ў той жа час падтрымлівалі мерапрыемствы ўрада накіраваныя на дабрачынную дапамогу пацярпелым ад вайны. Выступленні гуртка карысталіся вялікім поспехам не толькі ў гледачоў на беларускіх землях, але і па-за межамі. Напрыклад, для беларускіх бежанцаў тэатральныя выступленні наладжваліся ў Петраградзе, Маскве, Днепрапятроўску, Тамбове. Усе дадзеныя мерапрыемствы насілі дабрачынны характар, на сабраныя сродкі аказвалася дапамога беларускім бежанцам, параненым, салдацкім сем’ям.

У 1916 – пачатку 1917 гг. значныя змены ў беларускай справе адбыліся і ва ўсходняй частцы Беларусі, якая ўваходзіла ў сферу дзейнасці расійскіх войск. У гэты час у вялікіх і малых гарадах, а таксама мястэчках на неакупіраванных немцамі беларускіх землях пачынаюць дзейнічаць самыя розныя нацыянальныя па форме арганізацыі, як дабрачынныя, так і культурна-асветніцкія. Як правіла, па суботах у форме “беларускіх хатак” адбываліся доўгія і змястоўныя вечарыны, на якіх абмяркоўваліся палітычныя пытанні, разбіраліся і асэнсоўваліся беларускія нацыянальныя справы. Часта арганізоўваліся спектаклі і іншыя культурна-асветніцкія мерапрыемствы, а набытыя сродкі выдаткоўваліся на дабрачыннасць [1, с.47].

У Мінску адным з такіх пунктаў, які аб’ядноўваў беларускіх паэтаў, пісьменнікаў, публіцыстаў, вучоных, мастакоў, артыстаў і іншых культурных дзеячаў, з’яўлялася “беларуская хатка”, створаная па ініцыятыве Мінскага аддзела “Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны”. У яе рабоце таксама, як і ў працы таварыства прымала актыўны ўдзел прадстаўніца магнацкага беларускага роду Марыя Магдалена Радзівіл. Яе можна лічыць асноўнай на беларускіх землях мецэнанткай на патрэбы дабрачыннасці звязаныя з вайной, а таксама на розныя беларускія справы. Дарэчы, Марыю Магдалену часта называюць самай беларускай з усіх Радзівілаў. Так як яна ўсюды размаўляла толькі на беларускай мове і

прывівала гэта іншым. На яе грашовыя і рэчавыя ахвяраванні былі адчынены беларускія школы, прытулкі для дзяцей, бальніцы, храмы; выдаткоўваліся грошы на падтрымку беларускага тэатра, выданне кніг і г.д. Напрыклад, на пачатку вайны дзякуючы яе мецэнацтву была выдадзена кніга вершаў Максіма Багдановіча “Вянок”, а таксама творы Максіма Гарэцкага, Якуба Коласа і іншых.

Уплывовымі дзеячкамі “Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны” былі Ванда Лявіцкая і, эвакуіраванная з Вільні ў Мінск, Зоська Верас, якая з’яўлялася сакратаром арганізацыі. Людвіка Сівіцкая (псеўданім Зоська Верас) мела да гэтага істотны вопыт работы ў віленскім Беларускім камітэце, які меў на мэце пашырыць веды пра Беларусь, яе гісторыю, мову, культуру, развіваць нацыянальную свядомасць. Зоська Верас займалася літаратурнай творчасцю, друкавалася ў газеце “Наша ніва”. Яна ўдзельнічала разам з Цёткай у 1915 годзе ў адкрыцці беларускай школы, а затым беларускіх настаўніцкіх курсаў, дзе выкладала нямецкую мову і педагогіку. Менавіта пад іх уплывам дадзенае таварыства арганізоўвала і праводзіла асветніцка-культурныя і дабрачынныя мерапрыемствы, мерапрыемствы ў абарону беларускай культуры, збіраліся сродкі для аказання дапамогі параненым, бежанцам, салдацкім сем’ям [1, с. 48].

Актыўны ўдзел у працы таварыства прымала яшчэ зусім юная 16-ці гадовая Апалонія Раткевіч (Савёнак па-мужу). Будучая пісьменніца аб наведванні “беларускай хаткі” падчас вайны ў сваім артыкуле “Калісьці ў Менску” ўспамінала: “Ніхто не чытаў нам лекцыяў, не пераконваў, не агітаваў. Гэтыя выдатныя людзі выбралі найвастрэйшую зброю – мастацкае слова. Яны прамаўлялі да нас вуснамі нашых паэтаў-адраджэнцаў … калі Лявіцкая дэклямавала цёплыя Цётчыны ды Буйлянчыны творы – тут была й любасць да пакрыўджанае Бацькаўшчыны, і слаўная мінуўшчына яе, і пашана да свае мовы. Гэта было для нас і навукай, і клічам, і загадам, і праграмай дзейнасці. Мы бачылі ідэю, тую высокую, велічную ідэю змагання за волю свае Бацькаўшчыны й свайго народу …” [3, с. 12].

Пачынаючы з другой паловы 1915 года галоўнымі цэнтрамі беларускага нацыянальнага руху становяцца Петраград, Масква, Калуга, Кіеў, Адэса і іншыя гарады. Створаныя тут бежанскія арганізацыі сталі апорнымі пунктамі збору беларускіх дзеячаў для наладжвання дабрачыннай і нацыянальнай працы. У гэтым плане Беларускае таварыства ў Петраградзе па аказанні дапамогі пацярпелым ад вайны з’яўлялася ўзорам для іншых. Гэтае таварыства аказвала дапамогу грашыма, адзеннем і рэчамі, адчыняла інтэрнаты для беларускіх студэнтаў і вучняў, дзіцячы прытулак, кравецкую майстэрню, выдавала рэкламныя лістоўкі з заклікам ахвяраваць грошы для беларускіх бежанцаў, якіх дарэчы налічвалася ў Петраградзе ў канцы 1916 года 100 704 чалавекі [4, арк. 157]. Заснавальнікам дадзенага таварыства быў вядомы Б.І. Эпімах-Шыпіла, а пад яго кіраўніцтвам, акрамя бяспрэчна мужчын, працавалі вельмі ініцыятыўныя беларускія дзеячкі Я.В. Кавецкая, М.А. Дзевялтоўская-Гінтаўт і сакратаром з’яўлялася П.В. Мядзёлка. Намаганнямі ў першую чаргу гэтых жанчын у лістападзе 1916 года для дзяцей беларускіх бежанцаў была адчынена першая легальная беларуская школа на неакупіраванай немцамі тэрыторыі Расійскай імперыі. Навучанне, падручнікі і абеды ў школе былі бясплатныя. Уражваюць аб’ём работы і адлегласці, якія падчас вайны пераадольвала Паўліна Мядзёлка. На пачатку 1917 года яна ўжо на тэрыторыі Украіны, дзе ўладкоўваецца на работу ў дабрачынную арганізацыю “Саюз гарадоў”. У гэтай арганізацыі П.В. Мядзёлка працавала ў аддзеле дапамогі ахвярам вайны па стварэнню дзіцячых прытулкаў у Кіеве. Затым у кастрычніку 1917 года з Кіева прыязджае ў Мінск, дзе на сцэне гарадскога тэатра (сёння тэатр імя Я. Купалы) чарговы раз іграе галоўную ролю ў прысвечанай ёй Я.Купалам п’есе “Паўлінка” выступаючы для з’езда салдацкіх дэпутатаў прадстаўнікоў заходняга фронту. А праз некалькі дзён згодна дамоўленасці з Марыяй Магдаленай Радзівіл стварае беларускую школу ў вёсцы Жорнаўка (Ігуменскага павета), у якой нейкі час працуе настаўніцай.

Даволі насычаным на падзеі ў ваенны перыяд было і жыццё беларускай паэтэсы Канстанцыі Буйло. У 1914 годзе ў Вільні яна заканчвае настаўніцкія курсы, затым на пачатку вайны друкуе сваю знакамітую кніжку вершаў “Курганная кветка”. Вершамі К. Буйло захапляўся Я. Купала, ён дарэчы і благаславіў выданне гэтай кніжкі. Напрыканцы 1914 – пачатку 1915 года Канстанцыя Буйло працавала настаўніцай у адной з вёсак Лідскага павета, дзе вучыла, як мясцовых дзяцей, так і дзяцей бежанцаў. У другой палове 1915 года яна з’язджае ў Полацк, дзе працуе загадчыцай бібліятэкі. А затым у 1916 – 1917 гг. у Земскім саюзе гэтага горада. Абавязкі, якія К. Буйло выконвала на працы былі звязаныя з бежанскім рухам, клопатам аб лёсе сем’яў, з якіх хтосьці быў мабілізаваны на фронт, а таксама ў аказанні дапамогі параненым салдатам. Калі яе вершы не сыходзілі з выдання ў 1914 – першай палове 1915 з старонак газеты “Наша ніва”, то з такім жа поспехам яны друкаваліся на працягу 1916 года ў газеце “Беларускага таварыства па аказанні дапамогі пацярпелым ад вайны” ў Петраградзе “Дзянніца”, рэдактарам-выдаўцом якой з’яўляўся Цішка Гартны (Зміцер Жылуновіч) [5, с. 25].

Дабрачынны пачын Марыі Магдалены Радзівіл у гады вайны падтрыманы і іншымі прадстаўніцамі магнацкага роду. Так як у нясвіжскім замку Радзівілаў знаходзіўся шпіталь для параненых і хворых воінаў, то самім лёсам было наканавана Даратэі Радзівіл і Розе Святаполк-Чацвярцінскай стаць сёстрамі міласэрнасці Мінскай абшчыны Чырвонага Крыжа і аказваць пасільную дапамогу параненым. Спраўна выконвала абавязкі міласэрнай сястры таксама гомельская графіня Аляксандра Шувалава, якая нават пад

моцным артылерыйскім агнём змагла ажыццявіць перавязку параненых. Вялікую дабрачынную дзейнасць праводзіла ў час ваеннага ліхалецця апошняя ўладальніца гомелькага палацу Тышкевічаў княгіня Ірына Паскевіч. Шмат грашовых і рэчавых ахвяраванняў яна бескарысна аддала дзеля таго, каб дапамагчы пацярпелым ад вайны выйсці са становішча цемры і галечы. Нават свой адзіны, што быў на хаду легкавы аўтамабіль яна перадала ў ведама Расійскага таварыства Чырвонага Крыжа, які быў накіраваны на фронт для перавозкі параненых у шпіталі [6, арк 27].

І ўсё ж ва ўсіх вышэй згаданых жанчын пераважаў дабрачынны, культурна-нацыянальны накірунак іх дзейнасці. Але былі беларускія жанчыны, для якіх у ваенных абставінах галоўнымі з'яўляліся службовыя абавязкі. Вайна прымала зацяжны характар. Жанчын сталі заклікаць на ваенную службу. Але служылі яны ў асноўным у розных тылавых фарміраваннях у якасці медыцынскага персаналу. Тым не менш міласэрныя сёстры рызыкуючы сваім жыццём часта выконвалі свае абавязкі не толькі ў шпіталях і лазарэтах прыфрантавых гарадоў, але і на перадавой.

Некаторые медыкі-жанчыны беларускага паходжання мелі грунтоўную падрыхтоўку ў галіне ваеннай медыцыны і па адукацыі з'яўляліся ваеннымі ўрачамі. Адна з іх Алёна Міхайлаўна Дзелару (дзявочае прозвішча Расноўская) у 1916 – 1917 гадах працавала асістэнтам кафедры эксперыментальнай гігіены Кіеўскага медінстытута. Адначасова з'яўлялася ардзінатарам эвакуцыйнага шпіталя ў Кіеве. Напрыканцы вайны будучы ўрачом лячыла хворых тыфам у ваенных шпіталях. У пасляваенны час заведавала кафедрай у Віцебскім медінстытуце [7, с. 70].

Істотную вядомасць набыла медыцынская дзейнасць ураджэнкі Віцебшчыны Н.М. Ярмаловіч. Спачатку ў 1916 – 1917 гадах яна працавала міласэрнай сястрой у эвакуцыйным ваенным шпіталі Віцебска. Затым у 1918 – 1919 гадах у Петраградзе аказвала медыцынскую дапамогу беларускім бежанцам і адначасова вучылася ў тэатральным інстытуце. Пасля яго заканчэння працавала ў тэатры Усевалада Мейерхольда, была асабіста знаёма з Сяргеем Ясеніным і Аляксандрам Блокам. Тым не менш медыцынскі накірунак з цягам часу ўзяў верх. Маючы вышэйшую медадукацыю яна затым узначальвала санэпідэмстанцыі ў Віцебску і Магілёве [7, с. 71].

Вобраз жанчын-гераінь у гады Першай сусветнай вайны непасрэдна звязваўся з найпрыгажэйшым тыпам сястры міласэрнасці, якую называлі "белым анёлам". Вобраз такога накірунку актыўна прапагандаваўся ў расійскіх сродках інфармацыі, а сама жанчына ў гэты перыяд лічылася памочнікам салдата. Камплект форменнага адзення сястры міласэрднасці быў розным: вясной-летам гэта лёгкія белыя сукенкі з такімі ж белымі хусткамі альбо накідкамі, восенню-зімой, як правіла, карычневага колеру сукенка з белым фартукам, на якім быў пазначаны чырвоны крыж, на галаве шырокая хустка, на левай руцэ белая павязка з чырвоным крыжам. Дадаткова выдаваліся яшчэ цёплае паліто альбо скураная куртка. Гэтае адзенне, якое тады лічылася вельмі модным і папулярным, сёстрам міласэрнасці дазвалялася адзяваць толькі падчас выканання сваіх непасрэдных абавязкаў: на тэатры ваенных дзеянняў, у тыле, у шпіталях, санітарных цягніках і г.д. Але забаранялася пасля дзяжурных змен з'яўляцца ў дадзенай форме на вуліцах гарадоў, наведваць кіно, знаходзіцца ў розных забаўляльных месцах ці іншых грамадскіх установах. Сястрой міласэрнасці магла стаць удава альбо дзяўчына ад 18 да 40 гадоў любога саслоўя, але хрысціянскага вераспавядання.

Сёстры міласэрнасці самаахвярна выконвалі ўскладзеныя на іх абавязкі працуючы на перавязачных пунктах, у перапоўненых шпіталях і лазарэтах, на чыгуначных станцыях і ў санітарных цягніках. У асобных выпадках яны знаходзіліся нават на баявых пазіцыях і ў акопных траншэях, дзе пад агнём варожай артылерыі, стралковай зброі, налётаў авіацыі працягвалі аказваць дапамогу параненым. Самаддана ратавалі салдат і мірнае насельніцтва падчас прымянення ўдушлівых газаў. У цяжкіх умовах абслугоўвалі ўсім неабходным і лячылі хворых тыфам.

Аднак першыя ўзнагароды на беларускіх землях георгіеўскімі медалямі 4 ступені, міласэрныя сёстры Брэст-Літоўскага ваеннага шпіталя №9 атрымалі не за вышэй пералічаныя акалічнасці, а з-за неахайнасці і халатнасці расійскіх салдат прывёўшых да пажару і выбуху снарадаў на артылерыйскім складзе. Менавіта за выратаванне параненых салдат падчас выбуху артылерыйскага склада 5-га лістапада 1914 года ў Брэст-Літоўску і праяўленыя пры гэтым мужнасць і доблесць, сёстры міласэрнасці Анеля Жылінская, Еўдакія Уладзіміра, Марыя Лапшына, Лізавета Кузняцова і Надзея Філіпчанка ўдастоіліся гэтых узнагарод [8].

На пачатку 1915 года германскае камандаванне вырашыла асноўныя сілы сваіх войск перакінуць з захаду на ўсход. У красавіку 1915 года пачалося наступленне аўстра-венгерскіх войск у Галіцыі, а ў маі ў раёне Горліца – Тарноў іх падтрымалі германскія арміі. Амаль што на ўсім сваім працягу Усходні фронт быў узламаны. Расійская армія была вымушана пакідаць раней заваяваную Галіцыю і адступаць з Польшчы.

Менавіта ў раёне Горліца – Тарноў каля чыгуначнай станцыі Ясло здзейсніла свой подзвіг сястра міласэрнасці мінскай абшчыны Надзея Бортнік. 15 красавіка 1915 года Н.М. Бортнік падчас абстрэлу і скідвання бомбаў з варожых аэрапланаў, рызыкуючы ўласным жыццём, засталася на пазіцыях і аказвала дапамогу параненым, за што была адзначана георгіеўскім медалём 3 ступені. Праз дзень 16 красавіка 1915

года каля гэтай жа польскай чыгуначнай станцыі вызначыліся родныя сёстры з той жа мінскай абшчыны Ганна і Марына Мысліўчыкі, якія з небяспекай для жыцця пад абстрэлам ажыццяўлялі перавязку параненых. Пры чым Марына Мысліўчык будучы параненай сама, працягвала аказваць дапамогу цяжкапараненым салдатам. За праяўленую мужнасць абедзьве сястры былі ўзнагароджаны георгіеўскімі медалямі 4 ступені [8].

У ваенна-інжынерных адносінах аператыўны раён на подступах да Беларусі не ўяўляў сабой надзейнай сістэмы, на якую б расійскія войскі змаглі б абаперціся пры наступленні і спыніць праціўніка пры абароне. Лепшыя ў той час ваенна-інжынерныя сілы Расіі замест падрыхтоўкі агульнага абарончага рубяжа заняліся пераважна ўмацаваннем крэпасной сістэмы, не ўцяміўшы, што крэпасная стратэгія і тактыка ўжо зжылі сябе. У выніку далейшага працягу наступу германскіх і аўстра-венгерскіх войск летам 1915 года ваенныя дзеянні разгарнуліся непасрэдна на беларускіх землях.

Уражвае сваёй самаадданасцю справе і смеласцю ўчынак сястры міласэрнасці 484-га палявога эвакуацыйнага шпіталя Надзеі Дубінінай. 11 ліпеня 1915 года шпіталь, які знаходзіўся паблізу вёскі Пасекі, што на Ваўкавышчыне, быў абстраляны цяжкай артылерыяй праціўніка. Шацёр перапоўнены параненымі аказаўся разарваным снарадамі. Некаторыя параненыя атрымалі раненні паўторна. У гэтых абставінах Надзея Дубініна змагла цяжкапараненых адцягнуць у бяспечнае месца і аказаўшы ім своечасовую медыцынскую дапамогу, выратавала ад смерці. Прыкладна ў такіх жа ўмовах аказаўся медперсанал з гродзенскага эвакуацыйнага лазарэта Чырвонага Крыжа, у якім неслі службу міласэрныя сёстры Марыя Мухіна, Марыя Пыхачова, Лізавета Плакунова, Вера Самохіна, Арыядна Чарненка, Алёна Дваржыцкая, Наталля Міронава, Зоя Пісарава, Ганна Будзіна і Ганна Усакоўская. Усе вышэй пералічаныя дзяўчаты атрымалі баявыя ўзнагароды ў выглядзе георгіеўскіх медалёў 3 і 4 ступеняў за выратаванне параненых падчас баёў каля горада Ліды 3 верасня 1915 года [8].

Георгіеўскую медаль 4 ступені атрымала і настаўніца пастаўскай школы Аляксандра Герасімава за тое, што ў ноч з 17 на 18 верасня 1915 года пад варожым агнём, да прыбыцця медперсаналу перавязачнага пункта, ажыццяўляла дапамогу параненым. Такім жа медалём была ўзнагароджана міласэрная сястра мінскай абшчыны Лізавета Крэчатовіч за мужнасць, якую яна праявіла пры аказанні меддапамогі параненым салдатам падчас скідвання бомбаў з германскіх аэрапланаў на чыгуначны вакзал Маладзечна. На пачатку 1916 года ў ходзе баёў на Віцебшчыне, аказваючы дапамогу параненым, вызначыліся міласэрная сястра віцебскай абшчыны Ванда Хведаровіч, а таксама прадстаўніца Усерасійскага земскага саюза Софія Шчоўкан. Абедзве былі ўзнагароджаны георгіеўскімі медалямі 4 ступені. Медаль такой жа пробы атрымала і сялянка Паўліна Савук з вёскі Пасынкі, што на Вілейшчыне. Яна на працягу некалькіх дзён хавала ў сваёй хаце трох уцекачоў з германскага палону, а затым іх тайна пераўяла праз германскія пазіцыі да размяшчэння расійскіх войск.

Быў на беларускіх землях і свой Антон Пальшын, дакладней Антаніна Пальшына. Вядомая расійская гераіня, георгіеўскі кавалер, якая ў 18-ці гадовым узросце з самага пачатку вайны ўдзельнічала ў ваенных дзеяннях пад выглядам мужчыны. Менавіта 17-ці гадовая Вольга Шыдлоўская, дачка магілёўскага віцэ-губернатара і дэпутата Дзяржаўнай Думы Сяргея Шыдлоўскага пасля дазволу служыць у войсках была залічана ў 4 гусарскі Марыупальскі полк пад імем Алега Сяргеевіча Шыдлоўскага. Яна прымала ўдзел ва ўсіх баях дадзенага палка. З 1915 да 1917 года з яфрэйтара даслужылася да старшага ўнтэр-афіцэра і была ўзнагароджана двума георгіеўскімі медалямі [8].

Часам не шкадуючы сябе, коштам асабістага жыцця беларускія жанчыны ратавалі салдат і афіцэраў расійскай арміі выносячы іх з пекла вайны і аказваючы першую медыцынскую дапамогу. Як прыклад, можна прывесці смерці і раненні міласэрных сёстраў эвакуацыйнага шпіталя 2-й расійскай арміі Заходняга фронту. 31 ліпеня 1916 года ў час налёту варожай авіяцыі на станцыю Сіняўка, што паблізу Клецка, медперсанал дадзенага шпіталя аказваў дапамогу параненым. Але бомбамі, якія разарваліся побач з шпіталем былі забітыя сёстры міласэрнасці А.В. Рауэр, І.В. Чагіна, А.В. Цюцюкова, атрымала цяжкае раненне А.А. Конюхава, а таксама лёгкія раненні і кантузіі мелі В.І. Іванова, А.В. Серабракова, Л.М. Порахава. Усе вышэй акрэсленыя жанчыны былі адзначаны георгіеўскімі медалямі 2, 3 і 4 ступеняў.

Аднак гінулі міласэрныя сёстры не толькі ад куль і бомбаў. Тыф, халера, іншыя хваробы касілі людзей не менш, чым зброя. Часта маладых дзяўчат, якія скончылі медыцынскія курсы накіроўвалі ў эпідэмічныя атрады, альбо размяркоўвалі ў ваенна-санітарныя цягнікі. Напрыклад ёсць звесткі, што на пачатку 1917 года 21 гадовая мяшчанка з Магілёва Надзея Аўдзеева вельмі спраўна выконвала свае абавязкі па лячэнню захварэўшых тыфам на Піншчыне і ў мястэчку Столін. Тое ж самае можна сказаць аб ураджэнцы Віцебска Любові Канстанцінавай, якая працуючы на ваенна-санітарным цягніку заразілася тыфам і памёрла падчас догляду хворых і параненых. 22 гадовую дзяўчыну з воінскімі ўшанаваннямі пахавалі на Брацкіх могілках у Маскве [8].

Задзейнічанне жанчын і прымяненне іхняй працы ў гады Першай сусветнай вайны адбывалася і ў іншых накірунках. Напрыклад, па абавязковай пастанове ў жніўні 1916 года начальніка мінскай ваеннай

акругі "…бежанцы, а таксама сяляне прыфрантавых паветаў і іншыя асобы абоега пола ад 15 да 50 гадоў павінны прыцягвацца да работ звязаных з патрэбамі арміі" [9, арк.109].

Як правіла грамадзянскае насельніцтва, у тым ліку і жанчын, часта прымусова прыцягвалі працаваць на работы па ўмацаванню баявых пазіцый, на разгрузцы чыгуначных эшалонаў, пабудове і рамонту дарог, мастоў, чыгуначных вузкакалеек і г.д. У сувязі з бесперапынна паступаючымі ад ваенных улад патрабаваннямі аб накіраванні грамадзянскага беларускага насельніцтва на ваенныя работы і ў мэтах уліку рабочых сіл, на пачатку 1917 года мінскі губернатар загадаў павятовым іспраўнікам высвятліць колькасць усіх працаздольных жанчын і мужчын, якія прыцягнуты на прымусовыя работы. У выніку атрымалася, што ў канцы 1916 года ў Мінскай губерні на прымусовых ваенных работах былі заняты 219 300 жанчын і мужчын, у Віцебскай губерні – 121 200. Па сутнасці да гэтых работ прыцягвалася ўсё мясцовае насельніцтва, большасць з якога складалі жанчыны [10, с.78].

Акрамя таго жанчыны замянілі закліканых на фронт мужчын не толькі ў сельскай гаспадарцы, а таксама на рознага профілю прамысловых прадпрыемствах, на ваенных заводах, фабрыках, асвойвалі новыя для іх прафесіі і спецыяльнасці.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 года кіраўнік Часовага ўрада Аляксандр Керанскі, у сувязі з фактычным развалам фронту і нежаданнем ваяваць мужчын, дазволіў стварыць першае ў сусветнай гісторыі баявое жаночае фарміраванне пад назвай "Жаночы батальён смерці" на чале з Марыяй Бачкаровай. Такі неардынарны падыход, па меркаванню А.Ф. Керанскага, павінен быў прывесці да адчування сораму мужчын-дызерціраў і галоўнае падняць баявы дух у салдат расійскай арміі. Улічваючы той факт, што дадзены батальён дыслацыраваўся на беларускіх землях, у раёне горада Маладзечна, а затым ажыццявіў свой вядомы наступ на Крэва, каля Смаргоні, то нельга выключыць магчымасці, што хтосьці з жанчын беларускага краю, ці з беларускімі каранямі, таксама ўваходзіў у яго склад.

Такім чынам, падчас Першай сусветнай вайны многія беларускія жанчыны па абодва бакі расійска-германскага фронту, а таксама ў больш глыбокім тыле праяўляючы незвычайнае самавалоданне і ахвярнасць выконвалі ўскладзеныя на іх культурна-нацыянальны, духоўна-дабрачынны і ваенна-патрыятычны абавязкі.

Як бачым, беларускія жанчыны разам з выкананнем дабрачынна-медыцынскай функцыі, таксама праводзілі вялікую працу па адраджэнню самасвядомасці беларусаў. Так, цяжкасці ваеннага часу не толькі не прывялі да паслаблення беларускай грамадскай справы, але загартоўвалі, вучылі прадстаўніц беларускага нацыянальнага руху па-новаму арганізоўваць і спалучаць у адзіным цэлым дабрачынную і культурна-нацыянальную працу.

Увогуле дзейнасць беларускіх жанчын у ваеннае ліхалецце была вельмі актыўнай, шырокай і шматпланавай. Многія з іх служачы ў розных дапаможных ваенна-тылавых фарміраваннях у якасці медыцынскага і тэхнічнага персаналу паказвалі прыклады сапраўднай мужнасці і гераізму.

1. Цуба, М.В. Першая сусветная вайна на Беларусі у кантэксце сусветных падзей (грамадскі і ваены бакі) 1914 - 1918 гг. / М.В. Цуба. - Пинск : УО "ПолесГУ", 2010. - 304 с.
2. Цуба, М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 - люты 1917гг.). Матэрыялы да курса "Гісторыя Беларусі' / М.В. Цуба. - Брэст, выдавецтва С. Лаўрова - 2003., 196 с.
3. Мяснікоў, А. Нацдэмы: Лёс і трагедыя Фабіяна Шантыра, Усевалада Ігнатоўскага і Язэпа Лёсіка / А. Мяснікоў, прадмова Б.Сачанкі. – Мінск: Беларусь, 1993. – 110 с.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф.62. – Воп.1. – Спр.197.
5. Цуба, М.В. Дзейнасць беларускіх бежанскіх арганізацый на тэрыторыі Расіі падчас Першай сусветнай вайны (жнівень 1915 - люты 1917 гг.) / М.В. Цуба // Вестник Полесского государственного ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук - 2009. - № 2. - С. 23 - 27.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф.299. – Воп. 3. – Спр.1576 "Аддзел палявога складу Расійскага таварыства Чырвонага Крыжа Заходняга фронту (г. Мінск, 1915-1916 гг.)".
7. Кульпанович,О.А. Врачи Беларуси – участники двух мировых войн / О.А.Кульпанович // Здравоохранение. 2015, - №5. – с.68-73.
8. Самович, А. Под Красным Крестом милосердия / А. Самович // РУБОН - сайт военной археологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rubon-belarus.com/military-history/1ww/podkrasnymkrestom.html. – Дата доступа: 09.01.2022.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф.705. – Воп.1. – Спр.27.
10. Цуба, М.В. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі з пачатку Першай сусветнай вайны да Лютаўскай рэвалюцыі (жнівень 1914 - люты 1917 гг.). Матэрыялы да курса "Гісторыя Беларусі'/ М.В.Цуба. - Мінск, "Арты-Фэкс", - 2006. - 231 с.

УДК 94"1941"(47):[355.093.3:821.161.1 -94]

ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ В ЖИЗНИ И.И. ЯКУБОВСКОГО

Елена Дьякова
Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, Харьков, Украина
djakova.elena.hnpu@gmail.com

Статья посвящена деятельности Маршала Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского в период с 22 июня 1941-го до 22 июня 1942 года. Войну он встретил в звании капитана. В это время участвовал в оборонных боях за Минск, Могилев в Белоруссии. После выхода из окружения сражался на тульской земле, защищая Москву. В конце декабря получил звание майора и был назначен командиром танкового полка. В начале 1942 года участвовал в Барвенково-Лозовской операции, проходившей на юге Харьковской области. Весной 1942 года И.И. Якубовский был командирован в Казань для формирования 91-й танковой бригады.

Ключевые слова: Иван Игнатьевич Якубовский, Великая Отечественная война, Могилев, Харьков, военные операции, танковые войска

THE FIRST YEAR OF THE WAR IN I.I. YAKUBOVSKY

Helen V. Diakova
H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

The article is devoted activity of Marshal of Soviet Union Ivan Ignat'evicha Yakubovskogo in a period from Junes, 22 of 1941th to Junes, 22, 1942. Met war in the rank of captain. At this time, he participated in defensive fights for Minsk, Mogilev in Byelorussia. After an exit from surroundings battled on tula earth, protecting Moscow. At the end of December got the rank of major and was appointed the commander of tank regiment. At the beginning of 1942 participated in Barvenkovo-Lozovskay of operation, passing on the south of the Kharkov area. Vesnoy 1942 years of I.I. Yakubovskiy was sent on an assignment to Kazan' for forming of 91th tank brigade.

Keywords: Ivan Ignat'evich Yakubovskiy, Great Patriotic war, Mogilev, Kharkov, soldiery operations, tank troops

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории Советского Союза. И даже после распада СССР события тех лет не стираются из народной памяти уже граждан независимых государств – бывших республик когда-то единой державы.

После нападения немецких войск миллионы советских людей ушли на фронт, чтобы с оружием в руках защищать свою землю от захватчиков. И первыми в бой с врагом вступили бойцы и офицеры, несшие в это время службу в Белоруссии, Латвии, Литве, Молдавии, России, Украине, Эстонии. Независимо от того, какой они были национальности, насколько далеко от линии фронта находился их родной кров, военнослужащие защищали свою Родину от порабощения и уничтожения. И среди защитников Отчизны был и Иван Игнатьевич Якубовский – с 1967 года Маршал Советского Союза.

И целью данной работы является освещение участия И.И. Якубовского в боевых действиях в первый годы войны, т.е. с 22 июня 1941-го до 22 июня 1942 года.

Высокопоставленная военная карьера Маршала Советского Союза И.И. Якубовского пришлась на послевоенные годы. Поэтому о его жизни в первый год войны имеется фрагментарная информация. Некоторые отрывочные сведения есть в публикациях П. Батова и А. Первенцева [1, 4]. Несколько больше написано в мемуарах Ивана Игнатьевича [5]. Освещая события первого года противостояния с гитлеровцами, известные военачальники в своих мемуарах не упоминали о И.И. Якубовском, т.к. в Великую Отечественную войну он вступил в звании капитана [4, с. 8], а его полководческий талант раскрылся, начиная со Сталинградской битвы.

Родился Иван Игнатьевич в селе Зайцево Могилевской губернии 25 декабря 1911 (7 января 1912) года в крестьянской семье. Его мать, Акулина Андреевна, умерла, когда мальчику было 6 лет. Ее заменила Агафья Захаровна, жена старшего брата Никиты. Отец, Иван Леонович, воевал на фронтах Первой мировой войны, был одним из активистов установления советской власти на родине [5, с. 30-31]. «В нашей семье детей было много, но в голодное время не все выжили. Осталось тогда шестеро, четверо братьев и две сестры», – писал в своих мемуарах Иван Игнатьевич [5, с. 30].

В 1920-х – 1930-х гг. юноша участвовал в создании колхозов. В 1927 году вступил в комсомол. И, можно сказать, что в юности путевку в жизнь Ивану Игнатьевичу давали комсомол и коммунистическая

партия. По комсомольской путевке он после окончания 7-летней школы пошел работать на кирпичный завод в г. Горки, в 1930 году поступил в Оршанский педагогический техникум. А по партийной мобилизации в 1932 году И.И. Якубовский стал военнослужащим. В то время многих смышленых ребят из гражданских учебных заведений переводили в военные. Так произошло и с И.И. Якубовским – в 1932 году он был переведен в Объединенную белорусскую военную школу имени ЦИК Белоруссии. После окончания учебного заведения в 1934 году молодой офицер был направлен в 27-й артиллерийский полк 27-й Омской дважды Краснознаменной имени Итальянского пролетариата стрелковой дивизии, которой тогда командовал участник Гражданской войны Кузьма Петрович Подлас.

1930-е годы отмечены активным развитием военной техники в СССР. Некоторые современные украинские историки связывают милитаризацию СССР в это время с агрессивной политикой советского правительства и коммунистической партии, стремившихся завоевать чуть ли не весь мир. Однако следует заметить, что в 1920-е – 1930-е годы военные конфликты вспыхивали в разных уголках планеты. А новые виды вооружения создавались не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира, в т.ч Германии, Франции, Великобритании, США… Все понимали неизбежность войны. Поэтому освоение новой военной техники энергично популяризировалось среди советской молодежи. И многие юноши, связывая себя с армией, мечтали быть летчиками, танкистами, артиллеристами… Возможно, поэтому Иван Игнатьевич решил стать танкистом. В 1935 году он окончил Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования комсостава РККА имени А.С. Бубнова и вернулся в Белорусский военный округ. Здесь он был назначен командиром танкового взвода, а затем – танковой роты 16-й танковой бригады, дислоцировавшейся в Лепель, Боровке [4, с. 5-6; 5, с. 35-37]. Осенью 1939 года он участвует в присоединении западно-белорусских территорий к Белорусской советской социалистической республике, а зимой 1939-1940 гг. – в войне с Финляндией. В январе 1940 года 22-й легкотанковый полк, в котором служил старший лейтенант И.И. Якубовский, был переведен в Закавказский военный округ, а в апреле офицера назначили начальником штаба танкового батальона 17-й ленкотанковой бригады. Однако вдали от родины Ивану Ивановичу в этот раз пришлось служить недолго: через семь месяцев, в июле, его переводят в Западный Особый военный округ преподавателем в Пуховичское пехотное училище, а в апреле 1941 года назначают командиром учебного танкового батальона 51-го танкового полка 26-й танковой дивизии 20-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора Андрея Григорьевича Никитина. Подразделение должно было дислоцироваться в Красном Урочище недалеко от Минска.

Здесь его застает известие о начале Великой Отечественной войны. Как известно, на Белоруссию наступали войска группы «Центр» вермахта, которые должны были разгромить советские части в этой республике, а затем захватить Москву.

20-й мехкорпус, в котором служил капитан И.И. Якубовский, сначала находился в резерве. Но положение на фронте было тяжелым. Немцы быстро наступали. Уже 25 июня они подошли к Минску. Для защиты белорусской столицы была развернута 13-я армия под командованием генерала Петра Михайловича Филатова, в которую вошел и 20-й мехкорпус. Перед красноармейцами была поставлена задача: оборонять участок между Минским и Слуцким укрепленными районами, южнее Дзержинска, и не допустить прорыва противника в направлении Минска и Столбцов. 26 июня И.И. Якубовский впервые вступил в схватку с немцами на родной земле. Его части приходилось бороться с заброшенными в город десантниками. Узнав о нахождении одного такого отряда, И.И. Якубовский решил его уничтожить неожиданным ударом. Для этого он послал два танка в обход, а три – атаковали противника с центра площади Свободы. «В этот удар мы вложили всё свое умение и ненависть к врагу, ступившему на родную нашу землю. Танки, ведя сокрушающий огонь, ввели гитлеровцев в смятение. Потеряв несколько десятков человек, они небольшими группами засели в окаймляющих площадь домах и отстреливались из автоматов и пулеметов, не причиняя, однако, ущерба нашим танкам. Расчет на внезапность оправдался. Но потребовалось еще около трёх часов, прежде чем последний фашист прекратил Сопротивление», – вспоминал Иван Игнатьевича [5, с. 39]. Но это была только одна из многочисленных диверсионных групп, просочившихся в Минск…

В последующие дни 20-й механизированный корпус сражался на юго-западной окраине Минска в районе завода имени К.Е. Ворошилова и Красного Урочища [5, с. 41]. 28 июня гитлеровцы начали оккупацию Минска. В результате в окружении оказались подразделения четырех армий, которые еще несколько дней продолжали сопротивление.

1 июля 1941 года 20-й мехкорпус был передан в состав 4-й армии. После отхода из Минска красноармейцы заняли оборону на берегу реки Березина. По воспоминаниям командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Еременко, 20-й мехкорпус в это время «не имел ни танков, ни автомашин» [3, с. 113]. И всё же танкистам пришлось противостоять 2-й танковой дивизии СС «Райх» на рубеже Бродец, Селиба, Старый Остров. Гитлеровцам удалось создать плацдармы на восточном берегу Березины и, к сожалению, изгнать их оттуда не удалось.

После оккупации Минска немецкое командование направило силы на захват Могилева. Ставка Верховного Главнокомандования придавало большое значение обороне города. В Ставке считали, что

населенный пункт нужно оборонять любой ценой даже в случае его полного окружения. И.В. Сталин послал телеграмму командующему 13-й армией генерал-лейтенанту Василию Филипповичу Герасименко, в которой требовал сделать Могилев Мадридом. А.И. Еременко в своих мемуарах упоминался популярный в городе лозунг «Сделать Могилев вторым Мадридом!» [3, с. 139].

Оборонные бои за Могилев являются составной частью Смоленской стратегической оборонной операции. Немецкое командование планировало в ходе сражений окружить и уничтожить невельскую, смоленскую, могилёвскую группировки Красной Армии, создав таким образом условия для беспрепятственного продвижения к Москве.

Кроме того, в Могилев эвакуировались секретари, ответственные работники ЦК КП(б)Б и Совнаркома БССР, недалеко от города находился штаб Западного фронта. Таким образом, быстрый захват населенного пункта и пленение республиканского руководства имело бы большое пропагандистское и психологическое значение.

Оборону Могилева держали части 61-го стрелкового корпуса генерала Федора Алексеевича Бакунина, 172-й стрелковой дивизии генерала Михаила Тимофеевича Романова. На защиту родного города встали народное ополчение, сводные подразделения милиции, органов НКВД. Среди защитников города были и бойцы 20-го механизированного корпуса.

«В ту пору мне довелось воевать в родных местах, знакомых до боли, исхоженных еще в молодые годы, – писал в мемуарах Иван Игнатьевич. – От наших боевых рубежей до Горок и Зайцево, казалось, рукой подать. Каждый городок, каждая деревня напоминали о каком-либо памятном событии твоей мирной жизни, которая была теперь уже такой далекой, словно миновали не дни и недели, а целые десятилетия. Война будто ускорила бег времени, на большие расстояния отбросила взрывной волной картины безмятежного быта белорусов» [5, с. 44].

О подвигах танкистов при обороне города вспоминал не только И.И. Якубовский, но и А.И. Еременко. Подразделения корпуса были расположены вдоль реки Друть: на рубеже между населенными пунктами Красная Слобода–Твердово части 38-й и 26-й танковых дивизий, в районе Карченки–Новоселки находящаяся во втором эшелоне 210-я мотострелковая дивизия. Командный пункт корпуса дислоцировался на западной окраине Могилева, на Бобруйском шоссе у кирпичного завода. Численность корпуса составляла около 10 тыс. человек. А.И. Еременко писал, что «фактически это был не механизированный корпус, а стрелковая дивизия, притом весьма слабая» [3, с. 115].

Несмотря на это, бойцы корпуса сражались отважно. Здесь им снова пришлось столкнуться со 2-й танковой дивизией СС «Райх». Возле населенных пунктов Коркоть и Ямище советским танкистам удалось разбить моторизованный полк, а в районе Загрязье, Курган, Досовичи – уничтожить батальон связи этой дивизии вермахта [5, с. 45]. Причем советские танкисты, оставшись без машин, всё равно активно участвовали в боях, применяя оружие и пулеметы. А возле Хонова они даже вступили в рукопашный бой с врагом. «Танкисты показали, что они хорошо умеют владеть штыком и прикладом», – с гордостью вспоминал И.И. Якубовский.

После боев на реке Друть планировалось вывести 20-й мехкорпус для переформирования в деревню Сухари. Но из-за осложнения на фронте красноармейцам пришлось 11 июля вступить в бой с частями 10-й танковой дивизии и полком «Великая Германия», окружавшим Могилев. Пять дней шли бои от Саськова и Николаевки в направлении деревень Бель, Рыжковичи [5, с. 50]. Красноармейцам удавалось оттеснять противника. Но положение советских войск ухудшалось. Многие части оказались во вражеском кольце. 24 июля к генералу М.Т. Романову пришли парламентеры из полка «Великая Германия» с ультиматумом сдать город и обещанием быть снисходительными к пленным [3, с. 162]. Но советские бойцы ультиматум отклонили и 26 июля было принято решение с боем выводить войска из окружения.

Лишь в сентябре 1941 года И.И. Якубовский сумел выйти к линии фронта и перейти на советскую сторону. До конца года он находился в резерве в распоряжении Брянского фронта [5, с. 73; 6, с. 81]. В это время он участвовал в битве за Москву – воевал на брянской, орловский, тульской земле. Особенно Ивану Игнатьевичу запомнилось пребывание в рабочем поселке Куркино (Тульская обл.), недалеко от которого находится знаменитое Куликово поле. Вместе со своим другом майором Степаном Ипполитовичем Гончариком он должен былиъ следить за правым заходящим флангом противника. В декабре 1941 года И.И. Якубовский получил очередное звание майор и был назначен командиром танкового полка 121-й танковой бригады 3-й армии Западного фронта [5, с. 73; 7]. Вскоре часть, как 121-я отдельная танковая бригада (отбр), была переведена в подчинение 57-й армии Южного фронта и перебазирована под Барвенково, находящееся на юге Харьковской области. Здесь он встретился со своими бывшими командирами генерал-лейтенантом Д.И. Рябышевым и генерал-лейтенантом К.П. Подласом.

После успешного контрнаступления Красной Армии под Москвой зимой 1941 года Государственный Комитет Обороны запланировал провести ряд военных операций, в результате которых планировалось весной 1942 года закрепить успех и достичь перелома в ходе войны.

Ставка Верховного Главнокомандующего приняла решение на юге Харьковской и Сталинской

(сейчас – Донецкой) областей провести силами Южного и Юго-Западного фронтов Барвенково-Лозовскую операцию. Ее целью было окружить и ликвидировать донбасско-таганрогскую группировку армии «Юг» вермахта и на побережье Азовского моря ее ликвидировать. Одновременно части Юго-Западного фронта получили приказ освободить Харьков.

В операции участвовали 12-я, 18-я, 37-я, 56-я и 57-я армии, 1-й и 5-й кавалерийские корпуса Южного фронта, 6-я, 38-я армии и 6-й кавалерийский корпус Юго-Западного фронта. Основные удары наносили 37-я армия на Дружковку (Донецкая обл.) и 57-я – на Барвенково, а вспомогательный – 12-я армия на Дзержинск (сейчас – Торецк Донецкой обл.) [2].

Операция началась 18 января 1942 года в условиях суровой зимы (мороз достигал 30˚) и глубокого снежного покрова (до 80 см).

В начале боевых действий советским войскам удалось прорвать оборону противника. За две недели жестоких боев красноармейцы овладели 21 населенным пунктом области, среди которых райцентры Алексеевка, Близнюки, Сахновщина, Барвенково, Лозовая, а также перерезали железнодорожную линию Харьков – Запорожье. За время операции советским бойцам и офицерам удалось продвинуться вглубь на 90-100 км. В боях проявили себя войска под командованием генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева, в подчинении у которого находилась 121-я отбр.

Один из участников тех сражений тогда командующий 5-м кавалерийским корпусом генерал-майор Андрей Антонович Гречко отмечал, что за четыре дня боев 57-я армия прорвала оборону противника и «к исходу 21 января вышла на рубеж Великая Камышеваха, Ново-Камышеваха. Базалеевка, Бобров, Морозовка, Райгородок, продвинувшись правым флангом на глубину до 23 км» [2].

Но, несмотря на такие успехи, поставленная перед войсками задача не была достигнута. Это связано с тем, что, во-первых, организация прорыва была недостаточно продумана, а во-вторых, у немцев было превосходство в живой силе, танках и артиллерии. К тому же сильные морозы и большая заснеженность затрудняли ведение наступательных действий. Поэтому 31 января было решено операцию приостановить.

В результате операции советские войска создали печально известный плацдарм – Барвенково-Лозовской выступ. С него можно было наносить удары по флангам и тылам харьковской и донбасской группировок врага. Но этот же плацдарм давал немцам возможность окружения советских войск в этом районе, что и случилось через несколько месяцев. В мае-июне 1942 года под Харьковом вермахт нанес сокрушительный удар Красной Армии. В результате соотношение сил на южном фланге советско-немецкого фронта резко изменилось в пользу противника. Это обеспечило немцам прорыв в направлении Сталинграда и Кавказа, поставило Советский Союз на грань поражения в войне.

27 марта 1942 года И.И. Якубовский получает звание подполковника [7]. И в этот же месяц направляется в г. Казань для формирования 91-й танковой бригады. Доукомплектовуется часть в г. Дзержинске (Горьковская обл.). 23 июня бригада прибыла на станцию Уразово (Белгородская обл.), где и получила боевое крещение [1, с. 62].

С этого момента начинается новый этап в жизни И.И. Якубовского, когда раскрывается его умение не только воевать, но и мастерски руководить войсками. Он участвует в Сталинградском сражении, в битвах на Курской дуге, за Днепр, уничтожает гитлеровцев в Киевской области, Западной Украине, освобождает Польшу, Германию, Чехословакию. За образцовое выполнение заданий командования в 1944 году полковнику Ивану Игнатьевичу Якубовскому дважды присваивается звание Герой Советского Союза.

После победы И.И. Якубовский остается на военной службе. Он окончил Высшую военную академию. Командовал танковыми частями в трех военных округах, в Группе Советских войск в Германии, возглавлял Киевский военный округ. С 1967 года служил первым заместителем Министра обороны СССР и одновременно был Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского договора. В этом же году ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

За боевые заслуги И.И. Якубовский награжден многими орденами и медалями Советского Союза и иностранными наградами.

Умер Иван Игнатьевич 30 ноября 1976 года. Его прах покоится в Кремлевской стене.

Таким образом, первый год Великой Отечественной войны в жизни И.И. Якубовского имел важное значение. В это время он дополнил свой имевшийся боевой опыт борьбой с гитлеровцами. Участие в боях 1941 года научили его противостоять лучшим танковым частям вермахта. Полученные в это время знания он продемонстрировал позже – в боях 1943-1945 годов.

1. Батов П. Маршал Советского Союза И.И. Якубовский // Военно-исторический журнал. – 1982. – № 1. – С. 62-64.
2. Гречко А.А. Годы войны. – М.: Воениздат, 1976. — 574 с., – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/grechko_aa2/index.html (дата обращения 2.05.2021)
3. Еременко А.И. В начале войны. – М.: Наука, 1965. – 510 с.
4. Первенцев А. Часовые стоят на посту. – М.: ДОСААФ, 1977. – 63 с.
5. Якубовский И.И. Земля в огне. – М.: Воениздат, 1975. – 567 с.

6. Якубовский И.И. // Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают / Институт военных и историко-патриотических проблем и исследований. – М.: Любимая книга, 1995. – С. 81-82.
7. Якубовский Иван Игнатьевич. – Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2000. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Якубовский,_Иван_Игнатьевич#Великая_Отечественная_война , свободный. – Загл. с экрана.

УДК 94(476) “1919/1920”

ЖЫЦЦЁ ПІНСКА ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ Ў 1919–1921 гг

Сяргей Ісакаў
Цэнтр ваеннай гісторыі Беларусі, Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь
isakow.sergei@yandex.ru

У артыкуле распавядаецца пра фарміраванне і дзейнасць пінскага магістрату ў 1919–1920 гг. Таксама разглядаюцца паўсталыя праблемы з фарміраваннем адмінастрацыі, забяспячэннем харчаў і інш. Артыкул прысвечаны ў першую чаргу спецыялістам – даследчыкам гісторыі польска–савецкай вайны, гісторыкам, а таксама ўсім зацікаўленным у вывучэнні невядомых старонак гісторыі свайго краю.

Ключавыя словы: магістрат, бургамістр, насельніцтва, дапамога

LIFE IN PINSK DURING THE POLISH-SOVIET WAR OF 1919–1921

Sergei A. Isakov
Center for Military History of Belarus, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

The article tells about the formation and activity of the Pinsk magistrate in 1919–1921. Problems with the formation of administration, food security, etc. are also considered. The article is devoted primarily to specialists - researchers of the history of the Polish-Soviet war, historians, as well as all those interested in studying the unknown pages of the history of their region.

Keywords: magistrate, mayor, population, assistance

На працягу 1915–1921 гг. Пінск быў заняты войскамі кайзераўскай Германіі, Украінскай Народнай Рэспублікі, Рабоча-сялянскай Чырвонай арміяй і Войскам Польскім. Баявыя сутыкненні паміж падраздзяленнямі польская “самааховы” і Рабоча-сялянскай Чырвонай арміяй пачаліся ў студзені 1919 г., у лютым дайшло да першых баёў паміж рэгулярнымі падраздзяленнямі. З гэтых падзей пачалася неаб’яўленная польска–савецкая вайна 1919–1921 гг. 5 сакавіка 1919 г. Пінск быў заняты падраздзяленнямі Падляшкай группы войск А. Лістоўскага [1, с. 400]. У горадзе ўсталявалася ваенная адміністрацыя на чале з маёрам А. Лучынскім. Была ўведзена каменданцкая гадзіна. Праз некалькі дзён быў створаны орган самакіравання – магістрат з 12 асоб, у які патрапілі былыя прадстаўнікі гарадской управы часоў Расійскай імперыі.

Насельніцтва Пінска было неаднародным і па дадзеных першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г. складала 28 368 чалавек [2]. З якіх 20 957 з’яўляліся яўрэямі, 3 625 рускімі, 1 939 палякамі і 1 420 беларусамі і г.д. Большасцю з’яўляліся яўрэі 73,87 працэнтаў, рускія – 12,77, палякі – 6, 83, беларусы – 5, іншыя – 1,53 працэнтаў. Ва ўмовах баявых дзеянняў 1915–1920 гг., вымушанай эміграцыі – гэта прывяло да скарачэння колькасці насельніцтва. У 1920 г. насельніцтва Пінска складалася з 21 436 чалавек. Працэнтныя суадносіны былі наступнымі: павялічыўся працэнт яўрэскага насельніцтва – 82,1; палякаў – 7,95; беларусаў – 3,27 і інных – 7, 52 [3, p. 16] (атрымліваецца 100,84 працэнты). У сувязі з эвакуацыяй у 1915 г. рускага чынавенства і духавентсва зменшыўся працэнт рускіх у горадзе, і ў сваю чаргу павялічыла працэнт яўрэскага насельніцтва. З прыходам польскай адміністрацыі павялічыўся і працэнт палякаў. Перш за ўсё сюды ехалі (з тэрыторыі этнічнай Польшчы) польскія чыноўнікі, якія займалі пасады ў магістраце і мясцовай радзе, чыноўнікі Грамадзянскага Упраўлення Усходніх Зямель, вайскоўцы, каталіцкае духавенства і крыху настаўнікаў.

Пінскі магістрат складаўся ў 1919 г. з бургамістра Б. Барысевіча, лаўнікаў С. Кагля, М. Паўлоўскага і Я. Слуцкага, сакратара Ф. Мелеха, падсакратара О. Янцевіча і радных А. Пальчэўскага, Я. Мінковіча, доктара Кавальскага, Г. Цімафеева, К. Качэўніка, ксяндза і дэкана С. Войціка [4, арк. 41; 5, арк. 15; 6, арк.

40]. Орган самакіравання вырашаў пытанні, якія датычыліся жыцця горада і бліжэйшых да яго гмін. Рада вырашала розныя праблемы. Бюджэт складаў з 150 000 марак штомесячна.

На паседжанні магістрату 17 снежня 1919 г. з падачы каталіцкага духавентсва горада, патрэбна было перанесці рынкавы дзень на іншы. Праблема палягала ў тым, што падчас правядзення службаў у кафедральным касцёле Святога Станіслава ў нядзелю, адбываўся жвавы гандаль, які мяшаў каталіцкаму духавентву ў правядзенні службаў. Было вырашана праводзіць рынкавы гандаль у сераду і пятніцу, абмінуючы святочныя дні для каталікоў і праваслаўных – нядзелю і суботу для яўрэяў.

Адной з галоўных праблем у 1919–1921 гг. была праблема з забяспячэннем харчавання ў горадзе і павеце. Для вырашэння гэтай праблемы быў створаны аправізацыйны аддзел. Які за перыяд з сакавіка 1919 па 1 студзеня 1920 г. прадаў на 10 000 000 рублёў прадукцыі (з улікам коштаў на 1919 г. 70 000 000 рублёў):

Табліца 1. Прададзена тавараў у Пінску з сакавіка 1919 – студзень 1920 гг[4, арк. 14 адв.]

Тавар	Колькасць у пудах
Пшанічная мука 1 сорту	60000 пудоў (960 000 кг)
Жытняй змельчонай мукі	9000 (144 000 кг)
Жытняй мукі	3000 (48 000 кг)
Жыта	4500 (72 000 кг)
Цукру	3500 (56 000 кг)
Круп і фасолі	10000 (160 000 кг)
Бульбы	131000 (2 096 000 кг)
Солі	50000 (800 000 кг)
Тлушчу і саланіны	10000 (160 000 кг)
Селядцу	75 бочак

Аднак не кожнага былі грошы на пакупку ежы, асабліва ў тых, хто пачаў вяртацца з вымушанай міграцыі. Для вырашэнне гэтай праблемы, і забяспячэнні найбольш пацярпелых падчас Першай сусветнай вайны 7 гмін каля Пінска: Хойнаўскай, Жабчыцкай, Ставоцкай, Бродніцкай і Пінкавіцкай цалкам, і Лагішынскай і Лемяшэўскай часткова было вырашана выдаць прадукцыі на 500 000 рублёў.

Табліца 2. Раздадзеная прадукцыя ў 7 гмінах цалкам і 2 часткова[4, арк. 15.]

Тавар	Колькасць у пудах
пшанічная мука	25000 пудоў (400 000 кг)
сала	350 (560 кг)
бульба	3000 (48 000 кг)
жытняя мука	820 (13 120 кг)

Аднак гэтай дапамогі катастрафічна не хапала. Як у сваёй справаздачы адзначаў бургамістр Пінска Браніслаў Барысевіч, што горад не зможа гаспадарча аднавіцца без дапамогі, насельніцтва горада знаходзіцца ў галечы [6, арк. 39.]. Людзі не могуць знайсці працу і атрымліваць грошы для пакупкі ежы, з-за гэтай прычыны ў горадзе пануе голад і хваробы. Наступнай праблемай у горадзе была прастытуцыя. Для вырашэння гэтага пытання, была прыцягнута паліцыя і мясцовыя дактары. Першыя павінны былі выяўляць і рэгістраваць грамадзян, якія займаліся гэтай справай. Дактары павінны былі кожны тыдзень у суботу праводзіць агляды і лячыць інфекцыйныя захворванні перададзеныя палавым шляхам [5, арк. 15]. Аднак гэтыя загады не прывялі да пажаданых вынікаў.

Грамадска–палітычнае жыццё ў горадзе поўнасцю кантралявалася польская ваеннай адміністрацыяй. Пры выданні яўрэйскіх, рускіх і іншых газет, яны праходзілі абавязковую ваенную цэнзуру, якая магла выразаць непажаданныя артыкулы, або поўнасцю канфіскаваць наклад. Жыццё гурткоў і таварыстваў поўнасцю залежала ад мясцовых чыноўнікаў у магістраце. Працэдура стварэння любой арганізацыі складалася з таго, каб пры дазволе мясцовай адміністрацыі абдыўся сход зацікаўленных людзей. Потым на гэтым сходзе выбіралась кіраўніцтва арганізацыі, і складаўся спіс радавых членаў з подпісам кожнага. Для зацвярджэння арганізацыі, патрэбна было скласці 2-3 экземпляры статута, у якіх прапісваліся мэты, задачы і іншыя пытанні, якія датычыліся дзейнасці. Пасля гэтага статуты перадаваліся спачатку павятоваму старасце, потым акруговаму камісару. Апошняй інстанцыяй у прыняцці рашэння аб адкрыцці арганізацыі з'яўляўся генеральны камісар ГУУЗ, або яго намеснік. Дакладна вядома, што ў Пінску працавала земляробчае і земляробча-гандлёвае таварыства, у склад якога ўваходзілі: Шчыт, Катовіч і Ганна Орда [4, арк. 13], пінскі саюз кааператываў і інш. Галоўным прадпрыемстваў горада з'яўлялася запалкавая фабрыка Галперна.

Адносіны да польскай адміністрацыі насельніцтва горада былі розныя. Так у сваёй справаздачы за 12 кастрычніка 1920 г. намеснік бургамістра распавядаў, што праваслаўнае насельніцтва ў горадзе ставіцца да ўлады негатыўна, а павета больш прыхільна [7, арк. 123 адв.]. Прыхільнасць насельніцтва тады зводзілася да аднаго. Калі падчас заняцця гораду рабавалась насельніцтва, то стаўленне было негатыўнае. Былі прымусовыя рэквізіцыі або не.

З 23 ліпеня па 26 верасня Пінск быў заняты савецкімі войскамі, усталёўвалася савецкая ўлада. Для кіравання горадам быў створаны павятова-гарадскі рэўкам. Аднак савецкая ўлада праіснавала нядоўна. 26-27 верасня 1920 г. аператыўная група С. Булак-Балаховіча авалодала горадам. У першым жа загадзе аб 28 верасня 1920 г. было згадана, што ўся грамадзянская ўлада перадаецца выбарнаму гарадскому самакіраванню [8, арк. 1].

З прыходам польскай адміністрацыі, арганізоўваліся і новыя арганізацыі. У верасні 1920 г. было створана "Таварыства полек", задчай якога было абслугоўванне польскіх салдат. Пры ім былі створаны: чайная, пральня, чытальня і сталоўка. Наступная арганізацыя была "Крэсы", задачай якой была культурна–асветная праца. Вакол гэтай арганізацыі гуртавалася мясцовая інтылегенцыя. У Пінску таксама дзейнічалі і міжнародныя дабрачынныя арганізацыі: Амерыканскі Чырвоны Крыж (American Red Cross), Амерыканская адміністрацыя дапамогі (American Relief Administration), Амерыканскі яўрэскі аб'яднаны камітэт (Joint), Польска–Амерыканскі камітэт помачы дзецям і інш. Іх дзейнасць была звязана з пастаўкай ежы, адзення і дапамогі ў адкрыцці медыцынскіх устаноў, сталовак. Так дзеяч беларускага народнага руху Р. Астроўскі займаў у 1920 г. пасаду кіраўніка амерыканскай кухні для дзяцей у Пінску [10, с. 108].

У 1920 г. у г. Пінск з эміграцыі вярнуўся (з Амерыкі) святар Іван Паўлавіч, які фактычна заснаваў першую Пінскую евангельскую царкву. У 1920-1921 гг. евангельская царква ў Пінску пачала сваё распаўсюджанне на тэрыторыю павета. У в. Ставок, Лосічы, Таргашыцы, Любель, Завідчыцы, Жытнавічы і інш. пачалі ствараццa абшчыны. Першыя сабранні евангелістаў адбываліся ў доме Юзефа і Марыі Красінскіх. Выступленне пастыр праводзіў на Рынкавай плошчы, дзе новая вера і надзея на выратаванне, пашыралася сярод сялянства падчас правядзення таргу. Колькасны склад веруючых пачаў павялічвацца.

Пінск займаў падчас польска-савецкай вайны 1919-1921 гг. важнае стратэгічнае значэнне. Ён быў на стыке паўночнай і паўднёвай аператыўнай прасторы вядзення баявых дзеянняў. Польскае кіраўніцтва лічыла яго ключом ад Палесся. Таму акрамя ваенных дзеянняў, тут было вырашана зрабіць стаўку на грамадзянскую адміністрацыю. Аднак галоўная праблема палягала ў тым, што нацыянальнай большасцю ў горадзе з'яўляліся яўрэі, якія поўнасцю кантралявалі гандаль і прамысловасць. З прыходам польскіх войск у горад пастаянна адбываліся пагромы яўрэйскага насельніцтва, рэквізіцыі і інш. З-за гэтых падзей, яўрэі былі настроены негатыўна да новай адміністрацыі. Не дапамагло выдзяленне большасці месцаў у магістраце і мясцовай радзе. Другой акалічнасцю Пінска з'яўляецца тое, што ў 1919–1921 гг. сталі прыбываць польскія чыноўнікі, каталіцкае духавентсва і настаўнікі, якія пачалі фарміраваць мясцовую інтылегенцыю.

1. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск: Выш. Шк., 2012. – 711 с.
2. Демоскод [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=780. – Дата доступу: 27.01.2022.
3. Spis ludnosci na terenach administrowanych przez Zarzad Cywilny Ziem Wschodnich, grudzien 1919 / Lwów: Ksiaznica Polska T-wa Naucz. Szkól Wyzszych, 1920. – 49 p.
4. Дзяржаўны Архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф.2001. – Воп. 1. – Спр. 14. Пратаколы паседжанняў магістрату і гмінных рад: спісы членаў гмінных рад.
5. ДАБр. – Ф.2001. – Воп. 1. – Спр. 6. Пратаколы паседжанняў магістрату і гмінных рад: спісы членаў гмінных рад.
6. ДАБр. – Ф.2001. – Воп. 1. – Спр. 3. Спісы солтысаў і іх намеснікаў у гмінах Пінскага павету.
7. ДАБр. – Ф.2001. – Воп. 4. – Спр. 105. Месячныя і штодзённыя справаздачы кіраўніку II раёну і гміннага праўлення аб грамадска–палітычным становішчы.
8. ДАБр. – Ф.2001. – Воп. 4. – Спр. 100. Загад №1 кіраўніка Белагвардзейскай групы Балаховіча, захоп г. Пінска і яго ваколіц.
9. Стужынская, Н. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву / Н. Стужынская. – Вільня: 2000. – 256 с.

УДК 355. 40 +355. 425. 4 (477. 75)]: 94 «1943 / 1944»

БОРЬБА РАЗВЕДГРУППЫ «САША». ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА С ПАРТИЗАНАМИ И ПОДПОЛЬЩИКАМИ НИЖНЕГОРСКОГО И БЕЛОГОРСКОГО РАЙОНОВ КРЫМА В 1943–1944 гг

Вячеслав Иванов
Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды», Крым
slavik1855@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о сотрудничестве между разведывательной группой «Саши» Северо-Кавказского фронта и участниками антифашистской борьбы населенных пунктов Нижнегорского и Белогорского районов Крымской области в 1943–1944 гг. В июне 1943 г. советское командование, учитывая стратегическое значение Крыма, принимает решение об усилении партизанско-подпольного движения на территории полуострова. С целью ведения диверсионно-разведочной работы, спецгруппу под командованием Федора Петровича Волкова («Саша») направляют в Крым. В историографии противостояния спецслужб на территории Крыма до сих пор недостаточно изучен вопрос помощи патриотов полуострова советским разведчикам. Автор акцентирует внимание на выполнении специальной секретной миссии в глубоком вражеском тылу и о важности оказания помощи со стороны подпольных организаций.

Ключевые слова: Разведывательная группа «Саша», Северо-Кавказский фронт, Нижнегорский район, Белогорский район, партизаны, подпольщики.

JOINT STRUGGLE OF THE RECONNAISSANCE GROUP «SASHA» OF THE NORTH CAUCASIAN FRONT, TOGETHER WITH PARTISANS AND UNDERGROUND FIGHTERS OF THE NIZHNEGORSK AND BELOGORSK REGIONS OF THE CRIMEAN ASSR AGAINST THE GERMAN-ROMANIAN INVADERS IN 1943–1944

Vyacheslav A. Ivanov
Central Museum of Taurida, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation.

The article deals with the issue of cooperation between the reconnaissance group «Sasha» of the North Caucasian Front and participants in the anti-fascist struggle in the settlements of the Nizhnegorsk and Belogorsk regions of the Crimean region in 1943–1944. In June 1943, the Soviet command, taking into account the strategic importance of the Crimea, decides to strengthen the partisan-underground movement on the territory of the peninsula. In order to conduct sabotage and reconnaissance work, a special group under the command of Fyodor Petrovich Volkov («Sasha») is sent to the Crimea. In the historiography of the confrontation between the special services on the territory of Crimea, the issue of helping the patriots of the peninsula to Soviet intelligence officers has not been sufficiently studied so far. The author focuses on the implementation of a special secret mission deep in the enemy's rear and on the importance of providing assistance from underground organizations.

Keywords: Intelligence group «Sasha», North Caucasian Front, Nizhnegorsk region, Belogorsk region, partisans, underground fighters

В 1943 г. стратегическая ситуация на Восточном фронте изменилась в пользу Советского Союза. Наступил коренной перелом в Великой Отечественной войне. Нацистские войска потерпели поражение и перешли к окончательной обороне. 17-я армия вермахта оказалась запертой в Крыму. Немцы, рассчитывали использовать укрепленные позиции на Перекопском перешейке и на Керченском полуострове, для того чтобы превратить Крымский полуостров в «непотопляемый авианосец». Чтобы подорвать вражескую оборону изнутри, усилить ряды партизан и подпольщиков Крыма. Советское командование приступило к выброске комбинированных воздушных десантов, миссией которых было следующее:

– сбор разведанных о дислокации немецких и румынских войск, состоянии их боеготовности, перемещениях, фортификационных сооружениях, опорных пунктов, баз и пр.;

– установление связи с участниками движения Сопротивления, координация с ними совместных боевых операций;

– организация диверсий, актов саботажа на линиях вражеских коммуникаций, узлов связи, дорог, мест движения вражеских войск, транспортировки конвоев.

Об одной из таких специальных миссий и рассказывается в настоящей публикации.

В июне 1943 г. в степной части Крыма – в Карасубазарском (Белогорском) районе была высажена разведгруппа «Саша», входившая в состав Северо-Кавказского фронта, в количестве 9 человек

В состав разведгруппы входили советские разведчики:

- Волков Федор Петрович – старший лейтенант;
- Курячий Иван Иосифович – радист разведывательно-диверсионной группы;
- Подьяпольский Иван Тимофеевич – исполнитель-диверсант;
- Сергиенко Надежда Алексеевна – разведчица;
- Кисилев Михаил Васильевич – исполнитель-диверсант;
- Сагинбаев Зарлык – исполнитель-диверсант;
- Хасанов Хайдар (Хойдар) Садридинович – исполнитель-диверсант;
- Чипорушко Андрей Иванович – исполнитель-диверсант;
- Ященко Егор Федорович – разведчик-диверсант [3, л. 1; 21].

Командиру группы, исполнитель-диверсант Зарлык Сагынбаев дал следующую характеристику: «Наш командир Федор Петрович Волков сидит справа от меня. Это высокий худощавый мужчина лет тридцати, ноздри у него широкие, глаза блестящие, смешливые. Сейчас он, кажется, объясняет что-то белолицей девушке с вздернутым носиком, которая сидит рядом с ним. Из-за гула моторов я не могу расслышать, о чем они говорят. Она единственная девушка среди нас, Надя. Оказывается, она назначена нашей разведчицей. Слева от нее – радист Иван Исакиевич Курячий, румяный, полный джигит. Рядом с ним – Михаил Васильевич Кисилев, спокойный, с широкой, могучей грудью. Миша иногда поглядывает на молчаливого и смирного Андрея Чепорушко, который сидит напротив него. Кажется, что они переговариваются взглядами. Иногда улыбаются. Потом надолго застывают, прислушиваются к гудению моторов. А напротив меня – Жора Хасанов и Гриша Ященко они смотрят в иллюминатор самолета» [21, с. 10].

Главная задача, которая ставилась перед советскими разведчиками, состояла в добыче важных данных о дислокации вражеских войск, ведении диверсионной деятельности на вражеских коммуникациях, по заданию разведотдела Северо-Кавказского фронта, а позднее – Отдельной Приморской армии.

При выполнении задания, практически сразу, разведгруппа столкнулась со следующими трудностями:

– недостаточный опыт ведения разведработы;
– незначительная информативность относительно территории Крыма и окружающей местности;
– отсутствие каких-либо каналов связи с местным населением;
– слабое соблюдение конспирации.

Находившиеся в зоне действия разведгруппы «Саши» немецко-румынские войска и вспомогательные добровольческие отряды обнаружили высадку воздушного десанта и начали готовить против них облаву. Именно здесь советским разведчикам оказали серьезную помощь партизаны, руководители местной подпольной организации и уполномоченные Центрального штаба партизанского движения и подпольного обкома партии по подпольной работе Леонтий Афанасьевич Уваров [24] и Иван Васильевич Крючковенко, которые вышли на связь с разведгруппой. Как свидетельствуют архивные данные, Л. А. Уваров и И. В. Крючковенко сразу же определили, что у разведчиков особое задание, а они сами являются спецразведгруппой [2, л. 5-6]

При этом разведчики сомневались не ловушка ли это немецких спецслужб. Однако, дальнейшее общение развеяло их окончательные сомнения. «Мы обыскали их, отобрав пистолеты, из карманов вытащили гранаты. Они промокли до последней нитки. Вода струится по щекам, стекая за вороты. Блестит на полновато человеке средних лет мокрая, видавшая виды кожаная тужурка» [21, с. 51].

При встрече руководители подполья предупредили советских разведчиков о том, что в отношении их разведгруппы готовится облава; посоветовали им немедленно поменять место дислокации отряда; предостерегли обращаться за помощью в села Кабурчак, Мелек, Азамат и Картыш-Сарай, где были засады добровольческих вспомогательных войск врага. Кроме того, подпольщики подробно проинструктировали вновь прибывших о том, как следует соблюдать конспирацию и вести борьбу в тылу врага. Чтобы снять все подозрения разведгруппы Л. А. Уваров и И. В. Крючковенко представились настоящими фамилиями. Так завершилась встреча руководителей подполья с «гостями с Большой земли». Разведгруппа направилась на встречу подпольщикам села Пролом, в частности с с руководителем подпольной группы Б. А. Павловым.

С целью усиления разведывательной работы, разведчики сделали запрос в разведотдел и попросили закрепить Л. А. Уварова и И. В. Крючковенко за спецгруппой, однако последние, не остались и ушли выполнять задания партизанского штаба. В районе Караби-Яйла на Баксанском аэродроме в боях с гитлеровскими захватчиками оба были серьезно ранены. Через три дня после боя, разведчики спецгруппы «Саша» случайно обнаружили раненных подпольщиков. Координаты места расположения раненных были переданы по рации в разведотдел Северо-Кавказского фронта. Для оказания помощи Уварову и Крючковенко было принято решение отправить самолет. На трех парашютах были сброшены медикаменты,

продукты, оружие, боеприпасы и полная гражданская одежда. Во время вторичного сеанса радиосвязи, был передан приказ начальника штаба партизан Крыма и Крымского обкома партии. Для срочного оказания помощи разведгруппе «Саша» [2, л. 5]. Руководство подполья в лице Уварова и Крючковенко оказало огромную помощь разведчиками. Каждый из этих бойцов уже имел за спиной огромный боевой опыт.

Еще до войны Л. А. Уваров служил в Черноморском флоте. В 1941 г. ему пришлось стать одним из участников героической обороны Севастополя. После падения города он присоединился к партизанскому движению [21, с. 52]. Иван Васильевич Крючковенко родился в 1914 г. на хуторе Гришковка Харьковской области, в 1936–1939 гг. служил в Красной Армии. Демобилизовавшись в 1939 г., работал в органах милиции г. Симферополя [21, с. 53].

Роль Л. А. Уварова в деятельности разведгруппы «Саша» была весьма велика.

– в первую очередь он уделял значительное внимание работе разведки, агитационно-пропагандистской работе, укреплял тесные контакты с местным населением, с целью вовлечения его в антифашистскую борьбу;

– во-вторых, как уполномоченный подпольного обкома партии по подпольной работе проводил работу с подчиненными ему подпольными группами;

– в-третьих руководил проведением диверсий на железнодорожном транспорте врага;

– в-четвертых организовывал подрыв мостов, уничтожение столбов телефонных и телеграфный линий, срезание телефонных проводов;

– в-пятых координировал ведение агитационно-пропагандистской работы (распространением листовок и газет среди местного населения);

– в-шестых контролировал разведывательную работу и передачу информации по двум каналам связи – по рации группы «Саша» Северо-Кавказскому фронту (позднее Отдельной Приморской армии), по второму каналу – центральному штабу партизан Крыма (позднее Центральной оперативной группы) и соединений партизан Крыма и Северо-Кавказского фронта (до 20 ноября 1943 г.) [2, л. 9].

Непосредственно через Л. А. Уварова разведгруппой была установлена связь с руководителем подпольно-патриотической организации деревни Пролом – Борисом Алексеевичем Павловым; немного позднее – с подпольщиками в селах Васильевка, Мелек, а также и других населенных пунктов Белогорского района Крымской АССР. С подпольщиками деревни Пролом Л. А. Уваров непосредственно установил связь весной 1943 г. [7, с. 3] По его указанию подпольщики снабжали разведчиков продуктами, собирали необходимые сведения о дислокации вражеских войск, выполняли разведывательную работу и участвовали в диверсиях [8, с. 4].

Сама же Проломовская подпольно-патриотическая организация была создана в декабре 1941 г. В ее состав изначально входил молодой актив села: Гурген Асланян, Иван Воликов, Екатерина Кузьмина, Владимир Шагинян и Анна Кулякина, Григорий Лабонин и Анатолий Егоров [4, с. 2; 5, с. 3; 6, с. 4]. Первоначально ребята занимались агитационно-пропагандистской работой, сбором и передачей разведанных в партизанский лес. Подпольным комсомольским комитетом командиром боевой пятерки был назначен Анатолий Егоров. Григорий Лабонин по заданию подполья стал переводчиком немецкого коменданта. Это было очень непростой задачей. Так, в документальной повести Ф. Дорофеева и В. Зиновьева описан этот момент: «Комендант Шу не сразу взял Лабонина в переводчики: матерого нациста пугала тень Гришиного отца (отец Григория Лабонина был расстрелян нацистами после начала оккупации. – В. И.). Но в деревне другой кандидатуры не было, и он согласился. Комендант, конечно, не подозревал в тихом юноше участника комсомольского подполья. Но подпольщики хорошо знали, что именно ему, Грише Лабонину, обязаны жители Пролома тем, что они ни один из них не был вывезен на работу в Германию. Всякий раз, когда коменданту поступал такой приказ, Гриша немедленно сообщал подпольщикам и те надежно укрывали людей, которым грозила фашистская каторга» [7, с. 3]. Именно через него ребята получали ценные разведданные и немецкие бланки документов [20, с. 110].

20 апреля 1943 г. Л. А. Уваров произвел реорганизацию патриотов села Пролом: в комитет подпольной комсомольской организации вошли Павел Кузьмин (он же секретарь организации), Гурген Асланьян, Гарегин Асланьян, Анна Кулякина, Иван Воликов, Владимир Чумасов, Григорий Лабонин, Владимир Шаганов и Екатерина Кузьмина [8, с. 3].

Установив связь с раздгруппой «Саша», подпольщики Б. А. Павлов, Г. Е. Аслянян, А. А. Кулякина выполняли разведывательную работу, определяли места постройки оборонительных сооружений врага, особое внимание уделялось строительству аэроплощадок, их местонахождению, количеству самолетов и их типам самолетов [2, л. 8]. Анна Кулякина так же привлекла ряд подпольщиков к расклейке рукописных листовок [6, с. 4]. Кроме того, проводились диверсии на коммуникациях противника.

Так, в конце мая 1943 г. Павел Кузьмин узнал, что на станции Сейтлер продолжительное время находится эшелон с боеприпасами. Он сразу же доложил об этом лейтенанту Ф. П. Волкову («Саше»). Последний поручил взорвать этот эшелон и в помощь П. Кузьмину, И. Воликову и Г. Асланьяну выделил минера. Операцию подготавливали очень тщательно, одноко без риска не обошлось. Добирались до станции

две ночи, пришлось даже заночевать на чердаке дома, который служил зданием полиции. На четвертую ночь эшелон удалось заминировать, при этом погиб советский разведчик: он напоследок решил проверить прочность заряда и был замечен вражеским патрулем.

Отважный советский воин погиб, когда раздался разрушительной силы взрыв, уничтоживший вражеский состав на станции Сейтлер [9, с. 4].

Позднее были налажены связи с подпольщиками села Васильевка, группой «Отважная шестерка», которых Г. Е. Асланьян координировал для более эффективной работы в тылу врага.

Г. Е. Асланьян стал руководителем разведгруппы в селе Пролом подпольно-патриотической организации (ПППО), а позднее политруком 2-й бригады партизанского отряда № 1. О помощи подпольщикам советским разведчикам он вспоминал следующее: «С первых дней группе «Саша», руководителем и командиром которой был Волков П., оказывали большую помощь я и мои сестры: Асланян Зепюр, Цогик и Изабелла – в дальнейшей разведке и диверсионной работе. Связь с группой «Саша» (диверсионно-разведывательная группа 15-го отдельного батальона 18-й Отдельной Приморской армии) была установлена через Уварова Леонтия Афанасьевича Павловым Борисом Алексеевичем и мною. Как руководитель группы ППО [Проломовской подпольной организации. – В. И.], я часто выполнял для «Саши» ближние и дальние разведки на территории Восточного Крыма вплоть до Керчи. Очень важные сведения о дислокации войсковых частей всех видов и военной техники, их местонахождении я сообщал группе «Саша». Бывал неоднократно в Старом Крыму, в Феодосии на железнодорожных станциях Ички и Сейтлер. Также мои сестры Аслянян Зепюр, Цогик, Изабелла ходили на разведку в район Старого Крыма. Часто диверсионная группа «Саша» в составе 5-6 человек была в нашем доме, когда возвращалась, выполнив диверсионные работы в других районах Крыма, усталые и промокшие, заходили к нам, отдыхали, спали и к утру, нагруженные, уходили в горы» [25, с. 107].

Много боевых подвигов было совершено совместными усилиями разведчиков спецгруппы «Саша» и проломовских подпольщиков.

Так, 11 августа 1943 г. группа Бориса Фундукьяна из 5 человек на Феодосийской дороге устроила диверсию, подорвав 8 телефонных столбов и сняв 60 метров телефонного провода. 21 августа 1943 г. группа диверсантов-подпольщиков организации Кишлав (Курское) во главе с Сергеем Чигриновым в районе Старого Крыма на феодосийской дороге подорвала 4 телефонных столба и сняла 42 метра телефонного провода [25, с. 26].

25-26 декабря 1943 г. в присутствии разведчиков спецгруппы «Саша» Л. А. Уваров вместе с партизанами и подпольщиками плотно окружил село Пролом, в результате чего были захвачены пособники врага – Иван Михо, Галактеев и Иванес. Последний по приказу партизанского трибунала был расстрелян сразу, а Михо и Галактеева тщательно допросили, после чего выяснилось, что у агентов вражеской разведки имелся список на 82 человека.

Вместе с разведчиками спецгруппы «Саша» под руководством Л. А. Уварова бойцы 2-го партизанского отряда героически отбивали атаки врага в боях на высоте Караголь 17 декабря 1943 г., высоте Караул-Тупе 11 и 16 января 1944 г. и высоте Бурлюк 22-23 января 1944 г., что в конечном итоге способствовало задержанию наступлений врага, удержанию важного для партизан стратегического объекта. В этих боях разведгруппа «Саша» потеряла 3 бойцов [2, л. 14]. Об этих ожесточенных боях З. Сагынбаев отмечал следующее: «Через сутки утром над позициями партизан несколько раз прокружил немецкий самолет-разведчик. А часов около двенадцати вражеские войска с трех сторон двинулись в атаку, и опять началось жестокое сражение. …После боя, длившегося до самой темноты, враги вынуждены были отступить, так и не добившись ни малейшего успеха и понеся огромный урон» [21, с. 180].

К сожалению, были и потери среди советских патриотов. С особой теплотой подпольщики вспоминают сестер Кулякиных – партизанских разведчиц. Анна Кулякина накануне войны работала учительницей в проломовской школе. В подполье работала весьма активно, тесно была связана с партизанским лесом. Ее выдал агент нацистской охранки, но ей удалось уйти в лес. В отряде встретилась со своей сестрой Ольгой, о судьбе которой долгое время ей ничего не было известно. Сестры вместе выполняли задания «народных мстителей»: в частности, являлись разведчицами отряда. Были направлены на очередную миссию в деревню Салгир, однако попали в засаду и были схвачены. Сестер Кулякиных расстреляли по разным данным 6, 9 или 10 апреля 1944 г. [16, с. 3; 17, с. 281]

За мужество и героизм, проявленный в бою с гитлеровскими захватчиками, Иван Воликов, Анна Кулякина, Арсен Экшиян, Анатолий Егоров, Григорий Лабонин и Гурген Асланян были награждены медалью «За отвагу» посмертно [20, с. 111].

Трудно переоценить сотрудничество советских разведчиков с членами партизанско-подпольных организаций.

Во-первых, они были «глазами и ушами» советских разведчиков: вели постоянное наблюдение за дислокацией и перемещением вражеских войск, занимались сбором информации разведывательного характера;

Во-вторых, обеспечивали разведгруппу «Саша» продовольствием, вооружением, боеприпасами;

В-третьих, принимали совместное участие в боевых операциях советских разведчиков;

В-четвертых, принимали активное участие в подрыве эшелонов вражеской техникой;

В-пятых, выполняли контрразведывательные функции, в частности, в выявлении пособников врага и их ликвидации.

И, наконец, в-шестых, обеспечивали оперативное прикрытие, отход и эвакуацию разведгруппы на Большую землю.

Суммируя вышесказанное, хочется отметить беспрецедентный подвиг советских разведчиков и «народных мстителей», в подготовке и реализации Крымской стратегической наступательной операции и освобождению полуострова от нацистских захватчиков весной 1944 г.

1. Архив Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь Красный». Электронная база данных о погибших узниках (далее АМ КК ЭБД).
2. Государственный архив Республики Крым (далее ГА РК). – Ф. П-849. Оп. 3. Д. 303.
3. Фонды Муниципального бюджетного учреждения культуры «Феодосийский музей древностей муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым» (далее Фонды МБУК ФМД). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Архив Мантейфеля. Группа военных разведчиков «Саша» (район Старого Крыма). Материалы о группе «Николаев». – Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
4. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 26 апреля. – № 50 (3319). – С. 2.
5. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 29 апреля. – № 51 (3320). – С. 3.
6. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 10 мая. – № 55 (3324). – С. 4.
7. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 22 мая. – № 60 (3329). – С. 3.
8. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 24 мая. – № 61 (3330). – С. 3.
9. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 7 июня. – № 67 (3336). – С. 4.
10. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 12 июня. – № 69 (3338). – С. 3.
11. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // 1959. – 14 июня. – № 70 (3339). – С. 4.
12. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 26 июня. – № 75 (3344). – С. 3.
13. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 3 июля. – № 78 (3347). – С. 3.
14. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 5 июля. – № 79 (3348). – С. 4.
15. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 12 июля. – № 82 (3351). – С. 3.
16. Дорофеев, Ф. Проломовцы. Документальная повесть: [о комсомольцах Белогорска и Старого Крыма] / Ф. Дорофеев, В. Зиновьев // Крымский комсомолец. – 1959. – 15 июля. – № 83 (3352). – С. 3-4.
17. Зиновьев В. Моя учительница // Строки, обагренные кровью / отв. ред. П. Е. Гармаш. – Симферополь: Крым, 1968. – 335 с. – С. 273-281.
18. Крючковенко Иван Васильевич 1914 г. р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://podvignaroda.ru/?#id=1370330177&tab=navDetailManCard. – Дата доступа: 29. 01. 2022.
19. Крючковенко Иван Васильевич. Год рождения: __.__.1914. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero89746978/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DКрючковенко%26first_name%3DИван%26middle_name%3DВасильевич%26date_birth_from%3D%26static_hash%3D53303a8117a9247b690989a52c694d2av2%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=smperson_doroga3614897 . – Дата доступа: 29. 01. 2022.
20. Матыщук, Н. А. Не щадя собственной жизни. За краткой строкой дневника. – / Н. А. Матыщук. – Симферополь: АнтиквА, 2007. – 238 с.
21. Сагынбаев, З. 300 дней в тылу врага. Докум. повесть / Зарлык Сагынбаев; [пер. с киргиз. автора и М. Токтомушаева]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969. – 208 с.
22. Сагынбаев Зарлык. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.polkmoskva.ru/people/1027378/. – Дата доступа: 29. 01. 2022.

23. Сагинбаев Зарлык. Год рождения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: __.__.1922. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1001640466/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DСагынбаев%26first_name%3DЗарлык%26middle_name%3D%26date_birth_from%3D%26static_hash%3D1c64a2a332cacd0e66f922d35b30ee00v2%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=podvigchelovek_nagrazhdenie17950008. – Дата доступа: 29. 01. 2022.
24. Уваров Леонтий Афанасьевич. Год рождения: __.__.1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero80187834/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DУваров%26first_name%3DЛеонтий%26middle_name%3DАфанасьевич%26date_birth_from%3D%26static_hash%3D53303a8117a9247b690989a52c694d2av2%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=podvigchelovek_kartoteka49346424. – Дата доступа: 29. 01. 2022.
25. Уваров, Л. А. Подполье Восточного Крыма во время Великой Отечественной войны 1941–1944 годов: документальное повествование / Л. А. Уваров. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2007. – 138 с.

УДК 908

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНИХ ГРАНИЦ ГОРОДА ЛУНИНЦА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Илья Тельпук ; Евгений Розенблат
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Брест, Беларусь
Ilyatsialpuk001@mail.ru

В статье автор пытается пролить свет на один из неизученных вопросов в истории города Лунинца – формирование границ города в межвоенный период.

Ключевые слова: Лунинец, границы, Михал Станкевич, «Железнодорожный посад»

FORMATION OF THE OUTER BORDERS OF THE CITY LUNINETS IN THE 20S OF THE XX CENTURY

Ilya G. Tsialpuk ; Evgeniy S. Rozenblat
Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest, Belarus.

In the article, the author tries to shed light on one of the unexplored issues in the history of the city of Luninets - the formation of the city's boundaries in the interwar period.

Key words: Luninets, borders, Mikhal Stankevich, "Railway Posad"

Импульсом для ускорения социально-экономического развития села Лунинец в последней четверти 19 века стало строительство Полесских железных дорог. В результате Лунинец был разделен на 2 части – собственно село Лунинец и станция Лунинец, которая с этого времени носила название «Железнодорожный посад» и управлялась полицейским надзирателем [1]. Несмотря на то, что в период вхождения в состав Российской империи село Лунинец постепенно преобретало черты города, городского статуса, по различным причинам, Лунинец не получил.

С 10 июля 1919 года по 20 июля 1920 года Лунинец был оккупирован армией Польши. Окончательно же Лунинец был оккупирован Польской армией 3 октября 1920 года, когда в город вошли отряды Партизанской Белорусской дивизии Станислава Булак-Балаховича.

Управление на оккупированной территории стало осуществлять Гражданское Правление Восточных Земель. Гражданское Правление Восточных Земель – это название административной единицы которая была создана главнокомандующим польской армией, на территориях бывшего Великого Княжества Литовского, занятых польской армией в 1919 году [2, s. 5], и существовавшая до 9 сентября 1920 года [2, s. 68].

С деятельностью Гражданского Правления Восточных Земель связано юридическое закрепление за Лунинцем статуса города. На Лунинец стал распространяться закон о городах указом Генерального Комиссара Восточных Земель от 14 августа 1919 года [1]. Однако, городские права получает станция Лунинец (она же «Железнодорожный посад») в которую входили такие части как: Залесье, Боханово, и железнодорожная инфраструктура. С этого времени под названием Лунинец существовали 2 населенных пункта, которые не были никак разграничены [1].

1 марта 1922 года на заседании Лунинецкой городской рады рассматривался вопрос о границах Лунинца. В протоколе указывалось, что нехватка собственных земель у города, является существенной проблемой в деле ликвидации последствий пожара 1920 года, когда самая развитая торговая часть Лунинца полностью сгорела [3]. Кроме того, указывалось, что жители города Лунинца платят более высокое налоги государству, которые с каждым годом повышаются [3]. По итогам заседания, городская рада принимает постановление, согласно которому к городу Лунинец должны быть присоединены в кратчайшее время территории села Лунинец [3]. По проекту городской рады, к городу должны были присоединить территории по периметру 3 верст от сельской школы села Лунинца [4]. Однако проект реализован не был.

Лунинецкий поветовый староста, в донесении к Полесскому Воеводскому Управлению от 31 мая 1922 года писал:

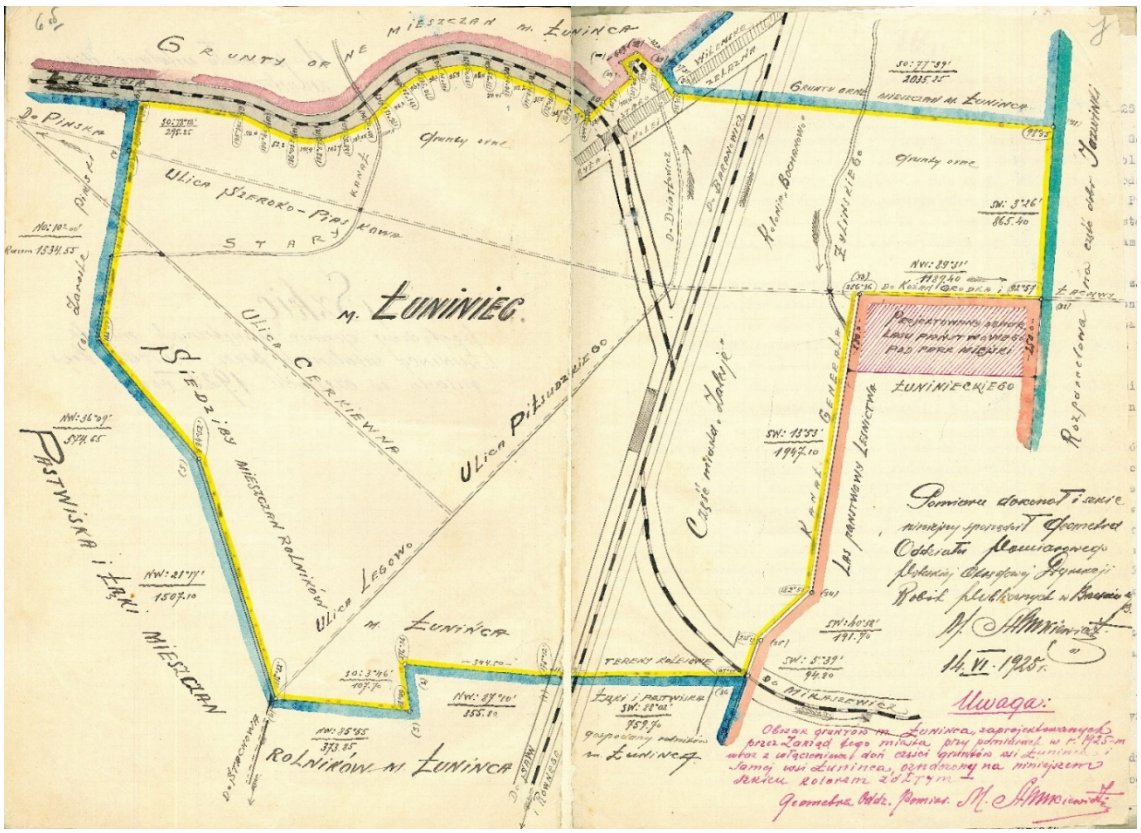
«По причинам мне не известным и ничем не обьяснимым (разве что только некомпетентностью местных властей), вместо того, чтобы выполнить вышеупомянутое распоряжение под № 99, и присоединить к городу всю территорию Лунинца, в нарушение всех правил и указаний, была выделена часть улицы Церковной (современная ул. Гагарина) и некоторые недвижимости с других улиц и оставлены, как и раньше, под властью сельской гмины (солтыса и гминного правления, которые располагаются в 12 километрах от Лунинца).

Этот способ, при котором рядом находящиеся строения, имеющие одну линейную нумерацию домов, подлежат разной юрисдикции, получил название административная шахматная доска, что создает хаос и затрудняет администрирование.» [1].

Так, в конце мая 1922 года, из 1045 строений, 158 – подлежали юрисдикции солтыса, остальные – магистрата [1].

Только в 1925 году к этому вопросу вернулись снова в связи с заболоченностью территории Лунинца. В письме к поветовому старосте, бурмистр Лунинца Зигмунт Чарноцкий обратить внимание на эту проблему, так как из-за неурегулированных границ невозможно приступить к осушению Лунинца [5].

20 мая 1925 года в Лунинец, для установления границ города прибыл геометр Михал Станкевич [6]. При посредничестве бурмистра города Лунинец Зигмунда Чарноцкого, его заместителя Антония Бартошевича, а также представителей сельской общины – Александра Жука, Николая Жука и Петра, сына Дмитрия, он приступил к работе. Им был разработан проект новых городских границ (карта №1), по которому село Лунинец присоединялось к городу Лунинец. Проект впоследствии был реализован [7]. По сломам новых границ города, размещались деревянные и железобетонные столбы, под которыми в стеклянных банках помещались копии протокола о установлении новых границ.



Карта №1. Карта внешних границ города Лунинца, разработанная М. Станкевичем в 1925 году

10 августа министру внутренних дел поступила жалоба, на решение староства от уполномоченных сельской громады села Лунинец, солтыса Алексея Карпуковича, Константа Молчана и Романа Харитоновича [7]. В основе жалобы лежал тезис о превышении полномочий поветовым староством и магистратом Лунинца. Однако удовлетворена жалоба не была, Село Лунинец прекратило свое существование. Его территории, в которые входили улицы Церковная, Легово, Школьная и Старосельская были окончательно присоединены к городу Лунинец согласно решения Рады министров от **4 марта 1926 года [8].**

На примере Лунинца можно утверждать, что в первой половине 1920-х годов в Западной Беларуси шел процесс урегулирования границ административно-территориальных единиц. В первую очередь это было связанно со сложной географией региона. Включение села Лунинец в состав города Лунинец помогло решить ряд проблем, препятствующих его развитию, и впоследствии, стало отправной точкой к становлению Лунинца как города.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр) Ф. 1. О. 1. Д. 547. Л. 25.
2. Gierowska-Kałłaur J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich, 19 lutego 1919 - 9 września 1920 / J. Gierowska-Kałłaur ; Instytut Historii PAN. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2003. – 447 s.
3. ГАБр. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 12.
4. Там же. Л. 12.
5. Там же. Л. 49.
6. Там же. Л. 3.
7. Там же. Л. 5.
8. Rozporządzenie rady ministrów z dnia 4 marca 1926 r. «o zmianie granic gminy miejskiej Łuniniec w powiecie łuninieckim w województwie poleskiem.» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1926. – № 25. – Poz. 148.

УДК 94(41/99)

ПРОБЛЕМА СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В ПОДГОТОВКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ «БРЕКСИТА»

Майя Мартен
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
m.martyon@grsu.by

В статье показано значение проблемы Северной Ирландии при согласовании условий выхода Великобритании из Европейского Союза. Рассмотрены основные этапы подготовки «брексита», позиции руководства Великобритании и ЕС в ходе его реализации, влияние «североирландского протокола» на внутриполитическую ситуацию в Соединенном Королевстве.
Ключевые слова: европейская интеграция, выход Великобритании из Европейского Союза, Северная Ирландия, Ирландская Республика, таможенный союз, перемещение товаров, политические партии Соединенного Королевства.

Ключевые слова: Европейская интеграция, выход Объединённого королевства из ЕС, Северная Ирландия, Таможенный союз, Республика Ирландия

THE PROBLEM OF NORTHERN IRELAND IN THE PREPARATION AND IMPLEMENTATION OF BREXIT

Maiya V. Martsion
Grodno State University, Grodno, Belarus

The article shows the significance of the problem of Northern Ireland when agreeing on the conditions for the UK's exit from the European Union. The main stages of the preparation of "Brexit", the positions of the leadership of Great Britain and the EU in the course of its implementation, the influence of the "Northern Ireland Protocol" on the domestic political situation in the United Kingdom are considered.

Key words: European integration, UK exit from the European Union, Northern Ireland, Republic of Ireland, customs union, movement of goods, political parties of the United Kingdom

Одно из значительных событий новейшей истории Европы – выход Великобритании из Европейского Союза, мощного интеграционного объединения, в котором страна участвовала более 45 лет.

Позиция Великобритании по вопросам европейской интеграции в послевоенный период была особой. При создании в 1951 г. Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) Британия не стала его членом, так как не захотела отдавать на наднациональный уровень управление своей сталелитейной и угольной отраслями. В 1957 г. ЕОУС перерос в Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), и тогда Британия в противовес создала в 1960 г. Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), поскольку участие в ней не требовало уступок в вопросах национального суверенитета. Важным обстоятельством было то, что почти половина внешнеторгового оборота Британии приходилась на Британское содружество наций. В его рамках страна имела «имперские преференции» – систему льготных тарифных условий, которые не хотела потерять.

Однако в 1960-х гг. ускорился распад колониальной империи Британии, ослабились отношения с дальними заморскими территориями. Страна могла оказаться на обочине мировой экономики, а также в политической изоляции в Европе. Великобритания предприняла попытки вступить в Общий рынок уже в 1961 г., затем в 1967 г. Однако Франция дважды накладывала «вето» на ее принятие, опасаясь усиления влияния США на Европу через Британию. Только в 1973 г. Великобритания вступила в ЕЭС. Выйдя из ЕАСТ, она присоединилась к Евратому и ЕОУС. Вследствие этого европейский вектор стал для Британии самым важным [1, с.100].

Тем не менее, на протяжении всего периода пребывания Великобритании в ЕЭС, затем в ЕС, в стране не прекращались разногласия по «европейскому вопросу». Ведущие политические партии и их лидеры демонстрировали разные позиции в отношении места и роли Великобритании в европейской интеграции. Уже в 1975 г. лидер лейбористов Г. Вильсон, уступая евроскептикам в собственной партии и в стране, провел референдум о дальнейшем пребывании страны в ЕЭС. Тогда около 70% голосовавших поддержали членство Британии в ЕЭС, поскольку европейскую интеграцию они связывали больше с возможностью снизить безработицу и рост цен, чем с утратой суверенитета.

В 2010-х годах, в течение нескольких лет перед очередным референдумом о выходе Великобритании из ЕС, твердые сторонники членства страны в ЕС составляли примерно 30%, убежденных

сторонников выхода из ЕС было около 20%. Отношение британцев к ЕС менялось в зависимости от состояния экономики объединенной Европы, а также под влиянием иммиграционных процессов. Евроскептицизм усилился после первой волны расширения ЕС (2004 г.) и в период миграционного кризиса 2015-2016 гг., приведшего к неконтролируемому потоку беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки в континентальные стран ЕС [1, с.103].

Внутри правящей в тот период партии консерваторов также не было единства: часть ее постоянно выступала за парламентский суверенитет страны против «диктата наднационального Брюсселя». Эти разногласия могли препятствовать победе партии на выборах. Кроме того, усиливалась популярность Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК), которая оттягивала голоса у консерваторов. Поэтому лидер консерваторов Дэвид Кэмерон предложил провести референдум из внутриполитических побуждений, хотя сам был весьма умеренным евроскептиком и сторонником сохранения членства Британии в ЕС. Свою инициативу он обосновал тем, что хочет провести реформы в Евросоюзе или улучшить условия членства Британии.

Референдум был объявлен за четыре месяца до его проведения, и все это время внутриполитическая борьба по этому вопросу продолжалась. 23 июня 2016 г. историческое решение о выходе Британии из ЕС было принято с незначительным перевесом голосов: «за» проголосовали 51,9%, против – 48,1%. При этом явка была беспрецедентной и составила 72% [2].

Опросы свидетельствовали о том, что решение британцев по-прежнему определялось двумя факторами: сохранение суверенитета страны в противовес общей политике ЕС и опасения по поводу потока иммигрантов. В то время еще плохо представляли себе экономические последствия «брексита» и недостаточно учитывали возможные внутренние проблемы, связанные с позицией Северной Ирландии и Шотландии.

Результаты референдума показали, что против выхода страны из ЕС проголосовало большинство жителей Шотландии (38% «за» и 62% «против») и Северной Ирландии (44,2% «за» и 55,8% «против») [2]. Это как раз те части Великобритании, в которых сильны сепаратистские настроения.

Особенно острым стал вопрос выхода Великобритании из ЕС для Северной Ирландии. Здесь с конца 1960-х гг. до конца 1990-х гг. происходил длительный, иногда кровопролитный этнорелигиозный конфликт между католиками и протестантами, который завершился Белфастским соглашением 1998 г. В соответствии с ним была избрана Североирландская Ассамблея и сформирован Исполнительный комитет из 12 министров, представляющих обе конфессии (североирландских католиков и английских протестантов). В качестве одного из ключевых достижений Соглашения 1998 года и одного из главных символов процесса примирения стало открытие 499-километровой границы между Республикой Ирландия и Северной Ирландией, которое было обязательным условием поддержания мира в регионе. С тех пор физические проверки на этой границе не осуществлялись уже более двух десятилетий.

Благодаря этому решению снова стали налаживаться торгово-экономические, политические и культурные связи между двумя соседними государствами. «Прозрачности» границы способствовало то обстоятельство, что и Великобритания, и Республика Ирландия входили в ЕС. В 2017 г. экспорт Соединенного Королевства в Ирландскую республику составил 5,5% от всего экспорта страны и 12,4% от ее экспорта в ЕС. Экспорт товаров и услуг из Северной Ирландии в соседнюю Республику Ирландия стабильно рос. Стивен Келли, директор завода в Северной Ирландии, отмечал: «Каждая четвёртая семья Северной Ирландии зависит от трансграничной торговли. Эта торговля создаёт 50 тыс. рабочих мест. Нужно сделать всё, чтобы не допустить возведения нового барьера» [3].

В 2017 г. экспорт в Республику Ирландия возрос до 3,9 млрд. фунтов стерлингов и составил 6% от всех продаж североирландских фирм. В торговле с соседями были особенно заинтересованы мелкие и средние предприниматели, на долю которых приходилось 47% экспорта [4, с.35].

Новость о победе «брексита» вызвала недовольство в Северной Ирландии. Раздались голоса представителей политических партий и членов правительства Северной Ирландии с требованием «провести голосование о принадлежности региона». Такое голосование было предусмотрено Белфастским соглашением 1998 г. о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии в случае изменения статус-кво [3]. Противники «брексита» считали, что это именно такой случай.

«Брексит» грозил нарушением хрупкого политического мира и хозяйственных связей в регионе и новой эскалацией этнорелигиозного конфликта. Но теперь вопрос о североирландской границе выходил за рамки двухсторонних отношений Великобритании с Республикой Ирландия, становился общеевропейским. В уведомлении, которое Великобритания отправила ЕС 29 марта 2017 года о выходе из его состава, указывалось, что Великобритания сохранит исторические связи и открытую границу с соседней Республикой Ирландия. Однако эта позиция не нашла поддержки у североирландской Демократической юнионистской партии (далее ДЮП), которые после досрочных выборов в парламент Великобритании в июне 2017 г. вошли в правительственную коалицию. Тогдашний лидер партии юнионистов А.Фостер неоднократно высказывалась, что Северная Ирландия должна выйти из состава ЕС на тех же условиях, что и

вся Великобритания, что ее партия не согласится с результатами переговоров с ЕС, если возникнет вероятность отделения Северной Ирландии от Соединенного Королевства.

По вопросу североирландской границы не было единства внутри самой Северной Ирландии. ДЮП возражала против того, чтобы регион оставался внутри таможенного союза и единого европейского рынка после «брексита», в то время как политическое объединение националистского толка «Шинн Фейн» выступало за сохранение экономической интеграции Северной Ирландии с ЕС.

Североирландский вопрос был одним из важных пунктов тяжелых переговоров премьер-министра Великобритании Терезы Мэй с руководством Евросоюза об условиях «брексита». На первом этапе переговоров был принят документ, в котором содержался принцип «согласования норм и правил». Он предписывал, что Северная Ирландия будет следовать правилам таможенного союза и внутреннего рынка ЕС. Фактически это означало, что она после «брексита» должна будет остаться в правовом поле ЕС, формально уже не являясь его членом. Это вызвало резкое несогласие юнионистов, под давлением которых «согласование норм и правил» заменили формулировкой «никаких новых административных барьеров». Она означала, что введение в Северной Ирландии установлений, отличных от норм остальной части страны, после выхода из-под юрисдикции ЕС возможно только с согласия Стормонта (североирландского правительства).

В середине декабря 2017 г. Европейский Совет объявил, что первая фаза переговоров о «брексите» завершена. Стороны сошлись на том, что Великобритания будет оставаться под юрисдикцией Европейского суда и обеспечивать гражданам ЕС свободу передвижения по своей территории. Решение североирландского пограничного вопроса было отодвинуто на вторую фазу переговоров, посвященных обсуждению будущих отношений Великобритании и ЕС.

Следующими этапом решения североирландской проблемы стал «Чекерский план» (по названию резиденции) Терезы Мэй, представленный правительству Великобритании в июле 2018 г. В нем предлагались создание зоны свободной торговли и перечня промышленных и сельскохозяйственных товаров, которых торговые ограничения не коснутся. Таким образом, по замыслу Т. Мэй, североирландскую границу можно было оставить «прозрачной», не нарушая Белфастского соглашения 1998 г., и даже создать «общую таможенную территорию» Великобритании и ЕС. В результате британская сторона должна была получить право устанавливать свои тарифы на импорт и европейские тарифы на экспорт в ЕС. Великобритания также должна была выйти из-под юрисдикции Европейского суда. Согласно «Чекерскому плану», свободная миграция граждан Великобритании и ЕС должна была прекратиться, но вместе с тем предлагалось выработать новые «общие условия свободы передвижения», чтобы дать людям возможность взаимно посещать страны договаривающихся сторон. Эти меры, по мнению Т.Мэй, должно были решить пограничный вопрос.

Однако «Чекерский план» не поддержали многие члены британского правительства, что вызвало политический кризис и отставку министра по делам «брексита» Д.Дэвиса и министра иностранных дел Б.Джонсона. Оба они считали, что «Чекерский план» ставит Великобританию в невыгодное положение перед ЕС и может привести к потере ее экономической самостоятельности.

В дополнение к «Чекерскому плану» 12 июля 2018 г. правительство Т.Мэй опубликовало «Белую Книгу», которая содержала предложения о будущих торговых отношениях с ЕС. В документе было указано, что Соединенное Королевство сохранит исторические связи и открытую границу с соседней Республикой Ирландия. Предлагалось создать систему «доверенных трейдеров» – частных фирм-поставщиков, которые будут заниматься транспортировкой товаров через североирландскую границу, решая тем самым проблему таможенных проверок после «брексита». Таможенные власти Великобритании должны были бы отслеживать и заранее декларировать электронным способом поставляемые «доверенными трейдерами» товары, а трейдеры – оплачивать тарифы в странах конечного назначения и гарантировать соблюдение стандартов качества ЕС, выполняя тем самым таможенные обязательства. Это предложение учитывало практику использования уполномоченных экономических операторов в странах ЕС, которые осуществляют поставки товаров по специальной лицензии. Таким образом, Британское правительство планировало заключать торговые сделки с другими странами, при этом не взимая в пользу ЕС таможенные сборы [4, с.39].

Государства-члены ЕС не приняли «Чекерский план». Они сочли его невыполнимым, потому что он нарушал единство четырех взаимосвязанных и незыблемых принципов Евросоюза: свободного передвижения товаров, услуг, капитала и граждан. Чтобы их соблюсти, Великобритании пришлось бы остаться в общем европейском рынке и сохранить «прозрачную» границу с Республикой Ирландия. Брюссель занял жесткую позицию: Британия не может пользоваться тремя свободами единого рынка (передвижения капиталов, товаров, услуг, без четвертой – рабочей силы, людей). На неформальном саммите в Зальцбурге 20 сентября 2018 г. глава Европейского Совета Д.Туск заявил, что предложения Т.Мэй не устраивают страны ЕС по экономическим причинам. Великобритания пытается таким образом переписать «под себя» европейское законодательство.

Между тем, активизировались противники выхода Великобритании из ЕС – сторонники «бремэйн» (остаться). В октябре 2018 г. в Лондоне прошел масштабный марш «Народное голосование» в поддержку повторного референдума по «брекситу», в котором приняли участие сотни тысяч британцев [4, с.39]. Это расшатывало позиции британского правительства.

На специальном саммите Европейского Союза 25 ноября 2018 г. лидеры ЕС утвердили проект соглашения о «брексите» и подписали Политическую декларацию, которая должна была регулировать отношения между Лондоном и Брюсселем. Переходный период после «брексита» должен был продлиться 21 месяц, в течение которого Великобритания должна была соблюдать все правила ЕС. Особый акцент снова был сделан на североирландском пограничном вопросе. Был разработан так называемый режим «бэкстопа», согласно которому до конца переходного периода Великобритания должна была находиться в таможенном союзе, чтобы предотвратить установление «жесткой» границы с Республикой Ирландия после «брексита».

Британские сторонники «брексита» были недовольны тем, что переходный период для Великобритании может затянуться на неопределенный срок, а стране придется находиться в таможенном союзе без права выйти из него в одностороннем порядке и без права голоса в руководящих органах ЕС. Несколько голосований в палате общин, в ходе которых премьер-министр Т. Мэй пыталась получить согласие на подписание соглашения с ЕС, закончились безрезультатно. Большинство депутатов снова и снова его отвергали. В то же время лидеры Евросоюза заявляли, что никаких уступок Лондону делать не намерены и допускают выход Великобритании из ЕС без соглашения об условиях, т.е. «жесткого брексита».

Ситуация накалялась. 23 марта 2019 г. в Лондоне снова прошел марш в рамках кампании «Народное голосование» с требованием провести повторный референдум о выходе Великобритании из состава Евросоюза, в котором приняли участие сотни тысяч человек. На сайте британского парламента появилась соответствующая петиция, собравшая свыше 5 млн. подписей. 29 марта 2019 г., – в день, когда должен был официально состояться выход Великобритании из ЕС, – депутаты Палаты общин в третий раз отвергли проект соглашения Лондона и Брюсселя о «брексите». Не добившись результатов, Тереза Мэй в июле 2019 года ушла в отставку. Премьер-министром стал консерватор Борис Джонсон.

Таким образом, «брексит» вернул вопрос о границе, и вопрос был только в том, где она окажется. Чтобы не разделять Северную Ирландию и Ирландскую республику (согласно Белфастскому соглашению 1998 г.), нужно было либо оставить всю Великобританию в таможенном союзе, либо создать таможенную границу по морю между Северной Ирландией и остальной Великобританией. Тереза Мэй отказывалась от первого варианта, поскольку он противоречил духу брексита. Не хотела она и возведения границ внутри страны. Новый премьер-министр оказался другого мнения. Борис Джонсон согласился проложить границу внутри страны и подписал на этих условиях соглашение с ЕС. Он представил соглашение как прорыв, выиграл с ним выборы и объявил, что брексит успешно завершен [5].

Североирландский протокол был неотъемлемой частью соглашения о выходе Великобритании из ЕС. Его цель – недопущение появления границы между Республикой Ирландия и Северной Ирландией, входящей в состав Соединенного Королевства. Согласно его условиям для того, чтобы избежать появления границы между сторонами, вводились таможенные проверки в отношении товаров, прибывающих в Северную Ирландию из остальной части Великобритании на морской границе.

В полночь с 31 января на 1 февраля 2020 г. по центрально-европейскому времени Великобритания вышла из Европейского союза. Северная Ирландия по решению сторон фактически осталась в едином рынке и таможенном пространстве ЕС. Соглашение, под которым подписался Джонсон, потребовало таможенного оформления товаров внутри Соединенного Королевства, вопреки клятвенным обещаниям Джонсона, что никаких проверок никогда не будет. В результате начались новые препирательства с ЕС, попытки пересмотреть только что подписанное соглашение, которые не привели к успеху.

Согласно «североирландскому протоколу» после окончательного выхода Британии из ЕС в начале 2021 г. в портах Северной Ирландии начались таможенные проверки грузов из остального Соединенного Королевства. Однако к полномасштабным проверкам на новой границе по Ирландскому морю сразу с 1 января власти и фирмы Британии готовы не были, и потому Брюссель и Лондон на первые три месяца ввели упрощенный режим проверок. Таможню без лишних формальностей проходили грузы для североирландских сетевых супермаркетов и некоторых других фирм розничной торговли. Предполагалось, что по окончании упрощенного режима им нужно будет получать сертификаты на мясо, молоко и изделия из них [6]. Начало проверок вызвало недовольство в Северной Ирландии: в двух главных портах, Белфасте и Ларне, на стенах появились надписи-угрозы в адрес таможенников. Из-за этого проверки приостанавливались [7]. В начале апреля 2021 г. в ряде городов Северной Ирландии прошли акции протеста против «североирландского протокола», которые впоследствии переросли в беспорядки и столкновения с полицией [11].

Правительство Британии, убедившись, что и к концу марта процедура проверок готова не будет, сначала призвало ЕС продлить упрощенный режим, а затем объявило о его продлении в одностороннем порядке на полгода. Это вызвало возмущение в руководстве ЕС. Для Евросоюза целостность внешней

границы его единого рынка — это принципиальнейший вопрос, и чисто виртуальная граница на острове Ирландия его не устраивала [6].

Представители правительства Британии возразили, что ничего не нарушали, и что «североирландский протокол» дает им право на такие односторонние действия. Они ссылались на статью 16 протокола, предусматривающую механизм, позволяющий любой из сторон без согласия второй принимать «защитные меры» в случае, если протокол приводит к «серьёзным экономическим, социальным или экологическим проблемам», которые сохраняются на протяжении длительного времени [8]. Если Великобритании будет слишком невыгоден досмотр её товаров и бюрократические формальности при пересечении ирландского моря, если будет нести убытки её коммерция или если, в более широком смысле, усилится влияние на Северную Ирландию Республики Ирландия, она может привести в действие статью 16-ю.

Согласно «североирландскому протоколу», после активизации статьи 16 должны состояться переговоры сторон, на которые отводится 30 дней, и только потом могут вводиться «защитные меры». Причем каждые три месяца их должны пересматривать на предмет эффективности. Однако, если руководство ЕС решит, что Великобритания неправильно использует статью 16 или нарушает Соглашение по «брекситу», то оно вправе запустить иной механизм урегулирования споров. *Это означает создание арбитражной комиссии, которая должна рассмотреть этот вопрос и вынести решение о том, нарушило ли Соединённое Королевство протокол и Соглашение о его выходе из сообщества.*

Если подтвердится факт нарушения, то ЕС может приостановить действие некоторых положений Соглашения о «брексите», а также Соглашения «О торговле и сотрудничестве», что позволит ему вводить пошлины. Брюссель настаивает на том, чтобы арбитром при урегулировании его споров с Лондоном служил Европейский Суд в Люксембурге.

Но вскоре Великобритания выступила за то, чтобы внести поправки в североирландский протокол, которые лишили бы Европейский суд полномочий и статуса главного надзорного органа за торговыми операциями. На это руководство ЕС ответило категорическим отказом. Евросоюз настаивает на том, что соглашения о «брексите» не подлежат пересмотру [8].

В середине октября 2021 г. ЕС согласился сократить число таможенных процедур и облегчить оформление документов, чтобы торговые барьеры были менее осязаемы. Также исключения были сделаны для отдельных продуктов, ввозимых из Великобритании. Это привело к окончанию торговых "колбасных войн", о которых всё лето писали СМИ. Североирландские профсоюзы также выступили против таможенных проверок. По их мнению, «североирландский протокол» ослабляет связи автономии с остальной частью Великобритании и приводит к сбою поставок и дефициту товаров [8].

Юнионисты использовали возникающие перебои с поставками, чтобы привлечь внимание к тому факту, что между территорией Великобритании и Северной Ирландии существует теперь таможенная проверка, потому что для них крайне важно сохранить целостность Соединенного Королевства.

В целом экономические итоги первого года после «брексита» неоднозначны для Великобритании. По предварительным итогам, в Северной Ирландии некоторые секторы экономики значительно выиграли от «брексита». Экспорт из Северной Ирландии в Республику Ирландия вырос на 60%. Экспорт из Ирландской республики в Северную Ирландию в течение 2021 года увеличился на 48%. В то время как некоторые трейдеры получили хорошую прибыль в 2021 году, независимые розничные торговцы столкнулись с трудностями после «брексита» [9].

Однако развитию экономики мешает продолжающаяся неопределенность, нестабильность, напряженность в отношениях между правительством Великобритании и руководством ЕС. Из Лондона все громче раздаются требования пересмотреть «североирландский протокол». Британский министр по вопросам «брексита» Дэвид Фрост обвинил Брюссель в попытке вернуть Лондон под свой контроль: *«По широко распространённому в Соединённом Королевстве мнению, Евросоюз пытается использовать Северную Ирландию, чтобы подтолкнуть политические силы Великобритании к отмене результата референдума 2016 года или, по меньшей мере, сохранить наши тесные связи с ЕС. Выполнение протокола приносит нам слишком большие потери в момент, когда руки Великобритании на переговорах связаны. Он не может оставаться в нынешней форме»* [10]. В Лондоне опасаются, что Брюссель будет целенаправленно затягивать переговоры и продлевать действие данного режима, тем самым сохраняя Северную Ирландию под своим контролем. В результате Лондон либо на неопределенное время частично останется в подчинении Брюсселя, либо будет вынужден отказаться от торгового суверенитета над Северной Ирландией. Ни один из вариантов не устраивает британское правительство.

Новый виток нестабильности возник после того, как 2 февраля 2022 г. министр сельского хозяйства Северной Ирландии юнионист Эдвин Путс приостановил проверки товаров, поступающих из Великобритании. Такие действия подрывают единый рынок Евросоюза, на который через Северную Ирландию может осуществляться неконтролируемый ввоз британской продукции. И хотя на следующий день, как сообщило правительство Великобритании, проверки возобновились, в Северной Ирландии

разразился очередной политический кризис. 3 февраля 2022 г. глава администрации Северной Ирландии юнионист Пол Гивэн подал в отставку. Ведущие политики Демократической юнионистской партии, располагающей большинством мест в Ассамблее (парламенте) Северной Ирландии, считают, что «североирландский протокол» в его нынешнем виде угрожает территориальной целостности королевства, поскольку ставит Ольстер в неравное положение по сравнению с другими административно-политическими частями страны [11].

В нынешней государственной системе Северная Ирландия не является частью Великобритании, но вместе с ней образует Соединенное Королевство под властью Британской короны. Ирландские республиканцы заинтересованы в сближении Северной Ирландии с Республикой Ирландией с перспективой воссоединения в рамках единого острова. Протокол по Северной Ирландии не прямо, но способствует этому процессу, поскольку и Республика Ирландия, и британская Северная Ирландия остаются на одинаковых условиях в составе Единого рынка ЕС, чего нельзя сказать об остальной Великобритании [12].

Исторические корни конфликтной этнорелигиозной и социальной ситуации в Северной Ирландии тянутся с XVI века, когда на острове Ирландия начался процесс конфискации земель у местных жителей и их передача английским поселенцам. С тех пор этот конфликт время от времени принимал самые острые формы. В последние годы он приобрел новое звучание. Северная Ирландия была самой трудноразрешимой проблемой на переговорах о выходе Британии из ЕС и осталась таковой после того, как этот выход уже состоялся.

1. Ананьева Е. В. Брекзит: причины, политический фон, последствия/ Ананьева Е.В.// Научно-практический рецензируемый журнал «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право». – Т.10. – 2017. – № 6 /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/261?locale=ru_RU – Дата доступа: 24.01.2022.
2. Референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC_%D0%BE_%D1%87%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5_%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D1%81%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%B5 – Дата доступа: 27.01.2022.
3. "Брексит": последствия для Северной Ирландии /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/2016/06/29/brexit-sharpens-the-focus-on-the-future-of-northern-ireland-and-the-border-with – Дата доступа: 24.01.2022.
1. 4. О.В. Охошин Проблема североирландской границы: «ящик Пандоры» для Великобритании и ЕС /Электронный ресурс]. – Режим доступа:
2. https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2019/01/03-Okhoshin.pdf – Дата доступа: 21.01.2022.
3. 5. Калмыков А. Брексит год спустя. Выиграла или проиграла Британия от выхода из Евросоюза? /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/features-59839559 – Дата доступа: 20.01.2022.
4. 6. Юри Вендик. "Партнер, которому нельзя доверять". ЕС возмутился решением Лондона о Северной Ирландии /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/features-56266960 – Дата доступа: 22.01.2022.
8. После брексита: Лондон выдвинул Евросоюзу ультиматум из-за Северной Ирландии /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/features-55912121 – Дата доступа: 22.01.2022.
9. Дрямина Н. Статья 16 протокола по Северной Ирландии: суть и подводные камни /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/2021/11/16/web-article-16-brexit – Дата доступа: 22.01.2022.
10. "Брексит": итоги подводить рано /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/2021/12/31/brexit-one-year-on – Дата доступа: 25.01.2022.
11. Великобритания угрожает выйти из Североирландского протокола /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/2021/10/12/eu-northern-ireland-protocol-frost – Дата доступа: 22.01.2022.
12. Глава правительства Северной Ирландии объявил об отставке /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13609583 – Дата доступа: 06.02.2022.
13. Дмитрий Семушин. Североирландский вопрос: Лондон признает напряженность в отношениях /Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2021/10/11/severoirlandskiy-vopros-london-priznaet-napryazhennost-v-otnosheniyah – Дата доступа: 06.02.2022.

УДК 94(476.7) "1941/1945"

ПОДВИГИ БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛУНИНЕЦКОГО РАЙОНА

Андрей Буневич
Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка,
Республика Беларусь

В статье раскрываются подробности обороны Лунинецкого района от нацистских захватчиков летом 1941 года и его освобождения в 1944году.

Ключевые слова: Лунинец, солдаты, Синкевичи, Лахва, Пинск, Великая Отечественная война

THE EXPLOITS OF THE RED ARMY SOLDIERS IN THE BATTLES FOR THE LIBERATION OF THE LUNINETS AREA

Andrei Bunevich
Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank, Republic of Belarus
andrey.bunevich@bk.ru

The article reveals the details of the defense of the Luninets region from the Nazi invaders in the summer of 1941 and its liberation in 1944.

Keywords: Luninets, soldiers, Sinkevichi, Lahva, Pinsk, the Great Patriotic War

Белорусское Полесье столетиями считалось краем диких болот и лесов. На сотни километров Полесской низменности простирались непроходимые места. Весной, когда Припять покидала свои берега, территория района заливалась водой. В своё время даже Наполеон не решился двигаться через Полесье.

Центром белорусского Полесья является город Лунинец, который до 1939 года территориально принадлежал Польше. После воссоединения Западной и Восточной Белоруссии перешёл в состав Белорусской ССР. 15 января 1940 года был создан Лунинецкий район, вошедший в состав Пинской области.

Географическое положение Лунинца способствовало его развитию как крупного железнодорожного узла. Город Лунинец – крупный узел дорог, он связывал направления на Сарны, Пинск, Брест, Барановичи, Мозырь. Помимо этого, в Лунинце располагалось локомотивное депо, осуществлявшее ремонт и техническое обслуживание подвижного состава. Поэтому во время Великой Отечественной войны ему придавалось большое стратегическое значение, так как через указанный населённый пункт можно было совершать поставки продовольствия и военной техники для Восточного фронта.

В своих планах нацистские захватчики исключили пойму Припяти из числа направлений активного наступления. Главные удары были направлены на север и юг от так называемой «Припятской области».

О том, что Припятские болота приносили много хлопот и неприятностей германскому командованию, свидетельствуют заметки начальника Генерального штаба Сухопутных войск противника, генерал-полковника Ф. Гальдера. Так, 5 декабря 1940 г. он записал: "противник должен быть рассечен сильными ударами фланговых группировок к северу и к югу от Припятских болот. "Запись в феврале 1941 г.:"Припять!", в марте: "проблемы, связанные с припятскими болотами...". Благодаря чему можно сделать вывод, что данный район беспокоил врагов"[2, с. 308].

Основные боевые действия летом 1941 года велись не только на территории Лунинца, но и на территории района. Линия обороны располагалась восточнее Лунинца, в 20 километрах от реки Лань.

Из воспоминаний местных жителей известно, что фашисты нападали со стороны д. Любань, а линия обороны тянулась по реке Лань. Красноармейцы в составе 40 человек организовали засаду на железнодорожном переезде у деревни Мокрово. 12 июля 1941 г. в 11 часов утра здесь начался неравный бой. Он окончился через два часа поражением советских солдат. 14 красноармейцев погибли, а 17, среди которых были раненные, нацисты взяли в плен. Остальные отступили. Потери вражеской стороны были меньшими. Нацисты приказали похоронить красноармейцев пятерым местным жителям. Они рассказывали, как пригнали лошадей с телегами, расширили яму, где прежде хранилась картошка, и, похоронили там красноармейцев. Отдельно похоронили убитых германских солдат. Раненных красноармейцев увезли в деревню Лахва, в 10 км от деревни Мокрово [4, с. 10].

В братской могиле вблизи деревни Лахва похоронено 283 красноармейца, расстрелянных нацистами и 197 мирных жителей, уничтоженных оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Расположена в 100 метрах к юго-востоку от конторы рыбхоза "Лахва"[1, с. 274].

О боях в Лунинецком районе летом 1941 года написано немного. Отдельные фрагменты боевых действий записаны в дневнике бывшего командира взвода 115 стрелкового полка 75-й стрелковой дивизии. Из воспоминаний Вениамина Григорьевича Куделина:

«С первых часов войны дивизии пришлось вести бои. Первый день она в основном удерживала позиции, однако силы были неравные (три немецкие дивизии против одной), в ряду мест немцы прорвались вглубь нашей территории. 23 июня дивизия начала отходить. Полки, которые вели бои на государственной границе, потеряли связь со штабом дивизии, с 24 июня вели бои в окружении. Выходили с него по частям, с боями. Штаб вместе со 115 стрелковым полком, артиллерией, отдельными батальонами до 26 июня так же были окружены в урочище Силы. Были уничтожены или закопаны в землю пулеметы, минометы, зенитные установки (так как закончились снаряды). А личный состав 26 июня прорвал кольцо противника.

В те дни погибло не меньше тысячи красноармейцев и командиров. Врагу не достался ни один из флагов дивизии… Героизм и мужество её воинов признал даже генерал Гудериан в книге" Воспоминания солдата".

Позже дивизия обороняла Пинск, отошла на восток через Белорусское Полесье.

Под Пинском и на территории Лунинецкого района части дивизии после выхода с окуружения привели себя в порядок, пополнялись людьми, по мере своих возможностей сдерживали движение нацистских войск на этом направлении.

Так получилось, что после выхода с окружения я попал в Киев, а позже по Днепру и Припяти – в Мозырь, в штаб дивизии, особиста и командира дивизии С.И. Недвигина.

С Мозыря с несколькими бойцами я двинулся через Калинковичи на дрезине в Житковичи, в военный городок (там до мая 1941 года стоял наш полк). Оттуда на машине с продуктами мы быстро прибыли в район боевых действий, в штаб полка, который размещался в лесу около Микашевичей. Было это, около 10 июля. Командир полка майор Алексей Михайлович Лобанов назначил меня командиром взвода в первую роту первого батальона 115-го стрелкового полка. Получив предназначение, начал искать свой взвод. В тот день первый батальон участвовал в наступлении на железнодорожный переезд и деревню Синкевичи. Когда я подходил к переднему краю, началась пулеметная стрельба. Около дороги, по которой шёл, увидел убитого молодого немецкого солдата в очках – он лежал, вытянувши одну руку вперёд, с полусогнутыми в коленях ногами. Однако впереди бой усилился, и я начал встречать отходящих бойцов. Вместе с ними был и командир одной из рот. Вскоре стало ясно, что наступление наших частей было остановлено пулемётным огнём. Враги вели огонь с холма, расстреляв всю округу. Я не участвовал в этом бою, но смог оценить, какие хорошие были позиции у нацистов, когда попал сюда после войны.

В маленькой деревне Ситница, куда отошли наши бойцы, я нашел свой взвод, принял командование. Ни в тот день, ни наследующий немцы на Ситницу не пошли. Прошла ночь, потом ещё одна. В один из дней мне со взводом было приказано выйти на западную окраину станции Микашевичи и занять оборону около железнодорожного моста через не большой канал. Тут я встретил подрывников, которые уже заминировали мост и ждали, когда поступит приказ на подрыв. Я должен был пропустить всех тех, кто отходил, при появлении врагов отдать этот приказ, а потом отходить в местечко Ленин. Так и сделали. Помню, что потом встретили группу лейтенанта Михедова и присоединились к ней. Вместе пошли через станцию, по очереди сдерживая огнём наседающих фашистов. В северо-западной части посёлка горел фанерный завод, подпаленный и подорванный перед тем. Это было 12 июля.

Скоро мы прошли через местечко Ленин, прошли по мосту через Случ. Таким образом, отошли за бывшую советско-польскую границу. На ней встретили пограничников. Я обратил внимание, что до самых последних часов на границе шли дежурные наряды, которые проверяли документы у гражданского населения, уходящего с войсками. Далеко не всем разрешалось проходить через эту границу» [5, с. 10].

10 июля 1941 года гитлеровцы захватили Лунинец. Был установлен «новый порядок» – режим террора и насилия. Первым делом они принялись расстреливать коммунистов и комсомольцев. Люди, которые одобряли советскую власть, подвергались уничтожению. В первые месяцы установления «нового порядка» все случаи доносов и обвинений проходили тщательную проверку службами безопасности. Если выяснялось, что обвиняемый был приверженцем большевизма, то приговор выносился согласно указаниям главного командования вооружённых сил Рейха, то есть расстрел без суда и проверки подлинности обвинений.

По состоянию на 1 сентября 1939 года в Лунинце проживало 8300 жителей, из которых 4153 еврея, то есть половина населения. Нацисты следовали плану "Ост" по уничтожению еврейского населения и увеличению "жизненного пространства". Из-за чего на территории Лунинецкого района было создано 5 гетто – в Лунинце, Лахве, Кожан-Городке, Больших Чучевичах, Микашевичах. Необходимо отметить, что, даже оказавшись в застенках гетто, еврейское население оказывало сопротивление врагу. Примером

героической борьбы с врагом может служить подвиг трёх узников Лахвенского лагеря Ицхака Рахчина, Иегошуа Лиора, Берла Лапатина. Ночью все узники лагеря знали, что утром их ждёт смерть и собрали всё, чем можно было нанести удар врагу. И утром по команде Ицхака Рахчина, Берл Лапатин поджог здание юденрата. Евреи, воспользовавшись спутанностью карателей, побежали к воротам, и сломав их побежали в сторону Припятского леса. По восставшим был открыт огонь из пулемётов. Из двух тысяч убегавших евреев в лес попало около 600. Части вырвавшихся из гетто, удалось примкнуть к партизанскому отряду под командованием Бумажкова, и в его рядах, продолжить борьбу с оккупантами. Иегошуа Лиор был одним из наиболее активных членов антигитлеровского сопротивления. На его счету участие в диверсионных акциях, нападениях на поезда, минирование железнодорожных путей. После войны жил в Израиле [2, с. 325].

Оккупация длилась ровно три года. За время оккупации в Лунинецком районе нацисты уничтожили 16637 человек (из них 8505 женщин и детей), а 2319 – угнали в Германию [3, с. 25].

6-7 июля 1944 года начались напряженные бои на Пинском направлении за овладение Лунинцем. В этих боях принимали участие части 61-й армии генерал-лейтенанта П. А. Белова, военные корабли 2-й бригады Днепропетровской флотилии и партизаны Пинского соединения. Сражение происходило в исключительно тяжелых условиях. Советским войскам приходилось преодолевать болотные топи, труднопроходимые леса.

Полковник в отставке, Герой Советского Союза Фёдор Иванович Винокуров, командир 117-го стрелкового полка 23-й Киевско-Житомирской дивизии, освобождавшего Лунинец, в своих воспоминаниях, которые хранятся в Брестском областном краеведческом музее, подробно описывает события тех памятных июльских дней 1944 года:

«Взаимодействуя с Днепровской флотилией и местными партизанами, полк в ожесточенных боях с врагом форсировал Припять и овладел населенным пунктом Микашевичи. Разрозненные части врага стали отступать в направлении Лунинца, взрывая железнодорожное полотно, мосты, минируя пути отхода.

На подходе к Лунинцу противник встретил наши части сильным артиллерийским огнём. Населенные пункты Язвинки, Ежевки, Вичин, Бродница несколько раз переходили из рук в руки.

9 июля в 18 часов первый батальон завязал бой за железнодорожную станцию Лунинец. Одновременно подразделения полка овладели населенным пунктом Дятловичи и перерезали железную дорогу Лунинец – Барановичи.

Завязались тяжёлые уличные бои. Противник ввёл в бой бронепоезд, бросил свои последние резервы, но, несмотря на это, 117-й полк при помощи других подразделений организовал ночную атаку. После тяжелых ночных боёв Лунинец 10 июля 1944 года был полностью освобождён» [3, с. 26].

В боях особенно отличились командир роты старший лейтенант Дмитрий Аврамович Аристархов, капитан Кашенков, красноармеец Алексей Алексеевич Зуев, которые позднее были удостоены звания Героя Советского Союза.

117-му полку 23-й Киевско-Житомирской дивизии, как и трем полкам 55-й Мозырской, было присвоено почётное наименование: "Лунинецкий" бойцы которого, впоследствии дошли до Берлина.

Свои автографы на стенах рейхстага оставили и лунинчане. Солдат из Лунинца Миряков на одной из колонн вывел "Каунас – Мемель – Варшава – Берлин. Миряков – станция Лунинец"[3, с. 28].

10 июля 1944 года Лунинец был освобождён от нацистских захватчиков. Решением местных властей этот день отмечается как День города.

1. Бемько, В. Место боя партизан / В. Бемько // Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Белорус. Сов. Энцикл.; Редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) и др. — Минск,1990. — 424 с.
2. Памяць. Лунінецкі раён: Историко-документальные хроники городов и районов Беларуси / Редкол. Т.В. Конопацкая и др.; Худож. Э.Э. Жакевич. — Минск, 1995. – 337 с.
3. Литвинчук, В.А. Лунинец: Ист.-экон. очерк / В.А Литвинчук, Н.Н. Калинкович. — Минск, 1981.— 62 с.
4. Буневич, А. Бой на железнодорожном переезде / А. Буневич // Пенсионер. — 2009. — 26 мая. — С.10.
5. Мемуары бывшего директора мемориального комплекса "Брестская крепость-герой" // Личный архив В.Г. Куделина.

УДК 93/94

СЕРБСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АДРИАТИЧЕСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Михаил Довгялло
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь
misha_dauhiala@tut.by

В статье рассматриваются отношения между Сербией и Италией и закулисная деятельность дипломатов Великобритании, Франции и России по привлечению на свою сторону Италии в начале Первой мировой войны как будущей союзницы Антанты в войне против Германии, Австро-Венгрии, а также территориальные претензии после окончания войны двух блоков. Прослеживается Адриатический вопрос на завершающей стадии Парижской мирной конференции и борьба за национально-территориальные разграничения между Королевством СХС и Королевством Италии. Частичное разрешение Адриатического вопроса после подписания Раппальского договора.

Ключевые слова: Великие державы, Сербия, Италия, Лондонский договор, Адриатический вопрос, Королевство СХС, Парижская конференция, Рапалльский договор

SERBIAN-ITALIAN RELATIONS AND THE ADRIATIC QUESTION AT THE OUTBREAK OF THE FIRST WORLD WAR AND AT THE PARIS PEACE CONFERENCE

Mikhail S. Dauhiala
Belarussian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article considers relations between Serbia and Italy and the behind-the-scenes activities of British, French and Russian diplomats to draw Italy to their side at the beginning of the First World War as a future Entente ally in the war against Germany, Austria-Hungary, as well as territorial claims after the end of the war of the two blocs. The Adriatic question at the conclusion of the Paris Peace Conference and the struggle over national-territorial demarcations between the Kingdom of SHS and the Kingdom of Italy are observed. Partial resolution of the Adriatic question after the signing of the Treaty of Rapallo

Keywords: Great Powers, Serbia, Italy, the Treaty of London, Adriatic Question, Kingdom of the SHS, Paris Conference, Treaty of Rapallo

Вопрос о границе между Королевством Италией и Королевством Сербии, вставший на повестку дня в конце Первой мировой войны, имел определенный исторический контекст. В 1882 г. Италия примкнула к австро-германскому союзу 1879 г. и образовался Тройственный союз. Накануне Первой мировой войны в правящих кругах Италии, находившейся в союзнических отношениях с Германией и Австро-Венгрией, появилась надежда на возможность пересмотра границ в свою пользу. По мнению итальянских политиков, победа в будущей войне могла достаться как союзникам Италии, так и их противникам. Италия заявила о нейтралитете 2 августа 1914 г. [1, с. 29]. Формально, до начала мая 1915 г. Италия не выходила из Тройственного союза, поддерживая у своих союзников иллюзию, что страна готова сохранить нейтралитет в обмен на уступку Австро-Венгрией населенных итальянцами областей.

Соперничество между Австро-Венгрией и Италией на Балканах носило постоянный характер. Аннексия Веной Боснии и Герцеговины (БиГ) в 1908 г. вызвала негативную реакцию в Сербии и Италии [2, с. 39, 166]. В свою очередь, двуединая монархия считала Италию препятствием в своей политике на Балканах, направленной на территориальное расширение и гегемонию в этом регионе. Рим рассчитывал на включение в состав Италии городов Градиски и Горицы, ряда далматинских островов. Триест предполагалось превратить в независимое государство, а порт сделать свободным [3, с. 20]. В Вене планировали пойти лишь на незначительные уступки итальянцам, а после окончания войны и вовсе от них отказаться. В Берлине отдавать Триест итальянцам также не собирались, рассматривая этот порт фактически как единственный для обеих стран выход в Средиземное море. Австрийская дипломатия пыталась убедить итальянцев на протяжении всех переговоров согласиться на вариант получения территориальных компенсаций за счет других воюющих государств, а не за счет Австрии.

Итальянское правительство в первые дни войны вступило в параллельные переговоры, лавируя между представителями государств Антанты и партнерами по Тройственному союзу. Переговоры с Антантой проходили в период итальянского нейтралитета 1914-1915 г. по взаимному согласию сторон втайне от партнеров по Тройственному союзу. По мнению итальянцев, установленная в 1866 г. граница с Австро-Венгрией является несправедливой и не дающей возможность обеспечить на востоке должную

безопасность рубежей. Поэтому на переговорах в Лондоне итальянская дипломатия, столкнувшись с неуступчивостью венских политиков, представила тройственному согласию внушительный список территорий, которые Италия рассчитывала получить в результате послевоенного раздела австро-венгерского наследия [5, с. 289-290]. Лишь на основе этих уступок она готова была вступить в войну на стороне Антанты.

Впервые территориально-политическое разграничение на австро-венгерском побережье стало для дипломатии стран Антанты серьезной международной проблемой в начале войны. Страны Антанты и Центрального блока вели борьбу за привлечение на свою сторону нейтральных стран Болгарии и Италии. Великие державы (Великобритания, Франция и Россия) при дележе чужих территорий преследовали в первую очередь собственные интересы. Поэтому три главных участника Антанты занимали различные позиции по поводу возможной цены за вступление, прежде всего, Италии в войну. Поэтому Лондонские переговоры с Антантой проходили сложно. Россия, как главный союзник Сербии и всего балканского славянства, стремилась противостоять итальянскому давлению на Балканах. В то же время, она была готова пойти на значительные уступки Италии, если та примкнет к антантовской коалиции, вступив в войну против своих партнеров по Тройственному союзу. Союзники России побуждали ее к возможно большей уступчивости в Адриатическом вопросе, принимая во внимание важность союза с Италией для Антанты в борьбе с Австро-Венгрией. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов считал законным намерение Италии получить на севере страны стратегическую границу, которая обезопасила бы ее от угрозы вторжения через альпийские проходы, бывшие в руках Австрии. Но он полагал совершенно не оправданными притязания на большую часть далматинского побережья с прилегающими островами, населенными в основном славянами [5, с. 310]. Итальянская делегация опасалась, что в случае перехода далматинского побережья к Сербии она превратится в морскую державу с соответствующими последствиями для безопасности Италии. Далмация нужна была Италии по стратегическим соображениям, так как обладание ею открывало путь к превращению Адриатического моря в закрытое итальянское море. Однако как ни пытался С.Д. Сазонов сохранить для Сербии ряд спорных островов, в дело вмешивалась обстановка на фронтах и, в частности на Восточном фронте. На Россию не подействовали даже призывы премьер-министра Сербии Н. Пашича защитить сербские интересы [6, с. 488-490]. 26 апреля 1915 г. Италия подписала с Антантой секретный Лондонский договор об условиях своего участия в войне против германо-австрийского блока. Его подписали представители Франции, Великобритании, России и Италии. По нему Италии были обещаны Триест, графства Горицу и Градиску, вся Истрия до Кварнеро и истрийские острова Курсо, Луссин, острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время [7, с. 259-262]. Под ее властью оказывалось 477 387 югославов. Кроме того, к Италии отходили северная Далмация и большая часть Далматинских островов, что влекло за собой передачу под ее власть еще 751 571 югослава. Сербии гарантировался только выход к морю в южной Далмации и обещаны территории Боснии и Герцеговины. Таким образом, по Лондонскому договору Италии были определены территории, которые передавались под ее управление, и на которой проживало около 1 300 тысяч югославов [8, с. 135-136; 4, с. 289-290]. Российское правительство было вынуждено пойти навстречу интересам Италии, оговорив при этом некоторые уступки Сербии. С.Д. Сазанов писал впоследствии: «Мне стоило большого усилия над собой, дабы ради выгод итальянского союза пожертвовать интересами сербского народа. Выход к морю был, во всяком случае, обеспечен Сербии, но значительная часть сербского населения лишалась возможности присоединиться к объединенной родине» [5, с. 325 Сазонов]. Договор не привел к разрешению итало-сербского конфликта, он лишь зафиксировал наличие противоречий в позициях союзников и на протяжении всей войны ни разу не возникал. Итальянское правительство взяло на себя обязательство выступить не позднее мая 1915 г., когда оно объявило Австро-Венгрии войну. Война для Италии продолжалась до 4 ноября 1918 г., до победы над австро-венгерской армией у местечка Витторио Венето [1, с. 34].

Ситуация вокруг Адриатического вопроса обострилась в последние дни войны. После заключения в Падуе 3 ноября 1918 г. перемирия с Австро-Венгрией итальянские войска начали занимать важнейшие пункты на Адриатическом побережье. Рим имел для них формальные основания, так как речь шла о реализации положений Лондонского договора. Италия даже расширила свои территориальные претензии, заявив о претензиях на город-порт Фиуме, которые она не выдвигала ранее потому, что не предполагала исчезновения двуединой монархии, для которой этот порт был фактически единственным выходом к морю [9, с. 50]. В период подписания Лондонского договора Италия согласилась оставить Фиуме за Хорватией. Однако, осенью 1918 г. итальянские войска заняли Тренто и высадились в Триесте и Заре (Задаре), а военные корабли вошли в порт Фиуме [10, с. 143]. Сербия прекратила железнодорожное сообщение с портом. К концу ноября большая часть территорий – Истрия, Далмация, крупные города восточного берега Адриатического моря – были оккупированы итальянскими войсками [9, с. 168]. Президент США В. Вильсон не стал возражать против итальянских претензий на Истрию, но с сомнением отнесся к попыткам итальянской делегации обосновать право на Далмацию и порт Фиуме. Он указал, что порт обслуживает Румынию, Венгрию и Чехословакию, и поэтому должен быть международным, а не принадлежать Италии

[11, с. 227]. На спорных территориях оказались войска и обеих противоборствующих сторон, и великих держав, что создавало угрозу военной конфронтации.

В начале ноября 1918 г. представители правительства Сербии, Югославянского комитета и Народного веча пришли к соглашению и заявили в Женеве об объединении всех югославянских земель и создании нового государства. Это решение поддержали скупщины Черногории и Воеводины, заявив, что без всяких условий присоединятся к Сербии. 1 декабря 1918 г. в Белграде сын Петра Карагеоргиевича принц-регент Александр провозгласил объединение Сербии с Государством СХС и создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) [12, с. 12]. В 1919-1920 гг. произошло его международное признание. С Королевством СХС установили дипломатические отношения целый ряд европейских государств (Греция, Швейцария, Чехословакия, Италия). Теперь противником Италии было достаточно крупное и мощное государство. Его ядром являлась Сербия, поэтому оно имело все основания для получения статуса союзника Антанты. Поэтому Италия протестовала против приглашения на заседания конференции представителей КСХС, мотивируя это тем, что во время войны югославяне были врагами Италии. По итальянскому сценарию белградская делегация вообще отстранялась от участия в обсуждении интересовавших их вопросов – ни в Совете десяти, ни в Совете четырех они членства не имели.

В конце декабря 1918 г. в Европу прибывает президент США В. Вильсон. Он возражал против положений, составляющих основу Лондонского договора Англии, России и Франции с Италией, а обещанные территориальные уступки рассматривал как нарушение принципа самоопределения, выдвинутого в его «14 пунктах». Стало ясно, что ожидания итальянских военных и дипломатических кругов на выполнение Лондонских договоренностей и проведение стратегических границ вряд ли осуществимы. Американская делегация на первом этапе была главным оппонентом итальянцев на конференции. Один из них, а именно пункт 9 плана В. Вильсона, был прямо направлен против статьи Лондонского договора о славянах, который гласил, что «исправление границ Италии должно быть произведено на основе ясно различимых национальных границ» [8, с. 50]. Министр иностранных дел Италии С. Соннино заявил о неприемлемости в существующей редакции данного пункта, поскольку это «не удовлетворяет целям безопасности, ради которой также боролась Италия» [10, с. 141]. Американский президент считал, что притязания славян на некоторые из спорных регионов более обоснованы, чем притязания Италии. Всего за месяц потенциальный сербско-итальянский конфликт превратился в сложнейшую международную проблему.

С 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. в Париже проходила мирная конференция, созванная странами – победительницами в I мировой войне для выработки мирных договоров с побежденными странами [13, с. 173]. Она должна была подвести итоги первого глобального военного конфликта начала XX в. и заложить основы послевоенного мироустройства. В работе конференции участвовали более 30 стран, входивших в лагерь победителей или разорвавших дипломатические отношения с Германией. Ведущую роль на конференции играли государственные деятели Великобритании, Франции и США. Главной задачей американской дипломатии на конференции было выстраивание международных отношений в соответствии с принципами, на которых должно было строиться послевоенное мирное урегулирование в Центральной и Юго-Восточной Европе («14 пунктов» В. Вильсона).

Итальянская делегация, возглавляемая премьер-министром В.Э. Орландо, рассчитывала на удовлетворение требований, согласованных в Лондонском договоре с Антантой, и установление своих границ, не принимая при этом во внимание ссылки делегатов других стран на изменившуюся обстановку, но ссылаясь на нее, когда это было им выгодно. Итальянское правительство давало понять, что популярные концепции право народов на самоопределение не могут применяться к Италии. Однако в основу переговоров и решения территориальных вопросов по Сербии и других стран легли предложения американского президента о мирном урегулировании и проекте нового мирового порядка: об очищении и восстановлении Сербии и Черногории, предоставлении Сербии свободного выхода к морю, о создании взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств [14, с. 5].

Для Франции и Великобритании основным мотивом послевоенного устройства являлся поиск средств для обеспечения своего контроля над регионом в Центральной и Юго-Восточной Европе. Связанная Лондонским договором, признавшим итальянские претензии на Далмацию, Великобритания на Парижской мирной конференции, тем не менее, склонна была поддержать позицию Королевства СХС. Усиление итальянского влияния на Адриатике не отвечало интересам Лондона [15, с. 287]. Франция рассчитывала укрепить систему собственной стратегической безопасности, а в образованных новых государствах Европы найти необходимых союзников на сдерживание германского реваншизма. Вместе с тем, как писал Г. Никольсон, входивший в состав английской делегации, самым трудным было «не только заключить мир с врагом, но и сохранить мир между союзниками [8, с. 126]. От имени Королевства СХС на конференции выступали глава делегации Н. Пашич и А. Трумбич.

В результате многочисленных консультаций руководителей великих держав США, Великобритании и Франции с итальянской делегацией и делегацией Королевства СХС в апреле 1919 г. появилась новая декларация В. Вильсона, согласно которой Италия получала Истрию и Валлону. Этот документ был неожиданным для делегации Королевства СХС. Вместе с тем, понимая, что американский президент остается почти единственным защитником их интересов, они были вынуждены согласиться с предложенной границей, получившей название «линия Вильсона». Белград дал согласие на «линию Вильсона» с передачей Италии Триеста и части Истрии, где проживало 400 тыс. славян, что, по мнению А. Трумбича, оправдывало их бескомпромиссную позицию по всем остальным вопросам [16, с. 149]. Претензии Италии рассматривались на последующих, главным образом, двухсторонних переговорах уже после закрытия мирной конференции. Лидеры Великобритании и Франции ограничились подтверждением своих прежних заявлений о готовности выполнить Лондонский договор. В январе 1920 г. премьер-министры Италии Ф. Нитти и Королевства СХС Л. Давидович обмениваются официальными посланиями, где говорится о возможности компромиссного варианта решения проблемы на основе двустороннего соглашения между двумя государствами. В результате двусторонних переговоров 12 ноября 1920 г. был подписан Рапалльский (близ Генуи) договор, состоящий из девяти статей [17]. Славянское государство уступало почти по всем пунктам, хотя и Италия не одержала полной победы. Вместе с тем, получила больше того, что она требовала во время Парижской конференции. В соответствии с ним Италии отошла вся территория Истрии, Триест, острова у Далматинского побережья [18, с. 287]. В состав КСХС вошли Крайна, БиГ, Далмация. Несмотря на активные притязания Италии, портовый город Фиуме был объявлен свободным городом под контролем Лиги Наций [19, с. 460], но острова, господствующие над входом в залив, на берегу которого стоит этот город, отданы Италии. Ни одна из территорий, обещанных Италии в 1915 г., не была признана в качестве ее земель после окончания войны. 70 % населения отошедших к Италии территорий было славянским. Так эта страна была вознаграждена за свое участие в войне на стороне Антанты.

Таким образом, один из наиболее спорных вопросов мирного урегулирования – конфликт Италии и Королевства СХС за побережье Адриатики был решен без вмешательства Великобритании и Франции. С подписанием договора два государства достигли компромисса, в целом соответствовавшего интересам и первоначальным проектам разграничения, предлагавшимися великими державами на Парижской конференции. Только окончательно эта проблема была решена Римским пактом в январе 1924 г. Фиуме (город и порт) отошел к Италии, а пригород Сушак с дельтой и далматинское побережье – к КСХС [8, с. 151].

1. Любин, В.П. Италия в борьбе за «неискупленные» земли / В.П. Любин // Новая и новейшая история. – 2011. – №4. – С. 27-34.
2. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: «Индрик», 2011. – 888 с.
3. Кареев, Н.И. Южные славяне и Италия на Адриатике / Н.И. Кареев. – Пг: «Новое время», 1917. –VI. – 32 с.
4. Царская Россия в мировой войне. – Л.: Изд-во Печатный Двор, 1925. – 301 с.
5. Сазонов, С.Д. Воспоминания / С.Д. Сазонов. – М.: Горячая линия, 2014. – 381 с.
6. Готлиб, В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны / В.В. Готлиб. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 603 с.
7. Международные отношения в эпоху империализма // Комиссия при ЦИК СССР по изд. документов. – М.; Л.: «Печатня». – Т. 7, серия III, ч. 2. – 535 с.
8. Никольсон, Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон. – М.: ОГИЗ, 1945. – 298 с.
9. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных договорах / Д. Ллойд. – М.: Изд. иност. лит., 1957. – Т2. – 556 с.
10. Альдрованди-Марескотти, Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914-1919 гг.) / Л. Альдрованди-Марескотти. – М.: Госполитиздат, 1944. – 392 с.
11. Восточная Европа после Версаля. – СПб.: Алетейя, 2007. – 244 с.
12. Силкин, А.А. Король Югославии Александр Карагеоргиевич / А.А. Силкин // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: «Индрик», 2009. – 427 с.
13. Довгялло, М.С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М.С. Довгялло. – Мн.: Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
14. Версальский мирный договор / под ред. Ю.В. Ключникова, А.Сабанина. – М.: НКИД, 1925. – 198 с.
15. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании / Н.К. Капитонова, Е.В. Романова. – М.: Междунар. отн., 2016. – 838 с.
16. Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 152 с.
17. Рапалльский договор [Электронный ресурс] / wiki. – Режим доступа: https://ru.frwiki.wiki/wiki/Traité_de_Rapallo_(1920). – Дата доступа: 02.02.2022.
18. Сальков, А.П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А.П. Сальков. – Минск: БГУ, 2019. – 740 с.
19. Брис, К. История Италии / К. Брис; пер. с фр. Т.Г. Губаревой. – СПб, 2008. – 631 с.

УДК 94 (476) «1921/1939»

СІСТЭМА МЕДЫЦЫНСКАГА АБСЛУГОЎВАННЯ НАСЕЛЬНІЦТВА МЯСТЭЧАК ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921 – 1939 гг

Ганна Касяноўская
Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы, Гродна, Беларусь
Vojtexhik_AS@grsu.by

Навуковы артыкул прысвечаны аналізу сістэмы медыцынскага абслугоўвання у мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг., якая ўключала стацыянарную, амбулаторную, санітарна-эпідэміялагічную і фармацэўтычную дапамогу насельніцтву. Аднак, адсутнасць навучальных устаноў, недастатковая колькасць прафесійных кадраў, высокая аплата за лячэнне прыводзілі да таго, што стан медыцынскай дапамогі быў нездавальняючым для вырашэння эпідэміялагічных і дэмаграфічных праблем у даследуемым рэгіёне.

Ключавыя словы: мястэчка, Заходняя Беларусь, 1921-1939 гг, медыцынская дапамога, хваробы, фельдчары, амбулаторнае абслугоўванне, ветэрынары

MEDICAL CARE FOR THE POPULATION OF TOWNSHIPS OF WESTERN BELARUS IN 1921-1939

Hanna S. Kasianouskaja
Grodno State University, Grodno, Belarus

The scientific article is devoted to the analysis of the system of medical care in the townships of Western Belarus in 1921-1939, which included inpatient, outpatient, sanitary-epidemiological and pharmaceutical care to the population. However, the lack of educational institutions, insufficient number of professional staff, high payment for treatment led to the fact that the state of health care was unsatisfactory to address epidemiological and demographic problems in the study area.

Key words: townships, Western Belarus, 1921-1939, medical care, diseases, paramedics, outpatient care, veterinarians

Медыцынскае абслугоўванне мястэчак Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. уключала стацыянарную, амбулаторную, санітарна-эпідэміялагічную і фармацэўтычную дапамогу насельніцтву. Медыцынская дапамога ў большасці выпадкаў была платнай. У шматлікіх крыніцах неаднаразова падкрэсліваўся той факт, што жыхарам мястэчак *"за грошы"* можна было атрымаць спецыялізаваную медыцынскую дапамогу, зрабіць прывіўку ад самых розных інфекцыйных хвароб. Згодна з Распараджэннем Міністэрства сацыяльнай апекі Польшчы ад 19.05.1920 г. працуючае насельніцтва магло быць уключана ў сістэму сацыяльнага забеспячэння т.з. Kasy Chorych (Каса Хворых), якая дзейнічала на кааператыўнай аснове і давала магчымасць сваім членам атрымоўваць разгалінаваную медыцынскую дапамогу (пераважна амбулаторную) бясплатна ці 50% зніжкамі. Аплата за медыцынскія паслугі залежала ад сумы і перыядычнасці аплаты членскіх узносаў у Касу Хворых. Аднак папулярнасці Каса Хворых у местачковым асяроддзі так і не набыла, хоць у абавязкі апошняй уваходзіла забяспечэнне медыцынскім абслугоўваннем нават тых населеных пунктаў, дзе не было медыцынскіх устаноў. Да местачковых прадпрыемстваў і ўстаноў, дзе было распаўсюджана медыцынскае абслугоўванне па Касе Хворых, больш лаяльна ставіліся санітарныя камісіі.

Стацыянарная медыцына ў местачковым асяроддзі развівалася вельмі марудна. Найбольш значным накірункам развіцця стацыянарнай медыцыны ў 20–30-я гг. XX ст. стала ўдасканаленне матэрыяльнай базы бальніц дзякуючы выкарыстанню тэхнічных дасягненняў: электрычнага святла, каналізацыі, вентыляцыйных установак, тэлефона, радыё і г.д. На тэрыторыі некаторых местачковых бальніц маглі дзейнічаць буфет і бібліятэкі. Так, напрыклад, у 1929 г. пасля рамонту бальніцы ў Дунілавічах Віленскага ваяводства з'явіліся каналізацыйны сток, электрычнае святло, была набыта кварцавая лямпа [1, арк. 38].

Варта адзначыць, што аплата за 1 ложак у бальніцах паступова зніжалася, што магло быць сведчаннем развіцця стацыянарнай медыцыны. Аплата за адзін дзень лячэння ў дзяржаўнай бальніцы ў Ганцавічах Палескага ваяводства ў 1932 г. складала 7,18 зл., у 1933 г. – 4,66 зл., у 1934 г. – 4,34 зл. [2, арк. 83]. Згодна з пастановай прэзідэнта РП ад 22 сакавіка 1928 г. сярэдняя аплата за лячэнне ў бальніцах Навагрудскага ваяводства складала 4 зл. 35 гр., у 1932 г. – 2 зл. 56 гр. [3, с. 138]. Дадаткова аплочваліся хірургічная аперацыя, рэнтген, кансультацыя ўрача-спецыяліста і інш. Так, напрыклад, у 1927 г. у бальніцы мястэчка Алькенікі Віленскага ваяводства аперацыя каштавала ад 20 да 30 зл., выезд урача на дом – 1,3 зл., адзін дзень лячэння ў хірургічным аддзяленні – 2,50 зл. [4, арк. 78]. Варта падкрэсліць, што заробак

кваліфікаванага рабочага за дзень на прамысловым прадпрыемстве складаў 5–6 зл., некваліфікаванага – 3–4 зл., жанчыны атрымлівалі 1–1,5 зл. [5, арк. 143]. У пэўных выпадках гмінны ўрад аплочваў працу ўрача ці лячэнне ў бальніцы (50% ад сумы): вучням да 6 класа любых навучальных устаноў, а таксама хворым на інфекцыйныя (туберкулёз, тыф), псіхічныя і венерычныя хваробы. Аднак нават такая сістэма аплаты за медыцынскія паслугі была даступнай толькі для матэрыяльна забяспечаных жыхароў мястэчак. Як слушна заўважыў карэспандэнт газеты «Млот», у 1925 г. *«селяніну неабходна было прадаць карову, каб аплаціць сабе лячэнне ў мясцовым шпіталі»* [6, арк. 304]. Таму адаптацыя местачковага насельніцтва да стацыянарных медыцынскіх устаноў была нязначнай. Прыбыванне ў бальніцы расцэньвалася хворымі як пэўнае пакаранне. Лажыліся ў бальніцу на лячэнне неахвотна, а праз 2–3 дні выпісваліся па прычыне немагчымасці платы за медыцынскія паслугі.

Местачкоўцы маглі трапіць у бальніцу па прычыне аварыі, утаплення, страты прытомнасці на вуліцы ці спробы самагубства. Медыцынская дапамога ў такіх выпадках была бясплатнай, аднак, звесткі аб тых, хто застаўся жывым малаколькасныя. Газета “Лідскі кур’ер” ў 1928 г. піша пра нашчасны выпадак, які здарыўся з настаўнікам польскай школы ў Васілішках Навагрудскага ваяводства, які выпадкова выпіў чарку воцату і памер у павятовай бальніцы [7, с. 3].

На тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1929 гг. налічвалася 88 бальніц (у Беластоцкім ваяводстве (на тэрыторыі 6 паветаў) – 29, Віленскім – 25, Палескім – 18, Навагрудскім – 16), сярод якіх найбольшую колькасць складалі бальніцы, якія ўтрымліваліся органамі мясцовага самакіравання і грамадскімі арганізацыямі ці саюзамі (93%) [8]. У 1930–1931 гг. агульная колькасць бальніц павялічылася да 97 (у Беластоцкім ваяводстве (на тэрыторыі 6 паветаў) – 20 бальніц, Віленскім – 34, Палескім – 23, Навагрудскім – 20) [9, с. 123; 10, с. 27]. У мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. дзейнічалі 26 бальніц (25,5% ад агульнай колькасці). Некаторыя бальніцы працавалі толькі падчас эпідэмій ці, нават, сезонна, бо бюджэт гмін ці паветаў не дазваляў утрымліваць бальніцы на пастаяннай аснове. У адрозненне ад гарадскіх шпіталяў усе местачковыя бальніцы былі агульнымі, неспецыялізаванымі па пэўных хваробах установамі.

Як правіла, персанал бальніцы складаўся з некалькіх чалавек: кіраўніка (ён жа ўрач), які веў бухгалтэрыю бальніцы, ажыццяўляў падбор персаналу. У кіраўніка бальніцы мог быць памочнік (ordynator), аднак для местачковых бальніц пасада памочніка была з’явай рэдкай. У бальніцы на 20-40 ложкаў працавалі 1 акушэрка ці 1 медсястра. Наемны персанал сеймікавай бальніцы ў Дунілавічах Віленскага ваяводства складаўся з 13 чалавек: 1 урач (ён жа дырэктар – Жукоўская), 1 фельдшар, 1 акушэрка, 2 медсястры, 1 повар, 7 рабочых [11, л. 38]. У дзяржаўнай бальніцы ў Браславе, будынак якой знаходзілася на вул. 3 Мая, працавала 9 чалавек: 1 урач (ен жа дырэктар М. Амельяновіч), 1 акушэрка, 1 медсястра, 6 рабочых [11, л. 38].

Галоўным клопатам мясцовай адміністрацыі бальніц быў медыцынскі персанал, а менавіта яго няхватка. Колькасць урачэй залежала ад уменняў і сувязяў кіраўніка бальніцы “выпрасіць” з горада спецыялістаў. Звычайна ў бальніцы працавала 1-3 урача, якія маглі ўваходзіць у склад санітарных камісій і перыядычна выязджаць для санітарнага кантролю ў вёскі. З успамінаў жыхаркі в. Цна Лунінецкага раёна (1926 г. н): *“У суседнім мястэчку Лахва быў урач Сцепановіч. Там жа была і бальніца, за прыбыванне ў ёй плаціліграшы – 1 зл. у суткі. Але стараліся абыходзіцца без бальніцы, бо дорага. Сцепановіч – вось да каго мы хадзілі за саветам. Ен заўсёды гаварыў, што рабіць і як, і гэта дапамагала. Урачы былі добрымі. Помню, што рабілі адну прывіўку ад воспы* [12, с. 52].

Вельмі чаканай і папулярнай была практыка наведвання мястэчак медыкамі з горада. Так, урачы агульнай практыкі з Гродна з 1932 па 1933 гг. штомесяц па асобным дням вялі прыём у бальніцах, амбулаторыях і фельдчарскіх пунктах мястэчак Беластоцкага ваяводства: у Індуры – С. Абуховіч, у Каменцы – Г. Аўсей, у Парэчча – Я. Ліпінскі, у Лунна – Бернацкі, у В. Бераставіцы – Д. Касакоўскі, у Мастах – Я. Вярхілінскі [13, л. 338]. Дарэчы, усе медыцынскія работнікі ў службовых мэтах маглі бясплатна карыстацца грамадскім транспартам: чыгункай і аўтобусамі.

У газеце “Лідскі кур’ер” захаваліся заметкі аб дзейнасці рухомай медыцынскай дапамогі Чырвонага Крыжа. У жніўні 1932 г. рухомыя медыцынскія машыны Чырвонага Крыжа прывезлі брыгаду акулістаў у мястэчкі Паставы і Ваўкалата. Цэлы месяц спецыялісты вялі прыем і праводзілі розныя глазныя аперацыі мясцоваму насельніцтву. У сувязі з тым, што дапамога насельніцтву была бясплатнай, у дзень з розных паветаў і гмін за медыцынскай дапамогай звярталася да 100 хворых і праводзілася па 20 аперацый [14, с. 4].

Студэнты-валанцеры з Варшаўскага медыцынскага універсітэту перыядычна праходзілі летнюю практыку ў Заходняй Беларусі. Ініцыятарам і фінансавым арганізатарам такіх студэнцкіх практык выступала Таварыства развіцця Усходніх зямель. Крыніцы сведчаць, што ў 1937 г. з мая па жнівень группа з 17 студэнтаў і 4 выкладчыкаў для правядзення медыцынскай дапамогі была накіравана ў Палескае ваяводства. Арганізаванымі групамі па 5-6 чалавек яны наведалі каля 45 населеных пунктаў, пераважна тых, дзе не было ніякіх медыцынскіх устаноў. Дапамога і кансультацыі аказваліся бясплатна і праводзіліся ў мясцовых школах ці народных дамах пад назвай: “Prsychodnia lekarska Kola Medyków”, дзе пражывалі студэнты-практыканты разам з выкладчыкамі. У кожным населеным пункце медыкі затрымліваліся ад 1 да 3 дзен і

вялі прыем з 9.00 па 18.00 штодзенна. Асабліва адчувальнай была дапамога ў лячэнні дзіцячых хваробаў і кансультацый для цяжарных жанчын [15, с. 21-23].

Амбулаторнае абслугоўванне насельніцтва мястэчак было арганізавана па ўчастковаму прынцыпу і было даступным для насельніцтва. Усе гміны Заходняй Беларусі былі падзелены на ўрачэбныя раёны з цэнтрамі ў мястэчках, дзе дзейнічалі "Ośrodki zdrowia", якія ўключалі: паліклінікі, амбулаторыі, фельчарскія пункты, стаматалагічныя кабінеты. За кожным такім участкам замацоўваўся раённы ўрач, які ажыццяўляў медыцынскі надзор за станам здароўя дзяцей у школах, вёў прыём у паліклініках і амбулаторыях з 9.00 па 13.00 штодзенна (акрамя суботы і нядзелі), кантраляваў дзейнасць мясцовых фельдчараў, уваходзіў у склад санітарных камісій. Са справаздачы павятовага ўрача Маладзечанскага павета за 1927 г., павет дзяліўся на 5 урачэбных раёнаў з цэнтрамі ў Беніцы, Красным, Лебедзева, Палачанцы, Радашковічах, дзе працавалі па аднаму ўрачу і акушэрцы [11, арк. 41]. Жыхар Зэльвы Адам Іосіфавіч Данюк (1932 г.н.) успамінае аб дзейнасці бальніцы і амбулаторыі ў мястэчку: *"Будынак бальніцы знаходзіўся недалёка ад рэчкі Зэльвянка. Там, практыкаваў урач Хаінскі, акрамя яго ў Зэльве прымаў хорых прыватны урач Весялуха. На тэрыторыі бальніцы была амбулаторыя, канюшня, стораж. Быў яшчэ і яўрэйскі ўрач. Медыцынскае абслугованне было дастаткова даступным для ўсіх слаёў насельніцтва"* [16, с. 4].

Колькасць урачэй у мястэчках была нязначнай, іх працу выконвалі фельчары. Многія з фельчараў займаліся прыватнай практыкай, асабліва там, дзе адсутнічалі медыцынскія ўстановы. Пэўнай розніцы ў працы урача і фельчара местачкоўцы не адчувалі. Рэцэпт на прыгатаванне лекаў маглі выпісаць як фельчар, так і ўрач. Мясцовае насельніцтва з павагай адносілася да ўсіх медыкаў, якіх сапраўды было вельмі мала. Дарэчы, узрост працуючых фельдшараў яскрава сведчыў аб недахопе медыцынскіх спецыялістаў. У 1921 г. фельдчару Я. Астроўскаму з Беніцы было 79 гадоў, В. Левіну з Германавіч - 70 гадоў, фельдшару з Казлоўшчыны – 82 года [17, арк. 43]. Местачкоўцы лічылі, што, чым старэйшы па ўзросту ўрач ці фельдшар, да якога звартаешся за дапамогай у самых крытычных выпадках, тым больш у яго вопыта. Варта падкрэсліць, што фельчары ў мястэчках маглі працаваць да 24 гадзін ў суткі, выязджалі да хворага і ноччу, асабліва туды, дзе не было ніякіх медыцынскіх устаноў. І гэта было справай нармальнай, бо да лекара звярталіся толькі па пільных і небяспечных для жыцця справах. Медыкі мелі нядрэнныя заробкі як грашыма, так і прадуктамі харчавання ад удзячных пацыентаў. Фельчары працавалі ў бальніцах, аднак большая іх частка займалася прыватнай практыкай. Былі выпадкі, калі местачковыя фельчары не мелі адпаведнай адукацыі, а занятак медыцынай быў спадчыным (веды перадаваліся ад бацькоў дзецям). У часы Расійскай імперыі такія выпадкі былі пашыранымі, асабліва ў мястэчках. У міжваеннай Польшчы, каб стаць фельчарам, неабходна было скончыць фельчарскую школу, паспяхова прайсці атэстацыю і быць занесеным у Агульны рэестр медыцынскага парсаналу, які штогод складаўся і абнаўляўся Міністэрствам аховы здароўя Польшчы.

Цаніліся як спецыялісты местачковыя ветэрынары, бо хатняя жывела з'яўлялася гарантам матэрыяльнага дабрабыту. З 1922 г. дзейнічалі 14 дзяржаўных ці прыватных ветэрынарных кабінетаў і працавала 55 ветэрынараў. Шмат хто з іх займаўся хатняй практыкай, некаторыя працавалі толькі падчас правядзення кірмашоў і базараў. У гандлевыя дні павятовая ці гмінная адміністрацыя бралі на пасаду ветэрынара для надзору за прадаваемай жывелай найбольш вопытных гаспадароў, нават без адпаведнай адукацыі. У гандлевыя дні да пачатку торга ветэрынары павінны былі праверыць да 1000 галоў хатняй жывелы.

У паліклініках і амбулаторыях насельніцтву аказвалася пераважна спецыялізаваная бясплатная медыцынская дапамога ў лячэнні лёгачных хвароб, трахомы, брушнога і сыпнога тыфу і іншых інфекцыйных захворванняў. У будынку "Ośrodka zdrowia" ў Скідзелі, арганізаванага яўрэйскім таварыствам "TOZ" і ўрачыста адкрытага 15 жніўня 1931 г. змяшчаліся: стаматалагічны кабінет, акушэрскі кабінет, амбулаторыя процітуберкулезная і станцыя апекі над маці і дзіцем [18, с. 4].

У 1938 г. амбулаторыя ў Новым Пагосце ў барацьбе з трахомай працавала па панядзелках, чацвяргах і суботах, і, як сведчаць крыніцы, медыцынскай дапамогай карысталася не толькі насельніцтва мястэчка, але і жыхары навакольных вёсак [19, арк. 16].

Процівенерычныя паліклініні і процітуберкулёзныя амбулаторыі існавалі ў большасці мястэчак Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Іх дзейнасць магла быць як перыядычнай (падчас эпідэмій), так і пастаянна-прафілактычнай. Асобныя вёскі браліся пад эпідэміялагічны кантроль для прафілактыкі інфекцыйных захворванняў.

У мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. была створана і дзейнічала стаматалагічная дапамога. На насельніцтва 198 заходнебеларускіх мястэчак прыходзілася толькі 36 зубных ўрачэй. Выключна платныя стаматалагічныя кабінеты дзейнічалі пры амбулаторыях, паліклініках, фельчарскіх пунктах і бальніцах. Зубны боль, як правіла, лячылі ў хатніх умовах, выкарыстоўваючы пры гэтым сала, хлеб, мясцовы спірт, хваёвыя шышкі. Палескія знахары зубны боль лячылі выліваннем воску. Бралася гліняная міска з вадою і ставілася хвораму на галаву. Потым у міску выліваўся расплаўлены воск і чыталіся словы нагавору. Працэдуру рабілі 9 разоў, з кожным разам зубны боль, як сведчылі местачкоўцы, змяньшаўся. Бабкі-шаптухі

заіканне і спалох у дзяцей выкатвалі хлебам. З хлеба рабіліся 9 галушак і кожную галушку па тры разы каталі па ўсім целе, прыгаворваючы для гэтых мэт змову [20, с. 48-49].

Найгорш было з акушэрствам і гінекалогіяй. Родавыя аддзяленні існавалі ў бальніцах, акушэркі вялі прыём у паліклініках, амбулаторыях, фельчарскіх пунктах. У некаторых мястэчках знаходзіліся спецыялізаваныя гінекалагічныя амбулаторыі (Друя, Свіслач). Аднак колькасць такіх медыцынскіх устаноў і спецыялістаў была нязначнай. Цяжарныя жанчыны масава карысталіся паслугамі бабак-павітух і знахараў. Роды маглі прымаць і лекары, якія займаліся прыватнай урачэбнай практыкай у хатніх умовах. Адсюль даволі высокі працэнт дзіцячай і жаночай смяротнасці. Нярэдкімі былі выпадкі, калі ў выніку няўдалых хатніх родаў, жанчыну дастаўлялі ў бальніцу, дзе яна памірала.

Былі выпадкі, калі роды прымаліся павітухамі, нават у прысутнасці фельдшара ці ўрача. Характэрна, што медперсанал не супрацівіўся склаўшымся абрадам, а, наадварот, прымаў у іх актыўны ўдзел. Шмат рытуальных дзеянняў была накіравана на палягчэнне родаў: у доме адкрывалі ўсе дзверы, цяжарнай жанчыне распускалі валасы і развязвалі ўсе вузлы на яе вопратцы. У выпадку цяжкіх родаў павітуха мясіла цеста і абмазвала ім жывот, прамаўляючы нагавор. Жанчыну маглі паіць святой або настоянай на падтынніку вадой. Пры шчаслівым зыходзе родаў дзіця заварочвалі «у по́лку»: хлопчыка – у выраблену з бацькавай старой кашулі, а дзяўчынку - з матчынай спадніцы. Пры гэтым бабка-павітуха перавязвала народжанаму пупавіну суровай ніткай альбо матчыным воласам.

Польскі этнограф Ксаверый Пружыньскі падчас сваіх падарожжаў па Палескім ваяводстве ў 1937 г. слушна адзначыў: *«*[пераклад з польскай мовы аўт.] *Крэсы – гэта абшары, у якіх спыніўся час, дзе каталіцкі святар мазоль сабе нацёр, змагаючыся з чарадзеямі, знахарамі, бабкамі-шаптухамі .... »* [21, с.146]. Шмат падцвярджаючых прыкладаў сведчылі аб тым, што насельніцтва, нават у тых мястэчках, дзе былі бальніцы і фельчарскія пункты, масава звярталася за дапамогай да “народных дактароў” (траўнікаў ці знахараў). Апошнія для лячэння розных хвароб (страўніка, зубной болі, грыжы, рожы і інш.) выкарыстоўвалі ў сваей працы сілы прыроды, травы, садавіну і агародніну і выконвалі пры гэтым пэўныя абрады. Так, напрыклад, для лячэння рожы браўся лен, які дзяліўся на 9 пасмаў. Кожная пасма загаворвалася і на пэўны час прыкладвалася да хворага месца. Потым лен спальвалі і попелам на месцы раны малявалі крыж. Хворы павінен быў паправіцца на 7 дзень.

Малаколькаснымі былі ўстановы, якія лячылі псіхічныя захворванні. Спецыялізаваныя медыцынскія ўстановы гэтага накірунку дзейнічалі толькі ў Брэсце, Вільні, Беластоку і Гродна. Крыніцы фіксуюць пэўную колькасць самагубстваў у мястэчках. Газета “Навагрудскі кур’ер” у 1936 г. пісала *“У Паставах 39-ці гадовы жыхар вескі Слабада скочыў з даху двухпавярховага жылога будынка і насмерць забіўся. Следства выявіла, што загінуўшы меў псіхічнае захворванне”* [22, с. 6]. *“5 ліпеня 1933 г. у мястэчку Вялікая Бераставіца павесіўся 21 гадовы Станіслаў Жукоўскі. Прычына самагубства невядомая”* – пісала мясцовая прэса [23, с. 6]. Асноўныя прычыны, якія прымушалі местачкоўцаў самаручна развітацца з уласным жыццем: страта працы, справы кахання, беднасць.

У 1929 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі было зафіксавана 465 выпадкаў самагубства, у 1930 г. – 498, у 1932 г. – 533, у 1933 г. – 614, у 1934 г. – 636, у 1935 г. – 866 [10, с. 88]. Найбольшая колькасць самагубстваў здзяйснялася як мужчынамі, так і жанчынамі ва ўзросце 20-29 гадоў, пераважна хрысціянскім насельніцтвам. Па колькасці самагубстваў з 1929 па 1935 гг. Заходняя Беларусь займала апошняе месца сярод іншых ваяводстваў Польшчы.

Фармацэўтычная справа ў мястэчках была прыватнай. Дзейнасць аптэк і фармацэўтаў кантраліраваліся раенным ці павятовым урачом. У вялікіх мястэчках налічвалася ад 1 да 3 аптэк (Валожын, Драгічын, Даўгінава, Зэльва, Лунна і інш.), у астатніх – па адной [8]. Аптэкарскі ўстаў ад 1919 г. даваў права займацца прыватнай аптэкарскай практыкай асобам польскай нацыянальнасці пры наяўнасці кваліфікацыі правізара, якія не перарывалі фармацэўтычную справу больш як на 3 гады [24, арк. 39]. Аднак, як сведчаць крыніцы, большасць прыватных аптэк у мястэчках належала яўрэям. Так, прыватная аптэка ў Іўі Навагрудскага ваяводства знаходзілася ў цэнтры мястэчка на вуліцы Аптэкарская і належала мясцовым яўрэям. Навагрудскі ваявода ў сваёй справаздачы за лістапад 1936 г. адзначаў той факт, што ўся аптэкарская справа ў ваяводстве знаходзілася ў руках яўрэяў. Статыстыка пацвярджала, што 30% уладальнікаў аптэк – хрысціяне, 70% – іўдзеі; 1% уладальнікаў аптэчных складоў – хрысціяне, 99% – іўдзеі [25, арк. 2]. Часам улада стварала яўрэям пэўныя перашкоды ў рэгістрацыі аптэк. У мястэчку Хомск Палескага ваяводства павятовы староста не дазволіў Б. Мендэльбанту ў 1931 г. адкрыць аптэку. Прычынай адмовы стала тое, што ў мястэчку, якое налічвала каля 1700 чалавек, ужо дзейнічала адна яўрэйская аптэка [26, арк. 5]. Аптэкі, як правіла, працавалі да позняга вечара. У вялікіх мястэчках былі і начныя аптэкі (дыжурныя), аднак, іх было няшмат.

Неабходныя медыкаменты захоўваліся ў аптэчных складах, якіх было значна больш за колькасць аптэк. Нязначная доля лекаў прывозілася з-за мяжы (часцей з цэнтральных і ўсходніх ваяводстваў Польшчы), большасць з іх рыхтавалася ў самой аптэцы. Хоць у прафесійныя абавязкі фармацэўтаў уваходзіла прыгатаванне лекаў (звычайна па медыцынскаму рэцепту), аднак да іх пашырана звярталіся

местачкоўцы за мэдыцынскай дапамогай. Так, жыхар мястэчка Масты ўспамінаў у 1932 г. аб дзейнасці мясцовай аптэкі: *«У мястэчку была адна прыватная аптэка, дзе працавала таленавіты фармацэўт – яўрэйка (імя не памятаю). Да ўрача не трэба было хадзіць, раскажаш свае праблемы – і яна падкажа і пры табе зробіць неабходнае лякарства»* [27, с. 147].

Барацьбу з інфекцыйнымі захворваннямі (воспа, скарлятына, тыф і інш.) ажыццяўлялі рухомыя санітарныя машыны (kolumny epidemiczne), у мемуарнай літаратуры іх называлі "санітарныя боксы". Машыны былі абарудаваны пэўным медыцынскім абсталяваннем і выязджалі на месцы выбухнуўшых эпідэмій. Медыцынская дапамога была бясплатнай, хворага маглі забраць у бальніцу, дзе таксама лячэнне ад тыфу, дыфтэрыі, дызентэрыі было бясплатным. Для прафілактыкі інфекцыйных захворванняў медыцынскі персанал санітарных машын па графіку аб'язджаў школы і летнікі, бесплатна рабілі дзецям прывіўкі ад розных інфекцыцыйных хвароб. За 1938 г. архіўныя крыніцы фіксуюць колькасць іх выездаў у мястэчкі: Дзераўную – 63 разы, Турэц – 50 разоў, Свіслач – 48, Гарадзішча – 48, Шаркаўшчыну – 39, Слабодку – 28 [28, арк. 8, 49, 103]. У 1933 г. у Валожынскім павеце ўспыхнула эпідэмія брушнога тыфу і за перыяд ад 1 да 10 лютага было зафікасавана 46 выпадкаў захворвання. Як пісала мясцовая прэса – *"Дзякуючы зладжанай працы санітарных боксаў толькі адзін хворы памер у бальніцы"* [29, с. 6].

У 1921-1939 гг. у мястэчках Заходняй Беларусі склалася досыць разгалінаваная сістэма медыцынскага абслугоўвання. Яна ўключала стацыянарную, амбулаторную, санітарна-эпідэміялагічную і фармацэўтычную дапамогу насельніцтву. Аднак, адсутнасць навучальных устаноў, недастатковая колькасць прафесійных кадраў, высокая аплата за лячэнне прыводзілі да таго, што стан медыцынскай дапамогі быў нездавальняючым для вырашэння эпідэміялагічных і дэмаграфічных праблем.

Невысокай заставалалася адаптацыя насельніцтва да карыстання медыцынскімі паслугамі. Стэрэатыпы мясцовых жыхароў і нежаданне звяртацца за платнай і нават бясплатнай медыцынскай дапамогай у перыяд эпідэмій прыводзіла да значнага скарачэння колькасці насельніцтва і працягласці жыцця местачкоўцаў. Тым не менш, мястэчкі выступалі асяродкамі медыцыны і эпідэміялогіі для жыхароў цэлай гміны, што было надзвычай важным для насельніцтва вёсак, аддаленага ад гарадскіх цэнтраў аховы здароўя.

1. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN w Warszawie). Zespół 15. Sygn. 504. Zjazdy lekarzy w województwie Wileńskim w roku 1929.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Фонд 1. Воп. 5. Спр. 70. Отчеты поветовых врачей о санитарном состоянии поветов Полесского воеводства за 1927 г.
3. Nowogródzki dziennik wojewódzki. – 1934–1935. – № 13.
4. AAN w Warszawie. Zespół 1182. Sygn. 503. Zjazdy lekarzy w województwie Wileńskim w latach 1926–1928.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Фонд. 242 п. Воп. 1. Спр. 55. Резолюции, информации, письма и другие материалы ЦК КПЗБ и Белостоцкого окружного комитета КПЗБ о состоянии партийной, комсомольской и профсоюзной работы в округе. Материалы о забастовке белостокских текстильщиков. 1925–1934 гг.
6. НАРБ. Фонд 60 п. Воп. 3. Спр. 587. Материалы о партизанском и национально-освободительном движении в Западной Беларуси. Статистические данные о положении Западной Беларуси и др. Май 1932–1935 гг.
7. Kurjer Lidzki. – 9 stycznia. – №1. – 1928.
8. Spis mejscowości. Do częśći adresowej. – Warszawa : Nakł. KSRP, 1927. – 2479 s.
9. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР (1921–1939) : документы и материалы : в 2 т. / редкол.: В.Н. Жигало, Н.С. Орехво [и др.]. – Минск : Беларусь, 1962–1972. – Т. 1 / В.Н. Жигало [и др.]. – 1962. – 620 с.
10. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929 – 1933 гг. / И.В. Полуян. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.
11. AAN w Warszawie. – Zespół 15. – Sygn. 505 Zjazdy lekarzy w województwie Wileńskim, 1930.
12. «За польскім часам…»: Западная Беларусь в воспоминаниях современников / Брест. гос. ун-т А.С. Пушкина; редкол.: Е.С. Розеблат (гл. ред). [и др.]. – Брест: БрГУ, 2019. – 172 с.
13. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд 29. – Воп. 1. – Спр. 74. Переписка с начальником следственного отдела Управления гос. полиции Гродненского уезда по административно-хозяйственным вопросам. 7 января 1932 г. – 29 декабря 1933 г.
14. Kurjer Lidzki. – 8 września. – № 45. – 1932.
15. Młodzi na Ziemie Wschodnie. – Warszawa : Koło Młodych Towarzystwa Rozwoju Ziem Wschodnich, 1937. – 40 s.
16. Данюк, А. Зельва: страницы истории. / А. Данюк // Праца. – 2007. – 13 чэрвеня.
17. Занальны дзяржаўны архіў у г. Маладзечна (ЗДАМ). Фонд 469. Воп. 2. Спр. 7. Статистические сведения, списки имений, фольварков и населения и служащих Германовичской гмины, 1921 г.
18. Głos Ziemi Grodzieńskiej. – Sobota 22 sierpnia 1931.
19. ЗДАМ. Фонд 436. Воп. 4. Спр. 1. Циркуляр министерства общественного обеспечения о мерах борьбы с венерическими заболеваниями и копии удостоверения врачей за 1926–1934 гг.
20. Polesie i turysta: przewodnik turystyczny. - Pińsk : Koło Krajoznawcze Uczniów Gimnazjum Państw. im. Marszałka J. Piłsudskiego w Pińsku, 1936. – 54 s.
21. Kolbuszewski, J. Kresy / J. Kolbuszewski. – Wrocław : Wyd-wo Dołnosląskie, 1995. – 256 s.
22. Kurjer Nowogródski. – 12 grudnia 1936.

23. Ostatnie Wiadomości Grodzieńskie: gazeta poranna dla wszystkich. – Środa. 5 lipca 1933.
24. ДАГВ. Фонд 551. Воп. 1. Спр. 1473. Заявление граждан о разрешении на открытие аптеки и ведение аптечной практики в 1921–1922 г.
25. ДАГВ. Фонд 551. Воп. 1. Спр. 1915. Отчет Новогрудского воеводы об общем состоянии воеводства и деятельности органов самоуправления и административной власти за ноябрь 1936 г.
26. ДАБВ. Фонд 36. Воп. 1. Спр. 1227. Заявления граждан о разрешении открытия аптек с приложениями свидетельств гражданства. 1931 – 1932.
27. 10 лет спустя… : 70 лет Гродненскому РУП “Фармация” / Г.М. Петрище [и др.] ; под общ. ред. Н.Н. Грицкевич. – Гродно : Гродн. тип., 2010. – 224 с.
28. AAN w Warszawie. Zespół 15. Sygn. 907. Działalność kolumn epedemicznych w województwach Wileńskim i Nowogródzkim. Sprawozdania. 1938.
29. Kurjer Baranowicki. – 1 lutego. – 1933.

УДК 94 (476)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГРОДНО НА ДОВОЕННОМ ЭТАПЕ СОВЕТИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (СЕНТЯБРЬ 1939 - ИЮНЬ 1941 гг.)

Алексей Ковтун
Гродненский государственный историко-археологический музей, Гродно, Беларусь
koaldz@yandex.ru

Цель исследования: раскрыть особенности экономического развития города Гродно на довоенном этапе советизации Западной Белоруссии. Хронологические рамки работы определяются переходом Гродно под контроль РККА в сентябре 1939 года, с одной стороны, и началом Великой Отечественной войны в июне 1941 года - с другой. В работе освящены процессы национализации промышленных и торговых предприятий и организаций города, изменения в их деятельности, последовавшие за переходом Гродно в руководство советских органов, усилия советских властей по наращиванию производства и преодолению безработицы.

В результате было определено, что экономическая политика советской власти в Гродно нашла свое проявление в национализации, расширении производства, укрупнении предприятий, сокращении числа безработных. В целом, она идейно и практически во многом повторяла политику, проводившуюся в БССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: Гродно, Западная Белоруссия, советизация, экономическое развитие, промышленность, торговля, национализация, укрупнение

ECONOMIC DEVELOPMENT OF HRODNA AT THE PRE-WAR STAGE OF SOVIETIZATION OF WESTERN BELORUSSIA (SEPTEMBER 1939 – JUNE 1941)

Aliaksej D. Koutun
Hrodna State Historical and Archeological Museum, Hrodna, Belarus

Purpose of this study is to reveal the features of the economic development of the city of Hrodna at the pre-war stage of sovietization in Western Belorussia. The chronological framework of the study is determined by the transition of Hrodna under the control of the Red Army in September 1939, on the one hand, and the beginning of the Great Patriotic War in June 1941, on the other. The study deals with the processes of nationalization of industrial and commercial enterprises and organizations of the city, changes in their activities that followed the transition of Grodno to the leadership of Soviet government, the efforts of the Soviet authorities to increase production and overcome unemployment.

As a result, it was determined that the economic policy of the Soviet government in Grodno was manifested in the nationalization, the increase of production, the enlargement of enterprises, and a reduction in the number of unemployed. In general, it ideologically and practically in many respects repeated the policy pursued in the BSSR in the late 1920s - early 1930s.

Keywords: Hrodna, Western Belorussia, sovietization, economic development, industry, trade, nationalization, consolidation

Осенью 1939 года, в результате Польского похода РККА, под советским контролем оказались обширные территории на западе. Большей частью, это были земли бывших Российской и Австро-Венгерской империй, вошедшие вследствие вооруженных конфликтов 1920-х в состав Второй Речи

Посполитой. В польской традиции они получили обозначение «Восточные кресы». В советской - стали известны как Западная Украина и Западная Белоруссия. 20 лет нахождения данных регионов в условиях рыночной экономики польского государства обусловили, в итоге, и особенности их социально-экономического развития. В 1939 году Западная Украина и Западная Белоруссия, которых миновали реализовывавшиеся в СССР политики полной национализации, коллективизации, борьбы с крупным землевладением, развития здравоохранения и образования социально, экономически, политически и культурно заметно отличались от областей УССР и БССР.

Советской власти предстояло провести в регионах многочисленные экономические и социальные реформы, с целью включения их в советскую хозяйственную систему, решить многочисленные проблемы, как доставшиеся в наследство от польской власти, так и ставшие актуальными после событий осени 1939-го, национализировать, промышленные, сельскохозяйственные предприятия, банки, организации сферы услуг.

Город Гродно перешел под контроль РККА 21 сентября 1939 года. Уже 22 сентября в нем было организовано временное управление. 2 октября 1939 года, когда было создано временное управление Белостокской области, он фактически вошел в подчинение Белостокского региона со статусом уездного центра.

Особенностью функционирования финансовой системы Западной Белоруссии в первые месяцы после присоединения ее к БССР являлось одновременное обращение двух валют: польского злотого и советского рубля. Так, 19 октября 1939 года Временным управлением Белостокской области было издано постановление, в котором указывалось «принятые от бывшего Виленского государственного банка денежные знаки в сумме 23 миллиона (двадцать три миллиона) злотых, оприходовать и зачислить в доход-бюджет Временного управления Белостокской области» [20]. 31 октября 1939 года ряду областных отделов Белостокской области и редакциям некоторых газет соответствующим постановлением были оформлены текущие счета в бывшем Польском банке с одновременным зачислением на них денежных средств [22].

Только 20 декабря 1939 года, согласно извещению Народного комиссариата финансов БССР, банковская система Западной Белоруссии прекратила выдавать и принимать вклады в злотых и полностью перешла на советский рубль. При этом максимальная сумма выдачи вкладчикам средств со счетов была ограничена количеством рублей, эквивалентным 300 злотых [4].

Прежде всего экономическая политика новой власти коснулась промышленности, которая не получила в 20-х – 30-х годах на западнобелорусской территории заметного развития. В связи с этим, ставилась задача национализации и реконструкции старых предприятий и строительства новых [7, с.195-196].

Еще в период осуществления РККА Польского похода, на промышленных предприятиях устанавливался народный контроль, создавались временные комитеты по управлению производственными процессами, общественной жизнью трудовых коллективов. На лесозаводе в Озерах, например, сразу же после взятия деревни под контроль советской власти, был создан временный заводской комитет и сторожевая служба. На работу были приняты все ранее уволенные рабочие [12, с.102].

Начало национализации промышленности, помещичьих имений и банков было положено уже осенью 1939 года [18]. Процесс перехода предприятий в народную (де-факто – государственную) собственность постепенно охватывал все отрасли хозяйства. Одной из первых началась национализация лесной промышленности. Так, в постановлении ЦК КП(б)Б от 11.11.1939 указывалось национализировать «все предприятия лесной промышленности, имеющие механическую силу, принадлежащие частным владельцам, акционерным обществам, фирмам» и т.д. [14]. 24 ноября 1939 началась компания по национализации предприятий полиграфической и текстильной промышленности [18], [19]. 6.12.1939 – стекольной и строительной [15]. В основном, данные мероприятия в Белостокской области были завершены к 10.12.1939 [14], [18], [19], [15]. До 20.12.1939 продлилась национализация маслодельных и маслосырзаводов [13].

Характерно, что в ведении временных управлений городов и уездов «для организации местной промышленности» в результате проведенных мероприятий как правило оставались лишь небольшие предприятия. Крупные же передавались в управление наркомам соответствующих отраслей (например, предприятия лесной промышленности и лесопильные заводы более чем с тремя лесопильными рамами передавались в ведение наркома лесной промышленности, а крупные производства полиграфического профиля - НКМП БССР Полиграфтресту) [14], [18].

В Гродно по состоянию на 7 января было национализировано 41 предприятие, из которых 14 оставались при отделе местной промышленности, а 17 - передавались трестам. Все национализированные предприятия продолжили работу. Исключение составили лишь те, что были закрыты их владельцами задолго до вступления Красной Армии в город. Таковыми были пивзавод Слуцкого, спичечная фабрика Марголиса и Еселевича, недостроенный кафельный завод Домского, ремонтируемый лесопильный завод Колецкого [17].

Национализация крупной промышленности и банков сопровождалась арестами и ссылками их владельцев вместе с семьями. Лишь немногим удалось перебраться на Запад. Здесь надо отметить, что класс буржуазии в Западной Белоруссии формировали две группы предпринимателей. Одна из них – это наследники основанных в царские времена заводов и фабрик. Вторая – предприниматели, которые отреагировали на экономический подъем начала 1920-х и инвестировали в новые производства вроде выпуска велосипедов, мотоциклов и противогазов. Процесс огосударствления их собственности был в основном закончен к началу 1940 года.

Судьбы владельцев некоторых национализированных гродненских предприятий можно рассмотреть подробнее. Например, контрольная доля в машиностроении Западной Белоруссии принадлежала семье Нохима и Лазаря Старовольских, которые с 1926 начали в Гродно выпуск велосипедов, а позже – мотоциклов. Продукция фабрики отличалась удачной конструкцией и ценой, благодаря чему имела хорошую репутацию. Однако после 1939 года Лазарь Старовольский исчез в белостокской тюрьме, его отец – Нохим - сослан в Казахстан. Лишь в 1940-х годах ему удалось выехать в Польшу и эмигрировать в Израиль. С 1923 в Гродно действовала фабрика игральных карт братьев Лапиных, одна из четырех крупнейших во Второй Речи Посполитой. К началу 1940 года предприятие было национализировано. Большинство представителей семьи Лапиных не пережило фашистской оккупации Гродно и погибло в гетто. Одними из крупнейших гродненских промышленников были Друцкие-Любецкие. Им принадлежали кафельный, кирпичный и лесопильный заводы под Гродно. В частности, в 1936 капитал компании Nadniemenskie zaklady przemyslu budowlanego «Stanislawow» Jana ks. Druckiego-Lubeckiego w Grodnie, которая специализировалась на производстве семян и саженцев фруктовых деревьев, составил 3 млн. злотых. К 1940 году фабрики были национализированы. Князю Яну Мариану Друцкому-Любецкому, впрочем, удалось пережить войну — он умер в 1990 году в возрасте 92 лет [6].

Характерной чертой промышленного строительства в западных областях БССР в предвоенное время являлось укрупнение промышленного производства: к концу 1940 мастерских с менее чем пятью рабочими практически не осталось [7, с.195-196], наблюдалось увеличение рабочих смен и наращивание производства. Так, в Белостокской области уже к 15.12.1939 число новых рабочих, занятых в производстве, достигло не менее 1780 человек [26].

Непосредственно в городе Гродно описанная экономическая политика ощутимо отразилась работе крупнейшего предприятия региона – гродненской табачной фабрики. На тот момент она представляла из себя 2 здания в городе: основное производство «специфической, гродненской махорки» было сосредоточено в строении на левом берегу Немана, возведенном в 1934 г., и составляло 15000 кг. табака-махорки в единственную смену (при возможных 20000 кг.) при занятости 650 рабочих. «В целях обеспечения бесперебойной работы фабрики, снабжения населения западных областей Белоруссии табачными изделиями, а также ликвидации безработицы» (характерно, что в Белостокской области в конце 1939 года имелось более тысячи безработных «табачников»), советской властью к концу 1939 были предприняты меры по наращиванию производства (в т.ч. за счет освоения новых сортов табака) до 20000 кг. ежедневно, что позволило в течение ближайших месяцев принять на фабрику дополнительно 300-400 новых рабочих. Второе, старое здание Гродненской табачной фабрики, на начало декабря 1939 использовалось как склад сырья и место расквартирования военной части (предполагалось переоборудование здание под жилье), при том, что в нем находилось 50 гильзовых машин, 3 крошильных станка и другое оборудование, а производственное помещение позволяло наладить выпуск четырех миллиардов папирос с числом рабочих до 1500. Имея в виду, что «на территории Белорусской ССР не имеется папиросных фабрик и папиросы приходится ввозить из Крыма, Ростова и Ленинграда, а также имея ввиду быстрейшую ликвидацию безработицы в Белостокской области, где имеется более тысячи человек безработных только табачников» [2], зам. наркома пищевой промышленности БССР Раксин и начальник технического отдела Главтабака Наркомпищепрома СССР Монахов призвали председателя Белостокского облисполкома Мальцева и секретаря Белостокского обкома КП(б)Б Игаева принять срочные меры для освобождения занятого воинскими частями старого здания гродненской табачной фабрики, с целью предоставления возможности организации в нем производства [2]. Впоследствии реконструкция предприятия действительно началась [5].

Работа национализированных предприятий города на первых порах не была отлажена. Как следует из постановления бюро Гродненского горкома КП(б)Б от 7 января 1940 года, на них не были установлены планы, нормы выработки и расценки, плохо организовано снабжение сырьем, весьма неудовлетворительно организована противопожарная охрана, плохо поставлена политвоспитательная и религиозная работа, в результате чего «имелись неоднократные случаи невыхода на работу некоторых рабочих по мотивам религиозных праздников». Отмечалось, что такое состояние национализированной промышленности явилось результатом «отсутствия всякого руководства со стороны трестов, принявших предприятия недостаточного контроля и помощи со стороны горисполкома». «Руководящий состав отдельных предприятий засорен чуждыми антисоветскими элементами» - сообщалось в документе [17]. Так,

заведующим гродненской мельницей стал бывший владелец мельницы Косовский, а в бывшем кинотеатре «Аполло» заместителем директора служил бывший собственник кино «Утеха» Мардер. И такие случаи были не уникальными. В то же время, небольшие, кустарные предприятия Гродно вовсе оставались ненационализированными.

В связи с вышеперечисленным, для руководства предприятиями, отошедшими горисполкому, была развернута работа по организации отдела местной промышленности, начата проверка руководящего состава предприятий на предмет «очищения руководящего состава от чуждых антисоветских элементов», отдел пропаганды ГК КП(б)Б приступил к разработке плана агитмассовой, в особенности, антирелигиозной работы на предприятиях. Продолжалась национализация оставшейся кустарной промышленности города. Для оказания помощи по разработке производственных планов, норм выработки, расценок, развертывания стахановских методов работы на промышленные предприятия Гродно были высланы представители трестов. Начал изучаться вопрос о возможности открытия неработающих предприятий города [17].

Уже к концу 1940 года все неработавшие промышленные предприятия Гродно были пущены в ход. Проводились реконструкция и расширение производственных мощностей, строительство новых фабрик и цехов. Так, в 1940 году в Гродно были введены в эксплуатацию обувная фабрика массового пошива, хлебозавод мощностью 50 тонн хлеба в сутки, швейное «Ателье мод» индивидуального пошива, завод извести, молокозавод и другие объекты. Всего в городе на конец 1940 года действовало 33 промышленных предприятия с 3500 рабочими (в то время как до установления советской власти рабочих в городе числилось только 2400). Выросла к 1941 году и производительность труда: план 1-го квартала 1941 года промышленность города перевыполнила на 7% [11, с.325-333].

В целом в Западной Белоруссии за 10 месяцев 1940 года вступили в число действующих 105 предприятий местной промышленности, подавляющее большинство из которых являлись новыми. Объем валовой промышленной продукции региона увеличился почти в два раза по сравнению с 1938 годом [7, с.195-196]. В Гродненском районе за 1940 год местной промышленностью было выпущено товаров на сумму 83,7 тыс. рублей [12, с.106]. Такой рост за короткий срок стал следствием высоких темпов преобразований в организации промышленности западных областей БССР.

22 января 1940 года было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О заработной плате и государственном социальном страховании рабочих и служащих предприятий и учреждений в западных областях УССР и БССР». Документ устанавливал в Западной Белоруссии аналогичные БССР размер заработной платы, порядок ее начисления, порядок оплаты очередных отпусков, простоев, браков, работы в ночное время, сверхурочных работ, нормы государственного страхования и тарифы страховых взносов. Для частных предприятий вводилась единая ставка тарифов страховых взносов в размере 16% фонда заработной платы [23].

Если говорить о цифрах, то, например, на 1 января 1941 года на Белостокской железной дороге трудилось 1376 сотрудников [28]. Среди них 226 путевых рабочих и 149 путевых обходчиков со средними зарплатами 251,49 и 166,76 рублей, соответственно [9]. Однако надо отметить, что динамика здесь была достаточно высокой: уже в мае 1941 года на Белостокской железной дороге работало 221 путевых рабочих и 129 обходчиков со средними зарплатами 207,14 и 192,26 рублей, соответственно [10]. Для примера, цена индивидуального одноквартирного дома типа «Рациональ» (24 кв.м.) в июне 1941 в БССР равнялась 6500р., дома конструкции Бонина (23 кв.м.) – 6000р. [16].

Помимо огосударствления производственной сферы, советская экономическая система предполагала также установление контроля над торговлей. Постановлением Временного управления по Белостокской области указывалось до 1 декабря 1939 года создать при областном и уездных Временных управлениях Белостокской области конвенционные бюро для установления предельных заготовительных и продажных цен на живскот, все виды птицы, мясо, молоко, масло, сыр и другие виды продуктов в целях борьбы со спекулятивным повышением цен на сельскохозяйственную продукцию [21].

Однако преобразования в торговле сопровождались трудностями. В Гродно по состоянию на январь 1940 года наблюдался целый ряд проблем, среди которых недостаточность развития розничной торговой сети (всего имелось 32 магазина госторговли, КОГИЗ и магазин закрытого типа» [25]), напряженное положение со снабжением города хлебом (вместо нужной выпечки в 30-35 тонн выпекалось 16-17, вследствие чего образовывались очереди за хлебом), плохая подготовка работников прилавка и, как следствие, случаи антисанитарии, спекуляции с повышением цен и саботаж.

Исходя из этого, 7 января 1940 года здравгоротделу Гродно было поручено не позднее 10.01.1940 года разработать дислокацию торгсети, беря за основу в первую очередь организацию магазинов в рабочих поселках и на отдельных предприятиях, а также организовать кратковременные курсы работников торговли и общественного питания. В ближайшие 2-3 дня предполагалось увеличить выпечку хлеба не менее чем в полтора раза, улучшив качество продукции. Перед уполномоченным ЦК КП(б)Б по г.Гродно

Кульбацким и председателем Гродненского горисполкома Ратайко ставился вопрос о быстрейшем разрешении вопроса строительства в городе Гродно хлебозавода [25].

Как следствие, до конца 1940 года в Гродно был введен в эксплуатацию хлебозавод мощностью 50 тонн хлеба в сутки. Всего же в городе к этому моменту работали 153 магазина, 23 столовые, 8 ресторанов, 7 почтовых отделений, телефонная станция на 800 номеров, радиоузел, 4 гостиницы на 186 мест и баня на 152 места [11, с.325-333].

Тем не менее проблемы, характерные для советской модели хозяйствования, регион не миновали. Уже первая встреча с солдатами РККА насторожила жителей Западной Белоруссии: вид советского военнослужащего не соответствовал тому образу, который изображался советской пропагандой [3]. В свою очередь, советские солдаты были впечатлены разнообразием товаров в магазинах региона. Впрочем, уже вскоре излишки закончились, и жители Западной Белоруссии столкнулись с характерными атрибутами советской торговли – дефицитом и очередями.

В преддверии особо важных общественно-политических мероприятий, регион, однако, снабжался оперативно. Так, в преддверии выборов в Народное Собрание Западной Белоруссии (октябрь 1939) снабжению продовольствием и ресурсами региона, который должен был в скором времени проголосовать за советскую власть, уделялось большое внимание. Через Гродно централизованно осуществлялось снабжение всего Гродненского уезда [24].

Незадолго до выборов в ВС БССР и ВС БССР, 9 марта 1940 года на специальном совещании ЦК КП(б)Б было утверждено решение об оперативной отгрузке в регион более 800 тонн дефицитных товаров [8, с.125-126]. Тем не менее, уже в ноябре 1940 проблема дефицита вновь была актуальна. Например, на одном из крестьянских собраний, связанных с выборами в местные советы депутатов трудящихся, житель д. Новинки Сопоцкинского района, Крестьянин Лукть. Д., кратко описал сложившееся на месте положение дел: «За польской властью хотя и 80 грошей зарабатывали, а купить можно было все. Теперь зарабатываем 10-15 рублей, а купить нечего» [1].

В «наследство» от капиталистической Польши западнобелорусские земли получили определенный уровень безработицы. В Гродно на 1-е января 1940 года число зарегистрированных безработных составляло 11617 человек, при общем населении 50-55 тыс. человек. Характерно, что, при значительно меньшем населении, Гродно по числу безработных незначительно уступал Белостоку, где их было на тот момент 13918. Советской властью разрешение проблемы безработицы в Западной Белоруссии осуществлялось как путем создания новых рабочих мест на ее территории, так и посредством переселения нетрудоустроенных лиц из ее крупных населенных пунктов в другие города СССР (в том числе, в УССР и РСФСР) с целью обеспечения их работой там [7, с.197], [27], [29, с.221].

По состоянию на 1-е апреля 1940 года из Гродно было послано на работу в другие населенные пункты страны 4663 человека. Принятые меры позволили сократить число безработных в городе до 3804 человек (среди которых до 3000 составляли женщины). Общий прогресс был очевиден: к 1 апреля 1940 года работа была предоставлена 60202 безработным Белостокской области из числа местных и беженцев [27]. В целом, в результате политики советской власти, к началу 1941 года в западных областях БССР безработица в основном была преодолена [7, с.197].

Здесь, правда, следует отметить, что имела место и миграция с Востока на Запад – в ней ощутимо было число командированных госслужащих, партийных, комсомольских работников и т.д. – тех, кому советская власть была готова доверить ответственные должности на Западе.

Таким образом, в Гродно в 1939 – 1941 гг. советской властью были осуществлены масштабные преобразования в производственной и торговой сферах. Прежде всего экономическая политика нового правительства коснулась промышленности, которая не получила здесь в 1920-х – 30-х годах заметного развития. В 1939-1940 гг. все крупные промышленные предприятия Гродно были национализированы и включены в советскую плановую экономическую систему. В целом, период характеризовался высокими темпами промышленного роста, достигаемого как за счет укрупнения существующих предприятий, так и за счет открытия новых.

Развитие промышленности, помимо увеличения количества выпускаемой продукции, активно способствовало снижению в городе уровня безработицы. В рассматриваемый период, она сократилась в Гродно с 11617 до 3804 человек, в том числе, из-за миграции части нетрудоустроенных гродненцев в более восточные регионы БССР.

Частная торговля в Западной Белоруссии, в целом, и в Гродно, в частности, в 1939-1941 гг. была сведена к минимуму. Непосредственно в Гродно данные реформы проходили на фоне недостаточного развития торговой сети и растущего дефицита товаров.

В целом, экономическая политика советской власти в Гродно соответствовала идее социалистических преобразований и целью своей ставила интеграцию Гродно как части Западной Белоруссии в экономическую систему СССР. Она нашла свое проявление в расширении производства, укрупнении предприятий, сокращении числа безработных. В то же время, немногочисленные гродненские

предприниматели, лишившиеся собственности, были объявлены классовыми врагами, и, в лучшем случае, эмигрировали. В целом, данная экономическая политика идейно и практически во многом повторяла политику, проводившуюся в БССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

1. Докладная записка Белостоскскому обкому партии «О состоянии подготовки к выборам в местные советы депутатов трудящихся по Сопоцкинскому району» // ГАООГО. ф.8, оп. 22, д. 9, л. 7.
2. Докладная записка заместителя Наркома пищевой промышленности БССР Раксина и начальника технического отдела Главтабака Наркомпищепрома СССР Монахова председателю Белостокского облисполкома Мальцеву и секретарю Белостокского обкома КП(б)Б С.С. Игаеву о национализации табачных фабрик в Белостокской области». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 46-47.
3. Западная Беларусь осени 1939 года: знакомство с ватниками и Тагилом // news.21.by: [Электронный ресурс]. — URL: https://maxpark.com/community/1003/content/6001229 (дата обращения: 24.05.2021).
4. Извещение Народного комиссариата финансов БССР об осуществлении перехода на советскую валюту на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 52.
5. История компании – Гродненская табачная фабрика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.tabak.by/company/hystory/ (Дата обращения: 25.11.2021).
6. Как сложились судьбы самых известных бизнесменов Западной Беларуси. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://news.tut.by/economics/653468.html (Дата обращения: 24.09.2019).
7. Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі – Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 2000. – 308 с.
8. КУРЬЯНОВИЧ А.В. Выборы в высшие органы государственной власти в Западной Белоруссии в 1940 году как элемент советизации региона // ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. №Т. 22. №1. С. 124 - 134.
9. Месячный отчет по заработной плате отдельных профессий по службе пути за май месяц 1941 // ГАГО. ф.177, оп. 1, д. 115, л. 6.
10. Месячный отчет по заработной плате отдельных профессий по службе пути за январь месяц 1941 // ГАГО. ф.177, оп. 1, д. 115, л. 1.
11. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка горада Гродна (Беларус. Энцыкл. ; Рэд. кал. : П 15 Г.П.Пашкоў, Я.М.Жабрун, І.П.Крэнь і інш. ; Маст. Э.Э.Жакевіч. – Мн. :БелЭн, 1999. – 712 с.: іл.
12. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гродзен. р-на/Беларус. П 15 Энцыкл. ; Рэдкал.: У.П. Верхась і інш.-Мн.: БелЭн, 1993 – 431 с.: іл.
13. Постановление № 1 Белостокского облисполкома о национализации маслодельных заводов и маслосырзавода по Белостокской области». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 43.
14. Постановление № Б-102/3 ЦК КП(б)Б Белоруссии «О национализации лесной промышленности на территории Западной Белоруссии». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 20-21.
15. Постановление №102 Временного управления Белостокской области «О национализации заводов стекольной промышленности и строительных материалов по Белостокской области». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 36-37.
16. Постановление №1495 СНК СССР “Об установлении розничных цен на одноквартирные дома для индивидуального строительства” // ГАГО. ф.1171, оп. 1, д. 1, л. 5-7.
17. Постановление бюро Гродненского горкома КП(б)Б о национализации промышленных предприятий города Гродно. // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 70-71.
18. Постановление Временного управления Белостокской области «О национализации полиграфической промышленности по Белостокской области». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 23-24.
19. Постановление Временного управления Белостокской области «О национализации текстильной промышленности по Белостокской области». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 25-30.
20. Постановление Временного управления Белостокской области о принятии и зачислении денежных польских знаков в доход Временного управления Белостокской области. // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 12.
21. Постановление Временного управления по Белостокской области «О борьбе со спекулятивным повышением цен на сельскохозяйственные продукты». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 21-22.
22. Постановление Временного управления по Белостокской области «Об организации санитарных станций». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 19-20.

23. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О заработной плате и государственном социальном страховании рабочих и служащих предприятий и учреждений в западных областях УССР и БССР». // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 84.
24. Протокол №1 общего партийного собрания прикомандированных ЦК КП(б)Б в Гродненский уезд о подготовке к проведению выборов в Народное собрание Западной Белоруссии. // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 10.
25. Протокол №4 заседания бюро Гродненского горкома КП(б)Б о развертывании советской торговли в городе Гродно. // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 71-72.
26. Сведения заместителя начальника облместпрома «О количестве национализированных промышленных предприятий в Белостокской области на 15 декабря 1939 г.» // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР : сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 51.
27. Сведения о состоянии безработицы по Белостокской области. // Воссоединение : к 75-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР: сборник документов / сост.: Ю.Ф. Анисенко [и др.]. – Гродно : Гродненская типография, 2014. С. 106-107.
28. Список сотрудников Белостокской железной дороги // ГАГО. ф.177, оп. 2, д. 31, л. 5.
29. Чарнякевіч, А, Госцеў, А., Дабрыян, А., Карнялюк, В., Марозава, С., Швед, В. Гродназнаўства. Гісторыя еўрапейскага горада / А. Чарнякевіч, А. Госцеў, А. Дабрыян, В. Карнялюк, С. Марозава, В. Швед. – Wroclaw: Wroclawska Drukarnia Naukowa PAN im. S.Kulczynskiego Sp. z. o. o., 2012. – 339 с.

УДК 94

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН. ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Александра Крупко ; Полина Маталыцкая
Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь
sashakrupko2003@gmail.com

Основное внимание в работе акцентируется на исследование Первой мировой войны и Второй мировой войны, авторы хотят рассказать, как начинались эти войны, какие были проблемы начало войны, а также послевоенные судьб европейских государств.

Ключевые слова: война; Первая мировая война; Вторая мировая война; Тройственный союз; Антанта; государства-союзники; оккупация; военные действия; противостояния государств; капитуляция; конференция; победа

CENTRAL AND EASTERN EUROPE BEFORE AND DURING THE SECOND WORLD WAR. POST-WAR FATE OF EUROPEAN STATES

Aleksandra V. Krupko Polina V. Matalytskaya
Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

The main focus of the work is on the study of the First World War and the Second World War, the authors want to tell how these wars began, what were the problems of the beginning of the war, as well as the post-war fate of European states.

Keywords: War; World War I; The Second World War; Triple Alliance; Entente; Allied States; occupation; military actions; State confrontations; capitulation; conference; victory

Что такое война? Этим вопросом задаются как дети, так и вполне взрослые, учёные. В нашем понимании война – это конфликт между двумя или более сторонами, как правило с целью получения материальной или иной выгоды. Войны появляются в человеческой истории в древние времена. Все начиналось с обыкновенного конфликта или же завести, что в дальнейшем перерастало в войны государственного, межгосударственного характера, а в некоторых случаях и мирового масштаба. Кто-то пережил войну, придя к семье живым, но многие остались в наших сердцах, а также в нашей памяти… Все

эти люди прошли через боль, страдания, утрату родных и близких, через ненависть. Но без сомнений война остаётся памятником о мужестве, стойкости и верности родине, проявленные в годы войны, нашими соотечественниками. Все подвиги совершались ради того, чтобы в будущем все без исключения жили спокойно, в мире и согласии, не боясь за свои жизни.

Тема нашей совместной работы «Центральная и Восточная Европа накануне и в годы Первой и Второй мировых войн. Послевоенная судьба европейских государств» и сейчас мы рассмотрим ее.

В начале XX в основными военно-политическими блоками являлись Тройственный союз и Антанта. Отношения между данными блоками существенно обострялись, так как они преследовали захватнические цели и хотели мирового господства. Конец XIX — начало XX в. Можно признать периодом многотысячных армий.

Правящие круги Германии и Австро-Венгрии, а также другие страны Европы преследовали конкретные захватнические цели и являлись инициаторами начала войны.

Германская империя стремилась к мировому господству. В ее планы входило захват больших территорий в Европе, в том числе Украины и Прибалтики, заморских владений Англии, Франции, Бельгии, укрепление позиций в Турции и на Ближнем Востоке. Австро-Венгрия надеялась покорить Сербию, Болгарию и Черногорию, завладеть нефтяными месторождениями Румынии, господствовать на Черном, Адриатическом и Эгейском морях. Турция обращала свои взоры на Балканский полуостров, Крым, Закавказье, Иран.

Англия рассчитывала захватить немецкие колонии, турецкие владения в Месопотамии и Палестине, планировала усилить влияние на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. В интересах Англии было подорвать экономическую мощь Германии, ее возрастающую роль в мировой торговле.

В свою очередь, Франции хотелось вернуть отобранные у неё Германией в 1871 г. Эльзас и Восточную Лотарингию, а также захватить богатый углем Саарский бассейн и часть Рейнской области Германии.

Россия ставила перед собой стратегические задачи: установить контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, экономически ослабить Германию, распространить свое влияние на все славянские страны. [4]

Далее мы хотели бы рассказать про Первую Мировую войну.

Одна из крупнейших в истории войн считается Первая мировая война. Она началась 1 августа 1914 г. и продолжалась по 11 ноября 1918 г. В этой войне участвовало приблизительно 30 государств. В начале войны возникло противостояние двух военно-политических блоков, они создавались несколько десятилетий. Этими блоками являлись страны Антанты, в которую входили: Великобритания, Франция, Россия и их союзники; а также Германия, Австро-Венгрия и их союзники. Их военные действия происходили на территории двух континентов, а именно: Евразии и Африки. При военных действиях происходил распад давнего миропорядка, также исчезли четыре государства с политической карты мира, в то время как в Европе и Азии, наоборот, возникли новые государства. Первая мировая война не смогла разрешить все конфликты между крупными империями и стала в дальнейшем предпосылкой для Второй мировой войны.

В результате войны с Францией Германская империя получила Эльзас и Лотарингию, также старалась усилить в стране экономику. После чего Германия заключила военно-политической союз с Австро-Венгрией в 1879 г. уже в 1882 г. в этот союз вступила Италия. Далее был образован Тройственный союз во главе с Германией. Он был направлен в противоположную сторону, то есть против России и Франции.

Пруссии в одиночку было не по силам вернуть Эльзас и Лотарингию, а также вернуть свое прежнее влияние. По этой причине Франция решила заключить с Россией военно-политический союз, который она подписала в 1891 – 1893 г. После чего Великобритания до самого конца XIX в. избегала заключения любых союзных договоров с Россией. Но в 1904 г. Великобритания заключает союзный договор с Францией, а через три года – с Россией. В результате чего был подписан акт о создании Тройственного союза. Вражда между Англией, Францией и Россией утихла после образования Антанты, но противостояние между ними не прошло. Около 25 государств объединилось вокруг стран Антанты во времена первой мировой войны.

Поводом к началу Первой мировой войны стало убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его супруги, происходившее 28 июня 1914 г. После чего Австро-Венгрия выдвинула Сербии невозможные для исполнения условия. С 1914–1918 гг. Германии и Австро-Венгрии пришлось выдвигать странам Антанты только ультиматумы. 28 июля в Сербии началась война, которую развязала Австро-Венгрия.

После чего Германия решила потребовать от России приостановить мобилизацию и 1 августа объявила ей войну, не захотев дожидаться ответа. Далее Германия, потребовав для своих войск свободного прохода к французской границе, предъявила ультиматум Бельгии. 3 августа Франции была объявлена война

Германией. А 4 августа военные действия проходили на территории Великобритании, которая воевала вместе с Германией. Спустя 2 дня в эту же войну ввязалась Австро-Венгрия.

Германия не хотела войны на два фронта, однако в первые же месяцы этот план потерпел поражение. Оккупировав Люксембург германские войска вторглись на территорию Северной Франции и стали вторгаться в Париж. Далее Российские войска вошли в Восточную Пруссию и им удалось отвлечь внимание немцев от Западного фронта.

В итоге план «молниеносной войны» потерпел поражение и Германии нужно было воевать на два фронта. После выхода из Тройственного союза Италии и вступления в войну Турции и Болгарии образовались новые фронты в Месопотамии, Сирии и других государствах.

Антанта, после вступления в войну США в 1917 г. хотела разрушить австро-германский блок. Уже в апреле 1917 г. Р. Ж. Нивель организовал мощное военное наступление в районы Арраса и Реймса. Эти военные действия назвали «мясорубкой Нивеля». В этой битве англичане использовали мощную артиллерию и авиацию, также массовые танковые атаки, однако британцы вынуждены были отступать. В итоге российские войска потерпели поражение.

После окончания Октябрьской революции Россия решила заключить договор о перемирии с государствами германского правительства. В итоге большевики подписали 3 марта 1918 г. сепаратный мир с Германией и её союзниками. На Западном фронте было установлено 62 пехотные дивизии, со стороны Германии, против 35 дивизий со стороны союзников. 21 марта 1918 г. началось наступление, в ходе которого немецкие войска разгромили 2 британские дивизии, также прорвали французскую оборону, после чего вновь вышли на реку Марну. В результате Германское правительство заставило союзников создать единое командование, во главе которого стоял маршал Франции Ф. Фош. [4]

[В июле — августе 1918г. произошла вторая битва на Марне. В результате кровопролитных боев немецкие войска не удержали своих позиций и начали отступать к границе. Вскоре из войны вышли Болгария, Турция и Австро-Венгрия, распавшаяся на отдельные государства. Утром 11 ноября 1918г. немецкая делегация подписала акт о перемирии в штабном вагоне в Компьенском лесу. Компьенское перемирие стало завершающим актом мировой войны 1914—1918гг.]

В годы Первой мировой войны использовали пулемёты, боевые самолеты, новые танки, подводные лодки и отравляющие газы. В результате использование нового оружия помогло расширить границы военных действий, также многие люди были убиты, а многие ранены. Происходил распад четырёх империй: Германской, Российской, Османской и Австро-Венгерской. Но возникло Советское государство, во главе которого было большевистское правительство. [1,182-195 стр.]

Также на территории Европы были основаны новые государства: Венгрия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Литва, Латвия, Финляндия и Эстония. Между странами Антанты поделились германские колонии. Первая мировая война не смогла разрешить все противоречия между державами. Это поспособствовало началу Второй мировой войны.

Главной причиной Второй мировой войны было желание Германии, Японии и Италии переделать мир, а также создать колониальные империи. Вторую мировую войну можно охарактеризовать с одной стороны как захватническую, в то время как с другой она носила освободительный и оборонительный характер. [5]

1 сентября 1939г началась Вторая мировая война нападением Германии на Польшу. Польша имела своих союзников: Англию и Францию, которые 3 сентября объявили войну Германии.

Германия хотела завоевать большие территории, а также подчинить себе Африку и Ближний Восток. Германии был необходим договор с Советским Союзом на время войны с государствами Запада. Для завоевания Восточных стран Германия разработала план «Ост» основной целью, которого была «очистка» большого количества местного населения посредством уничтожения или высылки на другие территории, а после заселить освобожденные территории немецкими колонистами.

Германия вложила большие денежные средства для обеспечения своей армии техникой и вооружением. Благодаря этому немецкая армия имела огромное преимущество и уже в сентябре захватила Польшу.

В апреле 1940 г. Германия начала захват Дании и Норвегии. Основные силы, которые противостояли вермахту, состояли из войск Англии, Франции, Бельгии и Голландии. В этот период Германия захватила всю Северную и Западную Францию.

Германия, после победы над Францией приступила к подготовке детального плана войны против СССР под кодовым, тайным названием «Барбаросса», который предусматривал захват территории Советского Союза в максимально короткие сроки.

Летом 1941 г. немецкие войска оккупировали большую часть стран Европы. А к июню 1941 г. полную независимость сохраняли только два государства СССР и Великобритания.

После капитуляции Франции Германия начала масштабную войну против Великобритании. Немецкое военное руководство пыталось сломить сопротивление англичан воздушными ударами и морской блокадой.

Далее Германия с целью покорения СССР без официального объявления войны напала на Советский Союз рано утром 22 июня 1941 г. Гитлер намеревался завершить свой план «Барбаросса» в течение 6—8 недель до осени 1941 г.

Советский Союз не был готов к внезапной войне, по этой причине начало войны для СССР было тяжёлым. И только с января 1942 г. по 20 апрель 1942 г. началось общее и значительное наступление советских войск против захватчика. Немецкие войска были отброшены на 100—250 км от Москвы по всему фронту. Это было первое крупное поражение Германии с начала войны.

Победа советских войск под Москвой имела свое значение – был развеян миф о непобедимости немецких войск и сорван план «блицкрига». Германия оказалась перед перспективой затяжной войны, к которой не была готова.

В декабре 1941 г. в войну вступила США, которая позже помогла изменить международную обстановку, а также ускорила начало формирования антигитлеровской коалиции. 1 января 1942 г. в Нью-Йорке 26 государств, осуждавших фашизм, подписали Декларацию Объединенных Наций. Декларация включала два основных положения: обязательство вести борьбу с государствами-агрессорами и не заключать сепаратный мир.

СССР, США и Великобритания в мае-июне 1942 г. подписали двусторонние договоры о сотрудничестве.

Значительные силы Красной Армии были брошены на создание многокилометровых укреплений, подготовку обороны каждого дома, масштабной «рельсовой войной» и многих других операций для изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории СССР.

С августа по декабрь 1943 г. начался коренной перелом в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Укреплению сотрудничества стран антигитлеровской коалиции послужили победы советских войск под Сталинградом и на Курской дуге. В Москве в октябре 1942 г. была созвана конференция министров иностранных дел США, СССР и Великобритании, на которой решались вопросы о дальнейшем ведении войны.

28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция лидеров «большой тройки»: США (Ф. Д. Рузвельт), СССР (И. В. Сталин) и Великобритании (У. Черчилль). На Тегеранской конференции главными вопросами были: разработка окончательной стратегии в борьбе против нацизма и фашизма, победить Германию, а также её европейских союзников и Японию.

С января 1944 по май 1945 г. начался новый этап в борьбе с немецкими захватчиками. Советские войска направили на врага сильнейшие удары и изгнали немецких захватчиков из территорий Советского Союза. Огромную роль в освобождении территорий: Польши, Болгарии, Юго-Славии, Румынии, Албании, Греции сыграли наступления вооружённых сил Советского Союза. Союзные войска, проведя операцию «Оверлорд», открыли второй фронт и начали наступления в Германию.

В феврале 1945 г. была проведена Крымская конференция, в которой принимали участие руководители Великобритании, СССР, США. На данной конференции обсуждались вопросы и согласовывались планы окончательной победы над Германией.

В апреле – мае 1945 г. была организована Берлинская операция. В ходе которой Советские войска разгромили последние группировки Германских войск. Безоговорочная капитуляция Германии была принята поздно вечером 8 мая представителями США, СССР, Великобритании и Франции.

США, СССР и Великобритания 26 июля потребовали от Японии безоговорочную капитуляцию. Япония с этим была не согласна и тогда СССР 8 августа публично заявил, что в течение следующего дня объявит войну Японии. После чего советские войска 9 августа начали наступление.

Американцы решили сбросить атомные бомбы на два японских города – Хиросиму и Нагасаки. Далее 14 августа Японское правительство объявило о капитуляции.

Официальная церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии была проведена 2 сентября 1945 г. После чего Вторая мировая война завершилась. [6]

Таким образом, самой масштабной, разрушительной и кровопролитной войной во всей истории человечества стала Вторая мировая война. В этот период погибли от болезней, голода, многочисленных бомбардировок, а таже во время депортаций ни в чём неповинные люди. [7]

Одним из итогов Второй мировой войны можно считать победу государств антигитлеровской коалиции. Правительство Великобритании, США и Советского Союза пытались найти возможность, чтобы преодолеть противоречия, которые существовали в годы войны.

В результате сотрудничества многих государств в годы Второй мировой войны создалась Организация Объединённых Наций. Её создание было нацелено на обеспечение мирного и безопасного

будущего, в котором не будет войн и противоречий между государствами. Данный устав был подписан 26 июня 1945 г. на созванной в Сан-Франциско конференции представителями 51 государства, это были члены антигитлеровской коалиции. Однако устав ООН вступил в законную силу только 24 октября 1945 г. [8]

В ООН главные органы представлены Генеральной Ассамблеей, которая должна собираться каждый год, Советом Безопасности и Международным Судом. Совет Безопасности состоит из США, СССР, Великобритании, Франции, Китая, они являются постоянными членами совета, которые имеют право вето, а также шести непостоянных членов, обязанных сменяться каждые два года.

Для того чтобы прийти к мирному будущему нужно было наказать виновных в преступлениях, совершённых против личности человека. В 1946 г. в судах все чаще заслушивались дела в отношении военных преступников. На Нюрнбергском процессе, проходящем в 1945 -1946 гг., были раскрыты планы нацистов по уничтожению государств и народов, преступления по убийству мирных жителей, а также узников концентрационных лагерей. Токийский процесс, проходивший в 1946–1948 гг. над японскими военными преступниками, вынес обвинительные приговоры организаторам агрессии против народов Азии.

После окончания Второй мировой войны большое признание в мире получили принципы свободы, равноправия народов, гуманизма, единства для всех государств норм международного права. [1,158 стр.]

1. Космач, Г. А. Всемирная история Новейшего времени : 1918—1945 гг. : учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Г. А. Космач, В. С. Кошелев, М. А. Краснова; под ред. Г. А. Космача. — Минск : Нар. асвета, 2012. — 214 с. : ил.
2. Кошелев, В. С. Всемирная история Новейшего времени, 1918 — начало XXI в. : учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / В.С. Кошелев, М.А. Краснова, Н.В. Кошелева ; под ред. В.С. Кошелева.— Минск: Изд. центр БГУ, 2019.— 255 с.
3. Кошелев, В. С. Всемирная история Нового времени, XIX — начало XXв.: учеб. пособие для 8-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / В. С. Кошелев, Н. В. Кошелева, Н. В. Байдакова; под ред. В. С. Кошелева.— Минск : Изд. центр БГУ, 2018. — 206 с.
4. А. С. Орлов. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Большая Российская энциклопедия. Интернет-ресурс: https://bigenc.ru/military_science/text/2335018
5. https://geomap.com.ua/ru-wh/
6. https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/war-crimes-trials
7. https://100urokov.ru/predmety/urok-6-mir-posle-vtoroj-mirovoj ….
8. https://foxford.ru/wiki/istoriya/mezhdunarodnye-otnosheniya-posle-vtoroj-mirovoj-vojny

УДК 9(47+57)2

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА БЕЛОРУССКОМ РЫНКЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» (1921 – 1928 гг.)

Татьяна Буевич

Государственный архив Витебской области, Витебск, Беларусь

t_buevitch@bk.ru

«Новая экономическая политика» способствовала восстановлению торговли и активизации экономики. Но экономического равновесия на рынке потребительских товаров в период нэпа не существовало. Это произошло вследствие того, что в 1920-е гг. сельскохозяйственное производство в советской Беларуси в основном обеспечивало местный потребительский рынок. Объемы промышленного производства в сравнении с довоенным периодом полностью восстановить не удалось. Основная часть промышленных предприятий относилась к частному сектору. Но частник производил только 2% всей промышленной продукции республики. Нарушение транспортных связей привело к тому, что продукция частника не выходила на уровень республиканского рынка, а имела распространение в пределах своего региона. Основной объем товаров в 1920-е гг. на общереспубликанском потребительском рынке давал государственный сектор промышленности, доля которого составляла от 3 до 10% от общего числа промышленных предприятий республики. Вмешательство государства в работу госпредприятий привело к тому, что они не смогли удовлетворять спрос населения. В результате в формировании предложения на потребительском рынке промышленных товаров существенную роль играли импорт и контрабанда.

Ключевые слова: НЭП, торговля, сельское хозяйство, промышленность, предложение, спрос, торговля, контрабанда, импорт

THE MAIN SOURCES OF FORMATION OF SUPPLY IN THE BELARUSIAN MARKET OF CONSUMER GOODS DURING THE PERIOD OF THE "NEW ECONOMIC POLICY" (1921 - 1928)

Tatyana V. Buevich
"State Archive of the Vitebsk Region", Vitebsk, Belarus

The New Economic Policy helped restore trade and revitalize the economy. But there was no economic equilibrium in the consumer goods market during the NEP period. This happened due to the fact that in the 1920s. agricultural production in Soviet Belarus mainly supplied the local consumer market. The volume of industrial production in comparison with the pre-war period before 1927 was not fully restored. The bulk of industrial enterprises belonged to the private sector. But the private trader produced only 2% of the total industrial output of the republic. The disruption of transport links led to the fact that the private trader's products did not reach the level of the republican market, but were distributed within their region. The main volume of goods in the 1920s. on the republican consumer market, it was provided by the state sector of industry, the share of which ranged from 3 to 10% of all industrial enterprises of the republic. Government intervention in the work of state-owned enterprises led to the fact that they could not meet the demand of the population

Keywords: NEP, trade, agriculture, industry, supply, demand, trade, smuggling, import

После объявления «новой экономической политики» (нэп) в 1921 г. и восстановления розничной торговли любой товар на потребительском рынке пользовался повышенным спросом. Это связано с тем, что в продажу поступали небольшие группы товаров. Они мгновенно скупались, и цена не имела значение. Таков был итог осуществления «правильного товарооборота» и «военного коммунизма», которые привели к полному отсутствию к началу 1921 г. товарного запаса [12, с. 43]. При этом была разрушена не только система розничной торговли, но практически полностью уничтожено отечественное промышленное производство потребительских товаров [5, л.27; 6, л.51]. Не лучше складывалась ситуация в сельском хозяйстве. К началу 1920-х гг. посевные площади (в границах провозглашенной в июле 1920 г. республики) уменьшились в сравнении с довоенным периодом на 36,5%[9]: площадь посевов в 1913 г. составляла 1.134 тыс. га (938,1 тыс. дес.), в 1917 г. – 740,9 тыс. га (678,2 тыс. дес.), в 1921 г. – 711,2 тыс. га (651,0 тыс. дес.)[3, с.256].

Объявив нэп и разрешив крестьянину свободный обмен произведенной им продукции на промышленные товары, государство рассчитывало, что рыночные механизмы помогут выйти из кризиса, возродить сельское хозяйство и промышленность.

Нэп действительно запустил рыночные механизмы. Крестьянству было разрешено продавать на рынке часть продукции, остававшейся после выплаты продналога, что вызвало подъем сельского хозяйства. Закон спроса и предложения активизировал и промышленное производство. Но все же дефицит потребительских товаров являлся постоянным составляющим рынка в 1920-е гг. Этому способствовало несколько причин, обозначить которые является целью настоящей статьи.

Следует отметить, что уже в 1921 г., т.е. в год объявления нэпа, сельскохозяйственное производство действительно активизировалось. А когда с 1922 г. в сельской местности в дополнение к «свободному обмену» был разрешен свободный выбор форм землепользования, произошло расширение посевных площадей: по официальным данным в этот год они составили 783,9 тыс. га (717,5 тыс.дес.), а в 1923 г. выросли до 798,5 тыс. га (730,9 тыс. дес.).

В 1923/24 г. натуральный налог был заменен денежным. В этой связи объемы поставок сельскохозяйственной продукции на внутренний рынок увеличивались, так как, с одной стороны, крестьянам не надо было сдавать государству часть произведенной продукции, а с другой – они стремились получить наличные средства для уплаты налогов. Но все это не позволило серьезно изменить ситуацию с дефицитом продовольственных товаров на внутреннем потребительском рынке.

И только после первого территориального укрупнения республики в 1924 г. размеры посевных площадей удалось значительно увеличить: в этот период они достигли 2 4417 тыс. га (2 235,8 тыс. дес.)[10, с.14; 3, с.255]. В этом году число индивидуальных крестьянских хозяйств с посевом составило 655 638; в 1925 г. – 667 782 хозяйств из 669 490 сельских хозяйств в целом по республике. Пропорция высеваемых культур изменилась: сократились посевы овса, ячменя, льна и т.п., увеличились посевы—ржи, пшеницы и отчасти гречи. А вот посевы картофеля остались на прежнем уровне.

В 1925 г. общая посевная площадь составила 2 543 946 десятин, из них в единоличных хозяйствах – 2 492 965, в том числе на арендованной пашне – 28 983 десятины. Большая часть посевов приходилась на рожь (1 031 257 десятин), овес (465 597 десятин) и картофель (288 429 десятин). В единоличных хозяйствах посевы пшеницы составляли 101 514 десятин (озимая и яровая), гречихи – 42 935, просо – 22 885, горох – 42 259. На посевы льна приходилось 98 522 десятин [14, с.157]. В тот период Беларуси был присвоен пятый из одиннадцати действовавшие разрядов урожайности [15, с.198].

Дефицит продовольственных товаров уменьшился, но не был ликвидирован в целом. И причины крылись не только в ошибочности некоторых политических решений, тормозивших выброс на рынок сельхозпродукции, в частности, зерновых. Одним из факторов, не позволившим насытить рынок сельхозпродукцией, выступала низкая производительность в единоличном крестьянском хозяйстве.

Наиболее распространенными орудиями сельскохозяйственного труда были бороны, плуги, сохи, веялки и сортировки, соломорезки. Многопольный севооборот практически не внедрялся. Стоит отметить, что после введения в 1925 г. нового Земельного кодекса БССР сельские производители могли арендовать землю или недостающий инвентарь. Но тракторов в этот год на всей территории страны имелось всего 7 штук, при этом владели ими только совхозы и колхозы (коммуны). Это же касалось сеялок, уборочных машин и молотилок [14, с172].

Тем не менее, объемы посевов расширялись. В 1926/1927 г. к концу хозяйственного года в БССР было учтено и 2 151,2 тыс. десятин посевов и 3 079,7 тыс. десятин пашни [16, с.80]. На конец следующего 1927/1928 гг. объем пашни составлял 3112, 13 тыс. десятин [13, с.130.].

В личных хозяйствах под огородные овощи отдавалось 41,7 тыс. десятин. Максимальные посевы приходились на капусту, лук, свеклу, огурцы [14, с. 160, 162]. Фруктовые сады занимали 17 563 десятин. Более всего было высажено яблок, в особенности сорта «антоновка». Среди других массовых фруктово-ягодных деревьев были груши, сливы, вишни [14, с.164].

В республике с 1923 г. было восстановлено промысловое рыболовство. В дополнение к многочисленным рекам и озерам в середине 1920-х гг. было создано около 200 искусственных рыбных прудов, из которых 127 имели промысловое значение. Ловили лещей, судаков, щук, окуня, плотву, уклея, линя, карася, сома, налима и др. Наибольшее распространение имела щука. Результат промыслового улова 1924/25 г. составил 819 тонн; общий улов составил в республике 9 500 тонн [1].

Активно выращивалась домашняя птица (куры, индюки, гуси, утки и т.п.). В середине 1920-х гг. их насчитывалось 2 758 955 голов. Сельчане занимались пчеловодством. В середине 1920-х гг. в республике было учтено 141 352 штук ульев [14, с.170].

Стоит отметить, что белорусское сельскохозяйственное производство в 1920-е гг. все же имело животноводческое направление. В 1924 году объемы восстановленного животноводства по некоторым показателям (количеству лощадей, крупного рогатого скота, овец и коз) превзошли показатели 1916 года на 10,9 %, отставание наблюдалось только по объему воспроизводства свиного поголовья [3, с.255]. В 1925 г. из 679 935 сельских хозяйств республики 670 313 содержали скот. Всего в 1925 г. было учтено 7 302 962 голов скота, из них на крупный рогатый скот приходилось 1 863 805 голов, в том числе коров – 1 092 966 голов; и свиней с подсвинками и поросятами – 1 781 765 голов. Овец и ягнят насчитывалось 2 748 370 голов (при этом соотношение голов было практически равное), коз и козлов – 5818. Чуть более 900 тыс. приходилось на лошадей рабочего возраста и жеребят [14, с.150, 166 – 167]. В 1928 г. поголовье крупного рогатого скота составило 69,9 тыс., свиней – 114,2 тыс., овец и коз – 0,4 тыс [13, с.130].

Иными словами, наращивание сельскохозяйственного производства осуществлялось постепенно, и к концу 1920-х гг. достигло достаточно высоких показателей, чтобы в определенной мере обеспечивать потребительский рынок продукцией сельскохозяйственного производства. В то же время сдерживающими факторами выступали главенство ручного труда, малоземелье. В сочетании с ошибками государственной политики в области хлебозаготовок это привело к тому, что нехватка сельхозпродукции и сырья на потребительском рынке имела место даже в период сворачивания нэпа.

С введением нэпа активизировалась и промышленность. В особенности с 1922 года. Но ведущая роль в 1920-е гг. принадлежала мелкой кустарной промышленности и лесным заготовкам, а также – сплаву леса. Так, например, в обзорном отчете о состоянии на территории БССР мелкой и кустарной промышленности, составленном в 1924 г. витебским инспектором, говорилось, что благодаря кустарям количество продукции в 1921 г. увеличилось на 30-40%, а в 1922 г. – на 100%[7, л. 2 об.]. Стоит подчеркнуть, что кустарная промышленность относилась к частному сектору экономики и в основном использовала местное сырье.

По результатам Всесоюзной переписи городов, проходившей с 15 по 22 марта 1923 г., например, в Витебской губернии (с 3 марта 1924 г. вошла в состав БССР) количество кооперативных и государственных предприятий было всего 206 (11,6%) предприятий из 1 777 зарегистрированных. В Гомельской губернии (с 1926 г. вошла в состав БССР) 3 586 (т.е. 93,5%) из 3 834 промышленных предприятий были частными, остальные государственные или кооперативные (всего 6,5%) [4, с. 8 – 9].

Главенство в республики в период нэпа частной промышленности являлось тенденцией и в дальнейшем. Например, только, за первое полугодие 1923\1924 г. в БССР было выбрано 6 238 частных против 188 государственных и 89 кооперативных патентов на открытие промышленных предприятий [15, с. 204 – 207]. В укрупненной БССР на 1 марта 1924 года было учтено 6 587 предприятий, из них 6 281 были частными [3, с259 – 260].

Из городских предприятий более всего приходилось на производство одежды и туалетных принадлежностей – 5230 предприятий, из них – 5175 частных; второе место по численности занимали предприятия по металлообработке – 1354, из них 1309 частные, на третьем были предприятия по производству кожевенной и меховой продукции – 1 129, из них 1092 частные, и на четвертом – производящие пищевые продукты – 1061, из них – 962 частные [14, с.148 – 149]. Иными словами, городская промышленность, прежде всего, была ориентирована на розничный рынок, поскольку производила конечную продукцию – товар для продажи населению.

Однако, как и в сельском хозяйстве, основным способом производства на частных предприятиях в 1923 г. являлся ручной труд. В целом по Беларуси, включая Витебщину, было учтено 10 376 городских промышленных предприятий, но из них только 454 имели двигатели [14, с. 144]. Не лучше была ситуация и в сельских районах. В 1925 г. по данный ЦСУ СССР в сельской местности республики насчитывалось 46,6 тыс. человек, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности. Из общего числа 28,8 тыс. обследованных кустарных заведений только 9,3 тыс. имели специальное помещение и только 2,5 тыс. располагали оборудованием с механическим двигателем. С наемной рабочей силой действовало 1,8 тыс. заведений, в которых было занято 3,2 тыс. чел. наемного персонала.

Это не позволило существенно нарастить объемы производства.

В силу отсутствия прочных транспортных связей на всем протяжении нэпа местная кустарная (частная) промышленность могла обеспечить только региональный потребительский рынок и только определенными видами изделий, и это не позволяло равномерно распределить на рынке производимый товар.

Отсюда возникла еще одна особенность нэпа: хотя подавляющая часть всех действующих промышленных предприятий, как мелких, так и крупных, принадлежала частным лицам, но все же основными поставщиками товара (96,1%) на республиканский потребительский рынок в 1920-е гг. были крупные промышленные предприятия, которые имели возможность перевозить свои товары на значительные расстояния. При этом они были преимущественно государственными или же имели основную долю государственного капитала. Кооперативный и частный секторы республики вырабатывали всего по ≈ 2% общего объема промышленный продукции [1]. Иными словами, продукция частных предприятий, несмотря на их многочисленность, не играла существенной роли в формировании рынка потребительских товаров.

В 1923 г. в республике насчитывалось 21 государственное промышленное предприятие, действовавшее на началах коммерческого расчета. Только одно из них имело общесоюзное значение – Объединение лесоэкспортной и деревообрабатывающей промышленности («Лесбел»). Для сравнения в Украинской Советской Социалистической Респулике (УССР) действовало 24 подобных предприятия, в Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республике (ЗСФСР) – 43[15, с.160 – 168].

Благодаря вхождению в состав БССР Витебщины (1924 г.) и Гомельщины (1926 г.), существенно расширилась сеть промышленных предприятий. Объемы их продукции на белорусском рынке значительно увеличились. Но крупная (цензовая) промышленность в 1920-е гг. была по-прежнему незначительной. В середине 1920-х гг. цензовая промышленность БССР дала только 59% довоенной продукции, но уже в 1925/26 г. она почти достигла довоенной величины, а в 1926/27 г. стала превышать довоенные размеры примерно, но все лишь на 10% [1].

Наиболее крупной отраслью цензовой промышленности по валовой продукции являлась деревообрабатывающая, которая составляет 23,2% от продукции всей цензовой промышленности; затем шли пищевкусовая – 22,2%, бумажная –10,9%, производство одежды – 7,3%, кожевенная – 4,7%, химическая – 4,5%, льнообрабатывающая – 3,7% и др. Следует отметить, что ряд отраслей республики и в конце нэпа не смог достичь довоенных показателей. Например, химическая дала только 17% от 1913 г., силикатная — 61%, бумажная — 74%, деревообрабатывающая и текстильная — 84%[1].

К 1928 году цензовая промышленность подразделялась на союзную («Лесбел»), республиканскую, подчиненную ВСНХ БССР, которая давала около ⅔ продукции всей цензовой промышленности, и на местную, находившуюся под контролем губернских(окружных) и уездны(районных) исполкомов. Местная промышленность, обслуживавшая преимущественно потребности местного населения, была развита слабо, а предприятия чаще всего сдавались в аренду частным лицам.

Но, несмотря на рост, промышленность, как и сельское хозяйство, не смогла насытить в 1920-е гг. потребительский рынок товарами.

Причиной такому положению вещей, помимо производственных проблем, являлось то положение вещей, при котором работать госпредприятия могли только под контролем соответствующего ведомства, которое устанавливало производственное планирование, цены на продукцию и способы ее сбыта. При этом реалии потребительского рынка не учитывались. Например, декретом от 31 мая 1921 г. для промысловых объединений допускалась свободная реализация продукции только после уплаты государству всех налогов и сборов. Непродуманность стимулов для повышения рентабельности привела к отсутствию интереса в

расширении производства. Убытки предприятий покрывались государственными дотациями. Существовала практика, когда средства у эффективно работающих предприятий шли на покрытие убытков неприбыльных.

Нестабильность развития промышленности и сельского хозяйства привела к тому, что доля импортных товаров в период нэпа была весьма существенной. Более того, именно импорт был призван компенсировать по некоторым направлениям недостатки собственного производства. В 1925 г. руководство БССР увеличило импортные поступления с целью расширения товарного запаса [2, с.80]. Основными поставщиками выступали Польша и Латвия [8, л. 8]. Главными товарами ввоза являлись орудия селькохозяйственного производства, различный инструмент, бумага (в особенности в первой половине 1920-х гг.), химические продукты, металлические изделия, галантерея и др., при этом на экспорт шло, прежде всего, сырье (кожи, щетина, конский волос и т. д.) [3, с.261].

Немаловажную роль сыграла контрабанда. По сведениям начальника Западного таможенного округа, например, в 1922 г. абсолютно все крестьяне приграничных западных территорий занимались контрабандой; организаторами и главными вдохновителями контрабанды являлись торговцы, причем не только из приграничных территорий, но и из Гомеля, Могилева, Витебска [11, с. 200]. Номенклатура привозной контрабанды состояла из 139 наименований. Среди них значились и предметы роскоши, и товары повседневного спроса: парфюмерия, трикотажные изделия, верхняя одежда, нательное и постельное белье, спиртные напитки и др. Наиболее крупными партиями контрабанда ввозилась до 1924 г. За 1923/24 г. общие ее размеры определялись в 10 млн. руб [1]. К началу 1930-х гг. массовая контрабанда в основном прекратилась.

Следует отметить, что существенная доля импорта и контрабанды является одной особенностью развития потребительского рынка республики в период нэпа.

Нэп и отказ государства от притеснения частника в торговле, сельском хозяйстве и промышленности способствовали восстановлению торговли, возрождению закона спроса и предложения, и, как следствие, активизации экономики. В 1920-е гг. сельскохозяйственное производство в советской Беларуси хоть и вышло на довоенный уровень, но в основном обеспечивало местный потребительский рынок, да и то не в полном объеме.

Объемы промышленного производства полностью восстановить не удалось. Основная часть промышленных предприятий относилась к частному сектору. Но при этом он производил только 2% от объема всей промышленной продукции республики. К тому же нарушение транспортных связей привело к тому, что продукция частника не выходила на уровень республиканского рынка, а имела распространение в пределах своего региона.

Основной объем товаров в 1920-е гг. на общереспубликанский рынок давал госсектор, доля которого в этот период составляла от 3 до менее 10% от общего числа промышленных предприятий республики. Но вмешательство государства в работу госпредприятий привело к тому, что, несмотря на востребованность их продукции на внутреннем потребительском рынке, они не смогли удовлетворять спрос населения.

В результате в процесс формировании предложения на потребительском рынке были вовлечены импорт и контрабанда.

Иными словами, несмотря на многообразие в период нэпа источников, формировавших предложение на республиканском потребительском рынке, ни о каком экономическом равновесии на нем говорить не приходится.

1. Атлас Союза Советских Социалистических Республик // Сост. и награвирован в картоиздательстве НКВД РСФСР. – Москва: Изд. ЦИК СССР, 1928 (напеч. Упр. гос. знаков "ГОЗНАК":). - [32] л. к., [8], 108 с. текст; 28х36 см. – Карты на одной стороне // Исторические материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/40018. - Дата доступа: 10.02.2022.
2. Бюллетень Совета Народных Комиссаров (СНК) БССР. – Минск : Изд. СНК БССР, 1925 – 1932. – № 8 – 1925.– 88 с.
3. Весь СССР: экономический, финансовый, политический и административный справочник/ Финансово-экономическое бюро НКФ СССР / под редакцией М. Г. Вронского и М.А.Сиринова. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 1269 с. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/node/45028. Дата доступа: 10.02.2022.
4. Всесоюзная городская перепись 1923 года: Т. 27. В 2-х вып // Труды Центрального Статистического управления - М., 1926. Выпуск 1 : Итоги промышленной переписи. - 1926. - 632 с. С. 8 – 9 // Государственная публичная историческая библиотека России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10882-vyp-1-itogi-promyshlennoy-perepisi-1926-trudy-tsentralnogo-statisticheskogo-upravleniya-t-27-vyp-1#mode/inspect/page/5/zoom/6. – Дата доступа: 10.02.2022.
5. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО). – Ф.240. Оп. 3. Д. 3.
6. ГАВО. – Ф.240. Оп. 3. Д.6.
7. ГАВО. – Ф. 325 Оп.1. Д.36.
8. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь». – Ф.117. Оп.1. Д.72.

9. Грузицкий, Ю. НЭП в Беларуси / Ю. Грузицкий / Журнал «Финансы, учет, аудит»; М-во финансов РБ, Бел. гос. экон. ун-т, БГУ, Бел. гос. страховая орг. // Сайт БГЭУ.. – 2015 . – № 2 . – С. 39-41. Режим доступа: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/69990/1/Gruzitskiy._Yu._39_41.pdf. Дата доступа: 10.02.2022.
10. Лыч, Л. М. Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик : На примере Бел. ССР (1917-1941 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук : 07.00.02 / Акад. наук Бел. ССР, Ин-т истории. - Мн., 1988. - 45 с.
11. Нашчынец, К. Сацыяльны партрэт гандляра-канрабандыста на беларуска-поляскай мяжы ў 1920-1930-х гадах / К. Нашчынец // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.): праблемы вывучэння і перспектывы даследвання: матэрыялы I Межнароднай навукова-практычная канферэнцыі (Мінск, 14 – 16 лестапада 2013 г.). – Мінск: Тэхналогія, 2014. –С. 195 – 204.
12. Полетаева, Н. Торговое предпринимательство в Беларуси в годы НЭПа (1921-1929) / Н.Полетаева // Веснік БДЭУ. – 2014. – № 3 (104). – С.43-50.
13. СССР — страна социализма: Статистический сборник / ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР и Всесоюзное объединение «СОЮЗОРГУЧЕТ» / отв. ред. И. А. Краваль. – Москва, 1936. – 212 с. С. 131 // Исторические материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/22521/sssr_soc.strana_belorussiya.pdf . – Дата доступа: 10.02.2022
14. Статистический ежегодник Народного комиссариата финансов СССР за 1923/1924 гг. – Москва: Государственное финансовое издательство СССР, 1926. – XII, 270 с. : табл.
15. Статистический ежегодник Народного комиссариата финансов СССР за 1926/1927 гг. – Москва: Государственное финансовое издательство СССР, 1929 – VIII, 227 с. : табл.
16. Статистический ежегодник БССР. 1924 – 1925. Выпуск 2. Часть 1. – Минск: издание ЦСУ БССР, 1926. – 312 с.

УДК 94(4)“654”

ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БАЛКАНАХ И БОЛГАРО-ГРЕЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ (МАРТ – ИЮНЬ 1941 г.)

Анатолий Сальков
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
anatsalkov@mail.ru

Греческий вектор событий на фоне превращения Балкан в начальный период Второй мировой войны в кризисный регион стал важным фактором международной политики. Дипломатические поражения СССР 1940 г. на балканском направлении расширили возможности государств «оси», что привело к их агрессии против Греции и Югославии, создав стратегический перевес на юге Европы и дополнительную угрозу нападения на СССР.

Ключевые слова: Западная Фракия, Болгария в фашисткой оси, «Апрельская» война 1941 г., балканская политика

THE PROBLEM OF WESTERN THACE IN THE INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BALKANS AND BULGARO-GREEK CONTRADICTIONS (MARCH – JUNE 1941)

Anatol P. Salkov
Belarussian State University, Minsk

The Greek vector of events against the background of the transformation of the Balkans in the initial period of the Second World War into a crisis region has become an important factor in international politics. The diplomatic defeats of the USSR in 1940 in the Balkan direction expanded the capabilities of the states of the axis, which led to their aggression against Greece and Yugoslavia, creating a strategic advantage in southern Europe and an additional threat of an attack on the USSR.

Key words: *Western Thrace, Bulgaria in the fascist axis, «April» war of 1941, Balkan politics*

Проблема доступа Болгарии к Эгейскому [в болгарской исторической традиции «Белому». – *А. С.*] морю со времен Балканских войн 1912–1913 гг. являлась главным пунктом болгаро-греческих противоречий и заметной международной проблемой [1, 52–69]. Она занимала значительное место в геополитических построения Коминтерна [2, с. 175–185], была предметом политики памяти и научных интерпретаций и историографиях СССР и всех вовлеченных балканских стран [3, с. 328–338]. Аспирации Германии на

Балканы и фашистская агрессия против Греции в апреле 1941 г. связали данный сюжет с особенностями советской балканской политики [4, с. 50–57].

С начала 1941 г. Советский Союз и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Болгарию. На переговорах главы болгарского правительства Богдана Филова с рейхсканцлером Германии А. Гитлером и министром иностранных дел Иоахим Риббентропом 4 января в Вене Болгарии был обещан возврат Западной Фракии, что предопределило ее присоединение к «оси». Англия и США развили бурную активность, стремясь удержать Софию от вступления в Тройственный пакт. Лондон встал на путь прямых угроз и официально заявил Болгарии, что в случае ее выступления против Греции, подвергнет ее бомбардировке [5, с. 250–255]. Эмиссар президента США Ф. Рузвельта полковник Уильям Донован, прибывший в январе в Софию в рамках своего средиземноморского турне, якобы даже обещал болгарам американские гарантии независимости и выхода к Эгейскому морю в случае их дружественного Британии нейтралитета, что вызвало ироничные и оценки царя Бориса III. Именно в день начала этого визита в Софии приняли решение не противиться вступлению германских войск в страну [6, с. 280–292].

Текст заявления ТАСС 13 января и заявление наркома иностранных дел В. М. Молотова германскому послу в Москве Вернеру Шуленбургу 17 января 1941 г. по болгарским проблемам выдавали очевидный факт – Москва утратила позиции в этой стране и не влияет на развитие событий. Ближневосточный отдел НКИД 24 января подготовил постфактум две справки – «О Фракии» и «О взаимных территориальных претензиях балканских государств» [7, л. 4]. На встрече советского посла В. Г. Деканозова с болгарским посланником в Прваном Драгановым в Берлине 18 февраля по инерции говорилось, что Москве понятно желание Болгарии получить выход в Эгейское море, а София надеется на поддержку этого желания после войны [8, с. 327, 344, 402–403].

После долгих проволочек София под натиском Берлина 1 марта 1941 г. присоединилась к Тройственному пакту. Важным мотивом этого шага была ее уверенность в мирном устранении несправедливостей Нёйиского мирного договора с Болгарией от 27 ноября 1919 г. София поставила условие, что ее армия не будет принимать участия в военных действиях, а партнеры по пакту поддержат ее стремление получить участок эгейского побережья [9, с. 24–25, 28–29, 35]. 1–2 марта 680-тысячная армия фельдмаршала Вильгельма Листа вступила в Болгарию. Население восприняло это как реализацию идеала национального объединения, и встретило немецкие войска цветами и хлебом-солью. Интересно мнение турецкой дипломатии, перехваченное берлинской резидентурой НКГБ СССР в конце февраля: Москва «не примет никаких активных шагов в случае оккупации немцами Болгарии» [10, с. 216]. Что касается Греции, то несостоявшиеся приоритеты ее внешней политики касались сближения с Турцией и наращивания собственной военной мощи [11].

6 апреля 1941 г. Германия начала с болгарского плацдарма агрессию против Югославии и Греции. Событие имело глубокий стратегический смысл. Берлинская резидентура сообщала 11 апреля о плане нападения Германии на СССР с предварительным предъявлением ультимативных требований Москве о ее подчинении германской политике. Причем ультиматум увязывался с подавлением сопротивления Греции и Югославии [10, с. 257]. Еще 8 апреля София получила предложение Гитлера начать оккупацию частей Вардарской Македонии и Беломорской Фракии с установлением там своей администрации с тем, чтобы освободить германские войска от этих функций. Царь с готовностью согласился, но отверг фразу «оккупация» в пользу формулировки «сохранение порядка и спокойствия на занятых германцами территории». 21–22 апреля И. Риббентроп и министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано провели в Вене переговоры о разграничении зон влияния в Югославии и Греции. 24 апреля скромная фигура в МИД Германии, заместитель начальника торгово-политического отдела Карл Клодиус, и болгарский министр иностранных дел Иван Попов подписали кабальное секретное соглашение. «Договор Клодиус-Попов» давал Германии право на разработку полезных ископаемых в Болгарии, а та брала на себя расходы по содержанию немецких войск. Важно, что документом подчеркивался временный характер болгарской власти в ее новых землях, которые не подлежали инкорпорации в состав царства, а определение их окончательного статуса откладывалось до окончания войны [12, с. 263].

Болгарские войска еще до капитуляции Греции начали вторжение (19 апреля – 9 мая), а 23 апреля (в день капитуляции) Греция разорвала дипломатические отношения с Софией [13, л. 11]. Болгары заняли район Западной Фракии, с запада ограниченный руслом р. Струмы, а с востока – линией Свиленград (*тур*. Мустафа-паша) – Кёпрюлю (*греч*. Велес) – Дедеагач (*греч*. Александруполис). При этом в Болгарии отвергается положение греческой историографии о болгарской оккупации Беломорья и используется дефиниция «военно-политическое присутствие», трактуемое как право на ввод своих войск [14, с. 38–94]. В немецкую зону оккупации вошли важные в военном отношении районы – Салоники, часть северного побережья Эгейского моря и большая часть нома (округа) Эврос в Западной Фракии, прилегающего к турецкой границе. Болгария взяла под контроль Восточную Македонию и Западную Фракию, создав 23 мая Беломорскую область с центром в Ксанти. Областным управляющим стал Илия Кожухаров, стремившийся

унифицировать положение в области [15]. Междуречье Струмы и Месты определялось как зона для расселения болгар. Греки из всех новых болгарских провинций переселяли в Старую Грецию [16, л. 22].

В северо-восточном углу Западной Фракии была создана и существовала с апреля 1941 г. по ноябрь 1944 г. демилитаризованная буферная зона (*болг*. Димотишка зона) вдоль греко-турецкой границы по р. Марице. Она имела ширину в несколько километров и проходила по линии греческих населенных пунктов Ферес (*болг*. Фере, *тур*. Фереджик) – Суфли (*болг*. Софлу, *тур*. Софулу) – Дидимотихон (*болг*. Димотика, *тур*. Диметока) – восточнее Орестиаса (*болг*. Орестиада, *тур*. Кумчифтли). В этой зоне была сформирована «Марицкая префектура» с греческой администрацией под германским контролем [17, с. 355]. В болгарском обиходе имеется мнение о том, эта зона предназначалась Турции на случай ее присоединения к оси.

Статистика занятого «Беломорья», которое сравнивалось с хорватской Далмацией и итальянской Ривьерой, была приведена в статье «Болгарское “Белое море”» в немецкой газете «Münchner Neueste Nachrichten» («Мюнхенские последние новости») за 25 сентября: Западная Фракия (между реками Марицей и Местой) занимала площадь 8 712 кв. км, Эгейская Македония (между Местой и Струмой) – 6 565 кв. км, эгейские острова Тасос и Самотраки – 565 кв. км. Итого 15 842 кв. км при общей численности населения свыше 600 тыс. человек [18, с. 196–197]. В современной болгарской историографии утвердилась цифра 14 168 кв. км [12, с. 264]. Причем сам характер болгарской власти (вопреки положениям «договора Клодиус-Попов») оценивается как национальное объединение страны. Болгарское управление в Беломорье подается как вполне стационарное. Болгария, экономически обосновываясь на берегу Эгейского моря, в 1941 г. начала возведение государственной судостроительной верфи в Кавале [19; 20].

Отметим неразбериху в советском руководстве касательно характера Апрельской войны. Генсек Исполкома Коминтерна Георги Димитров и секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов 9 апреля сочли нецелесообразным выступать в тот момент с коминтерновским первомайским воззванием: «Делать подробный анализ – значит в некоторой степени раскрывать свои карты, дать повод для неблагоприятного использования врагам и пр.» [21, с. 107]. Вместо воззвания были разработаны вполне нейтральные Директивы компартиям капиталистических стран о проведении 1 мая [22, с. 254–256]. 12 апреля за разъяснениями о характере войны к Димитрову обратилась редактор журнала «Коммунистический Интернационал» К. А. Самуйлович. Все это побудило Димитрова обсудить 18 апреля проблему с И. В. Сталиным, который согласился с предложением считать войну Греции и Югославии против Германии справедливой, но являющейся частью империалистической войны. Болгарская рабочая партия (БРП) также срочно запрашивала 4 мая совет об отношении к «освобождению» Фракии и Македонии [23, с. 110–111]. Однако неясность все равно оставалась, так как Москва избегала открыто и четко декларировать свою позицию. Берлин же, кроме дипломатического, провел и историко-документальное обоснование «апрельской войны». МИД Германии издал сборник документов, в числе которых было 102 документа, касающихся захвата Югославии и 42 – Греции [24, л. 139–171].

Общественная эйфория в Болгарии по поводу национального объединения не позволяла осознать, что оно в значительной степени было фиктивным, так как болгарские войска и администрация на присоединенных землях подчинялись германскому командованию. Глава советской миссии в Софии А. А. Лаврищев направил в центр записку «Экономическое положение в Болгарии» от 30 сентября 1941 г. Комментируя оценки болгарской печати о большом экономическом значении полученных из немецких рук Западной Фракии и Македонии, в записке делался вывод: не известно «как будет выглядеть будущее», а в настоящий момент эти присоединения играют «скорее отрицательную роль в экономической жизни Болгарии» [7, л. 92–95].

Пресса государств «оси» позитивно отозвалась на выход Болгарии к Эгейскому морю. «Deutsche Allgemeine Zeitung» («Немецкая всеобщая газета») дала проболгарский исторический обзор македонского вопроса (16 апреля); отметила, что Фракия, старая болгарская земля, снова в руках Болгарии – «на этот раз окончательно» (12 мая); писала о лихорадочной подготовке в Болгарии к легализации присоединения Фракии и Македонии (14 мая). «Salzburger Landes Zeitung» («Зальцбургская земельная газета») сделала вывод, что Македония не играет самостоятельной политической роли на Балканах, хотя и представляет особую географическую область с выраженным болгарским характером населения (20 апреля). Будапештская «Pester Lloyd» говорила о 330-тысячном болгарском населении на присоединенных греческих областях (23 апреля). Венская «Neues Wiener Tagblatt» писала о славянском большинстве в Македонии, которое чувствует себя болгарским (25 апреля). Римский «Corriere della Sera» («Вечерний вестник») вопрошал, как Болгария могла «столь долго быть полностью отрезанной от Белого моря» (27 апреля). Берлинская «Das Reich» считала, что сильная Болгария будет «гарантом европеизации Балкан» (15 июня); приводила свою статистику прироста болгарской территории и населения (13 июля). Загребский «Нови лист» поддерживал болгарский захват сербской Македонии на фоне установившихся сердечных болгаро-хорватских отношений (15 июля). Германское телеграфное агентство цитировало Б. Муссолини, заявившего, что Македония болгарская земля, а Западная Фракия – «бессмысленный и вредный коридор, который мешал Болгарии достичь Белого моря» (23 июля 1941 г.) [18, с. 169–172, 176–177, 181–186].

Германия принимала все возможные меры, чтобы включить и Турцию в фарватер своей политики. По агентурному сообщению, полученному НКГБ СССР 28 апреля 1941 г. из Берлина, немцы обещали Турции часть Западной Фракии и другие территории, которые возможно включали и некоторые районы советского Закавказья [25, с. 128]. Это сообщении было разослано 30 апреля высшему советскому руководству, акцентируя сюжет о том, что «немцы обещали Турции часть Фракии…, а также отторжение некоторых советских районов на Кавказе в пользу Турции» [10, с. 295–296].

В эти дни советскому полпредству в Румынии стали известны настроения турецкой миссии: боязнь, что немцы могут в два дня захватить Проливы, так как «Фракию [Восточную. – *А. С.*] туркам не удержать». В начале июня в Анкаре получили широкое хождение слухи о том, что во время берлинских бесед В. М. Молотов требовал военных баз в Проливах и передачи Болгарии части турецкой Фракии [26, с. 747–749]. Советская резидентура сообщала из Софии 4 июня о том, что продолжался отвод германских войск из Болгарии и Греции в Румынию к советской границе. Это влекло окончательную оккупацию Греции болгарскими войсками. При этом Царь Борис и Б. Филов старались «выторговать себе за это ряд территорий и на юге [в греческой и югославской частях Македонии, в греческой Западной Фракии. – *А. С.*], и на севере [в районе румынской Добруджи. – *А. С.*] [10, с. 346–347].

18 июня 1941 г. Турция подписала в Анкаре Договор о территориальной неприкосновенности и дружбе с Германией. Примечательно, что в первой половине июня в болгарской провинциальной прессе («Черно море», «Народна борба», «Вечерня бургаска поща») распространялись идеи о намерении СССР выйти через Персидский залив в Индийский океан, отчего вопрос о Дарданеллах утратил бы свою болезненную актуальность [7, л. 170–172].

«Беломорская проблема», зажатая в годы Второй мировой войны между греческим и болгарским полюсами советской внешней политики, оказала большое влияние на позицию Болгарии. Несмотря на сильный прессинг Берлина, Болгария единственной из стран «оси» сохранила дипломатические отношения с СССР после начала советско-германской войны [27, с. 547–568]. Более того, болгарская миссия в Москве специальными нотами в НКИД от 24–25 июня 1941 г. приняла на себя заботу об интересах на территории Советского Союза воюющих против него Германии, Румынии и Венгрии [28, л. 57–59].

1. Сальков А. П. «Беломорская» проблема как фактор международных отношений (XIX–XX вв.) // Вопросы истории (Москва). 2006. № 3. – С. 52–69.
2. Сальков А. П. Проблема болгарского выхода к Эгейскому морю в советской внешней политике и планах Коминтерна (1923–1938 гг.) // Внешнеполитические интересы России: история и современность: матер. V Всерос. науч. конф., Самара, 27 апреля 2018 г. / А. Н. Сквозников (отв. ред.). – Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. – С. 175–185.
3. Сальков А. П. Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: матер. междунар. науч. конф., Минск, 5 октября 2018 г.) / С. Н. Ходин (отв. ред.) – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 329–338.
4. Сальков А. П. Фашистская агрессия против Греции в балканской политике СССР (октябрь 1940 – июнь 1941 г.) // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікая Айчынная вайны 1941–1945: сб. навук. артык. / Гомельскі дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; редкол.: М. М. Мязга). – Гомель : ГДУ, 2020. – С. 50–57.
5. Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Е. Л. Валева (отв. ред.). М. : Наука, 2003. – 464 с.
6. Збоев А. В. Активизация политики США на Балканах в начале 1941 г.: визит полковника У. Донована в Софию // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. 2014. № 2. С. 280–292.
7. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 74 (Референтура по Болгарии). Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 10.
8. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Т. XXIII: в 2 кн. / редкол. Г. Э. Мамедов [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–1998. Кн. 2 (1): 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. 1998. – 444 с.
9. България своенравният съюзник на Третия райх. Сб. док. / Витка Тошкова (съст.). – София : Изд. «Св. Георги Победоносец», 1992. – 362 с.
10. Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. 1939–1941 / Л. Ф. Соцков (сост.). – М. : Вече, 2021. – 480 с.
11. Квашнин Ю. Д. Греция в международных отношениях (1936–1941). – М. : Изд-во МГУ : Греческий культурный центр, 2011. – 216 с.
12. Филчев Иван. Тракийският въпрос и тракийското движение в България. – София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2007. – 363 с.
13. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 25. П. 14. Д. 8.
14. Йончев Димитър. България и Беломорието (октомври 1940 – 9 септември 1944 г.). Военнополитически аспекти. – София: Дирум, 1993. – 200 с.
15. Райчевски Стоян. Беломорска България (1941–1944). – София : Български бестселър, 2010. – 352 с.
16. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 8.
17. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944: в 4 т. / Добрин Мичев (отг. ред.). – София : Македонски научен институт, 1994–2003. Т. 4: Освободителните борби след Първата световна война. 1919–1944 / Стоян Германов (ред. на том). 2003. – 478 с.
18. Райчевски С. Българите в световните хроники 1939–1943. – София : Български бестселър, 2003. – 332 с.

19. Стоянова Ваня. Беломорието под българското управление през Втората световна война // Националното обединение на България 1940–1944 г. Сборник доклади от националната научна конференция в Благоевград, 14–15 април 2011 г. / съст. Трендафил Митев, Александър Гребенаров. София : Македонски научен институт, 2012. С. 59–75.
20. Славов Слави. Българската държавна корабостроителница в Кавала 1941–44 г. // Пак там. С. 403–414.
21. Димитров Георги. Дневник, март 1933 – февруари 1949. Избрано. – София : «Изток-Запад», 2003. – 509 с.
22. Димитров и Сталин (1934–1943): писма от съветските архиви / Александър Далин, Ф. И. Фирсов (съст.). – София : Прозорец, 2003. – 365 с.
23. Коминтерн и Вторая мировая война. [Документы]: в 2 ч. – М. : Памятники историч. мысли, 1994–1998. Ч. 1: до 22 июня 1941 г. 1994. – 554 с.
24. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9401 («Особая папка» И. В. Сталина; «Особая папка» В. М. Молотова. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1956 гг.). Оп. 2. Д. 141.
25. 1941 год. [Документы]: в 2 кн. / Л. Е. Решин (сост.). – М. : МФД, 1998. Кн. 2. – 752 с.
26. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Т. XXIII: в 2 кн. / редкол. Г. Э. Мамедов [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–1998. Кн. 2 (2): 2 марта 1941 – 22 июня 1941. 1998. – 448 с.
27. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
28. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 2.

УДК 94 (476) “1944/1991”: 614.2:364

ОПЫТ ШЕФСКОЙ РАБОТЫ ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА БССР С УЯЗВИМЫМИ КАТЕГОРИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ

Юлия Бахир
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Витебск, Беларусь
yu.bahir@yandex.ru

В статье отражены направления шефской деятельности Общества Красного Креста БССР. Основное внимание акцентировано на работе с уязвимыми категориями населения. На основе архивных источников установлено, что существовавшие формы и методы работы были тесно взаимосвязаны и во многом обусловлены деятельностью государственных органов.

Ключевые слова: шефство, Красный Крест, Общество Красного Креста БССР, инвалиды, молодежь, медико-социальная работа

THE PATRONAGE WORK OF THE BSSR RED CROSS SOCIETY WITH VULNERABLE CATEGORIES OF THE POPULATION

Julia Bahir
Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

The article considers the directions of patronage activities of the BSSR Red Cross Society. Special attention is focused on working with children, youth, and the disabled. Based on archival sources, it is established that the existing forms and methods of work were closely interrelated and determined by the activities of state bodies.

Keywords: patronage, Red Cross, Red Cross Society of the BSSR, disabled people, youth, medical and social work

В современных условиях динамично развивающихся отношений в политико-правовой, экономической и духовной сферах жизни общественные формирования являются важным ресурсом по содействию решения целого ряда проблем, с которыми сталкиваются органы государственной власти и управления. Здесь нельзя обойтись без активизации деятельности общественных организаций, важное место среди которых принадлежит Белорусскому Обществу Красного Креста (БОКК). В этой связи представляется необходимым обратиться к историческому опыту шефской деятельности как социальной активности и распространённой практике в советское время.

Шефство как форма общественной помощи было распространенным явлением в СССР, носило систематический и безвозмездный характер. В зависимости от адресата помощь, которую оказывал Красный Крест, условно можно разделить на общественно-коллективную и адресную (персональную). Если коллективная была распространена среди комитетов Красного Креста БССР практически весь период его

деятельности, то объемы адресной шефской помощи чаще всего зависели от возможности проводить добровольные сборы пожертвований или зарубежной гуманитарной помощи несмотря на то, что в отчетных документах персональное шефство присутствовало всегда. Таким образом, особое внимание адресному шефству уделяли в годы становления советской власти, после Великой Отечественной войны и в годы перестройки.

В документах ОКК не дано чёткого определения понятию «шефство», в связи с чем в военные и первые послевоенные годы оно было связано с попечительством, оказанием социальной помощи детям-сиротам, детским домам и домам ребенка, иным социальным и оздоровительным учреждениям. С отменой практики сбора средств и упразднением шефских комиссий в начале 1950-х гг. понятие было преднамеренно наполнено иным содержанием и включало проведение мероприятий массово-организационного и агитационного характера,

В данной работе мы рассмотрим основные направления шефства в период с 1944 по 1991 гг., поскольку к системной и организованной шефской работе ОКК приступило после полного освобождения БССР. Представители организации входили в состав шефских комиссий и попечительских советов, активисты были закреплены в помощь персоналу детских домов и домов ребёнка, помогали в ведении подсобного хозяйства и организации культурно-просветительских мероприятий [1, лл. 26, 50]. Комитеты КК организовывали сбор средств в помощь детям-сиротам, оказывали материальную помощь многодетным и неполным семьям [2, л. 3]. Также, будучи попечителем, Красный Крест по собственной инициативе ввел практику закрепления медсестер и сандружинниц для медико-санитарного обслуживания детских домов [4, лл. 54, 55].

Согласно «Положению о попечительстве (шефстве) ОКК над детскими домами и интернатами инвалидов Отечественной войны системы органов социального обеспечения БССР», принятого в 1945 г., основной задачей ОКК являлась помощь учреждениям в улучшении культурно-бытового и медико-социального обслуживания [3, л. 4]. Комитеты ОКК на свои средства приобретали оборудование и продукты, передавали их детским учреждениям. Шефская работа была крайне необходима. Например, в 1945 г. в детдомах Витебской области при группе в 25 человек было обеспечено нижним бельем только 13 детей, около 10 % детдомов не имели дров на зиму [4, лл. 54, 55].

Шефская деятельность включала в себя работу с учреждениями, а также с беспризорными детьми, семьями, которые сталкивались с трудностями в обеспечении. Для организации работы в учебных заведениях были создана школьная и юношеская секции при ЦК и областных комитетах. Учащиеся изучали основы гигиенических знаний, контролировали состояние помещений, получали подготовку по нормам ГСО и БГСО. В связи с соединением школьного обучения с производственным в БССР возросла роль санактива по профилактике травм. Для улучшения условий учёбы повсеместно проводились смотры санитарных постов, проверялось усвоение школьниками знаний, умений и навыков по ступеням юного пионера. Проходили слёты с повесткой дня «Санитарный актив школ – помощник медицинских работников». Получили распространение олимпиады на санитарно-гигиенические темы. Стала развиваться такая новая форма работы с молодёжью как клубы юных медиков, активно пропагандировавшие медицинские знания и всемерно улучшали профориентацию подростков. Первый такой клуб по примеру Москвы был в 1960 г. открыт в Минске [5, лл. 62-64].

Если работа с детьми нашла своё отражение в деятельности ОКК на протяжении всего изучаемого периода, то мероприятия по помощи нетрудоспособному населению наиболее востребованными оказались в связи с Великой Отечественной войной. В постановлении СНК БССР от 11 апреля 1944 г. № 161 «О порядке хранения и распределения носильных вещей из фонда Красного Креста» в пункте 2 содержалось указания о том, чтобы поступавшие вещи от КК использовали для нужд остро нуждавшихся семей военнослужащих, партизан и помощи пострадавшему пребывающему населению из немецкого тыла, а также населению, пострадавшему от немецкой оккупации, которым отказывали в выдаче помощи на местах по письменным запросам [6, л. 7].

Особое внимание комитеты ОКК сосредоточили на оказании помощи раненым и больным, находившимся в эвакогоспиталях. Данное направление стало развиваться еще до полного освобождения БССР и организационного восстановления структуры самого ОКК. Налаженная работа позволила только за период 1943 – 1944 гг. передать учреждениям такого типа свыше одного миллиона предметов обихода, оборудования и комплектов белья. Как отмечали сами участники войны, особенно важна для них была забота и психологическая поддержка – в архивных документах остались свидетельства об активистах Красного Креста, которые «лечили добрым словом» [7, л. 222].

ОКК оказывало помощь в оборудовании интернатов для инвалидов и ветеранов, ведении их подсобного хозяйства. Медсестры и сандружиннницы оказывали содействие в медико-санитарном и бытовом обслуживании населения. Оказывалась адресная помощь по результатам обследования бытовых условий инвалидов войны, которых брали на учёт и за которыми закрепляли коллективы первичных организаций. Например, зубопротезные мастерские республики за свой счёт делали протезы для подшефных

инвалидов [9, л. 7]. Социально уязвимым категориям взрослого населения регулярно оказывалась адресная материальная помощь. Но препятствием в осуществлении деятельности такого рода было частое отсутствие в послевоенное время транспорта для развоза собранной для инвалидов и семей погибших одежды, обуви, продуктов питания и дров. Как раз здесь могла выручить практика прикрепления инвалидов к предприятиям.

Основная сложность шефской работы на этом этапе заключалась в поиске и сборе средств [8, л. 32], на которые комитеты закупали одежду и обувь, выдавали путевки в санатории ЦК ОКК БССР. В 1947 г. Могилевским обкомом ОКК было собрано 64826 руб., около 15 тонн продуктов питания, 13 000 руб. было роздано деньгами инвалидам Отечественной войны [9, л. 5]. При необходимости комитеты ходатайствовал о предоставлении отпуска и курортном лечении самих работников, также оказывал денежную помощь, ремонт квартир инвалидам, многодетным матерям – рабочим и их близким родственникам [10, л.7;11, лл.18,21].

Материальная помощь часто дополнялась или заменялась практической, т.к. объемы сборов дарственных средств от ОКК к этому времени уменьшились. Так, первичка Витебского игольного завода, взяв шефство над двумя круглыми сиротами Иващенко, оказывала им существенную материальную и трудовую помощь. Весной 1949 г. семье оказана помощь выдачей 50 кг семенного картофеля, а также вспахан огород, подвезены к зиме дрова. Детям были закуплены ботинки, платье, костюм, белье, шапки, теплые фуфайки [12, л.105]. Работа игольного завода была признана в числе лучших организаций области, проводивших шефство наряду с фабрикой «Знамя индустриализации» и первичкой Оршанского льнокомбината [13, л.25].

В послевоенный советский период органы власти и профильные государственные учреждения продолжали определять круг задач, стоявших перед краснокрестными организациями по оказанию всесторонней помощи. В итоге, если органы здравоохранения отвечали за их медицинскую часть, торговли – за снабжение товарами и продуктами, кооперация – за трудоустройство, то ОКК участвовало во всех мероприятиях. С одной стороны, это свидетельствовало о многопрофильности данной организации, но с другой – о её перегруженности проведением различных акций, когда сделать все качественно получалось не всегда, и ряд проблемных вопросов по социальному обслуживанию не решался.

Резкое расширение краснокрестной деятельности социального характера в отношении инвалидов и ветеранов пришлось на перестройку. Этому содействовало в числе прочих и постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 14 мая 1985 г. о мерах по улучшению благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей [14, л. 7]. Для усиления координации работы Общества с учреждениями здравоохранения и социального обеспечения использовались приказ МЗ СССР от 2 июля 1985 г. о совершенствовании медицинской помощи лицам старших возрастов и постановление ЦК КПБ, СМ БССР, Белсовпрофа от 26 июля 1985 г. о мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей. Исходя из них ОКК реализовывало мероприятия по совершенствованию оказания медико-социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам. Приоритетными направлениями деятельности оказались также совершенствование финансовой работы и создание единого фонда содержания службы милосердия.

В годы перестройки изменились задачи и функции ОКК БССР, произошла переориентация на социальную работу и благотворительность. Расширена работа среди детей, пенсионеров и нетрудоспособных, малообеспеченных и неполных семей. ОКК стало уделять больше внимания участникам и инвалидам ВОВ, воинам-интернационалистам, родителям и вдовам военнослужащих, погибших при защите Родины. На первое место вышли потребности людей, в то время как ранее несовершенство системы планирования приводило к искусственному смещению приоритетов, и многие важные направления работы оставались в тени.

В 1985 – 1991 гг. более активной стала работа со студенческими стройотрядами по улучшению их медико-санитарной части. Были смещены акценты на социальную помощь населению, в которой принимали участие и сама молодежь. Налажено взаимодействие с отрядами милосердия, оказывавших помощь уязвимым категориям населения. После аварии на Чернобыльской АЭС основное внимание было сосредоточено на помощи детям из пострадавших областей, где школьникам была предоставлена возможность получить бесплатное оздоровление [15, л. 119].

ОКК сотрудничало с другими общественными организациями, пропагандистская деятельность была связана с обществом «Знание», Часть патронажных медицинских сестер содержалось за счет Общества слепых [14, л. 5]. С 1988 г. заботу об инвалидах взяло Белорусское общество инвалидов, что дало для ОКК возможность развивать другие направления [16, л. 1]. После аварии на Чернобыльской АЭС помощь зарубежных организаций стала поступать лишь к концу 1980-х гг. Долгое время Красный Крест оказывал помощь нуждавшимся, опираясь на финансовую помощь государства, Швейцарского Красного Креста и Международной Федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Таким образом, работа ОКК на всех этапах его деятельности способствовала сохранению и укреплению здоровья населения, в частности, Общество брало на себя часть заботы о наиболее

незащищенных категориях населения. Здоровье человека являлось достоянием общественности и основой благосостояния государства, для органов здравоохранения и социального обеспечения Красный Крест БССР выполнял роль помощника, организатора и агитатора среди населения. Задачи, стоявшие перед Красным Крестом, свидетельствовали о широких возможностях организации, вследствие чего доказательством эффективности в отдельные периоды служили формально количественные показатели, что сказывалось на качестве предоставляемых услуг. Наибольшую активность и самостоятельность в шефстве Общество Красного Креста проявило в послевоенный период и в годы перестройки.

*Работа выполнена при поддержке БРФФИ (проект № Г20М-093, Рег.№ 20201225 от 06.07.2020 «Потенциал общественных организаций в решении медико-социальных проблем (на примере деятельности Белорусского Общества Красного Креста в 1921 — 2000 гг.)»).

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9501. Оп. 2. Д. 726.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 254. Оп. 3. Д. 3.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМогО). – Ф. 892. Оп. 1. Д. 8.
4. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 17. Д. 51.
5. НАРБ. - Ф. 254. Оп. 3. Д. 595.
6. НАРБ. – Ф.102. Оп.3.Д.1.
7. Зональный государственный архив в г. Мозыре. – Ф. 505. Оп. 1. Д. 7.
8. НАРБ. – Ф. 254. Оп. 3. Д. 228.
9. ГАМогО. – Ф. 892. Оп. 1. Д. 30.
10. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 1181. Оп. 2. Д. 20.
11. ЗГА г. Мозыря. – Ф. 867. Оп. 1. Д. 22.
12. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2889. Оп. 1. Д. 104.
13. ГАВО. – Ф. 2889. Оп. 1. Д. 18.
14. НАРБ. - Ф. 254. Оп.3 Д. 826.
15. НАРБ. - Ф. 254. Оп. 3. Д. 854
16. НАРБ. – Ф. 254. Оп. 3. Д. 495.

УДК 931

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ (СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 гг.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Оксана Харченко
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина. Брест, Беларусь

В статье дан обзор основных исторических работ, в которых отражено изучение религиозной политики советской власти в западной части Беларуси в период 1939-1941 гг.

Ключевые слова: историография, религия, атеизм, идеология, антирелигиозная пропаганда, западные области Беларуси

RELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET POWER ON THE TERRITORY OF THE WESTERN REGIONS OF BELARUS (SEPTEMBER 1939 – JUNE 1941): HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

Oksana Kharchenko
Brest State A.S. Pushkin University, Brest, Belarus

The article provides an overview of the main historical works, which reflect the study of the religious policy of the Soviet government in the western part of Belarus in the period 1939-1941.

Keywords: historiography, religion, atheism, ideology, anti-religious propaganda, western regions of Belarus

История православной церкви на территории Белорусской ССР, как и история взаимоотношения церкви и советского государства еще недостаточно изучена. Длительный период эта проблема не изучалась,

либо изучалась односторонне. Объясняется это в первую очередь полным игнорированием церковной проблематики советскими исследователями как неактуальной в связи с проводимой в СССР на протяжении десятилетий государственной антирелигиозной политики. Долгое время имел место односторонний анализ вопросов, связанных с деятельностью церкви, зачастую несоответствующий действительному положению дел.

Целые десятилетия многие документы об антирелигиозной политике большевиков хранились в секретных архивах, а атеисты и религиоведы в СССР создавали миф об агрессивной, антигосударственной и антинародной сущности Церкви. С этой целью передергивались факты, вырывались из исторического контекста события, освещение которых приправлялось выгодными цитатами из посланий Патриарха, духовенства и Соборных Определений. Тем не менее, довольно много информации можно почерпнуть из работ авторов-атеистов, начиная с основоположников коммунистического учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, которыми были определены роль и место революции и церкви в коммунистическом государстве, и заканчивая трудами многих авторов советского периода, так как вплоть до начала 90-х гг. XX в. вся советская научная мысль по вопросу государственно-правовых отношений имела своей базой работы основоположников марксизма-ленинизма. Ярко выраженную атеистическую направленность содержат произведения ряда советских авторов, «разоблачающих» сущность религии и деятельность церкви на территории Беларуси [1]. Рассматривая проявления патриотизма со стороны церкви, типичный советский исследователь истории религии *Корзун М.С.* указывает, что «к началу Великой Отечественной войны «сергеевская церковь» продемонстрировала возможности приспособления православия к новым социалистическим условиям, поскольку верующие наивно считали церковь полезной для строительства коммунизма» [2]. Важный фактический материал, отражающий политику советской власти в отношении церкви, представлен в материалах партийных и советских органов, прокуратуры и НКВД, общественных организаций, центральной и местной периодической печати.

По понятным обстоятельствам первые труды по рассматриваемой теме появляются и за рубежом: *Соколов П.* «Путь Русской Православной Церкви в России – СССР (1917-1961 гг.) // Русская Православная Церковь в СССР (Мюнхен: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР, 1960). В 1984 г. на английском языке вышел труд канадского историка *Дмитрия Поспеловского* «Русская церковь при советском строе» («The Russian Church under the Soviet Regime»).

Новый этап изучения церковной проблематики начинается с конца 1980-х – начала 90-х гг. В 1995 г. в Москве вышли труды *Г. Штриккера* «Русская Православная Церковь в советское время» и *М.И. Одинцова* «Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны». В 1995 г. в Москве было издано исследование *Дмитрия Поспеловского* «Русская Православная Церковь в XX веке», в котором автор делает краткий обзор истории РПЦ, указывая при этом на прорусскую ориентацию митрополита Пантелеимона Рожновского. Исследование ценно не только выявлением общих тенденций развития православия в XX веке, но и анализом отношений государства и церкви.

Представляет интерес для понимания советской политики в отношении православия сборник документов и фотоматериалов «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917-1941 гг.» [3], посвященный истории взаимоотношений между церковью, духовенством и мирянами с одной стороны и советским государством с другой. Составителями сборника явились ученые Института российской истории Российской Академии наук и сотрудники российских федеральных архивов, где собирались подлинники и копии соответствующих документов. Следует отметить работу «Политбюро и Церковь 1922-1925 гг.» под редакцией *Н. Покровского и С. Петрова* (первый том вышел в 1997 г., второй – в 1998 г.).

В работах исследователей, посвященных истории взаимоотношений советского государства и Церкви непосредственно на территории западных областей Беларуси, фактически не рассматривались вопросы специфики осуществления программы по созданию «безбожного» государства в западных областях БССР с сентября 1939 по июнь 1941 г. Прежде всего это касается таких работ, как: *Першец М.М.* «Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР» (М., 1958); *Вещиков А.* «Советские законы о религиозных культах» (М., 1962); *Куроедов В.А* «Религия и церковь в Советском государстве» (М., 1981); *Розенбаум Ю.А.* «Советское государство и церковь» (М., 1985); *Корзун М.С.* «Русская православная церковь (1917–1945): Изменения социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения» (Минск, 1987); *Круглова А.А.* «Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.)» (Мн., 1989); «Русское православие: вехи истории» / Науч. ред. *А.И. Клибанов* (М., 1989); *Дашевский В., Чернин В., Яглом Е.* Иудаизм в СССР. / На пути к свободе совести. / Сост. и общ. ред. *Фурмана Д.Е.* и *о. Марка (Смирнова).* – М., 1989. – С. 449 – 465.

Исследования, посвященные изучению Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг., начались еще в 1920 – 30-е гг. Для работ этого времени характерен преимущественно публицистический стиль и информационно-пропагандистский характер. Главная цель публикаций – аргументировано подтвердить, что религиозная политика польских властей являлась проявлением угнетения и полонизации белорусского населения,

показать необходимость объединения Западной Беларуси с БССР [4]. При этом основное внимание в исследованиях отводилось проблемам национально-освободительной борьбы западнобелорусских рабочих и крестьян. Так, изучению деятельности КПЗБ в организации освободительного движения посвящено исследование *П. Зелинского* [5].

В незначительной степени затронут вопрос советской религиозной политики в западных областях Беларуси в период с сентября 1939 по июнь 1941 гг. *Р. Надольским* в исследовании «Религия и атеизм в Западной Белоруссии» в сборнике «Атеизм в наступлении» (Мн., 1973. – С. 66-84). Факт воссоединения Западной Беларуси с БССР автором подан как освобождение народных масс от религиозного гнета и возможность развития неверия и атеизма. Процессы атеизации края им рассмотрены с точки зрения «естественного отмирания религии, ненужной и чуждой в социалистическом обществе». Тем не менее, работа исследователя была первой попыткой осветить процесс отлучения белорусского народа от религии в годы советской власти. Не обделили своим вниманием этот вопрос и авторы фундаментального труда «История русской церкви. 1917–1997» (М., 1997), в котором рассматриваются вопросы изменений в управлении православными епархиями в западных областях и республиках, присоединенных к СССР в 1939–1941 гг., а также в общих чертах обрисованы основные направления, по которым осуществлялись репрессии в отношении ПЦ на новых землях.

Внимание заслуживает исследование доктора исторических наук *М.В. Шкаровского* «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах» [6]. Работа явилась одной из первых в российской историографии попыток представить общественную картину церковно-государственных отношений в СССР в период правления Сталина и Хрущева. Особый интерес представляет обширный корпус опубликованных источников, в числе которых и ранее недоступные архивные материалы, впервые введенные в научный оборот, в частности, посвященных сентябрьским событиям 1939 г. В рамках исследования феномена советского государства проявляли интерес к вопросам взаимоотношения большевистской власти и верующих зарубежные авторы. Так, проблему секуляризации школы в западных областях Белоруссии и Украины рассматривал американский профессор, социолог *Дж. Гросс* (*Jan T. Gross*. Revolution from the Abroad: The Soviet Conquest of Poland´s Western Ukraine and Byelorussia. Princeton. – New Jersey, 1988).

В советский период отечественной истории тема государственно-церковных отношений рассматривалась в основном не столько с научных позиций, сколько с точки зрения политической целесообразности, практической надобности органов власти и управления. Зачастую обращение к данной проблематике стимулировалось потребностями партийных органов в «разоблачении» религии и духовенства, в проведении антирелигиозной пропаганды. Вот почему в большинстве вышедших уже в первое послереволюционное десятилетие работ государственная церковная политика априори рассматривалась как конструктивно-положительная, тогда как религия и религиозные организации рассматривались как «контрреволюционные», «пережиток прошлого». Хотя выходили и содержательные, расходящиеся с официальной точной зрения работы [7].

С конца 1920-х и в 30-е гг. проблематика государственно-церковных отношений, возможного изменения их правовой базы, методов государственного регулирования деятельности религиозных организаций и т.д. рассматривалась исключительно через призму «теории» об обострении классовой борьбы в условиях строительства социализма в отдельно взятой стране. В литературе тех лет практически нельзя было встретить никакой иной, кроме официальной точки зрения. Господствовал «разоблачительный» и «угрожающий» стиль в книгах, статьях, брошюрах таких авторов, как *Абросенко К.П., Кандидов Б.П., Каширин П., Коган Ю., Мегружан Ф., Путинцев Ф.М., Ярославский Е.М.* [8].

В Нью-Йорке в 1956 г. была опубликована работа *Ивана Касяка* «З гісторыі праваслаўнай Царквы беларускага народу» [9], заслуга автора заключается во введении в научный оборот новых документов, в то время малоизвестных научной общественности Республики Беларусь.

В 1950 – 60 – х гг. и первой половине 70 – х гг., авторы, обращавшиеся к освещению истории взаимоотношений советского государства и религиозных организаций, в своих оценках не выходили за рамки общепринятых взглядов, сформировавшихся в довоенный период. «Эксплуатировались» одни и те же исторические сюжеты и факты, в качестве подпорок для выводов и заключений выставлялся бесконечный ряд цитат из трудов партийных и государственных лидеров, решений и постановлений партийных органов и правительства. В значительной мере это объяснялось идеологическими установками правящей коммунистической партии на построение «бесклассового и безрелигиозного общества», на расширение антирелигиозной деятельности, оборачивающейся на практике административным давлением на верующих и религиозные организации. Все это было непреодолимым барьером на пути объективного и углубленного теоретического осмысления вопросов государственной церковной политики, как в дореволюционном, так и в советском периодах отечественной истории. Но было бы несправедливым не видеть на этом общем фоне все-таки попыток со стороны отдельных авторов выйти за рамки дозволенного, критически осмыслить опыт церковной политики советского государства, ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные

материалы [10]. Эти же тенденции проявлялись в коллективных трудах, подготовленных Музеем истории и атеизма (Ленинград), Институтом научного атеизма АОН при ЦК КПСС.

Негативной роли религии в истории белорусского народа, когда конфессиональная политика рассматривалась с атеистических позиций посвящены работы белорусских исследователей *Я. Мараша* [11], где, в частности, показана борьба рабочих против "клерикализма", а также исследования Н. *Анциповича* и *Н. Гончарова* [12].

В конце 1970-х гг. в условиях возрастающего интереса к церковной истории своей страны намечается отход от «антирелигиозных догм». Выходит, в свет немалое число работ, рассматривавших эволюцию государственно-церковных отношений в различные периоды отечественной истории XX века, хотя и им был еще присущ элемент определенной заданности в оценках, но все же привносились новые факты, свидетельства, высказывались неординарные суждения. Значительного внимания заслуживают работы таких авторов, как *Андриенко Л.А., Барменков А.И., Бражник И.И., Гольст Г.Р., Гордиенко Н.С., Клочков В.В., Куроедов В.А., Фуров В.Г.* [13].

Естественно, с позиций сегодняшнего дня видно, что как общественным наукам в целом, так и такой дисциплине как «научный атеизм» присущи были методологические недостатки: ведущим принципом было обоснование «преимуществ» социалистического понимания принципа свободы совести перед буржуазным, преобладала апологетически-комментаторская направленность, догматизм подходов и стереотипность выводов. Существенно мешала продвижению и узость документальной базы исследований, поскольку основной массив документов, касавшийся государственно-церковным отношений, оставался в спецхранах и спецфондах, и был труднодоступен для ученых.

Период с начала 1990-х гг. и по настоящее время характеризуется преодолением былых недостатков в исследовании проблем свободы совести и вероисповедания в истории Республики Беларусь и Российской Федерации. В РФ плодотворно разрабатывают данную проблематику *Алексеев В.А., Лещинский А.Н., Митрохин И.А., Тимофеева С.Л., Савельев В.Н.* [14].

В историографии исследуемой проблемы можно выделить отдельную группу работ, принадлежащих перу церковнослужителей. На исследования конфессиональных историков значительное влияние оказывала их принадлежность к определенному религиозному направлению. В работах иеромонаха Ювеналия, митрополита Иоанна доказывается оправданность позиций руководства религиозных объединений, несколько даже идеализируется отношение самой советской власти [15]. В Аргентине, в Буэнос-Айресе в 1966 г. вышла в свет книга «Беларусь в исторической государственной и церковной жизни» *архиепископа Афанасия Мартоса*, инока Почаевской лавры, магистра православного богословия Варшавского университета, бывшего епископа Витебского и Полоцкого [16]. Исследование *иеродиакона Василия (Костюка)* «История Полесской епархии (1922–1944 гг.)» (Брест, 1999) является пока единственным опытом комплексного исследования, обобщения и осмысления на примере истории Полесской епархии в указанные годы.

К церковным исследованиям последних лет, в которых есть разделы, отражающие государственно-религиозные отношения в предвоенные, военные и первые послевоенные годы следует отнести самое фундаментальное, на наш взгляд, 12-ти томное исследование по истории РПЦ советского периода – «История Русской Православной Церкви 1917–1990 гг. *протоиерея Владислава Цыпина* (М.: Изд-во Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997). Труд ценен справочным материалом. Следует отметить монографию «История Русской Церкви: 1917–1997» (М.: Спасо-Преображенский монастырь. – 831 с.).

Из белорусских исследований следует отметить сборник материалов «Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і Праваслаўнай Царквы на Беларусі» (Мн., 1992), в котором была опубликована статья *Т.С. Протько* «Адносіны савецкай дзяржавы да Царквы (1917–1941 гг.). В 1993 г. вышел первый том шеститомной «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», содержащий раздел о попытке автокефалии ПЦ в Беларуси в различные исторические периоды, здесь также рассматривается история Православных епархий. В 1998 г. вышло пока единственное в своем роде издание по истории конфессиональной жизни в Беларуси в различные исторические периоды – «Канфесіі на Беларусі (канец XVШ – пачатак XX ст.)» [17]. Авторы этой коллективной работы попытались объективно показать место религии в истории Беларуси на протяжении XVШ–XX веков. В 2006 г. вышла монография *Э.С. Ярмусика* «Католический Костел в Беларуси в 1945 – 1990 годах», в которой исследуется широкий спектр проблем, связанных с положением католического Костела в Беларуси в послевоенный период [18]. Вопросы религиозной жизни в западных областях БССР в 1939–1941 гг. затрагиваются в некоторых работах по истории национальных меньшинств [19].

В кандидатской диссертации *Васильевой О.Ю.* «Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны» (1990 г.), а также в опубликованной ею в 2001 г. в Москве работе «Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.», аргументировано и взвешенно, на основе привлечения широкого круга источников и их исторического анализа доказывается объективная неизбежность изменения государственного курса в годы войны,

одновременно подчеркивается, что была создана лишь видимость взаимопонимания между правительством и патриархией. За ширмой благополучия в религиозном вопросе для И.В. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий государственный контроль, одновременно сделав ее послушной управляемой силой в политической игре. В значительной степени уделено внимание основным направлениям патриотической деятельности РПЦ, дана объективная оценка её вклада в общенародное достижение победы в Великой Отечественной войне. Важно, что в исследовании автор рассматривает историю РПЦ в период оккупации на территории Северо-Запада России и отчасти Беларуси.

Кандидатская диссертация *Силовой С.В.* «Православная Церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)» освещает положение Церкви в годы войны (Автореферат дис.канд. ист. наук. – Мн., 2000).

В 2001 г. *Янушевичем И.И* была защищена диссертация «Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви 1917–1927 гг.». Автором на основании архивных и опубликованных источников сделан обширный анализ деятельности ряда партийных и общественных организаций по отношению к религии и ПЦ на территории БССР в указанный период.

Положение Католической Церкви и католиков на присоединенных в 1939 г. территориях изучается преимущественно польскими историками и деятелями Католической Церкви, которые сравнивают репрессии со стороны советской власти с нацистской оккупационной политикой (Zycio religijne w Polsce pod okupacja 1939 – 1954 / Pod redakcja Ks. Zygmunta Zielinskiego/ Katowice, 1992).

Профессор Иерусалимского университета *Д. Левин* в своей монографии, посвященной истории восточноевропейского еврейства в 1939–1941 гг., значительное внимание уделил рассмотрению религиозной жизни евреев в западных областях Беларуси и Украины в указанный период (Dov Levin The Lesser of Two Evils^ Eastern European Jewry under Soviet Rule 1939–1941. Philadelphia. Jerusalem 5755. 1995). Работа исследователя является серьезной попыткой осветить процесс антирелигиозной борьбы с иудаизмом и еврейским духовенством, гонения и репрессии, которым подвергались приверженцы этой конфессии.

С 2000-х гг. начался качественно новый этап, как в отечественной, так и в зарубежной историографии проблем развития западных областей Беларуси в довоенный и послевоенный период. Белорусские исследователи, такие как *А.Н. Вабищевич*, В.В. Данилович поднимают новые, ранее неизученные аспекты темы [20]. Следует полагать, что в скором времени вопросы, связанные с изучением политики советской власти в отношении РПЦ на территории западных областей Беларуси, будут изучены комплексно и глубоко.

1. Ваяўнічае Бязбожжа: зборнік матэрыялаў для антырэлігійнага актыву / Рэдкалегія: Віленстовіч і інш. – Орша: Выданне Аршанскага АК КП(б)Б і Акрсавету Саюза бязбожнікаў, 1929. – 83 с.; Вольфсон, С.Я. Сучасная рэлігійнасць (Паводле матэрыялаў даследавання ў БССР) / С.Я. Вольфсон. – Мн.: Выданне БАН, 1930. – 119 с.; Станкевіч, Ад. Хрысціянства і беларускі народ / Ад. Станкевіч. – Вільня: Беларус. друк. ім. Ф.Скарыны, 1940. – 181 с.; Адуло, Т.И. Марксистско-ленинская философия в Белоруссии во второй половине 30-х годов: Дис. … к-та филос. наук: 09.00.03. – Мн., 1974. – 174 с.; Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии / Под ред. А.И. Залесского, А.И. Азарова. – Мн.: Беларусь, 1964. – 272 с.
2. Корзун, М.С. Русская православная церковь. 1917–1945: Изменения социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Мн.: Беларусь, 1987. – 111 с.
3. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941.: Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство библейско-Богословского института Св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
4. Кандидов, Б.П. Религиозная травля в Польше / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1930. – 40 с.; Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сойм 1922 – 1926 г.: Зборнік дакументаў аб панскіх гвалтах катаваннях і здзеках над сялянамі і рабочымі Заходняй Беларусі. – Мінск: Бел.дзярж. выд., 1927. – 496 с.
5. Зелинский, П.И. Политическая работа КПЗБ в массах, 1923 – 1938 гг. / П.И. Зелинский. – Минск: Университетское, 1986. – 136 с.
6. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.
7. Буров, Я. Что означает закон о свободе совести и отделении церкви от государства / Я. Буров. – М.: Госиздат, 1921. – 16 с.; Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. 3-е изд. / П.В. Гидулянов. – М.: Юриздат, 1926. – 172 с.
8. Абросенко, К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири / К.П. Абросенко. – Иркутск, 1938; Кандидов, Б.П. Церковный фронт в годы мировой войны / Б.П. Кандидов. – М.: Атеист, 1927. – 147 с.; Кандидов, Б.П. Религия в царской армии. 2-е изд. / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1929. – 92 с.; Кандидов, Б.П. Церковь и Октябрьская революция / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1929. – 31 с.; Кандидов, Б.П. Меньшевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции (Очерки) / Б.П. Кандидов. – М. – Л..: ОГИЗ – Московский рабочий, 1931. – 109 с.; Кандидов, Б.П. Вредительство, интервенция и церковь / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1931. – 72 с.; Кандидов, Б.П. Церковь и шпионаж / Б.П. Кандидов. – М.: ОГИЗ, 1937. – 95 с.; Кандидов, Б.П. Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной деятельности религиозных организаций. – М.: Военное издательство. –

141 с.; Каширин, П. О свободе совести / П. Каширин. – М.: Молодая гвардия, 1939. – 47 с.; Коган Ю., Мегружан Ф. О свободе совести / Ю. Коган, Ф. Мегружан. – М. – ГАИЗ, 1938. – 68 с.: Путинцев, Ф.М. О свободе совести / Ф.М. Путинцев. – М.: ОГИЗ, 1939. – 58 с.; Ярославский, Е.М. Против религии и церкви / Е.М. Ярославский. – Т. 1 – 5. – М.: 1932 – 1935; Ярославский, Е.М. О религии. Вступ. статьи, общ. ред. М.М. Шеймана / Е.М. Ярославский. – М.: Госиздат. – 640 с.

9. Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай Царквы беларускага народу / І. Касяк. – New York: БЦР, 1956. – 190 с.
10. Персиц, М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917 – 1919 гг.) / М.М. Персиц. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – 198 с.; Курочкин, П.К. Идеология современного православия / П.К. Курочкин. – М.: Знание, 1965. – 31 с.; Курочкин, П.К. Социальная позиция русского православия / П.К. Курочкин. – М.: Знание, 1969. – 45 с.; Курочкин, П.К. Эволюция современного русского православия / П.К. Курочкин. – М.: Мысль, 1971. – 270 с.
11. Мараш, Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Беларуси / Я.Н. Мараш. – Минск: Беларусь, 1983. – 96 с.
12. Анципович, Н.В. Свободомыслие и атеизм в Западной Белоруссии (1919 – 1939 гг.) : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / Н.В. Анципович: АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск, 1988. – 190 л.; Гончаров, Н.Н. Борьба трудящихся Западной Белоруссии против религии и церкви (1921 – 1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Н. Гончаров; Вильн. гос. ун-т им. В. Капсукаса. – Вильнюс, 1987. – 22 с.
13. Андриенко, Л.А. Атеист ленинской школы (Жизнь и атеистическая деятельность П.А. Красикова) / Л.А. Андриенко. – М.: Мысль. – 1976, 151 с.; Барменков, А.И. Свобода совести в СССР / А.И. Барменков. – М.: Мысль, 1979. – 223 с.; Бражник, И.И. Право. Религия. Атеизм: Правовое содержание научного атеизма / И.И. Бражник. – Киев: Наукова думка, 1989. – 206 с.; Гольст, Г.Р. Религия и закон / Г.Р. Гольст. – М.: Юридическая литература, 1975. – 109 с.; Гордиенко, Н.С. Чему учат с амвона / Н.С. Гордиенко. – Л.: Лениздат, 1975. – 175 с.; Гордиенко, Н.С. Православные святые: кто они? / Н.С. Гордиенко. – Л.: Лениздат, 1979. – 268 с.; Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви» / Гордиенко Н.С. [и др.]. – М.: Мысль, 1975. – 191 с.; Клочков, В.В. Религия, государство и право / В.В. Клочков. – М.: Мысль, 1978. – 287 с.; Куроедов, В.А. Советское государство и церковь / В.А. Куроедов. – М.: Знание, 1976. – 79 с.; Фуров, В.Г. Грани наследия. (О сохранении памятников истории и культуры) / В.Г. Фуров. – М.: Советская Россия, 1985. – 175 с.
14. Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 299 с.; Митрохин, И.А. Епископы и епархии Русской православной церкви: по состоянию на 1 октября 1997 г.– М.: Панорама, 1997. – 451 с.; Савельев, В.Н. Свобода совести: история и теория / В.Н. Савельев. – М.: Высшая школа, 1991. – 143 с.
15. Иеромонах Ювеналий Внешние сношения РПЦ с 1917 по 1944 г. – Загорск, 1961.
16. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, 1996. Репринт. Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви. – Мн., 2000. – 352 с.
17. Канфесіі на Беларусі (канец XVШ – пачатак XX ст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.М. Навіцкі, А.М. Філатава; навук.рэд. У.І. Новіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
18. Ярмусик, Э.С. Католический Костел в Беларуси в 1945– 90 гг. / Э.С. Ярмусик. – Гр: ГрГУ, 2006. – 568 с.
19. Розенблат Е. Пинские евреи. 1939–1944 гг. / БрГУ; / Е. Розенблат, И. Еленская. – Брест, 1997. – 308 с.
20. Вабішчэвіч А.М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.): манаграфія / А.М. Вабішчэвіч; Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст: Выд-ва УА "БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2004. – 116 с.; Даніловіч В.В. Дзейнасць арганізацій "Змаганне" у Заходняй Беларусі (1927 – 1930 гг.): манаграфія / В.В. Даніловіч; НАН Беларусі, Дзярж. навук. уст. "Інстытут гісторыі". – Мінск; Беларуская навука, 2007. – 159 с.

УДК 94(476) "1941/1944"

ПОДПОЛЬНАЯ И ПАРТИЗАНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЫВШИХ УЗНИКОВ МИНСКОГО ГЕТТО В ВОСПОМИНАНИЯХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

Олег Лашицкий

Республиканский институт высшей школы Минск, Беларусь

Статья посвящена подпольной и партизанской деятельности бывших узников Минского гетто, на основе уникальных воспоминаний, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь. На их основе представлены основные формы подпольной и партизанской деятельности.

Ключевые слова: СССР, БССР, Великая Отечественная война, антифашистское подполье, еврейские партизанские отряды, советское партизанское движение

UNDERGROUND AND PARTISAN ACTIVITIES OF FORMER MINSK GHETTO PRISONERS IN MEMORIES AND TESTIMONIES

Oleg V. Lashitski

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article is devoted to the underground and partisan activities of former Minsk ghetto prisoners, based on unique memories that kept in the National Archives of the Republic of Belarus. Main forms of underground and partisan activities are based on those memories.

Keywords: USSR, BSSR, Great Patriotic War, anti-fascist underground, Jewish partisan detachments, Soviet partisan movement

Задачи оккупационного режима, направленные на полное уничтожение евреев, осуществлялись германскими органами в ходе административно-правовой политики по выявлению и изоляции, прежде всего бывших военнослужащих, евреев, цыган и других. Среди всех категорий отдельную и наиболее массовую группу составляли евреи. Они вносились в особые списки и подлежали отдельному проживанию в выделенной оккупационными органами части города [1, с. 31]. Так, 20 июля 1941 г. вышел приказ полевого коменданта «Об образовании еврейского жилого района в г. Минске» (гетто) [2, с. 8–9]. После создания гетто, нацисты начали проводить постепенное, плановое и систематическое уничтожение еврейского населения, в том числе женщин, детей и стариков. Ликвидация узников гетто осуществлялась путем проведения постоянных облав, ночных бандитских налетов в квартиры населения гетто, массовых погромов, ловли людей на улицах и вывоз их в неизвестном направлении, откуда они больше не возвращались [3, с. 195–202; 4, с. 179, 184–188]. Положение евреев в гетто было крайне тяжелым – они проживали в антисанитарных условиях, без электроэнергии, отопления, бани, магазинов, узников использовали на тяжелых и грязных работах: разборка разрушенных зданий, чистка железнодорожных путей, рытье ям, окопов, уборка города, чистка туалетов и других. Очень часто евреи выполняли такие работы: вырывали ямы и засыпали их снова [3, с. 196–197; 5, с. 46]. Рабочим выдавали 200 граммов хлеба и мутную водичку, называемую «супом» [6, с. 85]. В сентябре 1941 г. в гетто (по данным оккупационных органов) находилось около 55 тыс. человек [7, с. 10]. По воспоминаниям бывших узников от 80 до 100 тыс. [8, с. 25, 59; 9, с. 73; 10, с. 82].

В таких тяжелых условиях с момента существования гетто на его территории начинает зарождаться антинацистское сопротивление как ответ на бесчеловечную и кровавую политику геноцида еврейского населения на оккупированной территории Беларуси [11, с. 212]. Оно было уникальным, так как активно действовало на всем протяжении существования гетто. Так в гетто возникла первая подпольная организация, основой которой являлись многочисленные подпольные группы. В Минском гетто на протяжении его существования (с августа 1941 – по октябрь 1943 г.) действовали 22 подпольные группы, точнее 12 «десяток» и 10 групп [7, с. 213–214]. В состав антифашистского подполья гетто входило более 300 человек [12, с. 91]. Еще одной особенностью являлось усиление партизанского движения за счет узников гетто, особенно на территории Минской и Барановичской областей [13, с. 43]. Нередко группы евреев, бежавших из гетто, создавали еврейские партизанские отряды, большинство из которых впоследствии теряли самостоятельность и вливались в смешанные формирования советских партизан. Так, в апреле 1942 г. из группы евреев, бежавших из гетто и местных жителей был образован отряд имени М.И. Кутузова. До конца сентября 1942 г. действовал самостоятельно, затем в составе 2-й Минской партизанской бригады. Командиром отряда имени М.И. Кутузова в июне 1942 г. – июле 1943 г. был бывший узник Минского гетто и подпольщик Израиль Лапидус [14, с. 258; 15, с. 409–410].

Отряды, сформированные из бывших узников Минского гетто, поддерживали связь с подпольным центром гетто. Из отряда отправлялись проводники и выводили людей из гетто. Например, узники Минского гетто пополнили от 7 до 11 партизанских отрядов [8, с. 163; 13, с. 43]. Уход в партизаны был отчаянной попыткой спасти жизнь и получить возможность бороться с врагом. Очень много евреев погибло по пути в партизанские отряды от рук нацистов и их пособников [8, с. 127–128; 16, с. 278–281]. Евреи-партизаны принимали участие в боевых операциях, засадах, выполняли агентурные задания, собирали разведывательную информацию, занимались пропагандистской работой, были врачами, оружейниками, радистами. Кто не был способен принимать участие в боевых действиях, заготавливал продукты, работал в сапожных и портняжных мастерских, партизанских прачечных, ухаживал за ранеными [17, с. 150–151].

Одним из важных источников по теме участия евреев в подпольном и партизанском движении являются воспоминания. И хотя они написаны в разное время, о разных событиях, но многие формы выживания и борьбы имеют много общего. Так, книга одного из руководителей подполья Минского гетто Гирша Смоляра «Мстители гетто» вышла сразу после войны в 1947 г. [18] Эта была первая книга, в которой было рассмотрено активное участие евреев в подпольном и партизанском движении. В ней приведены сотни фамилий, множество фактов. Тогда еще были живы некоторые участники тех событий и свидетели – бывшие узники Минского гетто и партизаны. Но вскоре начиная с конца 1948 г. вплоть до начала 90-х гг. в период проявления государственных и общественных форм антисемитизма происходит замалчивание еврейской тематики. Так, в 1948 г. был рассыпан набор «Черной книги», забраны гранки и рукопись, в

которой представлены материалы о гибели и сопротивлении евреев на территории оккупированных районов России, Украины, Беларуси, Латвии, Литвы, Эстонии. В результате книга выйдет значительно позже в Израиле (1980 г.) и в Вильнюсе (1993 г.) [19]. В книге есть материалы о «Минском гетто» – А. Мачиз, М. Гричаник, Л. Глейзер, П. Шапиро, в которых содержатся сведения о создании в гетто подпольной организации, а также участии его узников в партизанском движении [19, с. 111–112, 115–116, 119–120, 127–128]. Наряду со статьей «Минское гетто» в книгу были помещены выдержки из книги Гирша Смоляра «Мстители гетто» [19, с. 130–144]. Таким образом, на протяжении десятилетий в отсутствии дальнейших публикаций записанные воспоминания бывших узников гетто и евреев-партизан не публиковались. Они оставались в большей части в рабочих кабинетах, или столах исследователей, или же передавались в виде коллекций на хранение в государственные архивы. К ним же доступ практически был ограничен до начала 90-х гг.

Тем не менее, большая часть воспоминаний была опубликована бывшими еврейскими партизанами за рубежом. Многие из мемуаров представлены почти исключительно выходцами из Западной Беларуси [20; 21]. Однако присутствуют и воспоминания бывших узников Минского гетто [22]. Так, в Нью-Йорке (1989 г.) на английском языке вышла новая редакция книги Гирша Смоляра «Минское гетто» (в 2002 г. осуществлен перевод на белорусский язык) [23; 8]. В ней автор приводит информацию, о том, что подвигло его вновь вернуться к теме Минского гетто. Гирш Смоляр отмечает: «Условия, преобладающие в то время не позволили мне рассказать полную правду об антисемитизме, представленном в общем движении сопротивления по отношению к боевой организации гетто, антисемитизме в партизанских рядах, или о конкретных проблемах, с которыми сталкивались местные советские евреи, оказавшись за стенами гетто…». [23, p. 2]

Второй по значимости публикацией о Минском гетто после книги Гирша Смоляра «Мстители гетто» стала автобиографическая повесть бывшей узницы Минского гетто, партизанки 12-й кавалерийской бригады имени И.В. Сталина Анны Красноперко «Пісьмы маёй памяці» (1984 г.) [24].

Особое внимание еврейской проблематике в годы Великой Отечественной войны было уделено в период социально-общественных перемен в Республике Беларусь 1990-х гг., тогда стали выходить книги с воспоминаниями бывших узников Минского гетто [25; 26; 27]. В этом же ряду воспоминания и интервью С.М. Голуб, С.Л. Заянц, М.И. Левиной-Крапиной, Л.Г. Меломеда, М.Г. Пекаря, Ф.В. Лосик-Рейзман, М.А. Трейстера [28, с. 148–150, 152–154, 154–156, 156–158, 158–159, 160–162; 16, с. 256–286]. Некоторые из свидетельств, в которых представлена подпольная и партизанская деятельность (С.С. Гебелевой-Осташинской, Р.А. Липской, М.Л. Плакс, Е.Е. Рольбиной, Х.М. Пруслиной), в сокращенном варианте были представлены в документальном сборнике «Judenfrei! Свободно от евреев!» (1999 г.) [29, с. 272–273, 275, 276, 277, 279–280].

Отдельные издания касаются семейных архивов. Среди таковых документальность бывших узниц Минского гетто, участниц подполья и партизанского движения Хаси Пруслиной и Анны Мачиз [30]; [31]. Часть воспоминаний бывших узников Минского гетто включены в книгу С.М. Гебелевой «Подвиг Анны Купреевой» [32, с. 158–218].

В этой связи важность представляют также документальные свидетельства, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. Наибольший интерес представляют воспоминания участников подполья Минского гетто, записанные бывшим старшим научным сотрудником Института истории Академии наук БССР А.П. Купреевой. Данные свидетельства находятся в фонде № 1440 «Сектор истории партии». [33] Большая часть этих воспоминаний относится к концу 1970–1980 гг. Их уникальность состоит в том, что они взяты у непосредственных участников событий, людей, принимавших активное участие в подполье и партизанском движении. Ценность этих воспоминаний в том, что они являются историческим источником по теме Минского гетто и раскрывают малоизвестные страницы борьбы узников. В них представлены структура и организация подполья, его взаимодействие с городским подпольем, деятельность юденрата (еврейский совет), даны характеристики лидерам и участникам подполья, освещено участие минских евреев в партизанском движении.

В начале августа 1941 г. в оккупированном Минске начинается активный сбор сил для организованного отпора врагу [19, с. 111]. Участницы подполья Минского гетто Слава Гебелева-Осташинская и Циля Ботвинник-Лупьян отмечают, что в начале августа 1941 г. на квартире Михаила Гебелева (подпольные клички – «Фадеев», «Русинов», среди подпольщиков известен как «Бесстрашный Герман»), проживавшего по адресу Столпецкий переулок 5 собрались Роза Липская, Циля Ботвинник, Елена Майзельс и другие. Вместе с Гебелевым всесторонне обсуждался вопрос, как практически начать борьбу против немецких захватчиков. Михаил Гебелев ответил, что будет организовываться подполье, как в «русском» районе, так и в районе гетто. Он предупредил присутствующих, что связь с ними он будет поддерживать через Гебелеву-Осташинскую [33, л. 3, 14].

По документальным свидетельствам одного из руководителей подполья в Минском гетто Гирша Смоляра для разработки конкретного плана действий организаторы сопротивления гетто приняли решение

созвать совещание. Встреча состоялась 17 августа 1941 г. на улице Островского, на квартире Сони Певцовой-Рывкиной [11, с. 212; 8, с. 35]. Участники совещания подчеркнули две самые главные задачи. Во-первых: «Гетто означает смерть! Прорывайтесь сквозь ограду гетто! С гетто – на волю!». Во-вторых – послать людей, которых выдавали за «арийцев», в различные районы города на поиск мест, где евреи могли спрятаться и таким образом спастись [8, с. 37]. Кроме этого участники пришли к общему и очень важному выводу, что необходимо создать подпольный центр, для объединения всех активистов в гетто и ведение решительной и бескомпромисной борьбы против нацистов. В организационный центр были выбраны следующие лица:

1) Яков Киркаешто был ответственен за технические вопросы подпольной деятельности: приобретение печатных машинок и радиоприемников, поиск мест для подпольных совещаний и организация деятельности связных. 2) Натан Вайнгауз, ответственен за пропагандистскую работу и написание материалов для распространения среди населения гетто. 3) Гирш Смоляр (подпольные клички «Ефим Столяревич», «Скромный») – руководитель подпольного центра. Он выработал общую структуру организации, основным ядром которой являлась ячейка, каждая из десяти человек. Во главе десяток должны были стоять надежные люди, способны самостоятельно принимать решения в критических ситуациях [8, с. 38].

По воспоминаниям бывших узников Минского гетто подпольные группы возглавляли Гирш Смоляр, Михаил Гебелев, Матвей Пруслин, Наум Фельдман, Залман Окунь, Михаил Миркин, Лев Гуревич, Михаил Каган, Евель Рольбин, Роза Липская, Циля Ботвинник, Елена Майзельс, Надя Шуссер, Ханан Гусинов, Владимир Кравчинский, Вульф Лосик и другие [29, с. 279; 33, л. 78; 28, с. 160]. Роза Липская в своих воспоминаниях отмечала, что подпольная организация возглавлялась вначале Гиршем Смоляром, Яковом Киркаешто и Натаном Вайнгаузом. После гибели Якова Киркаешто в подпольный оргцентр был включен Михаил Гебелев, а после гибели Натана Вайнгауза по рекомендации Михаил Гебелева вошел Матвей Пруслин. Для лучшей организации, хорошо законспирированной партийно-комсомольской организации и проведения работы среди населения в гетто, подпольный центр организовал низовые партийные группы, которые назывались десятками. Всего было создано 12 десяток. Кроме организации коммунистов в гетто Михаилом Гебелевым и Хасей Пруслиной было поручено использовать их широкие связи – знакомство в городе для создания десяток из русских и белорусских товарищей в городе. При партийных десятках также создавались комсомольские группы, которыми руководила Эмма Родова и Дора Берзон [33, л. 64].

По документальным свидетельствам Хаси Пруслиной в задачи подпольной десятки под ее руководством являлась агитация и листовки, а также создание материальной и людской базы для организации партизанского движения [30, с. 24]. Все десятки создавались по принципу личного знакомства, советов или рекомендаций. Роза Липская вспоминает: «Мишу Гебелева я знала до войны еще, будучи комсомолкой. Я была членом пленума Минского горкома комсомола. Гебелев Михаил тоже был на комсомольской работе. Мы часто встречались на собраниях и совещаниях» [33, л. 65].

Руководители подпольщиков (слева направо): Гирш Смоляр, создатель и руководитель Оргцентра подполья в Минском гетто; Михаил Гебелев – один из организаторов и руководителей подполья в Минском гетто, член Минского подпольного горкома; Исай Казинец, секретарь Минского подпольного горкома, Герой Советского Союза.

По свидетельству Розы Липской явочные квартиры находились: Михаила Гебелева – Столпецкий переулок 5 и ул. Завальная, Гирша Смоляра – кочегарка инфекционной больницы (ул. Обувная), Матвея Пруслина – угол Республиканской и Шорной и ул. Ново-Мясницкая, Сары Голанд – Слободской переулок,

Евеля Рольбина – ул. Ратомская д. 20 [33, л. 77]. Подпольщица Минского гетто и партизанка отряда имени «25-летия БССР» (бригада имени П.К. Пономаренко, Барановичское соединение) Дора Кравчинская вспоминает: «Мой муж Владимир Кравчинский принимал активное участие в деятельности подполья Минского гетто с момента его создания. Когда подпольным комитетом гетто была подготовлена явочная квартира по ул. Замковой, д. 10, кв. 2, Михаил Гебелев предложил мне и мужу перейти туда. У меня было двое маленьких детей, я была освобождена от работы у немцев и не привлекала к себе их внимания. Это было удобно для подпольщиков. В квартире по ул. Замковой имелась скрытая комната, где размножались листовки, готовились пропуска, и где часто скрывался Гебелев. Листовки размножались на ротаторе, а также переписывались от руки Михаилом Гебелевым и другими подпольщиками. Я распространяла их среди населения гетто. По поручению Гебелева я собирала теплую одежду и медикаменты для партизан и передавала их подпольщику Рубину». [34, с. 223–224]

В августе 1941 г. геттовские подпольщики прилагали усилия для установления связи с первыми партизанскими группами, сформированными в окрестностях Минска [11, с. 213]. В начале сентября 1941 г. в гетто пришел еврейский паренек «Федя» (прим.: – Федор Шедлецкий – О.Л.) с партизанского отряда под командованием капитана А.Д. Сергеева. Встреча между ним и Гиршем Смоляром состоялась на квартире Нины Лис. Гирш Смоляр попросил его рассказать командиру отряда то, что подполье готово помочь партизанам, а также просил Федю узнать мнение его командира на счет того, чтобы отправить группу людей из гетто для участия в вооруженной борьбе [8, с. 64–65]. Подпольная партийная группа постановила: организовать систематическую помощь партизанским отрядам теплой одеждой, вещами, солью, мылом [19, с. 112].

Подпольщики гетто вели тяжелую и опасную работу. По документальным свидетельствам Славы-Гебелевой Осташинской и Хаси Пруслиной подпольным руководством гетто были организованы в нелегальных квартирах маленькие мастерские, где подпольщики собирали и шили маскировочные халаты, рукавицы и другие необходимые вещи для уходящих людей в партизанские отряды [33, л. 19; 29, с. 279]. По улице Обувной организовали тайные мыловарни. В домах подпольщиков собиралось оружие. Рабочие колонны приносили из города патроны, части винтовок и пулеметов, которые находили на своей работе в мастерских, воинских частях, на складах. Через посты охраны проносили в бидонах с супом, который получали за работу, прятали под одеждой [29, с. 279]. Во время очередной встречи между Федором Шедлецким и Гиршем Смоляром было оговорено, что отряд А.Д. Сергеева готов принять геттовцев при условии, что они будут обеспечены оружием. Кроме этого, они должны принести с собой медикаменты, соль и печатную машинку. Первая вооруженная группа была отправлена в лес 13 ноября 1941 г. во главе с Борисом Хаймовичем, проводником группы был Федор Шедлецкий [8, с. 70–71].

Подполье Минского гетто поддерживало связь с некоторыми членами юденрата, в частности с его первыми двумя председателями Ильей Мушкиным и Моше Иоффе. Гирш Смоляр приводит свидетельства о мастерских, работающих при юденрате, которые должны были изготавливать по приказу германских властей одежду, белье, теплые шапки, обувь. У подполья были свои люди в юденрате, и им удалось добиться организовать дело таким образом, чтобы нацистам попадал минимум продукции, а основное передавалось партизанам. Он приводит эпизод, в котором партизаны, переодетые в немецкую форму, подъезжали на грузовиках к мастерским в гетто и вывозили транспорты одежды, обуви, мыла и соли [18, с. 42–43; 33, л.147–148]. В феврале 1942 г. гестапо арестовало Илью Мушкина. Тяжела была его роль: с одной стороны, он вел борьбу с оккупантами, материально помогая партизанским отрядам, с другой стороны был обязан сохранять видимость нормальных взаимоотношений с немецкими властями, видимость выполнения всех директив и распоряжений. В подполье арест Мушкина связывали с предательством его приближенных. Долго его пытали и мучили в тюрьме, но он никого не выдал. Только через месяц после ареста и пыток Мушкина вывезли из тюрьмы и при попытке к бегству из машины – застрелили. Новым председателем был назначен Моше Иоффе (погиб в конце июля 1942 г.) [8, с. 78–79; 19, с. 116].

Погромы, которые устраивали оккупационные власти, не остановили работу подпольщиков. В гетто не прекращался уход евреев в партизанские отряды. С каждым днем к партизанам уходило все больше людей. Гестапо, на уход евреев в партизанские отряды отвечало кровавым террором. В том, случае, когда гестапо находило след человека, связанного с подпольной организацией, нес ответственность не только он один, но и все жители дома, где он жил, или вся рабочая колонна. Ночью окружали дом со всех сторон, выводили людей и расстреливали их. Гестапо требовало выдачи глав подполья – Михаила Гебелева, Гирша Смоляра, Наума Фельдмана, Залмана Окуня, предупреждая, что иначе будут расстреляны все работники юденрата. Михаил Гебелев, конспируя, носил три фамилии, поэтому гестаповцы были сбиты с толку. Гирш Смоляр («Ефим Столяревич»), возглавлявший подпольную организацию гетто был неуловим. Председатель юденрата Моше Иоффе пошел на хитрость: он заполнил чистый бланк паспорта на Столяревича Ефима, измазал его в крови и пошел в гестапо, сказав, что этот паспорт найден в одном из домов, где произошел ночной погром, и извлечен из одежды трупа. Гестаповцы удовлетворились, считая, что Столяревич погиб. Столяревич, Гебелев и Фельдман продолжали вести борьбу с врагом. Наум Фельдман

занимался снабжением оружием. Группы людей, отправляемые в отряды, вооружались винтовками, наганами, гранатами. Помимо добычи вооружения усилия подпольщиков были направлены к тому, что раздобыть типографию и отправить ее в отряды. Две типографии удалось отправить в отряды, а третью передали в распоряжение городского комитета партии [19, с. 117–118].

С участниками сопротивления гетто поддерживал связь секретарь Минского подпольного горкома партии Исай Павлович Казинец (подпольная кличка «Славка Победит»). В конце ноября 1941 г. состоялась организационное собрание городского подполья Минска (Общегородская партийная конференция). Руководил этой конференцией «Славек» (И.П. Казинец). Представителем подпольной группы гетто был выделен Михаил Гебелев. Было принято решение создать одну центральную боевую организацию, куда войдут все отдельные минские группы подпольщиков, в частности железнодорожников, правительственных работников, рабочих разных заводов, фабрик, интеллигентов. Подполье Минского гетто также предполагалось включить в состав организации. Партконференция создала подпольный партийный комитет. Секретарем был избран И.П. Казинец [8, с. 43; 49–50; 19, с. 115].

Совместными усилиями подполья гетто и города была создана подпольная типография. Начала свою работу в конце 1941 г. и функционировала до марта 1942 г. Ответственным за работу типографии и ее наборщиком был участник подполья гетто Михаил Чипчин. Типография размещалась на ул. Немига 8. В ней был налажен выпуск периодического листка «Вестник Родины» (сохранились три его экземпляра за 18 и 25 января и 1 февраля 1942 г.). В нем печатались материалы о разгроме фашистских войск под Москвой; «Обращение к гражданам и гражданкам временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории» [35, с. 105–106].

Гирш Смоляр в своих воспоминаниях отмечает, что подполье гетто оказывало партизанам также и медицинскую помощь, так как условия в лесу были таковы, что более или менее долговременных партизанских баз не было, и медицинские работники попадались редко. Так, городской комитет распределял группы партизан, пробравшихся в город в поисках медицинской помощи. Медицинскую помощь им оказывали в гетто. Через своих людей в юденрате Эмма Родова получила подписанные бланки документов. Иван превращался в Янкеля, Петр в Пейсаха, им пришивали желтые заплаты и, как евреев, помещали в больницу [18, с. 48]. В случае опасности, спасаясь от СД, многие руководители городского подполья Минска скрывались в гетто [18, с. 61].

В марте 1942 г. начались массовые аресты участников подполья. От рук нацистов весной 1942 г. погибли Исай Казинец, Михаил Чипчин, Залман Окунь, Зяма Серебрянский, Григорий Рудицер, Иосиф Каплан, Давид Герцик, Михаил Ароцкер, Виктор Фельдман, Моисей Екельчик и другие [11, с. 243–244; 35, с. 109]. Из партизанских отрядов, в связи с арестом Минского партийного комитета, перестали приходить проводники, связь была временно потеряна. В связи с данной ситуацией подпольный комитет гетто, обсудив положение, решил создать свою базу для вывоза людей в отряды. Для этой цели выделены 20 человек во главе с Израилем Лапидусом. Отправляли людей грузовиком, но так как всех на одной машине поместить было невозможно, то приняли решение разделить на две группы. Первая группа добралась благополучно, вторая попала под обстрел противника (часть людей вернулись в гетто, остальные погибли) [19, с. 119].

В начале мае 1942 г. на одной из конспиративных квартир в одном из домов на улице Торговой состоялось совещание актива подпольщиков города. На нем присутствовало 14 человек, в том числе Михаил Гебелев. На совещании были организационно оформлены 5 райкомов партии: Ворошиловский, Железнодорожный, Октябрьский, Сталинский и Тельмановский (подпольный райком гетто). Секретарем подпольного райкома гетто был утвержден Михаил Гебелев [36, с. 51].

В конце апреля 1942 г. подпольный комитет гетто направил Наума Фельдмана с группой в 25 человек устраивать партизанские базы в западном направлении (Заславский район, Старосельский лес). Вскоре после ухода группы из гетто стали приходить связные, чтобы вывести людей из гетто. Подполье гетто приняло решение отправить к Фельдману квалифицированного военного в качестве командира. В июне 1942 г. был организован побег, из лагеря военнопленных по ул. Широкой, старшему лейтенанту Семену Григорьевичу Ганзенко. Так образовался отряд имени С.М. Буденного (бригада имени И.В. Сталина, Барановичское соединение). Впоследствии С.Г. Ганзенко был назначен командиром бригады имени П.К. Пономаренко, а Н.Л. Фельдман комиссаром отряда имени «25-летия БССР» этой же бригады [18, с. 69–70; 19, с. 119–120].

Одновременно с этим подполье гетто усилило работу по освобождению советских военнопленных. Помимо одежды и документов их снабжали связями и явками. В июле 1942 г. вовремя подготовке к отправке военнопленных в партизанский отряд имени С.М. Буденного был арестован Михаил Гебелев. После его ареста подпольщики поддерживали с ним связь через проверенных людей. Слали передачи, собирали деньги, чтобы его выкупить, готовили побег. Но эти планы не осуществились. 15 августа 1942 г. Михаила Львовича Гебелева не стало [19, с. 143; 35, с. 114–115; 37].

В конце 1942 г. через своих людей, которые работали на бирже труда, секретарю подпольной группы (3-я десятка) Розе Липской удалось узнать, что в немецкие оружейные мастерские (бывшие гаражи

СНК БССР на улице Свердлова) нужны рабочие и ей удалось туда устроить членов ее подпольной группы [33, л. 70]. Циля Ботвинник-Лупьян отмечает, что она по заданию секретаря десятки Розы Липской вместе с Катей Цирлиной устроились в немецкие оружейные мастерские, откуда они разными путями воровали оружие и запасные части к нему: затворы, подающие механизмы, ленты с патронами к пулемету «Максим» и винтовки в разобранном виде. Затворы с поддающими механизмами они переносили в банках для супа, которые были сделаны с двойным дном. На работу они специально надевали резиновые сапоги, в которых выносили запасные части к винтовкам. Когда их рабочая колонна возвращались в гетто, у ворот их встречали Слава Гебелева-Осташинская и Арон Фитерсон, которые забирали опасный груз, так как при входе в гетто колонны часто проверялись немцами. Оружие Арон Фитерсон прятал в своей «малине». Этим оружием снабжались товарищи, уходящие в партизанские отряды, а также большое количество переправлялось ими в партизанские отряды: имени А.Я. Пархоменко, отряд № 106, имени М.И. Кутузова 18-й бригады имени М.В. Фрунзе (Барановичское соединение) [33, л. 7–8].

В подпольной деятельности принимали также участие врачи гетто. Роза Липская вспоминает, что в августе 1941 г. она получила первое задание – установить связь с врачами гетто. Нужно было достать медикаменты, чтобы иметь возможность подпольщикам гетто через врачей получать освобождение от работы, поддельные справки о болезни, чтобы в случае опасности скрыть подпольщиков в больнице. Такую связь она установила с врачами: Львом Куликом (главврач инфекционной больницы гетто), Марией Кирзон, Дорой Альперович, заведующей тифозным отделением Марголиной, Розалией Лифшиц, Соршер, Беллой Кондратовской, Фаней Сапир, с провизором аптеки Раскиной. От них она получала медикаменты. От секретаря своей десятки Матвея Пруслина Роза Липская получила задание достать теплую одежду. Теплую одежду она собирала у населения гетто (в первую очередь у знакомых), а медикаменты и перевязочные материалы ей приносили врачи – Белла Кондратовская, Фаня Сапир и Марголина. Так как эти врачи работали по санитарной части в гетто, они имели право по пропуску проходить в русский район, где и доставали разные медикаменты. Все, что доставала Роза Липская (медикаменты, теплую одежду) – передавала секретарю своей десятки Матвею Пруслину. Такую же помощь врачи оказывали и другим подпольным группам [33, л. 65–66].

Бывший узник и участник подполья Минского гетто врач Юрий Тайц во время войны работал в поликлинике № 1 на ул. Мясникова и протезной мастерской, которая располагалась рядом. Работа в поликлинике давала возможность общаться с населением города. В хирургическом кабинете с ним работал врач И.В. Гиренок и его жена медсестра Пристром. Юрий Тайц вспоминает: «К нам в поликлинику приходили пациенты с травмами военной природы. Нас обязывали об этом сообщать в соответствующие органы. Рискуя жизнью, мы умалчивали об этом, а в дневнике отмечали не травму, а заболевание. Доводилось лечить раненых на дому. Среди них были находившиеся в оккупированном Минске советские войны» [33, л. 116–117]. В сентябре 1941 г. Юрий Тайц на территории гетто встретился с Сарой Левиной. Она попросила его, чтобы он достал медикаменты. В поликлинике, где работал Юрий Тайц, были запасы солей, которые он передал Саре Левиной. Из них делали взрывчатку. Кроме этого, он ей передал медикаменты и перевязочный материал [33, л. 117].

По свидетельству Юрия Тайца осенью 1942 г. в поликлинику пришла связная М.М. Липец, проживавшая возле д. Скирмунтово (Дзержинский район, Минская область), имевшая связь с партизанским отрядом и городом Минском. Просила медикаменты и все, что нужно для нужд партизан. И через нее Юрий Тайц несколько раз передавал медикаменты. В это же время он, как еврей был отстранен от работы в поликлинике и отправлен в гетто. В нем ему поручили заведовать стоматическим отделением больницы, жена Анна Марковна работала сестрой-хозяйкой, сын Марк – санитаром [33, л. 119–120].

В декабре 1942 г. Юрий Тайц с женой и сыном с помощью М.М. Липец ушел в лес. Был принят в партизанский отряд имени В.П. Чкалова бригады имени В.П. Чкалова (Ф.И. Зайцев – командир отряда, партизанское соединение Ивенецкой зоны) в качестве врача (впоследствии начальник санитарной части отряда), жена – медсестрой, сын – рядовым бойцом. В одной из хат вблизи лагеря в д. Скирмунтово был организован госпиталь. Юрий Тайц вспоминает: «Тяжело больным был подрывник Саша «Средний» (их было трое – Большой, Средний и Малый), все они хлопцы на редкость смелые, боевые. Для спасения жизни Саши были приложены все усилия и мероприятия, включая переливание крови. Кровь мною взята у себя (она у меня I-ой группы) и тут же перелита» [33, л. 120–123].

С прибытием в Налибокскую пущу в начале апреля 1943 г. группы партийных работников во главе с В.Е. Чернышевым (секретарь, уполномоченный ЦК КП(б)Б и БШПД по Барановичской области), Юрий Тайц был переведен из бригады В.П. Чкалова в Лидское партизанское соединение заместителем командующего по медицинской службе. В связи с этим ему пришлось организовать медицинское обслуживание ряда операций, в том числе и при разгроме немецкого гарнизона в Любче. Пригодился и опыт работы по протезированию. В Налибокской пуще Юрий Тайц изготовил протез правого предплечья командиру бригады «Вперед» Б.А. Булату (сейчас экспонируется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны) [33, л. 127–128].

Юрий Тайц – начальник медико-санитарной службы Лидского партизанского соединения

Протез правого предплечья командира бригады «Вперед» Б.А. Булата. Фото автора (ноябрь 2021)

Бывший узник и участник подполья Минского гетто Арон Фитерсон активно участвовал в подготовке и отправке людей в партизанские отряды. Он был связным между гетто и партизанскими отрядами. Он получил задание находить нелегальные квартиры людям, которые приходили из отрядов, переправлять оружие, медикаменты. В партизанский отряд надо было идти вооруженным. Подпольщики гетто передавали деньги, и белорусские товарищи покупали оружие у полицейских, словаков, немцев и других. Он вспоминает следующее: «Помню, как на Танковую улицу с партизанского отряда был прислан проводник. Он пришел ко мне с именами людей, которых ему необходимо было вывести в лес. Я организовал группу из 12 человек» [33, л. 155–156]. В качестве проводников, которые выводили людей из гетто, использовались дети и подростки. Данная информация представлена в воспоминаниях Цили Ботвинник-Лупьян, Гебелевой-Осташинской, Арона Фитерсона [33, л. 9, 21, 155–156]. Циля Ботвинник-Лупьян отмечает, что по поручению подпольной организации Арон Фитерсон отправил свою племянницу Симу для установления связи с партизанским отрядом. Она установила связь с партизанским отрядом имени А.Я. Пархоменко и 18-й бригадой имени М.В. Фрунзе. Проводниками также стали Давид Клионский и Боня Гамер [33, л. 9]. И если первоначально подполье участвовало в выводе боеспособных и специалистов, то весной и летом 1943 г. начали выводить всех, кого можно было еще спасти.

Особенно широкий размах принял уход евреев из гетто в апреле-мае 1943 г. Гирш Смоляр отмечает, что в лесах возле д. Вертники (Дзержинский район, Минская область) собралось более 600 человек бежавших из гетто. Из числа боеспособных был организован партизанский отряд имени А.Я. Пархоменко. Из небоеспособных (женщины, дети, старики) организован еврейский семейный отряд под командованием Шолома Зорина, впоследствии получивший наименование партизанский отряд № 106. Местоположение отряда – Налибокская пуща. Туда переводились все прибывшие из Минского гетто. Отряд стал базой, снабжающей другие отряды и бригады квалифицированными специалистами (оружейные мастера, печатники для подпольных типографий, портные, сапожники, врачи и другие) [18, с. 95–96].

Подпольщицы и партизанки (слева направо): Роза Липская – еврейский семейный отряд Ш.Зорина (партизанский отряд № 106), фото из семейного архива Феликса Липского; Слава Гебелева-Осташинская – еврейский семейный отряд Ш. Зорина (партизанский отряд № 106), фото из семейного архива Гилеля Осташинского; Циля Ботвинник-Лупьян – еврейский семейный отряд Т. Бельского (партизанский отряд имени М.И. Калинина)

В гетто оставалась группа Розы Липской. Она была в гетто с четырехлетним сыном Феликсом. Поддерживала связь с Гиршем Смоляром (ушел в партизанский отряд сентябрь–октябрь 1942 г.) [33, л. 158–159]. В начале июля 1943 г. когда продолжать дальше работать стало невозможно из-за слежек и преследований, Гирш Смоляр прислал проводника Цилю Клебанову, через которую ей было сообщено, что дальше оставаться в гетто нельзя, и что люди, которые работали с ней вместе до последних дней, должны покинуть гетто. В июле 1943 г. Роза Липская подготовила группу из 24 человек, и они ушли в отряд [33, л. 75, 161]. Арон Фитерсон вспоминает: «У нас было оружие (группа Розы Липской носила его ко мне домой): 12 винтовок, 8 наганов, 55 затворов, магазинные коробки и другое. …У меня в «малине» была пишущая машинка. Ее тоже взяли» [33, л. 161]. Вышедшей группе нужно было пробираться к партизанам, базировавшимся в Налибокской пуще. Когда группа Розы Липской вышла из гетто началась блокада пущи (прим.: – карательная операция «Герман» – О. Л.). И группе пришлось целый месяц скитаться по хуторам и лесам, пока они не добрались, наконец, в партизанский отряд (прим.: еврейский семейный отряд Зорина – О.Л.) [33, л. 75–76]. Арон Фитерсон воевал в партизанском отряде № 106, участвовал во всех боях, в составе подрывной группы ходил на задания [33, л. 164].

Таким образом, узниками Минского гетто были образованы одни из первых подпольных групп (организаций) в Минске. Они взаимодействовали в тесном контакте с городским антифашистским подпольем, а также внесли значительный вклад в расширение и активизацию подпольного и партизанского движения, как в Минске, так и за его пределами. Первоначальной задачей подпольщиков гетто являлось спасение женщин, детей и стариков, укрывательство их в безопасных местах. Но на этом их сопротивление не заканчивалось. Представители подпольного центра занимались агитационной работой (распространение листовок, материалов); собирали теплую одежду, медикаменты, продукты оружие, боеприпасы, другие необходимые вещи и переправляли их партизанам; смогли наладить устойчивые связи с подпольем вне гетто, городским подпольем; совершали диверсии на предприятиях противника, коммуникациях, тем самым нанося значительный урон оккупационным формированиям; выводили надежных людей в лес с целью вступления в партизанские отряды и созданию своих собственных партизанских формирований. В результате данные источники являются очень ценной группой документов, в которой представлены формы и методы борьбы узников Минского гетто в рамках организации подпольных групп, оказании помощи и участии в боевой деятельности партизанских формирований, в том числе на основе сформированных из бывших узников Минского гетто еврейских партизанских отрядов.

1. Козак, К. И. Германский оккупационный режим в Беларуси и еврейское население / К. И. Козак // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации : сборник научных работ / сост. и ред. Я. З. Басин. – Минск, 2005. – С. 23–59.
2. Кнатько, Г. Д. Гибель Минского гетто / Г. Д. Кнатько. – Минск : Национальный архив Республики Беларусь, 1999. – 87 с.
3. Справка Н.А. Коссого о массовом истреблении еврейского населения Минска. 24 марта 1944 г. // Холокост в Беларуси. 1941–1944. Док. и материалы / сост.: Э. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. – Минск, 2002. – С. 192–202.
4. Протокол беседы Н.А. Коссого с узницей Минского гетто Х.И. Рубинчик. 22 февраля 1944 г. // Холокост в Беларуси. 1941–1944. Док. и материалы / сост.: Э. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. – Минск, 2002. – С. 179–190.
5. Кнатько, Г. Д. История Минского гетто / Г. Д. Кнатько // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследвання (у памяць ахвяр Трасцянца) : Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25–27 крас. 2002 г. / адк. рэд. К. І. Козак [і інш.]. – Мінск, 2003. – С. 37–60.
6. Меломед, Б. Меня расстрелялі 2 марта 1942 года… / Б. Меломед // Выжить – подвиг: воспоминания и док. о Минском гетто / сост.: И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. Минск, 2008. – С. 70–114.
7. Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-укл. Я. І. Бараноўскі, Г. Дз. Кнацько, Т. М. Антановіч [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – 254 с.
8. Смоляр, Г. Менскае гета: Барацьба савецкіх габраяў-партызанаў супраць нацыстаў / Г. Смоляр; пер. з анг. М. Гілевіча. – Мінск : Тэхналогія, 2002. – 182 с.
9. Из беседы начальника информационного отделения 2-го отдела БШПД И.С. Кравченко с партизаном бригады Н.М. Никитина Р.М. Бромбергом. 8 октября 1942 г. // Judenfrei! Свободно от евреев! / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. – Минск, 1999. – С. 73–74.
10. Из воспоминаний Исаака Абрамовича Лихтермана, бывшего узника Минского гетто. 1944 г. // Judenfrei! Свободно от евреев! / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. – Минск, 1999. – С. 82.
11. Смоляр, Р. Антыфашысцкае падполле ў Мінскім гета (ліпень 1941–жнівень 1942 гадоў) / Р. Смоляр // Полымя. – 1995. – № 6. – С. 208–244.
12. Иоффе, Э. Г. Плечом к плечу с народами СССР / Э. Г. Иоффе // Беларус. думка. – 2010. – № 4. – С. 84–91.
13. Иоффе, Э. Г. Это было в Минском гетто / Э. Г. Иоффе // Беларус. думка. – 2018. – № 11. – С. 43–49.
14. Из истории отряда имени М.И. Кутузова 2-ой Минской партизанской бригады. июль–август 1944 г. // Judenfrei! Свободно от евреев! / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. – Минск, 1999. – С. 258–259.

15. Партизанские формирования в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / сост.: А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
16. Трейстер, М. А. Проблески памяти / М. А. Трейстер // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации : сборник научных работ / сост. и ред. Я. З. Басин. – Минск, 2005. – С. 256–286.
17. Смиловицкий, Л. Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. = The Holocaust in Belorussia, 1941–1944 / Л. Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : Б-ка М. Черного, 2000. – 432 с.
18. Смоляр, Г. Мстители гетто / Г. Смоляр; пер. с идиш М. Шамбадал. – М.: Дер эмес, 1947. – 127 с.
19. Черная книга : О злодейском повсемест. убийстве евреев нем.-фашист. захватчиками во временно оккупир. р-нах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. : Сборник / сост. под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – Вильнюс : ЙАД, 1993. – 578 с.
20. Левин, Б. В лесах мщения / Б. Левин. – Тель-Авив, 1968. – 211 с. [на иврите]
21. Холявский, Ш. Город и лес в осаде / Ш. Холявский. – Тель-Авив, 1973. – 228 с. [на иврите]
22. Гринштейн, Я. Спасшийся с Юбилейной площади / Я. Гринштейн. – Тель-Авив, 1968. – 207 с. [на иврите]
23. Smolar, H. The Minsk Ghetto / H. Smolar. – New York : Holocaust Library, 1989. – 175 p.
24. Краснапёрка, Г. Д. Пісьмы маёй памяці / Г. Д. Краснапёрка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 111 с.
25. Марголина, С. М. Остаться жить / С. М. Марголина – Минск : Натако, 1997. – 67 с.
26. Давыдова, Г. Р. От Минска до Ла-Манша или Дорогами Холокоста / Г. Р. Давыдова. – Минск : Четыре четверти, 2000 . – 231 с.
27. Гальбурт, А. Е. Воспоминания / А. Е. Гальбурт. – Минск : Энциклопедикс, 2000. – 64 с.
28. Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944) : сб. материалов и док. / редкол. и сост.: Р. А. Черноглазова, А. Т. Лейзеров ; отв. ред. Р. А. Черноглазова ; пер. с нем. яз. А. Т. Лейзерова ; пер. с пол. яз. Р. А. Черноглазовой. – Минск : Изд. Я. Б. Дремач : Изд. Э. С. Гальперин, 1995. – 361 с.
29. Judenfrei! Свободно от евреев: История Минского гетто в документах / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. – Минск : Асобны дах, 1999. – 432 с.
30. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / Мин. междунар. образоват. центр им. Й. Рау, Дортмунд. междунар. образоват. центр, Ист. мастерская Мин. междунар. образоват. центра им. Й. Рау ; сост. З. А. Никодимова; под ред. К. И. Козака. – Минск : И. П. Логвинов, 2010. – 134 с.
31. Мачиз, А. С. Свидетельство трагедии и борьбы в Минском гетто / А. С. Мачиз / сост. Л. А. Цыринский ; под ред. К. И. Козака. – Минск : И. П. Логвинов, 2011. – 105 с.
32. Гебелева, С. М. Подвиг Анны Купреевой / С. М. Гебелева. – Минск : Издатель Владимир Сивчиков, 2018. – 291 с.
33. Национальный архив Республики Беларусь. Сектор истории партии. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 837.
34. Воспоминания подпольщицы Доры Кравчинской // Гебелева, С. М. Подвиг Анны Купреевой / С. М. Гебелева. – Минск, 2018. – С. 223–224.
35. Купреева, А. П. Трагедия и героические страницы Минского гетто / А. П. Купреева // Гебелева, С. М. Подвиг Анны Купреевой / С. М. Гебелева. – Минск, 2018. – С. 54–120.
36. Иоффе, Э. Г. Это было в Минском гетто / Э. Г. Иоффе // Беларус. думка. – 2018. – № 10. – С. 45–51.
37. Гебелева, С. М. Долгий путь к заветной улице / С. М. Гебелева. – Минск : И. П. Логвинов, 2010. – 162 с.

УДК 94(476)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В НУМИЗМАТИКЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1991–2021 гг

Елена Обухова
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
obuhova_en@grsu.by

В статье рассмотрены особенности репрезентации истории Великого Княжества Литовского в нумизматике Литвы, Украины и Республики Беларусь в 1991–2021 гг. Выявлено, что наибольшее количество памятных монет с сюжетами из истории этого государства было отчеканено в Литве, в Беларуси и Украине отдавалось предпочтение мемориализации политических деятелей и событий истории ВКЛ XV – начала XVII вв.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, мемориализация, Литва, Беларусь, Украина, история, средневековье, нумизматика

REPRESENTATION OF THE HISTORY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE NUMISMATICS OF EASTERN EUROPEAN COUNTRIES IN 1991–2021

Elena Abukhava
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The article discusses the features of the representation of the history of the Grand Duchy of Lithuania in the numismatics of Lithuania, Ukraine and the Republic of Belarus in 1991–2021. It was revealed that the largest number of commemorative coins with plots from the history of this state was minted in Lithuania. Memorialization of political figures and events in the history of the Grand Duchy of the 15th – early 17th centuries were central topic of the modern numismatics in Belarus and Ukraine.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, memorialization, Lithuania, Belarus, Ukraine, history, Middle Ages, numismatics

Коммеморационная политика государства реализуется через различные механизмы трансляции в обществе информации (текстовой, визуальной, воспроизводимой в виртуальном пространстве или на специальных носителях) о событиях, деятелях, иных объектах истории страны. Одним из таких механизмов является выпуск памятных монет, тематика изображений на которых соответствует официальной исторической концепции. Говоря об мемориализации истории Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) в нумизматике, представляется весьма интересным сравнить, как современные государства, расположенные на территории, когда входившей в состав ВКЛ – прежде всего, Литва, Беларусь и Украина – сохраняют память о той эпохе.

Банк Литвы выпускал памятные монеты из драгоценных и недрагоценных металлов в 1993–2014 гг. с номиналом в литах, с 2015 года – в евро (таблица 1). С 1996 по 2000 гг. была отчеканена серия «Правители Литвы» из 50-литовых серебряных монет, на реверсах которых были изображены великие князья Миндовг, Гедимин (1996), Ольгерд (1998), Кейстут (1999) и Витовт (2000). Также в 2000 году вышла золотая монета «Витовт» достоинством 100 литов, в 2003 году была отчеканена 200-литовая биметаллическая монета к 750-летию коронации Миндовга. Великие князья Гедимин, Ольгерд и Кейстут были изображены суровыми бородатыми воинами в доспехах и шлемах, держащими меч или щит. Миндовг и Витовт изображались со знаками королевской власти: короной на голове, скипетром, державой [1].

В 2002–2011 гг. в Литве была отчеканена серия серебряных монет «Исторические и архитектурные памятники Литвы» номиналом 50 литов. В составе серии были монеты, на реверсах которых были изображены замки эпохи ВКЛ: Тракайский (2002), Медницкий (2006), Ковенский (2008), Биржайский (2010) и Верхний замок Вильно (2011).

В 1997 г. вышли юбилейные серебряные памятные монеты номиналом 50 лит, посвящённые 450-летию со дня выхода первой литовской печатной книги («Катехизис» Мартинаса Мажвидаса) и 600-летию поселения караимов и татар в Литве. В 2000 г. подобная монета была выпущена к 350-летию издания книги «Великое искусство артиллерии» К. Семеновича, в 2004 г. – к 475-летию издания Первого Статута ВКЛ, на её реверсе была изображена сцена, как Альбрехт Гаштольд представляет текст Статута великому князю литовскому Сигизмунду Казимировичу [1].

К празднованию 1000-летию упоминания названия «Литва» был выпущен ряд памятных золотых монет достоинством 100 литов, в том числе монета «Великое Княжество Литовское», на реверсе которой был вычеканен перечень основных исторических событий Литвы на фоне карты ВКЛ (2008).

В 2010 году вышел целый ряд памятных монет, посвященных 600-летию Грюнвальдской битвы. На реверсе мельхиоровой монеты номиналом в 1 лит были изображены перекрещенные копья и надпись на литовском языке «ŽALGIRIO MŪŠIS 1410-2010». На реверсе серебряной 50-литовой монеты были изображены две группы пеших воинов с копьями, готовых к сражению, причём стоящие справа держали древки со знамёнами с изображениями гербов ВКЛ и Королевства Польского. Золотая 100-литовая памятная монета имела на аверсе изображение печати великого князя Витовта, а на реверсе – сцены битвы конных и пеших воинов, на переднем фоне был изображен лежащий на земле флаг крестоносцев [1].

В 2013 году вышла юбилейная серебряная 50-литовая монета, посвящённая 600-летию крещения Жемайтии, а также серебряная монета достоинством 100 лит, посвящённая 400-летию выпуска первой карты ВКЛ. Помимо фрагментов карты на монете был отчеканен портрет Николая Радзивилла Сиротки. В 2014 г. вышла серебряная 50-литовая монета, посвящённая 500-летию битвы под Оршей, на реверсе которой был изображён поясной портрет Константина Острожского в доспехах, а за ним – сцена самой битвы [1].

Реверс монеты «Миндовг» (1996)

Реверс монеты «Гедимин» (1996)

Реверс монеты «Ольгерд» (1998)

Реверс монеты «Кейстут» (1999)

Реверс серебряной монеты «Витовт» (2000)

Реверс монеты «750 лет коронации Миндовга» (2003)

Реверс золотой монеты «Витовт» (2000)

Реверс монеты «475 лет I Статуту ВКЛ» (2004)

Реверс монеты «Верхний замок Вильнюса» (2011)

Реверс монеты «600 лет появления караимов и татар в Литве (1997)

Реверс монеты «Великое Княжество Литовское» (2008)

Реверс монеты «400 лет первой карты ВКЛ» (2013)

Реверс монеты «600 лет Грюнвальдской битвы» (номинал 1 литов) (2010)

Реверс монеты «600 лет Грюнвальдской битвы» (номинал 500 литов) (2010)

Реверс монеты «600 лет Грюнвальдской битвы» (номинал 50 литов) (2010)

Реверс монеты «500 лет битве под Оршей» (2014)

Таблица 1. Памятные монеты Литвы с изображением персоналий и сюжетов из истории ВКЛ

В 2015 году была отчеканена золотая монета номиналом 50 евро, посвящённая монетному делу Великого Княжества Литовского, в том же году появилась памятная серебряная монета номиналом 20 евро, посвящённая 500-летию со дня рождения Николая Радзивилла Чёрного. В 2017 году к 500-летию издания Библии Ф. Скориной была отчеканена памятная серебряная монета номиналом 20 евро, на аверсе и реверсе которой были изображены верхняя и нижняя части титульного листа данного издания [2].

На монетах Национального банка Республики Беларусь изображения, связанные с историей ВКЛ, появились в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (таблица 2), и первыми на монетах появились архитектурные памятники данной эпохи: Мирский замок (1998), церковь Святого Архангела Михаила в деревне Сынковичи Зельвенского района Гродненской области (2000), дворцово-замковый комплекс (2004) и фарный костёл (2005) в Несвиже. На монете, посвящённой 600-летию со дня рождения Софьи Гольшанской (Друцкой) (2006) были размещены изображения самой великой княгини и её родового замка в Гольшанах (реконструкции).

В дальнейшем на памятных монетах Беларуси появились изображения Новогрудского замка (2008), Будславского костёла (2013) и костёла в деревне Камаи (2014). На ряде монет были отчеканены политические деятели ВКЛ: Давыд Городенский (2008), Лев Сапега (2010), Констатин Острожский (2014), Николай Радзивилл Чёрный (2015) [3].

В 2010 году вышли четыре памятные монеты «Грюнвальдская битва. 600 лет», посвящённые юбилею этого масштабного сражения европейского Средневековья. На 20-рублёвой золотой монете на аверсе были изображены два меча в обрамлении дубового венка, а на реверсе – чаша с дубовым венком и крест. На 50-рублёвой золотой монете на аверсе было помещено изображение стилизованного меча в виде человека на фоне потрескавшейся земли [3].

Выпускались в Беларуси памятные монеты, посвящённые иконам, обретённым во времена ВКЛ. Так, в 2013 году появилась серебряная монета в честь 400-летия пребывания чудотворного образа Матери Божией в Будславе, в 2020 году были введены в обращение памятные монеты (серебряная и медно-никелевые), посвящённые 550-летию обретения чудотворной Жировичской иконы Божией Матери, образ которой был изображён на реверсе.

Несмотря на значительное количество памятных монет, выпущенных Национальным банком Украины (996 наименований), истории Великого Княжества Литовского были посвящены лишь шесть сюжетов (таблица 3). В 1999 году была выпущена серебряная монета номиналом 10 гривен, посвящённая 500-летию получению Киевом магдебургского права, на её реверсе был изображён монумент магдебургского права в Киеве, воздвигнутый в начале XIX в. [4].

В 2004 году была выпущена 10-гривневая серебряная монета, посвящённая княжескому роду Острожских, поддерживавших православную культуру в ВКЛ. На реверсе монеты были изображены портреты ярких представителей рода – князей Константина (1460–1530), Василия-Константина (1526–1608) и княгини Елизаветы (Гальшки) (1575–1642) [5].

В 2010 году к 600-летию Грюнвальдской битвы была выпущена памятная серебряная монета номиналом 20 гривен, на реверсе которой было помещено изображение атаки средневековой кавалерии с копьями [6].

В 2014 году к 500-летию битвы под Оршей была выпущена 5-гривневая памятная монета номиналом из нейзильбера. На реверсе монеты была изображена символическая композиция битвы, справа изображен князь Константин Острожский, а на аверсе – композиция из четырех мечей, символизирующая военное содружество четырех народов: польского, литовского, белорусского, украинского, представители которых приняли участие в битве на стороне ВКЛ [7].

В 2017 г. вышла 5-гривневая монета из нейзильбера «Старый замок в г. Каменец-Подольском», на аверсе и реверсе которой были изображены различные проекции средневековой каменной крепости Каменец-Подольска, построенной во времена владения Подольем Гедиминовичей [8].

В серии «Герои казацкой эпохи» в октябре 2021 года была выпущена 5-гривневая монета из нейзильбера «Хотинская битва», посвящённая 400-летию одноименной битвы, во время которой совместными усилиями военных сил Речи Посполитой и Запорожского войска была остановлена экспансия Османской империи. На реверсе монеты изображён гетман Пётр Сагайдачный, командовавший войском запорожцев в данном сражении [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что в странах, расположенных на территории, находившихся ранее в составе Великого Княжества Литовского – Литве, Беларуси и Украине – подходы к репрезентации пмяти об этом периоде истории имели больше различий, чем точек соприкосновения. К последним следует отнести мемориализацию военной истории ВКЛ XV–XVI вв. Во всех трёх странах в 2010 г. были выпущены памятные монеты, посвящённые 600-летию Грюнвальдской битвы. В Литве и Украине в 2014 году были введены в обращение монеты, посвящённые 500-летию битвы под Оршей. В нумизматике Беларуси и Украине особо сохранялась память о гетмане ВКЛ Константине Острожском. Также во всех трёх странах вышли монеты, посвящённые оборонительным архитектурным памятникам эпохи ВКЛ.

Наиболее активно сюжеты из истории ВКЛ были представлены в коллекциях памятных монет Национального банка Литвы. Только в этой стране на монетах появились великие князья литовские периода XIII–XV вв. Среди великих князей, правивших во время династической унии с Польшей, на монетах Литвы были изображён лишь Сигизмунд I, но монета была посвящена не ему персонально. Именно в Литве чеканились монеты в память о печатных изданиях, опубликованных на территории ВКЛ или подготовленных выходцами из этой страны, в том числе Библии Ф. Скорины, Статута ВКЛ 1529 года, книги «Великое искусство артиллерии» К. Семеновича, первой карты ВКЛ.

Реверс монеты «Мирский замок» (1998)

Реверс монеты «Церковь-крепость Сынковичи» (2000)

Реверс монеты «Замок Радзивиллов. Несвиж» (2004)

Реверс монеты «Фарный костёл. Несвиж» (2005)

Аверс монеты «400 лет пребывания чудотворного образа Матери Божьей в Будславе» (2013)

Реверс монеты «Костёл Иоанна Крестителя» (2014)

Аверс монеты «Софья Гольшанская (Друцкая). 600 лет» (2006)

Аверс золотой монеты «Грюнваль-дская битва. 600 лет» (2010)

Реверс монеты «Софья Гольшанская (Друцкая). 600 лет» (2006)

Реверс монеты «Давид Гродненский» (2008)

Реверс монеты «Лев Сапего» (2010)

Реверс монеты «Константин Острожский» (2014)

Таблица 2. Памятные монеты Беларуси с изображением персоналий и сюжетов из истории ВКЛ

В нумизматике Республии Беларусь предпочтение отдавалось мемориализации объектов истории ВКЛ XV – начала XVII вв. Это касалось и архитектурных памятников, и исторических личностей, и предметов культа (икон). Единственным исключением из правил стала монета, посвящённая городенскому старосте Давыду, жившему во времена великого князя Гедимина.

Как видно из сюжетов памятных монет Национального банка Украины, в исторической политике этой страны история Великого Княжества Литовского не занимала значительного места. На монетах изображались сюжеты истории ВКЛ XV– начала XVII вв., связанные с территорией современной Украины.

Реверс монеты «500-летие Магдебургского права Киева» (1999)

Реверс монеты «Семья Острожских» (2004)

Аверс и реверс монеты «Старый замок в г. Каменец-Подольском» (2017)

Реверс монеты «600 лет Грюнвальдской битвы» (2010)

Аверс и реверс монеты «500-летие битвы под Оршей» (2014 г.)

Реверс монеты «Хотинская битва» (2021)

Таблица 3. Памятные монеты Украины с изображением персоналий и сюжетов из истории ВКЛ

1. Collector (commemorative) coins [Electronic resourse]. – Lietuvos bankas. – Mode of access: **http://www.lb.lt/issued_commemorative_coins**. – Date of access: 22.01.2022.
2. Collector and commemorative coins [Electronic resourse]. – Bank of Lithuania. – Mode of access: http://www.lb.lt/en/collector-and-commemorative-coins-2. – Date of access: 22.01.2022**.**
3. Каталог памятных монет, выпущенных в обращение Национальным банком Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/coinsbanknotes/coins/commemorative/catalog. – Дата доступа: 04.12.2021.
4. Монета «500-летие магдебургского права Киева» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.ua-coins.info/list/41-500-letie-magdeburgskogo-prava-kieva**. –** Дата доступа: 25.01.2022.
5. Монета «Семья Острожских» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.ua-coins.info/list/1937-sem-ya-ostrozhskih. – Дата доступа: 11.01.2022.
6. Монета «600-летие Грюнвальдской битвы» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.ua-coins.info/list/1826-600-letie-gryunval-dskoy-bitvy. – Дата доступа: 11.01.2022.
7. Монета «500-летие битвы под Оршей» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.ua-coins.info/list/321-500-letie-bitvy-pod-orshey. – Дата доступа: 25.01.2022.
8. Монета «Старый замок в Каменце-Подольском» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.ua-coins.info/list/2158-staryy-zamok-v-g-kamence-podol-skom. – Дата доступа: 26.01.2022
9. Монета «Хотинская битва» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.ua-coins.info/list/2369-hotinskaya-bitva. – Дата доступа: 26.01.2022.

УДК 32

ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ МИНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Анна Джумалиева
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
annadzumalieva@gmail.com

В статье представлен анализ Минских соглашений 2014 и 2015 гг., направленных на урегулирование конфликта в восточных областях Украины, и прогнозы о возможностях их выполнения.

Ключевые слова: Минские соглашения, Донбасс, Евромайдан, режим прекращения огня, «Нормандская четверка», линия соприкосновения, Донецкая народная республика, Луганская народная республика

THE SIGNIFICANCE AND PERSPECTIVES OF THE REALIZATION OF THE MINSK AGREEMENTS

Anna D. Jumaliyeva
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The article shows the analysis of the 2014 and 2015 Minsk agreements. The agreements focus on regulating the conflict in the eastern region of Ukraine as well as some forecasts and implementation of the commitments proposed in the document.

Keywords: Minsk agreements, Donbas, Euromaidan, ceasefire regime, the Normandy Four, contact line, Donetsk People's Republic, Lugansk People's republic

В 2014–2015 годах Минск оказался в центре важнейших событий, происходивших в Восточной Европе, став переговорной площадкой для определения условий прекращения военных действий в Украине. К сожалению, сегодня не все граждане Беларуси осознают важность участия нашей страны в миротворческой деятельности, особенно низкий уровень осведомленности о событиях, связанных с подписанием Минских соглашений, показывает поколение Z (молодые люди, родившиеся после 1997 г.). Опрос, в котором приняли участие 105 белорусских студентов, показал неутешительные результаты: 68,6 % принявших участие в опросе (72 человека), признались в отсутствии знаний о времени подписания и содержании этого документа. [1].

Сегодня проблема конфликта на Донбассе и документы, подписанные в Минске в 2014 г. и 2015 г., приобретают чрезвычайную актуальность. Современный Донбасс – это не просто одна из горячих точек на карте мира, это та территория, где решаются вопросы о будущих глобальных геополитических изменениях. Данное исследование посвящено рассмотрению ситуации, приведшей к подписанию Минских соглашений, оценке и анализу их содержания, определению перспектив реализации.

В ночь с 21 на 22 ноября 2013 года в Киеве стали разворачиваться события, получившие название «Революция Достоинства». Сегодня в Украине 21 ноября отмечается как День достоинства и свободы, а в Российской Федерации определяется как начало госпереворота. Евромайдан перерос в кровавые столкновения между протестующими и сотрудниками правоохранительных органов и завершился 25 февраля 2014 года бегством из страны президента Украины Виктора Януковича.

Одним из последствий Евромайдана стал выход Крыма из состава Украины. Новые власти Киева не были признаны также в восточных областях Украины. 7 апреля 2014 г. в Донецке и Харькове активисты провозгласили создание "народных республик". Через считанные часы здание харьковской администрации взяли штурмом украинские спецназовцы, в Донецке и Луганске представители киевской власти инициировали переговоры с протестующими. Вечером того же дня Совет национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) принял решение "О неотложных мероприятиях относительно преодоления террористической угрозы и сохранения территориальной целостности Украины", которое до сих пор защищено грифом "секретно". На следующий день его ввел в действие своим указом временно исполняющий обязанности президента Александр Турчинов. На территории Донецкой, Луганской и Харьковской областей официально началась "антитеррористическая операция" при участии всех силовых подразделений Украины, бронетехники, артиллерии, боевой авиации ВСУ.

События 2 мая 2014 г. в Одессе, в ходе которых в Доме профсоюзов погибло более 40 и пострадало более 100 чел., выступивших против сторонников Евромайдана, показали ожесточенность противостояния в Украине различных политических сил**.** 11 мая 2014 года в Донецкой и Луганской областях состоялись референдумы, на которых большинство местных жителей поддержали идею самоопределения Донецкой и Луганской народных республик**.** В августе 2014 года Киев решил поставить точку в вопросе существования донецких республик. 19 августа 2014 года в Донбассе развернулись ожесточённые бои за небольшой городок Иловайск, к востоку от Донецка. Группировка добровольческих батальонов, выступавших на стороне ВСУ, попала в окружение. Попытки войск вырваться из «котла» привели к значительным потерям. О том, насколько напряженной ситуация была в Украине в этот период, недавно вспоминал президент нашей страны А.Г. Лукашенко: «…готов даже был на 400 км границы украино-российской ввести своих пограничников… Я был готов перекрыть эту границу. И когда в Минск приезжал Путин, мы обсуждали эту проблему. Путин был не против, но Украина выступила против» [2].

В таких условиях возникла необходимость в организации переговорного процесса. Площадкой для переговоров стал г. Минск. Беларусь имела репутацию нейтральной и миролюбивой страны, которая поддерживает дружественные отношения с РФ и Украиной и никогда в своей истории не была инициатором политических или экономических конфликтов. Таким образом, Минск отлично подошёл для организации диалога между сторонами конфликта и сторонами, посредничающими в урегулирования конфликта.

Переговоры в Минске об урегулировании ситуации на Донбассе в сентябре 2014 г. проводились в рамках трехсторонней контактной группы (Украина–ОБСЕ–Россия). 5 сентября 2014 г. были подписаны Минские соглашения (Минский протокол), предусматривающие возвращение Донбасса в состав Украины с особым статусом. Минские договоренности – историческое событие для политической составляющей не только Республики Беларусь, но и всей Европы. Они определили отказ от военного варианта решения проблем на востоке Украины. Однако, **ч**ерез несколько месяцев относительного спокойствия на линии разграничения ситуация вновь серьезно обострилась. В январе 2015 года развернулись бои за Донецкий

аэропорт, начались обстрелы жилых кварталов Мариуполя, возникла угроза окружения большой группировки украинских войск в районе городе Дебальцево.

В феврале 2015 г. состоялись новые переговоры в белорусской столице – уже в формате "Нормандской четверки" с участием глав России, Франции, Германии и Украины. Итогом стало заключение 11-12 февраля 2015 г. нового плана по мирному урегулированию. Документ был подписан и главами непризнанных республик А.В. Захарченко и И.В. Плотницким без указания их должностей. Соглашение, которое сокращенно именуется «Минск-2», – это 13 пунктов Комплекса мер, из которых – 4 пункта посвящены военным вопросам (1–3-й – о прекращении огня и мониторинге и 10-й пункт – о выводе иностранных вооруженных формирований, военной техники) [3].

Подписание документа обеспечивало алгоритм действий, результатом которых становилось урегулирование вооруженного конфликта и стабилизация политической ситуации на Украине. Однако, ни первые, ни вторые Минские соглашения не были реализованы. На протяжении 2015–2021 гг. были зафиксированы многочисленные нарушения всех пунктов договора.

Первый пункт Минских соглашений-2 гласит: незамедлительное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины и его строгое выполнение, начиная с 00 ч. 00 мин. (киевское время) 15 февраля 2015 года.

По подсчетам УВКПЧ ООН (Управление Верховного комиссара ООН по правам человека), общее число человеческих потерь, связанных с конфликтом на Украине (с 14 апреля 2014 по 31 января 2021 года), составляет 42000-44000 чел.: 13100–13300 погибших (не менее 3375 гражданских лиц, около 4150 украинских военных и примерно 5700 членов вооруженных групп) и 29500-33500 раненых (7000-9000 гражданских лиц, 9 700-10 700 украинских военных и 12700-13700 членов вооруженных групп) [4].

Ни международные организации, ни украинское руководство не фиксирует внимания общественности на том, что потери среди гражданского населения касаются исключительно территории непризнанных ДНР и ЛНР.

Второй пункт Минских соглашений-2 гласит: отвод всех тяжелых вооружений обеими сторонами на равные расстояния в целях создания зоны безопасности шириной минимум 50 км друг от друга для артиллерийских систем калибром 100 мм и более, зоны безопасности шириной 70 км для РСЗО и шириной 140 км для РСЗО "Торнадо-С", "Ураган", "Смерч" и тактических ракетных систем "Точка" ("Точка У"):

Осенью 2016 года удалось развести войска в двух из трех согласованных районах Петровского и Золотого. На третьем участке – станицы Луганской – развод войск так и не состоялся. Только в 2016 г. ОБСЕ зафиксировала 3099 случаев размещения вооружений с нарушением Минских соглашений [5].

Поскольку первые два важнейших условия о прекращении огня и отводе войск от линии разграничения не были выполнены, это сделало невозможным реализацию и всех остальных пунктов Минских соглашений. А ведь в документе обозначены пути решения политических вопросов о проведении местных выборов и конституционной реформы с учетом позиции непризнанных республик, экономических и гуманитарных проблем (о восстановлении хозяйственных связей, помиловании и амнистии обмене пленными, гуманитарной помощи).

Наиболее заметные успехи в направлении реализации Минских соглашений были достигнуты в выполнении 6-го пункта.

Шестой пункт Минских соглашений-2 гласит: обеспечить освобождение и обмен всех заложников и незаконно удерживаемых лиц на основе принципа «всех на всех». Этот процесс должен быть завершен не позднее, чем на пятый день после отвода.

27 декабря 2017 года состоялся самый масштабный за время конфликта обмен пленными: Киеву передали 73 человека, самопровозглашенным Донецкой и Луганской народным республикам – 165 и 73 человека соответственно.

29 декабря 2019 года в Киев были возвращены 52 человека от ДНР и еще 25 от ЛНР. В Донецк вернулись 60 человек, еще 63 – в Луганск.

Обмен удерживаемыми лицами не был завершен. Более того, украинские спецслужбы практикуют похищение людей с территорий ДНР и ЛНР (например, в июне 2019 г. был похищен бывший командир отдельной роты противовоздушной обороны в ДНР Владимир Цемах, в октябре 2021 г. –наблюдатель от ЛНР в Совместном центре по контролю и координации режима прекращения огня Андрей Косяк).

Таким образом, из 13-ти согласованных в 2015 г. пунктов Минских соглашений не был выполнен ни один.

Российская сторона обвиняет в невыполнении Минских соглашений украинские власти. Такие оценки звучат на самом высоком уровне, от президента Российской Федерации В.В. Путина: «Минские соглашения. Они хорошие или нет? Я считаю, что единственно возможные. Так проблема в чем? Не хотят исполнять!» [6].

В свою очередь с момента заключения «Минска» представители украинской политической элиты рассматривали условия соглашения как неприемлемые и принятые под силовым давлением. Они не скрывали, что не собираются выполнять их политическую составляющую (конституционная реформа, введение в действие на постоянной основе закона об «Особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей», проведение выборов на Донбассе и т.д.).

Одной из главных причин отсутствия прогресса в выполнении Минских соглашений является разность позиций сторон по поводу определения сути конфликта на украинской территории. Киев изначально настаивал на том, что конфликт не является внутриукраинским. Украинские политики с 2014 года постоянно твердят о внешней агрессии и упорно отказываются вести переговоры с представителями ДНР и ЛНР. Такой подход украинских властей фактически опирается на консолидированную политическую поддержку стран Запада, которые считают ответственным за происходящее на востоке Украины руководство России, усиливают санкционное давление на РФ и тем самым не способствуют выработке Киевом более компромиссной позиции.

«Запад не слышит Россию, заявляя, что НАТО – миролюбивый блок, который ни для кого не представляет опасности. И это – несмотря на произошедшее в Югославии, Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии. То же происходит и в ситуации с Минскими соглашениями: например, в Вашингтоне даже не понимают, что Россия не является одной из сторон в Минском процессе», – так официальную позицию Кремля сформулировал пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков [7]. Россия, Франция и Германия являются гарантами выполнения Минских соглашений, а не сторонами конфликта.

Запад в значительной степени солидаризуется с позицией официального Киева, упрекая Российскую Федерацию в невыполнении Минских соглашений. "Минские соглашения остаются путем к миру, поэтому все стороны должны выполнять свои обязательства. Россия несет особую ответственность [за выполнение Минских соглашений]. Она должна вывести свои войска [с украинской территории] и прекратить поддержку боевиков в Украине", – отметил генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг [8].

Президент Украины Владимир Зеленский в апреле 2021 года в интервью газете Financial Times выдвинул три инициативы, которые, по его мнению, могут привести к разрешению кризиса на юго-востоке Украины [9].

Во-первых, это изменение Минских соглашений, заключенных в 2015 году. «Я принимаю участие в процессе, который был разработан до моего прихода [на пост президента]. Минский процесс должен быть более гибким в сложившейся ситуации. Он должен служить целям настоящего, а не прошлого», – заявил украинский лидер. Он не уточнил, какие именно изменения хочет внести. В 2019 году Зеленский утверждал, что изменения Минских договоренностей могли бы коснуться вопроса передачи границы под контроль Киеву. В июле 2020 года он также предлагал расшифровать каждый пункт Минских соглашений, чтобы легче было отслеживать процесс их выполнения.

Во-вторых, В.А. Зеленский предложил расширить так называемый нормандский формат переговоров по Украине. По мнению украинского лидера, к переговорному процессу стоит подключить США, Великобританию и Канаду.

В-третьих, украинский президент предложил организовать встречу с российским лидером Владимиром Путиным. При этом В.А. Зеленский заявил о нежелании встречаться с представителями Донецкой и Луганской народных республик, как предлагал В.В. Путин. «У меня нет намерений разговаривать с террористами, в моем положении это просто невозможно», – пояснил президент Украины.

Вместе с тем, в Украине есть политические силы, которые видят необходимость в выполнении Минских соглашений. *«"*Минск" сегодня важен и поменять его на что-либо сегодня нельзя. С другой стороны, чтобы "Минск" начал выполняться, нужна политическая воля всех. И украинской стороны, и наших международных партнеров, и России. По-другому не получится. "Минск" нужно выполнять в той последовательности, как он прописан*»,* – заявил в 2021 году украинский государственный и политический деятель, занимавший до октября 2021 г. пост председателя Верховной Рады Украины Дмитрий Разумков [10].

«Постмайданный» период в истории внешней политики Украины можно считать периодом отказа от многовекторности и фактического превращения страны в объект международных отношений. Это стало результатом отказа от развития отношений с ключевыми акторами, способными оказать влияние на международное положение и социально-экономическое развитие Украины (прежде всего с Россией, США и ЕС) в пользу исключительно евроатлантической ориентации. Положение усугублялось наличием территориальных потерь, внутренних и внешних конфликтов.

Украина никогда не играла ведущую роль на мировой арене, но при сохранении многовекторного формата, ее внешняя политика все же была способна удерживать баланс между следованием в русле политики более значимых с точки зрения экономического и военно-политического потенциала соседей и сохранением возможностей для маневра. В 2014 г. Киев выбрал исключительно прозападный курс, в

котором наиболее значимую роль стали играть американоцентризм и евроатлантизм. С февраля 2019 г. в Конституции Украины по решению Верховной Рады закреплен курс на вступление страны в ЕС и НАТО.

Обострение в последнее десятилетие международной ситуации привело к выдвижению РФ инициативы с предложениями, адресованными США, НАТО и ОБСЕ об изменении принципов обеспечения безопасности в Европе и мире. Это в свою очередь спровоцировало рост напряженности вокруг Украины и Донбасса.

В последнее время мы можем наблюдать, как в Украине происходит концентрация и мобилизация вооруженных сил, из Киева эвакуируются семьи сотрудников иностранных посольств, более 40 стран рекомендовали своим гражданам покинуть Украину или отменить запланированные поездки в эту страну на фоне опасений по поводу возможного вторжения России. Нагнетается ситуация и в информационном поле, так, президент США Джо Байден объявил 16 февраля 2022 г. днем начала вторжения России в Украину. Целый ряд стран осуществляет активные поставки различных видов вооружения в Украину, происходит стягивание войск на границу с ДНР и ЛНР и на восточные границы ЕС, а именно, в Польшу. Таким образом, образуется дуга напряженности возле границ Беларуси и России, на которою союзное государство не может не реагировать. Происходит укрепление союзных отношений между РФ и Республикой Беларусь, с 10 февраля 2022 по 20 февраля 2022 года проходят военные учения «Союзная решимость – 2022». Нашим правительством просчитываются все варианты развития событий, не исключается возможность размещения на территории Беларуси ядерного оружия.

Угроза войны нарастает, как и дипломатическая активность, направленная на поиск оптимального решения международного кризиса. В такой ситуации можно предположить следующие варианты возможности реализации Минских соглашений:

Оптимистичный сценарий. Успешный процесс реинтеграции Донбасса в Украину в рамках Минских договоренностей.

Реалистичен при условии принуждения Украины со стороны международных структур к выполнению Минских соглашений. Скорее всего, будет сопровождаться серьезными процессами переформатирования политической системы Украины, объявлением о ее нейтральном статусе и отказе от вступления в НАТО.

Этот сценарий трудновыполним, пока официальные лица Украины и политическая элита заявляет об угрозах, которые несет выполнение Минских соглашений для будущего страны: «Выполнение Минских соглашений означает уничтожение страны», – заявлял секретарь СНБО Украины Алексей Данилов, многие украинские политики поддерживают эту позицию [11].

Пессимистичный сценарий. Замораживание ситуации на неопределенный срок.

Этот сценарий осуществлялся на всем протяжении периода 2014-2021 гг. Донбасс – это кровоточащая рана, которая периодически будет напоминать о себе (как Карабах). Для стран Запада – это рычаг воздействия на Россию. Статус-кво ДНР и ЛНР не позволяет отношениям между Россией и Украиной перейти в новую, более конструктивную фазу.

До недавнего времени многие политологи отмечали бесперспективность реализации Минских соглашений. Такое мнение отражено в позиции известного российского политолога, лидера общественного движения «Патриоты Великого Отечества» и члена ЦС Социалистической партии «Справедливая Россия – За Правду!» Н.В. Старикова: «К сожалению, стоит констатировать, что у Минских соглашений никакого будущего нет. Нет, потому что одна из сторон, а именно киевский режим, не собирается их выполнять. И это бы еще полбеды. Поддерживающий киевский режим Запад, поддерживает его, в том числе и в намерении не выполнять Минские договоренности и Минские соглашения. В такой ситуации выполнение договора становится фактически невозможным» [12].

Отметим, что с декабря 2021 г. явно происходит «размораживание» ситуации на востоке Украины.

Катастрофический сценарий. Возобновление масштабных боевых действий на востоке Украины, возможность перерастания военного конфликта в глобальное столкновение между Россией и странами НАТО.

Для реализации такого сценария нужна очень сильная провокация. Действия США, Великобритании, Польши, стран Балтии, Чехии, Канады по поставкам на территорию Украины вооружений, отправке военных инструкторов и ЧВК подталкивают к развязыванию военных действий. РФ демонстрирует готовность к такому развитию событий. Ряд европейских государств дистанцируется от силового варианта разрешения кризисной ситуации вокруг Украины (Венгрия, Хорватия, Германия).

На сегодняшний момент самыми вероятными сценариями развития событий можно считать оптимистичный и катастрофический. В любом случае следствием станут глобальные изменения геополитической ситуации. Все эти 7 лет чаша весов находилась в статическом положении, но сейчас как никогда близок момент, когда может произойти перевес чаши на одну из сторон. Не исключен вариант аннулирования Минских соглашений. В случае официального отказа Украины от выполнения Минских соглашений Российская Федерация может заявить о признании ДНР и ЛНР (на территории республик проживает более 700 тыс.

российских граждан, еще более 900 тыс. жителей республик подали заявление на получение гражданства РФ). 15 февраля 2022 г. в Госдуме состоялось обсуждение предложений о необходимости признания независимости самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик, обращение о признании ДНР и ЛНР передано на рассмотрение президенту РФ.

Республика Беларусь заняла определенную позицию в ситуации, когда на территории соседней страны Украины более семи лет длится гражданское противостояние, выраженное в форме непрекращающегося вооруженного конфликта. Сохраняя нейтралитет, белорусское государство приняло участие в налаживании мирного процесса между противоборствующими сторонами. Минск дважды становился площадкой для переговоров по урегулированию кризиса в Украине. На мой взгляд, очень точную оценку этому дал белорусский политический обозреватель ОНТ Игорь Тур*:* «Переговоры Нормандской четвёрки – это событие, которое войдёт в историю Украины как единственная действительная попытка нормализовать вооружённый кризис на Донбассе. Всё остальное – это не более чем естественное затухание проблемы. Минские соглашения были тем документом, который был призван прекратить стрельбу. Но, скажем так, оказалось, что одни люди, чьи подписи стояли на документе, могли и хотели выполнить договорённости, а другие – или не могли, или не хотели, или и то, и другое. Причём пройдёт много лет, прежде чем все поймут, что некоторые лидеры, присутствующие в те дни во Дворце Независимости, хотели продолжения конфликта. А смерти людей – всего лишь часть внешней политики против сил, скажем так, оппонирующих. Для меня лично подписание и, очевидно, невыполнение Минских соглашений – потрясающий и ужасный пример обмана миллионов граждан определёнными политическими силами. Обмана, когда за громкими словами скрывается тихое бездействие. И это я, само собой, про власть Украины и их западных "партнёров"» [13].

Минские соглашения имеют судьбоносный характер для развития политических отношений между Украиной, Беларусью и Россией, являются важнейшим документом в попытке сохранить целостность украинского государства и его суверенитет. Минские встречи могли стать прологом преодоления имевшихся противоречий между политическими кругами восточнославянских государств и началом нового этапа сближения украинского, русского и белорусского народов. Для Республики Беларусь события 2014–2015 годов стали периодом выхода на совершенно новый уровень международных отношений. Наша страна предоставила переговорную площадку для сторон, находящихся в ситуации серьезной конфронтации. Белорусская сторона обеспечила проведение дипломатического обсуждения вопросов урегулирования вооруженного конфликта в соседней стране и тем самым повысила свой авторитет и приобрела новый международный статус.

Несмотря на невыполнение условий, значимость Минских соглашений недооценивать нельзя. Этот документ, подписание которого происходило на наших глазах, мог стать фундаментальной основой стабильности и безопасности в Европе и мире. Историческая миссия Минских соглашений в любом случае уже достигнута – подписание документов в свое время снизило градус напряженности в регионе и спасло жизни тысяч граждан Украины. В Минских соглашениях была определена главная цель – полное урегулирование конфликта, возращение мирной жизни на всей территории Украины. Эта цель не была достигнута. Однако задача достижения временного компромисса между сторонами конфликта для того, чтобы минимизировать более тяжелые последствия развития вооруженного противостояния, была решена.

1. Опрос был составлен и проведен автором на платформе Google Forms.
2. Интервью Александра Лукашенко Дмитрию Киселёву / РИА Новости [Электронный ресурс]. – 02.12.2021. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=QBUYL1YJ5qs&t=1659s. – Дата доступа: 04.12.2021.
3. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений / ОБСЕ [Электронный ресурс]. – 12.02.2015. – Режим доступа: https://www.osce.org/ru/cio/140221 – Дата доступа: 16.11.2021.
4. ООН озвучила число жерт конфликта в Домбассе/ Рамблер [Электронный ресурс]. – 19.02.2021. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/army/45851810-oon-ozvuchila-chislo-zhertv-konflikta-v-donbasse/ – Дата доступа: 07.12.2021.
5. Что такое Минские соглашения, и какие пункты сработали / Настоящее время [Электронный ресурс]. – 14.02.2017. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=7RLjyJUORZs – Дата доступа: 20.11.2021.
6. Большая пресс-конференция Президента Российской Федерации Владимира Путина / Первый канал [Электронный ресурс]. – 23.12.2021. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=OWxXkbJfFHc – Дата доступа: 23.12.2021.
7. Минские соглашения: почему Запад не слышит Россию / ВЕСТИRU [Электронный ресурс]. – 26.12.2021. – Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/2657306 – Дата доступа: 05.01.2022.
8. Столтенберг: РФ несет особую ответственность за выполнение Минских соглашений / NEWSONE [Электронный ресурс]. – 12.07.2018. – Режим доступа: https://newsoneua.tv/news/politics/stoltenberh-rf-neset-osobuju-otvetstvennost-za-vypolnenie-minskikh-sohlashenij.html – Дата доступа: 01.01.2022.
9. Зеленский предложил изменить минские соглашения / РБК [Электронный ресурс]. – 26.04.2021. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/26/04/2021/6086aca79a79478d3d195b81 – Дата доступа: 09.01.2022.

10. Альтернативы Минским соглашениям и Минскому процессу нет – Разумков / vestiua [Электронный ресурс]. – 22.12.2021. – Режим доступа: https://vesti.ua/politika/alternativy-minskim-soglasheniyam-i-minskomu-protsessu-net-razumkov – Дата доступа: 09.01.2022.
11. В СНБО Украины заявили о невыполнимости Минских соглашений / РИА Новости [Электронный ресурс]. – 01.02.2022. – Режим доступа: – https://ria.ru/20220131/ukraina-1770392652.html – Дата доступа: 13.02.2022.
12. Личный архив автора. Аудиозапись интервью с Н.В. Стариковым от 04.12.2021.
13. Личный архив автора. Запись интервью с И. Туром от 04.12.2021.

УДК 94(476)

ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С РЕСПУБЛИКОЙ УКРАИНОЙ ПО ЛИНИИ ЕВРОРЕГИОНОВ

Екатерина Шедько
Брестский государственный университет имени Александра Сергеевича Пушкина, Брест, Беларусь
kkktshd@yandex.ru

В данй статье будут рассмотрены отношения Республики Беларусь с Республикой Украиной по линии еврорегионов.

Ключевые слова: еврорегион, международный уровень, экономические отношения, реализация проектов, экологические проблемы

RELATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH THE REPUBLIC OF UKRAINE THROUGH EUROREGIONS

Ekaterina A. Shedko
Alexander Sergeevich Pushkin Brest State University, Brest, Belarus

In this presentation, the relations of the Republic of Belarus with the Republic of Ukraine through the euroregions will be considered.

Keywords: euroregion, international level, economic relations, project implementation, environmental problems

Процесс создания еврорегионов в Западной Европе начался после Второй мировой войны и был направлен на активизацию социально-экономического развития территорий, входящих в еврорегиональные объединения. Их деятельность была воспринята в западноевропейских странах как способ построения нового экономического социального порядка, активизации участия территорий в процессах европейской интеграции на провинциальном и муниципальном уровнях.

Основателями этого процесса были норвежские, шведские, финские, голландские, немецкие и французские пограничные регионы. Главной предпосылкой для развития еврорегионов было укрепление и углубление трансграничного сотрудничества, добрососедские отношения между территориальными общинами и властями, а также стремление убрать границы между государствами-членами ЕС [6, с. 176].

Всего в Беларуси было создано пять еврорегионов: «Неман», «Буг», «Озерный край», «Беловежская пуща» и «Днепр».

Плодотворно развивается сотрудничество Украины с Беларусью в рамках «Еврорегиона «Буг», в состав которого входят Волынская область и два района Львовской области (Республика Украина), Брестская область (Республика Беларусь) и Люблинское воеводство (Республика Польша), а также Еврорегиона "Днепр" в составе Черниговской (Республика Украина), Гомельской (Республика Беларусь) и Брянской (Российская Федерация) областей. Основное внимание в рамках этих трансграничных объединений сосредоточено на развитии торгово-экономического сотрудничества [1].

В рамках еврорегионов наиболее важным является использование опыта по финансированию и инвестированию инфраструктуры депрессивных регионов с целью содействия их выходу на международный уровень экономического развития.

Важнейшей формой взаимодействия между приграничными регионами является сотрудничество в рамках Трансграничного объединения «Еврорегион «Буг». Проработка идеи создания еврорегиона на стыке Беларуси, Украины и Польши велась с 1992 года. Его создание было спровоцировано процессом

установления стабильных контактов между региональными властями Беларуси, Польши и Украины, а также положительным опытом еврорегиональной интеграции стран Европейского Союза, в частности наших польских партнеров. 29 сентября 1995 года в Луцке (Республика Украина) было подписано соглашение о создании трансграничного объединения «Еврорегиона «Буг» в составе польского воеводства Хелм, Люблин, Замойский и Тарнобжег, а также Волынской области Республики Украины. В мае 1998 года Брестская область стала полноправным членом Ассоциации, что позволило юридически оформить участие белорусской стороны в этом проекте [3].

Площадь «Еврорегиона «Буг» составляет 80 тысяч квадратных километров. Население на данном участке превышает 5 миллионов человек. Здесь находятся города - Люблин, Брест, Луцк, Барановичи, Пинск. Через его территорию проходят важнейшие коммуникационные пути, соединяющие страны Западной Европы с Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Республикой Украиной. Также существуют пункты пересечения границы для пассажиров и товаров европейского значения [5].

Основные направления деятельности «Еврорегиона «Буг» - дальнейшее развитие взаимовыгодных экономических отношений, сотрудничество в социальной и культурной сферах, а также по вопросам экологии, предупреждения чрезвычайных ситуаций.

В рамках еврорегиона было запланировано реализовать проекты по созданию специальной экологической зоны, центра коммерческой информации, развития пограничных переходов. Эти элементы формируют своеобразный региональный экологический комплекс. Одним из направлений сотрудничества является решение экологических проблем. Осуществляется программа «Чистый Буг» (1995), которая занимается строительством и реконструкцией очистных сооружений, созданием природозаповедных территорий, контролем за перемещением экологически опасных грузов, за объектами фауны и флоры, соблюдением действующего природоохранного законодательства и др.

Вне упомянутыми проектами сотрудничества в «Еврорегионе «Буг» является совместная эксплуатация месторождений полезных ископаемых (уголь и сера), развитие транспортной инфраструктуры на линиях Берлин - Москва и Варшава - Киев, развитие телекоммуникационной инфраструктуры, создание благоприятного климата для развития банков, торговых палат, баз данных, развитие культурных учреждений.

О природных достоинствах «Еврорегиона «Буг» также свидетельствует создание ландшафтного заказника «Прибужское Полесье» (в белорусской части), а также четырех национальных парков: Беловежского (Республика Беларусь), площадью в 87,6 тыс. гектаров, который включает в себя единственную в Европе первобытную пущу с несколькими тысячами видов во многом уникальных животных и растений; Полесского (Республика Польша); Росточанского (Республика Польша), с редкими пейзажами, сочетающими плоские вершины, обрывистые склоны и глубоко врезанные долины; Шацкого (Республика Украина), включающего 22 озера карстового и послекарстового происхождения [5].

Соглашение о создании «Еврорегиона «Днепр» было подписано 29 апреля 2003 года в городе Гомеле. «Еврорегион «Днепр» имеет статус наблюдателя в Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕПР). Еврорегион соединяет Гомельскую область с белорусской стороны, Черниговскую область с украинской стороны и Брянскую область с российской стороны [2].

Основными направлениями деятельности еврорегиона определены: экономическое развитие; региональное планирование; связь, транспорт и коммуникации; образование, здравоохранение, спорт и туризм; защита и улучшение окружающей среды; предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий; расширение контактов между жителями приграничных территорий, развитие сотрудничества между учреждениями, организациями и субъектами предпринимательства.

В рамках деятельности еврорегиона реализованы следующие проекты: управление процессом развития территорий «Еврорегиона «Днепр»; серия обучающих тренингов по вопросам управления проектами для некоммерческих организаций и НТО (Нестационарных торговых объектов); приоритеты и механизмы принятия решений по территориальному развитию в сотрудничестве с общественностью, конференция по проблемам реабилитации территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, кластерная модель развития туризма, проблематика утилизации бытовых отходов в «Еврорегионе «Днепр», международный институт славистики [4, с. 100].

В рамках деятельности «Еврорегиона «Днепр» ежегодно проводится ряд культурных, спортивных и других мероприятий, в том числе: ежегодные конференции, посвященные деятельности еврорегиона; ежегодный Международный молодежный фестиваль на границе 3 республик у памятника дружбы; международные туристические форумы; международные конкурсы «Славянская кухня»; выставки товаров «Северские контракты»; международные фестивали «Славянские театральные встречи» и многие другие [4, с. 95].

«Еврорегион «Днепр» - это не только первый еврорегион, созданный без участия стран, вступающих или готовящихся вступить в ЕС, но и регион, основными направлениями трансграничного

сотрудничества которого являются популяризация туризма и экотуризма, а также борьба с загрязнением окружающей среды и совместное решение экологических проблем.

Общей чертой белорусских еврорегионов является наличие экологических проектов, пока в основном образовательных, просветительских. Это очень важно, потому что экология - актуальная тема для Европы, Беларуси, соседних стран и конкретных регионов. Кроме того, это глобальная проблема.

1. Вдовенко С.М., Максак Г.А. Состояние и перспективы развития двусторонних украинско-белорусских отношений. Часть 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: //http://www.experts.in.ua/baza/analitic/index.php?ELEMENT_ID=47909. Дата доступа: 09.01.2022.
2. Еврорегион Днепр – Информационный портал Межрегионального приграничного сотрудничества. Режим доступа: //http://euroregion.ru/?page_id=62. Дата доступа: 10.01.2022.
3. К. Жилкин. Еврорегион «Буг»: опыт, традиции, перспективы. [Электронный ресурс] Режим доступа: //https://pandia.ru/text/77/328/9500.php. Дата доступа: 09.01.2022.
4. Л. Н. Давыденко, А. Максимчук Трансграничный потенциал еврорегионов в развитии международного туризма. Весці БДПУ. Серыя 2. 2017. № 3. С. 93–101.
5. Официальный сайт Брестского областного исполнительного комитета. Трансграничное Объединение «Еврорегион «Буг». Режим доступа: //http://brest-region.gov.by/index.php/ekonomika/prigranichnoe-sotrudnichestvo/123-transgranichnoe-ob-edinenie-evroregion-bug. Дата доступа: 11.01.2022.
6. С.Н. Король. Еврорегион как форма развития трансграничного сотрудничества: история и особенности // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: История Политология. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2013. – С. 176-179.

ЭТНОГРАФИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 908

ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНЫ СТАН КРАЯЗНАЎСТВА Ў ЛУНІНЕЦКІМ РАЁНЕ

Вадзім Жылко
Лунінец, Беларусь
vadim_ne67@mail.ru

У дакладзе ўтрымліваюцца звесткі пра шматгадовую дзейнасць краязнаўцаў у Лунінецкім раёне Брэсцкай вобласці, пра выданні, якія яны выпусцілі. Ахарактарызаваны некаторыя асаблівасці краязнаўчай працы ў гэтым рэгіёне.

Ключавыя словы: Лунінецкі раён, Брэсцкая вобласць, Палессе, краязнаўства, Лунінецкія краязнаўчыя чытанні, Лунінецкі сшытак

HISTORY AND CURRENT STATE OF LOCAL LORE IN LUNINETS DISTRICT

Vadim V. Zhilko
Luninets, Belarus

The report contains information on the long-term activities of local historians in the Luninets district of the Brest region, and their publications. Some features of local history work in this region are characterized.

Keywords: Luninets district, Brest region, Polesie, local history, Luninets local history reading, Luninets notebook

Лунінецкі раён Брэсцкай вобласці - адзін з найбуйнейшых па плошчы ў Беларусі, размешчаны на мяжы некалькіх абласцей, гістарычна-этнаграфічных і культурных рэгіёнаў. Таму Лунінецкі край не адно стагоддзе прыцягвае ўвагу этнографаў, фальклярыстаў, лінгвістаў. Можна прыгадаць даследаванні тут у XIX стагоддзі Рамуальда Зянькевіча, Адама Кіркора, у пачатку XX стагоддзя - Яўхіма Карскага, Аляксандра Сержпутоўскага, Ісаака Сербава. У 2005 годзе дзякуючы лунінецкаму фундатару была перавыдадзена кніга І.Сербава «Вічынскія паляне. Матэрыяльная культура. Этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся» 1928 года.

Яшчэ раней, у апошняй чвэрці XIX стагоддзя, на Лунінеччыне была створана рукапісная брашура «Мова. Частка першая. Св(ятар) Платон Ціхановіч. М. Лунін. 31 студзеня 1875», дзе прадстаўлены мясцовыя гаворкі.

У першай трэці XX стагоддзя на Лунінеччыне плённа працавалі польскія этнографы і фатографы Юзаф Абрэмбскі, Станіслаў Бохніг, этнолаг Казімір Машынскі, украінскі фальклярыст і музыказнаўца Філарэт Калеса, заснавальнік Пінскага музея Раман Гарашкевіч і інш. Некаторыя з сабраных у той час матэрыялаў праз шмат гадоў далі магчымасць выдаць альбом «Палессе ў фотаздымках 20-30-х гадоў» (Варшава, 1997). А ў красавіку 2017 года лунінчане Іван і Ларыса Панасюкі апублікавалі электронны варыянт брашуры «Палессе. З кнігі Юзафа Абрэмбскага».

На Лунінеччыне вёў даследаванні вядомы лінгвіст Вячаслаў Вярэніч. У 2009 годзе Заходнепалескае навукова-краязнаўчае таварыства «Загароддзе» выдала асобнай кнігай яго «Палескі архіў».

Можна адзначыць і іншых навукоўцаў, так ці інакш звязаных з Лунінеччынай. Вядомы ў Беларусі фальклярыст Анатоль Фядосік у 1949-1955 гадах быў дырэктарам Сінкевіцкай школы. Лунінецкі настаўнік і краязнавец Георгій Вайндрах (1925-1992) з 1968 года працаваў у Брэсцкім педінстытуце, стаў кандыдатам гістарычных навук. Многія публікацыі і даследаванні Г.Вайндраха скарыстаў і развіў яго паслядоўнік Мікалай Калінковіч (1950-1990), аўтар каля дзясятка кніг, сярод якіх два выданні «Лунінец» (1981, разам з В.Літвінчуком; 1990) і кніга «Палескія дні Аляксандра Блока» (1985). Ураджэнец Лунінца Ігар Цітовіч абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэме «Краязнаўчы рух на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921-1939)» [4].

На Лунінеччыне працавалі навукоўцы акадэмічнага Інстытута этнаграфіі, мастацтвазнаўства і фальклору, шэрагу ВНУ, а студэнцкія экспедыцыі з БДПУ імя М.Танка на чале з дацэнтам Алесем Лозкам сабралі матэрыялы для двухтомніка «Фальклор Лунінеччыны».

У 1995 годзе выйшла грунтоўнае выданне «Памяць. Лунінецкі раён» - калектыўная праца навукоўцаў, краязнаўцаў, журналістаў [10].

Краязнаўства на Лунінеччыне мае свае шматгадовыя традыцыі. Так, у 1960-я гады была напісана «Гісторыя Кажан-Гарадка» Івана Ленінца, калгаснага бухгалтара па прафесіі: каля 700 старонак ахоплівалі перыяд ад старажытных часоў да сярэдзіны XX стагоддзя. На жаль, пасля смерці аўтара сляды самвыдатаўскай «Гісторыі» згубіліся.

Шмат дзесяцігоддзяў плённа даследаваў гісторыю Лунінеччыны Леў Коласаў (1932-2021). У кола яго інтарэсаў уваходзілі вывучэнне зніклых або рэдкіх прафесій, гісторыі філатэліі, пошты і чыгункі, будынкаў і вуліц Лунінца і г.д. Л.Коласаў друкаваўся ў выданнях Беларусі, Расіі, Польшчы, Германіі.

Васіль Туміловіч фактычна «ўзняў з нябыту» вядомую ў 1930-я гады лунінецкую праваслаўную пісьменніцу Софію Прорвіч, сабраў яе творы, аднавіў біяграфію. Яго пяру таксама належаць кнігі «Тапаніміка Кажан-Гарадка і яго зямель», «З фальклорных крыніц Кажан-Гарадка», «Кажан-Гарадок 500-гадовы. Гістарычныя даследаванні», «Фальклор Камянецкага раёна», «Исторический очерк Новицкович и деревень сельсовета».

Іван Панасюк выдаў ў якасці аўтара, суаўтара, укладальніка каля дваццаці кніг, сярод якіх «Лунінецкі раён: Чырвоны сшытак. Прырода і ахоўваемыя тэрыторыі», «Велута», «Остромечево и «остромычивци», «Урочышчы і мясціны вакол Валуты», «Интернат ты наш, интернатушка», «Навасёлкі лунінецкія», «Письма командиров», «Гонар і памяць Зямлі Лунінецкай», «От Остромечино до Остромечево» і інш.

Таццяна Канапацкая выдала сем краязнаўчых зборнікаў «Лунінецкая памяць» (2006, 2007, 2008, 2010, 2013, 2017 і 2020 гады), ладзіць штогадовыя краязнаўчыя сустрэчы памяці Мікалая Калінковіча, канферэнцыі памяці Мікалая Анцукевіча (1892-1971) - педагога і фальклярыста, які ў 1926 годзе ў Лунінцы пераклаў на рускую мову «Слово о полку Игореве».

Сцяпан Нефідовіч выдаў брашуры «Іх яднала дружба», «Ад Цны да Случы» (пра рэкі Лунінеччыны), «Балоты Лунінеччыны: ад народзінаў да скону», «Анамастыка вёскі Лахаўка Лунінецкага раёна» і інш.

У 2013 годзе выйшла брашура Міколы Ільючыка «История Евангельской церкви. Деревня Богдановка Лунинецкого района».

Святаслаў Яначкін адшукаў і сістэматызаваў шэраг старых карт і планаў Лунінца. Сярод выдадзеных ім прац - «Лунінецкая картаграфія і назвы вуліц Лунінца ў гістарычнай перспектыве (канец XIX - першая палова XX ст.)», «Стагоддзе кіно ў Лунінцы (1920-2020)», «Столетие присвоения Лунинцу статуса города (1919-2019)», «Когда Лунинец был Лондоном» (пра сацыялістычны рух на Палессі ў 1920-30-я гады), «Из истории Лунинецкого местного самоуправления (1842-1939)», «Лунинецкие предания седины глубокой» (пра Лунінеччыну ў архіўных дакументах XVI ст.).

Можна згадаць таксама даследаванні і публікацыі Яўгена Хвастова, Ларысы Панасюк, Алены Нямчэня, Ларысы Грамыка, Галіны Даніловіч, Аляксандра Яраховіча, Лілії Віўдзенка, Дзіяны Сладзінскай, Ганны Дземідовіч і іншых, а таксама шэрагу навучэнцаў і педагогаў Лунінеччыны.

Лунінецкія краязнаўцы штогод прымаюць удзел ў навуковых форумах рознага ўзроўню, друкуюцца ў выніковых зборніках гэтых канферэнцый. Даклады Васіля Туміловіча, Вадзіма Жылко, Льва Коласава прагучалі ў 1999 годзе ў Пінску і Іванаве на міжнароднай канферэнцыі «Палессе - скрыжаванне культур і часу» [5]. Васіль Туміловіч у 1998-2002 гадах прымаў удзел у V-VIII Свята-Еўфрасіннеўскіх чытаннях у Мінску з дакладамі пра пісьменніцу С.Прорвіч і рэнесансныя з'явы заходнебеларускай праваслаўнай літаратуры. На Міжнароднай канферэнцыі «1941 год на Беларусі», якую праводзіў 25-26.05.2001 Мінскі міжнародны адукацыйны цэнтр імя Й.Рау, быў зроблены даклад аўтара гэтых радкоў і В.Туміловіча «Лунінеччына паміж адступленнем савецкіх войск і нямецкай акупацыяй: крызіс улады і пачатак калабаранцкіх настрояў», а на Міжнароднай канферэнцыі «Палацава-паркавае мастацтва Брэстчыны. Гісторыя, стан, перспектывы» (Брэст-Ляхавічы, 13-15.08.2001) прагучалі даклады В.Жылко «Гістарычныя ландшафты Лунінца ў сваім развіцці» і В.Туміловіча «Фарміраванне і сучасны стан гістарычнага ландшафту Кажан-Гарадка». Аўтар гэтага паведамлення ўдзельнічаў у навукова-практычных канферэнцыях «Гісторыя, якой няма ў падручніках» (Мінск, 27.04.2002), «Гістарычныя цэнтры гарадоў Беларусі» (Мінск, 28.11.2002, арганізатар - Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры) [3, с. 135-138], «Навечна ў памяці народнай» (Мінск, 14.04.2004, арганізатар той жа) [9, с. 112-114].

У 2008, 2012, 2015 і 2018 годзе В.Жылко і В.Туміловіч выступалі на чатырох міжнародных канферэнцыях «Берасцейскія кнігазборы» ў Брэсце з дакладамі «Бібліятэкі на Лунінеччыне ад узнікнення (XVI ст.) да 1940-х гадоў», «Развитие библиотек и контроль государства за распространением периодических изданий в Лунинецком повете в 1921-39 годах», «Самвыдат на Лунінеччыне», «Новыя імёны для «Літаратурнай карты Берасцейшчыны», «Падпольныя выданні 1941-1944 гадоў на Брэстчыне», «Літаратурная геаграфія Лунінецкага раёна» [1].

На гэтай жа канферэнцыі 2012 года пінскі даследчык Аляксандр Ільін (1956-2020) прадставіў даклад «Бібліятэка і архіў Дзятлавіцкага Спаса-Праабражэнскага манастыра», а пазней асобнымі брашурамі ў Лунінцы выйшлі яго даследаванні «Дятловичский Свято-Преображенский монастырь» і «Архимандрит Маркиан (Пётр Платонович) - писатель, лекарь, благотворитель и церковный деятель». 29-30 мая 2019 года ў Пінску прайшла V міжнародная навуковая канферэнцыя «Бяркоўскія чытанні. Кніжная культура ў кантэксце міжнародных кантактаў». У рамках яе Вадзім Жылко выступіў з дакладам «Краязнаўчая

дзейнасць у Лунінецкім раёне», Аляксандр Ільін прадставіў даклад «Фольклорная экспедиция К.Мошинского и Ф.Колессы на Лунинетчине и Столинщине» [2].

У Мінску 12-13 сакавіка 2020 года адбыўся І Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі. У секцыі «Краязнаўства ў сістэме навукова-даследчай працы» Надзея Цяльпук выступіла з дакладам «Каравайны абрад Лунінеччыны», а Вадзім Жылко - «Краязнаўчы рух у Лунінецкім раёне». У секцыі «Краязнаўства ў вучэбна-выхаваўчым працэсе ўстаноў адукацыі» Галіна Антановіч прадставіла даклад «Фарміраванне грамадзянска-патрыятычных якасцей навучэнцаў сродкамі краязнаўчай дзейнасці», Дзіяна Сладзінская - «Использование краеведческого компонента на уроках и во внеурочное время». У секцыі «Асоба ў краязнаўстве: з гісторыі біяграфій беларускіх краязнаўцаў» Таццяна Канапацкая выступіла з дакладам «Всё сущее увековечить…» Памяці Мікалая Калінковіча, які першым паставіў лунінецкае краязнаўства на навуковую аснову». На канферэнцыі школьнікаў «Пазашкольнае краязнаўства: вопыт рэгіёнаў» Ягор Скрыбка прадставіў даклад «История Лунинетчины в археологических памятниках и находках».У час форуму журы конкурсу краязнаўчай літаратуры ўзнагародзіла за перамогі ў асобных намінацыях: Івана Панасюка - за кнігу «От Остромечино до Остромечево», Вадзіма Жылко - за ўкладанне зборнікаў «Краязнаўчымі шляхамі Лунінеччыны», Таццяну Канапацкую - за серыю зборнікаў «Лунінецкая памяць», Лунінецкі райвыканкам - за выданне кнігі «Милая малая родина, вечная наша любовь», упраўленне па працы, занятасці і сацыяльнай абароне Лунінецкага райвыканкама - за кнігу «Служба неравнодушных людей».

Краязнаўчыя матэрыялы пастаянна друкаваліся на старонках мясцовых газет «Лунінецкія навіны», «Информ-прогулка», «Газета па-лунінецкі», у «Краязнаўчай газеце», абласным альманаху «Жырандоля» і інш. У 2006 годзе аўтарам гэтых радкоў і Нінай Трэгубавай была створана праграма школьнага спецкурсу «Лунінеччыназнаўства» [6, с. 136-148].

Да заслуг мясцовых гісторыкаў і краязнаўцаў можна аднесці праведзеныя ў 2001-2005, 2009-2012 і 2017-2021 гадах чатырнаццаць Лунінецкіх краязнаўчых чытанняў. Праходзілі яны фактычна на грамадскіх пачатках, як і выдаваліся зборнікі дакладаў - «Лунінецкія сшыткі» (на сёння выйшла 20 нумароў, а таксама 13 спецвыпускаў і 4 дадаткі) [8].

Лунінецкая цэнтральная раённая бібліятэка, якая ў апошнія гады ладзіць гэтыя чытанні, выпусціла таксама чатыры зборнікі «Краязнаўчымі шляхамі Лунінеччыны» (2017, 2019, 2020 і 2021 гады) [7], шэраг іншых краязнаўчых брашур: Льва Коласава - «Остановись, мгновенье! Послевоенный Лунинец на фотоснимках 1940-70-х годов» (2018), «Исторические планы города Лунинца» (2019), «Тайны старых писем» (2020, сумесна з Карстэнам Альслебенам), Святаслава Яначкіна - «Стагоддзе кіно ў Лунінцы» (2020) і інш.

У 2017 годзе ў бібліятэцы была створана «Літаратурная карта Лунінеччыны» (дзе сабрана каля 250 прозвішчаў літаратараў, біябібліяграфічныя даведкі пра іх), а ў 2019 годзе - заснавана Лунінецкае краязнаўчае таварыства. У анлайн-фармаце ў 2020 годзе былі адзначаны стогадовыя юбілеі кіно ў Лунінцы і Андрэя Макаёнка (знакаміты драматург быў звязаны з Лунінеччынай). Шэраг экскурсій і краязнаўчых матэрыялаў змешчаны на ютуб-канале бібліятэкі.

У зборніку «Бібліяпанарама №22» Брэсцкай абласной бібліятэкі змешчаны артыкул намесніцы дырэктара Лунінецкай РЦБС Валянціны Яфрэмавай «Бібліятэчны краязнаўчы турызм». У XXVIII рэспубліканскім конкурсе «Бібліятэка - асяродак нацыянальнай культуры» дыпломам 3-й ступені ў намінацыі «За пошукавую і даследчую працу» адзначана Лунінская сельская бібліятэка, якая стварыла электронны рэсурс пра земляка-пісьменніка Мікалая Елянеўскага. Падзякай абласнога ўпраўлення культуры адзначаны інфармацыйны рэсурс Лунінецкай РЦБС «Літаратурная карта Лунінеччыны».

У VI рэспубліканскім конкурсе «Библиотека - центр духовного просвещения и воспитания» ў намінацыі «История Православия родного края» першае месца заняла Лунінецкая цэнтральная раённая бібліятэка, якая стварыла электронны рэсурс «Утраченная святыня» пра Новапячэрскі Дзятлавіцкі Праабражэнскі мужчынскі манастыр (XVI-XIX стагоддзі).

У красавіку 2021 года Лунінецкая РЦБС прыняла ўдзел у міжнароднай анлайн-канферэнцыі «Страноведение. Краеведение», арганізаванай у Маскве. Дырэктар ЛРЦБС Алена Кішкевіч выступіла з дакладам «Практика создания краеведческих пространств в библиотеках», распавёўшы пра міні-музеі бібліятэк у вёсках Лобча, Дрэбск, Люшча, Любань.

У ліпені 2021 года Лунінецкая РЦБС прыняла ўдзел у міжрэгіянальным бібліятэчным фэсце ў Баранавіцкім раёне, дзе была азначана дыпломам пераможцы ў намінацыі «Бібліятэка - цэнтр краязнаўства». У гэтым жа годзе яна атрымала падзяку ўпраўлення культуры Брэсцкага аблвыканкама за падрыхтоўку краязнаўчых матэрыялаў да 100-годдзя кіно ў Лунінцы.

У Палескім універсітэце ў Пінску 20 мая 2021 года адбыўся міжнародны круглы стол памяці Аляксандра Ільіна, дзе з дакладам «Аляксандр Ільін: «лунінецкія старонкі» творчасці» выступіў Вадзім Жылко.

Даследчая і краязнаўчая работа на Лунінеччыне вядзецца пры адсутнасці рэгіянальных навуковых ці вышэйшых навучальных устаноў, таму асноўная стаўка робіцца на намаганні грамадскасці. Мясцовым гісторыкам і краязнаўцам ўдалося абагульніць вынікі сваёй працы шляхам выдання дзясяткаў краязнаўчых зборнікаў, кніг і брашур.

1. Берасцейскія кнігазборы: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання», Брэст, 30-31 кастрычніка 2008 года. Брэст, 2010. С. 208-215; Берасцейскія кнігазборыю – Брэст, 2013. С. 256-265; Берасцейскія кнігазборы: Матэрыялы III міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання», Брэст, 22-25 верасня 2015 года. Мінск, 2016. С. 379-387; Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання. Матэрыялы IV міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Брэст, 22-25 мая 2018 года. Брэст, 2019. С. 300-312.
2. Белорусское Полесье как историко-культурный феномен: Материалы международного научного семинара, Пинск, 29 мая 2019. Москва: Наука, 2019. 172 с.
3. Гістарычныя цэнтры гарадоў Беларусі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 28 лістапада 2002 года. Каштоўнасці мінуўшчыны. №6. Мінск: Знамение, 2003. С. 135-138.
4. Жылко В. Краязнаўчая справа на Лунінеччыне. Лунінец, 2005. 12 с.
5. Загароддзе-2: Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе - скрыжаванне культур і часу», 25-27 верасня 1999 года. Мінск: Тэхналогія, 2000. 210 с.
6. Краязнаўчая адукацыя і грамадзянскае выхаванне. Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2006. С. 136-148.
7. Краязнаўчымі шляхамі Лунінеччыны. Лунінец, 2017. 48 с.; Краязнаўчымі шляхамі Лунінеччыны-2. Лунінец, 2019. 72 с.; Краязнаўчымі шляхамі Лунінеччыны-3. Лунінец, 2020. 40 с.; Краязнаўчымі шляхамі Лунінеччыны-4. Лунінец, 2021. 52 с.
8. Лунінецкі сшытак. №№1-20. - Лунінец, 2002-2020.
9. Навечна ў памяці народнай: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 14 красавіка 2004 года. Каштоўнасці мінуўшчыны. №8. Мінск: Беларускі фонд культуры, 2005. С. 112-114.
10. Памяць. Лунінецкі раён. Мінск: Беларусь, 1995. 720 с.

УДК 94(476) +908 (316)

ВКЛАД АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Елена Игнатюк
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
ignatuk.e@polessu.by

В статье исследуется значение научной деятельности Александра Львовича Ильина в области исторического краеведения, оцениваются его научные открытия, изучается книжное наследие пинского краеведа, выявляется тот неоспоримый вклад, который внёс А. Л. Ильин в изучение истории и культуры белорусского и украинского Полесья.

Ключевые слова: архивоведение, белорусско-украинские культурно-исторические связи, возвращённые имена, генеалогия, история церкви, краеведение, культура Пинщины, «микроистория», национальная идея, Полесье

ALEKSANDER ILYIN' CONTRIBUTION TO RESEARCH OF BELORUSSIAN AND UKRAINIAN POLESYE

Elena A. Ignatiuk
Polessky State University, Pinsk, Belarus

This article explores the significance of the scientific work of Alexander Lvovich Ilyin in the field of local history and history, evaluates his scientific discoveries, studies the book heritage of the Pinsk local historian, reveals the indisputable contribution that A. Ilyin made to the study of the history and culture of the Belarusian and Ukrainian Polessye.

Keywords: archival science, Belarusian-Ukrainian cultural and historical ties, returned names, genealogy, church history, local history, Pinsk culture, «microhistory», national idea, Polessye, pedigree

Математик по профессии, краевед и историк по призванию, Александр Львович Ильин был главным редактором научного журнала «Гістарычная брама: гісторыя і культура Палесся», регулярным автором

«Енциклопедії сучасної України» (опубликовал 17 статей), внештатным сотрудником польского журнала «Podlaski kwartalnik kulturalny», лауреатом Брестской литературной премии имени Василия Дмитриюка (2020). В 2017 г. он основал полесскую библиотечку журнала «Гістарычная брама».

На протяжении последних нескольких десятилетий *история* была его «Музой». А. Ильин исследовал, прежде всего, историю и культуру Беларуси и Украины, его интересовали белорусско-украинские культурные и исторические связи, истоки зарождения национальных идей.

«Православная Церковь, белорусские, украинские и польские общественные и политические деятели стали важным элементом семинаров для краеведов, как в этом регионе, так и на восточных территориях бывшей многонациональной Республики Польша. Он ввёл в исследовательский книжный оборот большое количество первоисточников, которые тщательно искал в польских, белорусских и украинских архивах» [1, с.307].

Он чаще всего писал о событиях локальной полесской жизни, о местных политиках и деятелях, о дворянах. Например, собрал богатый материал по истории удивительного уголка Полесья – бывшей Осовецкой волости. А. Ильиным в «Государственном архиве Брестской области» и в «Национальном историческом архиве Беларуси» в г. Гродно найдены документы по истории дворянских усадеб (Осовцы, Белин, Попина, Винче и др.). Он изучил документы (метрические записи), касающиеся многих шляхетских родов: Ожешков, Крашевских, Гутовских, Дановских, Онихимовских, Корчицев и др. Эти документы дают важную информацию, о которой читатель узнает в книге А. Ильина «Истории и загадки Осовецкой волости» (книга подготовлена к изданию и будет издана в скором времени). Благодаря А. Ильину впервые были открыты новые факты из биографии осовецкого священника (в 1873–1889 гг.) Константина Иосифовича Павловича, отца выдающегося белорусского педагога, издателя, общественного и культурного деятеля Сергея Константиновича Павловича (1875–1940).

А. Ильин внёс большой вклад в исследование рода полесских Скирмунтов. Он – автор первой в белорусской историографии публикации, посвящённой Констанции Скирмунт (1851–1933).

В 2021 году, уже после смерти автора, вышла его книга «Полесские Скирмунты в архивных документах». Как отметил белорусский историк Александр Смолянчук, «даследчыку належыць значны ўнёсак у генеалагічныя даследаванні ўсіх галін роду Скірмунтаў. Ён адшукаў матэрыялы (метрычныя запісы), датычныя Скірмунтаў з Парэчча, Моладава, Альбрэхтова, Клетнай, Веляціч, Калоднага, Бакініч, Кашэвіч, Пласкіні ды інш. Гэтыя дакументы даюць вельмі важную інфармацыю не толькі пра радаводы асобных найбольш цікавых для гісторыі прадстаўнікоў гэтага роду. Яны дазваляюць вывучаць геаграфію параднёнасці Скірмунтаў з іншымі шляхецкімі родамі, у тым ліку па-за межамі Палесся» [2, с. 49].

При этом А. Смолянчук оценил значение научной деятельности А. Ильина в области изучения прошлого так: «Можам канстатаваць, што ён амаль заўсёды выходзіў па-за межы краязнаўства. Вонкава малы фармат яго даследаванняў насамрэч надзвычай шмат значыў як для вывучэння агульнабеларускай гісторыі, так і стасункаў Беларусі з Украінай, Польшчай і Расіяй. Адпаведна ў дачыненні да навуковай дзейнасці даследчыка лепш ужываць тэрмін «мікрагісторыя»» [3, с.310].

Книгу «Черевачецкие Котовичи – священники, предприниматели и просто люди», по праву, можно назвать наиболее ярким и значимым произведением А. Ильина («Гістарычная брама» №1 (26), 2016). Её могло бы и не быть, если бы не сотрудничество пинского учёного с Ильёй Николаевичем Котовичем. Они вместе долгое время вынашивали идею этой книги. В архиве Ильи Котовича хранились мемуары его дяди *Зиновия Котовича* (младшего сына крупчицкого священника *Никанора Котовича*). Илья Николаевич составлял генеалогию своего рода, написал воспоминания, которые успел закончить перед самой смертью. Александр Ильин же много работал в «Государственном архиве Брестской области» и других архивах, уточняя детали биографий священников. Вот как он видел план книги и об этом писал в письме (сентябрь 2016 г.) профессору Илье Котовичу: « (…)*Только начал работать в фонде «пинского прокурора» и сразу нашёл 4 уголовных дела, связанных с Котовичами: с Вашим отцом, дедом, Зиновием и Николаем Ивановичем. Может, и дальше что-то будет? (...) Материал сейчас полился рекой, и я думаю, что книга выйдет в 400 –500 листов. Я уже Вам высылал примерный план книги. Из новых идей: небольшая глава о пасынковских и нарейковских Котовичах (5 – 7страниц), небольшая глава вообще о знаменитых Котовичах(не Ваши родственники, 5–7 страниц). В конце будет приложение документов, которые не легли в канву рассказа, но интересны и важны. Например, полное описание Черевачицкой церкви 1872 года*…» [4, с. 231].

Однако, 1 февраля 2009 года в Санкт-Петербурге умер профессор-агрофизик Илья Николаевич Котович. А. Ильин написал о нём в *некрологе*: «Он происходил из старинного дворянского литовско-русского рода Котовичей герба «Корчак». Его предки были две сотни лет униатскими, а потом православными священниками в полесском селе Черевачицы (сейчас Кобринский район Брестской области Белоруссии). Этот род простых полесских священников занимает своё достойное место в русской истории и культуре. Двоюродный дед Ильи Котовича – известный виленский протоиерей и церковный писатель *Иоанн Антонович Котович* (1839–1911), который более тридцати лет был редактором газеты «Литовские

Епархиальные Ведомости». А двоюродный дядя Ильи Котовича – Алексей Никанорович Котович (1879 – 1942) – историк-архивист, исследователь истории духовной цензуры.

Родной дед профессора Василий Антонович Котович (1849–1937) прослужил священником более 70 лет в различных полесских приходах, был большим знатоком церковного пения, собирал местный фольклор. В конце XIX века он приобрёл имение Чабаевка возле полесского местечка Янов (сейчас Иваново). Сын священника Николай Васильевич Котович (1887–1941) окончил химический факультет Московского университета, но после революции ему пришлось вместе с молодой женой Елизаветой Ивановной Степановой вернуться на родину, в имение Чабаевка, где, взяв в бразды управление отцовским имением, он занялся сельским хозяйством. Тут, в Чабаевке, в 1931 году и родился Илья Николаевич Котович».

Отметим, что в книге «Череначецкие Котовичи – священники, предприниматели и просто люди» содержится богатый материал об эпохе, которая охватывает почти два столетия (XIX – первая половина XX вв.). Для воссоздания исторического времени автор использовал документы, найденные им в архивах г. Бреста, г. Гродно, г. Одессы и др. В книге изучены биографии священников, исследованы родословные (показаны генеалогические схемы родов Котовичей и Михаловских, составленные А. Ильиным).

Книга уникальна ещё и тем, что автор нашёл в архивных хранилищах документы с подробностями жизни представителей этого рода, так нужные нашему современному читателю. Например, *М.В. Шуманская* – главный библиограф отдела краеведения Тульской областной универсальной научной библиотеки в статье «Простая жизнь. От Гродно до Тулы: судьба белорусского священника как отражение мировой истории (к биографии иерея Антония Котовича (1848-1917))» пишет о том, как она искала сведения об иерее Антонии Котовиче: «Попытки найти в тульских архивохранилищах еще какие-нибудь подробности жизни упоминаемого в публикации пастыря – иерея Антония Котовича, к сожалению, ни к чему не привели. Обращение в Гродненскую епархию с запросом о нем также не дало результатов. Оставив все на волю Божию, я пока решила приостановить поиски, надеясь, что со временем все же что-то будет найдено. И вот, спустя почти 2 года, ко мне на электронную почту пришел запрос одного из наших краеведов с вопросом – известно ли что-нибудь о белорусском священнике А. Котовиче, похороненном в Веневском уезде. А к краеведу обратился один из наших тульских священников, на которого, через Интернет, вышел краевед из Беларуси с таким же запросом. Вот так, Божиим промыслом, круг замкнулся на мне. Я связалась напрямую с белорусским краеведом – Александром Ильиным, историком, доцентом Полесского государственного университета (г. Пинск, Беларусь) и он сообщил мне, что род Котовичей – это старинный разветвленный род, многие представители которого были священнослужителями и сейчас ведется работа над большой книгой, рассказывающей о роде Котовиче. В ответ на мой запрос Александр любезно предоставил мне небольшой фрагмент из своей работы, где рассказывается об отце Антонии Котовиче, а также прислал его фотографию. Теперь мы можем воочию представить этого достойного пастыря» [5, с.7].

Здесь нужно отметить, что А. Ильин в своей книге очень подробно описал биографию этого пастыря – младшего сына волчинского священника Василия Онуфриевича Котовича.

Скажем ещё, что А. Ильин во время написания книги много сотрудничал с представительницей рода Котовичей-Геппенеров – Марией Владимировной Люцедарской. Мария Владимировна предоставила автору книги много документов из московских архивов. Как выяснилось, её знаменитая прабабушка – Екатерина Ивановна Геппенер-Котович, дочь протоиерея Иоанна Котовича (р.1872 г.) окончила с серебряной медалью Виленское женское училище духовного ведомства; 20 апреля 1897 года Екатерина Котович вышла замуж за поручика Владимира Константиновича Геппенера (р. 10 февраля 1869 года в Радомской губернии). Во время первой мировой войны был начальником штаба 7-го пограничного округа.

«Около двух десятков лет Александр Ильин занимался темой польского концлагеря в Березе-Картузской, массив документов о котором удивительным образом сохранился в Госархиве Брестской области. Через этот лагерь за период его существования прошло около 10 тысяч узников. Александр Ильин произвел колоссальную работу, изучая документы, переводя их с польского языка, отыскивая воспоминания и свидетельства узников, находя их потомков. К этим трудам присоединилась украинская сторона в лице историка Петра Мазура, также внёсшего значительный вклад в создание книги. В результате двадцатилетней подготовки в 2019 году в Тернополе на украинском языке вышла книга «Нариси історії Береза-Картуського концтабору (липень 1934 – вересень 1939)», а презентация этой книги произошла в 2020 году в Берёзовском историко-краеведческом музее» [6, с. 27]. Это фундаментальное исследование, книга содержит более 300 архивных документов, около 200 газетных статей, 11 воспоминаний, более 100 фотографий, большинство из которых были опубликованы впервые.

В феврале 2020 года в усадьбе-музее Немцевичей в селе Скоки Брестского района во время третьей научно-практической конференции «Берестейский мир» состоялось вручение А. Ильину Брестской литературной премии имени Василия Дмитриюка. Организаторы отметили в категории «лучшее научное произведение» монографию «Очерки истории Береза-Картузского концлагеря (июль 1934 – сентябрь 1939)» и инициатора её написания.

А вот как Петро Мазур вспоминает о презентациях книги: «С презентациями книги о Берёза-Картузском концлагере мы с А. Ильиным побывали также в г. Берёза (Беларусь), Киеве (Национальной академии наук Украины) и в музее истории медицины Галичины во Львове, после чего украинское врачебное общество города пригласило нас на Андреевские вечерницы» [7.с. 69].

Несомненно, Александр Ильин заново открывал личности, которые были яркими представителями национальной интеллектуальной жизни разных регионов Полесья. В 2020 году в Полесской библиотечке журнала «Гістарычная Брама» вышла книга, написанная на украинском языке, – «Поліський письменник Борис Ольхівський – воїн з душею поета». Сегодняшним читателям Б. Ольховский больше интересен как этнограф-краевед. Он родился (1906 –1944) в селе Щитники Брестского уезда в семье православного священника Юлиана Ольховского (1880-1959). «Борис учился на юридическом факультете Виленского университета. После его окончания, в начале 30-х годов, магистр права стал сотрудником Архива истории унии, совершая многочисленные поездки по Западной Беларуси, прежде всего, по родному Полесью» [8, с.16].

Говоря об исследовательских открытиях А. Ильина, нужно вспомнить и возвращение из небытия имени Николая Михаевича – уроженца села Овзичи Ивановского района. Раньше Овзичи входили в состав Осовецкой волости Кобринского уезда Гродненской Губернии. Н. Михаевич – один из ярких полесско-украинских писателей, который после репрессий против национал-демократов 30-х годов XX века на время исчез с литературного Олимпа, чтобы затем вернуться в литературную жизнь уже российско-украинским автором, председателем Харьковского областного издательства. На малой родине (в Овзичах) он практически неизвестен. А. Ильин вернул это имя полешукам.

Впервые А. Ильин написал о Н. Михаевиче в газете «Берестейський край», где отметил: «Из ряда полесских писателей как-то выпал Николай Андреевич Михаевич, род. 26 апреля (мая) 1906 г. в селе Овзичи Кобринского уезда (ныне – Ивановский район Брестской области). Интересно, что село принадлежало раньше известному роду Ожешков, который дал 3-ёх повстанцев 1863г. – братьев Флориана, Бронислава и Петра. Последний был мужем писательницы Э. Ожешко» [9, с. 14].

Работая в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника, листая литературно-художественный журнал «Трактор» (1929 – 1933), А. Ильин нашел бесценные материалы – произведения Н. Михаевича: его рассказы и стихи, посвящённые Овзичам. События 20-30 годов XX ст. на Берестейщине изображены в повестях «Огни на Полесье» (Москва – Ростов-на-Дону,1931г.) и «Тайна одного цветка» (Харьков,1956 г.).

Особенное место в творчестве А. Ильина занимает *Лунинецкая тема*. Интересны и важны его исследования, посвящённые истории Дятловичского Спасо-Преображенского монастыря, основанного в XVI в., который, по общепринятой версии, просуществовал до 1852 г.

В 2013 году в качестве спецвыпуска альманаха «Лунінецкі сшытак» (проект В. Жилко) увидела свет работа А. Ильина «Дятловичский Спасо-Преображенский монастырь», а в 2017 году появился спецвыпуск № 8 – Архимандрит Маркиан (Пётр Платонович), писатель, лекарь, благотворитель и церковный деятель» (Маркиан руководил монастырём в начале XIX века). В своих исследованиях А. Ильин приводит данные об игуменах монастыря, других известных личностях, причастных к его истории. Автор ставит под сомнение, что монастырь был основан в 1620-х, считает, что монастырь был основан раньше, в 1570 г., ссылаясь, прежде всего, на мнение историка архитектуры Инессы Слюньковой, а также видного исследователя православной церкви на Пинщине Александра Миловидова (1864 г.– после 1933 г.). «Несомненным достоинством данной краеведческой работы является приведение автором отрывков из документов, хранящихся в фондах НИАБ. Внимание уделено анализу монастырского хозяйства, составу библиотеки и архива монастыря, организации школы при монастыре» [10, с. 264].

В широкой палитре исследований краеведа значительное место имеет и *Коласовская тематика*. Александр Ильин изучал окружение Якуба Коласа на Пиншине. Вера Мицкевич (внучка Я. Колоса) пишет: «Трэба адзначыць, што людзі, якія займаюцца архіўнымі пошукамі, прадстаўляюць добразычлівую супольнасць, дзеляцца сваімі знаходкамі. (…) Асабіста я вельмі ўдзячна яму за ўдакладненне года смерці цесця Якуба Коласа, псаломшчыка Дзмітрыя Аляксандравіча Каменскага, пра якога вядома няшмат; А. Ільін адшукаў адпаведныя звесткі (за 1912 год) у «Гродзенскіх епархіяльных ведамасцях» [11, с. 20].

Вера Мицкевич в своих воспоминаниях акцентирует внимание на многих открытиях А. Ильина: «І многія факты ці меркаванні прагучалі ўпершыню. Гэта тычылася звестак пра настаўнікаў Міхаіла Фенюка, Юлію Адо, Вікенція Філіповіча, бацьку і сынаАдама і Мікалая Абадоўскіх, інспектара дырэкцыі народных вучылішч Рыгора Русецкага і яго братоў Фёдара і Аляксея. Былі выказаны думкі наконт прыналежнасці настаўніка Канстанціна Міцкевіча да эсэраўскай арганізацыі (дарэчы, нелегальны настаўніцкі з'езд, які адбыўся ў ліпені 1906 года на Стаўбцоўшчыне і за ўдзел у якім Колас быў асуджаны на 3 гады турмы, праходзіў пад знакам эсэраўскай праграмы, пра што паэт пісаў у адным з лістоў 1940 года, які нядаўна паступіў у фонды сталічнага музея)» [11, с .19].

В 2004 году Александр Ильин заинтересовался личностью пинского помещика Эдмунда Зуземиля. Имение Гай его отца находилось недалеко от пинской квартиры Я. Колоса. Эдмунд Зуземиль преподавал немецкий язык в Пинском реальном училище (с 1907 года до начала Первой мировой войны) и печатался в белорусской газете «Наша Ніва».

Затрагивая Коласовскую тему, нельзя обойти вниманием книгу «Непростые и загадочные судьбы братьев Русецких» (2019). В ней рассказывается о сыновьях диакона Антония Русецкого – Алексее, Григории и Федоре. «Старший Алексей был проповедником, военным капелланом, дослужился до должности главного священника белой армии генерала Колчака, затем священствовал в приходах Полесья. Средний брат Григорий был замечательным педагогом, инспектором народных училищ и директором Пинской женской гимназии, помогал учителю Константину Мицкевичу (Якубу Коласу), когда того обвинили в революционной деятельности. Младший Федор также был знаком с Якубом Коласом, в межвоенной Польше был православным священником, а его единственный сын Ростислав Русецкий получил мировую известность, написав под псевдонимом Славомир Равич литературный бестселлер – роман-мистификацию «Долгий путь» о побеге узников из сталинского лагеря в Индию» [12, с. 4].

Отметим также, что благодаря А. Ильину в историографию культуры Полесья было возвращено имя Константина Тимофеевича Карпинского.

В одном из писем известному белорусскому этнографу Ольге Лобачевской А. Ильин писал: «*Исследуя историю священнического рода Котовичей, я часто наталкивался на дружиловичского священника Константина Карпинского, приход которого находился по соседству со Стрельнянским приходом о. Василия Антоновича Котовича. Работая над книгой о Котовичах, пришлось просмотреть все номера газеты «Гродненские епархиальные ведомости». Читая газеты, увидел интересные исторические и хозяйственные статьи, подписанные псевдонимами и криптонимами: “Свящ. К. К-скій”, “К. К-скій” и “К.”, явно написанные жителем села Дружиловичи, Кобрискаго уезда. Одна статья была прямо подписана: “Свящ. К. Карпинский”. Глянул “Памятную книжку Гродненской губернии” и обнаружил, что священником Дружиловичской церкви в Кобринском уезде был тогда Константин Карпинский»*.

Важно, что А. Ильин написал биографию историка и краеведа Константина Карпинского на основе собранных архивных документов из Государственного архива Брестской области (ГАБО), зная и то, что о священнике написали в Украине как о краеведе Черниговщины.

А вот как писала сама О.Лобачевская в своих воспоминаниях об А. Ильине: «Ён знайшоў архіўныя звесткі аб жыцці і дзейнасці К. Карпінскага, яго навуковыя публікацыі, адшукаў нашчадкаў, фотаздымкі. Ён паехаў у в. Дружылавічы Іванаўскага раёна і высветліў, што а. Канстанцін служыў у мясцовай царкве 39 гадоў да 1947 г. — года сваёй смерці і пахаваны разам з матушкай каля царквы…. Дзякуючы спасылцы ў артыкуле А. Ільіна я ўсталявала кантакт з чарнігаўскім журналістам Уладзімірам Сапонам, даслала яму спасылку на артыкул. І гісторыя з вяртаннем памяці аб К. Карпінскім атрымала працяг. З артыкула А. Ільіна ўкраінцы даведаліся дату смерці К. Карпінскага, акалічнасці яго дзейнасці на Беларусі і ў гады Першай сусветнай вайны ў бежанстве ў Расіі. У выніку ў с. Рудка Чарнігаўскага раёна, дзе служыў а. Канстанцін, была ўсталявана мемарыяльная дошка: «Карпинський Костянтин Тимофійович (1867–1947), настоятель Георгіївської церкви с. Рудка (1901–1908), історик-краєзнавець, бібліограф, археолог» [13. с.24].

Знаковым событием в жизни А. Ильина стало издание книги «Очерки истории культуры Пинщины IX – нач. XX в.» (2004). Труд уникальный, в историю белорусской культуры автор ввёл целый ряд новых имен полесских деятелей (историков, краеведов, литераторов и др.) – Михаила Загоровского, Антония Мошинского, Дмитрия Каширина, архимандрита Анатолия (Станкевича), Василия Грудницкого, Иоанна Акоронко, Феликса Дружиловского, Стефана Куклинского, Евстафия Тарановича, Евгения Костецкого, Юзефы Курженецкой и др.

Вообще тема Пинска (первой половины XX века) – популярная в творчестве А. Ильина. В 2004 году он на основании малоизвестных фактов из брестского архива написал интересную статью «Шалаш поэтов» («Гістарычная брама», 2004, № 1(22)) о группе российских монархистов в Пинске. «Адной з галоўных постацяў гэтага руху быў Міхаіл Ключановіч – досыць неардынарная асоба, звязаная таксама з беларускім рухам» [14. с.45].

Необходимо обратить внимание и на тот вклад, который внёс Александр Львович Ильин в украинскую историографию. При изучении Полесья он уделял особое внимание «украинскому присутствию»: активистам, общественным движениям, языковому и культурному влиянию и т. д.

Журнал «Сіверянський літопис» (главный редактор – Сергей Павленко) стал для А. Ильина площадкой для написания статей, где он мог выдвигать самые смелые гипотезы; 14 статей пинского исследователя было опубликовано в этом журнале.

Интересно, что пинский историк обработал ряд уникальных архивных документов, касающихся «украинского присутствия» на территории Брестчины, и которые были опубликованы в журнале «Над Бугом и Нарвой».

Активный публицистический период А. Ильина был связан с газетой «Берестейский край», выходившей в Бресте (1996 –1999 гг.).

В 2003 году для издания антологии «До тебе, світе: українська література Берестейщини» А. Ильин подготовил раздел «Літературні витоки Берестейщини». Он приобщил для работы над изданием известного диалектолога Фёдора Климчука.

Также не менее двух десятков статей А. Ильина было опубликовано в академическом издании «Современная энциклопедии Украины». Во многом вдохновлял Александра Львовича на это сотрудничество с ЭСУ академик, известный украинский писатель Иван Дзюба (главный редактор редакционной коллегии). Ещё в далёком 2005 году И. Дзюба высоко оценил творческий талант А. Ильина, предложил ему печататься в популярном тогда журнале «Сучасність».

Приведём выдержку из письма ответственного секретаря «Енциклопедії сучасної України» Николая Железняка (2019г.) к А. Ильину, где содержится информация о последних работах полесского историка и краеведа, включённых в энциклопедию: «*Вельмишановний Олександре Львовичу! Готуємо 22–23-й томи Енциклопедії Сучасної України на літеру «Н», де запланована стаття про поета Нестерука Василя. (…) Ви запитували свого часу про статтю, що вміщена за Вашим авторством у 20-му томі ЕСУ, ми мали відповісти, однак не впевнені чи Ви отримали. Так от, це стаття про тижневик «Мир» – ЕСУ, т. 20, К., 2018, с. 467.Ваші статті – Мурашкевич Володимир Степанович, Мусевич Георгій Степанович, Назарчук Євген Андрійович, Ніколайчук Лідія Володимирівна — це 22–23-й томи Енциклопедії, що заплановані в друк у наступному році».*

Несомненно, Александр Львович Ильин внёс большой вклад в исследование истории и культуры белорусского и украинского Полесья. И как отметил брестский краевед В. Мисиюк, А. Ильину «вдалося насмикати з клубка історії силу ниток, які будуть дороговказом у багатьох питаннях для тих, хто піде його шляхом. Творча спадщина Олександра Ільїна розкриває, демонструє можливості пізнання світу культури, провокує до наукового пошуку, виходить за хронологічні рамки сьогодення» [15. с.40].

1. Cichoracki, P. Historyk z powołania.Aleksander Ilin (1956 – 2020) / P. Cichoracki // Rocznik Centrum Studiow Białoruskich / Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў. Uniwersytet Warszawski. 2021. №7. С.307.
2. Смалянчук, А.Ф. Аляксандр Ільін як даследчык роду Скірмунтаў /А.Ф. Смалянчук // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 2021. – С.49.
3. Смалянчук, А. Pro Memoriam: Аляксандр Ільін (1956 – 2020) / А.Ф. Смалянчук // Rocznik Centrum Studiow Białoruskich / Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў. Uniwersytet Warszawski. 2021. №7. С.310.
4. Ліст Аляксандра Ільіна да прафесара Іллі Катовіча [сентябрь 2006 г.] // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 2021. – С.231.
5. Шуманская, М.В. Простая жизнь. От Гродно до Тулы: судьба белорусского священника как отражение мировой истории (к биографии иерея Антония Котовича (1848 –1917)) / М.В. Шуманская // Гродненские епархиальные ведомости: Ежемесячная газета гродненской Епархии [основана в 1901 году, возобновлена в 1992 г.]. 2017 (январь). №1 (289). С.5
6. Аляксандраў, М. А. Атлантида полесской истории Александра Ильина / М.А. Аляксандраў // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм.,паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 2021.– С.27.
7. Мазур П. Олександр Ільїн: вони були з нами / П.Е. Мазур // Матеріали Х ювілейних Річинських читань. – Київ-Тернопіль-Кременець. 2021.– С.69.
8. Ільїн,О. Боріс Ольхівський — письменник-есеїст,співець та дослідник Полісся:Мандри Поліссям і Волінню: монографія /О. Ільїн.– Пінск 2020. С.16.
9. Ільїн, О. Український письменник з Овзичів /А. Ильин // Берестейский край. 1998.17 октября. № 36. С.4.
10. Борун, Е.Н. Сохранение историко-культурного наследия: публикационная деятельность краеведов Беларуси // Проблемы и перспективы развития физической культуры, спорта и туризма в Республике Беларусь: электрон. сб. материалов Респ. науч.-практ. семинара, Новополоцк, 24 марта 2017г.Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – С. 264.
11. Міцкевіч, В. Аляксандр Ільін у судакрананні з коласаўскай тэматыкай / В.Д.Міцкевіч // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 2021. – С.20,19.
12. Ильин А.Л. Непростие и загадочные судьбы братьев Русецких и их потомков: монография / А.Л. Ильин, Е.А. Игнатюк // Палеская бібліятэчка часопіса «Гістарычная брама». Пінск, 2020. С.4
13. Лабачэўская, В. Памяці Аляксандра Ільіна. Вяртанне імя – палескі святар і даследчык Канстанцін Цімафеевіч Карпінскі (1867–1947) / В.А. Лабачэўская // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 2021.– С. 24.
14. Абламскі, П. Атлантида полесской истории Александра Ильина / П. Абламскі // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 2021.– С.45.
15. Місіюк, В. Творчість Олександра Ільїна в контексті регіональної історіографії / В.С. Місіюк //Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., паслясл. А. Ігнацюк. – Мінск: Кнігазбор, 202.– С. 40.

УДК: 398.332.418-021.321(476.7):351.855.6

ЛАКАЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЗАХОДНЕПАЛЕСКАЙ КАЛЯДНАЙ АБРАДНАСЦІ НА ПРЫКЛАДЗЕ ДАВЫДГАРАДОЦКАГА АБРАДАВАГА КОМПЛЕКСУ «КОНІКІ»

Ірына Хамутова
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў Мінск, Беларусь

Заходнепалескі калядны цыкл уключае шэраг абрадаў, сярод якіх вылучаюцца абраднасць куцці (памінанне продкаў), варажба, калядаванне і шчадраванне, кожны з іх мае самастойнае значэнне. Давыд-Гарадок - месца, насычанае гісторыяй: з брукаванкай, замчышчам, гістарычным будынкам Георгіеўскай царквы (XVII – пачатак XVIII стст.), царквы Казанскай іконы Божай Маці і касцёлу Божага Цела. У дадзеным артыкуле асвечана трансфармацыя старажытнага давыдгарадоцкага абраду «Конікі», які адбываецца штогод з 13 на 14 студзеня і з 2019 г. атрымаў статус нематэрыяльнай гісторыка-культурнай каштоўнасці. Прадстаўлены часткі інтэрвью, запісаныя ў 2022 г. падчас свята ад Т. Зубей – мясцовай жыхаркі, удзельніцы абраду.

Ключавыя словы: Заходняе Палессе, Давыд-Гарадок, шчадраванне, лакальныя асаблівасці, калядны абход, пераапранутыя, «Конікі», Стары Новы год, нематэрыяльная гісторыка-культурная каштоўнасць

THE LOCAL FEATURES OF THE WEST POLESIE CAROLING RITUALISM ON THE EXAMPLE OF DAVYD-GORODOK'S RITUAL COMPLEX «KONIKI»

Irina V. Homutova
The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

The West Polesye caroling cycle includes several rituals, among which the ritualism of Kut'ja (ancestors' commemoration), divination, caroling and caroling stand out, each has substantive meaning. Davyd-Gorodok is the eventful history place: with stone roads, castle' place, historical building of Georgij's church (XVII – beginning of XVIII centuries), the church of Kazan' icon of Divine Mother and the Costel of God's Body. In the article the transformation of ancient Davyd-Gorodok's ritual «Koniki», which takes place every year from 13 to 14 January, and from 2019 received the status of intangible historical and cultural value, is funded. The parts of the interview, which were written down in 2022 during the holiday from T. Zubej – a local resident, ritual's participant, were presented.

Keywords: The West Polesye, Davyd-Gorodok, Caroling, local features, caroling round, dressed as, «Koniki», Old New Year, intangible historical and cultural value

Кожны каляндарны абрад мае пэўную структуру і месца ў межах таго ці іншага свята. Заходнепалескі калядны цыкл уключае шэраг абрадаў, сярод якіх вылучаюцца абраднасць куцці (памінанне продкоў), варажба, калядаванне і шчадраванне, кожны з іх мае самастойнае значэнне.

У дадзным артыкуле спынімся больш падрабязна мінавіта на шчадраванні ў г. Давыд-Гарадок, які размешчаны ў Столінскім раёне Брэсцкай вобласці [1, с. 217] (Заходняе Палессе).

Давыд-Гарадок - месца, насычанае гісторыяй: з брукаванкай, замчышчам, гістарычным будынкам Георгіеўскай царквы (XVII –пачатак XVIII стст.), царквы Казанскай іконы Божай Маці і касцёлу Божага Цела.

Кожны год напярэдадні Старога Новага года (з 13 на 14 студзеня [2]) мясцовыя жыхары ладзяць традыцыйнае шчадраванне «Конікі», якое ў 2019 годзе атрымала статус нематэрыяльнай гісторыка-культурнай каштоўнасці [3]. Калядоўшчыкі пераапранаюцца ў касцюмы разнастайных персанажаў, бяруць гармонікі, дудкі, горн, барабаны і з песнямі ўвечары адпраўляюцца шчадраваць па вуліцах гарадка. У абрадзе ўдзельнічаюць і мясцовыя школьнікі, і пенсіянеры, і цэлыя каманды моладзі.

Раней традыцыйна калядоўшчыкі пераапраналіся менавіта ў Коніка, Дзеда, Бабу, Казла, Мядзведзя, Барана, Бусла, Смерць, Чорта і Скарбніка, што было невыпадкова. Паколькі, напрыклад, маскі Дзеда і Бабы сімвалізавалі продкаў [2]. Зараз жа абрад трансфарміраваўся і акрамя традыцыйных герояў дадаліся казачныя персанажы: Дзед Мароз, Снягурачка, Павук, Мухамор, Дыназаўр, Чэбурашка, Панда, Кот, Гусар, Кракадзіл, Слон, Сабака, Елка, Пірат, Вадзянік, Клоун, Баба Яга і інш.

Супрацоўнік Давыдгарадоцкага музея гісторыі, С. Кулага, ў дзяцінстве сам актыўна хадзіў з «конікамі», а цяпер захоўвае памяць пра свята. У музеі «конікам» прысвечаны цэлы стэнд з чорна-белымі фотаздымкамі і інструментамі. Складана адназначна сказаць, калі з'явіўся гэты абрад. С. Кулага ў сваім інтэрв'ю гэта тлумачыць наступным чынам: «Гэта наша мясцовая фішка. Абрад з'явіўся арыентыровачна больш за 100 гадоў таму, падчас Першай сусветнай вайны. У Давыд-Гарадку знаходзіліся два шпіталя расійскай арміі, і ў якой-та момант салдаты вырашылі павіншаваць мясцовых жыхароў са Старым Новым

годам. Яны пераапрануліся ў касцюмы (сярод якіх быў касцюм каня) і выйшлі на вуліцы. Гэта так спадабалася жыхарам, што ў далейшым яны самі пачалі так рабіць» [4]. Але, хутчэй за ўсё, традыцыя мае больш глыбокія карані.

Малюнак 1 – Абрад «Конікі»
Давыц-Гарадок, 2022 г.

Падрыхтоўка да свята пачынаецца загадзя, каб паспець стварыць вобраз. Як сведчыць Т. Зубей (1993 год нараджэння), удзельніца абраду «Конікі» 2022 г.: «Маскі гарадзецкія ў нас пачынаюць рабіць намнога зараньшь, штобы зрабіць вобразы па-старш, як Каза, Дзед, Баба, а як мы вырашылі ў апошні момант, то ўзялі то, што было». Таму Т. Зубей абрала вобраз Кракадзіла (малюнак 1).

Коніка дагэтуль вырабляюць, як і ўдаўніну, самі ўдзельнікі з дзвух лазовых кошыкаў, змацаваных паміж сабой. Да гэтай канструкцыі далучаюць стары валёнак з доўгай халявай, з якога робяць морду і шыю каня. Валёнак абшываюць белай тканінай, якую раней называлі «коленшчына» (пэўна, таму, што гэта была колішняя старая саматканая вынашаная і адбеленая з цягам часу прасціна або кусок палатна ад старой кашулі). Зверху на валёнак, абшыты белай тканінай, прымацоўваюць чорную грыву, якую робяць са старога кажуха. Чорным малююць вочы каню. А кошыкі пакрываюць белай тканінай так, каб паміж двума кошыкамі мог улезці хлопец – ён выконваў ролю вершніка на кані. На каня прымацоўваюць званочак [2].

Сёння вобраз вершніка змяніўся – на яго апранаюць салдацкую шынэль, салдацкія рамяні (Малюнак 2).

Малюнак 2 – абрад «Конікі», традыцыйныя героі «Конік» і «Смерць»
Давыд-Гарадок, 2022 г.

Т. Зубей кажа, што іх калядны гурток пачаў вырабляць Коніка больш за тры тыдня да свята. Ролю Коніка нездарма атрымаў ў 2022 годзе С. Зубей (1988 года нараджэння), бо ў яго ёсць сын, а гэтая роля па сведчанню інфарманта перадаецца з пакалення ў пакаленне ад бацькі да сына.

Свята пачынаецца, 13 студзеня, як сцямнее: групы пераапранутых, так званых «ражаных», збіраюцца і пачынаюць абход. У Давыд-Гарадку такіх суполачак збіраецца больш за дзясятак. Асобна збіраюцца дзеці, падлеткі, моладзь, сустракаюцца і больш сталыя людзі.

З жартоўнымі песнямі гурты рухаюцца ўздоўж вуліцы і, як пабачаць, што ў вакне святло гарыць, то запытваюць дазвол у гаспадароў і пачынаюсь граць на горне (малюнак 3) пакуль заходзяць на двор, а затым, спяваць традыцыйную песню:

Там стояла сосна
Тонка, высока –
Шчодры вэчор.
Тонка, высока,
Лісцэйком шырока –
Шчодры вэчор.
А на той сосонцы
Золота корыца –
Шчодры вэчор.
Золота корыца,
Майская росіца –
Шчодры вэчор.
Ой, ды наляцелі
Райскія пташкі –
Шчодры вэчор.
Ды тую корыцу
Ўзялі позбівалі –
Шчодры вэчор…

Малюнак 3 – абрад «Конікі», гарніст ў вобразе Ката
Давыд-Гарадок, 2022 г.

Калі гаспадар выносіць пачастунак, то традыцыйна частаваўся Скарбнік, але зараз гэта роля перайшла да Дзеда Мароза, толькі пасля яго пачынаюць частавацца астатнія ўдзельнікі абходу.

Атрымаўшы пачастункі, удзельнікі гурта пачынаюць весяліцца: Конік скача, музыкі граюць, астатнія ўдзельнікі гурта могуць праспяваць застольную песню, напрыклад, распаўсюджаны наступны прыпеў мясцовай песні:

А хто п’е, тому налівайтэ,
Хто нэ п’е, тому нэ довайтэ,
Хто покажа ў чарцэ дно,
Таму шчасця і дабро.

Пасля пераапранутыя жадаюць гаспадарам шчасця, дабрабыту, прыплоду і пад музыку пераходзяць у наступную хату.

Сустракаецца і такі элемент абраду, калі Конік, за якім рухаецца гурт, сядае і працягвае рухацца далей толькі пасля таго, як атрымае пачастунак.

Акрамя хат гурт перакрывае дарогу траншпарту і спявае песню «Там стояла сосна тонка, высока», за што іх адорваюць грошамі. Пераапранутыя дзякуюць і жадаюць моцнага здароўя ў Новым годзе.

Сустракаецца, як дробная з’ява, і абход двароў, калі пасля атрымання дазволу зычалі гаспадару і яго сямейнікам: «Паздраўляем Вас з Новым годам! З новым шчасцем! Будзьце здаровы!» і спявалі песню больш позняга хрысціянскага паходжання, якая адносіцца да кантавай традыцыі:

Ой, запей ён песню
Слаўнаму пану.
Святы вэчор!
А якому пану?
Пану хазяіну.
Святы вэчор!
На ёго дворэ
Вінаград росце.
Святы вэчор!
У том вінаградзі
Божая Маці.
Святы вэчор!
Божая Маці
Сына радзіла.
Святы вэчор!
Сына родзіла,
Гэйна ўзлюбіла.
Святы вэчор!
Сталі шчотаці,
Што імя даці.
Святы вэчор!
Далі яму імя
Ісуса Хрыста.
Святы вэчор!

Атрымаўшы адорванне, кажуць пажаданне: «Святкуйце на зараўе! Каб праз год дождалі! Дай Бог здароўя!» і пераходзяць у другую хату.

Вяртаючыся да прадстаўленага канта, трэба адзначыць, што ён апакрафічны, гэта, у сваю чаргу, падцвярджае выказванне доктара мастацтвазнаўства Л. Касцюкавец, што «на сённяшні дзень захавалася некалькі дзясяткаў калядных псальм, усе яны – апакрыфічныя і вольна трактуюць евангельскі сюжэт» [5, с. 9].

Для носьбіраў традыцыі зараз галоўнай мэтай абраду з’яўляецца павіншаваць жыхароў Давыд-Гарадку. Як кажуць Т. Зубей, Н. Зубей і С. Зубей: «“Шчодры вечор — добры вечор!” Нельга ў гэтую ноч прыбіраць са стала тое, што ты на яго паставіў — яно павінна «шчадравацца». А яшчэ, як сустрэнеш год, так яго і правядзеш! Усе добрыя пажаданні застануцца з табой на гэты час. У нас, у Гарадку прынята, каб усе сустракалі Стары Новы год з душой, шчырасцю, і гэта самае галоўнае. Калі мы шчадруем, спыняем машыны, нам не важна, дадуць грошы ці не. Галоўнае — павіншаваць адзін аднога, пажадаць шчасця, дабрабыту. Мы ж ведаем усіх гарадчукоў, і ўвесь год будзем згадваць іх самі разам з іх пажаданнямі».

Зараз свята завяршаецца святочнай дыскатэкай на плошчы каля помніка князю Давіду, дзе збіраюцца разам усе суполкі «Конікаў», мясцовыя жыхары, а таксама запрошаныя госці [3].

Напрыканцы трэба адзначыць, што заходнепалеская калядная абраднасць навогул і лакальныя давыдгарадоцкія «Конікі» захаваліся у розных праявах да гэтага часу, але трансфармаваліся. Захоўваючы форму, змяніўся змест, трансфармаваўся светапогляд мясцовых жыхароў.

1. Хміль, І. Українське Полісся / І. Хміль. – Чікаго : Видавництво Товариств колишніх вояків УПА в ЗСА і Канаді, 1976. – 255 с.
2. Жывая Спадчына Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://livingheritage.by/events/694/. – Дата доступу: 20.01.22.
3. Грамадска-палітычная газета Маларыцкага раёна «Голас часу» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.malorita.by/?p=59469. – Дата доступу: 20.01.22.
4. onliner.by [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://dymontiger.livejournal.com/16654637.html. – Дата доступу: 17.01.22.
5. Костюковец, Л. Ф. Фольклоризация канта / Л. Ф. Костюковец. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2014. – 178 с.

УДК 392.8(=161.3)

НА НІВЕ АЙЧЫННАЙ ЭТНАЛОГІІ: УКЛАД ПРАФЕСАРА НАВАГРОДСКАГА Т.А. У ВЫВУЧЭННЕ ТРАДЫЦЫЙ ХАРЧАВАННЯ БЕЛАРУСАЎ

Ірына Бачыла
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
bochilo@bsu.by

У артыкуле аналізуецца ўклад айчыннага этнолага, прафесара Навагродскага Т.А. у вывучэнне традыцый харчавання беларусаў. Аўтарам разгледжаны і сістэматызаваны працы вучонага, ахарактарызавана база выкарыстаных ім крыніц і метадаў, вызначана ступень вывучанасці навукоўцам дадзенай часткі матэрыяльнай культуры беларусаў.

Ключавыя словы: беларуская этналогія, Навагродскі Т.А., традыцыі харчавання, беларускі этнас

NATIONAL ETHNOLOGY: THE CONTRIBUTION OF PROFESSOR NOVOGRODSKY T.A. TO THE STUDY OF THE FOOD TRADITIONS OF BELARUSIANS

Iryna G. Bachyla
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article is devoted to the analysis of the contribution to the study of the eating traditions of the Belarusians by the ethnologist, professor Novogrodsky T.A. The author attempts to study and systematize scientist's works, describe used sources and scientific methods, determine the level of topic under consideration inquiry.

Keywords: Belarusian ethnology, Novogrodsky T.A., food traditions, Belarusian ethnos

У гісторыі айчыннай этналогіі Навагродскі Т.А. і яго навуковыя здабыткі займаюць пачэснае месца. Вучоны з'яўляецца адным з выбітных і аўтарытэтных спецыялістаў, які ўпершыню выкарыстаў новы метадалагічны падыход пры вывучэнні доўгі час мала даследаванай у беларускай этналогіі праблематыкі – традыцый харчавання. Надзейным падмуркам для прапанаваных аўтарам тэарэтычных поглядаў на гэтую частку матэрыяльнай культуры сталі палявыя дадзеныя, якія збіраюцца даследчыкам ва ўсіх гістарычна-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі ўжо трыццаць гадоў.

Тадэвуш Антонавіч Навагродскі нарадзіўся ў 1965 г. у вёсцы Арцюшы Шчучынскага раёна Гродзенскай вобласці. Навучаўся ў Ваўкавыскім педагагічным вучылішчы, пасля чаго паступіў на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1991 г. Навагродскі Т.А. быў залічаны ў аспірантуру Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі па спецыяльнасці «Этналогія», дзе падрыхтаваў арыгінальную кандыдацкую дысертацыю аб традыцыях харчавання беларускага этнасу, якая была ім абаронена ў 1995 г. [1, с. 267].

Пасля заканчэння аспірантуры Навагродскі Т.А. працаваў навуковым супрацоўнікам аддзела этналогіі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі, дацэнтам кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 2000 г. ім было апублікавана першае спецыяльнае даследаванне «Традыцыйная культура харчавання беларусаў». У ім былі змешчаны вынікі працы па праблеме за перыяд 1990-х гг. з улікам вопыту папярэднікаў. Праз год на гістарычным факультэце БДУ была створана кафедра этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў. З гэтага часу Навагродскі Т.А. працуе на гэтай кафедры спачатку дацэнтам, а з 2008 г. загадчыкам. Менавіта ў гэты перыяд у поўнай ступені праявіўся яго талент выкладчыка, даследчыка, кіраўніка. З вялікім майстэрствам ён выкладае курс беларускай этналогіі, яе гістарыяграфію, знаёміць студэнтаў з метадамі палявых этнаграфічных даследаванняў.

Тадэвуш Антонавіч першым сярод айчынных спецыялістаў у галіне этналогіі пачаў даследаваць традыцыі харчавання як цэласную множнасць элементаў (сістэму) у сукупнасці адносін і сувязей паміж імі [6]. Яго папярэднікамі (тымі, хто працаваў на этналагічнай ніве да другой паловы 1980-х гг.) традыцыі харчавання вывучаліся пераважна ў сувязі з даследаваннем усяго комплексу матэрыяльнай культуры беларусаў і выключна з выкарыстаннем параўнальна-гістарычнага метаду. Асноўная ўвага пры гэтым надавалася пераважна стравам, у значна меншай ступені закраналіся тэхналогіі прыгатавання, трапезы, напоі, прадметы хатняга начыння. Заставаўся не распрацаваным тэарэтычны аспект праблемы, тэрміналагічны апарат.

Навагродскім Т.А. упершыню былі вылучаны і ахарактарызаваны ключавыя групы фактараў, якія аказваюць уплыў на структуру традыцый харчавання. Гэта фактары вышэйшага ўзроўня (прыродна-

геаграфічны, сацыяльна-эканамічны, гістарычна-культурныя традыцыі, сезоннасць) і фактары ніжэйшага ўзроўня (даступнасць сыравінных кампанетаў, спецыяльныя навыкі і веды, уплыў запазычанняў).

У працах навукоўца паказана, што сярод іншых кампанентаў традыцый харчавання стравы найбольш хутка рэагуюць на змены ў гістарычным і сацыяльна-эканамічным развіцці [7, с. 5], а іх структура залежыць ад сыравіны, якую пастаўляе мясцовая гаспадарка. Ён выявіў бінарныя апазіцыі харчовых прадуктаў на некалькіх узроўнях: «земляробства – жывёлагадоўля», «расліннае – жывёльнае» і г. д. Структурны аналіз, выкананы даследчыкам, дазволіў яму вызначыць, што большасць беларускіх страў XIX – пачатку XX ст. былі мучнымі, крупянымі, з гародніны [5, с. 13]. Навагродскі Т.А. ахарактарызаваў асноўныя спосабы і прыёмы прыгатавання страў, адзначыў, што галоўная бінарная апазіцыя тэхналогіі прыгатавання адпавядае восі «сырое – гатаванае».

Вучоны адным з першых сярод айчынных навукоўцаў раскрыў змест паняцця трапеза і паставіў пытанне аб неабходнасці больш глыбокага вывучэння гэтай з'явы. Ён вызначыў месца трапезы ў структуры традыцый харчавання, вылучыў дзве групы трапез (паўсядзённыя і святочныя), паказаў, што паўсядзённыя трапезы з'яўляюцца ядром усёй сістэмы харчавання этнасу. Даследчык ахарактарызаваў час і месца правядзення трапез, склад удзельнікаў, паслядоўнасць ужывання пэўных страў, адрозненні паміж імі, раскрыў ключавую бінарную апазіцыю трапез («штодзённыя – святочныя»), вылучыў дзве групы святочных трапез (звязаныя з каляндарным і сямейным цыклам).

Вучоны даследаваў функцыі штодзённых і святочных трапез, чаргаванне посных і скаромных перыядаў, традыцыйныя беларускія трапезы як сродак выхавання, іх выкарыстанне для перадачы ведаў, навыкаў і вопыту старэйшага пакалення дзецям. Навагродскі Т.А. параўнаў функцыі штодзённых і святочных трапез, асобная ўвага была звернута на памінальныя трапезы і разнастайнасць іх функцыяналу (ушанаванне, сакральная, выхаваўчая).

Вынікам працы Навагродскага Т.А. па вывучэнню рэгіянальных асаблівасцей традыцый харчавання беларусаў стаў шэраг публікацый: «Смачна елі... Народная кулінарыя Гомельшчыны» (1994), «Народная кулінарыя Магілёўшчыны (на матэрыяле палявых этнаграфічных даследаванняў)» (1999), «Народная кулінарыя Браслаўшчыны (на матэрыялах палявых этнаграфічных даследванняў)» (2001), «Традыцыі народнага харчавання беларусаў у Заходнім Палессі» (2008), «Традиции питания белорусов Восточного Полесья (по материалам полевых этнографических исследований)» (2010), «Традиции питания белорусов в Западном Полесье» (2020), «Традыцыі харчавання беларусаў Падняпроўя» (2021). Аўтар паказаў блізкасць асноў харчавання беларусаў у розных частках Беларусі, колькасць і час прыёму ежы, правілы паводзін, асаблівую ролю гаспадара ў час трапезы. Ён падрабязна апісаў рэгіянальную спецыфіку асобных страў і напояў, іх прыгатаванне і назвы.

Дзякуючы актыўнай дзейнасці Навагродскага Т.А., адным з цэнтраў вывучэння традыцый харчавання беларусаў на сённяшні дзень з'яўляецца кафедра этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта БДУ [8, с. 7]. Для студэнтаў, якія скончылі першы курс, кафедрай штогод ладзіцца выязная этнаграфічная практыка. На працягу трох тыдняў яны маюць магчымасць замацаваць веды па этналогіі, у тым ліку аб традыцыях харчавання беларускага этнасу. З моманту ўтварэння кафедры (2001) яе супрацоўнікамі былі арганізаваны экспедыцыі ў розныя часткі Беларусі: 2005 г. – г. п. Мір Гродзенскай вобласці, 2006 г. – в. Гольчыцы Слуцкага раёна Мінскай вобласці, 2007 г. – Камянецкі раён (в. Каменюкі, Дзмітравічы і інш.) Брэсцкай вобласці, 2008 г. – г. п. Мір Гродзенскай вобласці, 2009 г. – в. Моталь Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці, 2010 г. – в. Тышкаўцы Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці, 2011 г. – Астравецкі раён (в. Рымдзюны, Гервяты, Гальчуны і інш.) Гродзенскай вобласці, 2012 г. – в. Семежава Копыльскага раёна Мінскай вобласці, 2013 г. – г. Глыбокае Віцебскай вобласці, 2014 г. – Лепельскі раён Віцебскай вобласці, 2015 г. – Браслаўскі раён Віцебскай вобласці, 2016 г. – Барысаўскі раён Мінскай вобласці (в. Мсціж, Загор'е, Гаражанка, Макаўе і інш.), 2017 г. – Лунінецкі раён Брэсцкай вобласці, 2018 г. – Лідскі раён Гродзенскай вобласці (в. Ваверка, Кавалі, Серафіны і інш.), 2019 г. – Зэльвенскі раён Гродзенскай вобласці (в. Міжэрычы, Шэйкі, Клепачы і інш.). Сабраныя за гэты час матэрыялы часткова надрукаваны: «Народная кухня маталян. Кулінарныя традыцыі Беларускага Палесся» (2009), «Народная кухня тышкаўцоў» (2010), «Кулінарная спадчына Белавежжа» (2010), «Народная кухня Гервятаў» (2011), «Народная кухня Семежава» (2013). Названыя выданні з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для далейшага вывучэння дадзенай часткі матэрыяльнай культуры беларусаў.

Вынікі шматгадовых этналагічных даследаванняў традыцый харчавання беларусаў Навагродскі Т.А. падсумаваў у манаграфіі «Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стст.» (2015), якая ў 2016 г. была абаронена ім у якасці доктарскай дысертацыі [9]. У працы аўтарам раскрыты працэс эвалюцыі традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стст. на аснове сістэмнага вывучэння гістарычна-этнаграфічнай спадчыны. У яе аснову былі пакладзены матэрыялы, сабраныя даследчыкам на працягу 1992 – 2015 гг. ва ўсіх гістарычна-этнаграфічных рэгіёнах нашай краіны. За гэты час вучоным у ходзе экспедыцый было апытана 577 чалавек, а ў навуковы ўжытак былі ўведзены арыгінальныя дадзеныя, якія ў значнай ступені ўзбагацілі веды аб народнай кухні беларусаў [4, с. 7].

Навуковыя здабыткі прафесара Навагродскага Т.А. знаходзяць самае шырокае прымяненне ў разнастайных сферах – адукацыйнай (пры выкладанні курсаў у ВНУ краіны); пры падрыхтоўцы і выданні вучэбна-метадычных дапаможнікаў [3, 10]; на курсах павышэння кваліфікацыі для экскурсаводаў, гідаў-перакладчыкаў, выкладчыкаў і дыпламатычных работнікаў. Вынікі шматгадовых даследаванняў навукоўца выкарыстоўваліся ў практычнай дзейнасці пры арганізацыі і правядзенні Міжнароднага фестывалю «Мотальскія прысмакі», пры падвядзенні вынікаў Рэспубліканскага конкурсу «Прадукт года» і Рэспубліканскага конкурсу на лепшую аграсядзібу ў намінацыі «Традыцыйная беларуская кухня»; у паўсядзённай дзейнасці шэрагу кафэ, рэстаранаў беларускай кухні, айчынных аграсядзіб. Прафесар Навагродскі Т.А. рэгулярна выступае ў якасці эксперта па ўключэнню асобных страў у спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Так, у мінулым годзе было падрыхтавана адпаведнае экспертнае заключэнне «Традыцыі прыгатавання дранікаў і бульбяных бліноў у Гродзенскай вобласці».

Досыць плённа прафесар Навагродскі Т.А. працуе ў галіне папулярызацыі этналагічнай навукі, ведаў аб народнай кулінарыі сярод грамадскасці. Ім падрыхтавана серыя артыкулаў для Беларускай энцыклапедыі ў 18 тамах, энцыклапедыі «Гісторыя Беларусі» у 6 тамах, энцыклапедыі «Беларускі фальклор» у 2 тамах, «Энцыклапедыі беларускай кухні». Вучоны прымае актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і публікацыі спецыяльных выданняў навукова-папулярнага профілю. Сярод апошніх «Вандроўка да хлеба» (2021) – сёмы выпуск серыі «Культурная спадчына Беларусі» на беларускай, рускай і англійскай мовах – своеасаблівы навігатар для хлебнага тура па Беларусі. Дадзенае выданне асвятляе гісторыю хлебапякарства на тэрыторыі Беларусі, прадстаўляе матэрыялы аб адпаведных павер'ях, звычаях, святах беларусаў, утрымлівае ўспаміны носьбітаў традыцыі, а таксама арыгінальныя рэцэпты [2].

На сённяшні дзень даследчык мае больш за 200 навуковых публікацый (сярод якіх – дзве манаграфіі, раздзелы ў калектыўных манаграфіях), большая частка якіх прысвечана традыцыям харчавання беларускага этнасу. У іх прадстаўлены фактычны матэрыял XIX – пачатку XXI стст., прааналізаваны састаўныя кампаненты традыцый харчавання (прадукты, стравы, спосабы прыгатавання, трапезы, прадметы хатняга начыння, правілы паводзін, звязаныя з прыгатаваннем і ўжываннем страў), раскрыта сувязь паміж імі, выяўлены асаблівасці традыцый харчавання розных саслоўяў на тэрыторыі Беларусі, ахарактарызавана сутнасць змен у традыцыях харчавання на працягу XX ст., раскрываецца сувязь традыцый харчавання з іншымі часткамі матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага этнасу, паказана неабходнасць выкарыстання традыцый народнай кулінарыі ў сучасным харчаванні беларусаў.

1. Бачыла, І.Г. Традыцыі харчавання беларусаў у працах Т.А. Навагродскага / І. Г. Бачыла // Беларусь у XIX – XXI стст.: этнакультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё: зборнік навуковых артыкулаў / Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; рэдкал.: В.А. Міхедзька (адказны рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2015. – С. 266–271.
2. Вандроўка да хлеба / уклад. Л.Ф. Анцук. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2021. – 250 с.
3. Навагродскі, Т.А. Традыцыйная культура харчавання беларусаў: вуч. дапам. / Т.А. Навагродскі. – Мінск: БДУ, 2001. – 62 с.
4. Навагродскі, Т.А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стст.: аўтарэф. дыс. … докт. гіст. навук: 07.00.07 / Т.А. Навагродскі; ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». – Мінск, 2015. – 50 с.
5. Навагродскі, Т.А. Беларуская народная кулінарыя XIX – пачатку XX ст. (Структурны аналіз): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.07 / Т.А. Навагродскі; ІМЭФ імя К. Крапівы. – Мінск,1995. – 18 с.
6. Навагродскі, Т.А. Народная кулінарыя як аб'ект навуковага даследавання / Т.А. Навагродскі // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 1994. – № 4. – С. 81.
7. Навагродскі, Т.А. Традыцыйная культура харчавання беларусаў / Т.А. Навагродскі. – Мінск: НІА, 2000. – 112 с.
8. Навагродскі, Т.А. Шлях даўжынёй у 20 год: кафедра этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта БДУ (2001–2021 гг.) / Т.А. Навагродскі // Этнокультурное наследие Беларуси в XXI веке: материалы междунар. научно-практ. конф., Минск, 18 июня 2021 г., / БГУ, истор. фак., каф. этнологии, музеологии и истории искусств; [редкол.: Т.А. Новогродский, И.В. Олюнина (отв. ред.) и др.]. − Минск: БГУ, 2021. – С. 3–7.
9. Навагродскі, Т.А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стст. / Т.А. Навагродскі. – Мінск: БДУ, 2015. – 243 с.
10. Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве: вучэб.-метад. дапам. / Т.А. Навагродскі [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – 335 с.

908:336.71

УЧРЕЖДЕНИЕ ПЕРВОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО БАНКА В ГОМЕЛЕ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Дарья Лавшук
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь

В статье рассматривается учреждение первого городского общественного банка и его роль в развитии инфраструктуры Гомеля в конце XIX начале XX века.

Ключевые слова: Беларусь, банк, Гомель, городской общественный банк, кредитная система, инфраструктура

THE ESTABLISHMENT OF THE FIRST CITY PUBLIC BANK IN GOMEL AND ITS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE CITY'S INFRASTRUCTURE IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY

Darya Laushuk
Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank, Republic of Belarus

This article discusses the establishment of the first city public bank and its role in the development of the infrastructure of Gomel in the late XIX-early XX century.

Keywords: Belarus, bank, Gomel, city public bank, credit system, infrastructure

В середине XIX в. возникла необходимость модернизации финансовой системы Российской империи. После отмены крепостного права в 1861 году жизнь всех сословий Российской империи кардинально изменилась. В экономике страны всё большая роль отводилась кредитным учреждениям. Поэтому в 1862 году в русле буржуазных реформ началось открытие новых общественных банков. Тогда же было издано и “Нормальное положение о городских общественных банках”, снимавшее многие прежние ограничения с таких финансовых организаций. За небольшой период на всей территории Российской империи было создано значительное количество банков нового типа. С 1862 по 1864 год открыто 55 банков, а всего за первое десятилетие со времени выхода Положения появилось 180 кредитных организаций [3, с. 134]. Гомель стал первым городом на территории Беларуси, в котором был открыт городской общественный банк.

8 января 1870 года был подписан указ Сената Российской империи “Об учреждении в городе Гомеле, Могилёвской губернии, общественного банка” [7, с. 33]. Такое решение было принято в связи с увеличением товарного производства и промышленности города. Гомель стал крупным центром и обслуживал соседние уезды Могилёвской, Минской и Черниговской губерний. Главным товаром для экспорта в среднее и нижнее Поднепровье стали лесоматериалы, а для Екатеринославля и Киева было зерно. Также в самом городе велось производство бумаги, спичек, кирпича, оконного стекла, верёвки и др. Всё это вызвало острую необходимость в кредитовании. По Положению 1862 г. общественные банки были открыты с уставным капиталом в 10 тыс. руб. Однако для Гомеля было сделано исключение, сенатским указом было уже предопределенно, что основной капитал должен был составлять 20 тыс. руб. За пять дней до подписания указа в Сенате был заслушан рапорт министра финансов М.Х. Рейтерна о целесообразности создания в уездном городе Гомеле общественного банка. Завы-шенный размер уставного фонда, определенный высшим государст-венным органом, вытекал из хода-тайства городской думы перед ми-нистерством финансов об откры-тии банка с указанием уже собран-ных 20 тыс. руб. [7, с. 33]. Согласно официальной имперской статистике, свою работу банк начал с 1 мая 1870 г. Однако, набор персонала и обустройство кредитного учреждения затягивалось. 27 июня 1870 г. бы-ла утверждена городской думой обязательная документация для проведения операций: главная книга — гросс-бух и кассовые журналы. Уже в сентябре банк просил думу пере-дать ему “часы и мебель упразд-ненного городского магистрата” [5, л. 4]. Были также проблемы с переводом денежных средств для уставного капитала. Дело в том, что собранный го-мельским городским обществом капитал банка был помещен в Ки-евской конторе Государственного банка Российской империи, как этого требовало банковское зако-нодательство. В белорусских гу-берниях

сеть отделений Госбанка тогда еще не сформировалась, по-этому началась переписка с Киевским банковским отделением для получения 20 383 руб. 32 коп. в связи с от-крытием банка [6, л. 109]. По положению, новые общественные городские банки должны были организовываться при местной городской думе или заменяющем их учреждении и отчитываться о своей работе перед органами городского самоуправления. Руководство банка состояло из директора и двух "товарищей" (заместителей директора), которое избиралось городским обществом [6, с. 4-5]. Первым директором Гомельского банка стал А.И. Яндовский, а с 1889 г.- Н.Ф. Строгий. Одним из кандидатов на должность товарища стал К.М. Хорошупов, но так и не был утверждён из-за сомнений относительно его возможности выполнять свои обязанности. Как и другие общественные банки, Гомельский банк предлагал своим клиентам широкий спектр услуг : прием вкладов, учет векселей(долговой документ строго установленной формы, выражающий бесспорное обязательство уплаты определенной суммы денег в указанный срок), вы-дача ссуд под залог ценных бумаг, товаров "драгоценных и других не подверженных порче вещей и недвижимых имуществ, покупка и продажа государственных "про-центных бумаг", а также акций и облигаций, "пользующихся гарантией Правительства или городского общества" [8, с. 33]. Наиболее востребованными были долго-срочные и краткосрочные кредиты. Кредит – является разновидностью ссуды. Ссуда – это передача денег или материальных ценностей в безвозмездное пользование. Главное условие – возвратность. Ссуда не подразумевает обязательной оплаты за использование чужих средств. Кредит тоже выдается на условиях возвратности, но только за определенную плату – чаще всего за фиксированный процент. Однако только спустя время, когда Гомель стал крупным железнодорожным узлом (в 1873 г. к нему была подтянута ветка Либаво-Роменской стальной магистрали, к 1888 г. — Полесской) и только в 1889 г., после неоднократных обращений горожан, жителей предместий и увеличе-ния банковского капитала, было решено не только учитывать векселя и выдавать ссуды под залог процентных бумаг, но и предоставлять кредиты под залог недвижимости [4]. Большой спрос на них был у купечества города, а также крупных домовладельцев. К концу XIX в. банковские операции под залог недвижимого имущества в городе получили существенное развитие. Размер таких ссуд на 1 января 1900 г. составил 177 тыс. руб. при сумме баланса в 291 тыс. руб. На 1 января 1913 г. банк выдал 100 таких ссуд в размере 326 690 руб., что превышало объем вексельных кредитов [4]. Ипотека позволяла проводить ремонт и реконструк-цию жилого и производственного фонда, строительство новых зданий. Однако подавляющее большинство ипотечных кредитов выдавалось на непродолжительное время — от 3 до 8 лет. Активно вёлся учёт по векселям "обеспеченных, с двумя подписями". На 1 января 1913 г. было учтено 1632 векселя на сумму более 286 тыс. руб. с преобладанием векселей до 100 руб., а в среднем их ценность составляла около 175 руб., тогда как в целом по Российской Империи — 420 руб. Гомельский банк представ-лял собой финансовый институт для средних и мелких клиентов. Поэтому больший спрос у торговцев, ремесленников и домовладельцев был на векселя до 100 руб. В Гомельском банке размер процентов по вкладам населения колебался от 5 до 8% в зависимос-ти от вида вклада и сроков его хранения [2]. Не особой популярностью пользовались кредиты под залог ценных бумаг, гарантируе-мых правительством и ссуды под залог "драгоценных и иных не подверженных легкой порче вещей", так как приходилось обращаться к специалистам для оценки. В 1880-х гг., произошёл общероссийский банковский кризис, вызванный многими причинами: большими расходами на русско-турецкую войну, растущая крупная современная промышленность требовала крупных капиталов, непосильные городским банкам, капиталы которых составлялись в основном за счёт свободных средств городских обществ, рост акционерных банков и подрыв доверия вкладчиков к городским банкам в результате мошенничества со стороны руководства отдельных банков, но Гомельский банк смог его перенести, и уже к началу 1899 г. его основной капитал, формировавшийся теперь за счет отчислений от прибыли, приблизился к 90 тыс. руб., а запасный — к 13,5 тыс. руб. Чистая прибыль за 1898 г. составила 9,5 тыс. руб. [2, с. 53-54]. Это создало предпосылки для расширения объемов кредитования, роста отчислений в городской бюджет.

Главная особенность городских общественных банков была в том, что часть прибыли шла на благоустройство города и благотворительность. Гомельский банк являлся активным кредитором и выдавал ссуды на развитие и облагораживание города. Городской банк Гомеля, как свидетельствуют его балансы, постоянно отчислял 2/3 прибыли в городской доход. Так, только с 1897 г. по 1904 г. он предоставил ссуды на сумму 50,6 тыс. руб.: на строительство мужской гимназии, ремонт мостовых, покрытие расходов и долгов города. К 1913 г. размер городских ссуд банку составлял более 43,6 тыс. руб. Из сводного баланса семи действовавших тогда в Беларуси городских банков на Гомельский банк приходилось 85% всех выданных городам ссуд [10]. Благодаря учреждению городского общественного банка и его плодотворной работе, Гомель стал респектабельным местом для открытия новых банковских организаций. К концу XIX в. город стал крупным финансовым центром. Центральную улицу украсили несколько банковских зданий, в том числе и филиал Орловского коммерческого банка (учредитель – Л.С. Поляков, известный русский банкир). Он был построен на углу Румянцевской (ныне Советской) и Ирининской улиц в 1901 г. по проекту С.Д. Шабуневского. В 1908 г. здание формально сменило владельцев в результате слияния трех банков из

группы Л.С. Полякова. Новый Объединенный банк финансировал промышленность. Вскоре неподалёку был возведён Русско-Азиатский банк. Акционерный Русско-Азиатский банк был образован в 1910 г. в результате слияния Русско-Китайского и Северного банков. Акционерное правление возглавлял А. И. Путилов. Двухэтажное здание на пересечении улиц Советской и Ланге было построено 1910-1912 гг. по проекту архитектора Оскара Рудольфовича Мунца в стиле модерн. Ещё одним банком на Румянцевской улице стало отделение Виленского комерческого банка. На пересечении улиц Советской и Крестьянской (тогда на углу улиц Румянцевской и Троицкой) в 1901 г. было построено здание Гомельского отделения Виленского частного коммерческого банка (хотя само отделение было открыто ещё в 1870-е гг.). Строительство проходило под руководством архитектора Станислава Шабуневского. Новые здания банков не только украсили городскую застройку, но и стали катализатором для дальнейшего развития его инфраструктуры [1].

Развитие кредитной системы существенно повлияло и на жизнь, и на внешний вид городов Российской империи. Отмена крепостного права, и особенно, строительство железных дорог оживили хозяйственную жизнь Гомеля. Наличие полноценного финансового учреждения стало острой необходимостью, что способствовало открытию в Гомеле первого местного банка [1]. С его открытием население активно начало пользоваться его услугами для создания своего бизнеса или укрепления существовавшего. Гомельский банк выступал как главный инвестор городской промышленности и торговли, стимулировал предпринимательскую инициативу и деловую активность жителей города, посредством выдачи кредитов, ссуд и т.п. Активно участвовал в формирование городского бюджета и экономики в целом так как кредитовал и другие города Могилёвской губернии.

1. Гомельский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gomel.gov.by/ru/. – Дата доступа: 15.01.2022.
2. Грузицкий, Ю.Л. Гомельский городской банк //Банкаўскі веснік. — 2003 — № 25 — С. 54.
3. Гурьев, А.Н. Очерки развития кредитных учреждений в России / А.Н. Гурьев. – СПб : Типо-литогр. "Якорь", 1904. – 520 с.
4. Краязнаўчы сайт Гомеля і Гомельшчыны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nashkraj.info/. – Дата доступа: 20.01.2022.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Минске [НИАБ]. Ф. 2912. Гомельская городская дума. Оп. 1. Д. 7.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Минске [НИАБ]. Ф. 2912. Гомельская городская дума. Оп. 1. Д. 8.
7. “Об учреждении в городе Гомеле, Могилевской губернии, общественного банка” 8 января 1870 г. Сенатский указ //ПСЗРИ: собр 2-е. Т. XLV. Отд. 1-е. 1870 — СПб., 1874.
8. Положение о городских общественных банках. 6 февраля 1862 г. Высочайше утвержденное //Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е. 1862 — СПб., 1865.
9. Голубев, А.Н. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях / А.Н. Голубев. – СПб: Ком. Съезда представителей банков коммерч. кредита, 1896-1908, 1908. – 250 с.
10. PRO Гомель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://progomel.by/. – Дата доступа: 06.01.2022.

УДК 908(476.7)

ОЛЕКСАНДР ІЛЬЇН ЯК ДОСЛІДНИК ВУЗЛОВНИХ МОМЕНТІВ РЕГІОНАЛЬНОЇ ІСТОРІЇ

Виктор Мисиюк

Берестейський державний технічний університет, Береcть, Республіка Білорусь

berestiuk@hotmail.com

Стаття присвячена творчості одного з найбільш плідних дослідників історії Берестейського регіону. Його публікації сприяли пробудженню інтересу до історії, розширенню тематичного поля наукових досліджень, а також кристалізації ідентичності жителів регіону.

Ключові слова: Олександр Ільїн, Берестейщина, Пинськ, регіоналістика, берестеїка, історія, літератури, біографістика

ALEXANDER ILYIN AS A RESEARCHER OF KEY MOMENTS IN REGIONAL HISTORY

Victor Misiyuk

Brest state technical university, Brest, Belarus

The article is devoted to the work of one of the most prolific researchers of the history of the Brest region. His publications have helped to arouse interest in history, expand the thematic field of research, and crystallize the identity of the region's inhabitants.

Keywords: Oleksandr Ilyin, Beresteyshchyna, Pinsk, regional studies, beresteica, literary history, biography studies

Описати весь об’єм зробленого, усю тематику дослідницьких зацікавлень в гуманітарній сфері доцента Поліського державного університету, кандидата фізико-математичних наук Олександра Ільїна дуже складно. Він не обмежував себе ні хронологічними рамками, ні вибором мови, ні конкретною традицією, школою, середовищем. При тому попри відстороненість, якої вимагає научна об'єктивність, автор був емоційною людиною, членом громадських організацій і пов'язував себе з конкретним краєм, вріс у Берестейщину не тільки родинними зв'язками, знайомствами, працею, хатніми клопотами, але й, що дуже важливо, інтелектуально. Пан Олександр мав яскраво виражене почуття громадського обов’язку інтелектуала перед суспільством в якому він живе [2, с.40]. Тому регіональна культура була для нього суб'єктом історії. Його цікавив не стільки набір фактів, скільки внутрішні зв'язки часово-просторових процесів. Багато концептуальних статей автор друкує українською мовою. Причини можуть бути як особисті, обумовлені національною ідентичністю, так і пов’язані з контактами з видавцями, а також відкритістю, толерантністю українських видань кінця ХХ століття до новаторських пошуків. Українська стає однією з його робочих мов, хоча виховувався він, як більшість представників точних наук радянського часу, в російськомовному освітньому середовищі.

З методологічної точки зору поворотними для Олександра Ільїна були публікації 1993 року «Використання народознавчого матеріалу на лабораторних заняттях з інформатики» та «Народознавчий матеріал на практичних заняттях з математики». Десь в той момент він відкриває для себе світ гуманітаристики. Через два роки дослідник через суто краєзнавчу тематику, зацікавлення видатними постатям Глухова, міста в якому довелось працювати викладачу, приходить до ширшого розуміння характеру освітянського середовища XVIII століття (представниками якого були Андрій Рачинський, Максим Березовський, Яків Маркович, Іван Тимківський, Григорій Теплов, Василь Мирович, Федір Туманський, Олександр Радищев, Олександр Безбородько, Василь Капніст) і таким чином поринає у проблеми витоків націотворення. В 1996 році виходять його публікації присвячені «Історії русів», «Слову о полку Ігоревім» та «Розмові Великоросії з Малоросією», а також людям пов’язаним з поширенням подібних пам’яток Михайлу Миклашевському, Василю Тарновському, Михайлу Бобровському. Саме в цей час формується уява про значення в інтелектуальному житті XVIII-XIX століть такої з’яви як гуртки, а вони могли бути неформальними об’єднаннями непомітними з точки зору діловодства. З’являються окремі публікації на цю тему («Чи існував Новгород-Сіверський патріотичний гурток?»), яка знайде своє продовження у аналізі діяльності декабристів, філоматів, філаретів та інших («Повстання на Сенатський площі починалося в Бересті?», «Декабристи і Берестейщина», «Загадки і таємниці 14 грудня 1825 року», «Берестейські і свіслоцькі сторінки справи №632», «Вогник патріотизму в свислоцький гімназії ніколи не згасав», «Повстанці-берестейці», «1831 рік на Берестейському Поліссі», «Поліцейський нагляд в Берестейському і Пружанському повітах після повстання 1831 року», «Діяльність польської «Співдружність польського народу» на Берестейсько-Пинському Поліссі», «Берестейська змова 1848 року» і інших). В результаті в 1999-2001 році дослідник находить в собі сили описати власне бачення того, як формувалася білоруська національна ідея («Доленга-Ходаківський і панславістські плани князя А.Є.Чарторийського в контексті виникнення білоруської і української національної ідей», «Де шукати витоки білоруської національної ідеї, або хто написав поеми «Енеїда навиворіт» і «Тарас на Парнасі»?», «Чому не з’явився білоруський «Кобзар» у середині XIX століття?», «Паулюк Багрим і Тарас Шевченко: хто у кого переймав?»). Також висловлюється щодо витоків Руси, білоруського та українського етногенезів («Походження Руси - новая концепція», «Де шукати Білу, Чорну і Червону Русь?», «Звідки пішов народ білоруський», «Знову про походження білорусів», ««Повесть минулих літ» і питання етногенезу білорусів»). Частина праць була присвячена добі Ренесансу («Руська ідея в Великому князівстві литовському», «Невичерпність і безмежність Франциска Скорини», «Берестейська Біблія - одна з причин створення Острозької?», «Пахомій Логофет, Дмитро Траханіот, Андрій Римша - автори «Повісті минулих літ»?», «Чи друкувалась «Хронологія» Андрія Римши у Острозі?», «Панславіст Лев Сопіга і бібліотека Івана Грозного», «Рід Сопіг і греко-католицька церква»). Подібне заглиблення дозволило пізніше робити досить великі ретроспекції. В перших статтях читаються чіткі сюжетні лінії, зв’язки між темами та витоки пізніших праць. Завдяки розширенню дослідницького кола автор перетворюється на дослідника-енциклопедиста. Причини серед іншого в тому, що в радянський період зазначена тематика вивчалась достатньо поверхово, не була присутня в масовій свідомості, не була настільки соціально затребувана. По-друге, не було не було міцних

шкіл регіоналістики, зокрема на Берестейщині до початку 90-х років XX століття не було жодного історичного факультету. Не кожен автор наважиться доповнити знання сучасників про класиків літератури (Тараса Шевченко, Якуба Колоса, Адама Міцкевича, Ігнатія Крашевського), видатних полководців (Тадеуша Костюшко, Олександра Суворова) чи сучасних діячів культури. Але Олександр Ільїн був в тому плані людиною дуже рішучою, вважав за необхідне розбурхати цікавість до життя творців, показати їх людську природу не викривлену лоском нанесеної пізніше бронзи. В певному моменті однією з улюблених тем стане літературознавчий та біографічний аналіз творчості Миколи Гоголя, можливість впливу на його творчість реальних подій берестейської історії («Українські і російські блукання Миколи Гоголя», «Андрій Боболя і «Тарас Бульба»», «Загадка Миколи Гоголя», «Поліські коріння Гоголя»).

Коли Олександр Ільїн безпосередньо заглибився у проблеми берестеїки він був вже досвідченим автором, тому пізніші публікації стали тематично вужчими, спирались на архівні джерела, евристичну документальну інформацію. За підрахунками головного редактора газети «Берестейський край» Михайла Петруковича в 1998-99 роках на її сторінках було опубліковано 43 (!) статті Олександра Ільїна [3, с. 10-11]. Публікації пана Олександра, як одного з провідних авторів, були лицем газети. На нашу думку цей час став важливим моментом дослідницької трансформації. На зміну зацікавленням дедуктивним методом, метафізичною проблематикою приходить усвідомлення практичної ваги індуктивного методу та діалектичного підходу. Дослідник все частіше віддає перевагу класичним науковим розвідкам перед науковою журналістикою. На жаль, вік газети виявився недовгим, вона припинила своє існування, а організація, яка її видавала не пройшла юридичну процедуру перереєстрації. В той час Олександр Ільїн підтримував тісні зв'язки з редакцією підляського часопису «Над Бугом і Нарвою», в якому його матеріали на певний час стали основою рубрики «Берестейщина». Але ж творчі плани були значно більшими за добір матеріалу для рубрики. В цей момент пан Олександр усі свої надії поклав на краєзнавчий часопис з Березі. Своє бачення та завдання як дослідника-регіоналіста він виклав у матеріалі ««Гістарычная Брама» – ще одна спроба створення часопису, присвяченого історії і краєзнавству Берестейщини». Вдалося не тільки зберегти районну ініціативу, але й значно розширити її. В результаті краєзнавче видання отримало університетський статус [4, с. 29]. На скільки особисто важливим було згадане видання свідчить те, що свою серію монографій дослідник публікував під назвою «Палеская бібліятэчка часопіса «Гістарычная Брама»».

Берестейщина регіон багатий традиціями, локальність є однією з його визначних рис. Ось чому для розуміння її історії необхідно чітко усвідомлювати, що вона складається з двох історичних земель: Берестейської і Пинської. Остання з них більшою мірою зберегла етнічну самобутність і при тому була місцем міжкультурних контактів. Національні процеси тут виділялись специфічними темпом, нелінійним характером. Побідні фактори міцно впливали на формування місцевих еліт. Такі приклади надзвичай цікаві і складні для аналізу. Можна собі уявити які почуття пробуджували такі колумбівські завдання. Для повноти образу дослідник не гребував заглиблювався в теми економічної історії. Написав для вишу, що виріс з банківського коледжу і в якому Олександр Ільїн пропрацював останні роки свого життя, статті «З дореволюційної історії банківських і кредитних установ Пинська», «З історії банківської справи в Пинську в міжвоєнний період», «Пинський відділ Білоруського кооперативного банку у Вільно (1926-1932 гг.): створення і діяльність». Вони разом з значною групою публікацій, таких як «Пинська художня школа 20-30-х років XX століття» і «Шалаш поетів», доповнювали картину громадсько-політичного, економічного, культурного життя міста. Серйозне зацікавлення Пинщиною не було випадковим, ще з 1998 року (за п'ять років до того, як він переїхав на працю у місцевий університет) на сторінках «Берестейського краю» з під пера краєзнавця з'являється серія пинських статей («Дмитро Булгаковський – збирач і видавець фольклору пинчуків», «Пинськ – колиска поліської літератури», «Дунін-Марцінкевич і Ольпень», «Український письменник з Овзичів», «Загадки пинської школи архітектурного пейзажу», «Пинчук – супротивник Суворова», «Князі Друцкі-Любецькі», «Останній пинський князь і осередок при його дворі», «Ще один історик Пинська», «Поліський Єрусалим», «Пинський апостол і «Тарас Бульба»», «Пинський Сковорода», «Мандрівники про Пинськ», «Скирмунти», «Землемір Лаврін Война», ««Потоп» на Пинщині», «Хто вони, герої вірша Франца Савича»). Монографія Олександра Ільїна «Нариси історії культури Пинщини (IX - поч. XX ст.ст.)» стала закономірним результатом досліджень історії регіону. У виданні, серед іншого, були опубліковані раніше невідомі сторінки зачатків національного театру. Вже після виходу книги тема історії міста була розвинута у статті «Нариси історії культури Пинська початку і середини XIX століття», а також неодноразово доповнювалась окремими публікаціями. Через них невтомний дослідник підходить до дослідження двох ключових в історії української національної культури регіону пам'яток. Тексти обох творів із супровідними статтями завдяки стараннням пана Олександра увійшли до антології української літератури Берестейщини «До тебе, світе». Перший з них - водевіль «Пинська шляхта». В 2007 році виходить стаття «Чи Степан Куклінський є автором «Пинської шляхти»?», а в 2009 продовження «Письменник і фольклорист Дмитро Булгаківський є автором «Пинської шляхти»?» і «Ще раз про авторство «Пинської шляхти»», в наступному році вийшла стаття «Приватизована історія білоруської літератури XIX століття або справа літературного погромника Лукаша Бенде живе і квітне», а за рік «Крапку ставити поки

рано». Через вісім років автор повернувся до теми у статті ««Хрін тобі в очі!»: то хто ж написав «Пинську шляхту»?». Однією з сюжетних ліній цього дослідження були зв'язки директора пинської гімназії Стефана Куклинського з автором однієї з перших регіональних граматик, о.Платоном Тихоновичем («Директор гімназії Куклинський і священик Тихоновський»). В згаданих публікаціях на роль авторів видатного драматичного твору запропоновано дві кандидатури: Стефана Куклинського та Дмитра Булгаковського. Другий твір – унікальний приклад синтезу польсько-українських національних традицій, латинсько-кириличний буквар «Русинський лементар» («Хто ж все-таки є автором «Русинського лементара»?). Через цю тему автор також заглибився в дослідження історії роду відомих меценатів Скірмунтів (««Клята» патріотка Констанція Скірмунт», «Доля бібліотеки і архіву молодівсько-поріцьких Скирмунтів», «Олександр Скірмунт і товариство взаємного кредиту поліських землевласників», «Роман Скірмунт в громадсько-політичному житті Пинщини в 20-30-і рр. ХХ ст.»).

Одним з найважливіших джерел про національні симпатії берестейського духовенства була доповідна записка Ніканора Котовича. Але що було відомо про цей рід? До того, як його взявся описати Олександр Ільїн - практично нічого. Детальне знайомство з родоводом починалось з публікацій «Поліські священики Котовичи», «Черевачицькі Котовичі - священик, діячі культури і просто люди», «Петербурзький і пинський архітектор Миколай Котович», що пізніше переросло в плани окремої монографії, на жаль не реалізовані за життя автора. Не дивно, що саме духовенству дослідник буде приділяти велику увагу й пізніше.

Період діяльності української адміністрації на Берестейщині до недавнього був суцільною білою плямою. Крім мемуарів Василя Дмитріюка, Тимоша Олесіюка, Левка Квартирука, які в регіоні стали доступні в середині 90-х років ХХ столітті. Військові лихоліття, розгром національних організацій в часи проведення політики санації і інші фактори вплинули на те, що безпосередньо на Берестейщині не збереглися відповідні архівні матеріали. Ситуацію кардинально змінили публікації Олександра Ільїна, який знайшов низку документів у київських архівах. Вони не тільки доповнювали мемуари, але й вводили цілком нову інформацію. Також було висвітлено багато деталей без яких неможливо було б уявити національне відродження міжвоєнного часу. Так з'явився цикл публікацій «Західне Полісся в Українській Державі гетьмана Скоропадського (Історія в документах)». В серії «Берестейський мир» опубліковано статтю «Культура Пинська в часи німецької окупації (1915–1918 рр.)», в який серед іншого, як і у попередніх, міститься інформація про українські театральні вистави. Пинськ, як відомо, в ті часи входив до особливого утворення, керівнику якого Олександр Ільїн присвятив окрему статтю під назвою «Петро Патон – губернський староста Поліської округи Української Держави». Таким чином виникла думка й про публікацію матеріалів присвячених роду Бохенських, один з представників якого очолював адміністрацію Пинського повіту, інший командував військовим підрозділом, так званим Волинсько-Пинським батальйоном. На жаль озвучена вона була вже після смерті автора ідеї.

Один з найбільш активних періодів міжвоєнного життя мав також свої білі плями, складні питання за які взявся Олександр Ільїн. Так з'явилися статті присвячені видатному публіцисту Борису Ольхівському, письменнику Андрію Крижанівському і поету Володимиру Китаєвському («Українська молодь з Галичини, Волині, Холмщини і Полісся у Віленському університеті», «Борис Ольхівський – український письменник-есеїст, дослідник Полісся і Волині», «Іван Шендрик і Борис Ольхівський - агенти митрополита Шептицького зі збору в Західній Білорусі документів, що стосуються церковної історії», «Андрій Крижанівський - український письменник-неоромантик із берестейського Полісся», «Забутий український прозаїк-неоромантик», ««Бо любим Полісся та й мову свою»: До 115-річчя з дня народження Володимира Китаєвського»). Вражений інтелектуальним зростанням берестейської молоді, появи в Бересті нового покоління уенерівської молоді Олександр Ільїн публікує першу україномовну наукову монографію в Республіці Білорусь. Книга «Борис Ольхівський – письменник-есеїст, співець та дослідник Полісся» стала не тільки першою в серії «Палеская бібліятэчка часопіса «Гістарычная Брама»», але була в ній же перевидана в розширеному варіанті вдруге. Кілька статей були написані про невідомі досі факти з історії національного руху («Український визвольний рух у донесеннях польського агента «Гураля»», «Національна ситуація на Берестейщині в оцінці поліського воєводи», «Православне духівництво Берестейщини у боротьбі за українську школу та культуру в 20-30-х роках ХХ століття», «Олександр Базилевич - полковник армії УНР, просвітянин і банкір на Поліссі»).

Дослідник-біографіст починав працювати над темою табору в Березі-Картузький саме із знайомства та систематизації матеріалів з особистих справ в'язнів концтабору. Складно повірити, що заглиблення у березовську тематику почалося зі статей 2008 року під назвою «Арсен Річинський у березо-картузькому концтаборі» [1, с.13] та «Підляшуки в таборі Береза-Картузька». В 2010 році побачило світ видання «За тебе, Україно... : з архіву в'язнів концтабору Береза-Картузька (1934-1935) часів II Речі Посполитої Польської». Через чотири роки воно було доповнене та перевидане. Згодом, завдяки відкриттю нових джерел, глибшому аналізу Олександром Ільїним у співавторстві було підготовлено в 2019 році фундаментальне видання «Нариси історії Береза–Картуського концтабору (липень 1934 – вересень 1939)». Переоцінити його

значення важко. Табір мав загальнодержавне значення, визначав громадсько-політичний клімат 30-х років, що не могло не вплинути на ситуацію в регіоні, загострення поліцейського режиму, перетворення Поліського воєводства у так званий «польський Сибір». Нагадаємо, що його поява була реалізацією планів коменданта Берестейської в'язниці, співорганізатора Берестейського судового процесу, ініціатора ліквідації єдиної в регіоні науково-дослідницької організації Бюро меліорації Полісся, воєводи Поліського воєводства Вацлава Костека-Бернацького. Через Березу пройшли видатні представники регіонального національного руху Григорій Шварко, Лука Волосюк, Олександр Гаврилюк, Павло Артемюк та інші.

Діяльність концтабору напряму пов'язана з організацією та повстанською діяльністю в 1939 році Поліського лозового козацтва, відомого також під назвою Поліська січ, командиром якого був уродженець Дорогичинського повіту Михайло Війтюк. Олександр Ільїн знайшов в архіві його біографію, портрет і опублікував у збірці наукових праць «Берестейський мир». Це була єдина наукова публікація (якщо не рахувати досліджень автора цих рядків) окремо присвячена Поліському лозовому козацтву за всі післявоєнні роки.

Співпраця Олександра Ільїна з досвідченими обізнаними, часто старішими за віком, авторами була взаємокорисною. Регіон нерідко представляли як територію без власної елітарної культури, але антології української літератури Берестейщини «До тебе, світе», опублікованої в 2003 році зруйнувало безпідставний міф. Згадане видання, редактором якої був поет Антон Цвид, що досліджував життя українських авторів регіону з вісімдесятих років XX століття, не була б такою якою вона стала без участі пана Олександра. Зібраний матеріал дозволив останньому стверджувати що регіональна література не тільки має свої традиції, але й може бути виділена як окрема школа, що й було відображено у вступних статтях, а також окремих публікаціях. Біографії берестейських діячів культури, громадських діячів, представників національного руху, підготовлені до антології, послужили також основою для низки статей (Герасимик Микола Дмитрович, Давидчик Василь Гаврилович, Динько Андрій Васильович, Дмухайло Іван Семенович, Дорошко Лідія Савівна, Китаєвський Володимир Ігнатович, Козяр Микола Миколайович, Котович Гнат Васильович, Котович Никанор Антонович, Крачко Володимир Макарович, Крижанівський Андрій Миколайович, Крижанівський Микола Климович, Криницький Василь Гнатович, Криницький Володимир Гнатович і інші) опублікованих у двадцяти п'яти томному виданні «Енциклопедія Сучасної України». Багато постатей, пам'яток, які інтригували Олександра Ільїна, згадуються на сторінках довідника Володимира Леонюка «Словник Берестейщини», ось тільки інформація про них написана відповідно до енциклопедичної стилістики телеграфним текстом. Тож він доповнив дороговказ свого попередника публікаціями з розлогими коментарями, документами і аналізом. Отже зроблено було справді немало.

З моменту ліквідації учительського інституту в Пинську не було умов для існування осередку гуманітарних студій на рівні вищої школи. За збігом обставин в момент організації в місті Поліського державного університету в його колективі з'явилась людина, яка була готова не тільки віднайти необхідні матеріали, проаналізувати їх і ще, що надзвичайно важливо, знайти їх місце в контексті традиційної культури місцевого населення, пов'язати з національними традиціями. Основні проблеми, які були підняті Олександром Ільїним виразно свідчать про особливості його бачення, підходів. Чому він не писав про такі магістральні, популярні теми, як діяльність товариства «Просвіта», «СельРоб», РСУК і тому подібне? Напевно не тому, що не знав про їх існування чи недооцінював їх значення. Можна переконливо констатувати, що пан Олександр широко використовував маєвтичний метод в регіональних студіях, берестеїці. По-перше, своїми публікаціями він намагався розбурхати загальну дискусію про складних питаннях історії, долучити до них авторитетних дослідників. По-друге, зосереджувався на вузлових питаннях регіональної історії, історичних роздоріжжях, пунктах біфуркації. Магістральні теми покидав спеціалістам різних гуманітарних наук, а сам заповнював лакуни, які чи то з різних причин виявились невідомими, недоступними іншим дослідникам.

1. Мазур, П. Александр Ильин об Арсене Ричинском // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., пасляс. А.Ігнацюк. - Мінск : Кнігазбор, 2021. - С. 12-15.
2. Місіюк, В. Творчість Олександра Ільїна в контексті регіональної історіографії // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., пасляс. А.Ігнацюк. - Мінск : Кнігазбор, 2021. - С. 36-40.
3. Петрукович, М. Александр Ильин на страницах газеты "Берестейський край" // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., пасляс. А.Ігнацюк. - Мінск : Кнігазбор, 2021. - С. 9-11.
4. Синкевич, М. Неисчерпаемость и безграничность таланта Александра Ильина // Атлантыда палескай гісторыі Аляксандра Ільіна / уклад., прадм., пасляс. А.Ігнацюк. - Мінск : Кнігазбор, 2021. - С. 28-35.

УДК 39: 008(476)

РУССКИЙ ЭТНОС В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Наталья Улейчик
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
unl61@mail.ru

На территории Беларуси нет другого региона, где бы так тесно переплелись судьбы различных этнических групп, как это имеет место в западном регионе Беларуси или белорусско-польско-литовском пограничье, условно рассматриваемом в административных границах современной Гродненской области. В статье представлена характеристика русской этнической группы Гродненской области по результатам переписи населения Республики Беларусь 2019 г.

Ключевые слова: русские, белорусско-польско-литовское пограничье, перепись населения, этническая самоидентификация

RUSSIAN ETHNOS IN THE CONTEXT OF THE BELARUSIAN-POLISH-LITHUANIAN BORDERLAND

Natalia L. Ulejchyk
State University of Grodno, Grodno, Belarus

There is no other region on the territory of Belarus where the destinies of various ethnic groups are so closely intertwined, as is the case in the western region of Belarus or the Belarusian-Polish-Lithuanian border, conventionally considered within the administrative boundaries of the modern Grodno region. The article presents the characteristics of the Russian ethnic group of the Grodno region according to the results of the population census of the Republic of Belarus in 2019.

Keywords: Russians, Belarusian-Polish-Lithuanian borderland, population census, ethnic identity

Первые русские поселенцы появились в западнобелорусском регионе в XV в. Здесь же селились большие группы пленных русских, которые были захвачены в период войн ВКЛ с Московским государством в XVI в. Поскольку русских (великорусов) часто называли в то время литовским политонимом «московичи», «москали», «московиты», по документам можно установить, что собственно русские (чаще всего пленные и эмигранты) переходили на службу к великим князьям литовским вместе со своими родственниками, сторонниками, слугами. Селились они обычно в городах – Слониме, Новогрудке и др. [1, с. 205].

Многие поселения русских на территории современного Гродненского региона появились после войны России и Речи Посполитой (1654–1667 гг.). Во второй половине XVII в. здесь нашли прибежище старообрядцы, спасавшие свою веру от реформ Никона. Присоединение белорусских территорий к Российской империи в конце XVIII в. активизировало миграционный обмен между народами.

Место и динамику русских в этносоциальной структуре Беларуси и Гродненской области, административные границы которой условно «замыкают» пространство белорусско-польско-литовского пограничья, характеризуют данные таблицы 1.

Таб.1. Русские в национальной структуре Беларуси и Гродненской области (1959–2019 гг.) [2, s. 188; 3; 4, с. 44]

Год переписи населения	Беларусь		Гродненская область	
	Общая численность (тыс. чел)	В процентах к общей численности	Общая численность (тыс. чел)	В процентах к общей численности
1897	492,0	5,8	74,1	4,6
1959	660,2	8,2	72,3	6,7
1970	938,2	10,4	86,1	7,7
1979	1.134,1	11,9	99,6	8,8
1989	1.342,1	13,2	124,3	10,7
1999	1.141,7	11,4	119,2	10,1
2009	785,0	8,3	87,5	8,2
2019	597,0	7,5	65,6	6,4

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Гродненской губернии русские (точнее – лица, которые назвали великорусский язык родным) составляли 4,6% общей численности населения и в этнической структуре занимали пятое место после белорусов (44%), украинцев (22,6%), евреев (17,4%) и поляков (10,1%) в отличие от показателей в целом по белорусским губерниям (третья по численности этническая группа) [3]. Характерно, что до 1917 г. термин «русские» использовался в официальных документах, литературе, в переписи населения как общее название великорусов, белорусов и малорусов, между которыми не было четких границ, а существовали широкие диалектные и культурно-бытовые переходные зоны, что находило свое выражение и в обыденном самосознании людей. Неслучайно в группе славянских языков в сводной статистической ведомости Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. выделялись русский язык с подразделением на великорусское, малорусское и белорусское наречия. Приведенные в таблице данные свидетельствуют о неуклонном росте численности русских в Беларуси и в Гродненской области в послевоенные десятилетия XX в. и серьезном численном и долевом сокращении русского населения в период между переписями населения 1989, 1999, 2009 и 2019 гг.

В обозначенный период динамику численности русских наряду с естественным движением и этнотрансформационными процессами определяли и активные миграционные процессы. В начале 1990-х годов в связи с распадом Советского Союза ранее межреспубликанская миграция населения автоматически превратилась в международную со всеми вытекающими последствиями. Пиковым оказался 1992 г., когда чистая внешняя миграция со странами СНГ и Балтии составила 66,9 тыс. чел. (среди них русских 43,8 тыс. чел.), а отток населения в другие станы мира был совсем незначительным. Именно в 1992 и 1993 гг. чистая внешняя миграция даже смогла перекрыть отток населения из сельской местности, чего никогда не происходило ни в предыдущие, ни в последующие годы в Беларуси [5, с.17]. В миграционном потоке, который направлялся в Беларусь из государств бывшего Советского Союза, удельный вес русских составил 35 % в 1994 г. Миграционный баланс в 1994, 1995 гг. был отрицательным для всех шести областей республики, как в городской, так и сельской местностях. Приток русских в Гродненскую область из Украины, Казахстана, государств Балтии, Закавказья, Средней Азии и Молдовы перекрывался более мощным оттоком их в Российскую Федерацию. Фактически русские в эти годы выезжали из Беларуси. Вектор миграции изменился в последующие годы. Стабилизация социально-экономической, политической жизни общества, позитивные изменения в национальной, конфессиональной, культурной политике и другие факторы изменили ход и направление миграций русских. Важным явилось и то, что после референдума 14 мая 1995 г. в Беларуси русскому языку был дан статус второго государственного языка, что способствовало повышению привлекательности республики для русскоязычного населения. Повлияли также открытость восточных границ, наличие свободных рабочих мест в ряде районов республики. Миграционный баланс стал положительным, однако интенсивность и размеры миграции уменьшились. В целом в 1990–2000-е годы на долю России приходится 64% в миграционном обороте населения Беларуси. Этот показатель варьируется по годам. Немного ниже он был в начале 1990-х годов, когда у республики в значительных объемах происходил обмен и с другими республиками бывшего СССР. Когда же это явление пошло на спад, Россия заняла лидирующие позиции в численности мигрантов, прибывающих и выезжающих из Республики Беларусь [1, с.209]. В настоящее время русские Гродненской области представлены, главным образом, городскими жителями. Русские насчитывают 55 161 человек в городах и составляют 7,2 % городского населения области. В сельской местности удельный вес русских составляет 4,1 % (10 389 чел.) общей численности сельского населения [4, с.46, 47]. Для сравнения: в 2009 г. русские составляли 10 % городского населения и 4 % сельских жителей региона. За 10 межпереписных лет (2009–2019 гг.) уменьшились диспропорции в половом составе русских Гродненской области. Удельный вес мужчин среди русской этнической группы составил 47,6 % (в том числе в городах – 47,5 %, в сельской местности – 48,0 %) и 6,6 % общей численности мужчин Гродненской области. Стоит отметить, что этот показатель все же ниже в целом по республике (7,2 %). В противоположность этому процент русских женщин в 2019 г. составил 52,4 % (в городах – 52,5 %, в сельской местности – 62,0 %), или 6,2 % общей численности женщин Гродненской области и 7,7 % всех женщин Беларуси. Таким образом, более благоприятной структура по полу наблюдается в сельской местности. В целом в области на 1000 мужчин приходится 1 158 женщин, что превышает общереспубликанский показатель (на 1000 мужчин – 1141 женщин) [4, с.16].

В Гродненской области усиливается тенденция старения русской этнической общности. В 2019 г. среди русских Гродненской области доля детей и лиц, моложе трудоспособного возраста составляла 10%, лиц в возрасте 16 – 30 лет было 53,2%, от 60 лет и старше – 36,8%. Третью часть русских составляли лица старше трудоспособного возраста (в общереспубликанском масштабе лица старше 60 лет составили 36,3 % русских) [6, с.17, 18]. По этому показателю они занимают второе место после украинцев. По типу возрастной структуры русские представляют собой убывающее население с очень высоким уровнем демографической старости.

Возрастная структура населения, несомненно, влияет на показатели рождаемости, брачности. В 2019 г. никогда не состояли в браке 12,3 % среди гродненских русских (для сравнения: 2009 г. – 15,2 %);

состояли в браке и в незарегистрированных отношениях – 60,6 % (в 2009 г. – 60,7 %); вдовых насчитывалось13,8 % (в 2009 г. – 12,2 %); увеличился процент разведенных – с 11,2 % в 2009 г. до 13,3% в 2019 г., что значительно превышает данный показатель у других этнических групп Гродненского региона. Таким образом, сравнительный анализ миграционного движения, трансформации половозрастной и брачной структуры Гродненской области свидетельствует, что уменьшение численности русских связано как с негативными тенденциями естественного движения, так и с оттоком русских за пределы Беларуси, в значительной степени обусловленным интенсивным развитием национально-трансформационных процессов. Речь идет о части русского населения, которая отнесла себя преимущественно к белорусам, а также к другим этническим общностям, а возможно, и о «реассимиляционных процессах», когда часть нерусского населения, ранее причислявшая себя к русским, вернулась к своей прежней национальности.

Национально-трансформационные процессы затронули разнообразные сферы культуры русских, повлияв на их этническую самоидентификацию. Имеется в виду не только близость языков и культур русского и белорусского народов, но также сама этнокультурная ситуация в Беларуси, в которой гомогенный характер общества доминировал и продолжает доминировать над его культурной дифференциацией, что выражалось (и выражается) прежде всего в языковой сфере.

Русский язык неправомерно рассматривать лишь как национальный язык русского населения Гродненского этнокультурного пограничья (и Беларуси в целом). В повседневности русский язык является языком и русских, и белорусов, и поляков, и представителей других этносов и поэтому не выполняет этнодифференцирующих функций.

Панорама этноязыковой ситуации в Гродненской области представлена в таблице 2. Основными языками населения региона являются белорусский и русский.

Таб. 2 – Распределение населения Гродненской области по национальности, родному языку (2009–2019 гг. в % от численности представителей национальности) [4, с.48]

Национальность	Назвали родным язык своей национальности		Назвали родным белорусский язык		Назвали родным русский язык	
	2009 г.	2019 г.	2009 г.	2019 г.	2009 г.	2019 г.
Белорусы	68,8	61,4	*	*	29,5	38,5
Поляки	5,2	6,6	58,0	56,1	34,1	37,0
Русские	94,3	96,6	4,9	3,0	*	*
Украинцы	23,4	26,9	11,2	3,9	64,0	69,0
Литовцы	35,6	19,9	33,1	42,1	28,3	36,0
Евреи	2,8	0,2	8,6	3,3	86,6	95,2

Материалы переписи населения Республики Беларусь исходят из принципа тождества языка и национальности (язык своей национальности).

Данные таблицы свидетельствуют, что в сравнение с 2009 г. произошло снижение доли белорусов, литовцев и евреев, декларировавших язык своей национальности в качестве родного языка. Одновременно многие из них (в том числе и поляки) признают в качестве родного языка русский. Увеличилась численность русских, указавших язык своей национальности в качестве родного – с 94,3 % до 96,6 %.

Вместе с тем, в ситуации этнокультурного пограничья происходит аккультурация и частичная ассимиляция русских, о чем свидетельствуют данные таблицы 3.

Таблица 3 – Русские Гродненской области и белорусский язык в процентах к их общей численности (по материалам переписей населения 1999,2009 и 2019 гг.) [4, с. 48, 52]

Характер отношения к белорусскому языку	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Признание в качестве родного языка	11,8	4,9	3,0
Использование дома	8,3	4,4	2,4

Материалы переписи населения 2019 г. демонстрируют сокращение численности лиц русской национальности, декларировавших белорусский язык в качестве родного и его использование дома, в 4 раза (3,0 % и 2,4 % соответственно). Однако это не противоречит общей тенденции культурной интеграции части русского населения в белорусский социум.

Таким образом, материалы переписи населения Республики Беларусь 2019 г. фиксируют численное и долевое сокращение русского населения в Гродненской области. Динамика численности русских определяется как естественным движением, так и этнотрансформационными процессами.

Главная особенность в распределении русского населения по региону – различие в составе городской и сельской местности. Русские проживают преимущественно в городских поселениях.

В отличие от общереспубликанских показателей удельный вес мужчин среди русской этнической группы выше в Гродненской области. Та же тенденция прослеживается и в отношении структуры русских

по полу в сельской местности. Что касается возрастной структуры, то в области русские характеризуются очень высоким уровнем демографической старости.

Интенсивные национально-трансформационные процессы обусловили аккультурацию и частичную ассимиляцию русских Гродненской области, их культурную интеграцию в белорусский социум. Это, в первую очередь, касается потомков белорусско-русских браков и лиц, окончивших школу с белорусским языком обучения.

Особенностью этноязыковой ситуации в регионе в 2000–2010-е годы является то, что в практическом пользовании русский язык в Гродненской области удерживает прочные позиции. При этом доля использования белорусского языка в русских семьях значительно снизилась. В целом, русский язык играет роль коммуникативного средства в межэтнических и межличностных взаимоотношениях.

1. Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 799 с.
2. Беспамятных, Николай. Русские белорусско-польско-литовского пограничья как “новое меньшинство”: типы идентичности / Николай Беспамятных // Kwestie spisowe a tożsamość etniczno-kulturowa autochtonicznych mniejszości na pograniczach; podred. S.Jackiewicza. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. – S.183 – 193.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого [Электронный ресурс]. – СПб., 1905. – Т. II: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=39. – Дата доступа: 31.12.2021.
4. Общая численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Гродненской области: статистический бюллетень. / Гродненское областное управление статистики [Электронный ресурс]. – Гродно, 2020. – 72 с. – Режим доступа: https://grodno.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_bulletin/index_18101/. – Дата доступа: 28.11.2020.
5. Петракова, Ю. Н. Современные тенденции миграции населения / Ю. Н. Петракова [Электронный ресурс] // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / Ответственные редакторы: Г.А. Палади, Л.П. Шахотько, О.Е. Гагауз. – Кишинев: Штиинца 2010. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0471/analit03.php. – Дата доступа: 11.10.21.
6. Национальный состав населения Республики Беларусь: статистический бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Минск, 2020. – 26 с. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18089/. – Дата доступа: 23.11.2021.

УДК 39

ВУЛІЧНЫЯ МЯНУШКІ МЯСТЭЧКА МОТАЛЬ ЯК ЭЛЕМЕНТ НЕМАТЫРЫЯЛЬНАЙ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ

Фёдар Рацык

ДУА “Дастоеўская сярэдняя школа імя Ф. М. Дастаеўскага (Моталь, Беларусь)

dusmenistan@mail.ru

У артыкуле разглядаецца генезіс, бытаванне і сучасны стан вулічных мянушак мястэчка Моталь на Заходнім Палессі.

Ключавыя словы: імя, мянушка, прозвішча, Моталь, Заходняе Палессе

Fedor Ratsik

Dostoevsky Secondary School named after F. M. Dostoevsky (Motol, Belarus)

The article examines the genesis, existence and current state of street nicknames of the town of Motol in Western Polesie

.***Keywords: name, nickname, surname, Motol, Western Polesie***

Моталь – вёска Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці (мал. 1), былое мястэчка, упершыню ўзгаданае ў XV стагоддзі, – у 2013 годзе налічвае каля 1700 двароў [5], месціцца на правым беразе ракі Ясельда.

Жыхары Моталя – спадкаемцы цікавай і адметнай культуры (мал. 2), якая неаднаразова апісвалася даследчыкамі фальклору [1], [2], [3], [4]. Мэта гэтага артыкула – занатаваць вулічныя мянушкі жыхароў Моталя, якія існуюць у жывым бытаванні ў XXI стагоддзі, удакладніць іх генезіс і сувязі з традыцыйнай культурай маталян.

Мал. 1. Краявіды Моталя. 2012г.

Мал. 2. Носьбіты традыцыйнай культуры ў Мотальскім строі. 1930-я г. Фота М. Раманюка.

У Моталі, як буйным населенным пункце з вялікай колькасцю насельніцтва, найбольш востра адчувалася патрэба выкарыстання мянушак для ідэнтыфікацыі і выдзялення чалавека сярод аднавяскоўцаў, сваякоў з аднолькавым прозвішчам.

У працэсе збірання звестак мною былі апытаны Рацык Вольга Паўлаўна 1955 г. нараджэння, Міховіч Ганна Андрэеўна 1936 г. нараджэння, абедзьве карэнныя жыхаркі, якія распавялі мне пра вулічныя мянушкі сваіх бацькоў, крэўных, сваякоў, суседзяў і абставіны надзялення маталян мянушкамі.

Міжпакаленная перадача мянушак пры ісаванні паралельна афіцыйнага прозвішча з цягам часу дазволіла назапасіць *носьбітам традыцыі* каштоўныя веды аб тым, што імя само па сабе валодае не толькі пэўнай інфармацыяй аб чалавеку, але і аб гісторыі яго продкаў. Напрыклад, калі у родзе было адно прозвішча але род быў пладавіты, то асобным членам сям'і надаваліся складаныя мянушкі: Попэнко Вышня, Попэнко Харошый, Попэнко Капраль, Попэнко Молодец. З гэтых чатырох у сучасным асяродздзі існуе у трансфармаваным выглядзе толькі: Ліда Капралёва.

Адной з першых распаўсюдджаных катэгорый з'яўляецца калектыўная мянушка, утвораная ад назвы месца былога пражывання – Дубовэц (урочышча Дубавец), Осунычанка/Осунычаныца (Асаўніца), Тышкуўка/Тышковэц (Тышкавічы), Зазіранка/Зазіраныца (Заазер'е), Дыдовычанка/Дыдовычаныца (Дзедавічы), Панцыўка/Панцовэц (Панцавічы),Ополянка/Ополяныца (Опаль), Упырывэц/Упырыўка (Урірава), Псышчанка, Псышчурыха/Псышчур (Псышчава), Варачанка (Вартыцк), Замошанка/Замошанчук (Замошша), Молодыўка/Молодовэц (Моладава), Бусянка (Буса), Гніўчанка (Гнеўчыцы), Чэмэраха (Чамярын), Смэрдюха (Смэрдяча, з 1961 года Красіеўка),Тэлэханка (Целяханы), Обрыўка/Обровэц (Аброва), Тоболянка (Табулкі), Клытэнка (Клятная), Омэлэн/Омэлэнчыха (Амяльная), Сінкеўка (Сінкевічы), Пынчуха (Пінск), Столінка (Столін),Гоцко (Гоцк).

Між іншым, утвораныя ад такіх этнонімаў-мянушак прозвішчы часта сустракаюцца на даволі значнай адлегласці ад той мясцовасці, назва якой стала іх асновай. З больш далекіх мясцовасцей такія: Рускій, Махачкала, Васо (грузін), Восток (з акружэнцаў у ВАВ),Тамбоўка (Тамбоў), Француз (магчыма звязана з вайной 1812), Украінка, Хахол /Хахлуха, Рыжанка (Рыга), – часта адзначалі тых, хто прыехаў на сталае месца жыхарства. Не міналі і тых, хто знаходзіўся за межамі краіны: Одэса, Амэрыканцы, Пітерскій, Чувашка, Караганда, Херсон, Фрыц, Германка.

Асобна можна выдзеліць трансфармаваную шляхам пераходу назвы паселішча ў прозвішча і яго вытворную: Роздялоўка (Раздзялоўскі, Раздзялавічы Ганцавіцкі р-н), Ляхоўчыха (Ляхавец, Ляхавічы), Калыянчукова/Калыянчук (Калілы).

У асобную групу трэба выдзеліць мянушкі якія утварыліся ад назваў жывой і нежывой прыроды, звязаных з імі уласцівасцямі: Баран, Бараныха, Берозка, Бзом, Бобрыха, Бусько, Ворон, Воўк, Вэрбыныха/Вэрбыныч, Грыбка, Гусачыха, Гусіха, Ерш, Жук, Жука, Жучок, Жучка, Зайкі, Зайчык, Зайчыха/Заец, Зайчук, Кабан, Кабаныха, Камарэй, Карпук, Карпэнык, Качка, Каштаныха, Каштаня, Клешч, Коза, Козёл, Кокудак, Кот, Котыха, Котяра, Коцык, Кулычка,Кулычыха, Лапа, Лапчук, Ліса, Лосік, Лось,

Муха, Медведь/ Мэдвэдыха, Мышкота, Мышэлэіха/Мышэлэй, Окунь, Овадыха, Осёл, Півень, Рыбынячыха, Рачыха (Ракова –Рак), Созон, Сокоруха (сокорыть-сакоча), Сокотырыха, Сорокіўка, Турач, Хрушчанка, Цуца, Цыпыха, Цялё, Шкурка, Шчэбэтун, Шэлягова(Сэляг-Селязень), Ярчыха (яркае – мяўкае).

Не абмінулі мянушкі і працоўную дзейнасць іх уладальнікаў: Акадэмік (мае дзьве вышэйшыя адукацыі), Детска (дзіцячы доктар), Выпіска (адказны за выпіску пацыентаў з бальніцы), Дояр (перадавы па даенню кароў), Монетчык (займаўся падробкай грошай), Ключ (загадчык магазіна), Немка (настаўніца нямецкай мовы), Пысундэль (пісар пры гміне), Художнік (мастак Рамановіч Іван Мікалаевіч), Садовод, Столярыха, Технар, Фотограф (адзін з першых хто пачаў здымаць на відэакамеру).

Вялікая колькасць мянушак прайшла працэс трансфармацыі імен з набыццем сваей прыметнай афарбоўкі на шляху свайго фарміравання: Алочка (Алла), Антюк, Антошчыха/Антошка (Антон), Аркодеец (Аркадзь), Гордіі (Гардзей),Грыноўцова/Грыновэц, Грыныха, Грынь, Грыц, Грышкова/Грышко, Грышуля, Рыгорусь, Рыгошка, Рыгуш (Рыгор), Давыдчыха (Давід), Данё, Даныльіха/Даныло (Даніл), Бора (Барыс), Валячка (Валянціна), Вара, Вароха (Варвара), Васо, Васылэнчыха, Васылэнько (Васіль), Вася (Васіліна), Верошка (Вераніка), Дарка (Дар'я), Дэмочкова, Дэмыдково/Дэмыдко (Дзямід), Вітюля (Віця), Войцашыха/Войцах (Войцэх), Володеіха/Володей (Уладзімір), Галына, Гальцэ (Галіна), Гандзуля, Ганеўка, Ганеха, Ганіца, Ганулыч, Ганюта (Ганна), Гапусюк (Агапа), Гаракова/Гарак, Гарасынько, Гарачоня/Гарачок (Герасім), Глаша (Пелагея), Дэнысыкова/Дэнысык, Дэнысыха/Дэнысь (Дзяніс), Егарова/Егар (Ігар),Езэпак, Езэпуха, Езэпыха, Езэпаха (Язэп), Еўгенюк (Яўген), Ёўда (Еўдакія), Іллючова/Іллюч (Ілля), Іванушка, Івашка, Шван, Джван, Янкіўська/Янкіўськія (Іван), Жэнтяй (Яўген), Калэнык (Каленік), Карпачыха/карпака (Карп), Кірчыха/Кірэц (Кірыл), Кононыха/Конон (Конан), Корэныха/Корэнь, Корнійчык (Карней), Костюшка (Канстанцін), Кузьма, Кузьміч (Кузьма), Лазорцова/Лазорэц (Лазар), Ларык (Ларыса), Ласканіха (Ласкань), Левонык, Лявон, Леўко (Леанід), Лёка, Малёша (Аляксей), Макарыха/Макар, Максык (Максім), Манёха, Манька, Манька-оксэнька, Маньця, Маньчыха, Манюха, Мар'еша (Марыя), Марочко (Марк), Мартын, Мартынчык, Мартэнючыха/Мартынюк, Марцэй (Марцін), Матвій (Матвей), Мерон (Мірон), Мітуня (Дзьмітрый), Мусеіха/Мусій (Маісей), Колюн, Мыколюшыха/Мыколюха (Мікалай), Мыхалочко, Мэйша, Мэшко (Міхаіл), Надоля (Наталля),Настулін, Настася бородата (Насця), Нэстёркі, Нэстюр (Нестар), Ныконыха (Нікан), Огапа (Агаф'я), Олежэк (Алег), Олэсючыха (Алесь), Омэлькова/Омэлько (Емяльян), Опанас (Афанасій), Охрэіха (Ахрэм), Пара, Параня, Парапа, Парчыха, Пасера,Пася, Парашуня, Парка, Псюрка, Пуся (Параскева), Павэлык, Папавэль,Паўліна, Паўлінка, Паўлосыха/ Паўлос, Паўлюс, Паўлючыха, Пашка (Павел),Петрук, Петрушка, Пэтрыяныха/Пэтрыян, Пэтрыско (Пётр), Піліпей, Піліпко, Тэлымоныха (Піліп), Платон, Потапчучыха/Потапчук (Патап), Прокоп (Пракоп), Райка,Райкін (Рая), Савэйко, Саўка (Сава), Сафраня, Зосітка (Зося), Самусіха/Самусь (Самусь), Сашук, Сяндоха, Сянька, Шура (Аляксандр), Сёмка, Семучыха/Семук, Сёмчыха, Сень, Сэмэнчыха, Сэмэнык (Сямён), Серожыха (Сяргей), Созон (Сазон), Стась (Станіслаў), Сэдурэча (Сідар), Тадэіха/Тадэй, Тода, Тодосык, Тодось, Тодося, Хвэдеп, Хвэдора, Хвэдурашка, Хвэдько, Хвэдьчуныха (Фёдар), Тарасыха, Тарасюкова/Тарасюк, Тарасючыха (Тарас), Тонька (Антаніна),Троша (Трафім), Тыхонюк, Тыхун (Ціхан), Франька (Франц), Халастоныха/Халастон (Халастон), Харытоныха (Харытон), , Хомыўка/ Хомовыч, Хомыч (Фама), Хілімовыч (Філімон), Юрко (Юра), Якоўка (Якаў), Ярына (Ірына).

Часта мянушкі надаваліся чалавеку за яго анатамічныя і фізіялагічныя асаблівасці: Басішка, Басыло (бас),Белый, Біла, Білыха, Золыха/Золюк, Стальный, Чорна/Чорный, (колер валасоў), Бздунова, Бобок, Бобына, Бочка, Бубуін, Бусько, Губыха, Гузыха, Гура, Длінный, Дрысля, Дыгдэль, Зуб, Кадык, Качан Копыца, Копычка, Красный, Клэпка, Колупай, Лелепутыха, Лемох, Леўша, Лыбук, Лысыха, Лямпочка, Моргайка, Моргайчук, Памідор, Палка, Пампуля, Пузік, Сліва, Слойчык, Стожок, Цыўка, Шнурок (форма і асаблівасці цела), Бачуля, Дыба, Дыўнюк, Каляска, Капора, Ласыха, Манера, Молодец , Мутька, Понура, Пудэль, Пыжыха/Пыжык, Слабакова/Слабак, Топтуха, Байка, Баюшка, Болбот, Трынькало, Трынько, Трыньчыха, Цыбулыха, Шэпонька (гаварыць), Тура, Турач, Туруша (глухі), Шлапак, Шалун (асаблівасці паводзін), Люлька (паленне), Бородііха, Борода, Бородэлыха (барадаты), Жэлезный (моцны), Штопа, Соёмынка (дэфект мовы).

Не абмінулі працэс утварэння мянушак і гістарычныя з'явы і працэсы: Аладін, Бакс, Большэвічка, Гагарын, Героёва/Герой, Дефіцытна, Жыдык, Капраль, Кліент, Кубінка, Мать-героіня, Маёрова/Маёр, Маскалыха, Немцова/Немэц, Політіка, Прыймачыха/Прыймак, Пушкін, Русланыха, Советскій, Сталін, Сьватый, Тіран, Шпіенка.

Але найбольшую каштоўнасць прадстаўляюць мянушкі, якія без больш грунтоўнага даследавання не могуць паведаміць даследчыку якую-небудзь інфармацыю: Айдоч, Аладін, Анік, Анэюшка, Арэ, Афоня, Бабей, Бабчына, Базак, Бакаляр, Балаганыха/Балаган, Баландеіха/Баландей, Балэйко, Баляка, Бандзэр, Бацакер, Бейзерыха, Блошукова, Блызнючка/Блызнюк, Боблыха/Бобэль, Богня, Бодра, Больчыха/Болько, Босячыха/Босяк, Ботюхова/Ботюх, Боўкуныха, Букатючыха, Буксына/Букса, Буланыха/Булан, Булашыха, Бусетчыха, Бутьманова/Бутьман, Бызык, Бынчура/Бынчурыха, Быручыха/Бырук, Бэбко, Бэлэм, Бэўшова/Бэўш, Вавэркова, Вакулюк, Васольчыха/Васолька, Верша, Воёшта, Возік, Вылыўка, Выстепка,

Галаван, Галагіш, Галагут, Галай, Ганцова/Ганэц, Гацакова/Гацак, Гашыха/Гах, Гевыха/Геў, Гідалева/Гідаль, Гіліч, Гішэдыкова/Гішэдык, Глаша, Глэч, Голдыха/Голда, Голеджыха/Голега, Голёпчучыха/Голёпчук, Гольдючыха, Грабарыха, Грэбэныха, Губчыха/Губка, Гутыха/Гута, Дёба, Джога, Джудя, Дзорук, Дзэгар, Дідуў, Долючка/Долюк, Дошкочыха, Драіха/Драй, Друпачыха/Друпач, Дудыха/дуда, Дуча, Дэмчурка/Дэмочко, Дэркачыха, Дэрэшыха, Дядіха, Ёвыха/Ёв, Ездок, Жуіха/Жуй, Журова/Жур, Загладыха, Задэрка, Зек, Зібко, Зонька, Зушыха, Зынаіха/Зынай, Зынюкова/Зынюк, Зэйдыха, Кадэмыха, Казадё, Какушыха, Калошыха/ Калош, Камачка, Камачыха/Камака, Каналія, Каплун, Карапузь, Касаныха/ Касан, Касіло, Касэнюк, Кашамаіха/Кашамай, Кебезь, Кедурова/Кедур, Келя, Кетчыха/Кетко, Кец, Кецук, Клэм, Клэп, Кныга, Козюба, Колодыха/Колода, Коломба, Комэдыіха/Комэдыя, Копля, Короля, Коска, Кострубач, Коўбасыха, Коўжова, Коўжыха, Коштырыха, Кошыха, Круц, Кручыха, Крэшталыха, Кук, Кунада, Кундэлыха/Кундэль, Курта, Кусок, Кутіка, Лагодічыха, Ладё, Ладік, Лапкова/ Лапко, Латыха/ Лата, Лепліха/Лёпля, Летка, Лобанова/Лобан, Лоіха, Лухтан, Луцучыха/Луцук, Луя, Лысовета, Лэзэнык, Лэйба, Лэпэташка, Любонька, Любэзнячыха/Любэзняка, Лямчыха, Мадаша, Малыцкова/Малыцко, Мамэіха/Мамэй, Манджа, Маслянка, Махорка, Мацула, Мохель, Мынына/Мына, Мычка, Мэёр, Мэйта, Мэлё, Нагумчык, Нахамка/Нахамчук, Ненушка, Нянь, Ожэмшыха, Оксентык, Ончыха/Онко, Охарыўка, Ошурок/Ошурко, Падё, Палей, Паненка, Папік, Парыш, Пателіха, Патто, Патя, Паўштуль, Паўшук, Пелік, Перка, Пештыха/Пешта, Пілё, Погоцкій, Політурыха, Поплыха/Попэль, Попшта, Попэнко Вышня, Попэнко Харошый, Попэнчыха, Попэныха, Порохнячыха, Пособій, Поцый, Пранік, Прылегачова, Прытка, Путько, Пуўторака, Пуц, Пшык, Пыздрыца, Пысоцкі, Пытля, Пэйсыха, Пэрэчушыха, Пэчэныха/Пэчэіч, Розумныха, Росадыха, Рубэль, Рыдыкулева/Рыдыкуль, Рыжка, Рыка, Рэйдыха/Рэйда, Рэчкіна/Рэчка, Самуляка, Саулына, Свытка, Скрыня, Смэтя/Смэтюх, Соломія, Спірт, Срунда, Страпка, Стэшан, Суплючыха/Суплюк, Суслыха/Сусэль, Сырыха/Сыр, Сысун, Сысюкова/Сысюк, Сэлягова, Сэрко/Сэркова, Сэрода, Сэрчыха, Тарылчыха/Тарылка, Тобачыха, Топкова, Траска, Тромба, Трубка, Тулеш, Туня, Тусь, Тымчыха/Тымко, Унучка, Хаврэй, Хазяйка, Халун, Харчыха/Харко, Хвесько, Хвылюсыха, Хвыля, Хоропэль, Хролыха/Хрол, Хруль, Цапыха, Цвір, Цвыр, Цмар, Цмарук, Цурка, Цуца, Цыганыха/Цыган, Цыгорыіха/Цыгорый, Цыдуха, Цыпыха, Цэмчыха/Цэмко, Цэнгель, Чабыха, Чвак, Чварыха, Чмырова, Чобуткова, Чомба, Чуня, Чуханка/Чуханчук, Чухова/Чух, Чыкіда, Чынча, Чырка, Чычаіха, Шайка, Шаіха, Шалашанка, Шамас, Шая, Швар, Шкварка, Шкетік, Школюк, Шкура, Шкурка, Шкутына/Шкута, Шлём, Шлэччыха, Шмагіш, Шмэк, Шпорта, Шпырыха, Штарый, Штэкла/Штэклыха, Шурпак, Шчыпулыха, Шымэлыха, Шэрэпына/Шэрэпа, Шэтік, Юдэл, Юнгерыха/Юнгер.

Напрыканцы магчыма зрабіць наступныя высновы.

1.Вулічныя мянушкі жыхароў Моталя, якія існуюць у жывым бытаванні ў XXI стагоддзі – у асноўным, звязаны з захаваннем традыцый продкаў у паўсядзеннай камунікацыі іх носьбітаў. Але пачынаюць набываць сілу тэндэнцыі замены мянушак афіцыйнымі прозвішчамі, як гэта адбываецца з тымі, хто пераехаў на сталае месца жыхарства і мае прозвішча адзінае у дадзенай мясцовасці.

2.Мянушкі перадаюцца наступным чынам: ад бацька сыну, ад маці – дачцэ, пры выхадзе замуж – можа утварыцца двайная альбо трайная мянушка у розных сітуацыях. Усё больш і больш мянушкі застаюцца толькі у народнай памяці, так як сыходзяць іх уладальнікі, а новыя пакаленні не лічаць важным захоўваць такі пласт народнай культуры.

3.У вулічных мянушках маталян адлюстраваны розныя факты з жыцця іх продкаў, іх дзейнасці, сучаснага становішча падзей, узаемаадносін паміж жыхарамі, напрыклад: Капраль (капрал у Арміі Польскай), Дефіцытна (у свій час займалася продажам дэфіцытных тавараў), Русланыха (адна з першых удзельніц мастацкай самадзейнасці, якая спявала як вядомая спявачка), Германка (бацька немец у Першую сусветную вайну).

1. Веска над Ясельдай: Гіст.-краязн. нарыс / П.С.Стасевіч. - Мн.: Полымя, 1991. - 99, [2] с.
2. Народная кухня маталян / Навагродскі Тадэвуш Антонавіч, Алюніна Ірына Уладзіміраўна, Захаркевіч Сцяпан Артуравіч. - Мінск: [б. в.], 2009. - 99 с. – (Кулінарныя традыцыі Беларускага Палесся).
3. Моталь і маталяне / Рэгіна Гамзовіч; фота аўтара // Алеся: Штомес. грамад.-публіцыст. і літ.-маст. часоп. для жанчын і сям'і / Заснав.: Дзярж. кам. Рэсп. Беларусь па друку. 2010. — № 9. — С. 18—19
4. Марыя Саковіч і яе ўнёсак у гісторыю і фальклор Брэсцка-Пінскага Палесся / Рамановіч Павел, Ермаковіч Леанід // Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся: зборнік навуковых артыкулаў: [у 2 ч.] / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Установа адукацыі "Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна", Кафедра гісторыі беларускай мовы і дыялекталогіі; [рэдкалегія: М. М. Аляхновіч і інш.] — Ч. 2 — С. 61—63
5. Вёска Моталь [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : http://be.wikipedia.org/wiki/Вёска_Моталь. – Дата доступа : 07.04.2021г.

УДК 930.25

ИСТОРИЯ Г. БРЕСТА В ДОКУМЕНТАХ: ИЗДАНИЕ СЕРИИ СБОРНИКОВ МАТЕРИАЛОВ ГОСАРХИВА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Ирина Еленская
Полесский государственный университет, Пинск, Беларусь
ilenska@list.ru

В статье дана характеристика сборников документов и материалов Государственного архива Брестской области, изданных в 2009-2016 гг. Опубликованные в них исторические источники позволяют изучать историю г. Бреста.

Ключевые слова: архив, археография, исторические источники, документы, научные комментарии

HISTORY OF THE CITY OF BREST IN DOCUMENTS: EDITION OF A SERIES OF COLLECTIONS OF MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF BREST REGION

Irina Yelenskaya
Polessky State University, Pinsk, Belarus

The article gives a description of the collections of documents and materials of the State Archive of the Brest Region, published in 2009-2016. The historical sources published in them make it possible to study the history of the city of Brest.

Keywords: archive, archeography, historical sources, documents, scientific comments

Одним из наиболее важных направлений профессиональной деятельности сотрудников архивов и историков является подготовка к публикации исторических источников. Издание сборников документальных и нарративных источников по истории белорусских городов и регионов – это необходимое условие для успешной работы исследователей и краеведов. Появление научных публикаций исторических источников облегчает деятельность профессионалов и стимулирует всплеск интереса к прошлому со стороны людей, интересующихся отечественной историей и историей своего края.

Идея подготовить сборник документов и материалов, хранящихся в фондах госархива Брестской области, возникла на рубеже XX-XXI вв. Постепенно она обрела конкретные контуры и развилась в проект по изданию целой серии сборников документов и материалов по истории г. Бреста.

Первый сборник документов и материалов «Брест в 1919–1939 гг.» был издан в 2009 г. [1]. Работа над ним шла на протяжении трех лет. Это был первый подобный опыт совместной работы сотрудников госархива и преподавателей исторического факультета БрГУ имени А.С. Пушкина. Коллектив, занятый в подготовке сборника, столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, оригиналы абсолютного большинства архивных документов этого периода составлены на польском языке, поэтому необходимо было осуществить квалифицированный перевод текстов. Во-вторых, необходимо было обеспечить качественный отбор источников из колоссального массива. Следует подчеркнуть, что в фондах Государственного архива Брестской области отложилось огромное количество документов по истории Бреста межвоенного периода. Только в фонде №5 Брестского городского управления насчитывается свыше 11 тысяч единиц хранения (архивных дел). Поскольку г. Брест являлся центром Полесского воеводства, необходимо было проработать также фонд №1, в составе которого свыше 26 тысяч единиц хранения, и фонд №2 «Брестское поветовое староство», насчитывающий почти 8 тысяч единиц хранения. Всего в сборнике опубликованы документы, отложившиеся в составе 11 фондов. Кроме того, было решено включить в состав сборника материалы польских печатных изданий («Rocznik miasta Brześcia na rok 1930», «Informator miasta Brześcia na 1936 rok») и периодических изданий того времени. Выявление и отбор исторических источников для публикации в такой массе материалов – это был один из самых трудоемких и затратных по времени этапов работы.

Итогом напряженной работы стал сборник, впервые собравший документы и материалы по истории г. Бреста в 1919-1939 гг. Содержание опубликованных исторических источников позволяет изучать многие аспекты истории Бреста. Сборник состоит из 8 тематических разделов:

- Деятельность органов управления, местного самоуправления, полиции;
- Демографическая ситуация;
- Экономическая жизнь, городское хозяйство, транспорт;
- Общественно-политическая ситуация;

- Социальная сфера (санитарное состояние города, здравоохранение, образование, благотворительность);
- Культурная жизнь;
- Конфессиональная ситуация;
- Накануне и в первые дни Второй мировой войны.

В сборник включены самые разнообразные и разноплановые материалы: распоряжения, отчеты, информации, протоколы, статистические данные, сообщения, сведения, заявления, объявления, рапорты, донесения, уставы, публикации периодических изданий того времени и пр. Всего в сборнике «Брест в 1919–1939 гг.» представлено 187 документов, к которым составлено 379 научных комментариев о персоналиях, событиях, организациях, учреждениях и пр. деталях, упомянутых в публикуемых материалах. К научному обеспечению сборника, помимо научных комментариев, относятся предисловие, именной указатель, список улиц г. Бреста (с вариантами переименований), список сокращений, перечень публикуемых документов, перечень использованных источников.

Высокая оценка первого сборника документов и материалов из фондов Брестского государственного архива Брестской области по истории Бреста в 1919-1939 гг., данная в научных кругах и общественностью, нацелила на подготовку следующего сборника, изданного в 2012 г. – «Брест в 1939–1941 гг.» [2]. Если в ходе подготовки издания первого сборника проблема заключалась в “переизбытке материалов”, то при работе в фондах архива коллектив, занимавшийся выявлением и отбором документов по предвоенному периоду, столкнулся с проблемой дефицита источников. К сожалению, многие документы были безвозвратно утрачены в годы Великой Отечественной войны, поэтому архивные документы, касающиеся многих сторон жизни города в этот период, не образуют комплексов, не отражают явления в развитии, не обладают целостностью. Это не позволяет полностью осветить все изменения, происходившие в Бресте в 1939–1941 гг. Отчасти данную проблему компенсировали документы из фонда Кобринского временного управления, в составе которого отложились документы, касающиеся не только Кобрина, но и в целом территории западных областей Беларуси и Полесской (позже – Брестской) области.

Подборка документов и материалов, представленная в сборнике «Брест в 1939-1941 гг.», позволяет изучать общественно-политическую, экономическую и социально-культурную жизнь города. Публикуемые материалы освещают такие аспекты как снабжение населения, ценообразование, налогообложение, работа предприятий города и состояние торговли, городское хозяйство и благоустройство, социальное обеспечение и здравоохранение, образование, культурно-массовая и спортивная работа.

В сборнике представлены материалы архивных фондов Кобринского временного управления, Брестского облисполкома, Брестского горисполкома, финансового отдела Временного управления г. Бреста, финансового отдела Брестского горисполкома, отдела народного образования Временного управления г. Бреста и отдела народного образования Брестского горисполкома. Следует отметить, что в состав сборника включен широкий спектр документальных источников: Указы Президиумов Верховных Советов СССР и БССР, постановления СНК БССР, приказы командующего войсками Белорусского фронта, распоряжения Временного управления Полесской области, постановления и выписки из протоколов заседаний Брестского горисполкома за 1940-1941 гг., протоколы заседаний Брестского областного исполнительного комитета, постановления и протоколы заседаний бюро обкомов и горкомов партии и комсомола, протоколы партийных собраний, планы и отчеты о работе парторганизаций учреждений и предприятий города, списки первичных партийных организаций города, переписка с ЦК КП(б)Б, обкомами и райкомами и др. Кроме того были использованы публикации из областной газеты «Заря» и республиканской – «Советская Белоруссия». Материалы отражают деятельность органов управления, партийного аппарата, милиции, первые мероприятиях советской власти, преобразования в разных сферах жизнедеятельности (национализацию частных предприятий и крупных домовладений, переименование улиц, создание советских учреждений), подготовку и проведение выборов в Народное собрание Западной Беларуси и местные органы советской власти, состояние промышленности и торговли, здравоохранения, образования в городе, проводившуюся партийно-агитационную, культурно-массовую, физкультурно-спортивную работу. Всего в сборнике опубликовано 142 документа из 19 фондов. К ним составлены 277 научных комментариев.

Научно-справочный аппарат издания состоит из предисловия, примечаний по тексту и содержанию документов, списка сокращений, именного указателя, перечня использованных фондов, перечня публикуемых документов.

Логическим продолжением сборника, посвященного предвоенной истории г. Бреста, стала подготовка и издание в 2016 г. сборника документов и материалов о периоде немецко-фашистской оккупации города «Брест в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы» [3]. Следует отметить, что в Госархиве Брестской области отложились значительные фонды окружных, городских и районных комиссариатов, городских, районных и волостных управлений, промышленных предприятий, учреждений лесного хозяйства и транспорта, торговых, потребительских и кооперативных организаций, общественных национальных и социальных организаций, медицинских и учебных заведений, судебных инстанций,

банковских учреждений и других структур и учреждений, действовавших в период оккупации на территории Брестчины. Одним из наиболее содержательных и объемных фондов является фонд Брестского городского управления (ф. 201, оп. 1, 4.949 единиц хранения).

Документы периода оккупации 1941–1944 г. сохранились на разных языках: немецком, польском, русском, украинском и белорусском.

В сборнике «Брест в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы» опубликованы 334 документа, отражающие жизнь города в условиях оккупации: структуру оккупационного городского управления, различные аспекты установленного оккупационного режима, условия жизни населения, состояние городского хозяйства, деятельность торгово-промышленных предприятий, систему снабжения и продовольственного обеспечения, налоговую политику оккупантов, финансово-денежную ситуацию, состояние охраны здоровья и школьного дела, санитарное состояние города, демографическую ситуацию, а также деятельность подпольной партийной организации. Особое место занимают документы и материалы, раскрывающие сущность нацистской политики геноцида (дискриминацию еврейского населения, создание Брестского гетто и жизнь узников, акции уничтожения гражданского населения и военнопленных, организация принудительных работ, угон жителей Бреста в Германию).

Научно-справочный аппарат издания состоит из предисловия, примечаний по тексту и содержанию документов (в общей сложности 360 научных комментариев), списка сокращений, именного указателя, перечня использованных фондов и перечня публикуемых документов.

Таким образом, на протяжении 2009 – 2016 гг. совместными усилиями брестских архивистов и историков были изданы 3 сборника документов и материалов, представляющих историю г. Бреста в каждый из исторических периодов. Общими чертами всех трех изданий являются:

1. Единая концепция в том, что касается содержания, структуры и оформления серии. Составители сборников стремились охватить самые важные аспекты, касающиеся управления, городского хозяйства, социальной и культурной сферы развития г. Бреста.
2. Высокие стандарты археографической подготовки материалов к публикации. Отметим, что многие сборники документов, издаваемые другими белорусскими архивами, уступают сборникам серии по истории г. Бреста в вопросах, которые касаются научного комментирования текстов публикуемых документов и материалов.
3. Абсолютное большинство документов, включенных в сборники серии по истории г. Бреста, были опубликованы впервые.
4. Все три сборника серии проиллюстрированы фотографиями.

Общим для сборников документов серии является небольшой тираж (от 150 до 300 экз.), что оценивается как крайне недостаточное количество. Все три сборника сразу стали библиографической редкостью.

Идея и инициатива издания серии сборников по истории г. Бреста принадлежала директору Госархива Брестской области Анне Васильевне Теребунь. Она заложила фундамент этому важному начинанию, но, к сожалению, не успела увидеть издание первого сборника. Эстафету подхватила ее преемница на посту директора архива А.Г. Карапузова, которой в полной мере принадлежит заслуга в подготовке и издании серии на всех этапах этой сложной работы. Важно назвать историков и сотрудников архива, принимавших участие в выявлении и отборе документов, составлении научных комментариев и научного аппарата, археографической обработке документов: Никитенков В.И., Пашкович Е.И., Швайко В.Г., Мощук А.В., Струнец С.В., Даркович А.Л., Еленская И.Э., Калустова Г.Д., Кралько Н.М., Корнелюк И.М., Якута Н.В. Состав коллектива от сборника к сборнику несколько менялся, неизменным оставалось самое активное участие в подготовке изданий Е.С. Розенблата.

Издание сборников документов и материалов Государственного архива Брестской области «Брест в 1919–1939 гг.», «Брест в 1939–1941 гг.» и «Брест в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы» стало важным вкладом в подготовку празднования 1000-летия г. Бреста, отмечавшегося в 2019 году.

Серия будет продолжена, практически подготовлен и до конца 2022 года будет издан четвертый сборник архивных документов и материалов по истории г. Бреста, посвященный послевоенному периоду.

Изданные сборники документов и материалов по истории г. Бреста раскрывают потенциал Государственного архива Брестской области, показывая сохранившиеся исторические источники и помогая исследователям найти новые направления в изучении отечественной истории. Будем надеяться, что в перспективе образовавшееся содружество архивистов и историков представит новую серию сборников документов и материалов из фондов госархива Брестской области по истории Пинска, Кобрина, Барановичей, Иваново, Лунинца и других городов Брестской области.

1. Брест в 1919-1939 гг. : документы и материалы / Государственный архив Брестской области ; сост. А.Г. Карапузова, И.Э. Еленская, А.В. Теребунь ; гл. ред. Е.С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
2. Брест в 1939–1941 гг.: документы и материалы / Учрежд. «Государственный архив Брестской области»; сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат, Брест: Альтернатива, 2012. – 246 с.

3. Брест в 1941-1944 гг. Оккупация: документы и материалы / Учреждение «Государственный архив Брестской области» ; сост. : Г.Д. Калустова, А.Г. Карапузова, Е.С. Розенблат; ред. кол.: И.Э. Еленская, А.Г. Карапузова, Н.М. Кралько, Е.С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2016. – 316 с.

Научное издание

Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе
Выпуск 6

Сборник научных статей

Подписано в печать 11.03.2022. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Ризография.
Усл печ. л. 42. Уч.-изд. л. 39,4.
Тираж 15 экз. Заказ №. 389.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Полесского государственного университета.
225710, г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23.